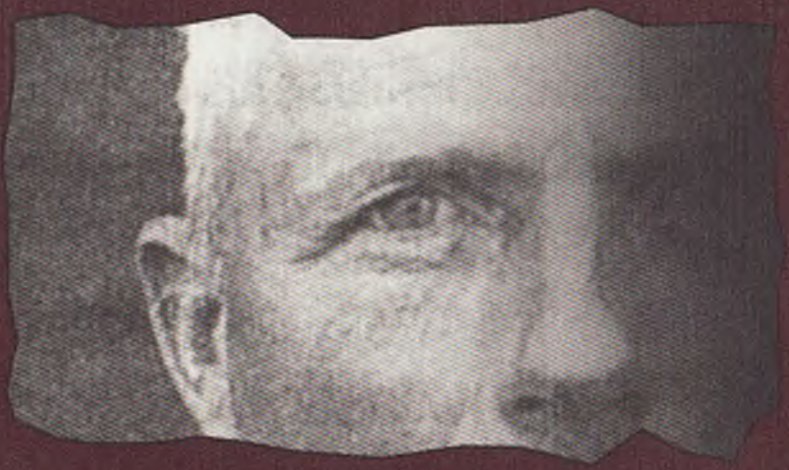
HISTORIA ROSSICA



Виктор Бердинских

Спецпоселенцы

Политическая ссылка народов Советской России

Виктор Бердинских

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА НАРОДОВ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2005

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)622 38
Б 48

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слезкин, Р. Уортман

Отв. редактор
В.И. Веремьёв

Бердинских В.А.
Б 48 **Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России.** — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 768 с., ил.

Книга известного российского историка, доктора исторических наук В.А. Бердинских посвящена закрытой доселе странице российской истории XX века — депортациям (массовой высылке) целых народов в 1930-е — 1940-е годы и системе спецпоселений. Если о миллионах заключенных сталинских лагерей писали достаточно много, то о «ссыльных народах» — российских немцах, калмыках, крымских татарах, раскулаченных русских крестьянах — исторической литературы практически нет. В книге на основе архивных данных, других уникальных материалов исследуется как механизм депортации, так и сама система спецпоселений. Русский Север, Казахстан и Сибирь — места размещения выселенных народов. Последствия сталинских акций раскрестьянивания и национального унижения миллионов остро ощущаются и в современной жизни России.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)622 38

ISBN 5-86793-357-1

© В. Бердинских, 2005
© «Новое литературное обозрение», 2005

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный зрак.
Г.Р. Державин

ВВЕДЕНИЕ

За последнее десятилетие в нашей стране вышло немало книг по истории ГУЛАГа. Сталинские лагеря — черная страница русской истории XX века. Но, как правило, литературу по этой теме составляют мемуары, сборники статей и сообщений, материалы научных конференций и общественных форумов, издания публицистического характера. Впрочем, на местах в России — в Сибири и в Республике Коми, в Архангельске и в Карелии, на Урале и в Вятке — то есть там, где существовали значительные лагерные комплексы 1930-х — 1960-х годов, уже появляются оригинальные, основанные на архивных материалах чисто исследовательские работы — монографии и коллективные труды

О миллионах заключенных сталинских лагерей помнят в России.Теме ГУЛАГа посвящено немало документальных и художественных фильмов, романов и повестей, песен и анекдотов.Но из массового сознания сегодняшнего российского общества почти совершенно выпала тема спецпоселений и спецпоселенцев.А ведь численность последних — если не в 1930-е, то в 1940—1950-е годы — примерно равнялась количеству всех заключенных ГУЛАГа. Страдания и лишения, выпавшие на долю бывших «кулаков», отечественных немцев, других «наказанных народов», вполне соизмеримы с мучениями политзаключенных сталинских лагерей.

Тяжкое, несмываемое клеймо «спецпосселенца», «сына (или дочери) спецпоселенца» вплоть до 1991 года обрекало миллионы людей в Советском Союзе на второсортность, постоянные унижения, ограничения в выборе профессии, в работе и в служебной карьере...

Трагичны судьбы миллионов людей и сотен тысяч семей бывших спецпоселенцев.Питомцы эпохи Великого Страха помалкива-

ли в советские годы, в большинстве своем их дети молчат и сейчас, не желая бередить раны прошлого, вспоминать о семейных трагедиях. Но сталинская «школа интернационализма» не может быть предана забвению ни русскими и украинцами, умиравшими от голода на Севере после раскулачивания, ни корейцами и калмыками, сооружавшими свои землянки в степях Казахстана, ни российскими немцами, рассеянными по лагерям и спецпоселениям страны на основании отметки в паспорте — в графе «национальность», ни чеченцами и ингушами, ни крымскими татарами и болгарами, ни поляками и финнами, а также многими тысячами жителей Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, Молдавии и Закавказья...

Понять механизм этого невиданного прежде в России (по своим масштабам и жестокости) национального унижения, оценить глубину социальных последствий этой трагедии сегодня остро необходимо. Для нас по-прежнему остается закрытым смысл многих сталинских акций такого рода. Между тем если ГУЛАГ — это, в значительной мере, явление надэтническое, то спецпоселение — это акция прежде всего национально ориентированная, важный инструмент Сталина для сплочения Советского Союза в «единое социалистическое целое». Кнут для целых народов, внедрение страха в кровь, в гены нации — вот что такое спецпоселения 1940—1950-х годов в СССР. «Кулацкая» ссылка 1930-х годов, безусловно, преследовала иные цели

Почти нет достоверной информации о том, как жили спецпереселенцы и спецпоселенцы в течение нескольких десятилетий (1). Но время все более настоятельно требует ответов на запретные ранее вопросы. Один из них: «массовые депортации», «спецпоселение», «ссылка и высылка» — что же это было в истории нашей страны, нашего народа, в судьбах отдельных семей и конкретных людей? Именно этим темам и посвящена моя книга.

* * *

Автор выражает самую искреннюю благодарность за многолетнюю помощь и поддержку в деле создания этой книги Владимиру Ивановичу Веремьёву — урожденному спецпоселенцу и прирожденному архивисту-исследователю.

Ах ты жизнь моя — морок и месиво.
След кровавый — круги по воде.
Как мы жили! — Как прыгали весело —
Карасями на сковороде.

Н. Коржавин

РАЗДЕЛ I

СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ И СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ

Составляется в 4-х экз.
1-2 экз. - по 2-й Отд. Ватлага,
3-й экз. - 2-й части лагпункта,
4-й экз. Сано Ватлага.

Акт о смерти

Мы нижеподписавшиеся Начальник лагпункта Зам Бурихин Е. И.

Начальник 2-й части Корнилова Н. Я. Начальник лазарета Шафранова М. В. Врач лазарета Величко В. Я.

Дежурная сестра _____ составили настоящий акт в том, что „8" числа мая м-ца 1942 г. в лазарете 5 ОЛП умер з/к. Бетхер год рождения Валтер Карлович 1911 г. р.

Акт погребения

Мы нижеподписавшиеся представитель 124 5 ОЛП Шапошников фельдшер Угрехелидзе

стрелок _____ рабочие _____

составили настоящий акт в том, что сего 10 мая 1942 г. на кладбище 5 ОЛП был предан земле труп з/к. Бетхер Валтер Карлович 32 лет осужденного Особым Совещ. НКВД 27.10.37 по ст. 1 ПД на 10 лет, вем. когда, стат. и срок умершего в больнице л. пр. № 5 в каком гробу, одежде и проч. 1 словесный [illegible] с.л. 35392 [illegible]

1942 года мая 10 дня. Стрелок [illegible]

Предсм. [illegible] Подписи [illegible]

Фельдшер [illegible]

Вхн 2 к 3-807 с
Зарег. 10/XII-55. К.

ПРОКУРОР РСФСР
№ 9/48с
28/XI-58 г.

Секретно.
экз. 25

ПРОКУРОРАМ ОБЛАСТЕЙ, КРАЕВ и АССР
ПРОКУРОРАМ г.г. МОСКВЫ и ЛЕНИНГРАДА

О Б З О Р

о недостатках в расследовании дел о контрреволюционных преступлениях

Указания директивных органов и Генерального Прокурора СССР требуют серьезного улучшения прокурорского надзора за расследованием дел о контрреволюционных преступлениях. Это улучшение немыслимо без активизации участия прокуроров в расследовании дел и строжайшего соблюдения норм УПК.

О качестве следствия: материалы имеющиеся в прокуратуре свидетельствуют о том, что прокурорский надзор и качество следствия по делам этой категории продолжают оставаться неудовлетворительными. По ряду дел прокуроры подменяют свое участие в следствии и оперативный надзор - последующим просмотром уже законченных дел /Омская, Ярославская обл./, ограничиваются учинением надписи на протоколах, не готовятся надлежащим образом к допросам и ограничивают свою роль присутствием при допросах, письменных указаний в процессе следствия либо не дают вообще, либо обращают внимание следственных работников на мелкие детали не вникая в существо дела, не следят за соблюдением установленных в законе сроков расследования, а безоговорочно поддерживают ходатайства об их продлении.

В процессе предварительного следствия не всегда тщательно и объективно исследуются все обстоятельства инкриминируемых преступлений. Показания свидетелей и обвиняемых зачастую не перепроверяются. Постановления на изъятие и приобщение к делу вещественных доказательств не всегда выносятся и поэтому в ряде случаев не представляется возможным судить, где, кем и при каких обстоятельствах были обнаружены эти вещественные доказательства.

Весьма характерным в этом отношении является дело по обвинению ЗАЙЦЕВА А.И. по ст.58-10 ч.I расследованное оперуполномоченным Севураллага.

Дело возбуждено 30/III-1955 года. ЗАЙЦЕВУ вменялось в вину изготовление и распространение в октябре 1953 г., июне, июле и августе 1954 г. среди заключенных лагеря листовок антисоветского содержания.

Н/об.

4

УТВЕРЖДАЮ: „Согласен"

Прокурор

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о направлении в спецпоселок)

1 Декабря 1934 года, в [illegible] ПП ОГПУ Горьк. края Зуевского р/о ОГПУ Козел рассмотрев материал на гр-на Акимова Михаила Артемовича 1912 года рождения, происходящего из [illegible] Тарасовского [illegible] подтверждающий, что гр-н [illegible] Михаил Артемович будучи в 1931 г. выселен на предел в [illegible] п-на [illegible] края/области в спецпоселок Горевка Нор[illegible] района [illegible] края/области, с места поселения бежал

ПОСТАНОВИЛ:

На основании приказа ОГПУ № 00315 от IX—33 г. гр-на Акимова Михаила Артемовича направить (этапом, спецконвоем, под подписку о явке) в ближайший спецпоселок [illegible] района Горьковского края, вместе с семьей

(перечислить имена

7

и возраст членов семьи)

всего в количестве 1 человек, о чем сообщить в Отдел Спецпереселенцев ПП ОГПУ Горьков/кру для вопроса личного дела на спецпоселка откуда бежал и сообщения ПП ОГПУ — с территории которого выселен.

Подпись [illegible]

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 27 декабря 1937 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ Д.1.
№ 872/ЛО о НЕТХЕР [illegible]ер, 1911 г.р., б.чл. [illegible] Германии.	НЕТХЕР Вальтера за к.р. до тальность – заключить в [illegible] ЛЕТ, сч. срок со дня ареста. Дело сдать в архив.

Отв. Секретарь Особого Совещания

§ 1. Сталинская «школа интернационализма» (идеология и статистика)

По данным Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР, составленным после смерти Сталина (1953 год), в период с 1936-го по1951-й год более 3 600 000 человек в Советском Союзе были репрессированы по национальному признаку. То есть люди, не совершившие никаких проступков даже по людоедскому законодательству той страшной эпохи, были, как тогда говорили, «подвергнуты репрессии» (заметьте: не осуждены, поскольку суда не было) просто из-за принадлежности к какому-то определенному народу. Подобного (в таких формах и объемах) история дореволюционной России не знала.

17 народов, проживавших в СССР, волею большевистского руководства страны, чьей официальной идеологией провозглашался интернационализм, то есть дружба народов, были полностью выселены в места принудительного содержания — на спецпоселение. Как правило, это были адреса, традиционные еще со времен царской ссылки: Русский Север (Архангельская, Вологодская области, Коми АССР), Урал, Сибирь. Огромной резервацией для высланных народов стал в советские годы Казахстан. Но в относительно небольших количествах спецпоселенцы были размещены практически во всех республиках, краях и областях СССР.

Какие же народы попали в разряд «провинившихся»? Прежде всего мы должны назвать немцев и ингерманландцев, калмыков и карачаевцев, балкарцев и кабардинцев, крымских татар, армян и болгар, а также ингушей и чеченцев, корейцев и греков, финнов и турок-месхетинцев, курдов и хемшилов. Если указанные этносы были депортированы полностью, то еще 48 народов СССР выселялись частично. Но это вовсе не означает, что «хождение по мукам»

водворенных на спецпоселение поляков и литовцев, эстонцев и латышей, «западных» украинцев, белорусов, молдаван и репрессированных из числа многих других национальностей не является и по сей день трагедией целых народов.

Каким же образом раскручивался маховик этой гигантской машины национального и социального унижения и террора? Как большевистское руководство в своей внутренней политике пришло к абсурдной (по самой своей цели) войне с народами собственной страны?

Февральская революция 1917 года упразднила ссылку как административное наказание. Известно, что именно это позволило многим будущим лидерам большевиков вернуться в центр страны из Сибири. В их числе был и Иосиф Сталин, находившийся в 1914—1916 годах в ссылке в Туруханском крае. Сразу после Октябрьской революции большевики не решались восстанавливать ссылку для своих политических противников. Но время «игры в демократию» быстро прошло, и уже в 1918 году в столицах (Москве и Петрограде) власти вновь ввели высылку — на срок от нескольких месяцев до года, правда, с правом проживания в губернских городах европейской России.

При этом сохранялись некоторые черты и традиции дореволюционной ссылки. Так, до места назначения высланные добирались самостоятельно, без конвоя. Они получали небольшое пособие и могли не работать. Но с течением времени сроки высылки все увеличивались, районы проживания все более удалялись от центра страны, а условия содержания резко ужесточались и ухудшались.

Декретом ВЦИКа от 10 августа 1922 года «Об административной высылке» создавалась «Особая комиссия» при НКВД РСФСР, выносившая решения о высылке определенных лиц на срок до трех лет. Высланные на местах находились под надзором территориальных органов Государственного Политического Управления (ГПУ) при НКВД РСФСР, с 1923 года — Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР. Уже в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 годов высылка и ссылка четко зафиксированы как меры наказания. Причем между этими двумя понятиями проведено четкое различие. Высылка — это основная мера наказания сроком до трех лет, а ссылка — дополнительное ограничение свободы сроком до пяти лет, применяемое после отбытия основного наказания.

Первой массовой социальной группой населения СССР, к которой начали широко применять высылку, стали так называемые

«лишенцы». Вначале — это чуждые по происхождению новой «рабоче-крестьянской» власти представители в прошлом имущих классов: дворянства, купечества, духовенства, дореволюционного бюрократического аппарата (прежде всего полиции), других (кроме большевиков и их «временных попутчиков») политических партий, «нэпманы» и интеллигенция. Но уже вскоре, с конца 1920-х годов, ряды «лишенцев» массово пополнили зажиточные крестьяне или просто противники коллективизации, то есть люди, в сущности, социально близкие новой власти, для которых она (во всяком случае, теоретически) и строила «коммунизм».

Если в 1924 году число «лишенцев» (лиц, лишенных избирательных прав), обладателей своеобразной «черной метки» для «органов», составляло (в целом по стране) в городах — 5,5 процента, а в сельской местности — 1,3 процента, то уже в 1927 году соответственно — 7,7 и 3,5 процента от общего числа избирателей (2).

И все же 1920-е годы — это лишь «нащупывание» вариантов советским руководством в области создания всеохватывающей системы внесудебных репрессий. Началом целенаправленной политики и практики широкомасштабных спецпереселений (депортаций) и существенного ограничения выселяемых в гражданских правах (во внесудебном порядке) следует считать 1930-й год.

Тотальная коллективизация сельского хозяйства в СССР сопровождалась массовым раскулачиванием части крестьянства. Власти убедились, что без применения элементов прямого террора (лишения имущества и высылки определенной части крестьянских семей целиком в каждом районе и селе) аграрную Россию в колхозы не загнать. Именно принудительная высылка крестьян с осени 1930 года из мест постоянного проживания в малонаселенные и необжитые районы страны и получила название «спецпереселение».

Высшее руководство решило разом убить двух зайцев: кроме изъятия оппонентов колхозной жизни на местах, руками миллионов выселенных крестьян начать промышленное освоение природно-сырьевых ресурсов Севера, Сибири и Урала. Идеология индустриализации этих регионов подневольным трудом стала господствующей — и надолго.

Экономические интересы государства, его курс на промышленную революцию требовали огромного числа рабочих рук, сырья и возможности легко манипулировать людскими ресурсами. Именно в жертву этому курсу, в основу которого была заложена агрессивно-утопическая, милитаристская внешнеполитическая доктрина,

сталинское руководство и принесло миллионы человеческих жизней и раздавленных людских судеб.

При отсутствии опыта, элементарных навыков управления, при полном отрицании гуманности по отношению к людям («интересы государства — все, интересы личности — ничто») переселение «бывших кулаков» превратилось в варварскую акцию уничтожения — враждебную здравому смыслу, реальным экономическим интересам и нуждам страны. До трети депортированных погибали в дороге, а также во время обустройства на новых местах обитания. Очень существенна и доля бежавших.

По сути, спецпереселение — это форма принудительной депортации с применением к раскулаченным ряда правовых ограничений. Формально-юридически спецпереселенцы не являлись лишенными свободы (судебные решения по их делам не выносились), но фактически были репрессированы, поскольку лишались двух важнейших прав — избирательного (признавались «лишенцами») и права на свободное передвижение (им было запрещено под страхом уголовной ответственности покидать спецпоселки) (3).

Как и всех «лишенцев» страны, спецпоселенцев контролировали «органы»: на первом этапе — ОГПУ, а с 1934 года реально всем процессом массовых депортаций ведала система НКВД (позднее — МВД и в начале 1950-х годов — МГБ СССР), где на протяжении многих лет существовал отдел спецпоселений. В 1930-е годы этот отдел входил в состав ГУЛАГа.

Менялись лишь названия этого отдела, но задачи и функции его оставались прежними:

1931—1934 годы — отдел по переселенцам ГУЛАГа ОГПУ при СНК СССР;

1934—1940 годы — отдел трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР;

1940—1941 годы — Управление исправительно-трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР;

1941—1944 годы — отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР;

1944—1950 годы — отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР;

1950—1953 годы — 9-е управление МГБ СССР;

1953—1954 годы — отдел «П» МВД СССР;

1953—1959 годы — 4-й спецотдел МВД СССР (расформирован приказом МВД СССР от 27 марта 1959 года № 097, а его функции переданы в Главное управление милиции). Параллельно существовали также: Всесоюзный Переселенческий комитет, а затем —

Переселенческое управление при Совнаркоме СССР (1930-е годы), Отдел спецпоселений НКВД СССР (1941—1942 годы).

Спецпоселками управляли комендатуры ОГПУ (затем — НКВД-МВД-МГБ) во главе с комендантами, обладавшими всей полнотой гражданской власти в этом бесправном мирке.

Если спецпоселенцев отправляли для работы в промышленности (на крупную стройку, на завод, шахту и т.п.), то на соответствующем предприятии учреждался спецпоселенческий отдел, распоряжавшийся этой «рабсилой». При этом поселенцы оставались приписанными к определенной спецкомендатуре — со всеми вытекающими из этого для них обязанностями.

Казалось бы, переселение и трудоиспользование крестьян — людей, пригодных к любой физической работе, неприхотливых в быту, привычных к тяжким условиям жизни, — должно было принести огромный экономический эффект государству. На практике все оказалось иначе. Спецпоселки создавались в суровых климатических зонах, нередко в лесу или на болоте, где отсутствовали минимально необходимые для человеческой жизни условия. Тяжелейшие условия этапирования, гибель от голода и холода значительного числа переселенцев в течение первого же года после депортации, борьба с бесчисленными и ничем не оправданными бытовыми трудностями — все это привело к тому, что основная часть сил переселенных была потрачена просто на физическое выживание.

Устремления миллионов людей в значительной мере были направлены на преодоление искусственно созданных — головотяпством высшего, среднего и местного руководства — проблем и препятствий. Иначе как преступным расточительством ресурсов нации это назвать нельзя. Лишенные родины, близких, морально униженные и политически уничтоженные люди не могли хорошо работать по определению.

Изъятые из прежних мест проживания, они лишили и эти районы страны инициативного, качественного труда и его продуктов — ведь на своей «малой родине» это были, как правило, наиболее работоспособные и оборотистые хозяева, истинные хлеборобы. Страна обеднела вдвойне.

Клеймо «врага» обязывало коренное население и территориальные власти, руководителей хозяйственных организаций относиться к поселенцам-«чужакам» жестоко и беспощадно. Этих людей посылали «к черту на рога» не жить и работать, а страдать и умирать — об этом откровенно говорили местные чиновники, встречая

все новые и новые спецпереселенческие этапы. Дискриминация в оплате труда, ужасные жилищно-бытовые и социальные условия, постоянные перемещения с одного пристанища на другое — все это также удручающе сказывалось на работе поселенцев. Для них преднамеренно создавались критические, невыносимые условия существования. Огромные затраты на проведение депортаций, на содержание сети, аппарата и охраны спецкомендатур, на строительство спецпоселков чудовищно усугублялись и традиционной российской неразберихой, и бюрократической безответственностью.

Высокая смертность и низкая производительность труда — таковы два главных последствия «кулацкой ссылки» начала 1930-х годов. Отношение к людям — значительно более безжалостное, чем к рабочему скоту, — коренная причина малой хозяйственной «отдачи» спецпоселений. Рабство в XX веке прагматически не выгодно. Но политическое руководство страны, ослепленное собственными прожектами, в полной мере этого не сознавало и на долгие годы смирилось с низкой экономической эффективностью принудительного труда.

Постепенно создавалась определенная инфраструктура сети спецпоселений в СССР. В малоосвоенных северных районах и в Сибири нередко число переселенцев превышало наличие местного населения. Низкая адаптированность «спецколонистов» — из центра и с юга страны, из Украины и Кавказа — к суровому климату Севера, полная их неприспособленность к жизни в этих экстремальных условиях ставили под сомнение саму идею «рентабельности» подневольной «рабочей силы». Но поскольку ссылка стала главным методом ограничения прав для миллионов раскулаченных и в условиях полной закрытости этой структуры для внешнего мира — «верхи» получали лишь ту информацию, какую желали услышать.

Достоверно выяснить экономический «эффект» спецпоселений сегодня невозможно.

Во-первых, применение труда ссыльных происходило путем заключения договоров между карательно-исполнительными структурами и различными хозяйственными ведомствами и организациями (очень много подневольных контингентов «трудоиспользовалось», в частности, в лесной промышленности). В большинстве своем эти организации существовали кратковременно, лишь на определенный период — для решения конкретной хозяйственной задачи. А ведь именно они, как принимающие работодатели, были формально обязаны возводить и обустраивать поселки для раску-

лаченных, обеспечивать их продовольствием, создавать социально-бытовую инфраструктуру.

Но, видя в поселенцах лишь временных работников, да еще и враждебных существующему строю, такого рода организации категорически не желали вкладывать деньги в создание благоустроенных спецпоселений. Впрочем, они нередко и сами просто не имели для этого ни средств, ни ресурсов — сидели на «голодном финансовом пайке» государственного бюджета.

Во-вторых, организация спецпоселков в начале 1930-х годов (да зачастую и в последующее время) носила непродуманный, стихийный, хаотический характер. Сеть спецпоселений страны имела следующие отличительные особенности. Прежде всего, само их существование было явлением временным, связанным с определенной хозяйственной потребностью в «рабсиле» — именно в это время и в этом месте. После завершения строительства объекта, вырубки леса в округе и тому подобное — такой поселок ликвидировался, а спецпоселенцы перебрасывались по приказу на другой «объект». При отсутствии стабильности даже нумерация поселков в одних и тех же районах менялась настолько калейдоскопически, что восстановить ныне их подлинное местоположение иногда просто невозможно.

Другой особенностью сети спецпоселений была ее закрытость для внешнего мира. Режим сверхсекретности окружал всю деятельность этой системы и информацию о положении ее «подопечных». И эта дымовая завеса «государственной тайны» оставалась абсолютно непроницаемой на протяжении десятилетий — вплоть до конца минувшего века...

Если 1930—1932 годы — это период массового переселения раскулаченных, то 1933—1936 годы — время создания устойчивой сети спецпоселений, которая и стала базой для еще более масштабных акций такого рода в 1940-х годах. По сведениям В.Н. Земскова, в 1930—1931 годах были отправлены на поселение 391 026 семей общей численностью 1 803 392 человека (4). Отметим, что это данные только центральных органов — наркоматов и ведомств. В реальности, судя по всему, число спецпереселенцев было существенно большим. Так, только в Северный край (Архангельская, Вологодская области и территория современной Республики Коми) в эти же годы были доставлены более 350 000 раскулаченных.

Создаваемые спецпоселения делились — в соответствии с производственной направленностью — на промышленные, лесные, сельскохозяйственные и промысловые. Например, по данным

Л.Н. Мазур, в Магнитогорске (1932 год) имелись 3 спецпоселка (40 426 человек), в Нижнем Тагиле — 8 спецпоселков (13 884 человек).

Эти поселки-резервации размещались рядом с крупными городами, но застраивались бараками на строго определенных участках, образуя режимную зону. Другими словами, поселенцы изолировались от вольнонаемных рабочих. Бараки коридорной системы с кирпичными очагами и двойными нарами отличались неухоженностью и грязью. Питьевая вода чаще всего отсутствовала. Пили речную, а нередко и болотную воду. Отсюда — постоянные инфекции и эпидемии (сыпной тиф, дизентерия).

Лесные поселки создавались для заготовки и сплава древесины в Северном крае, в Кировской области, на Урале и в Сибири. Если вначале и там сооружали бараки-времянки на 100—150 человек, оборудованные сплошными нарами, то затем перешли к строительству поселений, состоявших из отдельных, относительно небольших зданий.

Сельскохозяйственные поселения воспроизводили традиционный тип русской деревни. Бывали и случаи «расквартирования» депортированных в существовавших ранее населенных пунктах («подселение» к местным жителям). Поскольку, как уже отмечалось, раскулачиванию подвергалась наиболее трудолюбивая и предприимчивая часть крестьянства, то кое-где и, как правило, ценой неимоверных усилий и затрат к концу 1930-х годов поселенцам удавалось создать на голом месте, в сложных климатических условиях сравнительно процветающие и даже «богатые» коллективные хозяйства.

На 1 июля 1938 года на учете Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР состояли 997 329 трудпоселенцев, которые проживали в 1741 трудпоселке. В основном — это русское и украинское население. В среднем — по 573 жителя в каждом спецпоселке. Поселения при промышленных предприятиях были многолюднее, прочие — с меньшим числом «спецконтингента».

В 1930—1934 годах депортированные «кулаки» именовались в официальных документах «спецпереселенцами», в 1934—1944 годах — «трудпоселенцами», а в 1944—1956 годах — «спецпоселенцами». Впрочем, и в документообороте МВД-МГБ конца 1940-х — начала 1950-х годов понятие «спецпереселенцы» по-прежнему употребляется и трактуется нередко более широко, чем понятие «спецпоселенцы», включая в себя всех перемещенных с ограничениями в правах лиц, в том числе и прежде всего ссыльных. Фор-

мально в тот период к спецпоселенцам причислялись те, кто жил в отдельных спецпоселках, ссыльные же размещались и рассредоточивались более широко — в обычных селах и городах, с запрещением права выезда из них и с «собственной инициативой» в трудоустройстве. Между тем в служебных бумагах местных властей в эти годы термины «спецпереселенцы» и «спецпоселенцы» зачастую употреблялись как синонимы, а «трудпоселенцами» продолжали именовать только сохранившиеся остатки «кулацкой» ссылки.

Массовая высылка этнически более или менее компактных групп населения СССР началась с середины 1930-х годов. Первой такого рода акцией следует, очевидно, считать выселение в 1935 году из окрестностей Ленинграда в Вологодскую область 30 000 финнов-ингерманландцев. В 1936 году из Волыни (Украина) депортированы 49 000 поляков и 15 000 немцев.

В 1937 году с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан были выселены корейцы (более 170 000). Летом 1945 года начался перевод их (около 120 000 человек) на режим спецпоселения. Но в связи с капитуляцией Японии этот процесс был прекращен, и корейцы так и не стали спецпоселенцами. Формально они считались «административно высланными».

Тенденция «наказания народов» резко усилилась с началом Второй мировой войны (сентябрь 1939 года) и приобрела гигантские масштабы в первые же дни после 22 июня 1941 года. А год 1944-й стал периодом поистине тотального переселения народов в СССР.

Уже первые массовые этнические депортации 1935—1937 годов обнаружили ряд особенностей, присущих сталинскому режиму и широко проявившихся в последующие периоды. Прежде всего, это — шпиономания и шпионофобия (столь присущие советской стране того времени в целом), которые являлись главным формальным поводом и для действий ее высшего политического руководства. Именно «наличием большого числа японских шпионов» среди корейцев обосновывалась депортация этого народа — и в узком кругу верховных кремлевских вождей, и для широких масс обывателей. Ну а вина отдельных «шпионов» («предателей», «изменников», «пособников», «агентов» и т.д. и т.п.) автоматически распространяется на весь «породивший их» этнос. В литературе уже многообразно описывался карательный механизм тех лет, но то, что тайной пружиной, двигателем этого террора являлся искренний параноидальный страх Сталина и его ближайшего окружения потерять власть или проиграть заведомо предполагавшуюся, а затем реально и «внезапно» разразившуюся войну, как-то затушевыва-

лось. Узурпация власти большевиками порождала у многих лидеров режима ощущение зыбкости своего политического положения, неуверенности в собственных силах, нелигитимности своего нахождения у государственного кормила. Постоянная война с реальным или вымышленным врагом, нагнетаемая ею ксенофобия в конечном счете неизбежно приводили к перестраховке в применении силовых методов управления, к абсолютной безжалостности, противоречащей и здравому смыслу и насущным экономическим интересам страны. Именно в такой ситуации — постоянной и всеохватывающей подозрительности — по комару били пудовой кувалдой, варварски сокрушая все вокруг, не жалея при этом и молотобойца, и собственно молота.

Следующей важной особенностью, присущей действиям властей по отношению к «наказанным народам», стало следующее. Война или подготовка к ней требуют мер чрезвычайных — даже в условиях диктатуры — и вне каких-либо правовых рамок и норм. По сути дела, для достижения конечной цели считаются приемлемыми любые средства, а их юридическое обоснование либо откладывается «до лучших времен», либо не применяется вообще. Даже указы Президиума Верховного Совета СССР (излюбленное орудие Сталина для оформления наиболее беззаконных карательных акций против отдельных категорий граждан — и не только собственной страны) отсутствуют при проведении репрессий против многих народов. В 1939—1945 годах режим чрезвычайщины торжествовал беспредельно и существовавшее формально текущее советское законодательство либо практически приостанавливалось, либо просто не исполнялось. Чего стоит, например, хотя бы запрет в годы войны на освобождение из лагерей заключенных, отбывших сроки наказания. Полагалась априорно возможной и достаточно легитимной акция любого рода — санкционированная решением лично Сталина или Политбюро и оформленная постановлением Государственного Комитета Обороны (ГОКО), Совнаркома, а то и просто отдельного ведомства (НКВД, Наркомата обороны и т.п.).

Таким образом, режим диктатуры поставил себя вне действующего законодательства и обеспечил себе свободу рук в отношении любых категорий населения. Порой основанием для интернирования сотен тысяч людей становились даже решения военных советов фронтов (пример — акции по «освобождению приграничных областей от подозрительных элементов») и другие — совершенно несостоятельные политически и немотивированные юридически — директивные акты.

Менталитет, личные пристрастия и антипатии Сталина — следующая особенность, присущая для депортаций в целом, а для этнических репрессий — доминирующая и определяющая. Вдвойне значимой эта особенность становилась при решении вопросов о выселении того или иного кавказского народа. Вероятно, здесь существенную роль играло и мнение Л.П. Берия — уроженца Закавказья, западногрузинской области Мегрели (Мингрелии).

Иррациональность, необъяснимость применения репрессий, в том числе и этнических, — особенность властного механизма любой диктатуры, где полностью отсутствуют обратная связь и достоверная информация о действиях высшего руководства. Элемент случайности в такого рода внутренней политике верховного диктатора всегда очень велик: да, калмыков (чеченцев, карачаевцев и т.д.) депортировали, но могли и не трогать, не будь на то «высочайшего повеления»... Нельзя преуменьшать и существенную самостоятельность, каковой обладали (при решении круга «своих» вопросов, в пределах своей «компетенции») ближайшие сподвижники Сталина — Л.П. Берия, А.А. Жданов, Г.М. Маленков, В.М. Молотов.

Культ насилия в решении любых политических проблем, утвердившийся в мировоззрении Сталина со времен Гражданской войны, его уверенность в том, что только грубая сила и страх эффективны в социальной политике, — существенная черта сталинского стиля управления. А в государственном механизме диктатуры такого типа роль любого личного мнения «Первого Лица» чрезвычайно значима.

Не будем забывать и о примитивности мышления советской бюрократии, о пренебрежении ею (как неэффективными, на ее взгляд) демократическими механизмами решения внутренних проблем. И этот культ насилия — как главного средства достижения политических целей — с особенной наглядностью проявился в масштабной высылке (полностью или частично) десятков народностей в период 1939—1945 годов.

Уверовав — после «кулацкой ссылки» — в то, что труд спецпереселенцев не столь экономически эффективен, как труд заключенных, советские властители преследовали в этнических депортациях прежде всего конкретные политические цели:

— устрашение вновь присоединенных к СССР народов (эстонцы, латыши, литовцы — в Прибалтике, молдаване — в Бессарабии, поляки, украинцы, белорусы — в Закарпатье и Подолии);

— подготовка приграничных или прифронтовых территорий к военным действиям (финны, ингерманландцы, поляки и т.п.);

— возмездие главному противнику и его союзникам в связи с началом войны (этнические немцы, венгры, румыны и т.д.);

— наказание за неправильное (по мнению кремлевского руководства) поведение того или иного этноса в период германской оккупации (народы Крыма, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы и т.д.).

Таким образом, с точки зрения московских властей сталинской эпохи, этническая депортация была нужна как одна из комплекса мер, рассчитанных на то, чтобы, во-первых, выиграть войну (или к ней максимально тщательно подготовиться); во-вторых, укрепить СССР как многонациональную общность народов, поскольку единственно надежным цементом такого единства признавался только страх; и, в-третьих, использовать подневольную рабочую силу в государственных интересах там, где обычные, формально свободные люди работать не будут (да и физически не могут).

Обратимся к особенностям отдельных, конкретных депортаций тех лет. Политическая ситуация перед 1941 годом менялась довольно быстро, и именно большая политика причудливо отразилась на судьбе новой волны спецпереселенцев 1940—1941 годов, именуемой в официальных документах НКВД «польскими осадниками и беженцами». По документам тех лет, их было выселено (до начала Отечественной войны) чуть более 200 000. «Осадники» — это колонисты, переселенные польскими властями в 1920—1930-х годах из центральных областей страны в присоединенные к ней восточные территории (Галиция, западные регионы Украины и Белоруссии) и получившие там на льготных условиях земельные угодья. Эти люди выполняли в местах своего нового поселения и определенные военно-полицейские функции, являясь в тех краях опорой центральной польской власти. А после вхождения этих территорий в состав СССР «осадники» были признаны «врагами Советской власти» и вместе с семьями отправлены по этапу, вновь на восток, но теперь уже далеко за «линию Керзона» — в ссылку.

Характерно, что учет депортируемых велся и в Москве и на местах именно по потокам, шедшим на поселение во исполнение какого-то конкретного указа, распоряжения или комплекса директивных документов, посвященных одному этносу или социальному слою. В перечне категорий спецпоселенцев, который приводится ниже, мы ясно видим все основные волны этнических и социальных репрессий, которыми и были водворены в ссылку эти люди.

Документ 1

Контингенты спецпоселенцев на 1 января 1953 года (по данным В.Н. Земскова) (5)

Контингенты	Состояло на учете	В том числе:		
		Находилось в наличии	Числилось в розыске	Было арестовано
1. НЕМЦЫ	1224931	12094	30834	14667
выселенные	855674	846340	642	8692
репатриированные	208388	203796	147	4445
местные	111324	110332	25	967
мобилизованные	48582	48001	20	561
другие	963	961	—	2
2. С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	498452	489118	107	9227
чеченцы	316717	310630	78	6009
ингуши	83518	81100	21	2397
карачаевцы	63327	62842	7	478
балкарцы	33214	32887	1	326
другие	1676	1659	—	17
3. ИЗ КРЫМА	204698	199215	333	5150
татары	165259	160734	207	4318
греки	14760	14486	33	241
болгары	12465	12193	18	254
армяне	8570	8310	44	216
другие	3644	3492	31	121
4. «ОУНОВЦЫ»	175063	171566	358	3139
5. ИЗ ПРИБАЛТИКИ (1945—1949 гг.)	139957	138337	162	1458
литовцы	81158	80189	157	812
латыши	39279	38911	3	365
эстонцы	19520	19237	2	281
6. ИЗ ГРУЗИИ				
в 1944 г.	86663	86100	55	508
турки	46790	46516	39	235
курды	8843	8694	11	138
хемшилы	1397	1385	—	12
другие	29633	29505	5	123
7. КАЛМЫКИ	81475	79376	59	2040
8. «С ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ»				
в 1949 г.	57142	56858	5	279
греки	37352	37188	1	163

Продолжение таблицы

Контингенты	Состояло на учете	В том числе:		
		Находилось в наличии	Числилось в розыске	Было арестовано
«дашнаки»	15486	15395	3	88
турки	1794	1778	1	15
другие	2510	2497	—	13
9. «ВЛАСОВЦЫ»	56746	39872	618	16256
10. ПОЛЯКИ	36045	35820	6	219
11. ИЗ МОЛДАВИИ в 1949 г.	35838	35415	14	410
12. ПО УКАЗУ ПВС СССР от 2 июня 1948 г.	27275	25061	51	2163
13. БЫВШИЕ КУЛАКИ	24686	24391	85	210
14. КУЛАКИ ИЗ ЛИТВЫ в 1951 г.	18104	18097	2	5
15. ИЗ ПРИБАЛТИКИ в 1940—1941 гг.	14301	14061	63	177
16. ИЗ ГРУЗИИ в 1951—1952 гг.	11685	11679	—	6
17. ИЗ МОЛДАВИИ в 1940—1941 гг.	9793	9727	5	61
18. ИЕГОВИСТЫ	9363	9324	1	38
19. ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1942 г.	6057	6046	—	11
20. ИЗ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УССР и БССР в 1940—1941 гг.	5592	5588	—	4
21. «ФОЛЬКСДОЙЧИ» И «НЕМЕЦКИЕ ПОСОБНИКИ»	4834	4674	33	127
22. ИРАНЦЫ	4707	4665	4	38
23. «АНДЕРСОВЦЫ»	4520	4515	1	4
24. КУЛАКИ ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ в 1952 г.	4431	4431	—	—
25. «БАСМАЧИ»	2747	2735	—	12
26. КАБАРДИНЦЫ	1717	1672	7	38
27. КУЛАКИ ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ в 1951 г.	1445	1445	—	—

Продолжение таблицы

Контингенты	Состояло на учете	В том числе:		
		Находилось в наличии	Числилось в розыске	Было арестовано
28. ИЗ ПСКОВСКОЙ ОБЛ. в 1950 г.	1356	1351	—	5
29. КУЛАКИ ИЗ ИЗМАИЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ в 1948 г.	1157	1153	—	4
30. «ИСТИННО ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ» («ИПХ»)	995	901	2	92
31. С ИРАНСКОЙ И АФГАНСКОЙ ГРАНИЦ в 1937 г.	916	916	—	—
32. ПО УКАЗУ ПВС СССР от 23 июля 1951 г.	591	585	3	3
33. ИНТЕРНИРОВАННЫЕ С ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ	74	74	—	—
ИТОГО:	**2753356**	**2694197**	**2808**	**56351**

Таким образом, к 1953 году на спецпоселении содержалось максимальное число людей за весь советский период отечественной истории. Тому способствовали и новые драконовские меры центральных властей в конце 1940-х годов. Возможно, у Сталина были далеко идущие планы дальнейшего расширения «ссылки народов» за счет очередных «провинившихся» этносов, но осуществление этих планов перечеркнули его смерть и последовавшая за ней, по известному выражению У. Черчилля, «схватка бульдогов под кремлевским ковром».

В приведенной выше таблице зафиксированы официальные термины для разных категорий поселенцев, под которыми они и значились в соответствующих учетных документах. Именно словопонятие, как клеймо, присвоенное целому депортированному «контингенту», стояло и на обложке личного дела (как объяснение причины высылки), а также в учетной карточке каждого поселенца.

Иногда этот термин совсем не имел национального оттенка, хотя в условиях тех лет все прекрасно понимали, что он означает в реальном контексте. Так, «оуновцами» (от названия Организации украинских националистов — ОУН) именовались высланные вме-

сте с семьями из Западной Украины в 1944—1952 годах сторонники формирований «бандеровцев», «мельниковцев» и т.п. В основном — это «западные украинцы» из Львовской, Станиславской (Ивано-Франковской), Ужгородской (Закарпатской), Черновицкой и других областей Подолья и Восточных Карпат.

В числе «власовцев» находились представители многих народов СССР, но преобладали здесь русские. Этнические поляки, выселенные в 1936 году из пограничных областей страны (30 045 человек), проходят отдельной строкой — как особый контингент, со своей отдельной судьбой, во многом отличной от участи собственно польских «осадников» или «андерсовцев».

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года выселялись (на срок до 8 лет) колхозники и другие сельские жители — за «невыработку обязательного минимума трудодней» (в чиновничьем обиходе их называли также «тунеядцами»). Под «басмачами» (выселены в 1950 году из Таджикистана) значились в основном таджики (71 процент) и узбеки (23 процента).

Нельзя не отметить, что состав даже таких «консолидированных» категорий поселенцев, как, например, немцы, крымские татары и некоторые другие, не был этнически абсолютно однородным. Среди них в небольших количествах наличествовали и представители иных народов — связанные семейными, родственными узами, а иногда — при очередном массовом выселении — просто попавшие «органам» под «горячую руку».

Основную часть спецпоселенцев составляли немцы. При этом 446 480 из них были выселены в начале войны из бывшей АССР немцев Поволжья и соседствоваших с нею областей (Саратовской, Сталинградской), а остальные взяты на учет по всей территории СССР (в том числе в действующей армии) и затем также этапированы «к местам обязательного поселения».

После войны эту категорию спецпоселенцев значительно пополнили возвращенные (в основном из Германии) немцы-репатрианты, которых оккупанты в обязательном порядке эвакуировали при своем отступлении из пределов СССР, а также немцы, ранее мобилизованные в «трудовую армию» (помимо спецпоселения), и так называемые «местные» немцы («аборигены», проживавшие прежде и постоянно в регионах Сибири, Урала и Севера). Таким образом, около 1 250 000 немцев к 1953 году составили почти половину всех спецпоселенцев в СССР. И единственным основанием для применения к ним репрессии стала отметка в паспорте или

личном деле — в графе «национальность». Отметим: если за всю войну (1941—1945 годы) на поселение поступили 949 829 немцев и здесь сыграли определенную роль соображения и действия армейского командования — по части превентивных мер безопасности, то послевоенное увеличение «немецкой составляющей» контингента спецпоселений — целиком и полностью «заслуга» органов НКВД-МВД-МГБ, что несет на себе несмываемое клеймо произвола, беззакония, геноцида.

Депортация народов Северного Кавказа (прежде всего чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев) была проведена в 1943—1944 годах. В момент прибытия на спецпоселение на учете по этой категории стояли 608 749 человек. Однако из-за высокой смертности в первые два-три года ссылки численность этих народов существенно сократилась.

В 1944 году из Крыма были депортированы издавна проживавшие там татары, греки, болгары и армяне. Из них на учет спецпоселения были поставлены 228 392 человека. Десятки тысяч жителей солнечной Тавриды погибли в тяжелых для них климатических условиях, и лишь примерно через пять лет после высылки (что, по усредненным показателям, было свойственно и для других «наказанных народов») рождаемость среди них превысила смертность. Тысячи крымчан, как и в случаях других принудительных миграций, бежали при этапировании, не доехали до мест поселения. Довольно нехитрым способом (изменив анкетные данные и не встав на спецучет — достаточно было, скажем, записать себя казанским, а не крымским татарином) многим удалось спасти себя и своих близких, в первую очередь — детей. Между тем контроль «органов» становился все более жестким, изощренным и всеобъемлющим: сложнее стало «спрятаться» и укрыться в городах, на стройках, в колхозах.

По централизованным данным, в 1945—1949 годах из Прибалтики были выселены на спецпоселение (а точнее — доставлены к местам назначения) 142 543 человека (эстонцы, латыши, литовцы и др.). В категории «выселенных из Грузии в 1947 году» основную массу составили турки-месхетинцы, то есть коренные жители Южной Грузии, смертность среди которых в ссылке также была очень высока. Депортация калмыков проведена в 1943—1944 годах. На учет спецпоселения тогда поставлены 91 919 человек. Под категорией «выселенные в 1949 году с Черноморского побережья» значились проживавшие в этом регионе греки, армяне (последние обо-

значены в таблице как «дашнаки») и около 2000 турок. Смысл этой репрессии, проведенной через четыре года после окончания войны, заключался, с точки зрения союзных властей, вероятно, в том, чтобы сделать приграничную причерноморскую зону свободной от неблагонадежных (опять-таки по мнению сталинского руководства) элементов. И в этих, и в других случаях НКВД-МВД-МГБ не дают сведений о числе умерших при этапировании (а условия транспортировки были всегда очень тяжелые) и о бежавших в пути. Но хотя колоссальные демографические «издержки» времен «кулацкой высылки» 1929—1930-х годов (сотни тысяч умерших и бежавших) остались при депортациях 1940-х годов непревзойденными, тем не менее и здесь безвозвратные человеческие потери были немилосердно велики.

«Отец народов», видимо, представлял СССР как гигантскую шахматную доску, фигуры на которой он мог — в зависимости от своих замыслов — передвигать с одного поля на другое, в ту или иную сторону, по вертикали и горизонтали, вкривь и вкось, не придерживаясь каких бы то ни было правил и условий. При этом не возбранялось жертвовать любыми фигурами — во имя достижения некой мифологической, а на поверку нередко и преступной «конечной цели». Ради высших политических интересов допустимо все.

Еще в своем дооктябрьском (1913 года) сочинении «Марксизм и национальный вопрос» Сталин утверждал: «Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры» (7).

Осваивать «высшую культуру», по мнению Сталина уже 1950-х годов, «запоздалые народы» должны были на лесоповале Урала и Сибири, в шахтах Воркуты, в казахстанских колхозах и колымских рудниках. Идея «перетасовки» народов, классов, слоев общества, подгоняемых квазимарксистским кнутом государства, перемешивание кипящего социального котла, разрушение всех старых классовых, сословных и национальных традиций — все это вполне импонировало политической стратегии Сталина и было, с его точки зрения, игрой на опережение реального или мнимого противника.

Так, если предвоенными депортациями Сталин готовил к войне с Германией и Японией приграничные области, а в период Великой Отечественной войны принудительным переселением немцев, калмыков, северокавказских и других народов пытался страхом и насилием скрепить этническое единство страны перед реальной

угрозой ее целостности и независимости, то в послевоенные годы он просто мстит «предавшим», по его мнению, категориям населения («власовцы», бывшие военнопленные, репатрианты и т.п.) и советизирует вновь присоединенные к СССР страны и территории (Прибалтика, западные регионы Украины, Белоруссии и Молдавии). Из последних в ссылку отправлены выявленные в срочном порядке «кулаки», а также «буржуазные элементы», члены семей «националистов» и непримиримые идейные противники советской власти. К таковым можно с полным основанием отнести, в частности, и приверженцев религиозного объединения «Свидетелей Иеговы» («иеговистов»), выселенных из различных мест СССР в 1951 году.

Чистка приграничных территорий является также одним из весомых доказательств того, что Сталин всерьез готовился в последние годы своей жизни к войне с США и всем «западным миром», и здесь опять-таки безумная цель оправдывала самые чудовищные средства.

В целом же сеть спецпоселений являла собой воистину «смешение народов», подлинный интернационал, где, вполне естественно, симпатии составлявших его подневольных социумов были явно не на стороне «коммунистических идей» и тем более — советской власти, лишившей их свободы и родной земли. Сегодня можно лишь с сожалением констатировать, что в определенной мере спецпоселения 1940 — 1950-х годов принесли с точки зрения идеологии результат обратный тому, который от них ожидали в Кремле: они стали школой национализма, и прежде всего в тех местах, где находились наиболее компактные и однородные группы репрессированных этносов.

Как «в воду смотрел» сам «кремлевский горец», изрекая в упомянутой работе 1913 года буквально следующее: «...Политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата... Она отвлекает внимание широких слоев от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы — в сторону вопросов национальных...» (8)

Менее, чем другие «наказанные» народы, оказались восприимчивыми к сталинской «школе интернационализма» немцы, которые в значительной своей части (будучи выселенными из городов и сел по всей стране, а не только из Поволжья) продолжали ощущать себя одновременно и европейцами и людьми русской культуры, то есть укорененными собственно в России — как и титульное ее население. Тем не менее любая репрессия этноса либо его части — это

неизбежно школа национализма. В ней закладываются основы определенной идеологии, которая затем на определенном этапе и при известных условиях переходит в реальную политику, воплощается на практике. Взлет национальных движений конца 1980-х годов, а в конечном итоге и распад СССР — в существенной степени были спровоцированы и инициированы именно той системой идей, которая вызрела на культивированной сталинизмом спецпоселенческой почве в 1940 — 1950-х годах и до сих пор тревожит национальную память репрессированных народов.

Чрезвычайно остро, болезненно воспринимается и сегодня в Литве, Латвии и Эстонии вопрос о депортациях прошлых лет. Судьба сосланных этнических немцев и крымских татар, чеченцев и ингушей, «западных» украинцев и белорусов — явление неоднозначное, порождающее немало проблем и в современной политике.

Урожай от посеянных сталинизмом ядовитых зерен национальной розни народы СССР в полной мере пожали в 1990-е годы, когда базовым элементом, доминантой государственной идеологии многих вновь созданных стран «ближнего зарубежья» (не говоря уже о Прибалтике) стал антирусизм, то есть дистанцирование, отталкивание от России — и в политике, и в экономике, и в культуре.

* * *

Обратимся теперь к географии размещения спецпоселений в СССР — по состоянию на 1 января 1953 года. Прежде всего рассмотрим национальный состав взрослых спецпоселенцев (17 лет и старше) на эту дату — предыдущая таблица (документ 1) в этом отношении детальной картины не дает.

Итак, на 1 января 1953 года национальный состав 1 810 140 взрослых спецпоселенцев выглядел следующим образом: немцы — 778 975, чеченцы — 183 445, украинцы — 163 653, татары — 111 037, литовцы — 75 024, русские — 56 589, калмыки — 53 019, ингуши — 46 303, греки — 40 590, карачаевцы — 37 225, латыши — 33 102, поляки — 31 654, турки — 29 848, молдаване — 25 873, азербайджанцы — 20 860, армяне — 20 238, балкарцы — 19 762, эстонцы — 16 070, болгары — 11 432, грузины — 7169, белорусы — 6621, евреи — 5168, курды — 4993, узбеки — 3459, казахи — 2074, кабардинцы — 1572, гагаузы — 1352, ассирийцы — 1257, таджики — 1237, цыгане — 1063, румыны — 977, хемшилы — 720, осетины — 616, башкиры — 529, чуваши — 520, мордва — 480, туркмены — 430, киргизы — 399, иранцы — 380, карелы и финны — 375, кумыки —

375, аджарцы — 338, аварцы — 313, лазы — 265, каракалпаки — 212, удмурты — 193, чехи — 183, черкесы — 174, езиды — 174, абазины — 160, абхазцы — 153, лезгины — 127, марийцы — 123, буряты — 122, адыгейцы — 90, коми — 83, венгры — 74, австрийцы — 61, ногайцы — 59, даргинцы — 50. Остальные взрослые спецпоселенцы (721 человек) принадлежали к другим национальностям, из них 499 — представители коренных народов СССР (караимы, якуты, хакасы, эвенки, лакцы и другие), а 222 — из некоренных этносов (арабы, сербы, хорваты, словаки, албанцы, афганцы, китайцы и другие) (9). Небольшая часть состава спецпоселенцев (2808 человек) числилась в розыске, то есть находилась «в бегах», а 56 351 человек значится по учету арестованных.

В перечне — люди 60 национальностей. Это поистине — интернационал. Отметим, что в список не вошли административно высланные (корейцы, ингерманландцы и другие), также находившиеся под контролем органов МВД-МГБ, но не стоявшие на учете спецпоселения, то есть проживавшие как ссыльные в определенных им регионах — без права возвращения к местам прежнего жительства, переезда в столичные, крупные и приграничные города или другие области страны.

Обратим внимание и на сравнительно небольшую численность русских на спецпоселении. Если в лагерях ГУЛАГа они составляли львиную долю населения, то здесь число их невелико. В основном, это две категории спецпоселенцев: «власовцы» (подавляющее большинство) и крестьяне-колхозники, не выработавшие установленный минимум трудодней и сосланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года (так называемые «тунеядцы»).

Вместе с тем широкие национальные потоки в 1940-х годах шли и в ГУЛАГ: прибалты (эстонцы, латыши, литовцы — депортации 1941 года и послевоенных лет), «западные» украинцы и белорусы, «власовцы», репатрианты и другие. Семьи многих из них этапировались на спецпоселение, а главы семей находились в лагерях. В случае «успешного отбытия» срока (если человек не погибал в лагере, был в состоянии «перемочь» непомерные 10—15 лагерных лет и не получал затем новую «ходку») глава семьи «воссоединялся» со своими родными, прибывая к ним на поселение. Автоматически отправлялись на поселение — после завершения лагерного срока — лица из определенных к вечной ссылке этносов: немцы, калмыки и т.п.

По вступившей в силу в июне 1949 года «Инструкции для спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпереселенцев», находившиеся на спецпоселении немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, греки, болгары и армяне, турки, курды и хемшилы, а также выселенные в 1949 году из Прибалтики (эстонцы, латыши и литовцы) получали статус «выселенцев» (10). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года эти «выселенцы» переводились на спецпоселение «навечно без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения им определялась мера наказания в 20 лет каторжных работ.

Другие категории высланных («оуновцы», «власовцы» и прочие) обозначались по терминологии тех лет как «спецпоселенцы». Установление о вечной ссылке на них не распространялось, и в случае побега они привлекались к уголовной ответственности по части 2 статьи 82 Уголовного кодекса РСФСР (побег с места обязательного поселения, карательная санкция — замена ссылки лишением свободы на срок до трех лет).

На 1 января 1949 года на учете состояли 2 300 223 спецпоселенца, из которых 1 835 078 относились к выселенным навечно («выселенцы») и 465 145 — к выселенным на сроки («оуновцы» — более 96 000, «фольксдойчи» — более 3000, а также более 2700 «немецких пособников», более 1100 «истинно православных христиан», около 47 000 выселенных в 1945—1948 годах из Москвы, более 21 000 выселенных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года, более 135 000 «власовцев», 28 000 поляков, 130 000 бывших «кулаков»).

Трудно представить себе всю меру отчаяния человека, когда в спецкомендатуре ему объявляли (под роспись), что он выслан навечно, без права возврата в родные места, а за побег будет наказан 20 годами каторжных работ. Затем в присутствии коменданта и сотрудника «органов», проводившего эту «ознакомительную» процедуру, поселенец подписывал листочек бумаги, отбиравший у него последнюю надежду на человеческую жизнь — даже в «отдаленной перспективе».

Так, в отпечатанной типографским способом справке (она приобщалась к личному делу каждого из этой категории людей), где от руки проставлены только фамилии и подписи самого спецпоселенца, а также лиц, «отбиравших» у него расписку об «ознакомлении»,

мы читаем, что «на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года ВЕГЕРТ Юлис Иванович оставлен навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возврата к прежнему месту жительства» как «лицо немецкой национальности».

Сцены, разыгрывавшиеся при этом, бывали душераздирающими: слезы и обмороки, припадки и истерики. Оставалась, правда, еще одна надежда, и она жила, несмотря ни на что.

Связывали ее с возможной смертью Сталина и хоть какими-то после нее переменами к лучшему...

Но вернемся к географии спецпоселений, к вопросу о том, где же проживали миллионы депортированных в СССР. Самой обширной лагерной и спецпоселенческой зоной стал степной и малолюдный прежде Казахстан.

По состоянию на 1 января 1949 года, там на поселении находилось более 820 000 человек (позднее эта цифра еще более возросла). Около половины из них составляли немцы, а преобладающую часть другой половины — чеченцы и ингуши. Трудоиспользование — горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство.

Почти 350 000 спецпоселенцев — в среднеазиатских республиках. В Узбекистане — около 180 000 человек, из которых основная часть — немцы, а также турки-месхетинцы. В Киргизии — около 130000 человек, главным образом — чеченцы, ингуши и карачаевцы. В Таджикистане — чуть более 30 000 человек, преимущественно — немцы и «власовцы». В Туркмении — лишь около 4000 человек (также немцы и «власовцы»).

На втором (после Казахстана) месте из регионов страны по количеству спецпоселенцев — Западная Сибирь. Это — и шахты Кузбасса, и промышленные предприятия, и леспромхозы, и сельское хозяйство. Здесь находились на учете поселения 641 209 человек (из коих немцев — более 340 000), в том числе: в Кемеровской области — более 153 000, в Красноярском крае — более 108 000, в Алтайском крае — более 105 000, в Новосибирской области — более 92 000, в Томской области — более 67 000, в Омской области — более 61 000, в Тюменской области — более 53 000 человек. Вероятно, в определении этого региона как места ссылки сыграли свою роль не только и не столько экономические соображения, сколько стремление кремлевского руководства удалить как можно дальше от театра военных действий (да и в целом из европейской части страны) «ненадежные» и «наказанные» народы и социальные категории.

Следующий по значимости регион ссылки — Урал. Здесь на учете спецпоселения значились 203 147 человек. В том числе: в Молотовской (ныне Пермской) области — более 84 000 человек, в Свердловской области — более 61 000, в Челябинской области — более 45 000, в Чкаловской (ныне Оренбургской) области — более 11 000 человек. Объекты трудоиспользования спецпоселенцев: прежде всего — тяжелая промышленность, лагеря и стройки МВД СССР.

На европейском Севере России (в отличие от первого — «кулацкого» — периода ссылки) в ходе депортации «наказанных» народов размещено значительно меньше спецпоселенцев — 76 545 человек. Из них: в Архангельской области — более 16 000, в Вологодской области — более 10 000, в Костромской области — более 9000, в Кировской области — более 8000 и в Коми АССР — более 31 000 человек. Трудоустройство: лесная промышленность (леспромхозы и лесные лагеря ГУЛАГа), шахты (Коми АССР), сельское хозяйство.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке спецпоселенцев было еще меньше — 91 903 человека (на 1 января 1949 года). В Иркутской области находились более 36 000, в Амурской области — более 8000, в Читинской области — более 5000, в Сахалинской области — около 4000, в Приморском крае — более 3000, в Хабаровском крае — более 15 000, в Якутии — более 10 000 и в Бурятии — более 8000 человек. Отдельно зафиксируем 30 000 спецпоселенцев Дальстроя МВД СССР (Магаданская область) — неотъемлемую составную часть населения «лагерной империи» Колымы.

В центре страны спецпоселенцы работали на стройках, заводах и в шахтах Тульской (18 000 человек), Московской (более 8000), Ивановской (чуть более 2300) и Рязанской (1400) областей. В западных областях и на основной части территории юга России поселенцев не было вообще. Вероятно, это обусловливалось военными соображениями и предосторожностями, а также густонаселенностью этих регионов страны.

В Поволжье и Приуралье больше всего спецпоселенцев в Башкирской АССР — свыше 18 000, в Марийской АССР — более 10 000, в Удмуртской АССР — более 9000, в Куйбышевской (ныне Самарской) области — около 6000, в Горьковской (ныне Нижегородской) области — около 5000, в Татарской АССР — более 2000 человек. В основном это, по всей видимости, так называемые местные немцы, поставленные на учет спецпоселения после войны, а также «власовцы», работавшие на стройках и заводах (11).

Таким образом, идеология расселения «наказанных народов» предусматривала вовлечение их в относительно пустынные и малонаселенные окраинные регионы страны, промышленность и сельское хозяйство которых остро нуждались в рабочей силе. При этом только в «Центре» определяли приоритетность развития тех или иных областей, учитывая, естественно, уже сложившуюся в 1930-е годы инфраструктуру сети спецпоселений и лагерей СССР.

В результате, по данным на середину 1948 года, в сельском хозяйстве, если применять юридическую терминологию того времени, отбывали трудовую повинность 1 014 270 спецпоселенцев, на угледобыче — 212 294, в лесной промышленности — 180 405, в других отраслях экономики — 752 832, а на предприятиях МВД СССР — 95 619 человек (12).

Как видим, более половины взрослых поселенцев работало в сельском хозяйстве — в зонах неблагоприятного для земледелия климата, в условиях подневольного труда и плохо организованного, малопродуктивного производства. Экономический эффект от этой деятельности, можно с уверенностью сказать, был намного ниже того, что эти люди могли бы принести своим трудом на родной земле.

Несомненно, в конечном счете государство проиграло, вырвав их из прежней среды обитания и заставив своих граждан осваивать окраинные территории не в силу экономической необходимости и целесообразности, а руководствуясь узкими, временными (зачастую просто надуманными) политическими интересами. Многочисленные реальные «минусы» — прежде всего людские, политические, материальные и моральные потери от депортаций — несоизмеримы с теми скудными и мнимыми экономическими «плюсами», которые государству приносил труд переселенцев.

По-настоящему — основательно и системно — объем этих потерь не выявлялся и не изучался ни ранее, ни теперь — как «специалистами в погонах», так и другими отечественными исследователями. Первым было выгодно закрыть эту страницу — со следами собственных ошибок, некомпетентности, а то и просто преступлений. Вторым же не хватает документальных источников для обозрения картины в целом. Несколько более преуспели здесь зарубежные исследователи. Так, в работе известного американского экономиста Р. Голдсмита «Сопоставление национальных балансов (1688—1978 гг.)» (Чикаго, 1985) приводятся следующие данные (с. 36).

Соотношение национального богатства к созданному национальному продукту составляло для России, а затем — для СССР: в

1913 году — 9,50; в 1929 году — 7,24; в 1939 году — 2,94; в 1950 году — 3,42.

Этот же макропоказатель (объективно характеризующий уровень экономического потенциала и во многом — степень эффективности хозяйствования) был соответственно: для США — 7,62; 9,98; 9,20; 7,15; для Англии — 8,62; 9,81; 9,87; 8,30; для Франции — 10,74; 7,01; 6,43.

О чем говорят эти цифры? Во-первых, о том, что в 1913 году уровень России был (в относительном выражении) близок к соответствующим экономическим параметрам развитых промышленных стран Запада (а в ряде случаев — и превышал аналогичные зарубежные показатели). Во-вторых, в годы «сталинских пятилеток» это соотношение резко изменилось — за счет катастрофического снижения эффективности отечественной экономики. В-третьих, и в 1939-м и в 1950 годах этот показатель в СССР стал в 3 раза ниже, чем в других странах. В-четвертых, если низкий советский показатель 1950 года может быть объяснен (в значительной, но далеко не полной степени) послевоенной разрухой, то удручающе низкий уровень мирного 1939 года обусловлен прежде всего развязанной сталинизмом (рискнем назвать его «концлагерным социализмом») войной против собственного народа, тотальным насаждением подневольного, принудительного труда, внеэкономическими методами его организации (Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 174). Вопиющим примером тому и являлась существовавшая на протяжении десятилетий система спецпоселений.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 2

Дислокация спецпоселенцев на территории СССР, по данным на 1 января 1949 года (13).

Казахская ССР — 820 165 (немцы — 393 537, чеченцы и ингуши — 302 526, карачаевцы — 33 088, из Грузии — 29 497, поляки — 28 130, балкарцы — 17 512, «оуновцы» — 7513, из Крыма — 5466, калмыки — 2042, «власовцы» — 854).

Узбекская ССР — 177 099 (из Крыма — 118 488, из Грузии — 42 618, бывшие кулаки — 6699, немцы — 6518, «власовцы» — 1569, калмыки — 714, карачаевцы — 429, чеченцы и ингуши — 64).

Кемеровская область — 153 674 (немцы — 49 467, бывшие кулаки — 47 595, «оуновцы» — 28 919, «власовцы» — 19 693, из Крыма — 5415, по

Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 2458, из Литвы — 87, калмыки — 40).

Киргизская ССР — 128 727 (чеченцы и ингуши — 62 583, карачаевцы — 23 974, немцы — 14 954, балкарцы — 14 361, из Грузии — 8911, «власовцы» — 2974, из Крыма — 827, калмыки — 143).

Красноярский край — 108 070 (немцы — 56 184, из Литвы — 23 233, калмыки — 16 407, «власовцы» — 6233, «оуновцы» — 5385, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 397, «истинно православные христиане» — 231).

Алтайский край — 105 482 (немцы — 86 709, калмыки — 17 993, бывшие кулаки — 780).

Новосибирская область — 92 041 (немцы — 70 729, калмыки — 17 026, «фольксдойчи» — 3119, «немецкие пособники» — 593, «власовцы» — 330, «оуновцы» — 244).

Молотовская (Пермская) область — 84 749 (немцы — 39 909, из Крыма — 15 948, «власовцы» — 15 355, «оуновцы» — 10 492, из Литвы — 2324, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 721).

Томская область — 67 148 (бывшие кулаки — 41 702, немцы — 21 085, из Литвы — 2492, калмыки — 1020, «истинно православные христиане» — 444, «власовцы» — 324, «оуновцы» — 81).

Свердловская область — 61 281 (немцы — 45 587, из Крыма — 12 532, из Литвы — 1343, «власовцы» — 1256, калмыки — 507, «оуновцы» — 56).

Омская область — 61 272 (немцы — 38 182, «оуновцы» — 13 358, калмыки — 9732).

Тюменская область — 53 522 (немцы — 24 228, бывшие кулаки — 14 460, калмыки — 9596, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 3342, из Литвы — 1227, «истинно православные христиане» — 454, «оуновцы» — 215).

Челябинская область — 45 238 (немцы — 38 440, «оуновцы» — 6398, «власовцы» — 400).

Иркутская область — 36 853 (из Литвы — 11 383, «оуновцы» — 8378, «власовцы» — 8064, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 4771, немцы — 4257).

Коми АССР — 31 315 (немцы — 11 042, «власовцы» — 8219, бывшие кулаки — 7102, «оуновцы» — 4088, из Литвы — 864).

Таджикская ССР — 30 630 (немцы — 18 184, «власовцы» — 5772, из Крыма — 4537, «немецкие пособники» — 2137).

Дальстрой (Магаданская область) — 29 845 («власовцы» — 28 366, немцы — 1479).

Тульская область — 18 440 (немцы — 13 202, из Крыма — 3446, «власовцы» — 1792).

Башкирская АССР — 18 332 (немцы — 11 548, из Крыма — 4521, «власовцы» — 2263).

Архангельская область — 16 869 (немцы — 11 375, «оуновцы» — 4506, «власовцы» — 988).

Хабаровский край — 15 086 (бывшие кулаки — 7718, «власовцы» — 2692, немцы — 2674, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 2002).

Чкаловская (Оренбургская) область — 11879 (немцы).

Марийская АССР — 10 478 (из Крыма — 8013, немцы — 2465).

Якутская АССР — 10 401 («власовцы» — 4048, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 3273, немцы — 2380, «оуновцы» — 700).

Вологодская область — 10 363 (немцы — 9520, «оуновцы» — 843).

Костромская область — 9219 (немцы — 6669, из Крыма — 2550).

Удмуртская АССР — 9183 (немцы — 7744, «оуновцы» — 1439).

Кировская область — 8779 (немцы — 6311, «оуновцы» — 1948, из Крыма — 465, «власовцы» — 55).

Бурят-Монгольская АССР — 8470 (из Литвы — 3987, немцы — 2341, «власовцы» — 2142).

Московская область — 8402 (немцы — 7142, из Крыма — 1260).

Амурская область — 8387 («власовцы» — 3185, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 1773, бывшие кулаки — 1717, немцы — 1605, «оуновцы» — 107).

Карело-Финская ССР — 7564 («власовцы» — 5925, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 1639).

Куйбышевская (Самарская) область — 5895 (немцы — 5297, из Крыма — 598).

Читинская область — 5126 («власовцы» — 2369, «оуновцы» — 1521, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года — 748, немцы — 488).

Горьковская (Нижегородская) область — 4946 (из Крыма — 1853, немцы — 1651, «власовцы» — 1442).

Сахалинская область — 3904 (калмыки — 2059, «власовцы» — 1218, немцы — 627).

Мурманская область — 3887 (бывшие кулаки — 2094, «власовцы» — 1793).

Туркменская ССР — 3797 (немцы — 2521, «власовцы» — 1276).

Приморский край — 3676 («власовцы»).

Ивановская область — 2373 (немцы — 1982, из Крыма — 391).

Татарская АССР — 2180 (немцы — 1284, «власовцы» — 726, из Крыма — 170).

Днепропетровская область — 1806 (немцы).

Рязанская область — 1442 (немцы).

Ульяновская область — 668 (немцы).

Курганская область — 606 (немцы — 389, бывшие кулаки — 217).

Херсонская область — 379 (бывшие кулаки).

Тувинская автономная область — 320 («власовцы»).

Чувашская АССР — 255 (немцы — 200, из Крыма — 55).

Документ 3

Министерство внутренних дел СССР
Тов. Ваксину

Специально разработайте меры, пошлите на места ответ. работников Министерства. Издайте специальный приказ. О принятых мерах сообщите.

30/IV
С С С Р
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
25 апреля 46 г.
№ 1680/к

А. КОСЫГИН
Копия
Секретно

Заместителю Председателя Совета
Министров Союза ССР
товарищу КОСЫГИНУ А.Н.

На предприятия Министерства лесной промышленности СССР в Коми АССР передано для трудового использования и хозяйственного устройства 17 580 человек спецпереселенцев.

Произведенным Министерством внутренних дел Коми АССР обследованием установлено, что спецпереселенцы, работающие на предприятиях лесозаготовительных трестов «Комилес» и «Печорлес», находятся в крайне неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях.

Спецпереселенцы размещены в бараках, оборудованных сплошными нарами, большинство этих бараков требуют капитального ремонта.

Из-за отсутствия стекла оконные проемы забиты досками.

В бараках недопустимая теснота и антисанитария, на каждого спецпереселенца приходится не более 0,8—1,5 кв. метров жилой площади.

Одеждой и обувью (особенно теплой) спецпереселенцы обеспечены крайне неудовлетворительно, вследствие чего среди спецпереселенцев имели место случаи обмораживания и в значительных размерах простудные заболевания.

Питание спецпереселенцев организовано неудовлетворительно. В большинстве леспромхозов столовые отсутствуют, и спецпереселенцы, работающие в лесу, вынуждены получать положенную им норму продовольствия сухим пайком. Иждивенцы и дети спецпереселенцев, за исключением 300 грамм хлеба, никакими продуктами питания не обеспечиваются. Среди спецпереселенцев имеется большое количество больных от истощения и утративших трудоспособность. Зарплата спецпереселенцам выплачивается несвоевременно, с большими задержками, в результате чего спецпереселенцы вынуждены продавать на рынке свои личные вещи для того, чтобы иметь возможность выкупить положенную им норму продуктов питания.

Значительное количество детей спецпереселенцев школьного возраста обучением не охвачено, а дети дошкольного возраста в детские сады и ясли не устроены.

Медицинское обслуживание поставлено исключительно плохо, вследствие чего среди спецпереселенцев второй год имеют место заболевания сыпным и возвратным тифом. В течение 1945 года только в одном Кож-

винском леспромхозе треста «Печорлес» умерло от тифа 330 человек спецпереселенцев, или 14,7%.

В результате неудовлетворительных жилищно-бытовых условий, плохого питания и эпидемии сыпного тифа в 1945 году в Коми АССР умерло 1467 человек спецпереселенцев, из них 295 человек детей до 16-летнего возраста.

МВД СССР, сообщая об изложенном, просит Вас дать указание Министерству лесной промышленности СССР о принятии решительных мер к коренному улучшению жилищных и материально-бытовых условий спецпереселенцев, работающих в лесной промышленности Коми АССР.

Министр внутренних дел
Союза ССР Круглов

Верно: (Подпись, неразборчиво)
АК-8583с

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 265. Л. 110–111).

Документ 4

ОСП МВД
4-на
2-46
Дело № 107 СЕКРЕТНО
экз. № 4

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ С С С Р
товарищу Б Е Р И Я Л.П.

В угольной промышленности Московской и Тульской областей работает 14 954 человека мобилизованных немцев и 3866 человек крымских татар, в том числе:

в Московской области 6427 человек немцев и 1334 человека крымских татар;

в Тульской области 8527 немцев и 2532 человека крымских татар.

За время работы в угольной промышленности мобилизованные немцы и крымские татары освоили горное дело, приобрели специальности угольщиков, к труду относятся добросовестно и дают высокие показатели производительности труда.

Постановлением ГОКО № 9526-с от 18 июля 1945 года все мобилизованные в угольную промышленность немцы и крымские татары закреплены за предприятиями угольной промышленности как постоянные кадры и им разрешен вызов к себе своих семей, за исключением работающих на предприятиях угольной промышленности, находящихся в Московской и Тульской областях, которым вызов к себе своих семей не разрешен.

Семьи немцев и крымских татар, работающих в угольной промышленности в Московской и Тульской областях, проживают в спецпоселении в Средней Азии и областях Сибири и, в большинстве своем не имея в своем составе трудоспособных, находятся в тяжелых материально-бытовых условиях.

От мобилизованных немцев и крымских татар поступает большое количество заявлений с просьбами разрешить им перевезти к месту своей работы в Московскую и Тульскую области семьи или демобилизовать и направить их к семьям.

В связи с отказами в выдаче разрешений на привоз к себе семей или демобилизации и направлении к семьям, многие мобилизованные немцы и крымские татары высказывают намерения совершить дезертирство и побеги к своим семьям.

Докладывая об изложенном, считали-бы целесообразным:

1. Разрешить мобилизованным немцам и крымским татарам, работающим в угольной промышленности Московской и Тульской областей, вызов к себе для совместного жительства свои семьи, по прибытии которых брать на учет и обслуживание существующих спецкомендатур МВД.

2. В случае увольнения или ухода с работы в течение 3 лет после настоящего постановления, спецпереселенцев вместе с их семьями из Московской и Тульской областей направлять в районы расселения спецпереселенцев.

3. При хороших отзывах о работе, после 3 лет со дня настоящего постановления, спецпереселенцев с учета спецпоселения снимать и передавать в постоянные кадры угольной промышленности Московской и Тульской областей.

Прилагаем на Ваше решение проект постановления Совета Министров СССР.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ /С. КРУГЛОВ/
МИНИСТР
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СОЮЗА ССР — ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ /ОНИКА/
Верно: (Подпись, неразборчиво)
№ 2636/к
20.06.46.
(Надпись от руки:)
Пост. Совета Мин. СССР
№ 2890-931с от 17/8-47 г.
(Подпись, неразборчиво)

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 265. Л. 121—122).

Документ 5

2-46 г. Копия
экз. № 6. *Совершенно секретно*
5920/К
25 декабря 46 г.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу БЕРИЯ Л.П.
Товарищу КУЗНЕЦОВУ А.А.

Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 года на органы МВД было возложено административное и оперативное обслуживание спецпереселенцев.

По состоянию на 1 ноября с.г. МВД СССР через специально созданные комендатуры обслуживается 696 231 семья, или 2 463 940 человек спецпереселенцев (б. кулаки, немцы, спецпереселенцы из Крыма и Кавказа, «оуновцы», «власовцы» и др.).

Наряду с контролем за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев, учетом их и осуществлением надзора за ними, органами МВД проводится оперативная работа по выявлению среди спецпереселенцев антисоветского и уголовно-преступного элемента.

За 1945 год и десять месяцев 1946 года органами МВД СССР арестовано и привлечено к уголовной ответственности за разные преступления 25 129 человек спецпереселенцев. Из них выявлено, арестовано и привлечено к уголовной ответственности только за контрреволюционные преступления 6697 человек, в том числе: активных националистов и других контрреволюционеров — 3403 человека, активных немецких пособников, предателей и изменников родине — 2059 человек, активных участников банд (действовавших в местах прежнего жительства спецпереселенцев) — 936 человек, террористов, диверсантов и вредителей — 109 человек, резидентов и агентов немецкой разведки — 190 человек.

В декабре 1945 года УМВД по Херсонской области были арестованы и привлечены к уголовной ответственности 26 спецпереселенцев — бывших кулаков, по национальности узбеков и таджиков, являвшихся членами Херсонского филиала контрреволюционной националистической организации «Туркестанберлинкомитета».

Своей основной задачей «Туркестанберлинкомитет» ставил отрыв от СССР при поддержке фашистской Германии Средне-Азиатских республик и создание на их основе «Великого Пантюркистского государства».

Участники Херсонского филиала контрреволюционной националистической организации вели профашистскую агитацию, создавали националистические легионы, выявляли коммунистов и комсомольцев, скрывавшихся от немцев, и предавали их гестапо.

Приговором Военного Трибунала по этому делу осуждены: к высшей мере наказания — 1 человек, к 20 годам каторжных работ — 3 человека, к 15 годам каторжных работ — 7 человек, к 10 годам лишения свободы — 13 человек, к 8 годам лишения свободы — 2 человека.

В марте 1945 года УМВД по Новосибирской области арестовано и привлечено к уголовной ответственности 6 спецпереселенцев-калмыков: ХОКТАЕВ, САНДЖИЕВ, МУЧКАЕВ, МАНДЖИЕВ и другие.

В период немецкой оккупации территории б. Калмыцкой АССР указанные лица вступили в полицейский карательный отряд.

В составе карательного отряда они принимали активное участие в боях с партизанами и с частями Красной Армии, лично расстреливали захваченных в плен красноармейцев, партизан и советских активистов.

Особым Совещанием при МВД СССР все обвиняемые осуждены на сроки от 8 до 10 лет лишения свободы.

В апреле 1945 года УМВД по Московской области среди спецпереселенцев-немцев, мобилизованных на работу в Подмосковный угольный

бассейн, вскрыта диверсионная группа в количестве 6 человек, которая намеревалась взорвать компрессорную станцию шахты № 3.

Участники указанной группы были арестованы при подготовке к совершению диверсионного акта. При обыске у них были изъяты аммонит, капсуль и бикфордов шнур.

Особым Совещанием при МВД СССР обвиняемые БАРТ, ИХТЕНТРИЦ и ЛИСС осуждены на 10 лет лишения свободы, остальные 3 человека приговорены к 8 годам лишения свободы каждый.

В августе—сентябре с.г. МВД Киргизской ССР арестовано и привлечено к уголовной ответственности 5 спецпереселенцев-карачаевцев.

Следствием установлено, что в августе 1942 года в селении Н-Тиберда, Микояновского района, бывшей Карачаевской автономной области, остановились на отдых воспитанники и воспитатели Любарского детского дома, эвакуированного из Житомирской области, УССР.

Не имея средств для переправы через реку, эвакуированные обратились за помощью к жителям указанного селения — карачаевцам ХАТУЕВУ, САЛПАГАРОВУ и др. Последние организовали отравление и убийство воспитанников и воспитателей детдома. Вечером во время приготовления ужина в пищу был подмешан мышьяк. Ночью после ужина дети начали умирать, тех, кто быстро не умирал, карачаевцы убивали. Всего таким образом ими было отравлено и убито 63 человека. Имущество убитых участники убийства разделили между собой.

Дело следствием закончено и находится на рассмотрении Военного Трибунала войск МВД Фрунзенской области.

В июле 1946 года УМВД по Кировской области выявлена немецкая резидентура, действовавшая в Крыму во время немецкой оккупации под руководством резидента ПАШКУЛЬСКОГО, работавшего заместителем старосты Сейтлеровского района, б. Крымской АССР. На связи у ПАШКУЛЬСКОГО находилось в то время 19 агентов немецкой разведки.

Этой резидентурой, за период немецкой оккупации Крыма, было предано гестапо свыше 150 человек партийно-советского актива и лиц, сочувствовавших Советской власти, из числа которых 20 человек немцами были расстреляны, 30 человек направлены в концлагеря и 47 человек угнаны в Германию.

По делу немецкой резидентуры арестованы резидент ПАШКУЛЬСКИЙ, агенты ТУПОВИЧ, ВЕРБОВ и КАРОВ.

Розыск остальных агентов и следствие по делу продолжаются.

В августе 1946 года УМВД по Кировской области арестованы и привлечены к уголовной ответственности репатриированные немцы — БЕРГ, ЦЕННЕР, ВОРОМСБЕХЕР, МАТНЕР и БУСС.

Все эти лица в 1941 году, изменив Родине, перешли на сторону противника, а впоследствии добровольно поступили в немецкую разведку, чинили злодеяния над советскими гражданами, арестовывали советско-партийный актив и угоняли советских людей в Германию.

С октября 1942 года по 1943 год по материалам указанных выше немецких разведчиков было арестовано свыше 650 человек советских граждан, многие из которых были расстреляны.

Следствие закончено. Дело направлено на рассмотрение в Военный Трибунал Приволжского военного округа.

УМВД по Молотовской области в феврале с.г. арестована группа спецпереселенцев — крымских болгар в количестве 7 человек, которые в период временной оккупации Крыма являлись активными немецкими пособниками. Среди них: ДОБРОВ Константин, б. начальник Сейтлеровской районной полиции; ШЕВРИКУКО Семен, агент немецкой разведки; ГАЖЕВ Василий, помощник старосты.

Под руководством указанных лиц организовывались засады и проводились облавы, в результате которых было арестовано свыше 1000 человек советско-партийного актива и крымских партизан, из которых многие были расстреляны органами гестапо.

ДОБРОВ Константин и ГАЖЕВ Василий Военным Трибуналом осуждены к 20 годам каторжных работ, ШЕВРИКУКО — к 10 годам лишения свободы, остальные обвиняемые приговорены к разным срокам лишения свободы.

В апреле 1946 года УМВД по Талды-Курганской области, Казахской ССР, арестованы и привлечены к уголовной ответственности спецпереселенцы-чеченцы САЛТЫКИЕВ, СУЛЕЙМАНОВ, ДАШЕВ и МУСТАБИЕВ, работавшие на Текелийском полиметаллическом комбинате.

Указанные лица, будучи озлоблены переселением их в Казахскую ССР, готовились к совершению террористических актов над сотрудниками МВД и бойцами военизированной охраны лагеря военнопленных, расположенного на территории Текелийского комбината, с целью завладения оружием, после чего намеревались нелегально перейти государственную границу и уйти на территорию Китая. Кроме того, среди спецпереселенцев они вели антисоветскую агитацию и распространяли провокационные слухи.

Областным судом САЛТЫКИЕВ и СУЛЕЙМАНОВ осуждены к 10 годам лишения свободы каждый, другие обвиняемые приговорены к разным срокам лищения свободы.

Работа по выявлению среди спецпереселенцев антисоветского и уголовно-преступного элемента продолжается.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР (С. КРУГЛОВ)
верно: (З. Гусева)
Отп. 6 экз.
1—3 — адресатам
4 — в дело т. Давыдова
5 — в дело С-та
6 — ОСП
исп. т. Френкина.
осн. инд. 38, № 38/10227 от 10.XII—46 г.
печ. Окунева, Леонова. 24.XII—46 г.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 265. Л. 123—128)

Документ 6

Тов. Шиян. *Совершенно секретно*

т.т. ГОГЛИДЗЕ, ПОЛУБОЯРОВУ, РЮМИНУ, ЛЕОНТЬЕВУ, ГЕРЦОВСКОМУ

и ВОЛКОВУ

т. ПОЛУБОЯРОВ поставил важные вопросы, требующие безотлагательного решения.

Прошу Вас собраться (под руководством т. ГОГЛИДЗЕ С.А.), обсудить эту записку и подготовить предложения, которые можно было бы обсудить в Коллегии или на совещании замов и принять по ним решение о наведении порядка, исключающего те недостатки, о которых говорит т. ПОЛУБОЯРОВ.

По некоторым вопросам следует подготовить информацию в ЦК.

25.IX.51 г. С. ИГНАТЬЕВ

ВЫПИСКА

из докладной записки на имя Министра государственной безопасности [СССР] тов. ИГНАТЬЕВА С.Д.

Третий вопрос

Многочисленный поток в Приемную родственников и членов семей спецпоселенцев с жалобами и заявлениями разностороннего характера:

а) С просьбой о разрешении взять на попечение детей, родственники которых умерли в месте спецпоселения и им выезд к родственникам запрещен.

б) С жалобами на то, что органы МГБ и их комендатуры в местах спецпоселения принудительно взяли на учет членов семей (жену, брата, сестру), которые приехали к месту поселения родственника (отца, мужа) добровольно и им запрещен обратный выезд.

в) С просьбой снять со спецпоселения жену, муж которой был спецпоселенцем и давно умер.

Многие такие жены вышли замуж за лиц, не имеющих ограничения.

г) С просьбой снять со спецпоселения бывших жен (русских) местных немцев, греков, татар, ингушей, финнов и др., которые не имеют зарегистрированного брака или осуществили расторжение брака. Некоторые из них вышли повторно замуж за русских.

д) С просьбой снять со спецпоселения взрослых детей спецпоселенцев, которые лишены возможности свободно выбирать учебные заведения и выехать в режимные города, не могут зарегистрировать брака с лицами, проживающими за пределами зоны спецпоселения или в режимной местности и т.д.

е) С жалобами на строгий режим комендатур МГБ в местах спецпоселения, лишающий возможности тяжело больным спецпоселенцам выехать на лечение в районные, областные города и другие центры, на курорты и т.д. Невозможность спецпоселенцам выехать в отпуск к своим родным и родственникам.

Из характера перечисленных жалоб и просьб видно, что многие вопросы о спецпоселенцах на сегодня необходимо пересмотреть и разработать новое положение, что сократит поток жалоб и заявлений, поступающих в МГБ СССР.

НАЧАЛЬНИК ПРИЕМНОЙ МГБ СССР
ПОЛКОВНИК ПОЛУБОЯРОВ.
19 сентября 1951 года.
Верно: С. ПОЛУБОЯРОВ

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 216—217).

Документ 7

3 экз. уничтожен
по акту от 15/IX—53 г.
Дело 78 т. 1 стр. 250 СОВ. СЕКРЕТНО

СПРАВКА

по вопросам, затронутым в докладной записке начальника Приемной МГБ СССР тов. ПОЛУБОЯРОВА, касающимся заявлений спецпоселенцев.

а) Дети выселенных по решениям Правительства навечно спецпоселенцев с семьями до 16-летнего возраста состоят на посемейном учете, а по достижении 16 лет они берутся на персональный учет.

Таких детей очень много, и для освобождения их с мест поселений требуется решение Правительства.

Дети спецпоселенцев, оказавшиеся сиротами в местах поселений, беспрепятственно передаются на попечение родственникам, находящимся только в местах поселений, или определяются в детские дома.

б) Действительно имели место факты взятия на учет спецпоселений родственников спецпоселенцев, прибывших в места поселения добровольно.

Такие лица из спецпоселений освобождались Особым Совещанием при МГБ СССР.

Однако 22 сентября с.г. дела на родственников спецпоселенцев были сняты с рассмотрения Особого Совещания.

По затронутому вопросу требуется указание руководства МГБ СССР.

в и г) Снятие с учета спецпоселений бывших жен спецпоселенцев, не принадлежащих к выселенным национальностям, расторгших брак, или мужья их умерли на поселении и вышедших после этого замуж за лиц, не являющихся спецпоселенцами, рассматривается 9-м Управлением МГБ СССР в каждом отдельном случае, с последующим направлением этих дел в Особое Совещание.

д) Передвижение в местах поселений взрослых детей спецпоселенцев в связи с учебой, вступлением в брак разрешается внутри республики, края и области МГБ-УМГБ, а за пределы — 9-м Управлением МГБ СССР.

По вопросу разрешения выезда взрослых детей спецпоселенцев за пределы мест поселений и режимные города — требуется решение Правительства.

е) Строгий режим в местах поселений для спецпоселенцев установлен в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года и постановлением Совета Министров СССР № 3077—1286сс от 14 июля 1950 года.

Выезды спецпоселенцам на лечение в районные, областные и республиканские лечебные учреждения разрешаются МГБ-УМГБ в пределах мест поселений.

Выезды по указанным и другим причинам за пределы республики, края, области и в районы, не являющиеся местами поселений, разрешаются в необходимых случаях МГБ СССР.

В работе по ссылке, высылке и спецпоселению имеется много и других, нерешенных вопросов, в связи с этим 9-м Управлением подготовлены проекты: положения о ссылке и высылке, положения о спецпоселениях и инструкции по режиму для спецпоселения, ссыльных и высланных, которые были доложены руководству МГБ СССР, а также готовятся соответствующие проекты решений Правительства.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 9-ГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Полковник /Ш И Я Н/
«27» сентября 1951 года.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 218—219).

Документ 8

Сов. секретно

СПРАВКА
о детях спецпоселенцев, ссыльных и высланных.
По состоянию на 15.III—52 г.

По данным МГБ-УМГБ, всего учтено детей спецпоселенцев, в отношении которых не решен вопрос о взятии их на учет спецпоселения, — 1368 человек, в том числе:

детей «оуновцев» — 731 чел., немцев — 469, калмыков — 99, Северного Кавказа — 28, чеченцев — 6, литовцев — 5, ингушей — 2, репатриированных немцев — 6, ссыльных — 22.

Из общего числа учтенных детей — 776 проживают в районах, не являющихся местом расселения спецпоселенцев, главным образом детей «оуновцев» и ссыльных.

МГБ-УМГБ, где проживают выше указанные дети, в разное время запрашивали 9-е Управление МГБ СССР в отношении решения вопроса о взятии их на учет спецпоселений, возвращения к прежнему месту поселения тех детей, которые проживают не в местах спецпоселений.

Так, УМГБ Алтайского края в феврале м-це 1951 года просило разъяснить, подлежат ли взятию на учет спецпоселения по достижении 16 летнего возраста дети, находящиеся в детских домах в количестве 586 чел., родители которых по национальным признакам подвергались выселению, в том числе немцев — 469 человек, калмыков — 99, чеченцев — 6, с Черноморского побережья — 5, литовцев — 5, ингушей — 2.

Письмом № 9/2—35 от 28.III—1951 года сообщено в УМГБ Алтайского края, что дети, родители которых были высланы, подлежат взятию на учет спецпоселения по достижении 16-летнего возраста на общих основаниях.

МГБ Казахской ССР 18 сентября 1951 года сообщило, что с территории Джамбулской области в разное время, вместе с родителями совершили побег 28 чел. детей спецпоселенцев с Северного Кавказа, которые проживают у родственников в Кабардинской АССР, и просило указаний по этому вопросу. Ответа не посылали.

По сообщению УМГБ Костромской области, в детских домах находятся 6 чел. детей-сирот, немцев, репатриированных советских граждан из Германии, родители которых были угнаны в Германию и умерли там. УМГБ просило 9-е Управление разъяснить, подлежат ли эти дети взятию на учет спецпоселений /№ 14/2525 от 9/XI—50 г./. Указаний по этому вопросу не давалось.

По сообщению УМГБ Тюменской области от 4 февраля 1952 года № 9/3-649, у них на учете состоит 22 человека членов семей ссыльно-поселенцев, которые были выселены вместе с родителями в 1941 году по постановлениям опертроек УНКГБ Волынской, Тернопольской областей и освобождены вместе с родителями из спецпоселения быв. РО МВД, согласно приказу МВД СССР № 00159—1947 года.

Указанные выше члены семей в момент выселения родителей являлись несовершеннолетними, а затем при освобождении родителей выехали вместе с ними и в настоящее время проживают в местах, не являющихся расселением спецпоселенцев в Черновицкой и др. областях, а некоторые из них служат в Советской Армии.

УМГБ Тюменской области просило разъяснить о порядке возвращения к прежнему месту поселения указанных детей ссыльно-поселенцев. Ответа не посылали.

В январе 1951 года в 9-е Управление МГБ СССР были представлены списки на детей «оуновцев», выселенных вместе с родителями, но не оказавшихся в местах спецпоселений на 731 чел., в том числе:

Омская обл. — 286 чел., Коми АССР — 122, Удмуртская АССР — 104, Архангельская обл. — 78, Кировская — 74, Вологодская — 38, Челябинская — 19, Казахская ССР — 7, Красноярский край — 2, Тюменская обл. — 1.

На основании этих списков была составлена справка для доклада руководству МГБ СССР на предмет решения вопроса о возвращении указанных детей «оуновцев» к месту поселения. Решений по этому вопросу принято не было.

Таким образом, вопрос о детях спецпоселенцев остается не решенным до настоящего времени.

В связи с этим необходимо решить следующие вопросы:

1. Следует ли брать на учет детей, находящихся в детских домах, немцев, калмыков и других национальностей, подвергавшихся выселению.

2. Следует ли возвращать к месту поселения детей спецпоселенцев, проживающих не в местах спецпоселений.

3. Каким путем оформлять материалы в отношении детей, подлежащих возвращению к месту поселения.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 9-ГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Подполковник /ВИНОГРАДОВ/
«15» марта 1952 г.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 208—210).

Документ 9

Совершенно секретно

СПРАВКА

В настоящее время под надзором органов МГБ находится 2 740 639 ссыльных, высланных и спецпоселенцев.

За время, прошедшее после обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) от 13 июля 1951 года, 9-е Управление МГБ СССР всю свою работу проводило в направлении укрепления режима, организации надлежащего чекистского надзора, учета и своевременного предотвращения готовящихся побегов с мест поселений.

В этих целях по представлению МГБ СССР был разрешен вопрос о содержании на спецпоселении немцев — местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии и других, а также мобилизованных в промышленность, но не подвергавшихся выселению, репатриированных, выселенных во время войны из прифронтовой полосы, принявших немецкое подданство («фолькс-дейч»), и членов семей немецких пособников. МГБ и Прокуратурой СССР издан совместный приказ об оставлении на спецпоселении поляков, выселенных в 1936 году из западных областей Украины и Белоруссии. Принято решение — за побег с места поселений лиц указанных выше категорий привлекать по ст. 82 часть 2 УК РСФСР.

В порядке усиления наказания, на особо опасных государственных преступников, находящихся в ссылке на поселении, распространено действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года об уголовной ответственности за побег с мест поселений.

Решен вопрос о снятии с учета спецпоселенцев, служивших в немецких формированиях, и о направлении на поселение лиц, отбывших наказание в местах заключений, члены семей которых находятся на спецпоселении. Органам МГБ даны указания о розыске оснований к содержанию на спецпоселении лиц, в личных-учетных делах которых этих оснований не имеется.

На основании постановления Совета Министров СССР от 7 января 1952 года, агентурный аппарат по линии 9-го Управления сокращен более чем в два раза. По состоянию на 1 июня 1952 года из имевшихся на 1 сентября 1951 года 89 120 секретных сотрудников в действующей сети оставлено 40 006.

Несмотря на принятые органами МГБ меры, в течение 1951 года с мест поселений бежало 582 ссыльных, высланных и спецпоселенцев, из числа

которых осталось не разыскано 94 человека. За шесть месяцев 1952 года было допущено 130 побегов, из них на 1 июля с.г. разыскано 78 человек.

Учитывая, что с наступлением весенне-летнего периода усилилось стремление к совершению побегов с мест поселений, МГБ СССР была издана директива № 52 от 10 апреля 1952 года, во исполнение которой органы МГБ провели ряд активных агентурно-оперативных мероприятий, позволивших значительно укрепить режим и усилить чекистский надзор в местах спецпоселений.

Для оказания практической помощи 9 отделам МГБ-УМГБ с августа 1951 по 1 июля 1952 г. в МГБ-УМГБ направлялись 16 бригад и 18 начальников 9 отделов МГБ-УМГБ вызывались с докладами в 9-е Управление.

По вскрытым недочетам было издано 2 приказа МГБ СССР и 28 указаний отдельным органам МГБ за подписью руководства Министерства об устранении этих недочетов.

За период с 25 сентября 1951 по 25 июня 1952 г. Управлением было рассмотрено 4829 дел о взятии и снятии с учета, 6001 дело о соединении семей, 50 162 жалобы и заявления, по которым приняты соответствующие решения.

НАЧАЛЬНИК 9-ГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Полковник (ШИЯН)
«5» июля 1952 года

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 136—137)

§ 2. Основные этапы в истории спецпоселений

«Кулацкая» ссылка в 1929—1933 годах стала первым этапом массовых депортаций, проведенных советской властью (причем подавляющее большинство «раскулаченных» выселено в 1930—1932 годах). На основе этого «первого опыта», созданной инфраструктуры, подобранных кадров проводились все последующие акции такого рода и функционировала вся система спецпоселенчества.

30 января 1930 года Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) о мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации.

В конце 1929-го — начале 1930-го года в ряде областей местные власти начали выселение кулаков за пределы подведомственных территорий с конфискацией имущества репрессированных.

«Юридическую основу» этому процессу придало постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года, предоставившее краевым (областным) исполкомам, правительствам союзных и автономных республик право выселения кулаков из зоны сплошной коллективизации сельского хозяйства.

«Кулацкая» ссылка коренным образом отличалась от подобного рода акций дореволюционной поры и 1920-х годов следующими тремя обстоятельствами. Во-первых, она была массовой. Только в 1930 и в 1931 годах были выселены 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. Большинство при этом отправлялось на спецпоселения (спецпереселенцы), меньшую часть составляли отправленные в ссылку на сроки (ссыльные) и высланные навечно (административно ссыльные).

Как отмечалось в докладной записке Г. Ягоды, заместителя председателя ОГПУ при СНК СССР, к январю 1932 года в местах спецпоселения находились 1 400 000 человек.

Качественного учета и жесткого контроля численности спецпоселенцев поначалу не велось — первая инструкция ОГПУ по этим вопросам была утверждена лишь 10 декабря 1931 года. Но и впоследствии, в 1932—1933 годах — из-за малограмотности и малоукомплектованности аппарата на местах, высокой смертности и большого числа бежавших поселенцев — этот учет оставался относительным. Часто даже коменданты не знали точно, сколько у них людей «на подотчете».

Повсеместными и постоянными были переброски «рабочей силы» с одного «объекта» на другой, что еще более усугубляло неразбериху в учете. Но в любом случае (даже по данным ОГПУ) численность умерших на поселении и бежавших из ссылки составила в 1930—1931 годах не менее 400 000 человек. В реальности же эта цифра была существенно большей. Отметим, что к 1934 году общее число поселенцев существенно сократилось — и опять в основном за счет погибших и «беглецов».

Вторая особенность «кулацкой» ссылки заключается в том, что по своему социальному составу она была исключительно крестьянской.

Третье: в ходе этой депортации бессмысленно, безвинно были уничтожены как минимум сотни тысяч людей и в первую очередь — дети, старики, женщины. «Кулацкая» ссылка стала истребительной антикрестьянской акцией — если не по замыслу, то по технике своего исполнения.

Четвертое: последствия этой всекрестьянской ссылки повлияли на развитие страны в целом. Посредством ее удалось заставить селян войти в колхозы. Таким образом была сформирована система, сделавшая всех крестьян без исключения гражданами второго сорта, наиболее угнетенным общественным сословием в СССР. «Кулацкая» высылка разрушила трудовую инфраструктуру каждой деревни, каждого села крестьянской России, что привело к крайне негативным социально-экономическим последствиям для всего народа, для настоящего и будущего страны.

Документ 10

Сельскохозяйственное производство в СССР в годы первой пятилетки (1928—1932 годы).

	Фактические показатели		По плану
	1928 г.	1932 г.	1932/1933 г.
ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ, МИЛЛИОНЫ ГЕКТАРОВ			
Всего	113,0	134,4	141,3
в т.ч. зерновые	92,0	99,7	111,4
ВАЛОВОЙ СБОР, МИЛЛИОНЫ ТОНН			
Зерновых	77,3	69,9	105,8
Хлопка-сырца	0,79	1,27	1,91
Сахарной свеклы	10,1	6,6	—
Льноволокна	0,3	0,5	—
УРОЖАЙНОСТЬ, ЦЕНТНЕРОВ С 1 ГЕКТАРА			
Зерновых	7,9	7,0	—
Хлопка	8,5	5,9	—
Сахарной свеклы	131,8	43,0	повысить на 35%
Льноволокна	2,4	2,0	—
Картофеля	81,8	71,0	—
Овощей	132,0	79,0	—
ПОГОЛОВЬЕ СКОТА, МИЛЛИОНЫ ГОЛОВ			
Крупный рогатый скот	60,1	33,5	80,9
в т.ч. коровы	29,3	19,4	35,5
Лошади	32,1	17,3	около 38,0
Свиньи	22,0	9,9	34,8
Овцы	97,3	34,0	—
ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА			
Мясо, млн. тонн	4,9	2,8	—
Молоко, млн. тонн	31,0	20,6	—
Шерсть, тыс. тонн	182,0	69,0	—
Яйца, млрд. штук	10,8	4,4	—

(История СССР. 1990. № 6. С. 44—45).

Есть все основания утверждать, что «раскулачивание» и массовая гибель крестьян — основной производительной силы деревни — в связи с репрессиями, депортациями, от голода, болезней, непосильного труда (число безвозвратных потерь составляет, по разным данным, от 6 000 000 до 14 500 000 человек) обернулись полной деградацией и упадком сельскохозяйственного производства.

В приведенной выше таблице бросается в глаза, что задания первой «сталинской» пятилетки в аграрном секторе экономики, которые предполагалось значительно превзойти в результате «вели-

кого перелома», ни по одному показателю не были выполнены, причем разрыв весьма значителен, особенно в животноводстве. Более того, почти по всем позициям (за исключением посевных площадей, производства хлопка и льноволокна) наблюдается снижение по сравнению с 1928 годом.

Есть лишь один показатель, свидетельствующий о перевыполнении плана — причем более чем в 3 раза! Это уровень обобществления крестьянских хозяйств, их коллективизации. Но именно в результате форсирования этого процесса, сведения его к «революции сверху», применения чудовищно жестоких методов его реализации произошло то, что и должно было неминуемо произойти: разорение деревни, кризис сельхозпроизводства и — как неизбежное следствие этого — массовый голодомор 1933 года, гибель от него миллионов людей в Поволжье, Украине и в ряде других регионов СССР.

* * *

Итак, «кулацкая» ссылка — это первый этап в истории спецпоселений. Следует отметить, что к 1939 году раскулаченные крестьяне в общей численности всех трудпоселенцев, высланных и ссыльных составляли более 93 процентов. Остальные семь процентов представляли выселенные, как правило, из крупных и малых городов и в подавляющем большинстве — по политическим мотивам. Достаточно вспомнить, например, ссылку знаменитого поэта Осипа Мандельштама — на Урал и в Воронеж.

Вторая волна ссылки и высылки пришлась на период 1940—1941 годов. Это время массового выселения «социально чуждого элемента» из присоединенных в 1939—1940 годах к СССР восточных земель Польши (западных областей Украины и Белоруссии), трех прибалтийских государств (Литва, Латвия, Эстония), также Правобережной Молдавии (Бессарабии) и Северной Буковины (Черновицкая область). В эти годы проведены четыре депортации по 4 категориям населения. Причем каждая из этих категорий фиксировалась «органами» в делопроизводстве тех лет по-своему, направлялась на спецпоселение и содержалась там отдельно от других.

Первой, наиболее известной и масштабной категорией высланных стали польские «осадники». Решение об их депортации разрабатывалось и принималось высшим эшелоном власти по бюрократической технологии, которая стала затем типичной для многих подобных рода акций. Вначале (2 декабря 1939 года) Л.П. Берия, нарком внутренних дел СССР, направляет в ЦК ВКП(б) письмо с

предложением выселить до 15 февраля 1940 года все семьи «осадников» (более 27 000). Вскоре (4 декабря 1939 года) Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает соответствующее решение, а затем (5 декабря) Совнарком СССР принимает постановление № 2010—558 — о депортации «осадников» и использовании их на предприятиях Наркомлеса СССР.

Отметим, во-первых, стремительность и оперативность решения вопроса, свойственные, надо отдать должное, структурам государственной власти и управления тех лет, и при прохождении других аналогичных дел. Во-вторых, сразу же после принятия указанных документов (и как закономерное следствие головокружительной скорости их подготовки) потребовалась «дополнительная проработка вопроса». Поэтому вдогонку уже принятым решениям издается целый пакет новых постановлений, инструкций и положений, создающих реальный механизм депортации и размещения выселенных «в пунктах назначения». К таковым относятся постановление Совнаркома СССР от 22 декабря 1939 года, а также дополнительные директивы: решение Политбюро от 28 декабря и постановление СНК СССР № 2124—620сс — об использовании имущества депортируемых из Украины и Белоруссии и включении в их число служащих польской сторожевой лесной охраны. К этому же ряду примыкают:

— письмо наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия председателю СНК СССР В.М. Молотову от 24 декабря 1939 года — с проектами подготовленных НКВД исполнительных актов по депортации;

— окончательное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1939 года и постановление СНК СССР от того же числа, утвердившие три важнейших для НКВД документа — положение о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей Украины и Белоруссии, инструкцию о порядке переселения осадников из западных областей УССР и БССР и штаты районных и поселковых комендатур НКВД.

Две недели спустя к этим основополагающим документам прилагаются очередные поправки и дополнения:

— письмо Л.П. Берия И.В. Сталину от 10 января 1940 года — с предложением передать часть «осадников» Наркомцвету СССР на работы по добыче золота и медной руды;

— постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 января того же года — о дополнительном расселении спецпереселенцев-«осадников» и использовании их на горных и лесозаготовительных работах Наркомцвета СССР.

Венчает всю эту циклопическую бумаготворческую работу, проведенную в безупречно бюрократическом стиле — без изучения реальной обстановки, потребности в людях на местах, готовности к их размещению там и т.д., — «Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению спецпоселенцев-осадников», подготовленная Главным управлением конвойных войск НКВД и утвержденная 17 января 1940 года заместителем наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышовым. И наконец, 20 февраля 1940 года ГУЛАГ НКВД заключает договор с Наркомлесом СССР «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций», что завершило определение «круга трудоиспользования» депортированных поляков в «местах их обязательного поселения».

Подчеркнем, что такого рода договоры заключались ГУЛАГом и с другими наркоматами и хозяйственными ведомствами, нуждавшимися в подневольной «рабочей силе», а набиралось их немало — около полусотни.

Таким образом, главный инициатор (заказчик) депортации (НКВД) выступает одновременно в трех лицах: и в роли распределителя остро необходимых стране трудовых ресурсов, и в качестве непосредственного исполнителя операции, и как наследник оставленного на местах имущества выселенных.

Но, разумеется, вся акция идет под жестким общим контролем Политбюро ЦК ВКП(б), где мнение Сталина было определяющим. Правительство (Совнарком) в данном (да и во многих других случаях) просто дублирует уже выработанные политические решения, административно конкретизируя их.

В первой депортации (февраль 1940 года) пострадали в основном семьи «осадников» (а также «лесников») и государственных служащих. Всего были депортированы 139 596 человек, этапированные в 21 регион СССР. По национальности большинство составляли поляки (83 процента). Значительно меньшая доля приходится на украинцев (9 процентов), белорусов и немцев (8 процентов) (15). При этом итоговое число выселенных (вместе с семьями) значительно превысило количество «осадников», реально проживавших в местах их прежнего обитания.

В апреле 1940 года была проведена вторая депортация: примерно 61 000 человек — членов семей репрессированных польских офицеров, полицейских, государственных служащих, крупных владельцев собственности (помещики, предприниматели, банкиры, торговцы и т.п.). В основном они были поляками по национальности и отправлены в административную ссылку — в Казахстан.

В июне—июле 1940 года прошла третья волна так называемой «польской» депортации. Она проводилась по решению Совнаркома СССР от 10 апреля 1940 года. При ней из западных областей Украины и Белоруссии были переселены 77 288 беженцев, прибывших из польских территорий, оккупированных Германией в сентябре 1939 года. Большинство из них составляли евреи (84 процента), меньшую часть — поляки (11 процентов). Операция началась 29 июня и закончилась во второй половине июля. Статус «беженцев», а не спецпоселенцев означал несколько иное отношение местных властей к этим людям, но режим ограничения личной свободы в определенной степени распространялся и на них.

Географию расселения «осадников» и беженцев мы видим в следующей таблице.

Документ 11

География расселения спецпоселенцев — польских «осадников» и беженцев, по состоянию на 1 апреля 1941 года (по данным В.Н. Земскова)

Место высылки	ВСЕГО	В том числе:	
		«осадники»	беженцы
Архангельская область	50944	38622	12322
Свердловская область	26702	13562	13140
Новосибирская область	19628	3191	16437
Коми АССР	18772	9954	8818
Красноярский край	14788	13339	1449
Вологодская область	13357	9443	3924
Ивановская область	11513	11513	—
Молотовская (Пермская) область	10544	9040	1504
Алтайский край	9886	5926	3960
Омская область	8538	6946	1592
Марийская АССР	5693	—	5693
Казахская ССР	5307	5307	—
Якутская АССР	3510	—	3510
Иркутская область	2914	593	2321
Горьковская (Нижегородская) область	2604	1725	879
Кировская область	2204	2204	—
Челябинская область	2172	1653	519
Чкаловская (Оренбургская) область	625	625	—
Ярославская область	503	503	—
Башкирская АССР	275	275	—
Унжлаг НКВД СССР (Горьковская — Нижегородская область)	80	80	—
Итого	**210559**	**134491**	**76068**

В 1941 году депортации охватили не только бывшие территории Польши, но и Прибалтику, Правобережную Молдавию (Бессарабию) и Северную Буковину. По представлениям московских властей, массовые репрессии должны были стать здесь главным средством подготовки к предстоящей войне, действенным инструментом борьбы с «контрреволюцией», «шпионами и диверсантами», «антисоветскими настроениями и бандитизмом», а также основной мерой принудительной «советизации» той части местного населения, которая могла быть (и действительно была) недовольна «вхождением» в СССР.

14 мая 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». В значительной мере это постановление, помимо перечисленных в нем категорий «неблагонадежных элементов», коснулось также и членов их семей. В соответствии с этим постановлением были депортированы 85 716 человек, причем более 65 000 попали затем в Сибирь, а остальные — на Русский Север (в Коми АССР, в Кировскую и Молотовскую/Пермскую/ области и так далее).

Только 14 июня 1941 года в Прибалтике были интернированы 25 714 человек, в числе которых — 10 187 литовцев, 9546 латышей и 5978 эстонцев. А ведь аресты начались уже несколькими днями ранее, продолжались 15—16 июня и в последующий период — вплоть до начала войны.

Показателен для методов работы НКВД сам механизм этой акции. В представленном Наркоматом внутренних дел в Совнарком СССР проекте постановления «О мероприятиях по чистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» содержались, в частности, такие указания «органам»: «...Оформление решений Особого совещания производить после сосредоточения арестованных в указанном ... лагере. ...Операцию по арестам и высылке в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР закончить в трехдневный срок». Итак, вначале — репрессия и лишь затем — ее юридическое оформление. Именно таким образом в период с 1940 года по 22 июня 1941 года были выселены из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Прибалтики и Молдавии более 300 000 человек (правда, 77 000 из них имели статус беженцев, но и они тем не менее были, как мы знаем, существенно ограничены в своих правах).

Третий этап в истории спецпоселений и спецпоселенцев — это время Великой Отечественной войны (конец июня 1941 года — май 1945 года). Этот период отличается широким применением тотальных и жестоких мер для массового переселения больших социальных групп или целых народов. Гибель миллионов на фронте и в плену, массовый голод, пограничные условия выживания государства и народа — все это до предела девальвировало в глазах высшей власти стоимость отдельной человеческой жизни (впрочем, и до войны и после нее цена эта также была невысока).

Ужесточение сталинской диктатуры в те годы, отбрасывание правящим режимом всяческих, даже декоративных, атрибутов демократии — все это крайне негативно отразилось и на судьбе спецпереселенцев. Именно в военное лихолетье приобрело массовый размах тотальное выселение отдельных народов СССР, в том числе — имевших административно-территориальную автономию. В 1941—1942 годах — это этнические немцы, формальным обоснованием депортации которых явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В 1943—1944 годах — это калмыки, чеченцы, ингуши, народы Крыма (татары, болгары, греки) и другие. 1944 год вообще стал поистине «черным» для большинства репрессированных народов СССР. В приведенной выше таблице (документ 1) мы видим, что именно к этим народам принадлежит основная масса спецпоселенцев военных и послевоенных лет.

«Кулацкая» ссылка в этот период значительно сократилась, но ее с лихвой перекрыла депортация «наказанных» народов. Вполне достаточным формальным поводом к этническим репрессиям считалось огульное обвинение граждан какой-либо отдельно взятой национальности в «измене Родине» — в «массовом предательстве» (или просто подозрение в возможном предательстве), в участии в германских вооруженных формированиях и тому подобное. Именно такое совершенно бездоказательное подозрение в вероятном предательстве как раз и легло в основу применения массовой репрессии против советских немцев. В упомянутом августовском (1941 года) Указе Президиума Верховного Совета СССР содержится следующая формулировка: «...По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья».

Абсурдность, нелепость и голословность этого обвинения бросаются в глаза. Вместе с тем отчетливо видно, что депортация немцев отнюдь не была импровизацией: она предпринята в качестве превентивной меры, обусловленной прежде всего параноидальной подозрительностью Сталина и его ближайшего окружения. Уже в сентябре—октябре 1941 года выселили 446 480 немцев, а в целом (до конца 1942 года) в Сибирь, в Казахстан, в Среднюю Азию и в другие «отдаленные районы СССР» были высланы 799 459 немцев (чуть более половины из них оказались в Сибири).

Невозможно понять логику властей, найти рациональное обоснование их действий при депортации того или иного народа. Складывается впечатление, что при тоталитарной структуре государства, общей нацеленности его на этническую репрессию мог быть подвергнут каре любой народ, случайно и в «неподходящий» момент попавший в поле зрения Сталина, Берии или других высших советских сановников. Никакого мотивированного объяснения при этом и не требовалось. Достаточно было даже устного распоряжения того же Сталина — и машина террора раскручивалась по стандартной наработанной схеме.

Так, например, 27 декабря 1943 года Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР и об административном устройстве ее территории». На следующий день Совнарком СССР принял решение о выселении всех калмыков. По аргументации НКВД, депортация была наказанием для калмыков за «сопротивление органам Советской власти», массовое сотрудничество с германскими оккупантами. Якобы более 30 процентов взрослого калмыцкого населения «с оружием в руках выступили против Советской власти». Скорее всего, такая массовость — миф, сотворенный самим НКВД, создававшим самому себе новое поле деятельности. Да, известен созданный германским вермахтом калмыцкий кавалерийский корпус (более 5000 человек), который до самого конца войны действовал против партизан на Украине, в Польше и в Хорватии. Но ведь известно и другое: около 8000 калмыков отмечены за солдатскую доблесть в годы войны государственными наградами СССР.

Кроме этого, не секрет, что национальные формирования были созданы германским военным командованием и руководством СС также из представителей значительного числа других (помимо калмыков) народов СССР. Судя по всему, это предусматривалось нацистской военно-оккупационной доктриной по отношению ко всем

этническим группам нашей страны. Достаточно напомнить, что РОА («Русская освободительная армия») генерала Власова состояла в значительной своей части именно из русских, что всего в вермахте и в войсках СС служили почти 1 000 000 славян — русских, украинцев и белорусов, а также около 300 000 граждан СССР неславянских национальностей. Не менее 20 процентов из них (по данным на январь 1945 года) принимали непосредственное участие в боевых действиях на германско-советском фронте. Так что убедительным поводом для «наказания» именно калмыков сам по себе факт существования в составе вермахта калмыцкого корпуса быть не мог. Скоропалительность и спонтанность решения о депортации калмыков подтверждается и тем обстоятельством, что за две с небольшим недели до его вынесения — 8 декабря 1943 года — было принято специальное постановление Советского правительства, имевшее диаметральное назначение, — о выделении средств для восстановления Калмыцкой АССР и оказания помощи калмыцкому народу.

Но уже к 2 января 1944 года практически все калмыки (93 139 человек) высланы из своей автономной республики в Сибирь, а в течение зимы того же года по этнической принадлежности обнаружены и отправлены на спецпоселение также все «лица калмыцкой национальности», проживавшие в других регионах страны.

По той же методе и с аналогичной «мотивацией» были затем последовательно репрессированы крымские татары, чеченцы, ингуши и другие «безвинно провинившиеся» перед Сталиным народы.

Четвертый этап «спецпоселенчества» — 1945—1952 годы. Это время упрочения инфраструктуры спецпоселений, ужесточения режима (что само по себе становилось все более бессмысленным), а также массовой репатриации из стран Европы советских военнопленных, эвакуированных германскими войсками советских немцев и коллаборантов, сотрудничавших с оккупационными властями. Важное явление этого периода — продолжение репрессий против народов Прибалтики, населения западных территорий Украины, Белоруссии и Молдавии, связанное с «советизацией» этих регионов («раскулачивание» и форсированная «коллективизация»), а также с вооруженным сопротивлением советской власти со стороны националистических военных формирований (в ряде регионов Балтии и Западной Украины).

По некоторым данным, только из Прибалтики в 1945—1949 годах выселены 139 957 человек. Из них 125 282 были размещены в Сибири, в том числе 71 756 литовцев, 34 219 латышей и 19 307 эстонцев (16).

Характерна для тех лет уже сама формулировка одного из решений о такой массовой депортации (постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 года) — «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников и бандитов».

Выдворяя значительные группы местного населения из перечисленных территорий, сталинское руководство начало активную русификацию последних (включая вновь образованный после войны в бывшей Восточной Пруссии анклав — Калининградскую область РСФСР), перебрасывая туда массовые контингенты (в основном славянской этнической принадлежности) из других (преимущественно центральных) регионов страны (в том числе 300 семей — из Кировской области).

С 1940—1941 годов депортации приобретают все более ярко выраженный великодержавно-шовинистический характер. Социально-политические аспекты (классовое происхождение, отношение к советской власти и т.п.) тесно переплетаются и увязываются руководством СССР с национальным фактором и нередко подчиняются последнему. Достаточно вспомнить о практике тотального выселения народов — целиком, до последнего человека.

Явные черты этнической чистки, то есть репрессии, направленной против конкретного народа в целом, имела также и депортация больших групп людей определенных национальностей (например, из Прибалтики). Отметим, что в этом случае (если народ не выселялся полностью, «под гребенку») главный удар принимали на себя семьи «социально опасных элементов» — жены, дети, родители, другие родственники, проживавшие совместно с основными «объектами» репрессии, но никоим образом, ни в чем (даже формально) не виноватые перед советской властью.

Возвращение в СССР к такого рода атавистической практике — возрождение в 1930 — 1940-х годах, по сути, круговой поруки родственников — было явным свидетельством политической архаичности сталинского режима, сочетавшего в себе элементы феодального социализма, восточной деспотии и еще более рудиментарной, убогой (нравственно, интеллектуально) рабовладельческой теократии.

Несомненна также иерархичность категорий спецпоселенцев. Высылка каждого народа или определенной группы населения

получала весьма своеобразное юридическое оформление, связанное со множеством конкретно-исторических условий момента депортации. Поэтому для каждой категории высланных устанавливались свои отличительные черты: в оформлении документации, в сроках репрессии и так далее. Безусловно, имелось и много общего для всех (или для многих) категорий поселенцев (структура управления и надзора, режим содержания и т.п.), но определенные (пусть и небольшие) различия, часто неясные даже для комендатур на местах, все же оставались всегда и в определенный момент могли внезапно сыграть решающую роль в судьбе конкретного человека или целой социальной группы. И тогда лавина запросов из комендатур «накрывала» отделы спецпоселений территориальных и центральных органов внутренних дел (или госбезопасности).

Общей особенностью многих выселений 1940-х годов было также то, что они имели административный, то есть внесудебный характер. Это значило, что для применения репрессии достаточным считалось распоряжения властей определенного уровня — на основе политического решения «верхних этажей» диктатуры. При этом документы, подтверждающие «обоснованность» высылки, а также личные дела репрессированных оформлялись уже после депортации, что называется «постфактум». Немцы, польские «осадники» и другие категории репрессированных очень часто прибывали на места поселения вообще без каких-либо документов, подтверждающих «правомерность» их интернирования. Нередко личные дела на поселенцев не оформлялись годами. Таким образом, юридическое оформление высылки считалось делом второстепенным, вспомогательным: главное — найти, изолировать и этапировать, а «бумаги составить — всегда успеется».

Отсюда неизбежно следовали столь частые в то время недоразумения, неразбериха: арестовывали вместо одних — других, «оформляли дела» на людей, абсолютно не причастных к данной категории выселяемых, попавших в их число по нелепой случайности или по чрезмерному служебному рвению непосредственных исполнителей репрессии. Все это порождало массовые потоки жалоб — в «органы», в Верховный Совет СССР и в другие «высшие инстанции». Но доказать свою невиновность «задним числом» было чрезвычайно сложно — машина государственного террора обратного хода не допускала. Впрочем, редкие исключения все же имели место.

Возвращаясь к рассмотрению особенностей положения различных категорий поселенцев, имевшихся здесь сложностей и бюрократических «тонкостей», обратимся для примера к прибалтам. Де-

портированные в июне 1941 года жители Литвы, Латвии и Эстонии первоначально были отнесены (в большинстве своем) к категории «ссыльнопоселенцев», то есть — выселенных на 20 лет с поражением в гражданских правах. В 1952 году их перевели на положение «спецпоселенцев» (с сохранением статуса граждан СССР, с правом участия в выборах), хотя в реальности это не внесло в их жизнь никаких существенных изменений.

Другие категории депортированных прибалтов официально квалифицировались в учетных документах НКВД-МВД-МГБ, как «выселенные»: «из Литвы — в 1945—1948 годах»; «из Прибалтики — в 1949 году»; «кулаки из Литвы — в 1951 году».

Все эти категории высланных дифференцировались на 3 группы — по срокам действия репрессии:

1) выселенные на определенный срок (депортация 1941 года);

2) выселенные без указания срока (депортации 1945—1948 годов);

3) выселенные навечно (депортации 1949—1952 годов).

Основное различие здесь заключалось в том, что поселенцы первой и второй категорий получали за побег 5 лет исправительно-трудовых лагерей, а третьей категории — 20 лет каторжных работ.

И такого рода «нюансы» имелись во многих других случаях. Например, среди общей категории «немцы» особо выделялись: «поволжские немцы», «местные немцы», «мобилизованные», «репатриированные»...

Бюрократическая игра «кошки с мышками» — вот отношение властей к депортированным в ту эпоху.

* * *

Самое масштабное по численности явление послевоенного периода депортаций — репатриация из стран зарубежной Европы миллионов советских граждан. Таковых оказалось вне СССР к концу войны — 5 000 000 человек. Основная масса — бывшие «восточные рабочие» («остарбайтеры»), вывезенные оккупантами из нашей страны на принудительные работы в «Третий рейх». В живых остались также 1 700 000 советских военнопленных. (Кстати, любопытно было бы проследить общие и отличительные черты жизни заключенных советского ГУЛАГа и нацистских концлагерей, а также спецпереселенцев и «остарбайтеров».) Сюда же следует отнести многие тысячи пособников оккупационного режима, добровольно ушедших при отступлении германских войск, а также эвакуирован-

ных вермахтом и СС из Советского Союза в Европу этнических немцев.

Поскольку СССР понес во время войны огромные людские потери, его правительство сделало все для того, чтобы вернуть на родину максимальное число советских граждан — вне зависимости от их нового гражданского статуса, а тем более — от их желания или нежелания. Была поставлена задача сделать репатриацию обязательной для всех бывших советских людей — вчерашних германских рабов или пленных.

По мнению автора очень интересных очерков о проблемах репатриации — В.Н. Земскова, не менее 80 процентов «восточников», то есть граждан СССР в границах до сентября 1939 года, возвращались на Родину вполне добровольно и не мыслили альтернативы.

На самом деле, очень многие (если не большинство) из советских «перемещенных лиц» опасались не того, что им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не будет дозволено вернуться в Советский Союз (17).

Основную же массу «невозвращенцев» составили так называемые «западники» — жители западных территорий Украины и Белоруссии, а также республик Балтии. Эти лица были освобождены англо-американской администрацией от обязательной репатриации в СССР.

Более того, с октября 1945 года — в связи с развертыванием «холодной войны» — бывшими союзниками была прекращена и обязательная выдача СССР коллаборационистов-«восточников».В результате около 500 000 бывших советских граждан так и остались за рубежом.

Неожиданно мягким оказалось отношение Советского правительства к бывшим военнослужащим Русской Освободительной Армии (РОА — «армии генерала Власова»), которые получили в тогдашней системе учета НКВД-МВД-МГБ официальное наименование — «власовцы». В подавляющем большинстве они не привлекались к уголовной ответственности — по составам статьи 58 пункт 1 («измена Родине») Уголовного кодекса РСФСР либо статьи 193 пункт 22 («переход военнослужащего на сторону неприятеля в военное время»), мера наказания — вплоть до смертной казни. После первичной проверки во фронтовых фильтрационных пунктах и последующего более тщательного «просвечивания» в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД (иногда это занимало от нескольких месяцев до двух и более лет) «власовцы» направлялись прямиком на 6-годичное спецпоселение. Причем

срок неволи им отсчитывался с момента поступления на поселение, и в 1952 году значительная их часть была освобождена — в связи с истечением отмеренного срока.

Под суд были отданы лишь руководящий и командный состав коллаборационистов (полиции, РОА, национальных легионов, оккупационного управления сел и городов — старосты и бургомистры), а также рядовые полицейские и солдаты, принимавшие участие в карательных операциях и расстрелах. Осужденные, как правило, попадали в застенки ГУЛАГа. Но основная масса коллаборантов (под официальной номинацией «категория контингента — власовцы») была отправлена на 6-летнее спецпоселение.

Очень важным для бывших советских военнопленных явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». Указ «высочайше избавлял» узников нацистских концлагерей от уголовной кары за попадание в плен живыми, но моральное клеймо на этих людях, в свое время безжалостно преданных сталинским режимом, осталось на долгие годы.

В 1946—1947 годах на учет спецпоселения были приняты 148 079 «власовцев». Они находились там — в подавляющем большинстве — без семей. Довольно высокой была смертность этой категории. Надо сказать, что статус «власовцев», в отличие от большинства других категорий поселенцев, не был наследственным, то есть дети, рождавшиеся в их семьях на спецпоселении, формально считались свободными. Да вот беда: детей появлялось там на свет «всего ничего» — ведь семьи-то в основном оставались на родине, проживали отдельно...

Окончательно категория «власовцев» перестала существовать лишь в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». По этому Указу досрочно освободились из ГУЛАГа 55 480 заключенных. Находились, конечно, среди них и безвинно пострадавшие (участники европейского движения Сопротивления, партизаны — из Италии, Франции и так далее), но немало было и активных коллаборационистов, убежденных противников советской власти.

Преобладающая часть бывших граждан СССР находилась после окончания войны на территориях Германии — в зонах оккупации, контролируемых прежними союзниками по антигитлеровской ко-

алиции, и оттуда постепенно передавалась советским властям. Уже к марту 1946 года из этих зон были возвращены 2 352 686 человек. А всего, по статистике Управления Уполномоченного Совнаркома (Совета Министров) СССР по делам репатриации (во главе — генерал-полковник Ф.И. Голиков), к 1 марта 1946 года репатриированы 5352 963 человека. При этом более 1 153 000 человек перемещены внутри СССР: из одних подвергавшихся германской оккупации территорий — в другие.

После прохождения установленных и непременных «профилактических процедур» (в армейских лагерях, в сборно-пересыльных пунктах Наркомата обороны или в проверочно-фильтрационных пунктах НКВД) основная масса не вызвавших подозрений репатриантов отправлялась на родину. А заподозренные в чем-либо «органами» лица подвергались более «глубокой» проверке, но уже — в соответствующих лагерях НКВД (проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых), причем результаты такой «проверки» нередко оборачивались «тяжеловесными» сроками заключения, а то и высшей мерой «социальной защиты» (правда, с 26 мая 1947 года смертная казнь была официально отменена, но ее узаконили вновь 12 января 1950 года).

Из почти 4200000 репатриированных советских граждан, находившихся вне пределов СССР, более 2 600 000 человек являлись гражданскими лицами, а около 1 450 000 — бывшими военнопленными (данные на 1 марта 1946 года). Даже в случае относительно благополучного исхода репатриации (отправке к прежнему месту жительства) сотни тысяч из этих людей в дальнейшем десятилетиями испытывали подозрительность со стороны советских властей, дискриминацию при приеме на работу и учебу, препятствия в карьере, постоянное, назойливое внимание органов безопасности (включая вызовы на ночные «беседы»-допросы) и прочие дополнительные неудобства в жизни, обусловленные пребыванием в плену или на принудительных работах в Германии.

Узники нацистских концлагерей официально не признавались (вплоть до начала 1990-х годов) участниками войны, и кто измерит величину морального да и физического ущерба, который был нанесен этим людям — и без того не обласканным судьбой.

Значительная часть бывших военнопленных (более 600 000 человек) была зачислена в «рабочие батальоны» Народного комиссариата обороны и отправлена на предприятия и стройки страны: в угольную промышленность (более 250 000), в черную металлургию

(более 102 000), в местную промышленность (более 25 000) и так далее.

В июле 1946 года «рабочие батальоны» расформировали, но находившиеся в них репатрианты, формально сохраняя статус граждан СССР, были оставлены в местах своего пребывания и переданы в штаты «работодателей» — строек и предприятий. Проще говоря, эти новоявленные крепостные не имели права самовольно покинуть место работы — подобно тому, как некогда в XVIII веке российские крестьяне, приписанные к конкретным заводам и мануфактурам.

Таким образом, если спецпоселенцы других категорий не имели права покинуть свое «обязательное место жительства», то репатрианты стали «крепки» (закрепощены) по месту своей работы. Лишь к 1948 году число их сократилось (и значительно — втрое), а затем стало более равноправным (относительно других слоев населения) также и социальное их положение. Репатрианты, принадлежавшие к числу «наказанных» народов, также отправлялись (после соответствующих проверок и «фильтрации») в спецпоселки Севера, Сибири, Урала, Казахстана. Так, на 1 января 1953 года на учете спецпоселения находились 208 388 немцев. При этом возникала масса проблем по части воссоединения семей. Процедура эта была тягостная, длительная и малорезультативная. Большинство желавших воссоединиться семей разрешения на это не получали.

Следует сказать особо о народе, который уже после войны пополнил перечень целиком репрессированных этносов и вошел в спецпоселенческую статистику отдельной строкой. Речь идет об ингерманландцах (ижорских финнах), вывезенных оккупантами из Ленинградской области — вначале в Эстонию, а затем — в Финляндию. В 1945—1946 годах ингерманландцы были возвращены в СССР и расселены в нескольких великорусских областях. На март 1946 года количество репатриантов этой категории составляло 55 942 человека. (19) Еще один народ, лишенный своей родины...

В общем и целом репатриация советских граждан в 1945—1946 годах являет собой пример беспрецедентного перемещения в Европе XX века миллионов существенно ограниченных в своих правах людей. Впрочем, изучать это уникальное явление необходимо в тесной связи с предтечей и аналогом этого процесса: вывозом Германией в 1942—1945 годах из оккупированных ею территорий Советского Союза военнопленных и «восточных рабочих», режимом их содержания, условиями «трудоиспользования» и так далее.

* * *

Последний этап в истории спецпоселений — период с марта 1953 года до конца 1950-х годов.

Это время подготовки и проведения массовых амнистий, последовательного освобождения поселенцев и ссыльных, а в конечном итоге — ликвидации структуры спецпоселений и ссылки как системы массовых репрессий против граждан СССР (хотя рецидивы этой политики и практики давали о себе знать и в последующие годы — кампания против «тунеядства», «бродяжничества» и т.п.).

В краткий промежуток хрущевской «оттепели» (в основном в 1955—1957 годах) были освобождены все «наказанные» народы, правда, с существенными ограничениями в некоторых своих правах. С помощью документальных источников, на материалах личных дел конкретных людей — спецпоселенцев и ссыльных самых разных национальностей — мы проследим в последующих разделах книги общие черты и особенности этого процесса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 12
ОСНОВНЫЕ ЭВАКУАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

[Данные о депортации советских граждан немецкой национальности, 1942—1944 годы]

— Январь—март 1942 года:
из Ингерманландии, Луги, Шлиссельбурга, Принаровья — 4000 человек;
— Январь—июль 1943 года:
из Белоруссии — 10000 человек;
— Февраль 1943 года:
из Донбасса, Калмыцкой степи, Северного Кавказа — 11 000 человек;
— Октябрь 1943 года — март 1944 года:
из Крыма, Херсона, Николаева, Киева, Харькова, Запорожья, Кривого Рога, Мелитополя, Мариуполя — 72 000 человек;
— Август 1943 года — май 1944 года:
из Приднепровья и Причерноморья — 73 000 человек;
— Октябрь 1943 года — май 1944 года:
из Восточной Волыни — 45 000 человек;
— Май—июнь 1944 года:
из Одессы и прилегающих районов — 135 000 человек;
— Всего — 350 000 человек.

Урал. 1982. № 10. С. 146.

Документ 13

СОВ. СЕКРЕТНО
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ НКВД СССР
ПОЛКОВНИКУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
тов. КУЗНЕЦОВУ
гор. Москва

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

(Надписи:)
т. Морозов
— *Подготовьте спецсообщение на имя т. Чернышева*
М. Кузнецов
26/VII 45
— т. Петренко
Исполните
28/7 (Подпись, неразборчиво)
— Справка: Эшелон 48015 следовал из Рава-Русская на ст. Иркутск
(Подпись, неразборчиво)
(Штамп:)
Отдел спецпоселений
НКВД СССР
Вх. 6897
26/VII 1945 г.

27/VI—1945 года на станцию Иркутск из Раворусского пересыльно-фильтровочного пункта прибыл эшелон за № 48015 с семьями спецпереселенцев немцев в количестве 1374 человека.

При приеме эшелона по жалобам спецпереселенцев было выявлено ряд фактов преступной деятельности со стороны конвоя 233-го полка 35-й дивизии конвойных войск НКВД, выразившихся в следующем:

1) Начальник конвоя гвардии Младший Лейтенант ШИЛОВ Василий Васильевич организацией службы в пути следования не занимался, систематически пьянствовал, несение службы конвоем не проверял.

2) Личный состав конвоя занимался хищением хлеба, принадлежащего спецпереселенцам, так на ст. Обдулино и на ст. Красноярск было похищено 37 буханок хлеба, из которых часть этого хлеба была продана спецконтингенту по 70—80 руб. за буханку.

3) На ст. Челябинск личным составом конвоя был похищен из проходящего состава брезент и из этого брезента была организована пошивка сапог, а часть брезента была продана по 30 руб. метр. Для пошивки сапог были привлечены сапожники из числа спецпереселенцев, которые сшили 7 пар новых сапог Сержантам СИДОРОВУ, СОЛОПОВУ, Мл. Сержантам РЫЧАГОВУ, ДМИТРИЕНКО, КОСТОЧКА и красноармейцам АЛОЯРОВУ и ГРАКОВУ.

4) Нач. конвоя Мл. Лейтенант ШИЛОВ из числа спецпереселенцев приглашал девушек убирать у себя в вагоне и делал попытку склонить их к половому сношению. Так 18 июня ШИЛОВ использовал в половом от-

ношении с применением физического насилия и угроз спецпереселенку ЕТЛЕР Антонину Августовну, 1921 года рождения.

5) На ст. Красноярск Нач. конвоя Гвардии Мл. Лейтенант ШИЛОВ пригласил к себе в вагон знакомую ему буфетчицу ресторана ст. Красноярск и использовал ее в половом отношении.

6) За время пути следования ШИЛОВ разрешал проезд в своем вагоне посторонним лицам.

Один раз им был разрешен проезд двум женщинам и одному Ст. Сержанту войск НКВД, второй раз разрешил проезд одной девушке, которую, по показаниям фельдшера эшелона ЧИЩЕВОЙ, ШИЛОВ пытался изнасиловать, но так как она ему оказала сопротивление, он ее выбросил на ходу поезда из вагона.

Материалы о преступной деятельности конвоя переданы Начальнику Отдела контрразведки «СМЕРШ» 38-й дивизии войск НКВД.

Все выявленные факты, по сообщению отдела контрразведки «СМЕРШ», при расследовании подтвердились и конвой задержан.

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД по ИО
ПОДПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ТАММАН)
НАЧАЛЬНИК ОСП УНКВД по ИО
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ЛЕТОХОВ)
«17» июля 1945 г.
№ 19/635
г. Иркутск

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 25—26)

Документ 14

АКТ

1951 года декабря 8 дня

Пом. Прокурора Кировской области по спецделам юрист I класса ПОМЕЛОВ, в присутствии начальника Мухинского РО МГБ майора тов. МАКОВЕЕВА произвел проверку исполнения постановления СНК СССР № 35 от 8/I—1945 года «О правовом положении спецпереселенцев».

УСТАНОВИЛ

На территории Мухинского района имеется два спецпоселка, которые находятся при племсвиносовхозе «Мухинский».

1. Спецпоселок № 15 расположен в 8 км от райцентра село Мухино, состав связи гужавтотранспорт. Всего на учете в спецпоселке № 15 находится 856 человек, из них:

— немцев 794 человека, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 231 человек,
— эстонцев 62 человека, дети не учитываются,
— болгар 45 человек, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 16 человек,
— оуновцев 8 человек, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 4 человека,
— власовцев 6 человек,
— чеченцев 3 человека, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 2 человека,

— литовцев 1 человек.

Из 856 человек работают в племсвиносовхозе Мухинский:

— немцев 441 человек, не работает 40 человек,

— эстонцев 46 человек, не работает 6 человек,

— болгар работает 23 человека — не работает 3 человека,

— оуновцев работает 3 человека — не работает 1 человек,

— власовцев работает 5 человек — не работает нет,

— чеченцев работает 1 человек — не работает нет.

Все 50 человек не работают по семейным обстоятельствам — это женщины, имеющие маленьких детей, так как при совхозе не имеется ни детсада и ни детяслей.

Из 856 человек лиц, содержащихся на спецпоселке № 15, значатся:

а) выселенцами 62 чел.

б) спецпоселенцами 794 чел.

Личные дела имеются на всех 856 человек.

Учет спецпоселенцев и выселенцев ведется по книге и карточкам.

Все личные дела и карточки хранятся в РО МГБ, личные дела документированы полностью.

В личных делах имеются документы: на спецпоселенцев справки о поселении навечно на основании Указа от 26/XI 1948 года и подписка об объявлении этого Указа. На Оуновцев выписки из протокола Особого Совещания при МВД СССР. На «Власовцев» личные дела высланы в 9-й отдел УМГБ.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Спецпоселенцы квартирами обеспечены полностью, из них 31 семья имеет собственные дома. Санитарно-жилищные условия удовлетворительные, в некоторых квартирах не имеется зимних рам. В поселке имеется 1 НСШ и 1 начальная школа, клуб, столовая, два магазина и ларек. Продуктами питания и промтоварами обеспечены, кроме того, все желающие иметь подсобное хозяйство обеспечены земельными участками. Заработок на полеводстве составляет в среднем 300—400 руб. в месяц, а на фермах до 1000 рублей в месяц.

АДМВЗЫСКАНИЯ

За 1951 год адмвзысканий было наложено на 2 человек — штраф по 50 рублей, который взыскан. Фактов нарушений инструкции для коменданта спецкомендатур не обнаружено. При личном посещении квартир спецпоселенцев в 3 бараках — жалоб не поступило.

2. Спецпоселок № 17 расположен в 18 км от райцентра село Мухино на участке № 2 племсвиносовхоза «Мухинский», с райцентром и станцией жел. дор. связан гужтранспортом.

Всего на учете в спецпоселке № 17 находится 390 человек. Из них: немцев 276 человек, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 96 человек. Болгар 31 человек, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 9 человек. Эстонцев 74 человека, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 11 человек. Оуновцев 5 человек, в т.ч. детей до 16-летнего возраста 3 человека. Власовцев 4 человека, детей нет.

Из 390 человек работает в племсвиносовхозе «Мухинский». Немцев 155 чел., не работает 25 чел. Эстонцев 52 чел., не работает 11 чел. Оуновцев 2 чел., не работает — нет. Власовцев 4 чел., не работает — нет.

Из 390 человек лиц, содержащихся на поселке № 17, значатся: а) выселенцев 74 чел.; б) спецпоселенцев 316 чел.

Личные дела имеются на всех 390 человек, которые хранятся в РО МГБ. В личных делах имеются документы: на спецпоселенцев справки о поселении навечно на основании Указа от 26/XI—1948 года и подписка об объявлении этого Указа. На оуновцев постановление Особого Совещания при МВД.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Спецпоселенцы, работающие на участке № 2 племсвиносовхоза, квартирами все обеспечены, проживают большинство в бараках, бараки ветхие и холодные для жилья, 7 семей имеют собственные дома. В поселке имеется одна начальная школа, клуб, магазин, столовая, а детсада нет, так как на зимний сезон закрыт. Все желающие иметь подсобные хозяйства обеспечены земельными участками. Заработки по тем же расценкам, что и на поселке № 15. <...>

(ГАКО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 517. Л. 28, 29)

§ 3. Инфраструктура спецпоселения

По данным на 20 июня 1952 года, в 12 северных районах Кировской области (а всего их, по административно-территориальному делению 1950 года, было 60) размещались 19 спецкомендатур с 9077 спецпоселенцами. Кроме того, в 38 районах и в областном центре проживали 1137 ссыльных и высланных.

В последнем документе мы отчетливо видим ряд основных черт аграрного спецпоселения. Как правило, располагается оно вдали от крупных населенных пунктов (райцентров), а также от железной дороги — на сей счет существовали определенные и жесткие инструкции.

Категорийный учет «контингентов» ведется фактически по национальному признаку. Даже рядом со словом «оуновцы» в учетных документах МГБ уже пишут — «украинцы». Да и размещаются поселенцы в этих «спецпристанищах» чаще всего компактными национальными группами — так все-таки легче жить и вероятнее выжить.

Труд является принудительным и обязательным для всего способного к нему населения. И хотя оформляются на работу поселенцы так же, как и обычные советские граждане, но место и характер их трудоиспользования определяют «хозяева»-начальники. На всей жизни в этой «спецневоле» лежит печать временности: ветхие и холодные бараки, неуверенность в завтрашнем дне, постоянное ожидание возвращения на родину.

Особо выделяются (в составе спецпоселений, указанных в рассматриваемом нами документе) эстонцы. Они числятся по учету МГБ как «выселенцы», то есть сосланные не навечно, а на определенный срок, и статус высланного для них не является наследственным — их дети, родившиеся в ссылке, становятся свободными.

Все основные (да и второстепенные) стороны жизни на спецпоселении контролируются комендатурами, во главе каждой из них — комендант. У последнего в подчинении соответствующий аппарат: помощники, надзиратели и т.д. Все они — штатные сотрудники МВД (или МГБ — в период принадлежности спецпоселений этому ведомству). Следующая управленческая ступень — районные отделы внутренних дел (госбезопасности), еще выше — отделы спецпоселений УМВД-УМГБ краев и областей (МВД-МГБ автономных и союзных республик).

Комендант отслеживал настроения поселенцев, надзирал за соблюдением режима, вел бюрократическую переписку с начальством и личные дела вверенного его попечению «спецнаселения». Как и положено в системе ГУЛАГа (и не только в ней, и не только в те годы), насаждалось повальное доносительство, плелась плотная агентурно-осведомительная сеть. На 1 октября 1951 года в этой «сети» по Кировской области числились 517 спецпоселенцев, из них агентов — 498, резидентов — 19.

Специалисты из МГБ, приняв под свое крыло структуру спецпоселений, чувствительно «перетряхнули» ее, уволив в 1952 году 5 комендантов (из 19) и несколько их помощников. В одном из отчетов Кировского областного УМГБ отмечалось, что «аппарат спецкомендатур засорен безынициативными и неработоспособными работниками». Существенно (более чем наполовину) сокращено и число секретных осведомителей среди поселенцев: агентов — до 229, резидентов — до 7.

Агентурно-осведомительная сеть — тайная опора власти в спецпоселениях. Легальная же структура, которая открыто и существенно содействовала «органам» в местах обязательного поселения, состояла из так называемого «актива» — старших (старост) «десятидворок», общежитий и бараков. В состав этого «актива» в Кировской области входили 310 спецпоселенцев. Кстати, именно такого рода структуру впоследствии широко развернули в Северной Корее — строя там социализм с «национальной спецификой»... Кроме перечисленных выше тайных и явных помощников, у спецпоселенческих комендантов имелись под рукой и 852 «члена групп содействия органам МГБ». Правда, активность этих «содействующих» была весьма сомнительной и, по всей видимости, оставляла след лишь в официальных отчетах. Тем не менее на каждых 30 спецпоселенцев всех возрастов приходилось по одному «старшему-смотрящему» из числа «актива», а каждые 40 — неусыпно отслеживались бдительным оком «своего» тайного агента-осведомителя.

Каждая комендатура держала на учете (в среднем) около 480 спецпоселенцев. Для северных (лесных и малонаселенных) районов Вятского края — это немалая цифра. Работали «подучетные» в основном в местных леспромхозах и совхозах.

«Основным законом» жизни и деятельности спецпоселений являлся подписанный наркомом внутренних дел СССР Л.П. Берией приказ от 7 февраля 1944 года «О введении в действие положения о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД». Именно и непосредственно на спецкомендатуры возлагались задачи по агентурно-оперативному «обслуживанию» переселенцев и ссыльных, предупреждению побегов, розыску и выявлению антисоветских и уголовных элементов, ведению агентурных разработок и дел по преступлениям среди подопечного контингента.

Чем же занимались спецкомендатуры в своей рутинной повседневности? Первое дело — как везде и всюду при социализме — это учет. С начала 1950-х годов в личном деле каждого спецпоселенца заводились календарные (по годам) учетные карточки, в которых он обязан был ежемесячно расписываться (регистрироваться), в назначенный день и собственной персоной являясь к коменданту — без каких-либо оговорок и скидок на «объективные обстоятельства» (болезнь, непогоду и прочее). В отчете о спецпоселениях в Кировской области за 1952 год читаем: «умышленного уклонения спецпоселенцев от явок на регистрацию не было».

За январь—июнь того же года зафиксированы лишь 40 случаев нарушений режима содержания (в среднем — по 2 на каждую комендатуру) с последующими наказаниями в виде штрафов. Что же за проступки совершались спецпоселенцами? Во-первых, 15 человек оштрафованы (на общую сумму — 725 рублей) за самовольные отлучки из «мест обязательного поселения». Во-вторых, 17 человек наказаны штрафами (общая сумма — 900 рублей) за нарушения общественного порядка (пьянство, драки). При этом 5 человек подвергнуты аресту (в целом — на 17 суток). В-третьих, один человек за хулиганскую выходку оштрафован на 100 рублей и арестован на 3 суток. Думается, что в обычных селах и деревнях в те времена такого рода происшествий (пьянок и рукоприкладства) было «на круг» никак не меньше.

Другое важное направление деятельности спецкомендатур — борьба с побегами и профилактическая работа со «склонными» к ним поселенцами. Таковыми «органы» Кировской области к началу 1952 года числили 17 человек. В 1951 году в области зафиксированы 2 побега из «мест обязательного поселения». Причем

одна из бежавших — немка А.К. Штурм — задержана в 20 километрах от спецпоселка и наказана 2 годами каторжных работ. Комментарии тут излишни... Из числа ранее бежавших обнаружены в 1951 году 8 человек, но 45 беглецов так и не настигнуты — объявлены во всесоюзный розыск. Более половины из них (26 человек) — ссыльные эстонцы, поиск которых ведется через МГБ Эстонской ССР. И это логично: ведь в подавляющем большинстве беглецы устремлялись на родину, к отчему дому. Любопытный и, очевидно, не такой уж редкий факт: некоторые из бежавших спецпоселенцев-украинцев явились с повинной в органы УМВД-УМГБ Волынской и Дрогобычской (ныне Львовской) областей и там были ... амнистированы.

За 1951 год по всей сети спецпоселений Кировской области рассмотрены 1625 жалоб и заявлений от поднадзорных: о соединении семей, о выездах на лечение или на учебу, о розыске родственников и т.п. С согласия Москвы (9-го Управления МГБ СССР — именно эта инстанция была наделена исключительными полномочиями в таких делах) 7 семей выехали для воссоединения из Кировской области, а 15 — прибыли на ее территорию. Цифры мизерные по отношению к общему числу насильственно разрозненных семей: их только среди российских немцев насчитывались, как мы знаем, многие и многие десятки тысяч. Видимо, в большинстве случаев в просьбах о воссоединении было отказано.

Еще одна повседневная и первоочередная забота руководства спецпоселений — трудоустройство и трудоиспользование «учетных контингентов». Дело это отнюдь не простое. Местные власти «интересовались» спецпоселенцами лишь как дешевой и безотказной рабочей силой. Их использовали на примитивных и тяжелых физических работах: шахты, рудники, лесоповал, сельское хозяйство. Квалифицированные специалисты (инженеры, техники, не говоря уже о «гуманитариях») не могли найти достойного применения своим знаниям и практическим навыкам. Да и труд остальных спецпоселенцев применялся неразумно и неэффективно. Их просто эксплуатировали на износ, начисляли меньшую, чем вольнонаемным местным жителям, заработную плату, постоянно задерживали ее, причем руководители предприятий нередко еще и обсчитывали приписанную им подневольную «рабсилу». Кроме того, 10 процентов от зарплаты депортированных удерживались в пользу «органов» (НКВД-МВД-МГБ). Словом: «крепость», «барщина», «десятина» — почти полный средневеково-феодальный набор...

Чрезвычайно высокой была и смертность спецпоселенцев, особенно в первые пять лет после высылки. В это время учетные сведения о летальности среди них значительно превосходили статистические данные о рождаемости. Лишь в начале 1950-х годов усредненные показатели рождаемости у ссыльных народов начали превышать уровень смертности, и, таким образом, прекратились процессы их депопуляции.

В Сибири, например, в 1940—1941 годах смертность у польских «осадников» составила 7,7 процента от общего их числа, а среди спецпереселенцев из Прибалтики в 1945—1950 годах зарегистрировано умерших в 5 раз больше, чем родившихся.

Главные причины массовой гибели депортированных — дистрофия, заболевания органов дыхания (воспаление легких) и туберкулез. Проще говоря, многие поселенцы умирали в непривычно суровом для них климате от непосильного труда голодной смертью: из-за простуды (холодное жилье, тяжкая и длительная работа на морозе, отсутствие теплой одежды) и хронического недостатка питания. Моральное состояние людей в первые годы высылки также было очень тяжелым. Беспросветная жизнь, отсутствие надежд на будущее усугублялись «Указом о вечной ссылке».

Как правило, поляки, прибалты, «западные» украинцы, уроженцы Кавказа и Крыма держались достаточно замкнуто и отчужденно от местного населения, устанавливая с ним лишь необходимые или вынужденные контакты. Друг с другом разные этносы общались тоже не очень активно, замыкаясь в своем национальном кругу. Но элементы солидарности и взаимоподдержки в среде депортированных, конечно, были. Хотя не обходилось и без спонтанных националистических проявлений. Так, многие прибалты и поляки считали именно русских виновниками своей высылки. Острые конфликтные ситуации нередко возникали между поляками и украинцами. Имели место и антисемитские высказывания и настроения.

В основном высланные по национальным мотивам общались на родном для них языке: в быту, в семьях и между собой на работе. Но в силу жизненных условий и производственной необходимости они вынужденно усваивали (одни — лучше, другие — хуже) и русский язык.

Можно согласиться с исследователем этой темы В. Брулем: поляки, немцы, литовцы, латыши, эстонцы считали местное население малообразованным, малокультурным и не желали вступать с ним в контакт (20). И все-таки это в большей мере справедливо для Сибири и Русского Севера, для сельской местности, где сами усло-

вия жизни консервировали этническую разобщенность, обостряли чувства ностальгии, отчужденности, изоляции от родной культуры и т.п. На Урале же, в других промышленных регионах и в лагерях ГУЛАГа национальные различия стирались быстрее и взаимодействие этносов (на личностном уровне) было более тесным.

На «особом положении» в этой ситуации оказались российские немцы. Они могли общаться на родном языке только между собой и только в быту. И это вполне объяснимо: ведь немецкий язык (в понимании чиновников да и в массовом сознании советских людей) на многие годы — во время войны и после нее — являлся и оставался «языком фашистов».

Такое мощное политическое и моральное давление приводило к вытеснению родной речи из обихода российских немцев. Результат печален: при переписи населения в 1959 году лишь 75 процентов из них назвали немецкий в качестве своего родного языка. Наряду с этим масштабными в 1960—1970-х годах стали такие явления, как замена немецких имен и фамилий на русские, плохое знание, а то и забвение национальных традиций и обычаев.

Все это дает весьма веские основания для вывода о том, что в среду российских немцев в 1940-х годах была внедрена, а затем активно развивалась в ней тенденция депопуляции, ассимиляции с коренным населением. И эта тенденция, резко катализированная в последние десятилетия параллельным процессом массовой эмиграции, по всей видимости, приобрела сегодня уже необратимый характер.

* * *

В марте 1949 года в спецпоселениях было проведено обследование уровня грамотности и образования «учетных контингентов». Выяснилось, что уровень этот значительно ниже, чем в среднем по стране (впрочем, за основу брались результаты переписи населения СССР 1939 года, а они, как известно, были существенно «подкорректированы» — по указанию политического руководства, или, выражаясь на гулаговском сленге, — изрядно «заряжены туфтой»). Итак, согласно обследованию, среди взрослых спецпоселенцев лишь 0,6 процента людей с высшим образованием, 4,3 процента — имеют среднее, 71,0 процента — низшее образование, а 24,1 процента — неграмотны. Причем последних среди поселенцев-кавказцев больше половины, а среди немцев, например, — 11,1 процента. Значительно выше среднего уровня показатели образованности у прибалтов.

В целом же картина удручающая. Но лишь с точки зрения, так сказать, сугубо статистической. Для «органов» же (и особенно для администрации местных спецкомендатур) в этом было определенное «рациональное зерно»: малограмотными людьми проще управлять, от них меньше запросов, претензий, а самое главное — письменных жалоб и обращений в различные «инстанции».

По социальному происхождению и положению подавляющее большинство спецпоселенцев — крестьяне, сельские жители: хлеборобы и огородники, виноградари и скотоводы во многих поколениях.

Ясно поэтому, что заставлять калмыков работать в слюдяных рудниках, крымских татар — валить лес, турок-месхетинцев — добывать уголь и т.д. и т.п. — абсурдная, бессмысленная трата сил этих и многих других народов, одно из средств геноцида по отношению к ним.

Чудовищная «эффективность» этого средства, предопределившего массовую гибель поселенцев, особенно в первые годы неволи, вряд ли нуждается в «дополнительных доказательствах».

Несомненный интерес представляют также данные о половозрастном составе спецпоселенцев.

В нижеследующей таблице мы видим соотношение мужчин, женщин и детей среди различных категорий «спецнаселения», в том числе — среди депортированных народов.

Документ 15

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

(по состоянию на 15 июля 1949 года) (21)

Контингенты	ВСЕГО	В том числе:		
		Мужчины	Женщины	Дети
Немцы	1093490	286311	435413	371766
С Северного Кавказа	463633	114139	148916	200578
Из Крыма	192953	55594	75346	62013
Калмыкии	77663	22380	29577	25706
Из Грузии в 1944 г.	81575	19421	25107	37047
Из Прибалтики в 1949 г.	91204	24022	40877	26305
Из Молдавии в 1949 г.	34763	9233	13702	11828
С «Черноморского побережья»	57246	18319	18892	20035
Всего выселенцев-спецпоселенцев (выселенные навечно)	2092527	549419	787830	755278
«Оуновцы»	95552	22569	48583	24400
«Власовцы»	131394	131130	264	—

Продолжение таблицы

Контингенты	ВСЕГО	В том числе:		
		Мужчины	Женщины	Дети
Из Литвы в 1945—1948 гг.	46456	13453	19698	13305
По Указу ПВС СССР от 2 июня 1948 года	22498	11744	10754	—
«Фольксдойчи»	3232	515	1879	818
«Немецкие пособники»	2277	524	1162	591
«Истинно православные христиане»	1028	168	618	242
Бывшие кулаки	124585	34317	41694	48574
Поляки	32488	8580	12473	11435
Всего спецпоселенцев (выселенные на сроки)	459510	223000	137145	99365
Итого	**2552037**	**772419**	**924975**	**854643**

На этой таблице отчетливо видны группы народов, высланных навечно, и категории поселенцев, депортированных на определенные сроки. Отметим также, что в подавляющем большинстве категорий и по всем контингентам в целом преобладающую часть составляют женщины. Чуть меньше находится на поселениях детей, ну а менее всего — мужчин. При этом полностью отсутствуют дети среди «власовцев» и высланных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года (так называемых «тунеядцев»).

Средняя семья поселенцев состояла из трех человек: муж с женой и ребенок. Но — в силу специфики положения различных «наказанных» народов и категорий выселенных — такие семьи были характерны отнюдь не для всех «спецрезерваций». Немало пребывало в них и людей одиноких, вдов, сирот, а также многодетных и «многолюдных» семей — численностью более 3 человек.

Главной труженицей на спецпоселениях после войны повсеместно стала женщина, низведенная до уровня «дешевой рабочей силы». Природное предназначение женщины — продолжение рода, создание семьи — под натиском машины государства и под прессом его репрессивных органов отошло на дальний план. Нечеловеческие условия труда и быта приводили к утрате женственности, тяжелым физиологическим расстройствам, раннему бесплодию, а нередко — и к гибели. Деградирует нравственность, обесцениваются и разрушаются традиционные семейные устои. Значительно увеличивается число разводов, вторых и третьих браков. Этому способствовало, в частности, и резкое уменьшение численности мужчин — следствие выморочных предшествующих лет. Все эти про-

цессы происходили и на «воле», но в условиях личной несвободы они приобретали еще более уродливый и пагубный характер.

Необходимо добавить, что среди поселенцев находилось немало стариков, не способных уже ни к какому труду, а также инвалидов, которых можно было использовать лишь на «легких» работах.

В марте 1949 года среди 1489549 взрослых спецпоселенцев (без детей до 16 лет) было учтено: рабочих — 722 361, колхозников — 432 711, единоличников — 851, служащих — 62 240, учащихся — 16 799, неработающих — 19 493, домохозяек — 78 329, престарелых и иждивенцев — 63 441, инвалидов — 41 053, пенсионеров — 3092, прочих — 49 179. Разумеется, среди разных национальных и социальных категорий депортированных соотношение по показателям «трудопригодности» и «трудоиспользования» было весьма не равнозначным.

Следует подчеркнуть также, что в числе «рабочих» значительная доля приходится на работников совхозов, занятых, по сути, крестьянским, сельским трудом. Жизнь людей на поселении, как уже отмечалось, была тягостной и беспросветной: адский быт, грязные и холодные бараки, ветхие дома-времянки и землянки, удручающая нищета. Зарплату выдавали с запозданием и в уменьшенном размере по сравнению с вольнонаемным населением, а в колхозах не платили за работу вообще, рассчитываясь мизерным количеством продуктов питания на трудодни. Обо всем этом вынуждено докладывать «по инстанциям» даже территориальное руководство спецпоселений. Обратимся, в частности, к отчету о деятельности ОСП УМГБ по Кировской области за январь—февраль 1951 года. Бесправие и нищета людей, находящихся в сталинских «спецрезервациях», отчетливо проступают между строк этого документа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 16

Генерал-майору товарищу КОЖЕВНИКОВУ С.Ф.
гор. Москва

ДОКЛАД

о работе УМГБ по Кировской области по спецпоселенцам, ссыльным и высланным за январь—февраль месяцы 1951 года.

Работа по спецпоселенцам, ссыльным и высланным в отчетный период Управлением МГБ по Кировской области строилась в соответствии с требованиями приказа МГБ СССР от 16 ноября 1950 года за № 00552.

1. СОСТОЯНИЕ РЕЖИМА

По состоянию на 1 марта 1951 года в 12 районах Кировской области проживает 8893 спецпереселенца, в том числе:

Наименование контингента	Кол-во семей	Человек	Из них		
			мужчин	женщин	детей до 16 лет
Немцев	2246	6696	1488	2853	2355
Ауновцев	641	1657	421	910	326
Из Крыма (крымские болгары)	149	485	155	197	133
Власовцев	—	50	50	—	—
Чеченцев	1	3	—	1	2
Эстонцев	1	2	—	1	1
Итого	**3038**	**8893**	**2114**	**3962**	**2817**

В соответствии с постановлением СНК СССР № 35—1945 года, инструкцией для комендантов спецкомендатур МГБ, последующих приказов и директив МВД-МГБ СССР для всех спецпоселенцев в местах их расселения установлен определенный режим. От каждого взрослого спецпоселенца отобрана расписка об уголовной ответственности за побег по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

Все спецпоселенцы расселены в 19 спецкомендатурах МГБ области, для гласного надзора за ними из числа их же, на 1 марта 1951 года имеется 358 старших бараков, десятидворок и общежитий.

Старшие бараков, десятидворок и общежитий ежедневно, путем личных явок или по телефону докладывают комендантам спецкомендатур о движении переданных им под гласный надзор спецпоселенцев.

Сообщаемые старшими сведения о движении спецпоселенцев комендантами периодически перепроверяются путем личного обхода квартир спецпоселенцев.

Руководители работ, бригадиры и мастера, у которых заняты на работах спецпоселенцы, в случае невыхода их на работу, сообщают в спецкомендатуру МГБ, кроме того, на местах работ спецпоселенцев периодически бывает комендант или его помощник.

В отчетный период случаев самовольного направления спецпоселенцев в командировки и по другим причинам руководителями хозорганов допущено не было.

Следует отметить, что начальник Кайского РО МГБ майор МАКОВЕЕВ в январе месяце 1951 года самовольно разрешил состоящему на учете в спецкомендатуре № 19 спецпоселенцу-немцу КИСНЕР (Кисснер Александр Адамович — начальник отдела железнодорожного транспорта Вятлага, подполковник тяги, кандидат технических наук. — *В.Б.*) выезд в город Молотов, Молотовской области (ныне город Пермь. — *В.Б.*). Последний из командировки вернулся.

Отмечен случай превышения полномочий начальником Нагорского РО МГБ, который спецпоселенцу ФИХТНЕР И.Х. разрешил без санкции УМГБ по Кировской области выезд в поселок Кирс Омутнинского района Кировской области.

Начальники Кайского и Нагорского РО МГБ предупреждены о строгом выполнении приказа МГБ СССР № 00552—1950 года.

Регистрация спецпоселенцев проводится ежемесячно в течение 20—25 дней.

В разрезе контингентов явки спецпоселенцев на регистрацию выглядят так:

а) немцы

Подлежало явке на регистрацию	Явилось на регистрацию	НЕ ЯВИЛОСЬ			% явки на регистрацию
		из-за болезни	в командировке	всего	
4315	4306	9	—	9	99,79%
4324	4317	7	—	7	99,83%

б) «оуновцы»

Подлежало явке на регистрацию	Явилось на регистрацию	НЕ ЯВИЛОСЬ			% явки на регистрацию
		из-за болезни	в командировке	всего	
1327	1325	2	—	2	99,84%
1331	1329	2	—	2	99,85%

в) из Крыма

Подлежало явке на регистрацию	Явилось на регистрацию	НЕ ЯВИЛОСЬ			% явки на регистрацию
		из-за болезни	в командировке	всего	
349	348	1	—	1	99,72%
352	351	1	—	1	99,73%

г) «власовцы»

Месяцы	Подлежало явке на регистрацию	Явилось на регистрацию	НЕ ЯВИЛОСЬ			% явки на регистрацию
			из-за болезни	в командировке	всего	
январь	49	49	—	—	—	100%
февраль	50	50	—	—	—	100%

В течение января—февраля месяцев административное взыскание наложено на 4 спецпоселенцев, из них:

Подвергнуто адм. взысканиям

Штрафу		Аресту	
Человек	На сумму	Человек	Суток ареста
а) самовольные отлучки			
1	25	—	—
б) нарушение правил общежитий			
3	120	—	—

Случаев необоснованного наложения административных взысканий не зарегистрировано.

В паспортах у выселенных из Крыма (крымских болгар), проживающих на фабрике «Красный Курсант» (спецкомендатура № 13, Медянского РО МГБ), сделаны отметки, у всех других спецпоселенцев вместо паспортов имеются справки.

<...>

VI. КОНТРОЛЬ ЗА ТРУДОВЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

На спецпоселении в Кировской области числится взрослых спецпоселенцев 6076 человек, занято на работах в колхозах, совхозах и промышленных предприятиях области 4768 трудоспособных поселенцев, в том числе:

немцев 3483
ounовцев 987
из Крыма 254
власовцев 44

Контроль за трудовым использованием спецпоселенцев осуществляется комендантами спецкомендатур МГБ и работниками Отдела Спецпоселений УМГБ при выездах в спецкомендатуры.

Руководители предприятий, хозяйственных организаций и колхозов о всех перемещениях по работе трудоустроенных у них спецпоселенцев своевременно ставят в известность комендантов спецкомендатур, а в необходимых случаях эти вопросы предварительно согласовываются с комендантами и начальниками РО МГБ.

Все спецпоселенцы используются на работах согласно их специальностям, за исключением отдельных случаев, когда некоторые спецпоселенцы не имеют возможности устроиться на работу по специальности ввиду отсутствия вакантных мест или отсутствия работы по специальности.

Так, например, в Зуевском районе спецпоселенка ПЕШКО Ираида Иосифовна окончила исторический факультет Пединститута, имеет специальность учительницы, а работает счетоводом в колхозе.

В Медянском районе три спецпоселенца после окончания школы ФЗО получили специальность рольщиков бумажных машин, но на бумажной фабрике «Красный Курсант», ввиду отсутствия вакантных мест, используются на других работах.

Жалоб и заявлений от спецпоселенцев по вопросам трудоустройства не поступало.

В Мухинском районе спецпоселенцы трудоустроены в племсвиносовхозе Министерства совхозов СССР.

Из числа трудоспособных женщин, имеющих малолетних детей, изъявляют желание работать 15 человек, но на работе не используются, так как при совхозе нет детских яслей и совхоз в рабочей силе не нуждается.

За отчетный период времени положение с выдачей заработной платы спецпоселенцам, работающим в системе лесной промышленности, несколько исправлено.

Заработная плата в большинстве леспромхозов спецпереселенцам выдается своевременно. Однако в Шестаковском леспромхозе треста «Кирлес» Министерства лесной промышленности СССР заработная плата работающим там спецпоселенцам до последнего времени выдается несвоевременно, практикуется выдача мелких авансов по 25—30 рублей. По состоянию на 1 марта зарплата не выдана за январь 1951 года.

В результате несвоевременной выдачи заработной платы среди спецпоселенцев имеются нездоровые настроения.

О ликвидации задолженности по заработной плате рабочим Шестаковского леспромхоза вновь поставлен вопрос перед трестом «Кирлес» Министерства лесной промышленности.

На спецпоселках МГБ Кировской области имеется семь уставных сельхозартелей, членами которых состоят спецпоселенцы. Сельхозартели экономически слабы, по этой причине спецпоселенцы колхозники имеют стремление устроиться на работу в промышленные предприятия.

В колхозе имени «Чкалова» Поломского района работают 162 трудоспособных спецпоселенца. Натуральная и денежная стоимость трудодня за 1950 год выразилась: зерна 50 граммов, капусты 90 граммов, масла 1,7 грамма и денег 1 рубль 30 копеек.

В колхозе имени «КИМ» Поломского района, где работают 143 спецпоселенца, на один трудодень за 1950 год выдано: зерна 480 граммов, картофеля 200 граммов, овощей 160 граммов, масла 2 грамма и денег 75 копеек.

В колхозе «Ожмегово», Кайского района, работает 236 взрослых спецпоселенцев. Колхоз озимых посевов не имеет, так как вся земельная площадь в весенний период затопляется. Основными источниками доходов колхоза являются животноводство и прибыль от работы промысловых мастерских. Промысловые мастерские в период сезонных лесозаготовительных работ не функционируют ввиду выбытия на лесозаготовки по мобилизации всей рабочей силы.План хлебопоставок колхозом ежегодно выполняется только на 40—50 процентов. За 1950 год колхозники-спецпоселенцы получили продуктов в общей сложности на 4 рубля 46 копеек на трудодень.

В колхозе «Строитель», Нагорского района, работает 187 спецпоселенцев.План хлебопоставок в 1950 году не выполнен, семенами колхоз обеспечен не полностью. За 1950 год колхозникам выдано по 200 граммов муки на трудодень.

В колхозе «15 лет Октября» Лальского района состоит 25 семей 95 человек, из которых взрослых насчитывается 55 человек. За 1950 год колхозники выработали по 200—350 трудодней и получили: зерна по 1 кг, картофеля по 1 кг, корнеплодов по 1,5 кг, молока по 300 граммов и деньгами по 1 рублю 40 копеек на трудодень.

В целях улучшения экономического положения спецпоселенцев, работающих в колхозах, почти из каждой семьи по одному человеку трудоустроено на работах в системе лесной и других отраслей промышленности.

Существенных изменений в жилищно-бытовых условиях спецпоселенцев за отчетные два месяца не произошло.

В январе—феврале 1951 года жилищно-бытовые условия спецпоселенцев были проверены работниками Отдела Спецпоселений в Зуевском, Нагорском и Медянском районах.

В феврале 1951 года в совхозе Мухинского района достроен и сдан в эксплуатацию 12 квартирный дом, в котором размещены спецпоселенцы, проживающие ранее скученно и в плохих квартирах, и начато строительство 12 индивидуальных домов.

За отчетный период приобрели собственные дома девять семей и крупнорогатый скот две семьи спецпоселенцев.

По состоянию на 1 марта 1951 года спецпоселенцы имеют 379 собственных домов-квартир, 269 коров и 1595 коз и овец.

VII. РАБОТА ПО СОЕДИНЕНИЮ РАЗРОЗНЕННЫХ СЕМЕЙ, РАЗБОРУ ЗАЯВЛЕНИЙ И ЖАЛОБ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ И ССЫЛЬНЫХ

По состоянию на 1 января 1951 года состояло на учете 108 разрозненных семей спецпоселенцев, вопрос о соединении которых в основном был согласован с соответствующими органами УМГБ краев и областей.

С получением директивы МГБ СССР № 423 от 22 декабря 1950 года было приступлено к переоформлению документов по соединению разрозненных семей спецпоселенцев, в результате Управление МГБ по Кировской области дало согласие на выезд из Кировской области 57 семьям спецпоселенцев и материалы на них направлены на заключение заинтересованным Управлениям МГБ республик, краев и областей.

На 5 разрозненных семей, которые должны приехать на соединение к родственникам в Кировскую область, материалы с заключениями УМГБ на окончательное решение направлены в 9-е Управление МГБ СССР.

Материалы на 18 семей спецпоселенцев, которых мы считаем целесообразным соединить в Кировской области, запрошены из соответствующих органов МГБ.

На остальных 28 разрозненных семей материалы о соединении пересматриваются вновь, в зависимости от чего будут сделаны соответствующие запросы и представления о соединении указанных семей.

За отчетный период от спецпоселенцев получено 162 заявления, из них:

а) о соединении разрозненных семей в связи с пересмотром ранее поданных заявлений 104;

б) об освобождении со спецпоселения 14;

в) по другим разным вопросам 44.

По всем заявлениям приняты соответствующие решения, о результатах которых объявлено спецпоселенцам.

По 47 заявлениям ходатайства спецпоселенцев оставлены без удовлетворения, в том числе:

о соединении с семьями 18;

об освобождении со спецпоселков 11;

по другим разным вопросам 18.

Проверка показала, что спецкомендатурой Зуевского РО МГБ жалобы и заявления спецпоселенцев рассматривались несвоевременно, книга по учету жалоб и заявлений заполнялась небрежно, по 9 заявлениям из 25, полученным в 1951 году, графа: «дата получения жалоб» не заполнена, заявление спецпоселенки ЯНЦЕН значится рассмотренным 8 января 1951 года, в то время как фактически исполнение по этому заявлению последовало только 24 января 1951 года.

Комендант с/комендатуры № 10 Зуевского РО МГБ лейтенант НАЙМУШИН за несвоевременное рассмотрение жалоб и заявлений предупрежден.

Кроме того, от ссыльных и высланных за январь—февраль месяцы 1951 года получено 44 заявления и жалобы, которые также рассмотрены.

VIII. СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ ПО ССЫЛЬНЫМ И ВЫСЛАННЫМ

На 1 марта 1951 года на территории Кировской области проживает состоящих на учете в Отделе Спецпоселений УМГБ:

Наименование спецконтингента	Количество семей	Человек	Из них		
			мужчин	женщин	детей до 16 лет
ссыльных эстонцев	555	978	257	675	46
высланных	56	60	31	29	—
Итого	**611**	**1038**	**288**	**704**	**46**

В течение отчетного периода прибыло на спецпоселение 30 человек ссыльных, в том числе:

а) освобождено из мест заключения — 5 человек,

б) возвращено из Эстонской ССР — 25 человек,

в) вновь взято на учет по достижении 16-летнего возраста — 1 человек.

Убыло за это же время — 1 ссыльный, за смертью.

Изменений в расселении ссыльных и высланных не произошло.

На каждую семью имеется личное дело. На 45 семей не имелось постановлений НКГБ Эстонской ССР о выселении. В течение января—февраля месяцев 1951 года получены постановления о выселении из ЭССР на 17 семей.

Приняты меры к розыску остальных документов о выселении 28 семей, как основание для дальнейшего содержания их на спецпоселении в Кировской области.

В течение двух отчетных месяцев были вновь просмотрены все находящиеся в производстве ОСП 632 личных дела на ссыльных и высланных. Оказалось, что по постановлениям НКГБ ЭССР в июне 1941 года подлежало выселению взрослых и детей 1518 человек, фактически было выселено 1454 человека. О всех своевременно не высланных эстонцах сообщено МГБ Эстонской ССР. Одновременно были приняты меры к установлению 416 человек ссыльных, не оказавшихся налицо. С этой целью сделаны запросы в РО МГБ Кировской области и МГБ ЭССР, в результате установлено, что из числа отсутствующих:

а) умерло — 92 человека,

б) арестовано и осуждено — 85 человек,

в) бежало — 29 человек,

г) освобождено — 7 человек,

д) выбыло самовольно и по разрешениям 1-го Спецотдела УМВД Кировской области — 133 человека,

е) неизвестно где находятся — 70 человек.

О выбывших в Эстонскую ССР ссыльных сообщено МГБ ЭССР для решения вопроса о целесообразности их возвращения на спецпоселение в Кировскую область. Устанавливается место нахождения 70 ссыльных.

В числе ссыльных состоят на учете 20 эстонцев, которые были в 1941 году арестованы и осуждены, затем отбыли наказание в ИТЛ, возвратились к высланным семьям и взяты на учет ссыльных на общих основаниях, документов о их выселении не имеется.

За январь—февраль 1951 года разыскано 2 ссыльных беглеца, которые арестованы и привлекаются за побег с места ссылки к уголовной ответственности органами МГБ ЭССР.

По состоянию на 1 марта в розыске осталось 29 ссыльных, которые бежали со спецпоселения из Кировской области в 1946 году.

§ 4. Спецпоселенцы в Кировской области: размещение, трудоустройство, настроения

В Кировской области в 1940—1950-е годы число спецпоселенцев было относительно невелико. Сохранившиеся со времен более многолюдной «кулацкой» ссылки «спецрезервации» на севере Вятского края могли принять около 10 000 человек. Примерно столько вновь интернированных сюда и завезли в период второй и третьей «спецпереселенческих» кампаний. Приоритетное направление «трудоиспользования» новых «спецконтингентов» — лесоповал: заготовка и транспортировка древесины (в том числе сплав), первичная деревообработка (разделка хлыстов на нижних складах, изготовление простейших пиломатериалов — доски, брусья, шпалы и т.п.). Для работы именно в лесной промышленности спецпоселенцев и завозили на Русский Север.

В отчете 9-го отдела УМГБ по Кировской области за 1952 год указывается:

«...Спецпоселенцы в основном используются на работах в лесной промышленности трестов "Кирлес" Министерства лесной и бумажной промышленности СССР, "Нефтелес" Министерства нефтяной промышленности СССР, "Киртранслес" Министерства путей сообщения СССР, в сельском хозяйстве, на фосфоритных рудниках Министерства химической промышленности СССР и на бумажных фабриках — Косинской и "Красный курсант"...» (Любопытно, кстати, что лексика документов — отчетов, справок, обзоров, донесений — спецпереселенческих служб МВД-МГБ сталинских времен удивительно, почти зеркально перекликается с канцеляритом переписки дореволюционных полицейских и жандармских ведомств по вопросам политической ссылки).

Немногим менее трети спецпоселенцев трудоустроено в сельхозартелях (колхозах) и совхозах.

Известно, что земледелие в северных таежных районах Кировской области — занятие не только рискованное, но и очень трудоемкое и малоэффективное. Урожай, как правило, невелик, а то и просто «себе в убыток» (собирают меньше, чем сеют). Распахивать здесь целину — дело также бесперспективное. Но именно этим безнадежным, практически бесплодным делом и приходилось заниматься среди северных вятских болот и лесов насильно этапированным сюда «спецземледельцам».

В приведенном ниже документе мы видим полный перечень спецпоселений Кировской области — с указанием основного профиля их производственной деятельности.

Документ 17

Список спецпоселков Кировской области
на 9 ноября 1951 года

Белохолуницкий р-он
1. пос. Климковка дом инвалидов
Зуевский р-он
2. пос. Косино бум. фабрика
Кайский р-он
3. пос. Ожмегово с.-х. артель
4. пос. Рудник фосфоритный завод
5. Вятлаг
Лальский р-он
6. пос. «Новый путь» с.-х. артель
Опаринский р-он
7. пос. Маромица уч. ЛТХ
Даровской р-он
8. пос. Бичево ЛПХ
Мухинский р-он
9. пос. Племсовхоз (№ 15)
10. пос. № 17
Медянский р-он
11. пос. Мурыгино
Шестаковский р-он
12. пос. Летский рейд Сплавконтора
13. пос. Сухоборка ЛПХ
Омутнинский р-он
14. пос. Гниловка с.-х. артель
Поломский р-он
15. пос. № 1 ЛПХ
16. пос. № 2

Нагорский р-он
17. пос. № 1. Колхоз «Новый путь» с.-х. артель
18. пос. № 2. Колхоз «Строитель» с.-х. артель
19. пос. № 3. Колхоз «Красная речка» уч. ЛПХ

(ГАКО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 659. Л. 1)

Почти все местности, перечисленные в списке, — своеобразные медвежьи углы даже в удаленных от центра области северных районах. При этом иногда спецкомендатура контролировала не только «контингент» основной «резервации», но и поселенцев, живших небольшими группами в ее окрестностях — еще более глухих и труднодоступных. Естественно, повседневный надзор за людьми в таких случаях несколько . ослаблялся. Но ведь .и быт, и .условия работы при этом .были намного хуже.

И все же основная масса поднадзорных проживала в спецпоселках — под постоянным присмотром и повседневным «попечением» коменданта и его помощников.

В 1951 году здесь проживали чуть более 9000 человек, из них взрослых — 6200. В основном семьи (полные и неполные) состояли из 3 человек. Половина спецпоселенцев в области — немцы. Половина немцев — выселенные из Поволжья (а затем мобилизованные в «трудовую армию») и репатрианты. Местных немцев — всего четверо. Около 1400 человек — «оуновцы» (преимущественно — украинцы). Есть целиком выселенное село крымских болгар (около 400 человек), 51 «власовец», а также более 1000 эстонцев (они, о чем уже говорилось, проходили по учету как ссыльные, а не как спецпоселенцы и не включались в число последних), а также единичные представители других «учетных категорий».

Для гласного надзора за «спецконтингентом» имелись (в июле 1951 года) 324 «старших» бараков, общежитий и десятидворок: примерно один «смотрящий» на 10 семей. «Старшие» лично докладывали коменданту о всех нюансах поведения и о передвижении «переданных им под гласный надзор» товарищей по неволе. Все «активисты» должны были служить старательно: они, хотя и «трудились на общественных началах», но имели-таки кой-какие привилегии от непосредственного начальства, а иногда — и от «выше стоящего руководства». И все же: лишь за 3 месяца 1951 года 19 «старших» были заменены, из них по причине неработоспособности — 17, а двое, очевидно, в чем-то серьезно «проштрафившиеся», — арестованы.

Не упускается из вида и «повышение квалификации» кадров: в 1952 году в областном центре проведен общий семинар с комендантами спецпоселений, а в феврале 1953 года — специализированный семинар по работе с агентурой.

Не реже двух раз в месяц комендант вместе с надзирателями обязан был обходить жилища вверенных ему спецпоселенцев. Коменданту предписывалось также «поддерживать постоянные деловые контакты» с руководителями тех предприятий, где работали его подопечные.

Надзор за трудовым режимом был чрезвычайно строг. Работать, как известно, должны были все трудоспособные поселенцы. От обязательного «выполнения трудовой повинности» освобождались только инвалиды (160 из них находились в особой спецкомендатуре — в так называемом «доме инвалидов»), многодетные матери и дряхлые старики. Руководители предприятий и колхозов не имели права перемещать спецпоселенцев по «производственной необходимости» (на другие объекты или виды работ) без согласования с соответствующими комендатурами, а в некоторых случаях — с районными отделами МГБ или даже областным УМГБ. Бригадиры и мастера, под непосредственным началом которых трудились спецпоселенцы, о каждом из них, не явившемся на рабочее место, должны были незамедлительно докладывать коменданту. Отказ от работы без уважительных причин приравнивался к преступлению, которое жестоко каралось. Так, два спецпоселенца из числа крымских татар были — как «уклонившиеся от работы в колхозе» — привлечены к ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года и отправлены в Сибирь — в распоряжение УМГБ по Красноярскому краю.

Каждый поселенец раз в месяц, как уже говорилось, непременно обязан лично прибыть в комендатуру для регистрации, а для лиц, «имеющих побеговые намерения», устанавливалась более частая периодичность явки. О таких лицах и подобных «намерениях» коменданту докладывали агенты и осведомители из среды тех же поднадзорных.

По сути своей — это лагерный режим содержания, и, как свидетельствуют факты, он мог взрываться лагерными же формами протеста — массовыми невыходами на работу («волынками»). Но в отчетах по спецпоселениям Кировской области тех лет особой строкой и не без удовлетворения констатируется: «Каких-либо групповых и массовых волынок на спецпоселениях не было».

Основные виды нарушений режима в поселениях — самовольные отлучки за их пределы и антиобщественные проступки (в основном — драки). Нарушений немного: примерно по одному на спецкомендатуру (за февраль—январь 1951 года). Провинившихся коменданты штрафуют либо выносят (изредка) по 3—5 суток ареста. Размеры штрафов — в среднем 30—35 рублей на подвергнутого наказанию.

За весь 1952 год в спецпоселениях Кировской области зафиксированы лишь 40 нарушений режима (в среднем — по два на комендатуру) и 17 случаев хулиганства и драк (по одному на спецпоселок). В соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 35—1945 года коменданты привлекали провинившихся к той же самой «административной ответственности»: как правило, арестовывали (на трое, реже — на 5 суток) или налагали штраф (от 25 до 100 рублей, причем последняя сумма фигурирует чаще, чем другие). Всего за год оштрафованы 58 человек на общую сумму 3550 рублей. Любопытно, что среди других провинившихся в Лальском районе оштрафован «старший» барака поселенец Земель Х.Х. — «за несообщение о самовольной отлучке» переданного ему под гласный надзор соседа по жилищу.

Серьезные проступки (тем более — преступления) случались редко. В основном они происходили на почве конфликтных отношений между поселенцами и местными жителями. Так, в поселке комендатуры № 7 Кайского райотдела МГБ спецпоселенец-«оуновец» Антонов П.В. «из хулиганских побуждений нанесением удара по голове убил гражданина Новокшенова», за что арестован и привлечен к уголовной ответственности. Судя по всему, убитый — как раз из коренного населения.

Начало 1950-х годов отмечено ростом числа жалоб и заявлений спецпоселенцев. За 1952 год в области рассмотрены 12 000 таких обращений, из них: о соединении разрозненных семей — 300, о выездах на лечение, по личным и служебным делам — 310, о выездах на учебу — 112, о розыске родственников — 91, о снятии с учета спецпоселения — 105 и другие. Отправлены из области на соединение — 100 семей, а прибыли с этой же целью — 45.

В большинстве же случаев в ответ на свои жалобы и заявления по насущным серьезным вопросам поселенцы получали отказы. Так, за январь—июнь 1953 года от спецпоселенцев области поступили уже 715 обращений (существенный рост по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года). Но при этом из 106 просьб об освобождении с поселения удовлетворены только 2;

из 219 заявлений о воссоединении с родственниками положительно рассмотрены лишь 50; из 28 ходатайств о выезде за пределы области — 8; из 20 о выезде в дома отдыха — 15; из 137 о выезде на лечение — 104; из 40 о выезде на учебу — 24. Правда, рассмотрены все 44 заявления о розыске родственников и по всем даны ответы. Но из прочих обращений (121) удовлетворены лишь 47.

Как видим, «органы» стараются всеми возможными способами не выпускать спецпоселенцев из области. Характерная ситуация: получить разрешение для выезда на лечение значительно легче, чем добиться права посетить родственников.

Больше всего хлопот спецпоселенческим властям в области доставляли «западники» — украинцы и эстонцы. Отношение их к советской власти было в лучшем случае неприязненным, а часто — открыто враждебным. Гораздо критичнее (в отличие от остальных своих соплеменников) настроены к окружающей их действительности и к советскому строю в целом репатриированные немцы — они повидали внешний мир и получили возможность наглядно сравнивать и аргументированно обсуждать порядки «здесь» и «там»...

* * *

В начале 1950-х годов помощники прокурора Кировской области по спецделам обязаны были в надзорном порядке с определенной регулярностью инспектировать спецпоселения — «с выездом на места». По итогам таких командировок составлялись «акты проверок». Часть этих документов сохранилась. В них иногда достаточно наглядно отражается внешняя сторона бытия в «спецрезервациях». Хотя необходимо иметь в виду, что такие проверки носили, как правило, формальный характер, а инспектирующие заранее нацеливались на «выявление положительного опыта работы со спецконтингентом».

Помня об этом, обратимся все же к страницам этих первоисточников, характеризующим поседневно-бытовые стороны жизни поселенцев. Итак, в декабре 1951 года помощник Кировского областного прокурора по спецделам побывал в комендатуре № 5 Омутнинского района, расположенной в 51 километре от райцентра — в одном из самых старых спецпоселков области, с характерным названием «Гниловка». Дома для поселенцев здесь построены в 1930—1932 годах — на заре «спецпереселенческой эпопеи». К концу 1951 года на учете в «Гниловке» состояли 422 человека. Среди них: немцев — 408, высланных из Крыма — 3, «оуновцев» — 7, «власовцев» — 4. Первым делом проверяющий отмечает главное —

вопросы «трудоустройства и трудоиспользования спецконтингента». С этим в данной комендатуре относительно благополучно: 325 поселенцев устроены на Чернохолуницком металлургическом заводе, 6 — в колхозе. Не работают 67 человек, преимущественно — по семейным обстоятельствам (женщины с малолетними детьми — в эти годы рождаемость в поселениях значительно увеличилась).

Преобладающая часть жалоб от поселенцев, высказанных ими проверяющему, а также отмеченных (в этом и в других актах) недостатков относится к жилищно-бытовой сфере: ветхое и тесное жилье, нехватка питьевой воды, плохое снабжение продовольствием и любыми другими товарами.

Другой документ: акт проверки спецкомендатуры № 14 «Бечева» Даровского района (в 30 километрах от райцентра). На учете здесь состоят 197 человек, причем непосредственно спецпоселенцев среди них — 145, остальные 52 — ссыльные. Все спецпоселенцы — «лица немецкой национальности», а среди ссыльных — 42 эстонца и 10 евреев. Все трудоустроенные (111 человек) работают в лесозаготовительной конторе и проживают в 3 населенных пунктах — в домах и бараках предприятия. Собственных домов нет совсем (22). Возможно, это связано с тем, что и сама эта лесозаготовительная контора — хозяйство временное. Нет будущего и у поселка, а значит, вскоре после выработки лесфонда в его окрестностях всех спецжителей «перекинут» из «Бечевы» в другое место...

А вот спецпоселок № 13 «Дубровка» Поломского района (его инспектировали в декабре 1953 года) создан совсем недавно (в июле) — на базе бывшего леспромхоза. Поселенцы, ставшие «лишними» на прежнем месте работы (бумажная фабрика), «переброшены» сюда в количестве 213 человек. Основная масса (144 человека) — крымские болгары, выселенные 27 июля 1944 года из Крыма (село Кишлав Старо-Крымского района). Вряд ли бывшим виноградарям и садоводам по душе пришлась работа с «елками и палками» в чужом северном лесу. Но других способов заработать на жизнь им просто не предоставлялось. Между тем почти треть вновь прибывших — 65 человек — дети, в основном малолетние...

«Все трудоспособные работают в леспромхозе, состоят членами профсоюза, пользуются отпусками и льготами наравне с кадровыми рабочими ЛПХ (леспромхоза. — *В.Б.*)», — мажорно повествуется в акте проверки. Но конечно же, о том, что поселенцам предоставляются самые невыгодные по тарифу работы, что выдача зарплаты им хронически задерживается, да и размер ее в среднем существенно ниже, чем у тех же «кадровых рабочих» (зачастую завербованных

на сезон «шабашников»), — обо всем этом (и о многих других «негативных моментах») в отчете ни слова. Все это как бы само собой разумеется и иначе быть не может.

Жилища у поселенцев — деревянные сборно-щитовые бараки на 2 и 4 семьи. И это — немалая удача, воспринимаемая как благо после землянок, уплотнений, подселений, общежитий, сплошных нар и т.п. Многие обзаводятся немудреным хозяйством, козами, свиньями. Главная бытовая проблема — в поселке нет колодцев и водоемов. Воду берут из ручейка, находящегося в 50 метрах от поселения.

Свои особенности у спецпоселения № 7 «Ожмегово» Кайского района. Здесь состоят на учете 424 человека. Примерно две трети из них работают на лесоучастке и одна треть — в сельхозартели «День урожая», одной из лучших в те годы в системе областного отдела спецпоселений. Особо отмечается, что 62 семьи в Ожмегове имеют личные дома (большая редкость по тем временам), а «все взрослые спецпоселенцы пользуются избирательными правами».

В самом большом спецпоселении Кировской области (комендатура «Фосфоритный рудник и завод № 4», по очередному раскладу УМГБ она значилась под номером 6) содержались 1172 человека: 1026 немцев и 152 «оуновца». Немцы здесь осели после «демобилизации» из «трудовой армии»: в 1942 году они были (в официальном статусе «трудмобилизованных») из спецпоселений в Сибири и Казахстане этапированы в Вятлаг, отработали там всю войну, а в 1946 году их вновь «передали» на учет спецпоселения, но теперь уже — в Кировской области. Многим удалось воссоединиться с семьями: среди поселенцев — 312 детей в возрасте до 16 лет. В 12 хозяйствах имеются коровы, в 120 — козы, в большинстве семей откармливают поросят.

Внутренний уклад и быт спецпоселения наглядно виден на примере поселков № 1 и № 2 комендатуры Поломского района (акт проверки от 28 октября 1952 года). Учтено здесь 98 хозяйств, в которых числятся 318 трудоспособных поселенцев. 138 человек заняты в сельхозартели имени Чкалова. Из них 30 человек в 1952 году не выработали минимума трудодней (в основном это женщины — беременные либо имеющие грудных младенцев).

Как правило, поселенцы живут своим подворьем: они содержат 12 коров, 17 телок и 180 коз. Популярность последних в спецпоселениях огромна: многих в тяжелую годину буквально спасли от голода и невольничьих недугов эти неказистые и неприхотливые животные.

А на милость и заботу властей и местных чиновников рассчитывать не приходится. Проверяющий с бюрократической сухостью отмечает: «Поломский райпотребсоюз вместо бесперебойного снабжения товарами первой необходимости (хлебом, солью, керосином и др.) совершенно прекратил снабжение их (поселенцев. — *В.Б.*) хлебом».

(Заметим в скобках, что спецпоселенцы не имели права наведаться за хлебом и другими товарами даже в соседний поселок — пусть он и находился всего-то в 10 километрах, за подобный «проступок» можно было вместо булки хлеба получить несколько суток административного ареста, а то и каторжную пайку — на много лет...)

«На поселке № 1, — продолжает составитель акта проверки, — школьные работники, работники больницы и детских учреждений, а также больные поселковой больницы и воспитанники детсада и детяслей совершенно не получают хлеба. Райпотребсоюз уклоняется от торговли хлебом для указанных лиц и учреждений, а ОРС (отдел рабочего снабжения. — *В.Б.*) прекратил им продажу хлеба, мотивируя, что это контингент РПС (райпотребсоюза. — *В.Б.*). Школьные работники хлеб покупают в магазине ОРСа при содействии родителей учащихся. Вольные больные питаются хлебом из дома, который приносят родные. Дети в детсаду и детяслях кушают без хлеба, так как на 25 чел. в детсад отпускают хлеба 1,5—2 кг на сутки» (23).

Таким образом, спецпоселенцы живут еще хуже, чем обычные колхозники, положение которых в последние сталинские годы было просто ужасным: беспросветная нищета, неподъемные налоги и непосильный труд. К тому же в колхозах — в отличие от других предприятий — практически не выдавали денежной зарплаты, а на трудодни выделяли ничтожное количество продуктов, прокормиться которыми было невозможно...

В поселении присутствует полный набор «объектов соцкультбыта», предусмотренных для такого рода «спецучреждений»: имеются магазин, клуб, школа, детсад. Но жизнь на всех этих «объектах» так же убога и угнетена, как и у подневольных жителей спецпоселка. Далее в акте проверки мы читаем: «В поселке № 2 магазин Троицкого сельпо в течение двух недель совершенно не работает, так как зав. магазином выехала с поселка. Люди лишены возможности купить для себя не только хлеба, но и других товаров. В поселке № 2 не торгуют керосином. Поселок не электрифицирован, поэтому школа во вторую смену занимается впотьмах, а ученики готовят уроки с коптилкой или лучиной...». Весьма своеобразное

явление в системе спецпоселений — «Дом инвалидов». Он был предназначен для «обслуживания спецконтингента» трех северных областей. Содержались в нем инвалиды с очень тяжелыми заболеваниями, совершенно непригодные к какому-либо физическому труду и (в большинстве своем) не имевшие родных. Располагался «Дом инвалидов» в сверхмедвежьем углу области — в Белохолуницком районе, в 40 километрах от райцентра и в 86 километрах от железнодорожной станции. Главное средство сообщения — гужевой транспорт. Но даже этим способом попасть в «Дом инвалидов» можно было далеко не всегда. В период распутицы — весной и осенью, при полном бездорожьи — добираться в эту «спецбогадельню» приходилось только пешим путем. Телефонной и телеграфной связи с районом здесь не имелось. Но «своя» спецкомендатура тем не менее неусыпно «бдила» за стоявшими на ее учете с трудом передвигавшимися, а то и совершенно неподвижными людьми.

В этом «Доме инвалидов» находились (на 22 октября 1952 года) 177 человек: мужчин — 50, женщин — 127. Все инвалиды числятся по «своим» категориям: «оуновцы» — 125, немцы — 29, «из Крыма» — 5, «власовцы» — 1, эстонцы — 2, прочие — 8 человек.

В трех деревянных капитальных бараках расположены 14 палат: 5 мужских и 9 женских. Есть своя баня. Электричества нет, освещение — от керосиновых ламп. Питание — трехразовое. Сметой предусмотрено питание на сумму по 5 рублей 45 копеек в сутки на одного инвалида. В день приезда проверяющего из областной прокуратуры меню было следующее: завтрак — суп картофельный и чай; обед — суп мясной (с закладкой 50 граммов мяса) и картофель с огурцами; ужин — винегрет и чай. По калькуляции — это 3009 калорий. Конечно, при таком «питании» с голоду не умрешь, но и не раздобреешь. Можно предположить также, что (в силу древней российской традиции) часть продуктов по назначению не доходила: при полной бесконтрольности местного начальства и бесправности инвалидов — дело это вполне обычное...

«Дом инвалидов» обеспечен на зиму дровами, а также валенками и фуфайками. На 1952 год выписаны 23 экземпляра газет, из коих 10 комплектов — местной многотиражки «Знамя коллективизации» и еще 10 — областной «Кировской правды». Замечание у проверяющего по «Дому инвалидов» только одно: «отсутствует личное дело на спецпоселенца — слепого иранца Игоринова Валихана, 1933 года рождения...».

В акте проверки спецкомендатуры № 9 «Красная речка» Нагорского района (31 октября 1953 года), что расположен также в лес-

ной глуши — в 183 километрах от железнодорожной станции и в 90 километрах от пароходной пристани, — находим интересные данные о заработках спецпоселенцев. Мужчин в этом спецпоселке — 133, женщин — 262, детей в возрасте до 16 лет — 79 350 трудоспособных (из 474 содержащихся здесь поселенцев) работают в лесопункте и на сплавучастке. Две трети из них — «оуновцы», а также — немцы и эстонцы.

Так вот, средний заработок неквалифицированного рабочего лесоучастка и сплава здесь — от 300 до 500 рублей в месяц. Квалифицированные лесорубы (коих меньшинство) могут заработать от 700 до 1000 рублей. Возможно, из-за удаленности этой комендатуры от каких-либо населенных пунктов вообще и невозможности в связи с этим привлекать «вольнонаемную рабочую силу» здешнее руководство вынуждено задействовать поселенцев и на высокооплачиваемых работах. Но такая ситуация отнюдь не типична для всей системы спецпоселений области. Во всяком случае, в другом поселении за подсобные работы местный леспромхоз платит лишь 240 рублей в месяц, а квалифицированным работникам (трактористам, мотористам, электропильщикам) — от 500 рублей и выше.

Следует отметить, что зарплату выдают в «Красной речке» аккуратно и люди живут здесь в сравнительно благоприятных условиях: семейные — в двухквартирных теплых домах, предоставленных лесопунктом, для одиноких имеется общежитие. В поселке есть даже свой медпункт. И все же, думается, по доброй воле навряд ли бы кто-то из поселенцев приехал сюда для постоянного проживания. Быт здесь, как, впрочем, и всюду по Стране Советов в те годы, убог и тягостен. Вот реальная картина дальнего лесного спецпоселения, зафиксированная короткими и сухими строками прокурорского акта: «Поселок не электрифицирован и не радиофицирован. Освещение керосиновое, но ни ОРС, ни лесопункт керосином не снабжают и не торгуют. Баня работает три раза в неделю. В поселке имеется магазин ОРСа леспромхоза, в котором, кроме хлеба, товаров первой необходимости нет...». Запас хлеба в поселке — двухмесячный, картофеля и других продуктов — на две недели...

Впрочем, находившиеся в вятских и уральских леспромхозах поселенцы, благодаря изобилию леса, все же имели иногда маломальски сносное жилье. А вот в спецрезервациях при крупных стройках и заводах в Казахстане (а местами — и в Сибири) положение с жильем было ужасающим. При установленной норме в 3 квадратных метра на человека (в ГУЛАГе — по 2 квадратных метра на каждого заключенного), в Казахстане, например, поселенцы

часто размещались очень скученно — в бараках, при фактической жилой площади 1—1,5 квадратных метра на душу. Невыразимо тяжек труд и быт спецпоселенцев на шахтах Кузбасса и Коми АССР, на заводах Урала... Масса проблем возникала в связи с необходимостью обучения детей. Если начальные школы во многих спецпоселениях все же имелись, то дальнейшее продолжение учебы было делом весьма непростым. А в Средней Азии и Казахстане для детей поселенцев остро не хватало и начальных школ... Неполноценность во всех сторонах повседневной жизни и быта — в труде, в образовании, в социальной сфере — характерная черта положения спецпоселенцев, являвшихся гражданами второго сорта в Советском Союзе 1930—1950-х годов. Отметим, что и в более поздние времена дети бывших спецпоселенцев также несли на себе определенное социальное клеймо, ощутимо мешавшее им в работе, образовании, карьере...

* * *

Практически все поселенцы считали свое пребывание в неволе незаконным, несправедливым, ошибочным. Наиболее эмоциональными и неспокойными (по внешним проявлениям своего недовольства и протеста) были украинцы. «Западники» (эстонцы, латыши, литовцы) считали свою жизнь до 1940 года идеальной, мечтали к ней вернуться и твердо верили в возрождение независимости своих стран. Именно среди «западников» (включая поляков) «органы» и предпочитали «вскрывать» разного рода национально-культурные землячества, братства, клубы как «подпольные контрреволюционные организации», фабрикуя и раздувая «политические» дела. Вместе с тем, по имеющимся в отчетах органов МГБ «сводкам настроений», мы видим, что отношение массы поселенцев к советской системе в целом, к своей жизни в «спецрезервациях», к репрессиям действительно отличалось неприкрытой критичностью, а нередко — откровенной враждебностью.

В такого рода отчетах имелись разделы: «Оуновцы», «Эстонцы», «Немцы» и так далее. Наиболее «терпимыми» и смиренными (скорее всего — в силу преобладавших среди них конфессиональных традиций) были немцы, хотя в массе своей они также критично относились к реалиям жизни. Внешне достаточно покорными (опять-таки прежде всего вследствие национальных особенностей, воспитания и вероисповедания) выглядели калмыки и крымские народы. Наряду с этим, у многих узников спецпоселений нередким было ощущение полной безысходности, сломленности, краха

собственной судьбы. У представителей южных народов (из Кавказа, Крыма, Украины) в условиях Севера, при постоянной нехватке тепла и солнечного света, при скудном питания и неполноценном отдыхе зачастую развивались депрессии, массовые заболевания (туберкулез, авитаминозы и т.п.).

Разговоры, отслеживаемые чекистами и их агентурой среди поселенцев, на самом-то деле были вполне обычными для советской страны в те годы. В них немало здравого смысла, но явственно присутствует и озлобленность за свои несчастья. Корень зла многие видели лично в Сталине.

Так, немка-спецпоселенка Доротея Ш. 26 октября 1952 года говорила своему мужу: «...Вот при Ленине жизнь была другая, он стоял за рабочих. А этот (нецензурное слово. — *В.Б.*) грузин стоит только за евреев. Хоть бы его быстрее сменили. Ведь раньше при царе держали на престоле только до 60 лет, а ему уже 73 года. Вот ум у него и детский. Они живут, а рабочий класс голодает!»

Интересовались поселенцы и международной политикой СССР. Живо обсуждали они, в частности, события в Корее и вокруг нее. Многие связывали свои надежды на освобождение с победой США в будущей войне с Советским Союзом.

Украинец («оуновец») Яков К. 20 октября 1952 года говорил о конфликте в Корее: «...Американцы там просто играют, катаются на танках взад-вперед. На самом-то деле они уже в Китае. А когда начнется война с Россией, то американцы победят».

Представления поселенцев о современной им жизни в Советском Союзе и о прошлых событиях были вполне адекватными реальности. Так, Иван Ю. (русский, бывший кулак) 10 октября 1952 года остро критиковал колхозы. «В колхозах живут плохо, — говорил он, — сидят голодные. Сколько ни поживут, а все равно колхозы распустят. Ведь только пишут, что всего полно, а на самом деле ничего нет. Раньше без колхозов жили в 5 раз лучше».

При невысоком общеобразовательном уровне основной массы поселенцев (большинство имело за плечами не более начальной сельской школы) многие видели источник своих мучений в том конкретном предприятии, на котором они работали. Так, немка Эмма К. говорила 18 июля 1952 года: «...Держат нас здесь хуже заключенных. Хоть бы начался большой пожар, как был в 1938 году. Сгорел бы весь лес и вместе с лесом этот проклятый завод, из-за которого нас здесь держат».

Некоторые немцы не видят будущего для своего народа при проводимой по отношению к нему целенаправленной политике

притеснений. 30 сентября 1952 года Карл М. рассуждал: «...Давят нас, мучают. Видно, совсем хотят всех немцев под корень уничтожить».

Очень часто среди спецпоселенцев встречаются высказывания такого типа: «...Надоел этот спецпоселок хуже тюрьмы. Лучше не жить, чем так жить» (октябрь 1951 года).

«Оуновцы», судя по всему, имели какие-то свои каналы связи с родиной (Западной Украиной). Некоторые из них одобрительно относились к той партизанской войне, что вели их земляки против советской власти: «...Хлопцы в лесу хороший схрон сделали. Оружия у них много. Они еще себя покажут» (ноябрь 1951 года). Другие питали надежды на США и Англию: «...У Англии в армии есть особые части из украинцев. Вот будет война — все равно они победят. Тогда мы домой поедем» (1951 год).

Женщины-украинки, потерявшие мужей, были часто более бесстрашными и откровенными в своих речах: «...А что мне не говорить? У меня мужа убили. Меня с маленькими детьми сюда выслали. Вот война будет — вернусь, со всеми рассчитаюсь» (1951 год).

Открыто против советской пропаганды — политзанятий, собраний и т.п. — никто не выступал. Но, возвращаясь с такого рода мероприятий, люди могли дать волю своим искренним чувствам. Так, эстонка С., вернувшись с собрания, посвященного борьбе за мир, не скрывала своего негодования: «...Везде одна болтовня. В Советском Союзе кто больше всех наврет в угоду властям — тот самый лучший человек. Собираем подписи за мир, а сами живем хуже всех» (1951 год).

Эстонцы хорошо помнили свою довоенную жизнь на родине и мечтали о восстановлении ее независимости. Эстонец Л.: «...Большевики разрушили Эстонию. Советский Союз — тюрьма. Говорят о дружбе народов, а вон сколько народов выслали».

Некоторые делились извлеченной «между строк» информацией.

Эстонка Х.: «...В Эстонии теперь плохо. Одних арестовывают, других выселяют, все чего-то боятся. За хлебом большие очереди».

Озлобленность, обида на столь неудачно сложившуюся жизнь была характерна для поселенцев всех национальностей. Крымский болгарин Р.: «...Нигде правды нет. Немцы нас гоняли-гоняли. Сейчас уже 7 лет (русские. — *В.Б.*) гоняют хуже собак».

И конечно же, жизнь брала свое. Подрастали дети. Молодые люди влюблялись, женились. Но формальный брак мог быть заключен только с разрешения начальства — коменданта. А получить такое «позволение» порой было совсем не просто. Немка Ида Д.:

«...Вышла замуж в 1948 году. На свадьбу дали 100 граммов спирта. Расписаться не разрешили. Только в 1954 году брак зарегистрировали. Так первая дочь вроде как до брака и родилась, а сын уже в 1956 году — так сразу правильно оформили».

Мощная и слепая в своей жестокости система морального подавления, априорное, огульное отношение к спецпоселенцам как к существам второго сорта — все это разрушало в людях индивидуальность, лишало независимости, топтало человеческое достоинство и сказывалось на их жизни в долгие последующие десятилетия...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 18

АКТ

прокурорского надзора за спецпоселениями Кировской области от 31 марта 1952 года.

(Извлечения)

31 марта 1952 г., пос. Маромица.

Пом. Прокурора Кировской обл. по спецделам юрист I класса Помелов в присутствии начальника Опаринского РО МГБ ст. лейтенанта тов. Кочкина и коменданта спецкомендатуры тов. Ожегова И.Е. сего числа произвели проверку спецпоселка № 16. При проверке оказалось:

1. Спецпоселок № 16 расположен на территории Опаринского р-на в пос. Маромица, в 18 км от райцентра ст. Опарино и в 14 км от разъезда «Латышский» Печорской жел. дороги.

2. На спецпоселке № 16 находится спецпоселенцев 251 чел. Из них детей до 16 лет — 81 чел.; мужчин — 45 чел.; женщин — 125 чел.; трудоспособных мужчин — 43 чел.; трудоспособных женщин — 93 чел.

По национальному составу:

а) немцев — 173 чел., из них взрослых 105 чел.; детей до 16 лет — 68 чел.; мужчин — 24 чел.; женщин — 81 чел.; трудоспособных мужчин 24 чел.; трудоспособных женщин 56 чел.

б) украинцев-оуновцев — 78 чел., из них взрослых 65 чел., детей до 16 лет — 13 чел., мужчин — 21 чел., женщин — 44 чел., трудоспособных мужчин — 19 чел., —»— женщин 37 чел.

Всего трудоспособных — 136 чел.

Личные дела на спецпоселенцев хранятся в РО МГБ (на детей дел не заведено, не требуется. — *В.Б.*).

Личные дела на оуновцев и на немцев несколько разного состава. У первых есть: 1) Постановление НКВД о выселении. 2) Заключение обл. управления НКВД, санкционированное прокуратурой области, о мотивах

и основании выселения. 3) + Выписка из протокола особого Совещания НКВД.

У немцев в личных делах нет никаких осудительных документов. (Мотивировка выселения неясна, единственный повод для репрессии — национальность. — *В.Б.*)

...Недостатком в оформлении личных дел («оуновцев». — *В.Б.*) является то, что после смерти взрослого спецпоселенца в личное дело его детей вкладывается выписка из протокола Особого Совещания при МВД СССР о высылке на спецпоселение, в которой указано число детей, подлежащих выселению вместе с родителями, но фамилия, имя и возраст детей не указываются, а посемейный список родителя в личное дело детей вместе с выпиской не вкладывается.

Все трудоспособные спецпоселенцы работают в Маромицком лестрансхозе на разных работах: трактористами, мотористами, электропильщиками на шпалзаводе и разнорабочими.

Из 170 взрослых не работают 34 чел. Это престарелые и многодетные матери. Заработок спецпоселенцев на подсобных работах — 240 руб. и выше в месяц, а на лесозаготовках от 500 руб. до 1500 руб. в месяц.

Заработная плата выдается своевременно. Условия для работы плохие, так как от поселка до места работы ходят пешком от 5 до 9 км.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Все спецпоселенцы обеспечены квартирами, проживают в капитальных бараках квартирной системы. Каждая семья в отдельной комнате. В каждой квартире имеется печка, плита, зимние и летние рамы. Квартиры чистые, но по кубатуре недостаточны, в среднем по 5 кубометров на человека. Нет отдельных сушилок, одежду сушат дома; уборная одна на весь барак в конце барака. Воду берут из колодца в центре поселка — ее не хватает, поэтому топят снег. Дров достаточно.

Спецпоселок организован в 1945 г. и намечен к переводу в другое место ввиду удаленности от производственных участков.

В поселке имеется начальная 4-классная школа, в которой учится 41 ребенок. 10 детей учатся в райцентре — в средней школе. В поселке есть клуб, библиотека, два магазина ОРСа, баня, радиоузел. Два раза в неделю приезжает кинопередвижка. Огороды имеются у всех спецпоселенцев, у большинства также есть личные козы ...

(ГАКО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 659.)

§ 5. Ссыльные в Кировской области

Если спецпоселенцы, согласно отчетным данным на начало 1952 года, содержались в 19 спецкомендатурах, дислоцированных в 12 районах Кировской области, то ссыльные и высланные были размещены в 38 районах. Они жили как в поселках, контролируемых спецкомендатурами, так и вне их. В последнем случае их «опекали» районные органы (отделения) НКВД или МГБ (в период «владения» последним системой спецпоселений).

Как и у спецпоселенцев, у ссыльных по прибытии на место «обязательного проживания» изымались паспорта (или в них делались соответствующие отметки — об ограничении в правах). Основная масса ссыльных в области — эстонцы, депортированные в 1941 году. В отчете за 1952 год указывается: «Ссыльные, в основном эстонцы, выселены из Прибалтики в 1941 году как члены семей бывших фабрикантов, чиновников буржуазных правительств и участников контрреволюционных националистических организаций "Кайтселиит" ("Кайтселийт" — "Союз защиты". — *В.Б.*), "Изомаилиит" ("Изамаалийт" — "Отечественный союз". — *В.Б.*) и др.». К 15 декабря 1952 года на учете в области состояли 1089 ссыльных и кроме того — 43 высланных (чье правовое положение соответствовало статусу ссыльных).

Ссыльные и выселенные работали там, где могли устроиться, — в артелях промысловой и инвалидной кооперации, в других хозяйственных организациях, в некоторых районных учреждениях. Зачастую трудоустройство было собственной заботой этих людей, для которых мизерная зарплата являлась единственным источником дохода и средством спасения от голода.

«Органы», конечно же, бдительно отслеживали настроения и среди этой категории репрессированных, заводили уголовные дела

на тех из них, кто допускал наиболее критичные высказывания. Из ссыльных эти «критики» мгновенно превращались в заключенных и отправлялись в гулаговские застенки. Их места занимали жертвы очередных депортаций (выселенные, например, из той же Эстонии к депортированным ранее родственникам — по решениям местных «органов») и так далее — по бесконечному кругу...

В ноябре—декабре 1951 года на поселение в Кировскую область прибыли 17 ссыльных и выселенных, в том числе:

— по решениям Особого совещания при МГБ СССР (под опеку родственникам) — 1 человек;

— вновь на поселение (по месту нахождения родственников) — 1 человек;

— возвращены к месту прежнего поселения из Эстонской ССР (выбывшие ранее по разрешениям УМГБ по Кировской области) — 5 человек;

— направлены к прежнему месту поселения (по отбытии срока наказания в исправительно-трудовых лагерях) — 8 человек;

— взяты на учет по достижении 16-летнего возраста (дети эстонцев, проходящие по постановлениям о выселении) — 2 человека.

Как видим, дети, попавшие в ссылку, считаются «вольными» до достижения 16 лет, а после этого срока становятся ссыльными — как и их родители. Отсюда стремление последних оставить детей на родине, оформить кого-либо из оставшихся там на свободе родственников или друзей семьи в качестве опекунов над несовершеннолетними и т.п.

При депортации в 1941 году выселялись все родственники, проживавшие совместно, одной семьей — вне зависимости от степени родства. Если же близкие родственники проживали раздельно, то ссылали только ту семью, глава которой был интернирован. То есть родители арестованного, родители жены (мужа), дети, братья и сестры могли попасть под выселение, но могли и остаться на свободе — многое тут зависело от целого ряда обстоятельств, и не в последнюю очередь — от субъективного мнения (а зачастую — произвола) местных «органов».

За ноябрь—декабрь 1951 года выбыли из мест поселения 7 эстонцев. В том числе:

1) Кукк Натан Якобович, 1926 года рождения, осужденный по статьям 58 пункт 1-а («измена Родине». — *В.Б.*), 58 пункт 10-2 («контрреволюционная пропаганда и агитация». — *В.Б.*) и

58 пункт 11 («контрреволюционная деятельность». — *В.Б.*) УК РСФСР на 25 лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 5 лет (сын одного из епископов эстонской церкви, высланный вместе с родителями в 1941 году);

2) Серго Густав Иоганнович, 1886 года рождения, осужденный по тем же статьям и на тот же срок, что и Кукк Н.Я., но для Серго Г.И. это заведомо убийственное наказание — с учетом его преклонного возраста;

3) Айтберг Иоган Иоханович, 1906 года рождения, осужденный по статье 58 пункт 10—1 УК РСФСР на 10 лет исправительно-трудовых лагерей;

4) Ларма Гуннар Августович, 1916 года рождения, осужденный на тот же срок, что и Айтберг И.И.;

5) Пурье (Лурье?) Иоханес Юханович, 1930 года рождения, осужден по статье 74 УК РСФСР (подделка документов. — *В.Б.*) на 2 года исправительно-трудовых лагерей;

6) Эпольд Мария Антоновна, 1898 года рождения, умерла;

7) Вяли-Эйслер Ирина Яновна, 1923 года рождения, умерла.

Политический характер составов обвинения и большие сроки наказания для первых четырех ссыльных отчетливо свидетельствуют о том, что стремление фабриковать дела об «антисоветских заговорах» и «контрреволюционных организациях» по образцам 1930-х годов в «органах» не угасло. Демонстрируя свою «неусыпную революционную бдительность», чекисты могли с удовлетворением отчитываться о «большой проделанной работе», а затем — получать новые звания, должности, денежные премии, а то и «высокие правительственные награды»...

Более двух третей наличного состава ссыльных — женщины. Мужья многих из них погибли в тюрьмах или лагерях. Среди 1003 ссыльных-эстонцев (к концу 1951 года) мужчин — 272, женщин — 731, детей, высланных и переданных под опеку родственникам, — 106.

В областном центре (город Киров) жили 64 ссыльных, а остальные (1045 человек) — размещены в 37 периферийных районах (иногда ссыльные проходят в документах как «ссыльнопоселенцы»). Все они, как отмечается в отчетах УМГБ, «состоят на учете и под гласным надзором». Впрочем, из архивных дел на арестованных эстонцев видно, что негласный надзор тоже присутствует — и отнюдь «не дремлет»...

Все ссыльные и высланные, проживающие в районах области, обязаны ежемесячно (а в городе Кирове — два раза в месяц) являться на регистрацию в районный отдел МГБ или в местную комендатуру (при проживании в спецпоселках).

Ссыльные, жившие в городе Кирове, «отмечались» в это время в 9-м отделе областного УМГБ. Кроме них на регистрацию в этот же отдел должны были являться ссыльные, приезжавшие (по разрешениям того же УМГБ) в областной центр из «глубинки». Иногда — это командированные предприятиями работники разного уровня, иногда — больные, направленные для лечения.

Побегов ссыльных в ноябре—декабре 1951 года в области не зарегистрировано. Из «побеговых настроений» (любопытный термин, плод словотворчества «органов») отмечен лишь один случай — со стороны ссыльнопоселенки Сакк Марии Николаевны, эстонки, 1904 года рождения, которая 27 сентября 1951 года прибыла из мест заключения («по отбытию срока наказания») и была направлена на жительство в спецпоселок № 1 Поломского района. Похоже, жизнь в спецпоселке даже после лагеря вовсе не показалась этой вчерашней заключенной раем. Но можно не сомневаться, что «побеговое настроение» у нее было пресечено в корне...

Помимо прибалтов, наполнивших места ссылки во многих регионах страны в 1941 году и в послевоенный период, здесь находились и другие люди — самых разнообразных социальных категорий и национальностей. В связи с этим весьма интересна разбивка статей учета ссыльных, «спускавшаяся» из «центра» подчиненным структурам — для официальных отчетов. По этой своеобразной калькуляции мы можем более наглядно представить, кто и на каких основаниях мог угодить в ссылку в Советском Союзе в начале 1950-х годов.

Обратимся к данным о ссыльных в Кировской области на 20 июля 1952 года. Отметим само название этого документа — еще один оригинальный и замечательный в своем роде «продукт размышлений» бюрократов из МГБ СССР.

Документ 19

Ссыльные Кировской области.
Разбивка по окраскам учета и составу преступления.
(Извлечение)

— Выселенные из Прибалтики в 1941 году эстонцы — 1059

— шпионы Англии — 1
— троцкисты — 3
— повстанцы — 1
— изменники Родины — 1
— изменнические намерения — 1
— церковники — 1
— антисоветская агитация — 1
— социально-опасные — 1
— члены семей троцкистов, высланные в 1937—1938 гг., — 18
— высланные по Указу от 22.06.41 г. из местностей, объявленных на военном положении, как социально-опасный элемент — 23
— разный антисоветский элемент — 2
— высланные по решениям судебных органов за уголовные преступления — 10
<...>

По перечню видно, что ссылка выполняла функции борьбы с инакомыслящими — политическими оппонентами советского строя. Но водворялись в нее отнюдь не те самые (сплошь и рядом выдуманные властью) ее непосредственные противники, а их родственники либо просто неугодные, чуждые режиму личности — по происхождению, роду деятельности, образу жизни и т.п.

При «закручивании гаек» в послевоенной машине сталинской диктатуры ужесточалось и отношение к ссыльным. Во исполнение приказа МГБ СССР от 16 ноября 1950 года на них — всех без исключения — заводились учетные личные дела. То есть к ссыльным относились так же, как к уголовным преступникам: снимали отпечатки пальцев, фотографировали, заставляли давать расписку об уголовной ответственности за побег «из места обязательного поселения». Такое личное дело — не просто клеймо на всю последующую судьбу. Это — тягостная обуза, незримые оковы, которые оставались на душе конкретного человека, не давали ему и в дальнейшем спокойно жить, свободно дышать.

Документ 20

Категории ссыльных и высланных
(на 1 января 1952 года,
по статистическим таблицам отчетов МГБ СССР).

1. Направленные в ссылку по решениям Особого совещания:
а) «шпионы»;
б) «террористы»;

в) «диверсанты», «вредители», «саботажники»;
г) «повстанцы» и «политбандиты»;
д) «изменники Родины» и «пособники немецко-фашистских оккупантов»;
е) «участники бывших политических партий» («троцкисты», «меньшевики» и другие);
ж) «участники буржуазно-националистических партий, организаций и групп» («националисты»);
з) «участники религиозных антисоветских организаций и партий»;
и) «за антисоветскую агитацию».

2. Высланные по решениям Особого совещания как «участники банд ОУН и УПА» (не спецпоселенцы).

3. Члены семей «оуновцев» и «участников банд УПА» (не спецпоселенцы);

4. Члены семей «троцкистов», «правых» и других «социально опасных элементов», высланных в 1937 году из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова-на-Дону, Таганрога и Сочи.

5. Члены семей «изменников Родины», выселенные по решениям Особого совещания в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года.

6. Лица, высланные по решениям Особого совещания как «представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности».

7. Высланные в 1941—1945 годах по решениям НКВД-НКГБ:
а) из Прибалтики;
б) из западных областей Украины и Белоруссии;
в) из Молдавии;

8. Лица, высланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года;

9. Высланные за уголовные преступления:
а) по решениям судебных органов;
б) по решениям Особого совещания.

Как видим, основная масса ссыльных в Кировской области формировалась по решениям Особого совещания (внесудебного репрессивного органа) — из жителей Прибалтики и Западной Украины. Акция по высылке этих людей являлась во многом мерой превентивной: государство опасалось враждебности этих групп населения в настоящем, а еще более — в будущем. Среди них имелись, вероятно, и действительные агенты зарубежных разведок, и подлинные повстанцы, и другие убежденные противники советского режима, но они (как и вымышленные «вражеские элементы») активно «выявлялись» органами и отправлялись на бесчисленные «острова» ГУЛАГа.

Из пояснительной записки к отчету по ссыльным УМГБ Кировской области за 1951 год явствует, что «спецконтингент» направлялся в вятские края также решениями УНКВД и УНКГБ по Московской и Ленинградской областям (в 1941—1944 годах) и постановлениями УНКВД по Ростовской области (от 1937 года).

В списки не включены, и это особо оговаривается, дети ссыльных эстонцев, которые до исполнения им 16 лет выехали (по разрешению областного УМГБ или самовольно) на родину (для продолжения учебы) и которые к 1 января 1952 года достигли рокового шестнадцатилетия. Таковых областные чекисты насчитали 119, и соответствующие документы на них уже отправлены в 9-е Управление МГБ СССР — «для рассмотрения вопроса о возвращении их к месту поселения».

Подобный исход, естественно, был настоящей трагедией для родителей, пытавшихся любыми способами уберечь своих детей-подростков от тяжкой участи ссыльных.

Можно согласиться с исследователем В. Брулем: «Люди, пережившие депортации, спецпереселения и принудительную работу, в большинстве своем стали физическими и душевными инвалидами. Они окончательно потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. Если до депортации народы проживали компактно, то после переселения они оказались разбросанными на огромных сибирских просторах. Существование в чужом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привело к утрате родного языка значительной частью депортированных, поставило под сомнение сам факт сохранения отдельных этносов» (24).

«Прелести жизни» на спецпоселении ссыльные испытали на себе в полной мере. Хотя для многих из них принудительный труд на лесоповале не являлся «обязательной повинностью», это мало чем облегчало груз постоянно довлевшего над ними груза проблем, главные из которых — как выжить, как накормить семью, как спасти детей. На конкретных судьбах ссыльных эстонцев (раздел IV книги) мы увидим весь драматизм личных судеб этих людей...

В конце сталинской эпохи ссылку пытались даже расширить: направляя туда отбывших свой лагерный срок заключенных. Лишь хрущевская «оттепель» отменила (в основном) этот варварский метод массовых репрессий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 21

Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 21 февраля 1948 года

О НАПРАВЛЕНИИ
ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ
ПО ОТБЫТИИ НАКАЗАНИЯ В ССЫЛКУ НА ПОСЕЛЕНИЕ
В ОТДАЛЕННЫЕ МЕСТНОСТИ СССР

1. Обязать Министерство внутренних дел СССР всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим связям и враждебной деятельности, — по истечении срока наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов Министерства государственной безопасности: в районы Колымы на Дальнем Востоке; в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 километрах севернее Транссибирской железнодорожной магистрали; в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей.

2. Обязать Министерство государственной безопасности направить в ссылку на поселение государственных преступников, перечисленных в статье 1, освобожденных по отбытии наказания из исправительно-трудовых лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны. Направление в ссылку на поселение этих лиц производить по решению Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР.

Документ 22

Указ Президиума Верховного Совета СССР

ОБ ОТМЕНЕ
УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1948 ГОДА
«О НАПРАВЛЕНИИ
ОСОБО ОПАСНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ
ПО ОТБЫТИИ НАКАЗАНИЯ В ССЫЛКУ НА ПОСЕЛЕНИЕ
В ОТДАЛЕННЫЕ МЕСТНОСТИ СССР»

1. Отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Установить, что впредь направление в ссылку может иметь место только по приговорам судов.

2. Отбывших сроки наказания литовских, латвийских и эстонских националистов, семьи которых по специальным постановлениям Правительства находятся на спецпоселении, направить к семьям.

3. Всех остальных лиц, находящихся на основании Указа от 21 февраля 1948 года в ссылке на поселении, от дальнейшего нахождения в ссылке освободить.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ

МОСКВА, КРЕМЛЬ
10 марта 1956 г.
№ 134/27-6.

§ 6. Особенности правовых документов о спецпереселениях и положении спецпоселенцев

Главная особенность правовых и нормативных документов, принятых в СССР и посвященных положению спецпоселенцев, заключается в том, что право здесь было вторичным: юридическое обоснование депортаций следовало за применением репрессии. Вначале кулаков выслали — и лишь затем принялись за изготовление нормативных актов, инструкций, положений. Сначала поляков, крымских татар и прочих из числа «наказанных» народов депортировали — и только впоследствии (через несколько лет) завели на них личные дела...

Характерный пример. Ведомственный акт — приказ НКВД СССР 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» — датирован 27 августа 1941 года. Под законодательным же документом по этому поводу — Указом Президиума Верховного Совета СССР — стоит дата «28 августа 1941 года». То есть в данном случае (как и во многих других) напрочь отсутствовало даже декоративное «оформление» законности.

Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 года № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» наконец-то зафиксировало уже отлаженный в течение 15 лет репрессивный механизм депортационной практики. Существовали, разумеется, документы такого типа и ранее. Но впервые за многие годы это постановление — и то лишь в самой общей форме, без детализации — юридически «закрепило» реалии спецпоселений.

А ведь по сути этот документ имел силу закона, ограничивавшего в гражданских правах более 2 000 000 человек, причем список

таких ограничений можно было расширять до «неустановленных пределов».

К примеру, за спецпоселенцами сохранялись избирательные права, но они были еще более номинальными, чем у остального населения СССР: ведь «участие в выборах» осуществлялось в условиях личной несвободы, под надзором репрессивных органов, в атмосфере неприкрытого давления и страха.

Характерно также, что пункт 2 постановления № 35—1945 года посвящен самому важному (с точки зрения властей) вопросу: все трудоспособные поселенцы обязаны работать — «в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках...». Обратим внимание на очередность объектов «трудоиспользования»: она отражает реальное распределение этой категории подневольной «рабсилы» (в порядке уменьшения ее численности).

Две властные инстанции (по постановлению № 35) курируют трудоустройство спецпоселенцев: местные Советы — по согласованию с органами НКВД (впоследствии — МВД-МГБ). Другими словами, реальным владельцем «рабочих спецконтингентов» являются «органы», которые и дают (или не дают) «добро» на то или иное использование труда своих «подопечных».

При этом, разумеется, на спецпоселенцев в полной мере распространялись все действовавшие в то время драконовские законы о «нарушениях трудовой дисциплины», что оговаривается в том же 35-м постановлении особо и недвусмысленно. На практике это означало, что зыбкое, юридически неясное, полурабское положение человека на спецпоселении легко, в одночасье могло смениться вполне определенным и абсолютно бесправным рабским состоянием заключенного в ГУЛАГе. Таким образом, для спецпоселенцев оставлялось «право» лишь на подневольный труд — там, куда пошлют, и в том качестве, в каком прикажут.

Следующая по важности для властей задача в деятельности спецпоселений — обеспечение изоляции «учетных контингентов». Для спецпоселенцев это означало прежде всего ограничение свободы передвижения — самое, пожалуй, тягостное ограничение в их жизни. Территория спецкомендатуры — единственно отведенная для них «среда обитания». Ситуация вполне сопоставима с местами заключения: и здесь и там пространство передвижения ограничивалось одним маршрутом — «жилая зона — производственная зона». Правда, на поселении отсутствовали внутренняя

охрана и конвоирование, но тем не менее контроль за соблюдением правил установленного режимного распорядка и здесь был тотальным и тщательным, гласным и негласным. Во всем: в повседневной жизни, в работе, в быту — спецпоселенцы подчинены жесткому регламенту, предписанному для них «органами». Комендант здесь — царь и Бог. Главы поселенческих семей обязаны отчитываться перед ним за действия всех своих домочадцев, докладывать о любом событии личной жизни (о рождениях и смертях, приезде и отъезде родственников и т.п.). Таким образом, комендант, помимо всего прочего, осуществлял еще и функцию семейного контроля, в чем ему более или менее усердно помогали «активисты» (старшие по «десятидворкам», общежитиям и баракам), а также надзиратели. Семья поселенца смята, сжата прессом полицейской власти в некую плоскую бесформенную субстанцию, лишена самостоятельного жизненного наполнения и полнокровного существования.

Комендант (в определенной мере) выполнял также роль приходского священника (фиксируя рождения и смерти, давая разрешение на оформление брака) и становился на поселении фигурой прямо-таки сакральной. Он для своих поднадзорных — судья и палач в одном лице, закон и произвол — в одной ипостаси.

Жак Росси, чей «Справочник по ГУЛАГу» не бесспорен, но интересен обобщением многообразного личного опыта автора, пишет об этом так: «С середины 1930-х годов также и семью (ссыльного. — *В.Б.*) стали отправлять по этапу. Конвой, доставивший ссыльного на место, сдает его коменданту под расписку. Комендант может его запереть, пока не найдется для него работы. Работа же зависит не от специальности ссыльного, а от местных условий. В отдаленных малонаселенных районах ссылки бывают нужны только рабочие на лесозаготовках, в сельском хозяйстве и т.п.

Комендант выдает ссыльному удостоверение, действительное только в районе ссылки, но при наличии в нем очередной отметки о явке.

...Над лишенным паспорта ссыльным у коменданта почти неограниченная власть. По УК-26 (Уголовному кодексу РСФСР 1926 года. — *В.Б.*) бежавший ссыльный отвечал по статье 82 (побег из места обязательного поселения. — *В.Б.*), которая предусматривала замену ссылки таким же сроком заключения. На деле ... беглец получал 5 лет. С 1937 года обвиняли беглеца в «саботаже

строительства социализма» (по статье 58—14), и он получал 20 лет...» (25)

Уродливость отношений, выстраиваемых в прихотливой зависимости от личных качеств одного человека, была вопиющей. В определенном смысле, даже заключенному в лагере жилось относительно легче: там «хозяин зоны» был (пусть условно, формально), но все же несколько ограничен в своих карательных правах — контролем политорганов, прокурорским и чекистским надзором (гласным и негласным). В спецпоселении же от «беспредела» со стороны его «хозяина» защиты не существовало.

Скажем, наказание, которое имел право применять к поселенцам непосредственно комендант, вроде бы и невелико — до 5 суток ареста и до 100 рублей штрафа. Но тот же самый комендант мог (и обязан был) передавать «дела» (в случае серьезных, с его личной точки зрения, нарушений режима или общественного порядка) в районный отдел милиции. А там действовали по шаблону: за тот же порванный в драке пиджак могли привлечь поселенца к уголовной ответственности по «верхнему пределу», не говоря уже об «антисоветских высказываниях и действиях» — здесь с широким замахом и на полную катушку применялась беспощадная и всеохватывающая 58-я статья Уголовного кодекса...

Словом, бдительность и осторожность поселенцам нельзя было терять даже во сне — особенно тем из них, кто ютился в общежитиях и в бараках. Такая принудительная скученность — это (помимо прочего) еще одна мера психологического воздействия на поселенцев. Кроме того, после «обживания» в одном месте их, как правило, перебрасывали в другой поселок или в другую комендатуру — чтобы не заводились земляческие или дружеские связи, не возникало привязанности к новому дому, чувство сопричастности к новой земле. Отчужденность от всего: от работы (преимущественно — тяжелой и ненавистной), от жилища (временного и неудобного), от окружающих людей (каждый из которых мог оказаться агентом или «стукачом», поэтому доверять никому не стоило) — создавала ощущение постоянного дискомфорта, формировала повышенный уровень тревожности, разрушала человека изнутри.

Конечно же, в постановление Совнаркома СССР № 35—1945 года не вошло еще очень многое из того, что широко применялось «органами» в отношении спецпоселенцев, стало неотъемлемой частью системы «чекистской работы» в этих «спецрезервациях». Почитаем же внимательно короткий текст этого документа.

Документ 23

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР
от 8 января 1945 года № 35

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим Постановлением.

2. Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно полезным трудом.

В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, в хозяйственно-кооперативных организациях.

За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами.

3. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района поселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой. Самовольная отлучка за пределы поселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке.

4. Спецпереселенцы — главы семей или лица, их заменяющие, обязаны в 3-дневный срок сообщить в спецкомендатуру НКВД о всех изменениях, происходящих в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.д.).

5. Спецпоселенцы обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах расселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД.

За нарушение режима и общественного порядка в местах расселения спецпереселенцы подвергаются административному взысканию в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток.

Заместитель Председателя Совета
Народных Комиссаров Союза ССР — В. Молотов
Управляющий делами Совета
Народных Комиссаров Союза ССР — Я. Чадаев

Это «рамочное» постановление Правительства детализируется затем целым рядом ведомственных директивных актов НКВД-МВД-МГБ, в частности — инструкцией «О порядке наложения административных взысканий», объявленной приказом НКВД СССР от 14 сентября 1945 года № 376. Подписан приказ заместителем наркома внутренних дел генерал-полковником В. Чернышевым, курировавшим карательно-исполнительную систему, в том

числе — и ГУЛАГ. На оригинале документа — виза заместителя Прокурора СССР Сафонова: «Согласен».

Наиболее любопытен первый пункт этой инструкции, разъясняющий комендантам процедуру наложения взысканий на спецпоселенцев. Здесь перечисляются проступки, за которые следует привлекать к административной ответственности, а именно:

— нарушение режима;

— нарушение общественного порядка;

— неявка для обязательной ежемесячной регистрации в комендатуру;

— несообщение об изменениях в семье (в трехдневный срок) и прочее.

Подчеркнуто, что более 100 рублей штрафа и 5 суток ареста коменданты накладывать не вправе. Предписано, что наказание можно применять в срок не более месяца со времени совершения проступка. При этом комендант должен взять у нарушителя письменное объяснение и вручить ему (нарушителю) постановление о наказании. Штраф должен быть оплачен поселенцем в срок до 10 дней после наложения взыскания.

* * *

Политика репрессий против многих народов СССР была достаточно длительной и целенаправленной. Стратегически она обосновывалась высшим руководством страны как одно из средств преодоления целого ряда чрезвычайных обстоятельств (возникших, как известно, не без прямой вины Сталина и его окружения): неимоверным напряжением 1930-х — начала 1940-х годов (подготовка к войне), тяжелейшим в истории страны военным лихолетьем («победа все спишет»), послевоенной разрухой, восстановлением народного хозяйства («нужны дешевые рабочие руки») и подготовкой к новой войне («кто не с нами — тот против нас»).

Но «юридическое обеспечение» этнических репрессий такого рода и масштаба проводилось в условиях строжайшей секретности, поскольку реальная политика диаметрально расходилась с официальной идеологией, в корне противоречила широко декларируемым советской верхушкой принципам «пролетарского интернационализма» как основы существования СССР.

Понятно, что в этих условиях набор юридических инструментов для реализации принятых политических решений сводился руководством страны к предельному минимуму. Он ограничивался

секретными директивами Политбюро (Президиума) ЦК или решениями Центрального Комитета ВКП(б)-КПСС, в соответствии с которыми принимались секретные же указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления Правительства. По такой же схеме, кстати говоря, осуществлялось (уже в послесталинский период) и освобождение «наказанных» народов.

Впрочем, по отдельным этносам и социальным категориям считалось достаточным просто постановления Совнаркома (Совета Министров) СССР (органа исполнительной власти) или даже решения совершенно неконституционного органа — Государственного Комитета Обороны (июль 1941 года — сентябрь 1945 года). Естественно, и в этих случаях принятию документов предшествовало их обсуждение и одобрение в Политбюро ЦК или («хотя бы») на совещании в узком кругу — «у товарища Сталина».

Все это вполне вписывалось в извращенную политическую логику тогдашнего руководства страны: в условиях тайны и полной закрытости проведения массовых репрессий «советская законность» не требовалась — даже для камуфляжа. Главные исполнители акций (НКВД, НКГБ и другие силовые структуры) подчинялись только личной воле диктатора, а оформление этой воли «бумагой» того или иного государственного органа было всего лишь «протокольной фикцией».

Конечно, многие нормативные акты (постановления Правительства, решения наркоматов, ведомств и т.п.) часто были остро необходимы, поскольку возникало множество чисто практических, хозяйственных вопросов: как финансировать депортацию, где размещать депортируемых, как использовать имущество выселенных и т.д.

И как раз экономический, то есть самый насущный механизм депортаций чаще всего был менее всего продуман и наиболее небрежно исполняем. Но об этом наверху не очень-то заботились: «лес рубят — щепки летят». В период грандиозных социальных катаклизмов, небывало жестоких войн и «беспримерных свершений социалистической эпохи» на реальный экономический ущерб закрывали глаза — уповая на баснословный выигрыш в некоем «светлом будущем». Но история, как известно, злопамятна, и это «светлое будущее» обернулось трагической «черной дырой»...

Важнейшими же звеньями в цепи актов о депортациях и спецпоселениях были не первичные указы Президиума Верховного Совета страны, не изначальные постановления Правительства

(Совнаркома, Совета Министров), запускавшие механизм репрессий, а регламентировавшие весь этот процесс (в мельчайших его деталях) ведомственные нормативные документы и прежде всего — приказы, директивы, инструкции и распоряжения НКВД-МВД-МГБ СССР.

В приводимом ниже списке документов, принятых властными структурами СССР, мы все это видим — наглядно и отчетливо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 24

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ ДИРЕКТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПРИНЯТЫХ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СССР В СВЯЗИ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ МАССОВЫХ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНИЙ, ССЫЛКИ И ВЫСЫЛКИ

АКТЫ ВКП(Б)-КПСС

1. Директива ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года [О расказачивании].

2. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 года [О выселении кулаков-казаков из Семирсчья].

3. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 5 декабря 1920 года [О выселении кулаков-казаков из Семиречья].

4. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

5. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

6. Постановление бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1930 года [О выселении местного населения из пограничной полосы Ленинградской области].

7. Резолюция Северного крайкома ВКП(Б) от 1 апреля 1930 года «О размещении и устройстве кулаков-выселенцев в Северном крае».

8. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1931 года [О выселении 200—300 тысяч семей кулаков].

9. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1931 года «О кулаках».

10. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 года [О переселении кулацких семей из Ленинградской области и Татарии].

11. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1931 года «О кулаках».

12. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 года «О спецпереселенцах».

13. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа 1931 года «О спецпереселенцах».

14. Инструкция Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 августа 1931 года «О порядке дальнейшего выселения кулацких семей».

15. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 августа 1931 года «По спецпереселенцам».

16. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1931 года «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае».

17. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1931 года [О трудоиспользовании спецпоселенцев].

18. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 января 1932 года «О спецпереселенцах».

19. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1932 года «По спецпереселенцам».

20. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1933 года «Об организации трудовых поселений ОГПУ».

21. Постановление бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 3 марта 1935 года [О выселении финского населения из приграничной полосы].

22. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 года «Об антисоветских элементах».

23. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 года [Об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах].

24. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 августа 1937 года [О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций].

25. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 января 1938 года [О переселении иранцев из Азербайджана].

26. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года [Об антисоветских элементах].

27. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года [О продолжении операции по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из граждан инонациональностей (поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, болгар, македонцев. — *В.Б.*)].

28. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года [О ликвидации «троек» при территориальных органах НКВД].

29. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 декабря 1939 года № П9/158 [О выселении «осадников» и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР].

30. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1939 года № П11/68 [О спецпереселенцах-«осадниках»].

31. Решение Политбюро ЦК КП(б) Украины от 19 января 1940 года «Вопросы, связанные с выселением осадников».

32. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1940 года № П13/114 [О выселении из западных районов Украинской ССР и Белорусской ССР членов семей польских военнопленных и содержавшихся в тюрьмах].

33. Постановление ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 года «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

34. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР».

35. Постановление Крымского обкома ВКП(б) от 20(?) октября 1944 года [О переименовании населенных пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения].

36. Решение ЦК ВКП(б) от 17 мая 1949 года «О выселении греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство».

37. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 октября 1949 года [О создании комиссии по пересмотру дел интернированных в Германии немцев].

38. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1949 года № П/72/100 [О ликвидации спецлагерей МВД СССР в Германии].

39. Решение Президиума ЦК КПСС от 30 ноября 1953 года № П43/66 [О досрочном освобождении осужденных советскими судами немецких военнопленных, интернированных и гражданских лиц].

40. Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 года «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов КПСС и членов их семей».

41. Постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, балкарского, чеченского и ингушского народов».

42. Постановление ЦК КПСС от 25 декабря 1956 года «О территории Чечено-Ингушской АССР».

43. Постановление Бюро ЦК Компартии Казахстана от 16 апреля 1974 года «Об усилении идейно-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности».

44. Постановление Бюро ЦК Компартии Казахстана от 28 июня 1977 года № Б32-2 «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности».

45. Постановление Политбюро ЦК КПСС от 31 мая 1979 года № 153/XI «Об образовании Немецкой автономной области».

46. Постановление Бюро ЦК Компартии Казахстана от 18 марта 1986 года «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности, проживающих в Казахстане».

ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АКТЫ

1. Инструкция Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 года № П-6028 [О прекращении массовых выселений и иных форм репрессий в деревне].

2. Решение Совнаркома Казахской АССР(?) и ЦК КП(б) Казахстана от 16 февраля 1936 года «О переселенцах с Украины».

3. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 года № 1428—326сс «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края».

4. Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана от 6 ноября 1938 года «О приеме и расселении 2000 хозяйств переселенцев-иранцев».

5. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия (упразднение "троек" при территориальных органах НКВД. — *В.Б.*)».

6. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 января 1940 года № П11/175 [О дополнительном расселении спецпереселенцев-"осадников" и использовании их на горных и лесозаготовительных работах Наркомцветмета СССР].

7. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1940 года [О польских беженцах].

8. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 года № 1229/526сс «Об аресте и направлении в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР сроком на 20 лет членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций (с поручением обсудить вопрос о проведении подобной операции в Западной Белоруссии. — *В.Б.*)».

9. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 года [О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии].

10. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года № 2056—933сс «О переселении всех немцев Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области».

11. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья».

12. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 года № 2060—935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане».

13. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке».

14. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях».

15. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 года № 1702 [О мобилизации выселенного немецкого населения в «трудовую армию»].

16. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 года № 1732 [О переселении лиц из числа трудящихся и спецпереселенцев для работы на Севере].

17. Постановление Совнаркома Грузинской ССР и ЦК КП(б) Грузии от 9 августа 1944 года [О выселении из пограничных районов Аджарской АССР 113 хозяйств].

18. Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 18 сентября 1951 года [О выселении с территории западных областей Белорусской ССР кулаков с семьями].

19. Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 12 декабря 1951 года [О выселении из пределов Литовской ССР кулаков и членов их семей, уклонившихся от выселения в октябре 1951 года].

20. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

АКТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

1. Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 10 января 1930 года «Об административной высылке».

2. Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

3. Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 года «О воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродаже ими имущества».

4. Инструкция ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 4 февраля 1930 года [О мероприятиях по проведению раскулачивания].

5. Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 13 ноября 1930 года «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию».

6. Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 1 февраля 1931 года «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам союзных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства».

7. Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 года «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков».

8. Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

9. Постановление ЦИК и Совнаркома Таджикской ССР от 16 ноября 1932 года «О переселении на Вахш».

10. Циркулярное письмо Верховного суда РСФСР от 26 декабря 1932 года «Об усилении работы по охране колхозов и колхозников от кулацких угроз и насилий».

11. Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1933 года «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков».

12. Постановление ЦИК СССР от 24 мая 1934 года «О восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах».

13. Постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 года «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков».

14. Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 17 июля 1937 года № 103/1127—267сс [Об организации специальных запретных полос на южных границах СССР].

15. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» (О выселении с территорий, где объявлено военное положение, лиц, признанных «социально опасными». — *В.Б.*).

16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года № 19—160 «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР».

17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 августа 1941 года [Об освобождении поляков от статуса спецпереселенцев].

18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года № 21—160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья».

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года № 115/136 «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории».

21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР».

22. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года № 116/102 «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории».

23. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1944 года [О ликвидации Калмыцкого района Ростовской области].

24. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года № 117/6 «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР».

25. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 апреля 1944 года [О переименовании районов, отошедших от Чечено-Ингушетии к Северной Осетии].

26. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 мая 1944 года [О ликвидации Приютнинского района Ставропольского края, отошедшего к нему при ликвидации Калмыцкой АССР].

27. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 мая 1944 года [О ликвидации в Астраханской области и включении в состав других районов, ранее входивших в Калмыцкую АССР].

28. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 мая 1944 года [О переименованиях в бывших балкарских районах].

29. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 августа 1944 года [О переименовании районов в бывшей Чечено-Ингушской АССР].

30. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 ноября 1944 года № 621/8 [О переименовании 11 районов и 11 райцентров Крымской области].

31. Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР (ноябрь 1944 года) [О переименовании 5 населенных пунктов в Земо-Сванетском

районе, образованном на землях, переданных из Кабардино-Балкарской АССР].

32. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1944 года [О переименовании районов Крымской области].

33. Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от (декабрь 1944 года) [О переименовании балкарских названий].

34. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР».

35. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 года № 619/3 [О переименовании 327 татарских селений в Крыму].

36. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1945 года [О переименовании населенных пунктов в Крымской области].

37. Закон РСФСР от 25 июня 1946 года [Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область].

38. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

39. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 мая 1948 года [О переименовании 1062 татарских селений в Крыму].

40. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»).

41. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 года [О выселении за «бродяжничество и попрошайничество»].

42. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года [Об оставлении на спецпоселении навечно 7 «наказанных» народов, а также греков].

43. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 января 1952 года [О переименовании железнодорожных станций на территории Крымской области].

44. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на поселении».

45. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии».

45. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года [О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР].

47. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

48. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

49. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 года «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

50. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года № 134/33 «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

51. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 года № 139/47 «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

52. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года № 0—134 «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР (турок-месхетинцев. — *В.Б.*), курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

53. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года № 139/19/20 «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

54. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 года № 144/29 «О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство».

55. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 года «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством».

56. Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 9 ноября 1956 года «О запрещении бывшим руководителям и активным участникам украинского националистического подполья, которые были осуждены и отбыли наказание, возвращаться в западные области Украинской ССР» (в 1957 году аналогичные указы приняты: в Литве — 21 января, в Белоруссии — 22 февраля, в Латвии — 5 октября, в Эстонии — 12 октября. — *В.Б.*).

57. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/11 «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР».

58. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/12 «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область».

59. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/13 «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР».

60. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/14 «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР».

61. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1957 года № 149/22 «О передаче части территории Душетского и Казбегского районов из Грузинской ССР в состав РСФСР».

62. Закон СССР от 11 февраля 1957 года «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов».

63. Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 22 февраля 1957 года «О запрещении бывшим руководителям и активным участникам белорусских националистических подпольных групп, осужденным и отбывшим наказание, возвращаться в Брестскую, Гродненскую и Молодечненскую области».

64. Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 5 октября 1957 года «О запрещении бывшим руководителям буржуазных правительств Латвии, руководителям буржуазных политических партий и антисоветских организаций, активным участникам латышского националистического подполья, осужденным и отбывшим наказание, возвращаться в Латвийскую ССР».

65. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года № 161/29 «О снятии ограничений с граждан СССР азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР».

66. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

67. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1958 года № 108/1 «О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР».

68. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

69. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1960 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

70. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

71. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1963 года «О снятии ограничений со спецпоселенцев, находившихся ранее в националистическом подполье, бывших торговцев, помещиков, фабрикантов, высланных из Западной Украины, Молдавской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР».

72. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

73. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 декабря 1964 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

74. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года № 1361 «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму».

75. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года».

76. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года «О порядке применения в отношении граждан СССР — турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года и статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года».

77. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года № 3521-VIII «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан (немцы, греки, болгары, армяне, бывшие иноподданные греки, турки и иранцы. — *В.Б.*)».

78. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1972 года «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан».

79. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1974 года «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан».

80. Закон Эстонской ССР от 7 декабря 1988 года [О несудебных массовых репрессиях в Советской Эстонии в 1940—1950-е годы. — *В.Б.*].

81. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 1930—1940-х и начала 1950-х годов».

82. Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 28 июля 1989 года «О реабилитации лиц, осужденных за политические преступления».

83. Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года № 772-I «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

84. Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа».

85. Закон Латвийской Республики (1990 год) «О реабилитации незаконно репрессированных лиц».

86. Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 8 января 1990 года «О внесении изменений и дополнений в Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 28 июля 1989 года «О реабилитации лиц, осужденных за политические преступления».

87. Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 19 февраля 1990 года «О реабилитации лиц, репрессированных во внесудебном порядке и безосновательно осужденных».

88. Закон Литовской Республики (май 1990 года) «О восстановлении прав лиц, репрессированных за сопротивление оккупационным режимам».

89. Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920—1950-х годов».

90. Указ Президента Казахской ССР от 18 сентября 1990 года «О мерах по оказанию помощи реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий в период 1930—1940-х и начала 1950-х годов».

91. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1990 года № 1735-I «Об образовании Комиссии по проблемам советских греков».

92. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1990 года № 1738-I «Об образовании Комиссии по проблемам курдского народа».

93. Постановление Верховного Совета Белорусской ССР от 21 декабря 1990 года № 479-XII «Об утверждении Положения о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий в 1920—1950-х годах».

94. Постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года № 2013-I «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

95. Постановление Верховного Совета Украинской ССР от 11 марта 1991 года [О преобразовании Крымской области в Крымскую АССР].

96. Закон Украинской ССР от 17 апреля 1991 года № 962-XII «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

97. Постановление Верховного Совета Украинской ССР от 17 апреля 1991 года № 963-XII «О порядке введения в действие Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

98. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 апреля 1991 года «О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР».

99. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-I «О реабилитации репрессированных народов».

100. Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 6 июня 1991 года № 847-XII «О порядке реабилитации жертв политических репрессий 1920—1980-х годов в Республике Беларусь».

101. Указ Президента СССР от 21 июня 1991 года № УП—2119 «О награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны».

102. Постановление Президиума Верховного Совета Литовской Республики от 25 сентября 1991 года «О возвращении политзаключенных, ссыльных, а также членов их семей и обеспечении их квартирами и работой».

103. Закон РСФСР от 18 октября 1991 года № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий».

104. Постановление Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

105. Постановление Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР от 1 ноября 1991 года [О провозглашении суверенной Чеченской Республики].

106. Постановление Президиума Верховного Совета Грузинской ССР № 321 от 6 декабря 1991 года [Об образовании Комиссии по взаимодействию с Советом общества спасения грузин (месхов)].

АКТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

1. Постановление Совнаркома Украинской ССР от 13 ноября 1929 года № 20369 «О переселении социально-опасного элемента из пограничных округов Украинской ССР».

2. Постановление Совнаркома СССР от 1 апреля 1930 года [О создании специальной комиссии В.В. Шмидта].

3. Постановление Совнаркома РСФСР от 10 апреля 1930 года «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулаков и их семей».

4. Постановление Совнаркома РСФСР от 11 июля 1930 года «О выполнении директив Правительства по использованию для школ и дошкольных учреждений конфискованных у кулачества домов».

5. Постановление Совнаркома РСФСР от 18 августа 1930 года «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области».

6. Постановление Совнаркома РСФСР от 3 октября 1930 года [Об утверждении положения о спецпоселках и спецпереселенцах].

7. Постановление Совнаркома СССР от 20 марта 1931 года «О переселении кулацких хозяйств».

8. Постановление Совнаркома СССР от 1 июля 1931 года «Об устройстве спецпереселенцев».

9. Постановление Совнаркома СССР от 16 августа 1931 года № 174с [О спецпереселенцах].

10. Постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1931 года «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае».

11. Постановление Совнаркома СССР от 21 февраля 1932 года [О санитарном состоянии и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев].

12. Постановление Совнаркома СССР от 4 апреля 1932 года «О спецпереселенцах».

13. Постановление Совнаркома СССР от 23 января 1936 года № 111—21сс «О переселении из Украинской ССР в Казахскую АССР».

14. Постановление Совнаркома СССР от 28 апреля 1936 года № 776—120сс «О выселении из Украинской ССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств».

15. Постановление Совнаркома СССР от 21 мая 1936 года № 911—150сс [О переселении 500 кулацких хозяйств из Дагестанской АССР и

500 кулацких хозяйств из Чечено-Ингушской автономной области Северо-Кавказского края].

16. Постановление Совнаркома СССР от 5 сентября 1937 года № 1527—349сс «О порядке расчетов с переселяемыми в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами».

17. Постановление Совнаркома СССР от 8 сентября 1937 года № 1539—354сс «О переселении корейцев».

18. Постановление Совнаркома СССР от 11 сентября 1937 года № 1571—356сс «О смете расходов по переселению корейцев из Дальне-Восточного края».

19. Постановление Совнаркома СССР от 25 сентября 1937 года № 1672—371сс «О сдаче и возвращении зерна у переселяемых корейцев».

20. Постановление Совнаркома СССР от 28 сентября 1937 года № 1697—377сс «О выселении корейцев с территории Дальне-Восточного края».

21. Постановление Совнаркома СССР от 1 октября 1937 года № 1698—378сс «О позаимствовании из мобзапаса воинских кухонь и печей для формирования корейских эшелонов».

22. Постановление Совнаркома СССР от 7 октября 1937 года № 1772—388сс «О смете расходов по переселению второй очереди корейцев из Дальне-Восточного края».

23. Постановление Совнаркома СССР от 8 октября 1938 года № 1084—269сс «О переселении иранцев из приграничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР».

24. Постановление Совнаркома СССР от 22 октября 1938 года № 1143—280с «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» [О разрешении на выезд из трудпоселения детям, достигшим 16-летнего возраста. — *В.Б.*].

25. Постановление Совнаркома СССР от 5 декабря 1939 года № 2010—558сс [О выселении «осадников» и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР].

26. Постановление Совнаркома СССР от 29 декабря 1939 года № 2122—617сс, утвердившее:

— Положение «О спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселенных из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР»;

— Инструкцию «О порядке переселения осадников из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР»;

— «Штаты районной и поселковой комендатуры НКВД спецпоселков».

27. Постановление Совнаркома СССР от 2 марта 1940 года № 289/127сс [О выселении из западных районов Украинской ССР и Белорусской ССР членов семей польских военнопленных и содержавшихся в тюрьмах (фактически было распространено на все западные области СССР, в том числе и на Молдавскую ССР. — *В.Б.*)].

28. Постановление Совнаркома СССР от 10 апреля 1940 года № 497/177сс [Об утверждении инструкции «О выселении лиц, подпадающих под постановление СНК СССР от 2 марта 1940 года»].

29. Постановление Совнаркома СССР от 23 июня 1940 года [О переселении из города Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей].

30. Постановление Совнаркома СССР от 30 августа 1941 года № 2016—915сс [Об утверждении инструкции «О порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников»].

31. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 6 сентября 1941 года № 636сс «О переселении немцев из города Москвы и Московской области и Ростовской области».

32. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 21 сентября 1941 года № 698сс «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР».

33. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 22 сентября 1941 года № 702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей».

34. Постановление Совнаркома СССР от 7 октября 1941 года № 2130—972сс «О выделении рабочих колонн из военнообязанных».

35. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 8 октября 1941 года № 743сс «О переселении немцев из Воронежской области».

36. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 8 октября 1941 года № 744сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР».

37. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 22 октября 1941 года № 827сс «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР».

38. Распоряжение Совнаркома СССР от 30 октября 1941 года № 57к «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные».

39. Распоряжение Совнаркома СССР от 2 ноября 1941 года № 84кс «О переселении немцев из Калмыцкой АССР».

40. Распоряжение Совнаркома СССР от 11 ноября 1941 года [О переселении немцев из приграничных районов Дальнего Востока].

41. Распоряжение Совнаркома СССР от 14 ноября 1941 года № 180кс «О переселении лиц немецкой национальности из пограничных районов в тыловые в пределах Читинской области».

42. Распоряжение Совнаркома СССР от 21 ноября 1941 года № 280кс [О переселении немцев из Куйбышевской области].

43. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 ноября 1941 года [О переселении польских граждан из северных областей СССР в Казахскую ССР].

44. Распоряжение Совнаркома СССР от 6 января 1942 года № 197-с [О переселении немцев из других районов страны].

45. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 10 января 1942 года № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет».

46. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 14 февраля 1942 года № 1281сс «О мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках».

47. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 11 апреля 1942 года № 1575сс [О разрешении призывать бывших кулаков на военную службу].

48. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 29 мая 1942 года № 1828сс [О дополнительном выселении из Красноярского края и Ростовской области социально опасных лиц, немцев, румын, крымских татар и иностранноподданных (греки)].

49. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 30 мая 1942 года [О выселении немецкого населения из различных районов страны].

50. Распоряжение Совнаркома СССР от 20 июня 1942 года [О переселении немцев из некоторых районов страны].

51. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 июня 1942 года № 1926сс «О членах семей изменников Родины».

52. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 9 июля 1942 года «О высылке из Ленинграда и пригородных районов социально опасных элементов».

53. Распоряжение Совнаркома СССР от 20 июля(?) 1942 года № 1322 [О переселении немцев из центральных районов Новосибирской области в Нарымский округ].

54. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 26 августа 1942 года «Об обязательной эвакуации немецкого населения из пограничных районов Ленинграда».

55. Распоряжение Совнаркома СССР от 21 сентября 1942 года № 2472/ш [О переселении немцев на север Омской области].

56. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 7 октября 1942 года № 2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР».

57. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 14 октября 1942 года № 2409сс «О распространении постановлений Государственного Комитета Обороны СССР № 1123 и № 1281 на граждан других национальностей воюющих с СССР стран».

58. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 марта 1943 года № 3857сс [О мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию].

59. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 26 апреля 1943 года [О мобилизации немцев в трудовую армию].

60. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 августа 1943 года [О мобилизации немцев в трудовую армию].

61. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 19 августа 1943 года № 3960сс [О мобилизации выселенного немецкого населения в трудовую армию].

62. Постановление Совнаркома СССР от 14 октября 1943 года № 1118—342сс «Вопросы НКВД СССР» [О выселении лиц карачаевской национальности из Карачаевской автономной области].

63. Постановление Совнаркома СССР от 15 октября 1943 года № 1118—346сс [О подготовке к приему спецпоселенцев-калмыков в Алтайском и Красноярском краях, Омской и Новосибирской областях].

64. Постановление Совнаркома СССР от 6 ноября 1943 года № 1221—368сс «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края».

65. Постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 года № 1432—425 [О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области].

66. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 31 января 1944 года № 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР».

67. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 31 января 1944 года № 5074сс «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов».

68. Распоряжение Государственного Комитета Обороны СССР от 3 марта 1944 года № 0741 [О направлении на спецпоселение военнослужащих-карачаевцев].

69. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 5 марта 1944 года № 5309сс «Вопросы НКВД СССР» [О выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР].

70. Постановление Совнаркома СССР от 9 марта 1944 года № 255—74сс «О заселении и освоении бывшей Чечено-Ингушской АССР».

71. Распоряжение Совнаркома СССР от 11 марта 1944 года № 5473рс [О переселении из горных районов Дагестана на земли Ауховского района Дагестанской АССР].

72. Распоряжение Совнаркома СССР от 11 марта 1944 года № 5475рс [О выселении калмыков из Ростовской области в Омскую область].

73. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 апреля 1944 года № 5943сс [О выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР в Узбекскую ССР].

74. Постановление Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 года № 359—105сс [О переселении поляков, проживавших в северных и восточных районах, в районы с более подходящим климатом].

75. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 25 апреля 1944 года № 5729сс [О направлении 1000 семей спецпоселенцев-калмыков на слюдяные рудники в Иркутскую область и Якутскую АССР].

76. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 11 мая 1944 года № 5859сс «О крымских татарах».

77. Постановление Совнаркома СССР от 18 мая 1944 года № 546(?) [О переселении в Чечено-Ингушскую АССР 700 хозяйств аварцев из Грузинской ССР].

78. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 21 мая 1944 года № 5937сс [О дополнительном выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР в Марийскую АССР, Горьковскую, Ивановскую, Костромскую, Молотовскую и Свердловскую области].

79. Постановление Совнаркома СССР от 29 мая 1944 года № 627—176сс «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам — карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен за принятые от них скот и зерно в местах выселения».

80. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 29 мая 1944 года № 5928сс [О выселении крымских татар и греков из Краснодарского края и Ростовской области].

81. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 июня 1944 года № 5984сс [О выселении из Крыма греков, армян и болгар].

82. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 июня 1944 года № 6100сс «О выселении из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные паспорта».

83. Постановление Совнаркома СССР от 11 июля 1944 года № 854—224сс «О частичном переселении бывших польских граждан (из восточных районов СССР. — *В.Б.*)».

84. Распоряжение Совнаркома СССР от 25 июля 1944 года № 15238рс [О направлении 1000 семей спецпоселенцев-калмыков на слюдяные рудники в Иркутскую область и Якутскую АССР].

85. Распоряжение Совнаркома СССР от 26 июля 1944 года № 15372рс [О переселении 213 чехов из Джамбулской области в Украинскую ССР].

86. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 31 июля 1944 года № 6279сс «О переселении из пограничной полосы Грузинской ССР Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов турок, курдов и хемшилов».

87. Постановление Совнаркома СССР от 6 ноября 1944 года [О порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области].

88. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 16 декабря 1944 года № 7161сс [О мобилизации и интернировании с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях, подданных Германии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии].

89. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 29 декабря 1944 года № 7252сс [Положение о приеме, размещении и трудоиспользовании немцев, мобилизованных в странах Восточной Европы].

90. Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 года № 34—14сс(?) «О спецкомендатурах НКВД».

91. Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 года № 35 «О правовом положении спецпереселенцев».

92. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 3 февраля 1945 года № 7467сс [О мобилизации немцев в странах Восточной Европы].

93. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 21 февраля 1945 года № 7565сс «О распределении мобилизуемых на территории действующих фронтов немцев на работы в промышленности».

94. Постановление Совнаркома СССР от 5 марта 1945 года № 399—110сс «О порядке расчета с переселенцами из Грузии за принятое от них имущество».

95. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 17 апреля 1945 года № 8148сс [О прекращении мобилизации немцев из стран Восточной Европы].

96. Распоряжение Государственного Комитета Обороны СССР от 22 апреля 1945 года № 6255сс [О немцах, мобилизованных в странах Восточной Европы].

97. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 мая 1945 года № 8377сс [О немцах, мобилизованных в странах Восточной Европы].

98. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 18 июля 1945 года № 9526сс «О выселении из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные паспорта».

99. Постановление Совнаркома СССР от 28 июля 1945 года № 1927 «О льготах спецпереселенцам».

100. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 18 августа 1945 года № 9871сс «О направлении на работу в промышленности военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста (о выселении «власовцев». — *В.Б.*)».

101. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 30 августа 1945 года № 9959сс «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев, занятых на работах в промышленности».

102. Распоряжение Совнаркома СССР от 28 ноября 1945 года № 17074рс [О направлении «власовцев» в Свердловскую область].

103. Постановление Совнаркома СССР от 22 декабря 1945 года № 3141—950сс [О направлении «власовцев» в Кемеровскую область].

104. Распоряжение Совнаркома СССР от 7 января 1946 года [О направлении «власовцев» в Кемеровскую область].

105. Постановление Совета Министров СССР от 29 марта 1946 года № 691—271сс «О закреплении за предприятиями Министерства черной

металлургии спецконтингентов, подлежащих переселению в северные районы СССР».

106. Распоряжение Совета Министров СССР от 16 апреля 1946 года [О направлении «власовцев» в Карело-Финскую ССР].

107. Распоряжение Совета Министров СССР от 29 июня 1946 года [О направлении «власовцев» в Казахскую и Туркменскую ССР, в Башкирскую АССР, в Молотовскую, Кировскую и Сахалинскую области].

108. Постановление Совета Министров СССР от 27 июля 1946 года № 1653—726сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев».

109. Распоряжение Совета Министров СССР от 5 августа 1946 года № 10297сс [О направлении «власовцев» в Горьковскую область].

110. Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1946 года № 1767—796сс «Об отмене особого режима в спецпоселках Ставропольского края».

111. Распоряжение Совета Министров СССР от 28 августа 1946 года № 10382сс [О направлении «власовцев» в Таджикскую ССР].

112. Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 года № 2728—1124сс «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях».

113. Постановление Совета Министров СССР от 4 марта 1947 года № 413—137сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных немцев, работающих на предприятиях черной металлургии».

114. Постановление Совета Министров СССР от 14 марта(?) 1947 года № 1022—305сс «Об отправке на родину нетрудоспособных военнопленных и интернированных, работающих на предприятиях угольной промышленности западных регионов».

115. Распоряжение Совета Министров СССР от 7 мая 1947 года «О запрете поселяться финнам в местах прежнего проживания в Ленинграде и области».

116. Постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1947 года № 1521—402сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев».

117. Постановление Совета Министров СССР от 16 мая 1947 года № 1571—414сс [Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев].

118. Постановление Совета Министров СССР от 26 мая 1947 года № 1731—462сс [О репатриации военнопленных немцев].

119. Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1947 года [О выселении семей осужденных, убитых, находящихся на нелегальном положении активных националистов и бандитов с территории западных областей Украины].

120. Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 года [О выселении за пределы Литовской ССР семей бандитов и бандпособников].

121. Постановление Совета Министров СССР от 6 ноября 1947 года [О вывозе из Германии немецких военно-технических специалистов].

122. Распоряжение Совета Министров СССР от 27 декабря 1947 года № 19064сс [О репатриации больных и малоработоспособных интернированных немцев].

123. Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 417—160сс [О выселении с территории Литовской ССР на спецпоселение семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, а также пособников бандитов, кулаков и их семей].

124. Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 418—161сс «О ссылке, высылке и спецпоселениях».

125. Постановление Совета Министров СССР от 22 февраля 1948 года № 413—162сс [О переселении депортированных из Европейской части в Сибирь и Казахстан].

126. Постановление Совета Министров СССР от 8 марта 1948 года № 702—223сс «О пересмотре дел немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии».

127. Постановление Совета Министров СССР от 7 мая 1948 года № 1492—572сс «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев».

128. Постановление Совета Министров СССР от 30 июня 1948 года № 2386—991сс «Об освобождении немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии».

129. Постановление Совета Министров СССР от 4 октября 1948 года № 3728—1524сс [О разрешении МГБ СССР выселять на спецпоселение по решению Особого совещания при МГБ СССР членов семей бандитов, погромщиков, проживающих на территории западных областей Украинской ССР. — *В.Б.*].

130. Постановление Совета Министров СССР от 6 октября 1948 года № 3785—1538сс [О выселении кулаков из Измаильской области Украинской ССР. — *В.Б.*].

131. Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 года № 4367—1726сс «О выселенцах».

132. Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 года № 390—138сс [О выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов].

133. Постановление Совета Министров Латвийской ССР от 17 марта 1949 года № 282сс «О выселении из пределов Латвийской ССР кулацких семей».

134. Постановление Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 года № 1290—467сс [О выселении с территории Молдавской ССР кулаков, пособников белогвардейцев, участников нелегальных организаций, а также их семей].

135. Постановление Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214—856сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря».

136. Постановление Совета Министров СССР от 6 августа 1949 года «О репатриации в 1949 году интернированных немцев и лиц других национальностей».

137. Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1949 года № 5881—2201сс [О выселении с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области семей кулаков, бандитов и осужденных за антисоветскую деятельность].

138. Постановление Совета Министров СССР от 11 января 1950 года № 135—26сс [О выселении бывших участников басмаческих банд и членов их семей, проживающих на территории Таджикской ССР].

139. Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1950 года № 727—269сс [О выселении иранцев].

140. Постановление Совета Министров СССР от 14 июля 1950 года № 3077—1286сс [О передаче отдела спецпоселений МВД СССР в МГБ СССР].

141. Постановление Совета Министров СССР от 23 января 1951 года № 189—88сс [О выселении с территории западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР семей кулаков].

142. Постановление Совета Министров СССР от 13 февраля 1951 года № 377—190сс [О переселении бывших военнослужащих армии Андерса].

143. Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1951 года № 667—339сс [О выселении активных участников антисоветской секты «иеговистов» с семьями из Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР].

144. Постановление Совета Министров Молдавской ССР от 24 марта 1951 года «О конфискации и реализации имущества выселяемых с территории Молдавской ССР».

145. Распоряжение Совета Министров СССР от 10 августа 1951 года № 14133(?).

146. Постановление Совета Министров СССР от 5 сентября 1951 года № 3309—1568сс [О выселении из Прибалтики кулаков и членов их семей, враждебно настроенных против колхозов].

147. Постановление Совета Министров СССР от 7 октября 1951 года № 3857—1703 [Об освобождении от спецпоселения «власовцев», отбывших 6-летний срок].

148. Постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1951 года № 4893—2113сс [О выселении с территории Грузинской ССР антисоветских элементов].

149. Постановление Совета Министров СССР от 1952 года «Об оставлении на спецпоселении лиц, выселенных в период Отечественной войны».

150. Распоряжение Совета Министров СССР от 25 марта 1952 года № 6435рс [О выселении кулаков с семьями из Белорусской ССР навечно].

151. Постановление Совета Министров СССР от 2 апреля 1952 года № 1616—576сс «О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии».

152. Распоряжение Совета Министров СССР от 3 декабря 1952 года № 31514сс [О порядке освобождения от спецпоселения «власовцев», отбывших 6-летний срок].

153. Постановление Совета Министров Белорусской ССР от 7 апреля 1952 года № 436 [О выселении кулаков и членов их семей из Гродненской, Молодечненской, Брестской, Пинской и Полоцкой областей].

154. Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года № 1439—649сс «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев».

155. Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года № 1738—789сс «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков, с немцев, взятых на учет по месту жительства, и с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались».

156. Постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1955 года «О выдаче спецпоселенцам паспортов».

157. Постановление Совета Министров СССР от 25 апреля 1955 года № 858—517с «О репатриации из Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, ГДР, Корею, Китай находящихся на территории СССР граждан этих стран».

158. Распоряжение Совета Министров СССР от 23 августа 1955 года «О призыве некоторых категорий спецпоселенцев на военную службу».

159. Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года № 1963—1052сс «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев».

160. Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1956 года № 62—41сс(?) «О снятии ограничений по спецпоселению с лиц польской национальности, выселенных в 1936 году из пограничных с Польшей районов Украинской ССР».

161. Постановление Совета Министров СССР от 12 марта 1956 года «О дополнительном снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев».

162. Постановление Совета Министров СССР от 15 мая 1956 года [О снятии с учета спецпоселения членов семей украинских и белорусских националистов, освобожденных из ссылки на поселение].

163. Постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1956 года № 2284рс «О репатриации из СССР германских граждан».

164. Постановление Совета Министров СССР от 15 октября 1978 года № 700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области».

165. Постановление Совета Министров Грузинской ССР от 8 декабря 1987 года № 600 [По проблемам турок-месхетинцев].

166. Постановление Совета Министров СССР от 24 декабря 1987 года [Об ограничении прописки граждан в некоторых населенных пунктах Крымской области и Краснодарского края].

167. Постановление Совета Министров Грузинской ССР от 24 июня 1988 года [По проблемам турок-месхетинцев].

168. Постановление Совета Министров Латвийской ССР от 5 декабря 1988 года [Положение «О порядке возврата имущества или возмещения его стоимости гражданам, выселение которых в административном порядке за пределы Латвийской ССР признано необоснованным»].

169. Постановление Совета Министров Эстонской ССР от 20 февраля 1989 года «О порядке возвращения имущества и возмещения ущерба лицам, пострадавшим в ходе массовых репрессий».

170. Постановление Совета Министров Литовской ССР (июль 1989 года) «Об имущественных и личных неимущественных правах лиц, выселение которых признано незаконным и необоснованным и которые признаны реабилитированными».

171. Постановление Совета Министров СССР от 21 декабря 1989 года № 1117 «Об образовании Комиссии по организации выполнения постановления Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа».

172. Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1990 года № 90 «Об образовании комиссии по проблемам советских немцев».

173. Решение Исполнительного Комитета Ульяновского областного Совета народных депутатов от 6 апреля 1990 года № 135 «Об организации работы по расселению в Ульяновской области советских немцев».

174. Постановление Совета Министров Армянской ССР от 25 сентября 1990 года № 428 «О распространении действия постановления Совета Министров Армянской ССР от 20 декабря 1989 года № 640 «Постановление Совета Министров СССР от 6 октября 1989 года № 825 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей» на всех бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания во время Второй мировой войны».

175. Постановление Совета Министров Казахской ССР от 16 ноября 1990 года № 448 «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий граждан, необоснованно привлекавшихся к уголовной ответственности и подвергшихся другим судебным и внесудебным репрессиям по социально-политическим мотивам, имевшим место в период 1930—1940-х — начала 1950-х годов».

176. Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1990 года № 1184 «О подготовке и проведении съезда советских немцев».

177. Распоряжение Кабинета Министров СССР от 26 марта 1991 года № 225р [Об исполнении постановления Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года № 2013-I «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

178. Постановление Кабинета Министров СССР от 6 июня 1991 года № 336 «Об отмене постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению».

179. Решение Исполкома Алтайского краевого Совета народных депутатов от 18 июня 1991 года № 258 «О восстановлении на территории Алтайского края Немецкого национального района».

180. Постановление Кабинета Министров Украинской ССР от 24 июня 1991 года № 48 «О мерах по реализации Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

181. Постановление Кабинета Министров Азербайджанской ССР от 12 июля 1991 года № 214 «Об отмене постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся насильственному переселению».

182. Постановление Кабинета Министров СССР от 2 августа 1991 года № 565 «О комитете по проблемам советских немцев».

183. Постановление Правительства Литовской Республики от 12 августа 1991 года «О возмещении материального ущерба лицам, отправленным в годы Второй мировой войны на принудительные работы, незаконно выселенным в 1951—1952 годах из одних местностей Литвы в другие».

184. Постановление Кабинета Министров РСФСР от 15 октября 1991 года № 546 «Об образовании в составе Государственного комитета РСФСР по делам национальностей Управления по делам народов, не имеющих национально-государственных образований».

ВЕДОМСТВЕННЫЕ АКТЫ

1. Постановление НКВД РСФСР от 3 января 1923 года [Инструкция по применению Постановления ВЦИК «Об административной высылке»].

2. Постановление НКВД РСФСР от 15 февраля 1928 года [О ликвидации Всероссийского союза цыган].

3. Директива ОГПУ при Совнаркоме СССР от 18 января 1930 года № 775 [О предстоящем массовом выселении кулацких семей].

4. Директива ОГПУ при Совнаркоме СССР от 18 января 1930 года № 776 [О предстоящем массовом выселении кулацких семей].

5. Приказ ОГПУ при Совнаркоме СССР от 2 февраля 1930 года № 44/21 [Об организованной ликвидации кулачества — массовом выселении кулаков из районов сплошной коллективизации и погранполосы в отдаленные районы Севера с конфискацией имущества].

6. Постановление Наркомата земледелия СССР от 1 апреля 1930 года «О местах поселения кулацких хозяйств, выселенных из районов сплошной коллективизации».

7. Постановление коллегии Наркомата юстиции РСФСР от 15 марта 1931 года «О работе Прокуратуры по проведению ликвидации кулачества как класса».

8. Циркулярное письмо ОГПУ при Совнаркоме СССР от 17 августа 1931 года [О предотвращении побегов из спецпоселений].

9. Приказ ОГПУ при СНК СССР от 25 октября 1931 года [Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административ-

ных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев].

10. Циркуляр УНКВД по Ленинградской области от 27 февраля 1935 года «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов».

11. Распоряжение НКВД СССР от 25 марта 1935 года «Об очистке пограничной зоны Ленинградской области и Карелии от кулаков и антисоветских элементов в порядке репрессии».

12. Приказ НКВД СССР от 25 мая 1935 года № 00192 [Об организации «троек» при территориальных органах НКВД].

13. Приказ НКВД СССР от 27 июля 1937 года № 00439 [Об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах].

14. Приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 года № 00447 [Об антисоветских элементах].

15. Приказ НКВД СССР № 00485—1937 года [Об аресте контрреволюционных национальных польских контингентов].

16. Приказ НКВД СССР № 00593—1937 года [Об аресте контрреволюционных национальных харбинских контингентов].

17. Указание НКВД СССР от 30 ноября 1937 года № 49990 [Об аресте всех латышей, подозреваемых в контрреволюционной деятельности].

18. Приказ НКВД СССР № 302—1938 года [Об аресте контрреволюционных национальных контингентов].

19. Приказ НКВД СССР № 326—1938 года [Об аресте контрреволюционных национальных контингентов].

20. Приказ НКВД СССР от 26 ноября 1938 года № 00762 [О ликвидации «троек» при территориальных органах НКВД].

21. Распоряжение НКВД СССР от 3 июля(?) 1939 года «Об освобождении трудпоселенцев-инвалидов».

22. Приказ НКВД СССР от 11 октября 1939 года № 001223 [Инструкция о порядке проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии].

23. Указание НКВД СССР от 2 декабря 1939 года № 5332 [О выселении до 15 января 1940 года из Западной Украины и Белоруссии всех семей «осадников»].

24. Указание Главного Управления РККА от 27 февраля 1940 года № 22/181387 «О порядке приписки к призывным участкам трудпоселенческой молодежи».

25. Приказ НКВД СССР от 24 апреля 1940 года (без номера) «О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов и лиц, находящихся на нелегальном положении».

26. Приказ НКВД СССР от 14 июня 1941 года [Об утверждении плана мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, выселяемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР].

27. Приказ НКВД СССР от 23 июня 1941 года № 00761 «О переселении из города Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей».

28. Директива НКВД СССР и НКГБ СССР от 4 июля 1941 года № 238—131 «О мероприятиях по выселению социально опасных лиц из районов, объявленных на военном положении».

29. Директива НКВД СССР от 17 июля 1941 года [О разрешении польским беженцам проживания на территории СССР].

30. Приказ Военного Совета Северо-Западного фронта от 12 августа 1941 года № 017 [О полосе боевых действий].

31. Постановление Совета по эвакуации от 15 августа 1941 года № СЭ—75сс [О выселении немцев из Крыма].

32. Директива НКВД СССР от 19 августа 1941 года [О разрешении освобожденным от спецпоселения полякам проживать на территории СССР].

33. Приказ Военного Совета Южного фронта от 26 августа 1941 года [О выселении немецких жителей из Крыма и Днепропетровской области].

34. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 года № 196сс [Об эвакуации финского населения].

35. Приказ НКВД СССР от 27 августа 1941 года № 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» (с объявлением инструкции. — *В.Б.*)».

36. Приказ НКВД СССР от 30 августа 1941 года «О создании Отдела спецпереселений НКВД СССР».

37. Приказ НКВД СССР от 30 августа 1941 года № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из Ленинградской области в Казахскую ССР».

38. Приказ Военного Совета Юго-Западного фронта от (?) августа 1941 года [О выселении немцев из Харьковской области].

39. Приказ Военного Совета Ленинградского фронта от (?) августа 1941 года [О выселении немцев из города Ленинграда и Ленинградской области].

40. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 8 сентября 1941 года № 35105 [Об изъятии из РККА военнослужащих немецкой национальности].

41. Приказ НКВД СССР от 8 сентября 1941 года № 001237 «О проведении операции по переселению немцев из Москвы, Московской области и Ростовской области (с объявлением инструкции. — *В.Б.*)».

42. Приказ НКВД СССР от 22 сентября 1941 года № 001347 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР».

43. Приказ НКВД СССР от 23 сентября 1941 года № 001354 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей Украинской ССР».

44. Приказ НКВД СССР от 26 сентября 1941 года № 001398 [О реорганизации стройбатальонов НКВД в рабочие колонны].

45. Приказ Военного Совета Западного фронта от (?) сентября 1941 года [О выселении немцев из Калининской области].

46. Приказ НКВД СССР от 11 октября 1941 года № 001487 [О переселении немцев из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР].

47. Приказ НКВД СССР от 11 октября 1941 года № 001488 [О переселении немцев из Воронежской области].

48. Приказ НКВД СССР от 15 октября 1941 года № 001507 [О переселении немцев из Горьковской области].

49. Приказ НКВД СССР от 24 октября 1941 года № 001529 [О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР].

50. Приказ НКВД СССР от 3 ноября 1941 года № 001543 [О переселении немцев из Калмыцкой АССР].

51. Распоряжение Наркомата заготовок СССР от 11 ноября 1941 года [О приеме и возврате зерна немцам Поволжья].

52. Приказ НКВД СССР от 24 ноября 1941 года № 001790 [О переселении немцев из Куйбышевской области].

53. Приказ НКВД СССР от 9 марта 1942 года № 00713 [Об эвакуации немцев из Ленинграда и его окрестностей].

54. Приказ НКВД СССР от 20 марта 1942 года № 00714-а [Об эвакуации финского населения из Ленинграда и его окрестностей].

55. Письмо НКВД СССР от 2 апреля 1942 года [Согласие заместителя наркома Чернышева не выселять из Крыма караимов].

56. Постановление Военного Совета Ленинградского фронта от 3 апреля 1942 года «Об изъятии из действующей армии военнослужащих финской национальности и переводе их в рабочие батальоны и колонны НКВД».

57. Директива НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 29 апреля 1942 года № 185 [Об оставлении до особого распоряжения для работы по вольному найму в исправительно-трудовых лагерях лиц, освобожденных из-под стражи по отбытии срока уголовного наказания].

58. Приказ НКВД СССР от 20 августа 1942 года «О порядке сопровождения эшелонов спецпереселенцев частями конвойных войск НКВД СССР (с объявлением инструкции. — *В.Б.*)».

59. Директива НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР от 23 октября 1942 года № 467/18—77/117сс [Об освобождении из-под стражи в исправительно-трудовых лагерях некоторых категорий заключенных].

60. Директива НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 15 апреля 1943 года № 52—6927 [О принудительном выселении за пределы Карачаево-Черкесской автономной области семей бандглаварей и активных бандитов (выселены 9 августа 1943 года 110 семей — 472 человека. — *В.Б.*)].

61. Директива Наркомата заготовок СССР от 18 мая 1943 года [О признании утратившим силу распоряжения Наркомата заготовок СССР от 11 ноября 1941 года].

62. Приказ НКВД СССР от 7 января 1944 года № 0013 «Об организации специального Черногорского лагеря в Красноярском крае (для «фольксдойче». — *В.Б.*)».

63. Инструкция НКВД СССР от 29 января 1944 года «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей».

64. Приказ НКВД СССР от 21 февраля 1944 года [О выселении чеченцев и ингушей].

65. Приказ НКВД СССР от 26 февраля 1944 года № 00186сс «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения».

66. Приказ НКВД СССР от 28 февраля 1944 года № 00193 «О мероприятиях в связи с окончанием операции по выселению чеченцев и ингушей».

67. Приказ НКВД СССР от 31 марта 1944 года [О высылке членов семей «оуновцев» в Красноярский край, Омскую, Новосибирскую и Иркутскую области].

68. Совместное постановление НКВД и НКГБ СССР от 13 апреля 1944 года № 00419/00137 «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов».

69. Приказ НКВД СССР от 15 апреля 1944 года № 359—105сс(?) [О розыске и отправке на спецпоселение калмыков, проживавших вне бывшей Калмыцкой АССР].

70. Директива Ставки Верховного Главнокомандования от 4 мая 1944 года [О переселении жителей из 23-километровой прифронтовой полосы].

71. Приказ НКВД СССР от 25 мая 1944 года № 00620/001 «О выселении из Кабардинской АССР членов семей немецких ставленников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немцами».

72. Приказ НКВД СССР от 22 июня 1944 года № 0078/42 [О выселении украинцев из Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и Донецкой областей Украинской ССР].

73. Приказ НКВД СССР от 14 июля 1944 года № 2863—1/12933 [О переселении «истинно православных христиан»].

74. Приказ НКВД СССР от 24 августа 1944 года № 001036 «О выселении из городов Кавминводгруппы курортов семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немцами».

75. Приказ НКВД СССР от 20 сентября 1944 года «О переселении из пограничных районов Грузинской ССР турок, курдов и хемшилов».

76. Приказ НКВД СССР от 29 декабря 1944 года № 274 [О взятии на учет как спецпереселенцев граждан финской национальности].

77. Приказ НКВД СССР от 6 января 1945 года № 008 «О выселении из города Ставрополя, Черкесской автономной области, районов Ставропольского края семей коллаборационистов и добровольно ушедших с немцами».

78. Приказ НКВД СССР от 10 января 1945 года [Временное положение о рабочем батальоне по обслуживанию интернированных немцев].

79. Приказ НКВД СССР от 11 января 1945 года № 0016 «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов».

80. Приказ НКВД СССР от 6 февраля 1945 года № 0061 [О мобилизации немцев в странах Восточной Европы].

81. Приказ НКВД СССР от 22 февраля 1945 года № 00101 [О фильтрации репатриируемых из стран Восточной Европы].

82. Приказ НКВД СССР от 27 февраля 1945 года [Положение о приеме, содержании и трудоиспользовании мобилизованных и интернированных в странах Восточной Европы немцев].

83. Приказ НКВД СССР от 28 февраля 1945 года [Инструкция по организации и ведению учета интернированных и мобилизованных немцев].

84. Приказ НКВД СССР от 5 марта 1945 года [Временная инструкция об охране и режиме содержания интернированных и мобилизованных немцев в рабочих батальонах].

85. Приказ НКВД СССР от 4 апреля 1945 года [Инструкция о порядке конвоирования военнопленных и интернированных частями конвойных войск].

86. Приказ НКВД СССР от 18 апреля 1945 года № 00315 «О частичном изменении приказа НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года».

87. Директива НКВД СССР от 22 августа 1945 года № 140 «О направлении прибывших с фронта представителей переселенных народов на места проживания основной группы».

88. Приказ НКВД, НКГБ и Наркомата обороны СССР от 8 сентября 1945 года [Об организации проверки репатриируемых, бывших военнослужащих Красной Армии и лиц призывных возрастов, передаваемых для работы в промышленность].

89. Приказ НКВД СССР от 29 октября 1945 года № 001301 [Об освобождении интернированных поляков — польских граждан].

90. Приказ НКВД СССР № 00315—1945 года [О фильтрации репатриируемых из стран Восточной Европы].

91. Приказ НКВД СССР от 5 января 1946 года № 3/0—39 [О ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности].

92. Директива НКВД-МВД СССР от 20 апреля 1946 года № 97 [О направлении легионеров, «власовцев» и полицейских на спецпоселение сроком на 6 лет].

93. Директива НКВД-МВД СССР от 30 апреля 1946 года № 110 [О выявлении и депортировании евреев зарубежного подданства].

94. Приказ НКВД-МВД СССР от 4 мая 1946 года № 00385 [О вывозе из лагерей МВД СССР в Корею японских военнопленных].

95. Приказ НКВД-МВД СССР от 21 июня 1946 года [О разрешении переписки для военнопленных и интернированных].

96. Директива НКВД-МВД СССР от 26 июня 1946 года № 1925 [О вывозе поляков].

97. Приказ МВД СССР от 27 июля 1946 года № 00601 [Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев].

98. Приказ МВД СССР от 31 июля 1946 года № 00731 «Об отправке в Германию нетрудоспособных немцев, содержащихся в рабочих батальонах».

99. Приказ Прокуратуры СССР и МВД СССР от 26 сентября 1946 года «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев — бывших кулаков».

100. Приказ МВД СССР от 26 декабря 1946 года № 001196 [О вывозе из Германии немцев].

101. Директива Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР (ГУПВИ) от 8 декабря 1947 года [О репатриации интернированных немцев].

102. Приказ МВД СССР от 21 февраля 1948 года № 00544 «О мероприятиях по удалению из города Ленинграда и Ленинградской области лиц финской национальности и ингерманландцев, репатриированных из Финляндии».

103. Приказ МГБ СССР от 16 марта 1948 года [Инструкция о порядке реализации постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 417—160сс — о выселении с территории Литовской ССР на спецпоселение семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, а также пособников бандитов, кулаков и их семей].

104. Приказ МГБ СССР от 28 февраля 1949 года № 0068 [Об операции «Прибой» на территории Прибалтики].

105. Приказ МВД СССР от 11 июня 1949 года [О порядке приема, перевозки, расселения и трудоустройства лиц, выселенных из Молдавии].

106. Приказ МГБ СССР от 24 октября 1951 года № 00776 [Об объявлении под расписку Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года и об отмене директивы МВД СССР от 20 апреля 1946 года № 97].

107. Приказ МВД СССР от 7 апреля 1952 года № 00337 [О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии].

108. Приказ МГБ СССР от 12 декабря 1952 года № 001129 [О порядке освобождения от спецпоселения «власовцев», отбывших 6-летний срок].

109. Приказ МВД СССР и Генерального прокурора СССР от 24 апреля 1954 года [Об освобождении из ссылки на поселение лиц, ранее осужденных за контрреволюционные преступления на срок до 5 лет включительно].

110. Приказ Генерального прокурора СССР, МВД СССР и КГБ СССР от 16 июля 1954 года № 127с/0391/078 [Об освобождении спецпоселенцев, направленных в ссылку на поселение по решениям Особого совещания при МВД-МГБ СССР].

111. Указание Генерального прокурора СССР от 20 июля 1954 года № 127/132с [В связи с постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года].

112. Указание МВД СССР от 29 апреля 1956 года [О запрещении применения ареста в качестве административного наказания к спецпоселенцам].

113. Приказ МВД СССР от 25 января 1957 года № 055 «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенным в период Великой Отечественной войны, в местах, откуда они были высланы».

114. Приказ МВД СССР от 27 марта 1959 года № 097 [О ликвидации отдела спецпоселений].

115. Указание МВД Узбекской ССР от 25 апреля 1978 года [О запрете органам милиции Узбекской ССР выписывать крымских татар, не имеющих справки с будущего места жительства о наличии работы и жилья].

116. Директива Генерального штаба Вооруженных Сил России от 16 декабря 1993 года № 315/1/00350 [Об ограничениях при приеме на военную службу запасников из числа восстановленных в правах граждан].

Документ 25

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-РЕПРЕССИВНЫХ ОРГАНОВ В СССР (ВЧК-НКВД-ГПУ-ОГПУ-НКГБ-МВД-МГБ-КГБ)

6 декабря 1917 года — 6 февраля 1922 года:

Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) РСФСР и Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем/преступлениями по должности (ВЧК) функционируют самостоятельно и отдельно друг от друга.

6 февраля 1922 года — 5 ноября 1923 года:

НКВД и Государственное политическое управление (ГПУ) существуют в рамках единого ведомства (НКВД РСФСР).

1923—1930 годы:

НКВД РСФСР и наркоматы внутренних дел союзных республик функционируют самостоятельно.

15 декабря 1930 года — 5 ноября 1934 года:

Наркоматы внутренних дел союзных и автономных республик ликвидируются. Резко возрастает во внутренней жизни страны роль Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР, образованного постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР от 15 ноября 1923 года. Под оперативным руководством ОГПУ находятся милиция и уголовный розыск.

Ноябрь 1923 года — 1934 год:

На ОГПУ возлагаются функции тайного политического сыска внутри страны, контрразведки и внешней разведки. Приказом ОГПУ от 2 февраля 1930 года образуются «тройки» при его территориальных полномочных

представительствах. 1930—1934 годы — период безраздельной монополии ОГПУ как органа исполнения политических репрессий.

1934—1941 годы:

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года создается сверхмощное ведомство — НКВД СССР, принявшее на себя все функции ОГПУ, но в увеличенном масштабе и с более широкими полномочиями. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года образуется Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР. Приказом НКВД СССР от 25 мая 1935 года № 00192 создаются «тройки» при территориальных НКВД-УНКВД (ликвидированы постановлением СНК СССР и ЦК ВКП/б/ от 17 ноября 1938 года и приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 года № 00762).

Февраль—июль 1941 года:

Разделение НКВД на два ведомства — Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР. После кратковременного упразднения НКГБ (1941—1943 годы) последний вновь самостоятельно существует с апреля 1943 года и с марта 1946 года носит название Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР.

Март 1946 года:

НКВД СССР переименовывается в Министерство внутренних дел (МВД) СССР.

1949—1953 годы:

Резкое увеличение штата, расширение прав, функций и властных полномочий МГБ СССР. В его состав передано Главное управление милиции.

Март—декабрь 1953 года:

Объединение (по инициативе Л.П. Берия) МВД и МГБ в единое суперведомство — Министерство внутренних дел СССР.

1 сентября 1953 года:

Ликвидация Указом Президиума Верховного Совета СССР Особого совещания при министре внутренних дел СССР.

Январь 1954 года:

Разделение МВД СССР на собственно Министерство внутренних дел и Комитет Государственной Безопасности (КГБ). Официальное название последнего (с 13 марта 1954 года) — Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров СССР.

§ 7. Освобождение спецпоселенцев

Освобождение со спецпоселений в период хрущевской «оттепели» проводилось, по существу, теми же методами, что и «великое переселение народов»: решительно, сверхоперативно, в массовом порядке и (в основном) по национальному признаку.

Становилось все более ясно: держать далее в неволе сотни тысяч ни в чем не повинных людей — юридически несостоятельно, политически невыгодно и опасно, экономически нецелесообразно. Показательно, что не кто иной, как Л.П. Берия, министр внутренних дел СССР, уже в июне 1953 года направил докладную записку на имя Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова, в которой, изложив суть вопроса, предлагал «отменить специальные поселения "навечно" и без указания срока как особую административную меру». Предлагалось прежде всего освободить со спецпоселения немцев и граждан зарубежных государств («иноподданных»). Как видим, всемогущий сталинский «железный наркомвнудел» в новых условиях проявлял (во всяком случае, в данном конкретном вопросе) государственный подход и политическую гибкость. Правда, дни его были уже сочтены, но абсурдность системы спецпоселений понимали и другие (если не все) высшие кремлевские бонзы. Процесс ликвидации «спецрезерваций» получил политическое «добро» сверху и пошел стремительно нарастающими темпами.

Наибольший размах освобождение спецпоселенцев и ссыльных приобрело в 1954—1957 годах. По данным В.Н. Земскова, в этот период (с 1 июля 1954 года по 1 июля 1957 года) из ссылки и спецпоселений были освобождены 2 554 630 человек.

В первую очередь формальная либерализация режима сталинской диктатуры должна была коснуться «наказанных» народов. И понятно почему: ведь их ссылка являла собой живое опровержение таких основополагающих догматов («идей», «теорий» и «принципов») сталинизма, как «пролетарский и социалистический интернационализм», «дружная и братская семья народов СССР», превращая все эти и другие звонкие постулаты большевистской пропаганды в зловещие издевательские мифы. Другими словами, освобождение репрессированных народов становилось вопросом неотложной государственной важности. Но кремлевские верхи, как всегда, пытались решить его с оговорками и патологической боязнью своего народа, бессистемно, «кавалерийской атакой», пакетом разрозненных указов, постановлений и других актов различного бюрократического уровня.

В связи с важностью для СССР налаживания отношений с крепнущей ФРГ первыми (среди депортированных народов) были освобождены от спецпоселения немцы. Но и здесь присутствует одна любопытная деталь: перед «полным» их освобождением (по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении») с учета спецкомендатур были сняты (то есть освобождены) в соответствии с другим, более ранним Указом (от 17 октября 1955 года), лица, казалось бы, гораздо более виновные перед советским государством (во всяком случае, с его, государства, точки зрения), — коллаборационисты, сотрудничавшие с германскими властями в период оккупации. Среди них, отметим, были и немцы — так называемые «фольксдойче». Налицо еще один сталинский «парадокс»: немцы-«трудармейцы», ковавшие в тылу победу Красной Армии, оставались в «спецузилищах», а их соплеменники — коллаборационисты и «фольксдойче» — получали свободу.

Вместе с ними, кстати говоря, снимались с учета спецпоселений «власовцы» и «немецкие пособники». Может быть (и скорее всего) суть дела заключалась в том, что численность последних категорий была сравнительно невелика (большинство из них, как мы знаем, находилось в застенках ГУЛАГа).

Особую позицию в отношении к освобождению спецпоселенцев занимали ведомственные и местные чиновники и хозяйственники. Подоплека здесь была чисто экономическая: руководители крайкомов и обкомов, промышленных министерств, заводов и строек Сибири, Севера и Урала «всеми фибрами» желали сохранить

у себя в регионах, в ведомствах и на предприятиях дешевую и безотказную «рабочую силу».

Что касается немцев, то сначала (перед «полным» их освобождением) был запущен «пробный шар»: постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц» (продублировано и конкретизировано секретным приказом МВД СССР от 20 августа того же года № 00713) признавались подлежащими освобождению со спецпоселений лишь те лица немецкой национальности, которые были мобилизованы в промышленность до их выселения (подконтингенты «местные» и «мобилизованные»). Таковых насчитывалось относительно немного: по учету МВД СССР на 1 января 1953 года — соответственно 111 324 «местных» и 48 582 «мобилизованных». Освобождению подлежали также остатки контингента «кулаки» (около 12 000 — из числа высланных еще в 1929—1933 годах). Предполагалось, что и немцы («местные» и «мобилизованные»), и «кулаки» к тому времени уже прочно обосновались на новых местах жительства и (как виделось «сверху») освобождение их не могло кардинально изменить картину насильственной колонизации малоосвоенных территорий.

Но, как верно заметил В.Н. Земсков, в правительственном постановлении от 13 августа 1954 года были допущены две серьезные «оплошности» — и «пробный шар» оказался со взрывной начинкой. Дело в том, что многие бывшие кулаки начали требовать возврата конфискованного у них при выселении имущества, а некоторые даже попытались вернуться в те села и деревни, где они жили до «раскулачивания». Нескончаемым был поток обращений спецпоселенцев по этим делам во все государственные инстанции. И у подобных требований и действий имелись определенные моральные и даже формально-правовые основания: ведь в упомянутом постановлении по этим вопросам не было никаких оговорок, запретов и т.п. Отсюда (по юридической логике) следует — если не запрещено, значит — разрешено. Правда, в Кремле вовремя спохватились и исправили «ошибку»: во всех последующих указах и решениях по вопросам ликвидации спецпоселений особо подчеркивалось, что освобождаемым из них запрещается возвращаться на родину и требовать возврата своего имущества (27).

Но первоначально во все «тонкости» бюрократической игры с несчастными и незаслуженно обиженными людьми «верхи», включая руководство МВД, «не просчитали»: то ли «руки не дошли», то ли это связано с массовой чисткой в «органах» после ареста

Л.П. Берии и его окружения. А неопределенность в «центре», в свою очередь, дезориентировала «низы», усугубляла и без того непростую ситуацию на местах. Подтверждением тому может служить следующий факт. В аппарате территориальных (а тем более — низовых) «органов» смутно представляли нюансы и полутона категорийного «окраса» репрессированных немцев («выселенцы», «местные», «мобилизованные», «фольксдойче» и т.п.): здесь все они в повседневном обиходе были на один ранжир («фашисты», «фрицы» и т.п.). Поэтому августовские (1954 года) директивы вызвали растерянность и недоуменные вопросы: так кого же все-таки из этих «разноокрашенных» немцев можно освобождать? Ситуация, в общем, психологически понятная. Ведь людям, давно служившим в «органах», внедрялось в подкорку, как безусловный рефлекс, незыблемое правило: лучше десять невиновных посадить, чем освободить одного «виновного» — по ошибке или (не приведи, Господь) — по «недосмотру». За первое могут пожурить — и только. А вот за второе — взыщут по всей строгости «социалистической законности». Исходя, очевидно, именно из такого разумения ситуации, руководство отдела спецпоселений УВД Кировской области 19 октября 1954 года обратилось в отдел «П» (отдел спецпоселений) МВД СССР с запросом: как поступать с немцами, мобилизованными в промышленность из тех областей, где впоследствии (то есть уже после мобилизации) производилось выселение их оставшихся (не попавших под мобилизацию) соплеменников?

Исполняющий обязанности отдела «П» МВД СССР полковник Карамышев на этот запрос дал 26 октября 1954 года ответ. Суть его сводилась к следующему: «Немцы, мобилизованные в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности из мест, откуда затем производилось выселение, под действие приказа МВД СССР № 00713 от 20 августа 1954 года не подпадают» (26). Такое указание откровенно противоречило и самому упомянутому приказу, и постановлению Правительства. На эту «ошибку» оперативно отреагировала Прокуратура РСФСР и направила соответствующее разъяснение местным «органам». Но дело с бюрократических тормозов так и не сдвинулось — вплоть до конца 1955 года (то есть до принятия известного «освободительного» Указа от 13 декабря)...

В спецпоселениях находилось к 1955 году немало «пересидчиков» — людей, коих по указам, постановлениям, приказам и иным нормативным актам давно следовало бы освободить. Однако «органы» и здесь не торопились. Срабатывала все та же укорененная

предшествующими десятилетиями карательная установка: «хватать и не пущать, а освободить — всегда успеется...»

Проведенной в 1955 году проверкой состояния прокурорского надзора за законностью содержания спецпоселенцев установлено, что постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года № 1738—789сс «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц» полностью не выполняется. Тысячи спецпоселенцев, на которых распространялось действие этого постановления, вопреки ему и другим «распоряжениям и указаниям Центра», не были освобождены.

Секретным письмом от 28 ноября 1955 года № 9/43с Прокуратурой РСФСР направлен в края, области и автономные республики «Обзор о недостатках в расследовании дел о контрреволюционных преступлениях». Из содержания этого документа явствует, что советский государственно-репрессивный аппарат продолжал инерционное движение по наезженной сталинской колее, а прокурорский надзор за этим аппаратом оставался формальным и, следовательно, — неудовлетворительным.

Главные недостатки прокурорской работы на местах, по мнению «центра», — некачественное следствие и слабый надзор, его формальный характер. Людей по-прежнему сажали по 58-й статье, не обращая внимания на отсутствие улик, свидетелей и даже самопризнаний. Все делалось, как и прежде, — «попросту», «без затей». А прокуроры без малейшего сопротивления штамповали так называемые «контрреволюционные» дела (см. документ 30 в Приложении к настоящему разделу).

И все же «оттепельные» ветры набирали силу: становилось очевидным, что тянуть далее с освобождением репрессированных народов нельзя. В конце осени 1955 года (постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября) освобождались со спецпоселения греки — граждане СССР, выселенные в 1949 году из Грузии. Была снята административная ссылка с корейцев, депортированных в 1937 году из Дальнего Востока. Еще ранее (5 июля 1954 года) Совет Министров СССР во главе с Г.М. Маленковым (именно «либеральные» решения Правительства в это время кардинально меняли политический климат в стране в сторону «оттепели», ощутимо влияли и на атмосферу в спецпоселениях, вселяя надежду в сердца почти 3 000 000 их обитателей) своим постановлением освободил всех детей-поселенцев в возрасте до 16 лет, а также и более взрослых подростков, если они продолжали обучение. Эта мера затронула пример-

но треть контингента, подопечного отделу спецпоселений МВД СССР.

Вместе с тем она осталась по практическому результату лишь формальным актом: ведь дети-то сами себя прокормить не могли и вынуждены были, как правило, оставаться вместе с родителями — на том же поселении или в той же ссылке.

Правда, 10 марта 1955 года очередным постановлением того же Совмина СССР спецпереселенцам было дозволено выдавать паспорта. Этим в массовом порядке воспользовались прежде всего (судя по личным спецделам) немцы.

С 1955 года начали на общих основаниях призывать на военную службу спецпоселенцев, родившихся после 1936 года (отметим, впрочем, что детей бывших «кулаков» призывали уже и в годы Великой Отечественной войны).

В 1954 году высшим государственным органам союзных республик, с территорий которых в свое время проводились массовые депортации, было предоставлено право пересмотра дел и освобождения отдельных спецпоселенцев. В 1957—1958 годах образованные Президиумами республиканских Верховных Советов комиссии по освобождению от спецпоселений работали в Украине, Молдавии, Литве, Латвии и Эстонии.

Были устранены наиболее жестокие и одиозные пункты режимного распорядка спецпоселений. Так, Указ Президиума Верховного СССР от 13 июля 1954 года отменил установленное 24 ноября 1948 года драконовское уголовное наказание за побеги из «мест обязательного поселения» — 20 лет каторжных работ. Им, правда, не очень-то пользовались и раньше (из чисто прагматических соображений), давая за побег 5 лет лагерей или (после 1953 года) применяя просто административное взыскание (преимущественно — краткосрочный арест с последующим возвращением на поселение).

5 июля 1954 июля спецпоселенцам, «занимающимся общественно-полезным трудом», дано право передвижения в пределах той административной территории (республики, края, области), где они находились. В личных делах сохранились расписки поселенцев о том, что об этом своем праве они уведомлены. В реальности это ничего не меняло, кроме расширения возможностей отдельным категориям поселенцев (специалистам строек, леспромхозов и других промышленных предприятий) для поездок в служебные командировки — в административные центры территорий и в другие города страны. Причем эта «льгота» имела селективный характер: ею

могли воспользоваться, скажем, немцы, но для украинцев и прибалтов ограничения сохранялись.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев» освобождению подлежали:

— участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР;

— женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, кавказскими народами по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились;

— одинокие инвалиды и лица, страдавшие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование;

— члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны;

— преподаватели учебных заведений.

Судя по всему, это постановление (как и майское — того же года — решение Президиума ЦК КПСС) готовилось в связи с 10-летием Победы и на основе массовых обращений, нескончаемым потоком шедших от спецпоселенцев в «центр» во все послевоенные годы. Ведь, как известно, многие из выселенных по своей национальности не принадлежали к репрессированным народам, были депортированы как члены семей, а нередко — просто «по недоразумению».

Ключевым документом, положившим реальное начало массовому процессу освобождения народов, стало решение о снятии с учета спецпоселения всех советских немцев — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года. К тому времени дети до 16 лет (примерно треть «спецконтингента») и ряд малочисленных категорий взрослых немцев были уже формально свободны. На учете поселений оставались лишь две, но самые массовые категории немцев — «высланные» и «репатриированные». Именно их и «облагодетельствовал» декабрьский (1955 года) «освободительный» Указ.

После этого ситуация в «местах ограничения свободы» обострилась до предела. Спецпоселенцы всех остававшихся там народов и категорий ринулись на отчаянный штурм «органов» и высших государственных инстанций. Поток коллективных и индивидуальных жалоб, заявлений и прочих обращений становился неуправляемым.

И это понятно: освободив один репрессированный народ или одну категорию «спецнаселения», власти оказались перед неизбежной, по логике вещей, необходимостью предпринимать подобные шаги и по отношению к другим подневольным. Оставлять их далее в заточении становилось просто невозможным. В спецпоселках возникали и распространялись слухи, что в Москве приняты решения по освобождению и всех других народов и «категорий», но местные власти просто скрывают эти решения — «волынят» их исполнение.

В такой обстановке уже в марте—июле 1956 года серией указов Президиума Верховного Совета СССР были сняты с учета спецпоселения (освобождены) в основном все депортированные целиком народы. Вначале за немцами последовали калмыки (17 марта), затем — крымские греки, болгары и армяне (27 марта), потом — крымские татары, балкарцы, турки-граждане СССР, курды и хемшилы (все — 28 апреля), далее — чеченцы, ингуши и карачаевцы (16 июля).

В процедуре подготовки «освободительных» государственных решений активно участвовали МВД СССР, союзное Правительство и ЦК КПСС. Непосредственно координировала эту работу центральная межведомственная комиссия, во главе с министром внутренних дел СССР Н.П. Дудоровым. В состав комиссии входили И. Серов, К. Руденко, Н. Горшенин.

Проследим порядок работы этой комиссии на примере подготовки одного из «освободительных» актов. Процедура была очень оперативной и сводилась к следующему. 7 марта 1956 года от имени комиссии направляется в ЦК КПСС письмо с предложением снять режим спецпоселения с крымских греков, болгар и армян (всего — 24 350 человек) в связи с большим потоком жалоб и заявлений от них. При этом предлагается, «учитывая, что греки, болгары и армяне из Крыма на спецпоселение были направлены за пособничество немецким оккупантам», распространить на лиц из предназначаемых к освобождению категорий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». И в ЦК КПСС, и в Президиум Верховного Совета СССР комиссией были представлены проекты необходимых документов, которые получили одобрение, и уже 27 марта принимается соответствующий законодательный акт — Указ Президиума Верховного Совета страны. Тексты всех так называемых «освободительных» указов очень схожи — и по содержанию, и по форме. Вот — для примера — один из них.

Документ 26

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О снятии ограничений по спецпоселению
с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР,
курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных
в период Великой Отечественной войны.

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в 1943—1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и Крыма, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета постановляет:

1. Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ
МОСКВА, КРЕМЛЬ
28 апреля 1956 г.

Обратим особое внимание на вторую часть Указа: дословные аналоги, которые имелись во всех такого рода «освободительных» документах, на долгие годы перекрыли многим народам легальную возможность возвращения на родину.

Отметим также, что ни один из «освободительных» указов не отменял содержательной части раннее принятых решений о депортациях. Власти как бы давали этим понять: была «необходимость» в связи с войной и «провинностями» некоторых народов («массовое сотрудничество с врагом в период оккупации») — выселяли, изменилась ситуация — «освободили», а дальше — «время покажет».

Такая двусмысленность, безапелляционность решений по репрессированным народам («как хотим, так и сделаем, исходя из политической целесообразности и революционного сознания») сразу же породили и предопределили на долгие годы вперед массу

проблем в обществе и стране, часть из которых сохранилась вплоть до 1991 года — то есть до самого конца советского строя.

Безусловно, в дальнейшей судьбе каждого из «наказанных», а затем «освобожденных» народов были свои особенности. Несмотря на то что всем освобождавшимся спецпоселенцам необходимо было давать расписку с отказом от требований о возврате конфискованного имущества и о переезде на родину, многие из них (в основном — северокавказцы) игнорировали второе из этих ограничений и сразу же после снятия с учета поселения выезжали к отчим местам. Калмыки и чеченцы, а также все те народы, которым в 1957 году власти вынуждены были все-таки вернуть государственность, интуитивно, но верно уловили благоприятный момент. Немцы же и крымские татары, законопослушно ожидая официального разрешения властей, промедлили и упустили свой шанс. Приоткрывшаяся было в период «оттепели» перспектива возрождения национальной автономии наглухо захлопнулась перед ними в «брежневские» времена. Начались многолетние унизительные хлопоты и бесконечные «согласования», закончившиеся, в сущности, ничем. Советские власти оставались в 1960—1970-е годы верны своей «новой тактике»: затягиваний, пустых обещаний, консервации статус-кво. Окостеневший режим боялся сдуть с себя пылинку, дабы не рассыпаться в прах.

Политической реабилитации «наказанных» народов так и не произошло. Они стали «помилованными» народами — со своим, закрытым для всех остальных членов «братской семьи СССР» прошлым, со своим горем, которым нельзя было ни с кем поделиться. Все эти вещи можно было обсуждать только в кругу земляков, да и то — с оглядкой, полушепотом. Любая попытка «гласности» в этих вопросах жестко пресекалась властями и ставила ее инициаторов в положение «диссидентов» — политических борцов с существующим строем. Сохранялись также, пусть и на неофициальном уровне, элементы ущемленности (в той или иной мере) всех представителей репрессированных народов — в области образования, науки, в военной и специальных службах, в политической и идеологической сферах. Обида за прошлое жила и накапливалась в узком национальном кругу, искала выходы в каких-то внешних обстоятельствах, причем нередко — в болезненных формах. И в 1990-х годах она нашла эти выходы: в массовой эмиграции немцев, в борьбе крымских татар за свои права на своей исторической родине и, наконец, — в новой кавказской войне...

Обвальный демонтаж системы спецпоселенчества шел синхронно с массовым освобождением политзаключенных из ГУЛАГа. Причем если за период с 1 апреля 1954 года по 1 апреля 1959 года численность последних сократилась в 40 раз (с одной трети до 1,2 процента в общем составе «контингентов»), то количество спецпоселенцев, составлявшее на 1 января 1954 года 2 720 072 человека, уменьшилось к 1 января 1959 года до 49 416 человек, или более чем в 55 раз.

Рассмотрим же еще раз национальный и половозрастной состав системы спецпоселенчества в «пиковый» ее период.

Документ 27

Контингенты спецпоссленцев на 1 января 1953 года (по данным В.Н. Земскова) (5)

Контингенты	Состояло на учете	Находилось в наличии	В том числе:		
			Мужчины	Женщины	Дети
НЕМЦЫ	1224931	1209430	326538 4	73129	409763
выселенные	855674	846340	229850	330262	286228
репатриированные	208388	203796	45241	88763	69792
местные	111324	110332	28037	41151	41144
мобилизованные	48582	48001	23250	12305	12446
другие	963	961	160	648	153
С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	498452	489118	125237	162807	201074
чеченцы	316717	310630	81450	102176	127004
ингуши	83518	81100	20249	26124	34727
карачаевцы	63327	62842	15223	22026	25593
балкарцы	33214	32887	7841	11854	13192
другие	1676	1659	474	627	558
ИЗ КРЫМА	204698	199215	57759	80828	60628
татары	165259	160734	46461	64053	50220
греки	14760	14486	4444	6323	3719
болгары	12465	12193	3689	4962	3542
армяне	8570	8310	2409	3758	2143
другие	3644	3492	756	1732	1004
«ОУНОВЦЫ»	175063	171566	47414	83905	40247
ИЗ ПРИБАЛТИКИ					
в 1945—1949 гг.	139957	138337	39952	64097	34288
литовцы	81158	80189	24982	35133	20074
латыши	39279	38911	10667	19070	9174
эстонцы	19520	19237	4303	9894	5040
ИЗ ГРУЗИИ в 1944 г.	86663	86100	22754	28037	35309
турки	46790	46516	12424	15382	18710
курды	8843	8694	2269	2504	3921

Продолжение таблицы

Контингенты	Состояло на учете	Находилось в наличии	В том числе:		
			Мужчины	Женщины	Дети
хемшилы	1397	1385	355	365	665
другие	29633	29505	7706	9786	12013
КАЛМЫКИ	81475	79376	23098	30360	25918
«С ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ» в 1949 г.	57142	56858	17898	19982	18978
греки	37352	37188	11426	13280	12482
«дашнаки»	15486	15395	4879	5326	5190
турки	1794	1778	724	490	564
другие	2510	2497	869	886	742
«ВЛАСОВЦЫ»	56746	39872	39719	153	—
ПОЛЯКИ	36045	35820	9619	13715	12486
ИЗ МОЛДАВИИ в 1949 г.	35838	35414	10487	14390	10537
ПО УКАЗУ ПВС СССР от 2 июня 1948 г.	27275	25061	12408	12653	—
БЫВШИЕ КУЛАКИ	24686	24391	6541	8936	8914
КУЛАКИ ИЗ ЛИТВЫ в 1951 г.	18104	18097	5512	7418	5167
ИЗ ПРИБАЛТИКИ в 1940—1941 гг.	14301	14061	3576	8878	1607
ИЗ ГРУЗИИ в 1951—1952 гг.	11685	11679	3291	3769	4619
ИЗ МОЛДАВИИ в 1940—1941 гг.	9793	9727	2921	5191	1615
«ИЕГОВИСТЫ»	9363	9324	2786	3754	2784
ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ и РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1942 г.	6057	6046	2173	3144	729
ИЗ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УССР и БССР в 1940—1941 гг.	5592	5588	1700	3054	834
«ФОЛЬКСДОЙЧИ» и «НЕМЕЦКИЕ ПОСОБНИКИ»	4834	4674	878	2715	1081
ИРАНЦЫ	4707	4665	1501	1675	1489
«АНДЕРСОВЦЫ»	4520	4515	1440	1558	1517
КУЛАКИ ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ в 1952 г.	4431	4431	1143	2098	1190
«БАСМАЧИ»	2747	2735	716	698	1321
КАБАРДИНЦЫ	1717	1672	385	755	532
КУЛАКИ ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ в 1951 г.	1445	1445	475	640	330
ИЗ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1950 г.	1356	1351	342	667	342
КУЛАКИ ИЗ ИЗМАИЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ в 1948 г.	1157	1153	388	434	331

Продолжение таблицы

Контингенты	Состояло на учете	Находилось в наличии	В том числе:		
			Мужчины	Женщины	Дети
«ИСТИННО ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ» («ИПХ»)	995	901	174	569	158
С ИРАНСКОЙ и АФГАНСКОЙ ГРАНИЦ в 1937 г.	916	916	322	329	265
ПО УКАЗУ ПВС СССР от 23 июля 1951 г.	591	585	270	315	—
ИНТЕРНИРОВАННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ	74	74	67	3	4
Итого	**2753356**	**2694197**	**769484**	**1040656**	**884057**

Процесс освобождения спецпоселенцев отчетливо прослеживается по следующей таблице.

Документ 28
ПРОЦЕСС ОСВОБОЖДЕНИЯ
ИЗ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ И ССЫЛКИ
(1 июля 1954 года — 1 июля 1957 года) (27)

Контингенты освобожденных	Численность
По постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года	875795
По постановлению Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года	117733
в том числе:	
а) бывшие кулаки, выселенные в 1929—1933 годах	11864
б) немцы (подконтингенты: «местные» и «мобилизованные»)	105869
По постановлению Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 года	13573
в том числе:	
а) члены КПСС и кандидаты в члены КПСС	5699
б) члены их семей	7874
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года (лица, выселенные за «пособничество фашистским оккупантам»)	15724
По постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года	45119
в том числе:	
а) участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР	18752

Продолжение таблицы

Контингенты освобожденных	Численность
б) женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также женщины русской, украинской и других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, чеченцами и другими по признакам супружеских отношений, которые позднее прекратились	10143
в) одинокие инвалиды и лица, страдающие неизлечимым недугом, которые не могли самостоятельно обеспечить свое существование	8727
г) члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны	5015
д) преподаватели учебных заведений	2482
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года (немцы, подконтингенты: «выселенные» и «репатриированные»)	695216
По постановлению Совета Министров СССР от 17 января 1956 года (поляки, выселенные в 1936 году)	22717
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 года («особо опасные государственные преступники», направленные в ссылку на поселение после отбытия наказания в исправительно-трудовых лагерях /ИТЛ/ ГУЛАГа)	60798
По постановлению Совета Министров СССР от 12 марта 1956 года (члены семей: преподавателей, участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями СССР, члены семей других лиц, ранее снятых с учета спецпоселений)	32737
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года (калмыки)	48783
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 года (греки, болгары и армяне, выселенные в 1944 году из Крыма)	22059
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года (крымские татары, балкарцы, турки-граждане СССР, курды и хемшилы)	178454
По постановлению Совета Министров СССР от 15 мая 1956 года (члены семей украинских и белорусских националистов, освобожденных из ссылки на поселение)	13841
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года (чеченцы, ингуши и карачаевцы)	245390
По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 года (иноподданные, лица, не имеющие гражданства, бывшие иноподданные, принятые в советское гражданство)	27426

Продолжение таблицы

Контингенты освобожденных	Численность
Кроме того, с 1 июля 1954 года по 1 января 1957 года сняты с учета спецпоселений	109032
в том числе:	
а) по постановлениям Советов Министров союзных республик, исполкомов краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся	40366
б) по определениям судебных органов	22024
в) по заключениям органов МВД и Прокуратуры, а также по отбытии срока спецпоселения	46642
Сняты с учета за первое полугодие 1957 года: вновь награжденные орденами и медалями СССР и члены их семей, инвалиды, по персональным решениям об освобождении из спецпоселения и по другим причинам	30242
Итого	**2 554 639**

Вновь отметим: как отправляли людей на спецпоселение (десятками, сотнями тысяч, по категориям и народам), так же и «освобождали» их — с «большевистским размахом», не вникая в гуманитарные «детали», не заботясь о судьбах «винтиков» государственного механизма, не особо задумываясь о последствиях политических решений и вытекающих из них практических действий. Чем это аукнулось в будущем — тому свидетелями мы с вами...

* * *

Одновременно с системой спецпоселений ликвидировалась (хотя и не полностью) система ссылки. По терминологии первой половины 1950-х годов «ссыльнопоселенцами» (они составляли три четверти общего состава контингентов в местах принудительного поселения) считались отправленные туда навечно, а «ссыльными» — лица, имевшие определенные сроки лишения свободы. Была и третья (самая малочисленная) категория — «высланные».

На 1 января 1952 года в ссылке находились 78 452 человека (71 980 «политических» и 6472 уголовника). Часть из них была переведена на положение спецпоселенцев. Другую часть (политических ссыльных-малосрочников) уже в 1954 году вывели на поселение (не путать со спецпоселением). На них в этом же году распространили действие Указа от 27 марта 1953 года «Об амнистии», а затем освободили более 14 000 человек, ранее отправленных в ссылку по решениям «особых совещаний» при МВД и МГБ СССР.

Аппарат «органов», надзиравший за спецпоселенцами и ссыльными, тоже стремительно сокращался. Если на 1 января 1952 года он составлял 15778 человек, то в 1954 году — 8838, в 1956 году — 3778, а в 1958 году — всего 705 сотрудников.

Полностью же ссылку разрушил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 года, отменивший изданный тем же органом власти Указ от 21 февраля 1948 года, по которому политзаключенные, отбывшие в лагерях большие сроки наказания, автоматически направлялись в ссылку.

Правда, к 1 января 1959 года число ссыльных вновь несколько увеличилось и превысило 9300 человек: в основном за счет «тунеядцев» и «бродяг», интернированных по месту нахождения и отправленных в Сибирь и в Коми АССР. В небольших количествах ссыльные имелись в среднеазиатских республиках и в ряде других регионов СССР (в том числе — в Кировской области).

Дольше всех на спецпоселении оставались украинцы («оуновцы») и прибалты, а также раскулаченные в послевоенные годы крестьяне из западных областей Советского Союза. Лишь после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года наступил черед освобождения для «пособников националистического подполья» и членов их семей (послевоенные депортации) и членов семей «бывших помещиков, участников буржуазных партий и антисоветских организаций, деятелей бывших буржуазных правительств» (довоенные депортации). На родину начали возвращаться «западные украинцы», латыши, литовцы, эстонцы и молдаване. А по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1958 года освобождались «андерсовцы» (поляки), «дашнаки» (армяне) и «басмачи» (таджики). В двух последних указах, помимо положений, традиционных для такого рода документов (невозвращение имущества и недопущение ранее выселенных в родные места), имелось важное дополнение: «...Возвращение указанных лиц к прежним местам жительства может допускаться только с разрешения исполнительных комитетов областных Советов депутатов трудящихся или Советов Министров республик (без областного деления), с территории которых производилось выселение».

Именно этот короткий абзац перекрыл для многих тысяч людей (прибалтов, поляков и других) дорогу домой — и на долгие годы...

Наконец, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1960 года завершил освобождение «западных украинцев» и

прибалтов — «членов семей руководителей и участников националистического подполья и вооруженных националистических банд», выселенных из западных и юго-западных регионов Украины, из Прибалтики, из северо-западных территорий Псковской области и из правобережной Молдавии. При этом все основные положения предыдущих двух упомянутых указов (триада: «не возмещать» — «не возвращать» — «не допускать») присутствовали и в последнем законодательном акте.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что личные дела спецпоселенцев-«оуновцев» сразу же после издания упомянутых указов были переданы в управления госбезопасности тех западноукраинских областей, куда направлялись бывшие ссыльные. В отношении других категорий освобождаемых таких «переадресовок» не отмечено, но это вовсе не означает, что «органы» обделили их своим «вниманием»: все они находились «под прицелом» соответствующих спецслужб на протяжении всех последующих советских десятилетий.

Отметим также, что возвращение на родину (даже с разрешения местных властей) было возможно только для ЧЛЕНОВ семей «националистов», «бандитов» и их «пособников». ГЛАВЫ же этих семей в случае самовольного прибытия в отчие места подлежали (согласно указам, принятым в 1956—1957 годах Президиумами Верховных Советов ряда союзных республик) уголовной ответственности — ссылке сроком на 5 лет. Правда, применять эту санкцию дозволялось на сей раз только по приговорам судов.

Самой сложной (на предмет «освобождения») группой спецпоселенцев оказались сектанты-«иеговисты». Выселенные в 1951 году в основном из Западной Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы и Эстонии, они и в неволе твердо придерживались своих воззрений и обрядов. А жесткое неприятие ими любых акций советской власти, резко негативное отношение к официально признанной Русской православной церкви, активное распространение религиозной и антисоветской литературы, переход части лидеров секты на нелегальное положение — все это делало «свидетелей Иеговы» в мнении властей «неисправимо контрреволюционной» частью поселенческого сообщества и влекло за собой применение по отношению к этой категории «спецконтингента» особых «предупредительно-профилактических» мер.

Непросто и неоднозначно складывались после освобождения жизненные обстоятельства и для других категорий бывших посе-

ленцев. Есть, скажем, ощутимая разница в судьбах людей периодов довоенных и послевоенных депортаций — прибалтийских, западноукраинских, белорусских, молдавских и т.д. Известно (и подробный разговор об этом впереди), что массовое выселение накануне войны было проведено с 22 мая по 20 июня 1941 года под руководством местных специальных оперативных штабов НКГБ соответствующих союзных республик. Всего, по данным НКВД, в ссылку на поселение в мае—июле 1941 года доставлены из этих регионов 85 716 человек (без умерших и бежавших во время этапирования). Среди этого общего числа высланы: из Белоруссии — 27 887 человек, из Молдавии — 22 648, из Литвы — 12 682, из Западной Украины — 9595, из Латвии — 9236, из Эстонии — 3668 человек.

Более 19 000 из них поселены в Новосибирской области, более 17 000 — в Алтайском крае, более 16 000 — в Красноярском крае, более 15 000 — в Казахстане, более 11 000 — в Омской области, более 3000 — в Коми АССР и около 3000 — в Кировской области. В 1950-е годы численность этого довоенного потока спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев существенно сократилась (напомним: спецпоселенцы формально сохраняли политические права граждан СССР, а ссыльнопоселенцы — лишались этих прав). Основная причина столь значительной «убыли» — массовая смертность. По данным МВД, за период 1941—1953 годов в целом по СССР умерли 30 9100 депортированных. Из них: немцев — 42 823, калмыков — 16 594. Велика была смертность у выселенных народов Кавказа, а также — у прибалтов. В 1945—1950-х годах смертность среди последних в 5 раз превышала рождаемость. Как видно даже из официальных данных, погибло не менее 10 процентов от общего числа депортированных. На самом же деле «безвозвратные потери» среди этой категории репрессированных значительно превосходили «лукавую статистику» НКВД-МВД-МГБ, которая, как и в других случаях, давала, как правило, не полное, а частичное и густо подретушированное отражение реальной жизни...

Ну а процесс «освобождения» тех, кто перенес все испытания в сталинских резервациях довоенных и военных лет, а также тех, кто угодил в послевоенную депортационную круговерть, растянулся вплоть до начала 1960-х годов...

В завершение настоящего раздела обратимся еще раз к данным о численном и национальном составе спецпоселенцев — перед последним этапом их «освобождения».

Документ 29

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

(на 1 января 1958 года, на 1 сентября 1958 года и на 1 января 1959 года, по В.Н.Земскову)

Контингенты	1 января 1958 г.	1 сентября 1958 г.	1 января 1959 г.
«Оуновцы»	79412	38618	34716
Из Литвы в 1945—1949 гг.	21973	6062	4907
Кулаки из Литвы в 1951 г.	13660	—	—
Из Молдавии в 1949 г.	6120	574	433
«Иеговисты»	5720	5221	5107
Из Эстонии в 1949 г.	4161	604	530
Из Латвии в 1949 г.	3314	1469	1434
Из Молдавии в 1940—1941 гг.	2466	270	172
Из Западной Украины в 1940—1941 гг.	2237	971	873
Из Литвы в 1940—1941 гг.	1876	332	279
Из Эстонии в 1940—1941 гг.	1197	50	39
«Андерсовцы»	1155	—	—
Кулаки из Западной Украины в 1951 г.	881	—	—
По Указу от 2 июня 1948 г.	860	519	459
Из Латвии в 1940—1941 гг.	766	153	108
Кулаки из Измаильской области в 1948 г.	532	—	—
«Истинно православные христиане»	457	278	268
Кулаки из Западной Белоруссии в 1952 г.	430	—	—
«Басмачи»	209	—	—
Из Псковской области в 1950 г.	159	96	91
«Дашнаки»	132	—	—
«Бериевцы»	24	11	—
Итого	**147741**	**55228**	**49416**

На 1 января 1958 года национальный состав 145 968 спецпоселенцев (без 1773 арестованных, а также бежавших и числившихся в розыске) выглядел следующим образом: украинцы — 85 161, литовцы — 36 330, молдаване — 7903, эстонцы — 5359, латыши — 3852, русские — 1759, белорусы — 1433, евреи — 1054, поляки — 978, болгары — 897, гагаузы — 345, румыны — 311, армяне — 152, таджики — 108, узбеки — 74, татары — 46, немцы — 35, грузины — 34, азербайджанцы — 27, чехи — 14, албанцы — 14, киргизы — 13, казахи — 12, чуваши — 10, удмурты — 6, мордва — 6, башкиры — 6, цыгане — 5, греки — 4, курды — 3, абхазцы — 3, туркмены — 3, кабардинцы — 2, коми — 2, финны — 2, карелы — 1, буряты — 1, осетины — 1, шведы — 1, корейцы — 1. Вновь отметим, что это —

лишь взрослое население, без учета несовершеннолетних. В реальности численность спецпоселенцев была существенно большей.

И все же, благодаря мощной хрущевской подвижке и несмотря на все организационные, юридические и моральные издержки, к 1961 году основная масса депортированных была освобождена, а система спецпоселений — разрушена. Власти сохранили (в небольших масштабах по сравнению с прежними временами) лишь ссылку. Вместе с тем оставалась наглухо закрытой информация о «наказанных», а затем «помилованных» народах.

Аппарат охранительных структур на местах продолжал использовать наработанные за предыдущие десятилетия формы и методы своей деятельности. Поэтому процесс освобождения шел исключительно в приказном порядке и строго по инициативе высших эшелонов власти. О формах и методах работы территориальных органов прокуратуры, МВД и КГБ и тогдашних настроениях в них наглядно свидетельствует документ, приводимый в приложении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 30

ОБЗОР
о недостатках в расследовании дел
о контрреволюционных преступлениях
(письмо Прокуратуры РСФСР от 28 ноября 1955 года)
(Извлечения)

<...>

О необоснованных арестах.

До сих пор не изжиты факты незаконных арестов и неосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности по делам о контрреволюционных преступлениях. Это в ряде случаев объясняется поверхностным отношением отдельных прокуроров к материалам, представляемым при истребовании санкции на арест. Например: прокурором Омской области т. Сучковым 131.—55 г. была дана санкция на арест гр. Брыкова.

Брыков П.Н., 1923 года рождения, член КПСС, из крестьян-середняков, участник Отечественной войны, награжден 2 орденами Отечественной войны, 2 орденами «Красной звезды» и 4 медалями, был привлечен по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

Брыков обвинялся в том, что он, находясь в рядах Советской Армии и являясь командиром роты, в декабре 1951 года учинил антисоветские надписи на обрывке газеты «Правда Украины».

В материалах, представленных на санкцию, имелось: объяснение Брыкова от 11.02.52 г. на имя Нач. отдела контрразведки МГБ 52 ОСБ, в ко-

тором он указал, а) что 23—25 января 1952 г. его заместитель по роте капитан Кащеев показал ему найденный на улице обрывок газеты с портретами руководителей Советского государства, на котором были учинены антисоветские надписи; б) что он Брыков дал распоряжение Кащееву передать этот обрывок для расследования в органы контрразведки; в) что 2/II—52 г. он справлялся у оперработника контрразведки Постникова, выполнил ли Кащеев его указание и передал ли в отд. Контрразведки найденный документ, при этом он, Брыков, подробно информировал оперработника контрразведки по поводу обнаружения Кащеевым этого документа.

Аналогичные показания Брыков дал при допросе его 11 и 13 января 1955 года работниками УКГБ Омской области еще до его ареста. Т. Сучков имел в своем распоряжении документы, подтверждающие правильность показаний Брыкова, а именно: справку оперуполномоченного Окр. МГБ 52 осбр. лейтенанта Постникова от 4/II—52 г., в которой он подтвердил, что 2 февраля 1952 года майор Брыков действительно спрашивал его, передал ли ему а/с документ капитан Кащеев. Хотя документ уже находился в контрразведке, Постников заявил Брыкову, что Кащеев ему ничего не передал. После этого Брыков рассказал ему, Постникову, о том, что Кащеевым найден обрывок газеты с антисоветскими надписями, который он предложил Кащееву передать в контрразведку.

Свидетель Кащеев на допросе еще в 1952 году также подтвердил, что обрывок из газеты с учиненными надписями антисоветского содержания был найден им, Кащеевым, возле стены казармы и показан командиру роты, майору Брыкову, который, прочтя написанное, возвратил ему. Причем первоначально Кащеев вообще скрыл тот факт, что он показывал вырезку командиру Брыкову.

Очной ставки между ними проведено не было.

Кроме этого в материалах имелось сообщение капитана Омельченко о том, что 1/IV—53 г. в столовой Брыков рассказал анекдот антисоветского содержания. Омельченко и присутствовавшие при этом Красняев и Севастенок допрошены не были.

Пошлый анекдот, рассказанный Брыковым, по своему содержанию не являлся контрреволюционным, его рассказ не составлял контрреволюционного преступления и этот эпизод Брыкову не инкриминировался.

В материалах, представленных на санкцию, имелись также 2 противоречивых заключения ведомственной графической экспертизы.

В первом заключении от 13/V—52 г. было указано, что почерк в анонимной надписи значительно искажен ... «и в результате при расследовании не удалось выявить достаточного комплекса совпадающих признаков, который мог бы служить основанием для категорического вывода» ... поэтому в заключении сказано, что «результаты сравнительного исследования дают основание лишь предполагать, что анонимное письмо исполнено Брыковым».

Во втором заключении от 12/IV—54 г. эксперту-работнику милиции не были сообщены обстоятельства дела, однако он, не опорочив утверждения

первой экспертизы о недостаточности совпадающих признаков для категорического вывода, все же бездоказательно записал: что «антисоветские надписи ... выполнены Брыковым. Различия, имеющиеся в общих признаках почерка ... являются признаками маскировки почерка».

Из дела видно, что рассказ пошлого анекдота не являлся достаточным основанием для обвинения Брыкова, что основной эпизод с учинением кем то а/с надписей на обрывке газеты имел место за 3 1/2 — 4 года до возбуждения дела, что санкция требовалась на арест члена КПСС, активного участника Великой Отечественной войны, руководителя районной организации, что показания Брыкова, данные перед санкцией на арест в 1955 г., полностью совпадали с его объяснениями, подтвержденными работниками контрразведки и свидетелями еще в 1952 году.

Все это обязывало прокурора перед дачей санкции на арест тщательно разобраться с материалом, представленным органами КГБ, критически оценить их, устранить противоречия, поручить провести неведомственную графическую экспертизу.

Ничего из этих элементарных требований т. Сучков не выполнил, а дал санкцию на арест Брыкова.

Исходя из характера обвинения и личности Брыкова, никаких оснований для такой поспешности не было.

О крайне безответственном отношении т. Сучкова к аресту Брыкова свидетельствует и тот факт, что в постановлении на арест Брыкова указано, что последний антисоветскую надпись учинил в декабре 1951 г., хотя найденный обрывок из газеты «Правда Украины» № 18 от 21/1—1952 года.

Проведенная в феврале 1955 г. научно-исследовательской лабораторией Всесоюзного института юридических наук авторитетная графическая экспертиза, как и следовало ожидать, не подтвердила, что а/с надписи учреждены Брыковым.

В результате отсутствия каких-либо доказательств т. Сучков был вынужден 15/11—1955 г. уголовное дело по обвинению чл. КПСС Брыкова производством прекратить и освободить его из-под стражи.

Не разобравшись с материалами дела и допустив грубое нарушение соц. законности, явно необоснованно арестовав члена КПСС, т. Сучков в своих объяснениях и в настоящее время утверждает, что он «имел все основания санкционировать арест гражданина Брыкова П.Н. по материалам представленным органами КГБ». Хуже того, в качестве своего оправдания т. Сучков указывает, что арест Брыкова им санкционирован после того, как Нач. УКГБ т. Горбуновым было получено письменное согласие на то Обкома КПСС и что «рассказанный Брыковым анекдот носит а/с характер», хотя этот эпизод Брыкову не инкриминировался вообще.

Из этого объяснения видно, что тов. Сучков так и не понял, что он как прокурор не только допустил нарушение соц. законности, выразившееся в необоснованном аресте гр. Брыкова, но не выполнил своего долга и тем, что не довел до сведения секретаря Обкома КПСС о неправильных действиях Нач. Управления КГБ по Омской области Горбунова, который

получил согласие на незаконный арест гр. Брыкова от секретаря Обкома КПСС в результате неправильной, односторонней информации. Из содержания справки т. Горбунова на имя секретаря Обкома, которая послужила основанием для получения согласия на арест, видно, что т. Горбунов, подписывая справку, не читал материалов дела, иначе он не утверждал бы в категорической форме, что а/с «надпись учинена в декабре 1951 г.», тогда как к делу приобщена справка, что газета, на которой эта надпись учинена, издана лишь 21 января 1952 г., что Брыков полностью изобличен в этом преступлении и т.п. <...>

(ГАКО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 837. Л. 54—56)

Эти россказни среза,
Биографию пня
Прочитало железо,
Что в руках у меня.

Будто свиток лишений
Заполярной судьбы,
Будто карта мишени
Для учебной стрельбы.

В. Шаламов

РАЗДЕЛ II

КУЛАЦКАЯ ССЫЛКА

Министерство внутренних дел СССР

Тов. Бараксину

Специально разработайте меры, пошлите на место ответ работников Министерства. Издайте специальный приказ. О принятых мерах сообщите.

30/IУ

Копия

Секретно

С С С Р
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

25 апреля 46г.
№ 1680/к

Заместителю Председателя Совета
Министров Союза ССР

товарищу КОСЫГИНУ А.Н.

На предприятия Министерства лесной промышленности СССР в Коми АССР передано для трудового использования и хозяйственного устройства 17580 человек спецпереселенцев.

Произведенным Министерством внутренних дел Коми АССР обследованием установлено, что спецпереселенцы, работающие на предприятиях лесозаготовительных трестов "Комилес" и "Печорлес", находятся в крайне неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях.

Спецпереселенцы размещены в бараках, оборудованных сплошными нарами, большинство этих бараков требуют капитального ремонта.

Из-за отсутствия стекла оконные проемы забиты досками.

В бараках недопустимая теснота и антисанитария, на каждого спецпереселенца приходится не более 0,8-1,5 кв.метров жилой площади.

Одеждой и обувью (особенно теплой) спецпереселенцы обеспечены крайне неудовлетворительно, вследствие чего среди спецпереселенцев имели место случаи обмораживания и в значительных размерах простудные заболевания.

Питание спецпереселенцев организовано неудовлетворительно. В большинстве леспромхозов столовые отсутствуют и спецпереселенцы работающие в лесу, вынуждены получать положенную им норму продовольствия сухим пайком. Иждивенцы и дети спецпереселенцев, за исключением 300 грамм хлеба, никакими продуктами питания не обеспечиваются. Среди спецпереселенцев имеется большое количество больных от истощения и утративших трудоспособность. Зарплата спецпереселенцам выплачивается несвоевременно, с большими задержками, в результате чего спецпереселенцы вынуждены продавать на рынке свои личные вещи для того, чтобы иметь возможность выкупить положенную им норму продуктов питания.

Значительное количество детей спецпереселенцев школьного возраста обучением не охвачено, а дети дошкольного возраста в детские сады и ясли не устроены.

Медицинское обслуживание поставлено исключительно плохо, вследствие чего среди спецпереселенцев второй год имеют место заболевания сыпным и возвратным тифом. В течение 1945 года только в одном Кожвинском леспромхозе треста "Печорлес" умерло от тифа 330 человек спецпереселенцев или 14,7%.

В результате неудовлетворительных жилищно-бытовых условий плохого питания и эпидемии сыпного тифа в 1945 году в Коми АССР умерло 1467 человек спецпереселенцев, из них 295 человек детей до 16-летнего возраста.

МВД СССР, сообщая об изложенном, просит Вас дать указание Министерству лесной промышленности СССР о принятии решительных мер к коренному улучшению жилищных и материально-бытовых условий спецпереселенцев, работающих в лесной промышленности Коми АССР.

Министр внутренних дел
Союза ССР - Круглов

Верно:

АК-8593с

0003

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Комиссару государственной безопасности II-го ранга -

тов. ЧЕРНЫШОВУ В.В.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О состоянии трудосылки по данным за II и III кварталы 1941 года.

Трудпоселенцы расселены в поселках НКВД 36 республик, краев и областей. Общее количество их составляет 265.076 семей, 940.752 человек, из них:

Мужчин	-	-	273.735
Женщин	-	-	297.541
Подростков от 14 до 16 лет			72.622
Детей до 14 лет		-	306.854

Трудоспособные составляют 387.658 чел. или 41% к общему количеству трудпоселенцев, в том числе:

Мужчин	-	-	211.249
Женщин	-	-	150.559
Подростков	-	-	25.850

Трудовое использование проводится в основном по договорам, заключенным между органами НКВД и соответствующими предприятиями. В промышленности работает 212.521 чел в сельском хозяйстве (колхозы, совхозы) 117.548 чел. и в разных предприятиях и учреждениях 30.875 чел.

Вх.6

§ 1. «Великий перелом»: люди и этапы

Форсированная индустриализация — с кануна 1930-х годов и вплоть до начала Великой Отечественной войны — стала для высшего руководства СССР своеобразным языческим идолом, на алтарь которого приносились все более многочисленные и кровавые жертвы. И главной из этих жертв стало крестьянство. Частично в ходе индустриализации оно было безжалостно подавлено и уничтожено, а в основном — жестко подчинено системе тотального контроля государства (прежде всего через колхозы). Стратегическая установка — исчерпывающее и безвозмездное изъятие всех ресурсов деревни — материальных и людских.

Жизненные интересы самого села при этом полностью игнорировались, а эксплуатация «трудового крестьянства» была возведена в беспрецедентную степень. При этом в самую бесправную прослойку была превращена наиболее трудолюбивая и зажиточная его часть, подвергнутая «раскулачиванию» и выселению из родных мест — с официально провозглашенной целью «колонизации малообжитых районов» Европейского Севера, Сибири, Дальнего Востока, Урала, Казахстана.

Важнейшим исходным документом в истории «раскулачивания» стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». (Любопытно, кстати, что директива ОГПУ СССР по этим вопросам датирована 18 января, то есть принята почти двумя неделями ранее постановления ЦК партии.)

Разгром деревни с этого момента стал неизбежен и развернулся повсеместно, а 1930 год прошел под знаком повсеместного, масштабного «раскулачивания».

Формальной юридической основой (весьма своеобразной и заметно запоздавшей) для выселения «кулаков» и конфискации их имущества послужило постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 1 февраля 1931 года «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства».

После принятия этого директивного документа полуанархическое, полустихийное раскулачивание, свойственное для 1930 года, несколько упорядочилось, но в то же время стало еще более массовым.

Все «кулаки» подразделялись на три категории:

1) «контрреволюционный актив, борющийся против колхозов и переходивший на нелегальное положение»;

2) «богатые кулаки, ставшие оплотом антисоветского актива»;

3) «все остальные кулаки».

К этим трем категориям «раскулачиваемых» должны были применяться следующие меры:

— главы семей первой категории арестовывались, а их «дела» рассматривали «спецтройки» — из представителей территориальных органов ОГПУ, обкомов ВКП(б) и прокуратуры (в дальнейшем «раскулаченные» этой категории, как правило, попадали в лагеря);

— члены семей «кулаков первой категории», а также семьи «раскулаченных» по второй категории отправлялись на поселение — в «отдаленные местности СССР» (собственно, они и составили затем «кулацкую ссылку»);

— «кулаки» третьей категории переселялись в пределах тех территорий (республик, краев и областей), где они ранее и постоянно проживали.

Впрочем, уже вскоре все эти «категории» калейдоскопически «смешались» и перестали что-либо значить на практике.

Есть весьма серьезные основания полагать, что, обобщенно говоря, «кулак» стал своего рода мифом, сотворенным самими же партийными и советскими органами. Ведь сверхжесткая налоговая система и прочие бесчисленные ограничения самостоятельной хозяйственной деятельности уже давно ликвидировали (в основном) в деревне фигуру дореволюционного кулака-мироеда, державшего в страхе полдеревни и нанимавшего работников за бесценок.

«Кулаком» — для политических властей и карательных «органов» — являлся любой мало-мальски зажиточный крестьянин либо

противник коллективизации, выслав которого и конфисковав его имущество можно было, во-первых, запугать основную массу селян и заставить ее вступить в колхоз, а во-вторых, отобранное у «раскулаченных» имущество позволяло (путем подкупа) активизировать, привлечь на свою сторону бедноту (деревенских люмпенов) и создать начальную экономическую основу вновь создаваемых колхозов. Словом, в реальности «кулаком» или «подкулачником», ограбленным и выселенным, мог оказаться любой середняк, а то и бедняк.

В целом же кампания «раскулачивания» имела ярко и отчетливо выраженный характер экспроприации. Так, в Северном крае «раскулаченным» дозволялось, в соответствии с решением крайисполкома, иметь с собой при выселении: трехмесячный запас продовольствия (чего, как правило, в наличии не было), предметы домашнего обихода, инвентарь (топоры, косы, лопаты и т.п.). При этом общий вес перевозимого имущества не должен был превышать 30—35 пудов (около 500 килограммов) на семью. Но широко известны случаи, когда людей отправляли в ссылку только с тем, что было при них и на них. Вся денежная наличность (свыше 500 рублей на хозяйство для кулаков 2-й категории), а также сберегательные книжки и облигации займов — изымались под расписку. Конфискованные постройки, предприятия (мельницы, мастерские и т.п.), скот, орудия труда, инвентарь, зерно и другие оборотные средства передавались местным органам власти (райисполкомам) — в неделимый фонд колхозов (по графе — «вступительные взносы бедноты»).

Участь всего этого имущества известна: его либо бесследно растащили, либо безжалостно разрушили, бездумно и бесхозяйственно уничтожили...

Безмерно трагична и судьба самих выселенных.

По данным ОГПУ СССР, в 1930—1931 годах были отправлены на спецпоселение (депортированы как спецпереселенцы) 1 803 392 человека. Высокая смертность при депортации (погибло от четверти до трети выселенных), массовые побеги, голод в спецпоселениях привели к тому, что на учете в них в 1932—1933 годах состояла едва ли половина от первоначального числа репрессированных крестьян (в 1932 году — 1 317 022 человека, в 1933 году — 1 142 084 человека). В записке первого заместителя председателя ОГПУ СССР Г. Ягоды секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину указывалось, что на Урале, в Сибири, Казахстане и на европейском Севе-

ре к январю 1932 года были расселены около 1 400 000 человек. Из них: на Урале — 540 000, в Сибири — 375 000, в Казахстане — более 190 000, в Северном крае — 130 000 и т.д. (1)

К весне 1932 года крестьянское сопротивление коллективизации (как латентное, пассивное, так и явное, активное) было в основном сломлено и по указанию «центра» масштабы «раскулачивания» существенно уменьшились. Хотя (в ограниченных размерах) оно проводилось и в 1932-м, и в 1933 годах.

С целью сократить массовое бегство из «кулацкой» ссылки Президиум ЦИК СССР принял 3 июля 1931 года постановление «О порядке восстановления в гражданских правах высланных кулаков». Спецпоселенцам как бы даровалась надежда на прощение, обещалось восстановление во всех гражданских правах — при условии лояльного отношения к колхозам и советской власти, «если они покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками».

По сути же все эти обещания свелись к очередной бюрократической мистификации. Бросив людей в нечеловеческие условия жизни, власть обрекала их на голод и непосильный труд. Значительная часть «раскулаченных», пребывая в спецпоселениях, напоминавших концлагеря, из-за скудного питания и бытовой неустроенности («разутости и раздетости») очень быстро теряла «трудопригодность». Широко применялся труд детей (подростков с 12-летнего возраста), женщин, стариков. И эта подневольная «дармовая рабочая сила» была крайне востребована очень быстро распознавшими ее вкус народнохозяйственными монстрами, особенно — индустриальными гигантами первых «сталинских» пятилеток. Лесоповал, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство стали (и надолго) основными сферами трудоиспользования спецпереселенцев.

Распределяла «спецконтингенты» (по заявкам ведомств, главков, предприятий) существовавшая с апреля 1930 года по март 1932 года при Совнаркоме СССР и ЦК ВКП(б) специальная комиссия, возглавлявшаяся сначала заместителем наркома земледелия СССР В.В. Шмидтом («комиссия Шмидта»), а затем — заместителем председателя Совнаркома СССР А.А. Андреевым («комиссия Андреева»). Так вот, только на одном заседании (31 июля 1931 года) «комиссия Андреева» удовлетворила следующие «заявки»: «Востокстали» — на 14000 «кулацких» семей, «Цветметзолота» — на 4600 семей, «Востокугля» и «Челябинскугля» — на 7000 семей, торфоразработок — на 3000 семей и т.д.

Вместе с тем в Кремле не могли не отдавать себе отчета в том, что разрушенная инфраструктура деревни просто не вынесла бы дальнейшего оттока рабочих рук. Страна оказалась на грани всеобщей голодной катастрофы, а в некоторых регионах (Украина, Поволжье) — и за этой гранью. Этим, очевидно, и вызвано некоторое сокращение с середины 1932 года спускавшихся сверху квот на «раскулачивание» и выселение. С этих пор депортировали лишь «кулаков первой категории». А в середине 1933 года власти открыто провозгласили «завершение разгрома классовых врагов в деревне». Цена этой горе-«победы» поистине чудовищна: за период сплошной коллективизации были уничтожены примерно 1 200 000 крестьянских хозяйств, то есть пострадали не менее 6 000 000 человек. По мнению самого И. Сталина, высказывавшемуся им в разные годы и разным собеседникам, цена коллективизации — от 5 до 10 миллионов человеческих жизней. К этому следует добавить, что миллионы крестьян бежали из деревни (от «раскулачивания», «коллективизации» и голода) — в города и на стройки. По некоторым данным, не менее 10 000 000 бывших селян стали рабочими, а фактически — маргиналами в городской среде, люмпен-пролетариями.

Первейшее национальное богатство страны: трудолюбие ее кормильцев-хлеборобов — бездумно и бесцельно расточалось на ветер. Все это имело самые тяжелейшие последствия для отечественной экономики в XX веке и сказывается по настоящее время (см. документ 10 предыдущего раздела книги).

Между тем, вопреки всем экономическим реальностям, хозяйственные ведомства и промышленные предприятия и в 1933—1934 годах не теряли аппетита на «дешевую рабсилу». Поток «заявок» на спецпоселенцев все более нарастал. «Органы» и партийно-советский аппарат на местах, игнорируя «урезонивающие» директивы «центра», активно поддерживали и нагнетали волну «раскулачивания». Сам же механизм репрессий представлял дикую необузданную вакханалию террора. Арестовывали и высылали крестьян все, кому не лень, в том числе и те, кто даже по законам и инструкциям того времени такого права не имели: секретари партийных и комсомольских ячеек, председатели сельсоветов и колхозов, районные уполномоченные, комитеты бедноты и так далее и тому подобное. Из рук вон было организовано и этапирование высланных. При перевозках по железным дорогам, по рекам, при передвижении пешим путем, как правило, не хватало продовольствия. Жестоко, бесчеловечно обращались с переселенцами охрана эшелонов и местные власти.

В советской литературе отмечалось, что на переселение, хозяйственное устройство и обслуживание бывших кулаков в 1930—1932 годах советское государство отпустило около 250 000 000 рублей, то есть в среднем на одно раскулаченное хозяйство для указанных целей выделялось около 1000 рублей (Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е — середина 1930-х гг. — Новосибирск 1987. С. 272). По другим расчетам, этот показатель в те же 1930—1932 годы составлял в пределах 630—660 рублей — да и то при условии, что все выделенные деньги пошли строго по назначению, в чем есть весомые основания сомневаться. (См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930—1960. — М., 2003. С. 47).

Вот лишь несколько документальных свидетельств из того времени.

В докладной записке начальника Сиблага ОГПУ (1933 год) высокая смертность депортированных в эшелонах, дошедших до Новосибирска, объясняется следующими причинами: «...1) преступно-халатным отношением к отбору контингентов, выселяемых в трудпоселки, результатом чего явилось включение в этапы больных, стариков, явно не могущих по состоянию здоровья выдержать длительную перевозку; 2) невыполнением указаний директивных органов о выделении выселяемым в трудпоселки 2 месячного запаса продовольствия; в указанных эшелонах трудпоселенцы никаких собственных запасов продовольствия не имели и во время пути снабжались только хлебом, скверного качества, в количестве от 200 до 400 грамм; 3) горячей пищей эшелоны снабжены не были, кипятком снабжались совершенно неудовлетворительно, с большими перебоями, потребление сырой воды вызвало массовые заболевания...»

Доставленные в марте того же 1933 года в Северный край «сдвоенные» этапы со спецпереселенцами подверглись настолько вопиюще бесчеловечному обращению, что это повлекло за собой расследование со стороны Союзной Прокуратуры. Возглавлявший инспекторскую бригаду следователь по особо важным делам Лев Шейнин отмечал: «...Установить хотя бы приблизительно количество умерших из обоих этапов не представляется возможным. Из прибывших в Котлас 2680 человек до села Яренск дошло 880, а из направленных из Яренска до Усть-Выми 724 человек к месту назначения пришло менее 400...» (2)

Очень частыми — и в пути, и на пересылках — были проявления уголовного бандитизма, направленного против выселяемых.

Нередко ситуация представляла собой воистину бандитский «беспредел»: уголовники-рецидивисты творили все, что хотели, запугивая, грабя и убивая соэтапников и сокамерников-спецпереселенцев. Вот что, например, докладывал «по инстанциям» начальник одного из райотделов милиции. Речь идет о судьбе майского (1933 года) «кулацкого» этапа по реке Вычегде — от Котласа до Яренска: «...Определить точное число умерших на перегоне Котлас—Яренск не представляется возможным, так как установлено, что часть трупов рецидив (уголовники) в пути следования сбрасывали с баржи в воду. Нет возможности определить и число умерших из 374 человек по линии ОГПУ и 271 человека по линии милиции, которых предстояло сдать в Яренске...».

Центральные власти, инициировав и санкционировав процесс депортаций, по сути утратили управление им на местах. Отсутствие снабжения хлебом, водой, стройматериалами выгруженных в глухой тайге партий переселенцев делало возможности их выживания минимальными. Массовые эпидемии из-за неимоверной скученности в пересыльных лагерях и пунктах приводили к гибели многих тысяч людей и прежде всего — стариков и детей. Эмиссары «центра», бывая на местах, нередко сами приходили в ужас от содеянного. Приводимое далее письмо тогдашнего наркома внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачева говорит само за себя.

Документ 1

ПИСЬМО

Народного комиссара внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачева

[О положении спецпереселенцев

на пересыльных пунктах Северного края]

16 апреля 1930 г.

Сообщаю о первоначальных наблюдениях, которые я собрал. В общей сложности в Северный край доставлено около 45 000 кулацких семей, т.е. около 158 тыс. чел., из них трудоспособных — 36 тыс. — отправлено на разные места на работу; остальные 122 тыс. женщин, детей, стариков размещены по линии ж/д Вологда — Архангельск — Вятка — Котлас.

По сведениям, полученным из разных источников, среди высланных насчитывается от 25 до 35% неправильно высланных (середняки, беднота). Это по II категории мы имеем такую картину, а что же по III, где контроль был неизмеримо слабее?

Из самого Архангельска почти всех кулаков убрали, расселив их в бараках по железной дороге, осталось около 4 тыс. больных, карантинных.

Самый острый вопрос — жилищный. Люди размещены в 750 бараках, наскоро состряпанных из жердей. Теснота невероятная, есть места, где на человека приходится 1/10 кв. м при постройке нар в несколько этажей

(кубатура меньше гробовой). Полов в бараках нет, крыша сделана из жердей и слегка присыпана тающей и осыпающейся землей. Температура не выше 4 градусов. Вшивость. Скверное питание, а для многих — при полном его отсутствии. Колоссальная заболеваемость. С наступлением полной весны (апрель—май) земля в бараках растает (многие стоят на болотной почве), сверху потечет и все население слипнется в грязный, заживо гниющий комок. Привожу некоторые цифры.

Справка о заболеваемости среди высланных:

По гор. Архангельск (за март — 10 дней апреля): из 8000 детей заболело 6007 чел., из них: скарлатиной — 199, корью — 1154, грипп, воспаление легких — 4238, дифтерит — 21; умерло детей — 587. По Северо-Двинскому округу (на 12 апреля): всего умерло — 784, из них детей — 634. По Вологодскому округу (с 29 марта по 15 апреля): болело детей — 4950, из них умерло — 677, в т.ч. только за 12, 13 апреля умерло 162 чел. Процент заболеваемости среди детей — 85. Смертность среди детей к общему числу детей — 7—8%. Смертность среди детей к числу заболевших детей — от 24% (Архангельский округ) до 45,5% (по городу). Причем болеют и мрут младшие возраста.

Все это говорит о том, что через 2—3 недели мы будем очевидцами еще более обостренных явлений, если не предпримем решительных мер.

1. К выводу из бараков и расселению по прилегающим деревням значительной части населения бараков.

2. Некоторому благоустройству бараков для тех, кого нельзя вывезти. Надо сделать хотя бы примитивные полы и сделать крыши. Досок нет. Все идет на экспорт. Полы уже делают из жердей, а для крыш в крае нет никаких материалов. Единственный способ — смазать их глиной, что уже делается, хотя больших результатов не дает. Но есть места, где и глины нет. И надо срочно снимать доски, хотя бы и экспортные. Такое положение на ст. Шелексна, где для бараков потребуется 45 вагонов досок. Прошу дать срочное распоряжение об отпуске и доставке их.

До сих пор население питалось своим продуктом, но сейчас остается всего на несколько дней, и если не будет налажено снабжение, то начнется сплошная голодовка. Наркомпрод дает продукты за деньги, а их нет. Необходимо срочно приказать Наркомпроду разрешить местным организациям бесплатную выдачу продуктов и заброску их в соответствующие пункты и надо торопиться, скоро начнется распутица.

Крайне тяжелое положение нетрудоспособных семей. Их доставят на места постоянного жительства в лучшем случае в сентябре, т.е. через 4—5 месяцев.

Никакие медицинские меры не помогут, если не изменится продовольственное и жилищное положение.

План постоянного расселения был составлен умозрительный, а потому мало реален. Я в эти дни участвовал в их уточнении. Предполагалось с открытием навигации получить пароходы с Волги и баржи из других районов (своих не хватает) и при их помощи перебросить всю массу по су-

доходным речкам, гужем, пешком к пунктам поселения. Этим порядком забросить продовольствие, инвентарь, стройматериалы — десятки тысяч тонн.

Выяснилось:

1. Многие реки судоходны только в период половодья; 2. Многие речки имеют быстрое течение, пороги, болотистые берега — на них не выгребешь против течения. Гужевые дороги летом не проходимы, надо ждать зимника. Селиться там нельзя. Я думаю, что семьи надо оставлять в селах и в следующем году и строить постепенно, не торопясь. Этим создаем оседлость семьям, возможность заработать в лесу мужчинам и кормить семью и строить поселки не на местах лесозаготовок, а где возможно сельское хозяйство, как местным жителям.

К строительству до сих пор не приступили.

До сих пор с высланными обращаются как с опаснейшими заключенными, подлежащими изоляции. Это исключает возможность использования их собственной инициативы и самодеятельности и налагает на нас совершенно непосильную обязанность их полного обслуживания.

Это ведь не ящики, не тюки груза, это живые люди, преимущественно весьма инициативные, обладающие большой житейской хваткой. Надо дать простор этим качествам. Они сами сделают многое, что и не под силу нашему аппарату. Необходимо взять курс на самодеятельность. Этот момент самодеятельности я расцениваю как один из важнейших принципов, которые необходимо ввести в тактику, иначе — повторение в усиленном виде кошмарных вещей, которые есть сейчас.

С продовольствием уже сейчас из рук вон плохо, скоро начнется голодовка, и это печально кончится и для местного населения, на которое обрушится вся эта голодная масса. Нужен нажим на Наркомпрод.

Хозяйственники считают, что последним постановлением Комиссии Шмидта по Северному краю отменен пункт 7 постановления СНК РСФСР об их участии в расходах на строительство и бытовое устройство передаваемой им рабочей силы. Так ли?

Сибирь, Урал, думаю, будут переживать худшее положение, ибо пока от них только поступают заявки на большие суммы. Северный край готовился гораздо больше. Письмо пишу только тебе, ознакомь кого считаешь нужным.

В.Н. Толмачев.

Такое вот «приватное» письмо. Автор его — не последнее лицо в системе «органов». На первоначальном этапе «раскулачивания» (март 1930 года) именно В.Н. Толмачев являлся председателем комиссии при Совнаркоме РСФСР для выработки конкретных рекомендаций по вселению, расселению, хозяйственному устройству и трудоиспользованию спецпереселенцев. Позднее были созданы спецкомиссии при Совнаркоме СССР (1 апреля 1930 года — «ко-

миссия Шмидта») и при Политбюро ЦК ВКП(б) — 11 марта 1931 года («комиссия Андреева — Рудзутака»). Аналогичные комиссии учреждались и на территориальном уровне. Однако рекомендации этих комиссий, касающиеся улучшения положения спецпоселенцев (как и соображения такого рода, изложенные в письме В.Н. Толмачева), оставались не более чем благими пожеланиями. В марте 1932 года все спецкомиссии были распущены. Автор же вышеприведенного письма, после ликвидации в 1931 году возглавлявшегося им ведомства и передачи функций последнего ОГПУ СССР, был отстранен от должности, впоследствии исключен из ВКП(б) как один из лидеров «фракционной группировки Смирнова, Толмачева, Эйсмонта», а в 1937 году — расстрелян.

Репрессивной системе не нужны были исполнители (тем более — на руководящих постах в «органах») с «рудиментами абстрактного гуманизма»...

* * *

В 1931 году, на основе и с учетом первоначального опыта массовых депортаций, центральные власти решили, что для лучшей выживаемости спецпереселенцев целесообразно передать их одному хозяину, и таковым — в качестве их полного душеприказчика — назначили ОГПУ при Совнаркоме СССР. В этом, несомненно, был практический резон: ведь заброшенные в глухие окраинные места спецпоселенцы сплошь и рядом оказывались там никому не нужными, обреченными на голодную смерть.

Вопрос о реорганизации системы спецпоселений рассматривался 15 мая 1931 года на заседании комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б) — «комиссии Андреева». Обратимся к протоколу этого заседания.

Документ 2

ПРОТОКОЛ

заседания комиссии т. Андреева
об организации управления и производственного использования спецпереселенцев, плане переселения кулацких семей в 1931 г. и др.
15 мая 1931 г.
[Извлечение]

I. Об организации управления
и производственного использования спецпереселенцев

1. Ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в содержании хозорганами — передать целиком в ОГПУ хо-

зяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение. Предложить ОГПУ для этой цели организовать специальный аппарат управления при ОГПУ и Краевых П[олномочных] П[редставительствах] (Сибирь, Урал, Севкрай и Казахстан).

2. Производительное использование спецпереселенцев этим управлением производится как путем заключения специальных договоров с отдельными хозорганами, так и непосредственно организацией различных хозяйственных предприятий.

3. Хозорганизации, заключившие договора по спецпереселенцам, обязаны выделить одного из членов правления, отвечающего за целесообразное использование рабочей силы переселенцев и за выполнение полностью обязательств договора.

4. Обязать хозорганизации зарплату переселенцев не понижать по сравнению с зарплатой сезонных рабочих.

5. Считать необходимым введение в договор специального пункта о поощрении и премировании тех переселенцев, которые старательно работают и перевыполняют заданную норму.

6. Спецпереселенцев, занятых на жил. строительстве, приравнивать по снабжению к спецпереселенцам, занятым на лесозаготовках.

7. Весь фонд снабжения спецпереселенцев Наркомснабом выделяется как централизованный и передается в распоряжение Управления спецпереселением при ОГПУ. Выделение фондов снабжения производится аналогично с фондами для лагерей ОГПУ.

8. Обязать Наркомздрав, Наркомпрос совместно с ОГПУ разработать план медицинского и культурного обслуживания поселков спецпереселенцев.

9. Предложить органам ОГПУ, ввиду недопустимого использования до сих пор спецпереселенцев, впредь привлекать соответствующих лиц за нарушение договоров к строжайшей ответственности. <...>

Андреев, Постышев, Ягода

Итак, с 1931 года подчиненность системы спецпоселений милиции и местным советским административным органам ликвидируется и вся эта система целиком передается в ведение ОГПУ СССР.

Однако экономическая сущность политики и практики спецпереселения — как насильственной колонизации малообжитых регионов страны — осталась неизменной.

В приводимой ниже таблице представлена статистика изменения состава спецпереселенцев в 1932—1933 годах. Отметим, что эти цифры (особенно по графам — «умерло», «бежало») достаточно «лукавы»: они дают лишь фрагменты общей картины, причем в

ракурсе, приемлемом для местных работников ОГПУ. Так, полностью «замалчиваются» точные сведения о высланных из конкретных территорий — республик, краев и областей и приводятся лишь данные (причем далеко не всегда объективные) о численности спецпереселенцев, прибывших «на место назначения». Не называются также этапы и пересыльные лагеря.

Мы уже видели ранее (на примере Северного края, где ситуация складывалась несколько более «благополучно», чем в Сибири и Казахстане), что людские потери в спецпоселках были колоссальными. Но руководство местных комендатур ОГПУ представляло «наверх» лишь такие цифры, которые считало нужным и выгодным для себя сообщить. Проверить истинность этих цифр («квалифицированного вранья» — по определению «крестного отца» ОГПУ Ф.Э. Дзержинского) было порой просто невозможно уже в те времена, а сегодня — это задача и вовсе неразрешимая...

Документ 3

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СССР

(1932—1933 годы)

Таблица 1

1932 год

Регионы	Состояло на учете		Прибыло за 1932 год		
	1 января 1932 года	Родилось	Прибыло новых	Возвращено из бегов	Прочие причины прибытия
1. Урал	484380	6540	10107	16922	1964
2. Северный край	120509	1594	3260	5068	6911
3. Западная Сибирь	265846	3975	4292	9398	17937
4. Восточная Сибирь	91720	1079	968	841	6771
5. Дальний Восток	40440	531	4426	240	2553
6. Алдан (Якутия)	4724	78	988	2	82
7. Северный Казахстан	139039	1476	10283	1707	1688
8. Южный Казахстан	41669	425	1307	296	11799
9. Средняя Азия	10471	499	27799	217	2847
10. Украина	14934	383	3	140	—
11. Северный Кавказ	55318	703	303	1890	3010
12. Горьковский край	5888	146	28	35	147
13. Ленинградская обл.	32288	465	840	423	2613
14. Средняя Волга	4136	54	392	116	4780
15. Башкирия	5660	105	6240	683	11163
Итого	**1317022**	**18053**	**71236**	**37978**	**74235**

	Убыло за 1932 год					Состояло на учете 1 января 1933 года
	Всего прибыло	Умерло	Бежало	Прочие причины убытия	Всего убыло	
1	35533	32645	97005	24724	154374	365539
2	16833	4664	15571	4841	25076	112266
3	35602	15616	40205	17943	73764	227684
4	9659	2022	4254	3314	9590	91789
5	7750	901	1445	5281	7627	40563
6	1150	188	8	134	330	5544
7	15154	21344	22122	8240	51706	102487
8	13827	1867	5397	10336	17600	37896
9	31332	4156	7333	755	12244	29559
10	526	704	961	359	2024	13436
11	5906	2845	6897	864	10606	50618
12	356	211	318	380	909	5335
13	4341	1090	1614	1524	4228	32401
14.	5342	411	740	679	1830	7648
15	18191	1090	3140	302	4532	19319
	201502	**89754**	**207010**	**79676**	**376440**	**1142084**

Таблица 2
1933 год

Регионы	Состояло на учете		Прибыло за 1932 год		
	1 января 1932 года	Родилось	Прибыло новых	Возвращено из бегов	Прочие причины прибытия
1. Урал	365539	3894	33920	17792	6171
2. Северный край	112266	1606	16659	7679	4893
3. Западная Сибирь	227684	5557	140697	12647	22321
4. Восточная Сибирь	91789	1444	307	1193	2190
5. Дальний Восток	40563	688	601	757	11415
6. Алдан (Якутия)	5544	116	—	4	140
7. Северный Казахстан	102487	1535	43693	4128	691
8. Южный Казахстан	37896	547	11414	570	986
9. Средняя Азия	29559	241	—	2155	133
10. Украина	13436	152	33	111	1149
11. Северный Кавказ	50618	341	619	3721	5239
12. Горьковский край	5335	177	3927	219	172
13. Ленинградская обл.	32401	438	392	442	2506
14. Средняя Волга	7648	74	312	151	431
15. Башкирия	19319	257	—	2641	586
16. Белбалткомбинат НКВД	—	15	15517	1	—
Итого	**1142084**	**1082**	**268091**	**54211**	**59023**

	Убыло за 1932 год					Состояло
	Всего прибыло	Умерло	Бежало	Прочие причины убытия	Всего убыло	на учете 1 января 1933 года
1	61777	51010	55983	20010	127003	300313
2	30837	15355	40360	7851	63566	79537
3	181222	26709	49718	43048	119475	289431
4	5134	6529	8581	2753	17863	79060
5	13461	2817	3617	1095	7529	46495
6	260	226	4	387	617	5187
7	50047	25293	14644	6791	46728	105806
8	13517	6937	9264	6439	22640	28773
9	2529	3469	15790	790	20049	12039
10	1445	2379	473	1637	4489	10392
11	9920	7107	7190	4625	18922	41616
12	4495	638	1791	302	2731	7099
13	3778	835	895	2462	4192	31987
14	968	1155	956	947	3058	5558
15	3484	1066	6578	394	8038	14765
16	15533	76	12	957	1045	14488
	398407	**151601**	**215856**	**100488**	**467945**	**1072546**

Подробный анализ всех этих статистических выкладок нам еще предстоит. Пока отметим лишь, что даже из имеющихся «усеченных» данных о «кулацкой» ссылке отчетливо проступает громадное превышение смертности в ней над рождаемостью.

* * *

Как известно, трудовое использование спецпоселенцев производилось на основе договоров, которые заключались территориальными органами ОГПУ (с 1934 года — НКВД) с различными хозяйственными ведомствами.

Причем полномочия последних по части распоряжения «доверенными» им рабочими «спецконтингентами» были существенно ограничены: они не имели права без санкции «органов» перемещать этих людей по объектам и местам работы, переводить их на другие должности и т.д.

В 1931—1941 годах (до начала войны) сложился громоздкий и бессистемный комплекс правительственных директив и указаний, распоряжений и приказов отдельных ведомств (прежде всего ОГПУ-НКВД) в отношении спецпоселенцев, официально именовавшихся во второй половине 1930-х годов «трудпоселенцами».

Каковы основные элементы структуры и наиболее характерные черты этого комплекса?

Во-первых, почти все эти документы изданы не законодательными, а исполнительными и/или распорядительными органами, то есть являются подзаконными актами, нередко вопиюще противоречившими конституционным принципам и нормам самого СССР, не говоря уже о международном праве. Сотни тысяч людей интернировались, арестовывались, выселялись, лишались имущества, подвергались административной каре не по закону (пусть даже лишь номинально существовавшему в системе жесткой диктатуры), а по партийным решениям, по постановлениям органов исполнительной власти или даже по приказам отдельных ведомств. Отсюда с естественной неизбежностью следовал полный произвол аппарата власти на всех уровнях государства — сверху донизу. Причем сервильный советский прокурорский надзор не только закрывал на это глаза, но сплошь и рядом поощрял такую «нормотворческую» и «правоприменительную» практику, более того — сам принимал в ней самое непосредственное участие.

Во-вторых, крайне редкими в этой нормативной «пирамиде» являются документы высшего и наиболее авторитетного исполнительного органа государственной власти — Совета Народных Комиссаров СССР.

Постановления Совнаркома (то есть Правительства страны) не представляли собой правовую основу жизнедеятельности спецпоселений, поскольку (в «лучшем» случае и далеко не всегда) лишь санкционировали сам факт выселения, определяли категории и места размещения выселяемых.

Этим регламентирующая роль Правительства в данном конкретном вопросе по сути и ограничивалась.

Таким образом (и это третий существенный момент) система спецпоселений со всеми ее «контингентами» передавалась в безраздельное владение органам ОГПУ-НКВД, превращалась в неприкасаемую вотчину этих «правоприменительных» ведомств, жила и управлялась их внутренними приказами, циркулярами, положениями, эволюционировала вместе с этими «органами», отражая все изломы карательно-репрессивной советской политики и сохраняя при этом в неприкосновенности ее негласный, но непререкаемый базовый принцип — управление не по законам, а по «понятиям».

Обратимся вновь к реалиям жизни спецпоселений и их обитателей в довоенный период (до 1941 года), к тому распорядку, кото-

рый сложился там на основе тех самых указов, постановлений и распоряжений Правительства (Совнаркома), приказов и инструкций ОГПУ-НКВД. Своеобразным путеводителем в этом безотрадном экскурсе для нас послужит «Перечень постановлений Правительства, приказов и циркуляров ОГПУ-НКВД СССР по трудссылке за 1931—1941 годы». Этот ведомственный документ, датированный 21 февраля 1941 года, был подготовлен Отделом трудпоселений ГУЛАГа НКВД СССР и предназначался «для внутреннего пользования» — главным образом для районных и поселковых спецкомендатур.

Для начала попытаемся выяснить: кто же, собственно, подлежал содержанию в трудпоселках накануне войны — к началу 1941 года? Ответ, что называется, на поверхности: основная масса (более 90 процентов) — это выселенные из районов сплошной коллективизации «бывшие кулаки». К ним тесно примыкали депортированные за «срыв и саботаж» хлебозаготовительных и других хозяйственно-политических кампаний. Сюда же, по всей видимости, относились и те крестьяне-единоличники, которых, прежде чем выселить, целенаправленно разоряли непосильным налогом — «твердым заданием».

Особо отметим, что в эволюции спецпоселений нашли свое отражение многие перипетии внутренней и внешней политики СССР на протяжении 1930—1941 годов. Вот, скажем, еще одна категория спецпоселенцев — «городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выехать из Москвы и Ленинграда». Формулировка и обоснование весьма туманные. В практическом же плане все было гораздо проще: местные власти могли выселить (отправить в ссылку) в любое угодное для них время любую нежелательную для них на конкретной подведомственной территории (здесь речь идет о столичных городах) группу населения, сочтя ее «социально вредной», «социально опасной» или даже «социально чуждой» советскому режиму («социалистическому строю»).

Еще одну группу «спецнаселения» составляли «кулаки», которые загодя, еще до «сплошной коллективизации» бежали из родных деревень и устроились, как правило, где-то в городской местности — в промышленном производстве или в строительстве.

Но укрыться на стройках и заводах от «органов», «бдительность» коих в период большого террора поистине не знала пределов, удавалось далеко не всем. С помощью осведомителей таких «беглецов» обнаруживали, «ставили на особый учет», делали запро-

сы по месту их прежнего жительства, выявляли «подлоги» в оформлении документов (неверно указанное социальное происхождение, имущественное положение и т.п.), а затем — брали под арест и отправляли на спецпоселение. То есть зажиточных, работящих, самостоятельных крестьян, экономическую опору села, искореняли без «излишних» юридических формальностей и безо всяких «морально-нравственных колебаний», а просто потому, что на них указали из Кремля державным перстом, объявив их «врагами социализма и трудового народа». Люди, не ведавшие за собой никакой вины, оказывались в положении, в буквальном смысле слова, травимых собаками изгоев. Им нигде в огромной стране не было места: разве что за колючей проволокой лагерей да в ссылке — под бдительным надзором спецкомендатур...

В Стране Советов 1920—1930-х годов «сомнительное», а тем более «неправильное» социальное происхождение — это черная метка для человека на всю его жизнь. Общество, нация беспощадно кромсались «секирой пролетарского террора», произвольно делились на противостоящие друг другу части. Это была инспирированная и сознательно нагнетаемая перманентная война против собственного народа. Причем количество новых «врагов» с искоренением старых не уменьшалось, а увеличивалось, что вполне соответствовало сталинскому «методологическому» обоснованию массового террора — пресловутой параноидальной «теории обострения классовой борьбы при строительстве социализма».

В этой бесконечной «ползучей» войне такое средство, как ссылка на Север и в Сибирь с привлечением депортированных к принудительным работам, — оказалось просто незаменимым. В «отдаленные местности СССР» можно было запросто отправлять (как правило, в массовом порядке) любые категории людей, которые на том или ином этапе мешали сталинским планам «строительства социализма». В полной мере это относится к тем, кто учитывался на спецпоселениях по категории «выселенные в порядке очистки границ СССР» (преимущественно — западных). Индивидуально все эти люди были ни в чем не повинны: здесь, не упуская из поля зрения «вредных» по самому факту своего социального происхождения «буржуазных элементов», власти начинают уже разыгрывать национальную карту, выявляя и постоянно расширяя круг «подозрительных» национальностей. Критерий самый элементарный: возможная в будущем враждебность — в связи с тем, что у СССР конфликтные или просто недружественные отношения с каким-

либо соседним государством. Именно так в число «подозрительных» были занесены поляки, затем — финны, немцы, турки, иранцы и т.д. и т.п.

Наконец, еще одна категория ссыльного населения — это «направленные в порядке разгрузки мест заключения из числа осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно, кроме особо социально опасных из них».

Звучит довольно витиевато, но на деле все опять-таки сводилось к предельно простым вещам. Гулаговские «зоны» в конце 1930-х действительно были переполнены сверх всякой меры «врагами народа» и требовали некоторой «разгрузки». Это и пытался сделать вновь назначенный глава НКВД Л. Берия. Но здесь вступало в силу правило: если уж освобождать кого-то из лагерей и колоний, то непременно «коллективным» порядком и, конечно же, в первую очередь — «социально близких советской власти» по своему происхождению и осужденных не по политическим, а по «общеуголовным» и «бытовым» статьям. Кроме того, отправляли из лагерей на спецпоселение (к находившимся там семьям) отмаявших свой «срок наказания» некоторых «бывших кулаков». Судя по всему, речь идет о тех из них, кто сначала из родных сел были водворены в тюрьмы, а затем (по решениям «троек» и других «внесудебных органов») переправлены в лагеря.

Согласно директиве НКВД СССР от 13 сентября 1939 года, еще одной группой лиц, отправляемых на поселение после отбытия лагерного срока, являлись в то время «осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные в трудпоселках независимо от наличия у них (освобождаемых. — *В.Б.*) семьи в трудпоселке». Иными словами: семья такого человека уже могла быть освобождена и получить право выезда из спецпоселения, скажем, как «неправильно раскулаченная» (такие случаи имели место — после пересмотра соответствующими комиссиями части дел ранее выселенных); сам же глава такой семьи, угодив за какой-то проступок «из огня в полымя» — из поселения в лагерь, — теперь, после освобождения из последнего, должен был все-таки возвращаться туда, откуда был взят под стражу, то есть — в спецпоселок. При этом не принимались во внимание никакие «привходящие обстоятельства»: гибель семьи такого человека во время его «отсидки», побег его домочадцев из места поселения и т.п. Маршрут ему был определен с жесткой непреклонностью: «к месту прежнего спецпоселения»...

Таковы (в самом сжатом виде) «контингенты, подлежащие содержанию в трудпоселках» к 1941 году — на общих основаниях, определенных постановлением Совнаркома СССР от 20 апреля 1933 года № 775/146сс. Детальная же конкретизация и разъяснение ключевых положений этого документа (применительно к «бывшим кулакам», составлявшим в это время, как уже отмечалось, более девяти десятых «спецнаселения») последовали лишь спустя почти девять лет после начала их массовой депортации — в специальном циркуляре НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 17 ноября 1939 года. Обратимся к содержанию этого документа. Итак, что же, по мнению его авторов, полагалось формальным основанием и подтверждением правомерности высылки?

Читаем: «...Основанием к содержанию в трудссылке являются:

постановления или выписки из постановлений бывших троек УНКВД или областных, районных исполкомов о выселении; справки президиумов райисполкомов, подтверждающих раскулачивание и выселение».

Подтекст этой бюрократической «вязи» прозрачен: зачастую никаких (даже сомнительного юридического содержания) документов на высланных — в тех территориальных «органах», которые производили первоначальную депортацию, — просто не имелось. И спустя годы администрация спецпоселений вынуждена уже «задним числом» обращаться с соответствующими запросами к этим местным властям, которые, в свою очередь, без особого труда штамповали затребованные от них и не имеющие никакого реального основания «справки». Тем самым (не без ведома руководства НКВД) местные чиновники и чекисты формально «прикрывали» допущенные ими беззаконие и произвол. Что из того, если какого-то там «Иванова-Петрова-Сидорова» раскулачили по решению, скажем, сельской комсомольской ячейки — то есть с вопиющим беззаконием? Теперь налицо справка из его родных мест о том, что он, «Иванов-Петров-Сидоров», «действительно был раскулачен и выслан». И далее для этого «Иванова-Петрова-Сидорова» не оставалось никаких обнадеживающих вариантов: по такой справке-«филькиной грамоте» он (уже «на законных основаниях») окончательно и бесповоротно становился абсолютно бесправным «подопечным» системы спецпоселений НКВД, причем на неопределенно долгий срок — как властям заблагорассудится. Вся его жизнь заключалась в жесткий каркас запретов и ограничений. А в их переч-

не не было упущено практически ни одно из гражданских и политических прав.

Главное из этих ограничений заключалось в том, что «трудпоселенцы права выезда с мест поселения не имеют» (постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 года). Проживать «бывшие кулаки» обязаны были в особых рабочих поселках (при шахтах, леспромхозах и т.п.) по справкам (вместо паспортов), которые выдавались им с 1939 года спецкомендатурами.

Циркуляром ГУЛАГа НКВД СССР от 18 сентября 1938 года трудпоселенцам разрешалось работать шоферами и управлять автомашинам но лишь «в пределах районов проживания». В этом вновь зримо проявляется общее отношение государства к спецпоселенцам как к ограниченным в правах «неблагонадежным элементам», от которых можно ждать любых «преступных проявлений» — побегов, диверсий, неповиновения, а то — и восстания. Так что «органы» и здесь перестраховывались, нейтрализуя заблаговременно такого рода «чрезвычайные происшествия».

В этом же ряду — особый приказ НКВД СССР от 12 декабря 1939 года, коим предписывалось переместить все спецпоселки (а следовательно, и их обитателей) за пределы 5-километровой зоны вдоль железных дорог. И здесь все понятно: это еще один синдром параноидальной истерии времен «большого террора», обостренной повсеместным поиском «врагов народа» на фоне уже развязанной (не без дипломатического и военно-политического соучастия кремлевских «борцов за мир») Второй мировой войны...

Даже снятые с учета и освобожденные из ссылки спецпоселенцы не внушают доверия советскому государству — им запрещено «проживать в режимных местностях».

На основании статьи 30 Закона о воинской обязанности трудпоселенцы не приписывались к призывным участкам и не подлежали призыву на службу в армию и на флот. Эта существовавшая и ранее реалия была формально закреплена указанием Главного управления РККА от 27 февраля 1940 года. Ясно, что давать оружие в руки своего массового политического противника советское правительство (до поры до времени) не собиралось...

Но и здесь доходили до абсурдных крайностей: из боязни научить обращению с оружием неполноправную часть общества запретили спецпоселенческой детворе школьного возраста сдавать нормы на значки ГТО и БГТО, а более старшим юношам и девушкам — заниматься в системе военной подготовки.

Трудпоселенцы не имели права состоять членами профсоюзов, так как они «закреплены в определенных местах без права выезда» (постановление Президиума ВЦСПС от 27 ноября 1937 года). В общем-то этим постановлением руководство советских профсоюзов «задним числом» (вероятно, в связи с запросами «с мест») лишь формализовало «практическую линию», проводившуюся на протяжении семи предшествующих лет. Весьма любопытна и приводимая в этом документе дополнительная «аргументация» относительно ограничения прав для трудпоселенцев на вступление в профсоюзы: «отсутствие паспортов» и «удержания из заработной платы (для органов НКВД)».

Обитателям трудпоселков (как и заключенным) запрещено изменять свои персонально-учетные данные (имя, отчество, фамилию). Действует также запрет на усыновление (удочерение) детей спецпереселенцев. Правда, совместным циркуляром Центрального отдела записи актов гражданского состояния и Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР от 26 марта 1940 года было разрешено выдавать на руки трудпоселенцам при регистрации ими браков, разводов, рождений и смертей соответствующие свидетельства обо всех этих событиях. Заметим, сделано это лишь через десять лет после начала массовых депортаций. Значит, ранее и этих элементарных гражданских прав спецпереселенцы были практически лишены, ибо всем и давно известно, что такое на Руси человек «без бумажки»: живой ли, мертвый ли, все едино — «букашка», «пыль и прах»...

Формально поселенцы имели право обращения в вышестоящие инстанции с заявлениями и жалобами. Результаты их рассмотрения (по директиве ГУЛАГа НКВД СССР от 4 мая 1940 года) должны были объявляться комендантом авторам таких обращений под роспись. Другой вопрос — каковы были эти «результаты». А они (в значительной мере) сводились к бюрократическим отпискам или к издевательски назидательной демагогии. И такой порядок жизни устанавливался в спецрезервациях надолго — на все последующие полтора десятка лет...

Вместе с тем нельзя не отметить, что последние предвоенные годы — это время некоторой стабилизации «кулацкой ссылки» и определенной либерализации режима содержания в ней. Рецидив массовых репрессий и большого террора — в полной мере их тяжести и жестокости — предстояло в последующие годы пережить вновь помрачившимся сталинскому руководству (или «назначен-

ным» им) «врагам народа» — еще более «опасным», многообразным и многонациональным...

* * *

Обратимся теперь к правовому положению спецпереселенцев в такой жизненно важной для любого человека ипостаси, как сфера труда.

В цитировавшемся выше постановлении Совнаркома СССР от 1 июля 1931 года на сей счет указывается: «Трудпоселенцы, работающие в промышленности на основании договора, заключенного органами НКВД с хозорганизациями, в части условий работы и оплаты труда приравниваются к остальным рабочим, работающим в данной промышленности». По форме здесь, на первый взгляд, все на месте. Но это лишь на первый взгляд. Ведь по сути этим постановлением санкционировался подневольный труд переселенцев, передача их в полное ведение органов ОГПУ (затем — НКВД), которые имели безраздельное право решать, где и как использовать подконтрольную им «рабсилу», одновременно получая от «облагодетельствованных» ими хозяйственных учреждений и организаций немалую мзду — в виде оплаты труда «спецконтингентов» (пусть и не на совсем «общих основаниях»).

Вступала в действие и другая своеобразная гулаговская новация в сфере «права на труд», внедренная постановлением Совнаркома СССР от 1 июля 1930 года № 130сс. Заключалась она в установлении оплаты расходов по охране спецпоселенцев и по надзору за ними из их же кармана — из причитающегося тем же поднадзорным заработка. Вначале на эти цели, а также на «расходы по управлению и обслуживанию трудпоселков» удерживались 25 процентов зарплаты поселенцев. Затем, правда, эти поборы снизили до 10, а позднее — и до 5 процентов. Но установленные суммы аккуратно перечислялись использовавшими труд спецпоселенцев хозяйственными организациями на соответствующие финансовые счета территориальных НКВД-УНКВД. И надо отметить, что в связи с относительной немногочисленностью штата местных комендатур этих средств вполне хватало: персонал обеспечивался денежным и другими видами довольствия без каких-либо задержек и перебоев — даже в годы массового голодомора на спецпоселениях.

Постановлением секретариата ВЦСПС от 27 июля 1936 года на трудпоселенцев, работавших по договорам НКВД с хозорганиза-

циями, было распространено законодательство о труде в части социального страхования (пособий, пенсий по инвалидности и др.). Но при этом имелись в виду лишь «спецработники», приписанные к промышленным предприятиям, к учреждениям и объектам бюджетной сферы. К тем же, кто трудоиспользовался на селе (а таковых, как известно, среди поселенцев было немало), все эти и остальные элементарные правовые нормы не применялись — как и ко всему «советскому колхозному крестьянству» той поры.

В соответствии с директивой НКВД СССР от 8 января 1939 года кадровые аппараты хозяйственных учреждений, организаций и предприятий, «арендующих» трудпоселенцев, обязаны были заводить на них трудовые книжки, причем «на общих основаниях» — то есть без соответствующих «спецпометок».

В разъяснении ВЦСПС от 2 февраля 1940 года доводится до сведения местных руководителей и профсоюзных функционеров, что перевод (по распоряжению органов НКВД) поселенцев с одного места работы на другое не прерывает их трудового стажа.

До 1938 года все сельскохозяйственные, а также кустарно-промысловые артели, образованные «бывшими кулаками», считались «неуставными», то есть заведомо неравноправными даже по меркам «узаконенного беззакония» тех лет. Постановлением Совнаркома СССР от 9 сентября 1938 года и директивой НКВД СССР от 15 октября того же года эти трудовые сообщества были, наконец, переведены на положение «уставных». Но в реальности эта формальная мера ничего не изменила. Лишь кредитовать теперь «кулацкие артели» стало возможным на все тех же «общих основаниях» (упростился практический механизм финансовых операций).

На этих же «общих основаниях» со «свободными» рабочими и служащими «Страны Советов» трудпоселенцы выплачивали все налоги и «подписывались» на бесконечные займы. Главные из этих государственных поборов — подоходный и так называемый «культналог». «Кулацкие» сельхозартели облагались подоходным денежным налогом «на общих основаниях» с колхозами. 4 августа 1939 года Наркомфин и НКВД СССР породили и разослали на места совместную директиву по этим вопросам. Из нее явствует, что и фискальные и карательные органы сталинско-большевистского государства в равной мере, как ни странно, опасались хорошей работы и укрепления неуставных трудпоселенческих сельхозартелей. А исходили они из убогой охранительной идеологии и по-

литики: ведь в море окружающей нищеты последние очаги изуродованной, но сохранявшей генетическую первозданную основу крестьянской общинности действительно могли выглядеть как островки относительного «благополучия», опровергая тем самым все надуманные уравнительно-казарменные кремлевские «теории»...

Невероятно сложным делом для трудпоселенческой молодежи являлось получение профессионального образования. Для того чтобы хоть в какой-то степени снять остроту этой проблемы, «разрешить» детям поселенцев поступать в средние специальные и высшие учебные заведения «на общих основаниях», потребовалось совместное постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(Б), подписанное 15 декабря 1935 года (№ 2663). Заметим, что документы такого уровня принимались лишь в исключительных случаях и по действительно назревшим и трудным для решения проблемам.

* * *

Наиболее злободневным, мучительно болезненным для всех спецпоселенцев на протяжении долгих лет в неволе был вопрос о дальнейшей судьбе — собственной, семьи, детей, и прежде всего — о возможном освобождении. При высылке в начале 1930-х годов власти неоднократно и громогласно заявляли, что это-де мера временная — сроком на 5 лет, после чего бывших «кулаков» восстановят во всех правах и разрешат им вернуться в родные места.

Обещанные сроки проходили, а серьезных «освободительных» решений так и не последовало — даже после принятия новой («сталинской») Конституции 1936 года, формально отменившей все прежние ограничения и «поражения» прав человека и гражданина.

Первый значительный документ такого содержания появился лишь 28 октября 1938 года — в виде секретного постановления Совнаркома СССР (№ 1143—280с), детализированного затем директивой НКВД СССР от 8 января 1940 года, а также совместным циркуляром Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции и ГУЛАГа НКВД СССР от 10 мая 1940 года № 120. В соответствии с этими нормативными актами «дети трудпоселенцев, если они лично ничем не опорочены», освобождались из спецпоселков, но «без права проживания в режимных местностях». Таким образом, дети, родившиеся в период с 28 октября 1922 года, могли быть освобождены из спецпоселения, но, как видим, опять-таки с существенными ограничениями в выборе мест для дальнейшей жизни (обитания).

Обратимся к типичным для подобной ситуации документам, сохранившимся в одном из рядовых спецпоселенческих личных дел. Перед нами — заявление, написанное от руки на листе из школьной тетради: «Коменданту трудпоселка № 5 от гражданки Гафуровой Ракии, 1927 года рождения, ЗАЯВЛЕНИЕ. Настоящим прошу Вас разобрать мое заявление в том, что в период выселения моих родителей на трудпоселок № 5 в 1933 году я еще была несовершеннолетняя. Поэтому прошу Вас снять меня с учета трудпоселенцев. Так как 1926 год с учета трудпоселения снят». За этим заявлением следуют составленная местным комендантом характеристика и постановление областного УНКВД. В них указано, что Ракия Гафурова, будучи 5-летним ребенком, действительно была выслана из родной Татарии, 16-летнего возраста достигла в трудпоселке и компрометирующих материалов на нее не имеется. Поэтому, руководствуясь постановлением Совнаркома СССР от 28 октября 1938 года, решено: «Гафурову Ракию снять с учета трудпоселенцев с предоставлением права выезда из трудпоселка». Дата: 16 марта 1944 года.

В общем же, если судить по ведомственным документам, «освобождение» из спецпоселения (за исключением периода с 1939 года, когда, как мы видим, снимались с учета дети, достигшие 16-летнего возраста) было делом исключительно трудным, сутяжным, практически почти невозможным. Проще всего «освобождались» те, кто был направлен в ссылку (по решениям «органов» либо судов) на какой-то конкретный срок и только при тех условиях, что они «не привлекались» (не осуждались) до ссылки (вследствие своего «социального положения») и что их семьи находились «на воле», а не в спецпоселении. Но ведь «бывшие кулаки» как раз и считались лицами, отправленными в ссылку без указания срока, и таким образом, независимо от «милости» или «немилости» верховных и местных властей, они в эту «льготную» категорию не попадали.

Циркуляр НКВД СССР от 3 июня 1939 года открыл «теоретическую» возможность снятия с учета спецпоселения («освобождения») престарелых-инвалидов. Практически же эта «возможность» сводилась к минимуму, а то и опровергалась весьма существенными оговорками. Цитируем текст названного документа: «...Трудпоселенцы, достигшие преклонного возраста, признанные врачебными комиссиями постоянными инвалидами, у которых нет родственников в трудпоселках, при отсутствии мест в инвалидных домах, в исключительных случаях с согласия начальника УНКВД, могут

быть освобождены из трудпоселков на иждивение родственников, проживающих не в режимных местностях».

Совершенно очевидно, что найти инвалида, соответствующего всем этим «критериям», да еще получить «добро» от «самого» начальника территориального (республиканского, краевого или областного) органа НКВД, было почти безнадежно. Система не желала отдавать «на волю» ничего и никого — даже непригодный, бесполезный и обременительный для нее «человеческий балласт», заведомо не способный угрожать ее безопасности, и уж тем более — «основам советского строя».

Бюрократическая процедура освобождения из трудпоселений была прописана в циркуляре НКВД СССР от 13 июля 1939 года. По сути, из него следовало, что «освобождать» на самом-то деле нельзя никого. «В порядке исключения — по специальному постановлению отдела трудпоселений ГУЛАГа, утвержденному заместителем наркома внутренних дел СССР» — такое «освобождение» подразумевалось «в принципе» возможным. Но есть все основания полагать, что из почти миллиона трудпоселенцев лишь единицы удостоились такой «персональной милости» — специального постановления центрального органа НКВД по поводу своего вызволения из неволи.

Более оперативно (после 1939 года) решались на местах, как мы отмечали, дела по освобождению 16-летних детей поселенцев, но и здесь волокиты хватало с избытком.

К этому следует добавить, что (согласно указанию заместителя народного комиссара внутренних дел СССР от 13 июля 1939 года) при вступлении трудпоселенца (или трудпоселенки) в официально зарегистрированный брак с «вольным» человеком молодожены, состоящие на спецучете, освобождались лишь «в порядке исключения» и только при «необходимости выезда нетрудпоселенца и невозможности создания условий для совместного ... проживания» новой семьи в спецпоселке.

Само собой разумеется, что на трудпоселенцев распространялись все карательные предвоенные указы и директивы об ответственности за опоздания на работу и за прогулы.

За побеги же их привлекали к уголовной ответственности: по приказу НКВД от 11 апреля 1940 года такие дела передавались через территориальные «органы» Особому совещанию при НКВД СССР, где эти вопросы решались с предельной оперативностью и жесткой однозначностью...

* * *

Завершая краткий обзор комплекса нормативных документов о спецпоселенцах (указов, постановлений, циркуляров, приказов, инструкций и т.д. и т.п.) (6), подчеркнем, что лишенным значительной части гражданских и иных прав людям начали возвращать толику этих прав (и в гомеопатических дозах) лишь в конце 1940-х годов. Но и при всем этом обитатели спецпоселений продолжали считаться фактически депортированными и находились по-прежнему в полном ведении и распоряжении органов НКВД-МВД-МГБ.

Система запретов и ограничений оставалась тотальной.

И по алгоритму постепенной, «ползучей» отмены этих запретов и ограничений мы можем судить, что же на самом деле и до каких времен было табуировано в этой системе. Ведь поскольку сначала «воспретили» по сути все — и не конкретизируя, то «разрешать» приходилось постепенно — от малого к существенному, от частностей к принципиальным вещам, причем каждый раз оговаривая все обстоятельства очередной «реституционной» акции — подробно и конкретно.

Созданный в 1930-е годы структурный и нормативный каркас системы спецпоселений принял на себя новые волны массовых принудительных депортаций в ходе Второй мировой войны. Все наработанные здесь ранее формально-правовые нормы сохраняли силу и после снятия с учета основной части «бывших кулаков» — вплоть до конца 1950-х годов, то есть — до времени практически полной ликвидации этой системы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 4

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

о правах и обязанностях спецпереселенцев,
об административных функциях и административных правах
поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев
25 октября 1931 г.

I. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. Для административного управления спецпереселенцами и для организации их труда и быта создаются в спецпоселках комендатуры ОГПУ.

2. Поселковые комендатуры в части обязанностей, возлагаемых на них органами ОГПУ, подчиняются или непосредственно отделам по спецпереселенцам при ПП ОГПУ или участковым и районным комендатурам (в зависимости от местной структуры).

3. Штаты комендатур определяются ОГПУ.

4. Назначение, перемещения и смещения работников комендатур производятся порядком, устанавливаемым ОГПУ.

5. Комендатуры ОГПУ в спецпоселках, кроме своих специальных оперативных и хозяйственных функций, осуществляют обычные административные функции, присвоенные административным советским органам в населенных пунктах, руководствуясь положением о сельсоветах.

6. Все законы СССР, отдельные распоряжения правительства и местных органов власти, касающиеся всех граждан и, в частности, спецпереселенцев, проводятся в спецпоселках через комендатуры ОГПУ, которые следят за точным их исполнением спецпереселенцами.

II. ОБЯЗАННОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

1. Все трудоспособные поселенцы обязаны заниматься общественно полезным трудом.

2. Выбор места и характера работы для спецпереселенцев является правом органов ОГПУ, управляющих спецпереселенцами.

Примечание:

Работы для спецпереселенцев могут быть:

1) работа по найму в государственных и кооперативных хозорганах;

2) работа в сельском хозяйстве на основах неуставных артелей;

3) работа в специально организуемых кустарных предприятиях на основе неуставных артелей;

4) работа по предложениям комендатуры по поселковому, дорожному строительству, раскорчевке и мелиорации земель и т.д.

Такие работы подлежат оплате как работа по найму.

3. Полное освобождение от всякой работы производится комендатурой ОГПУ в необходимых случаях через врачебные комиссии.

ПРИМЕЧАНИЕ: освобождение от работ ввиду временной потери трудоспособности происходит на общих существующих для кадровых рабочих основаниях.

4. Спецпереселенцы и их семьи, прикрепленные к определенным поселкам и домам, не имеют права без разрешения комендатуры ОГПУ менять как место жительства, так и квартиру.

5. Спецпереселенцы и их семьи не имеют права без разрешения комендатуры ОГПУ отлучаться за пределы поселка, в котором они проживают, за исключением тех случаев, когда отлучка связана с посещением мест работ, указанных комендатурой ОГПУ.

6. Спецпереселенцы и их семьи обязаны беречь государственное и общественное имущество, которым они пользуются (дома, сельхозинвентарь и т.п.), содержать его в порядке, поддерживать и ремонтировать своим попечением.

7. Спецпереселенцы и их семьи обязаны беспрекословно и точно соблюдать устанавливаемые комендатурами ОГПУ в поселках порядки и точно проводить в жизнь все постановления и указания как поселковой

администрации, так и местных советских органов и Советского правительства.

ПРИМЕЧАНИЕ: обязанности спецпереселенцев на производстве регулируются существующими на этих производствах правилами и порядками.

III. ПРАВА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

1. Все спецпереселенцы и их семьи, точно соблюдающие установленные для них правила и добросовестно относящиеся к порученной им работе, имеют право на полное восстановление их во всех гражданских правах через пять лет со дня переселения.

2. Все спецпереселенцы и их семьи, занятые на любой работе, в вопросах оплаты их труда и снабжения продовольствием и товарами приравниваются к вольнонаемным рабочим.

Все работающие по найму получают на руки расчетные книжки, куда записываются их заработки.

ПРИМЕЧАНИЕ: с заработка спецпереселенцев работодатели удерживают 15% на расходы, связанные с административным обслуживанием спецпереселенцев.

3. Спецпереселенцы и их семьи имеют право на медицинскую и социальную помощь:

а) спецпереселенцам и членам их семей медпомощь оказывается бесплатно в местных и специально организованных лечучреждениях;

б) за работающих по найму спецпереселенцев вносятся страхотчисления в общем порядке.

Спецпереселенцы имеют право на получение через органы соцстраха пособия по временной утрате трудоспособности, пенсий на рождение и погребение на одинаковых с вольнонаемными рабочими (не членами профсоюза) основаниях;

в) беспризорным сиротам, а также старикам и инвалидам, не имеющим родственников, оказывается социальная помощь (помещение в интернаты или патронирование) местными органами НКЗдрава, НКПроса и НКСобеса по принадлежности.

4. Спецпереселенцы и члены их семей имеют право на прием в местные школы, курсы и т.д. на одинаковых условиях с вольнонаемными.

ПРИМЕЧАНИЕ: при отсутствии или недостаточности в пунктах расселения местных школ для детей организуется дополнительная специальная сеть.

5. Спецпереселенцы и их семьи имеют право и должны пользоваться всеми общественными формами наилучшей организации труда, поднятия производительности труда и улучшения качества продукции (бригадный и артельный методы работы, соревнование, ударничество и т.д.).

6. Спецпереселенцы и их семьи имеют право с предварительной санкции комендатуры ОГПУ внутри поселков создавать культурно-просветительские организации (кружки самообразования, кружки различных искусств и санитарные кружки).

7. Спецпереселенцы и их семьи с предварительного разрешения комендатуры ОГПУ имеют право собираться по вопросам соревнования и ударничества и вопросам общественно-бытового порядка в поселках.

ПРИМЕЧАНИЕ: всякие общественные собрания спецпереселенцев проводятся представителем комендатуры ОГПУ и все решения этих собраний являются действительными только по утверждении их комендатурой ОГПУ.

8. Спецпереселенцы и их семьи пользуются неограниченным правом получения и приобретения газет и всякой литературы, издающейся в СССР.

9. Спецпереселенцы и их семьи пользуются неограниченным правом обмена всякого рода корреспонденцией, посылками и денежными переводами.

10. Спецпереселенцы и их семьи имеют право возведения для себя за свой счет жилых домов и служб, а также приобретения всякого имущества личного обихода, скота и инвентаря.

11. Спецпереселенцы имеют право через комендатуры ОГПУ передавать своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14 лет и нетрудоспособных стариков-старух.

IV. ОБЯЗАННОСТИ КОМЕНДАТУР

1. Комендатуры ОГПУ в зависимости от места расположения поселка, его величины, хозяйственных задач и признаков вырабатывают правила его внутреннего распорядка.

2. Правила эти утверждаются отделом по спецпереселенцам при ПП ОГПУ и после утверждения доводятся до всеобщего сведения жителей поселка как обязательное административное постановление.

3. Комендатуры ОГПУ закрепляют за определенными домами определенные семьи (лиц) и ведут им точный поименный учет, производя систематическую проверку наличия прикрепленных.

4. Комендатуры ОГПУ следят за выполнением и перевыполнением спецпереселенцами трудовых обязательств по работе в промышленности и собственном хозяйстве, применяя в необходимых случаях меры воздействия в рамках, указанных разделом «права комендатур».

5. Комендатуры ОГПУ следят за точным выполнением хозяйственными организациями всех обязательств в отношении спецпереселенцев, взятых ими на себя как по договорам, так и возложенных на них соответствующими постановлениями правительственных органов.

По всем случаям нарушения со стороны хозяйственных организаций комендатуры ОГПУ принимают немедленные меры на месте, (в) случаях недостижения благоприятных результатов обращаются в свои вышестоящие инстанции (районные комендатуры, отделы по спецпереселенцам).

6. Комендатуры ОГПУ обязаны принимать устные и письменные заявления, жалобы и просьбы от спецпереселенцев, на месте разбирать и разрешать их в пределах своей компетенции в кратчайшие сроки.

Вопросы же, выходящие за пределы компетенции комендатур, подлежат немедленной передаче в соответствующие инстанции.

Комендатуры ОГПУ наблюдают за их срочным разрешением и сообщением результатов заявителям.

7. Комендатуры ОГПУ отвечают за политический и общественный порядок в спецпоселках, за сохранность имущества, за постановку противопожарных мероприятий, за санитарное состояние и вообще за все мероприятия, направленные к трудовому советскому порядку в спецпоселках.

ПРИМЕЧАНИЕ: порядок привлечения спецпереселенцев к охране общественного порядка в спецпоселках предусматривается особой инструкцией.

V. ПРАВА КОМЕНДАТУР

1. Комендатуры ОГПУ имеют право привлечения к ответственности спецпереселенцев, нарушающих порядок и законы, установленные администрацией поселка и другими административными органами советской власти и советским правительством.

2. Привлечение к ответственности осуществляется:

а) в административном порядке самой комендатурой в рамках предоставленных ей прав;

б) в административном порядке вышестоящими органами ОГПУ по спецпереселенцам по представлению комендатуры;

в) в судебном порядке Коллегией ОГПУ по представлению ПП ОГПУ;

г) в общегражданском судебном порядке по представлению органов ОГПУ или следственных органов Наркомюста.

3. Всякое привлечение к ответственности, в том числе в административном порядке, должно сопровождаться письменным дознанием или следствием с опросом сторон и в необходимых случаях свидетелей.

4. Административные меры взыскания, налагаемые на спецпереселенцев, после произведенного письменного дознания комендантами поселков или районными комендантами должны иметь их письменное утверждение.

5. Органы ОГПУ, управляющие спецпоселками, имеют следующие административные права:

а) поселковые комендатуры: подвергать аресту до 10 суток или денежному штрафу в сумме до 5 руб. — за появление в нетрезвом [виде], нарушение обязательных постановлений о внутреннем распорядке поселка (нарушение общественной тишины, антисанитария, недобросовестное отношение к государственному имуществу и т.п.) и за прогулы;

б) районные и участковые комендатуры: подвергать аресту до 10 суток или денежному штрафу в сумме до 10 руб. — за систематическое пьянство, за систематическое нарушение обязательных постановлений о внутреннем распорядке в поселках, хулиганство и повторяющиеся прогулы.

За то же, по соглашению с администрацией предприятия, переводить на другие работы, менее удобные и хуже оплачиваемые.

ПРИМЕЧАНИЕ: к п. «а» и «б»: оштрафование одного и того же лица больше, чем два раза за три месяца, требует санкции отделов по спецпереселенцам ПП ОГПУ.

в) отделы по спецпереселенцам (с утверждением ПП ОГПУ): подвергать всем вышеуказанным мерам и, кроме того, переводить в другие поселки и снимать с работы на срок не более двух месяцев (в случаях исправления возвращать на работу до истечения этого срока).

В случаях, содержащих в себе элементы политических уголовных преступлений, передавать дела для разрешения через Коллегию ОГПУ или органы Наркомюста.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1) лишение права приобретения пайка ни в каких случаях никакими органами не разрешается;

2) привлечение спецпереселенцев к ответственности за преступления уголовного порядка предусматривается разделом «уголовной ответственности спецпереселенцев».

VI. О ПОРЯДКЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УГОЛОВНОМ ПОРЯДКЕ ЗА УГОЛОВНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1. Спецпереселенцы подсудны в обычном для всех граждан порядке за имущественные и против личности преступления.

2. ОГПУ в этих случаях являются первичными органами дознания, применительно [к] функциям, выполняемым милицией.

3. Порядок производства дознаний и дальнейшее их направление производятся комендатурами на основании существующих положений об органах дознания (милиции).

VII. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Прокурорский надзор над спецпереселенцами осуществляется на основании положения о прокурорском надзоре ОГПУ.

VIII. РЕГИСТРАЦИЯ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

1. Регистрация актов гражданского состояния в спецпоселках проводится по общим существующим правилам и формам.

2. Как правило, организация ЗАГСов лежит на обязанности тех райисполкомов, на территории которых расположены спецпоселки.

3. Там, где договоренность об организации ЗАГСов райисполкомами еще не достигнута, работу эту проводят комендатуры ОГПУ, передавая материалы в райисполкомы или сельсоветы по указанию райисполкома.

НАЧАЛЬНИК
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛАГЕРЯМИ ОГПУ Л. КОГАН.

§ 2. Царь-голод

В 1930—1933 годах в спецпоселениях свирепствовал голод. В первые (зимние и весенние) «переселенческие» месяцы 1930 года скудные собственные запасы питания были израсходованы депортированными с катастрофической быстротой, а снабжение продовольствием по государственной ссуде началось лишь к лету того злополучного года. Прокормиться самостоятельно, заработать на хлеб переселенцы не могли: ведь они в это время (в лютые морозы, под открытым небом) вынуждены были спешно возводить жилье (причем «на принципах самоокупаемости») и хоть как-то, «на скорую руку» обустраивать новые места обитания для себя и для своих семей. В тайге они сами сооружали землянки, крытые дерниной шалаши, жердяные времянки-бараки с трехэтажными нарами, приспосабливали избушки охотников и другие подсобные помещения. От холода (да еще при практически полном отсутствии пищи) это почти не спасало.

Установленные центральными властями нормы продовольственного снабжения были предельно малы. Всех спецпереселенцев-«едоков» разделили на три «разряда»: «трудоспособные» (работающие) получали паек 1-й или 2-й категории, а «нетрудоспособные» (неработающие) — паек 3-й категории. В 1930 году «трудоспособным» полагалось («по норме на человека») 500 граммов печеного хлеба в день (с добавкой 20 граммов крупы), «нетрудоспособным» же выделялось почти вдвое меньше — 300 граммов хлеба. Воистину — «рацион смертника». Но и эти голодные «нормы» беспощадно «урезались» ведомственными и местными чиновниками.Очень часто реальная выдача продуктов была гораздо ниже декларированных «центром» цифр.Например, с августа 1931 года по решению союзного Правительства нормы снабжения спецпересе-

ленцев, занятых в лесной промышленности, а также их иждивенцев должны были составлять (на человека в месяц): мука — 9 килограммов, рыба — 1,5 килограмма, крупа — 9 килограммов, сахар — 0,9 килограмма.Однако с января 1933 года («в связи с массовым голодом и нехваткой продовольствия»/!/) ведомственным решением Союзнаркомснаба эти и без того мизерные нормы были резко сокращены: мука — 5 килограммов, крупа — 0,5 килограмма, рыба — 0,8 килограмма, сахар — 0,4 килограмма. Выжить при таком месячном пайке было просто невозможно.

Вот как выглядела трагедия голодомора на примере отдельных регионов «кулацкой» ссылки.

Северный край — Вологодская, Архангельская области и территория нынешней Республики Коми. Сюда с конца февраля до середины апреля 1931 года завезли 45 000 выселенных семей (158 000 человек), а к концу года — 294 000. Но на местах совершенно не были готовы к приему такого гигантского количества спецпереселенцев — крестьян-хлеборобов (в основном из Южной и Центральной России), совершенно не приспособленных к работе на лесоповале.

Перебои в снабжении приводили к тому, что люди в течение нескольких дней не получали даже хлеба. Спасаясь от голода, употребляли в пищу всяческие суррогаты: мох, траву, кожу, старые кости и трупы животных. Из старых истлевших березовых стволов делали нечто вроде отрубей под названием «гнилушка» и, добавляя туда (на четверть или даже менее того) настоящей муки, пекли эрзац — «березовый хлеб». И нередко от такого «хлеба» вымирали целыми семьями. Отмечались случаи людоедства. Сознательно шли на совершение преступлений (кражи, порча казенного имущества, членовредительство и т.п.), чтобы попасть в тюрьму или в лагерь, где узников хоть как-то, но все-таки кормили. Летом обменивали на хлеб теплые вещи, а зимой погибали от холода...

Умерших хоронили в братских могилах, без гробов.

Из воспоминаний очевидца (Григория Григорьевича Пивоварова, уроженца села Слоновка Шарлыцкого района Оренбургской области, бывшего спецпереселенца из «раскулаченных»). Речь идет о голодной зиме 1931 года: «...Жутко вспоминать. Ямы копали поглубже, чтобы побольше мертвецов поместилось. Подъезжаешь с нагруженными доверху санями к яме и — опрокидываешь сани... (Г.Г. Пивоваров был назначен комендантом спецпоселения в «похоронную команду» — вывозить покойников на кладбище; грузи-

ли их на сани штабелями, как дрова; на кладбище работали шесть похоронщиков, паек им определили по килограмму хлеба с горячим приварком, но это был горький хлеб — в день вывозили до ста и более трупов; могильщики и жили прямо при кладбище, вырыв себе там землянку. — *В.Б.*). Мертвецы падают в яму кто спиной, кто боком, кто головой вниз. И позы разные: кто выпрямлен, как бревно, кто скрючен, у кого руки и ноги в стороны раскиданы. Редко в одежде, большей частью совсем голые, и совсем уж редко попадались зашитые в тряпье: это родичи обрядили своего покойника, перед тем как санитары вынесли его в холодный барак, где на время складировали скончавшихся, — у самих родственников сил не хватало на похороны... Так вот, попадают мертвецы в яму, а похоронщики кувалдами начинают «уплотнять» покойников, чтобы побольше их вошло. До ста человек и больше набивали в одну яму. И ни имен, ни фамилий над буграми не писали... Тысячи людей свалили и зарыли так. Да не только в тридцать первом и тридцать втором, а и в тридцать третьем, когда прокатилась по людям новая волна голода и болезней...» (Чиров Д. Искупление невиновности/ /Волга. 1990. № 8. С. 145).

Эти воспоминания очевидца подтверждаются документальными источниками.

В 1933 году в спецпоселениях на территории Коми АССР вымерли от голода и эпидемий не менее 10 процентов «учтенного контингента». Это — «по официальной статистике». Реальная же численность переселенцев, погибших голодной смертью в 1930—1933 годах, была, несомненно, значительно выше выверенных во всех бюрократических инстанциях «отчетных показателей».

Лишь с конца 1933 года продовольственное снабжение в переселенческих спецрезервациях несколько упорядочилось, а заметный перелом к лучшему наступил только в 1935 году — после отмены карточной распределительной системы.

И вот ведь что характерно: даже в 1931 году, несмотря на голодомор, на полную нищету обитателей спецпоселков, там под мощным нажимом местных властей вовсю «распространялись» облигации Госзайма «третьего решающего года пятилетки». Под аккомпанемент трескучей пропаганды у смертельно голодных полуживых людей отнимали не только их настоящий, но и будущий заработок...

Не лучшим было положение в Сибири и на Урале. И здесь обитатели спецпоселков пухли и вымирали от голода. Ужасная скучен-

ность в бараках (иногда на человека здесь приходилось меньше квадратного метра жилой площади), всеобщая завшивленность, ослабленность от голода и непривычно сурового климата — все это способствовало чудовищному размаху эпидемий: тиф, дизентерия, скарлатина, корь, дифтерия повально косили людей. Массово умирали грудные младенцы и малолетние дети. Отдельные же попытки властей ввести для них дополнительное питание успеха, как правило, не имели.

В леспромхозах, на других производственных предприятиях систематическими были случаи не просто длительной задержки выдачи зарплаты спецпереселенцам, но и невыплаты ее вообще. Еще более усугубляли положение выселенных организационная неразбериха, враждебное отношение начальства всех уровней к людям, поставленным на грань жизни и смерти.

Вот как вспоминает 1931 год П.Е. Шабалина (поселок Мордино Корткеросского района Коми АССР): «...Нас привезли из Еловского района Вологодской области. Мне тогда было лет 16. По Вычегде на баржах везли до Нобдино, потом до Шудога пешком. Ничего не было: лес и один барак. Туда нас попало человек 500. Мужики и все трудоспособные, в том числе и мы — девчата, строили бараки. Хлеба давали граммов 500 в день. Соли вообще не давали. Люди пухли от голода, ели березовую кору. Выручали летом грибы-ягоды, а зимой прямо семьями умирали. Пожалуй, тогда половина привезенных вымерла. Денег нам за работу не платили совсем. Ничего не давали...»

Случаи голода в спецпоселениях отмечались и во второй половине 1930-х годов. Вызваны они были, как правило, неурожаями тех лет. Голодали в таких случаях как переселенцы, приписанные к промышленным предприятиям и бюджетным организациям, так и занятые в сельском хозяйстве. Например, в Корткеросском районе Коми АССР «ввиду неурожая» в 1940 году выдавали в сельхозартелях на трудодень только по 150 граммов хлеба. Там же весной 1941 года начальник районного отдела НКВД, докладывая вышестоящему руководству о том, что «план лесозаготовок в Маджском лесопункте за первый квартал ... выполнен лишь на 25 процентов», объяснял этот факт следующими обстоятельствами: «...Из 488 трудоспособных спецпереселенцев работают 220 человек. И то они не имеют одежды, обуви. Ходят босые, рваные. Спецпереселенцы совсем не устроены. Живут в лесных бараках вместе по несколько семей в тесноте. Кровати стоят вплотную. Нет в фельдшерском мед-

пункте необходимых медикаментов, даже йоду. Многие болеют чесоткой, экземой, авитаминозными язвами. Почти у всех вши, гниды...».

И это всего лишь одно свидетельство — из бесчисленного множества ему подобных.

Тем не менее, вопреки всему и не взирая ни на что, к 1935 году инфраструктура спецпоселений была в основном создана. Жизнь обитателей этих советских резерваций несколько наладилась. С 1937—1938 годов здесь отмечается существенный рост рождаемости. То есть после первичной депортации потребовалось более пяти лет, чтобы переселенцы хоть как-то обустроились и освоились в новой «среде обитания». Но черное лихолетье повального голода, массовых болезней и смертей начала 1930-х годов навсегда осталось в памяти всех переживших одну из самых ужасных гуманитарных катастроф XX века.

В нижеследующем приложении приведены документы и воспоминания об этой крестьянской трагедии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 5

[Письмо спецпереселенца М.И. Калинину]

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЦИК ТОВ. М.И. КАЛИНИНУ

1930 г.

Находясь в ссылке, я насмотрелся на весь ужас этого массового выселения целых семейств и, не имея возможности как-нибудь иначе помочь всему этому страждущему народу, я решился обратиться к Вам. От имени невинных младенцев, их несчастных матерей и отцов, от имени седовласых старцев прошу обратить внимание на лагерь переселенцев близ города Котласа. Вот картина такого лагеря. Сотни две бараков, крытых соломой и землей, раскинулись недалеко от железной дороги среди жалкого сосняка. В лагере уже поселены десятки тысяч людей всех возрастов, и каждый день прибывают все новые и новые эшелоны. В каждом бараке ютится двести с лишним душ. Теснота ужасная: днем толкотня в проходе между нарами, ночью люди лежат на нарах вплотную друг к другу, как сельди в бочке, многим на нарах не хватает места, и они сидят на земляном полу. Три железных печи не в состоянии отопить как следует этих бараков, тем более что сильный недостаток топлива. Люди кутаются в одежды, с крыши на головы им постоянно сыплется песок, недостаток белья и теплой одежды, стирать не в чем; людей заедают паразиты. Пища скверная, сухари подходят к концу, у многих уже не хватает хлеба. Варят на дворе и мороз и ветер. Днем, когда пригревает солнце и начинает оттаивать во-

круг лагеря, поднимается смрад от скопившихся нечистот. Единственный колодезь не может снабдить водой весь лагерь, для этого используется ручей, вода в котором бывает порой так загрязнена, что чай, сваренный из нее, отдает мылом и грязным бельем. На кладбище каждый день хоронят по нескольку человек. Люди, не привыкшие к здешнему климату, многие совсем плохо одеты, часто простуживаются, болеют. Уже начинаются заболевания заразными болезнями — тифом и дифтеритом, от последнего были уже смертные случаи. К весне все это грозит эпидемией. Но это пока еще ничего. Люди еще имеют кое-какие запасы пищи, еще не голодны и надеются на скорое возвращение. Но настроение такое: каждый думает и говорит, что если через неделю или две весь этот народ не разошлют в деревню и не дадут ему работы и хлеба, то с окончанием запасов, взятых из дому, всем придется помирать голодной смертью. Жаль смотреть на этот народ, который с отчаянием во взгляде валяется на нарах или шатается между бараков без пользы для себя и с единственным желанием поесть чего-нибудь. Люди шатаются возле костров с котелками, дров нет, многие остаются вовсе без вареной пищи. Дети толкаются возле печек, стараясь протиснуться поближе, толкают один другого, опекаются о горячее железо. Весь барак оглашается криком и плачем детей. Пусть это кулаки, хотя многие из них имели совершенно ничтожное, ниже середняцкого, состояние, пусть вредные элементы, хотя, правду сказать, многие попали сюда только из-за злых языков своих соседей, но все же это люди, а не скотина, и жить им приходится гораздо хуже, чем живет скотина у культурного хозяина. Не гонять весь этот народ сюда на верную гибель, лучше уж было уничтожить их на месте — и государству меньше забот и этим тысячам несчастных, участь которых решается без них, было бы облегчение в быстрой смерти, вместо голода и болезней. Пусть виноваты отцы, матери, деды, но за что страдают (дети)! Многие подростки оставили школы, где они учились и воспитывались, и теперь живут здесь без дела и науки. Люди начинают уже терять терпение: был уже случай самоубийства. Вообще оставлять этот народ долго в таком положении — это зверство, и я надеюсь, так же как эти тысячи выселенных сюда, на лагери будет обращено внимание и всему этому народу будет дано место, хлеб и работа в надлежащих условиях, чтобы они могли жить и приносить пользу государству, а не гибнуть в холодных грязных бараках в тесноте и бездействии. Все эти люди и так некультурны и темны, а здесь они совершенно превращаются в диких зверей. Человек не может оставаться человеком в таких условиях. Если эти люди и провинились когда-нибудь, то они уже достаточно наказаны. Они просят помилования, просят своих братьев дать им возможность если не вернуться на прежнее место, то хоть куда-нибудь на вольную высылку, куда-нибудь в местность, не слишком отличающуюся от их родной стороны, в местность, где бы можно было свободно приложить свой труд и прокормить себя и свои семьи.

Переселенец

(ЦГАОР СССР — ГАСПИ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 448. Л. 126—128; Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. С. 209—211)

Документ 6

[Письмо из Вологды М.И. Калинину]
1930 г.

Михаил Иванович, вы, может быть, до сих пор ничего не знаете, как сосланные кулаки из Украины, Курска и других мест на севере мучаются и переживают неслыханные издевательства над ними и над их детьми. Другие страдают совершенно невинно, но если есть и виновные, так дети тут ни при чём.

Начнем с начала. Отправляли их в ужасные морозы — грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство); потом выкидывали их из вагонов, как собак, а затем разместили в церквах и грязных холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи, во вшах и голоде, и здесь находятся тысячи детей, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания. Не удивительно, что ежедневно умирает по 50 чел. и больше (только в одной Вологде), и скоро цифра этих невинных детей будет пугать людей — она теперь уже превысила три тысячи.

Мы боремся за здоровое поколение, за будущих строителей социализма и в то же время детей бросаем заживо в могилу. Разве мы не знаем революционеров, которые происходили не только из крупных крестьян, но и из помещиков, дворян и т.д. Почему Вы не можете предположить, что эти милые дети будут здоровыми, крепкими и стойкими борцами за советскую власть и за строительство социализма. А мы этих детей, нашу здоровую смену уничтожаем беспощадным образом, не оглядываясь назад и не особенно всматриваясь вперед.

А если призадуматься серьезно, что будет от этого какая-нибудь польза? Если бы, прошедши через эти трупы детей, мы могли продвинуться ближе к социализму или к мировой революции, то тогда другое дело, ясно, что без жертв к социализму мы не придем, но в данном случае ни к какой цели не прийти.

Если виноваты родители, накажите их, если же невозможно детей оставить, сделайте высылку, но чтобы это безболезненно отразилось на детях.

В настоящее время в Вологде помещается 35 тыс. человек. Они находятся в ужасных условиях, благодаря чему дети беспощадно болеют опасными болезнями — оспой, скарлатиной, корью и умирают. На них никто не обращает внимания, не лечат и продолжают здоровых детей держать вместе с больными. Поэтому ничего не будет удивительного, если вы в скором времени услышите, что померли не только дети сосланных, но и все дети г. Вологды. Сейчас никаких мер к предотвращению заразных болезней не принимается и зараза распространяется быстрым темпом, а когда хватятся, будет слишком поздно, и тогда медицинскому персоналу не справиться. Вот как мы заботимся о нашей смене.

Михаил Иванович! Ведь все люди и зачем же с нами обращаются хуже, чем со щенятами? Чем обрекать на такие страдания, если они провинились, лучше пристрелить.

Если бы вы взглянули, если бы вы пожертвовали хотя 3 днями, оторвавшись от своей основной работы, вы бы убедились, что мы говорим правду.

Ведь это же настоящий террор. Что же будет дальше? Все это делается в свободной Советской стране.

Жители г. Вологды — рабочие и окружающие крестьяне возмущены такими неправильными действиями Правительства и скоро будут требовать: «Нормальные условия для жизни людей, в особенности детей».

У нас к Вам просьба — или же немедленно обсудите этот вопрос и выносите соответствующее постановление по данному вопросу, или, если Вы не знаете о создавшемся положении, — выезжайте в Вологду, не извещая об этом заранее местную власть, чтобы проверить факты.

На этом письмо заканчиваем и очень просим расследовать и на все это обратить внимание.

Отдельных подписей каждого мы не делаем, это не обязательно.

г. Вологда — группа рабочих и служащих

(ЦГАОР СССР — ГАСПИ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 448. Л. 66—68; Неизвестная Россия. XX век. — М., 1992. С. 206—208)

Документ 7

Из воспоминаний
Грязновой (Казьминой) Евгении Алексеевны
(спецпоселок Ичет-Ди Коми АССР)

...На Север мы приехали не по своей воле. Наша семья состояла из 7 человек. Родители: Алексей Васильевич, от роду папе было 29 лет, маме — Анастасии Акимовне — 30 лет, мне было 5,5 года, сестренке — 4,5 года и брату Аркадию — 1 год и 2 месяца. Мама была очень тяжело больна. Поэтому с нами добровольно поехали ее родители, мои бабушка и дедушка. Они умерли на второй год пребывания на Севере. В возрасте 15 лет умерла и наша сестричка, и они похоронены на кладбище, что на фотографии.

Сколько лишений и невзгод пришлось нам вынести, как свирепствовали цинга и еще «куриная слепота», которыми мы болели не только в детстве, но и в юношеском возрасте!

А сколько издевательств от комендантов претерпели! И все же часть из нас выжила, а большинство лежит в сырой земле. Первых умерших хоронили даже без гробов. А сколько молодых, умных, семейных и холостых ребят не вернулось с войны... Всем им вечная, светлая память от нас живых! <...>

Жили сначала в землянках (где были скотные дворы), а маму мою комендант поставил собирать по землянкам детей умерших родителей в так называемые «ясли». Им отвели первый построенный барак, там оказались дети от грудничков до 2-летнего возраста. Набралось около ста человек, а дети все прибывали. Помню, приходит к нам домой комендант (с пистолетом, конечно) и говорит: «Казьмина! Иди вот в такую-то землянку, там ползают двое детей по мертвой матери». Часто детей кормить было нечем,

и мама, что можно было унести из дома, уносила в ясли, для поддержки особо слабых. Сами тоже были голодные. Потом из этих яслей сделали детдом, а ясли были отдельно, и очень долго заведующей яслями была Клавдия Дмитриевна Калачева, мать Инны, Веры и Васи, умная, красивая, скромная и добрая женщина.

Помню, как в первые годы хоронили умерших от голода и цинги, без гробов. Были у нас два деда — Телегин и Новолокин. Они расстилали кусок рогожи, клали на нее покойника, завязывали концы рогожи узлами, продевали кол или палку, поднимали на плечи и уносили в общую яму, на погост. Зимой часто закапывали просто в снег, а весной оттаявшие трупы закапывали в землю.

В первые годы очень много плутали в тайге, умирали от отравлений незнакомыми грибами.

Вот однажды пошла в лес за ягодами тетя Феклуша Люкова, она была беременная и заблудилась. Искали ее две недели. Звонили в колокол, который повесили на столбе рядом с нашим вторым домом. Ходили по лесу целыми отрядами, но ее нигде не было. И только через две недели она сама вышла на берег Печоры около Кабла-ю, это в 35 километрах вниз по течению. Вся ободранная, худая до неузнаваемости, покусанная комарами и мошкарой. Пригрели ее коми, сообщили в поселок, а на следующий день она родила мальчика Васю Люкова.

Маму мою однажды посадили в каталажку за то, что ее сын Аркадий (ему было 5 лет) был «врагом народа». Мама работала уже дояркой.

Колокол на столбе извещал о начале и окончании работы, об обеде, пожаре и заблудившихся звал. Мой братишка в неположенное время забрался на пенек около столба, отвязал веревку и начал звонить в колокол. Это было в 10 утра. На нем была красная рубашонка, сшитая из красного флага, а флаг ей (матери. — *В.Б.*) дал завклубом Вишератин, тогда не из чего было шить, рубаха ниже колен, без штанов, на спине несмывавшаяся буква «П», как сейчас вижу. И вот бежит комендант с револьвером в руках и кричит: «Чей это ребенок?» Ему ответили: «Доярки Казьминой». Он врывается на скотный двор, арестовывает ее и в каталажку: «Ваш сын — "враг" народа, а ты — мать "врага"». Ну, она ночь там переночевала, а наутро отпустили по ходатайству. Она была хорошей дояркой. А мы всю ночь проплакали.

В поселке жила семья Бокаревых. Они очень рано лишились матери. У них трое или четверо детей. Младшему Алешке было 6 лет. Все тяготы жизни легли на плечи отца. С ним жили дочери-подростки — Феклуша и Саня. Чтобы не умереть с голода, мы, подростки, самодельными бреднями ловили мелкую рыбешку. И ели ее с кишками и костями. И Бокаревы девочки тоже наловили такой рыбки, сварили и начали есть. А отец (его звали «Дедом», он был молодой, но носил бороду) разделил хлеб и сказал: не дам хлеба, пока не съедите эту рыбу. А Алеше так захотелось хлебца, что он переел эту рыбу и умер за столом. Хоронил мальчика весь поселок, и все ругали «Деда». Он сделал себе маленькую лодку и написал на носу лодки: «Победа». А мальчики досужие ночью стерли две первые буквы и осталось: «Беда». Так на «Беде» он плавал и утонул...

Документ 8

Из воспоминаний
Кульченковой (Прохоровой) Анны Евдокимовны
(спецпоселок Ичет-Ди Коми АССР)

...Сестру Марию сразу послали на сплав. Брата Ивана (1916 года рождения) послали лес вывозить на строительство, ну а папу — на стройку. Мама у нас была больная, и нас еще было трое: я, сестра (1926 года) и брат (1924 года рождения). Папа сделал курень и жили кто как мог. Я пошла по нянькам в Дутово, но там тоже места не было. Как облава, так нас в поселок, немного времени спустя мы опять уходим в няньки. Там не я одна, жить-то всем охота. В 1932 году папу парализовало. Он лежит на нарах, и Грибков-дедушка лежит очень больной. Заходит комендант, сбрасывает их обоих с нар и гонит на работу, а они недвижимы и плачут, а мы тоже все плачем, а есть нету ничего, стоим, как скелеты, и помощи нет ниоткуда. Папа пролежал год, потом опять всех взяли на заготовку леса в Лемты — и папу, и маму, братьев Ваню и младшего Гришу, а мы остались. Я и младшая сестра Анна живем где как — с Глушко (дядей Ильей), у него тоже мать, отец, жена, дочь Настя умерли. Они двое с дочкой, и мы с сестрой, Коробова тетя Маша с двумя детьми. Дядя Ильюша приходит с работы и говорит Мане, что нашу тетку Лексу привезли из-под Дутово с поля чуть живую в больницу. Это уже 1933 год. Мы с сестрой в больницу пришли, а она уже на кровати действительно чуть живая. Было 18 августа. Она говорит мне с Маней: «Там в узелке на нарах лежит рубаха и юбка, потом на меня наденете».

А 19-го (августа) мы с сестрой пошли за ягодою, приходим, а дядя Ильюша говорит нам: «Тетка ваша умерла». Она поела на лугу недоспелой черемухи и, видно, на голодный желудок, и вот такие последствия. Дядя Ильюша потом говорит Мане: «Вот свечереет, и вы с Нюрой натаскайте досок, что лежат вместо тротуара по болоту до туалета, пооботрем, и я сделаю гробок». Хоронили уже всех без гробов. Так мы и сделали. Я пошла на конюшню, там конюх был дядя Вася Попов, запряг он мне двуколку-телегу. Подъехала я к дому, лошадь за повод веду. Положили гроб и поехали в больницу. Тетя Варя Кузнецова, сестра нашей Зины, Нины и Миши тетка, материна сестра (тетя) Аксютка Хабарова, (тетя) Шура Елумеева и все нам помогли. Я везу на могилку, а в детдоме у тетки был мальчик 5 лет, он мне навстречу бежит и плачет, я как обняла его и как начала голосить, как начала причитать и родных зову. И отца-мать зову своих и ее, все сбежались, кто слышал, все плачут навзрыд...

Дядя Ильюша выкопал могилу, и схоронили мы ее не в братской могиле, а около дорожки, на обочине. Мне дали полтора килограмма муки, и мы ее поминали оладьями, испеченными на плите, на воде умешаны. Пихта да крапива с щавелем все скулы проела. А потом мы опять с сестрой в Дутово пробираемся, там уж мы как приписаны — побираемся. Пришли и нас опять забрали в школу.

А в 1932 году этой же моей тетке пришлось отбывать в 5-м доме, недостроенном и холодном, за кишки от лошади. Лошадь сдохнет, ее обольют

бензином и на кладбище — зарывать, как только довезут до 3—4-го дома, тут выходят люди с ножами, топорами и всю растерзают. Тетке достались кишки и требуха. Она их вытряхнула и — в сумку, домой принесла и в чугунке варить поставила. И вот тебе — появился старший дома Жигулин Андрей Иванович. Чугунку в сумку, тетку за рукав и к коменданту. Трое суток просидела. Потом Гуляев Петр Емельянович стыдил Жигулина, как, мол, тебе не стыдно над своими людьми издеваться, не от добра она взяла... Это я все, мои золотые, помню как наяву, пишу и строчки не вижу.

До октября 1935 года пообитались, а 6 сентября мне исполнилось 16 лет. К тому числу приехала мама, а в октябре меня тоже послали на лесозаготовку. Нас было в бригаде где-то человек 12—15. Уже лед шел по Печоре. Нас к вечеру на баркасе перевезли через Печору, и мы пошли до Сойю пешком. Главным у нас был Тютин Даниил. До Сойю дошли, ночевали, а утром до Савинобора не дошли: на Печоре ледостав. Там, в Савиноборе, стояла баржа с грузом. Больше идти некуда, разошлись по деревням, кто где устроился. По полю картошку собирали, какая осталась после уборки, мерзлую, а потом, перед 7 ноября, с флагами по деревне, почти что босиком. Тогда праздники так почитали, будь ты хоть кто, но на праздник — с флагами. Грязь, слякоть, а мы с песнями: «Вставай, проклятьем заклейменный, Весь мир голодных и рабов!..».

Я опять пошла в няньки, место нашлось, а мама местным белье стирала, и сестренки около нее обитались. Потом все утряслось, дорогу пробили и нас на лошади везли 130 километров по занесенному пути. Какая там дорога, ехали от избушки до избушки, ночевали 3 ночи в охотничьей избушке, кто лежит, кто стоит, кто у кого на коленях, а назавтра опять в путь. Дошли мы до участка «Коммуна», а он там только открывался. Была там только баня — и то пока без печки, и сторож — Проваторов дядя Иван. Тут мы опять переночевали до утра, а утром до Кобла-Курьи, там 9 километров. Пришли, папа был на работе. Тут уж нам дали продукты: по 800 граммов хлеба, трески — по 500 граммов, сахару — по 300 граммов.

Папа пришел с работы, семья наша в сборе и на ужин есть что поесть, только не было старшей сестры, она с вашей Шурой в Усть-Цильме. А наутро приходит в барак мастер, раньше звали прораб, и нас всех распределил, кого на рубку, кого сучки обрубать, а меня на лошадку. С осени, бывало, заключаешь на лошадь договор, чтобы к весне вывезти 1000 кубов. Рассчитано на каждый день, сколько кубометров должен вывезти, но не каждый готов был справиться. У кого способностей нет, у кого лошадка не в силах, да и я-то была всю жизнь 44—45 килограммов весу, ну, конечно, я шустрая была, сперва-то очень тяжело было, а потом, медведя и то учат, пришлось привыкнуть. Я с 1936 года до 1945 (года) все в лесу, возила зимой, а летом на сплав и сенокос, и сено косила для лесопункта и потом и для себя. В 1940 году я вышла замуж. Сразу купили корову. Пошли дети. Мы жили с родителями моими, у мужа родителей не было. Мы с мужем в лес, а с детьми, их было потом 4, сидели родители. До войны мы работали, с нас спрашивали норму и самим надо было заработать, чтоб наготу прикрыть.

А в войну — тут уж не увильнешь. На 100 процентов — мало, 150 — мало, 200 — мало. Мужа на фронт не брали, был на брони, 3 раза были повестки с военкомата. В леспромхоз придет рассчитываться, а директор по столу кулаком и по телефону в военкомат: нам тоже рабочие нужны, у нас план! Мой муж все время говорил: «Да брали бы на фронт, что людям, то и мне, все равно тут покоя нет, все мало и мало». Но мы работали с ним вместе, и мы были пристроены, и мы в паре трудились. Если правду сказать, к труду приспособлены, со временем не считались и поздно приходили. Но только придем с работы поздно, рукавицы худые, штаны ватные между ног протерлись, да и чинить нечем, да и спать охота, завтра опять рано вставать, да и что худое все сырое. Вот так и было, это с нашего брата любой подтвердит.

Теперь о колхозе. Мужики на фронте, а ребятишки — ямщики, бабы на скотном дворе — кто дояркой, кто конюхом, кто телятницей, кто сено возит. В лес посылали ребятишек и девчонок. Они, бедные, и лошадей повернуть не в силах, особенно в мороз, да что там говорить... Нам обидно и жалко их, что так трудно (им) приходится. Да и лошади тоже слабые, корма досыта не хватало. Действительно, ад кромешный. Все перемешано, но все незабываемое. Наш народ, наше поколение все же привычно ко всему, скоро приспосабливается, к любому климату, хорошо или плохо — умеет переносить. Если нынешней молодежи такое, мне кажется, не вытерпит такое мучение. Я сама сейчас думаю: да это же невыносимо!..

§ 3. Жизнь в спецпоселке

Несмотря на постоянный приток новых этапов, общая численность «кулацкой ссылки» в первой половине 1930-х годов постоянно уменьшалась. Причины известны: высокая смертность и массовое бегство.

Как уже отмечалось, депортированные «бывшие кулаки» считались в первые годы неволи лишенными избирательных прав и официально числились «административно высланными».

В официальных документах (об этом мы тоже говорили) обитатели спецпоселков до 1934 года именовались «спецпереселенцами», с 1934-го по 1944-й год — «трудпоселенцами» (а места их вынужденного пребывания — «трудпоселками»). В 1944—1949 годах вновь вернулись к термину «спецпереселенцы», а с 1949 года окончательно установилось единое официальное клише — «спецпоселенцы».

Вспомним также, что к 1939 году примерно половина трудоспособных спецпереселенцев была приписана к промышленности и строительству, остальные (по четверти в каждом случае) работали в сельском хозяйстве и на лесозаготовках. Впрочем, это лишь самые общие цифры, их конкретный расклад варьируется в разных источниках и порой отличается кардинально.

Не лишним будет повторить, что из заработной платы спецпереселенцев регулярно удерживались определенные суммы. До августа 1931 года они составляли четверть заработка, затем (до февраля 1932 года) — 15 процентов, а позднее — 5 процентов. Все эти средства шли на содержание системы поселковых и районных комендатур, а также территориальных (республиканских, краевых и областных) органов управления спецпоселениями. Ну а эти орга-

ны подчинялись непосредственно ОТСП — отделу трудовых поселений (спецпоселений) — ГУЛАГа ОГПУ-НКВД СССР.

Даже 5-процентных отчислений из зарплаты спецпереселенцев с избытком хватало на содержание 150 районных и 800 поселковых комендатур. Штатный аппарат их был относительно невелик. Но за ним стояла вся гигантская машина репрессивной советской системы.

Комендатуры в трудпоселках (помимо исполнения своих специфических полицейско-охранительных функций) совмещали и полномочия других ветвей власти: административно-распорядительные (местных поселковых и сельских Советов), карательные (судов первой инстанции) и т.д. В их распоряжении имелись, по воспоминаниям очевидцев, собственные «места изоляции» («каталажки», «кондеи», «холодные дома» и т.п.) — для арестантов из числа провинившихся поселенцев, а также «штрафные команды», в которых водворенные туда единоличной волей коменданта работали «за палочки», то есть не получали зарплаты.

Спецпоселки строились в умозрительно (произвольно) выбранных при их планировании местах, очень часто — совершенно не подходящих для нормальной людской жизни, расположенных вдали от путей сообщения (железных дорог, сухопутных и водных магистралей). Согласно директивным нормативам, в таком спецпоселке должно было наличествовать не менее 20 и не более 80 отдельных домов.

Проще и дешевле всего оказалось сооружать примитивные бревенчатые бараки: себестоимость их была самой низкой. На первых порах они представляли собой полушалаши — с земляным полом, крышей из жердей и сплошными нарами. Ужасающий быт: грязь, скученность, отсутствие элементарных удобств — такая картина наблюдалась повсеместно, вплоть до середины 1930-х годов, и лишь затем в ней появились некоторые «улучшения». К тому времени в спецпоселках была наконец-то создана минимальная социально-бытовая инфраструктура: более или менее обустроенное жилье, магазины, медпункты, школы, клубы и т.п. Впрочем, в первую очередь в каждом из этих поселений возводилось все-таки здание комендатуры.

В сентябре 1938 года в трудпоселках имелись 1106 начальных, 370 неполных средних и 136 средних школ, а также 230 школ проф-

техобразования и 12 техникумов. Общее число обучающихся во всех перечисленных образовательных заведениях — 217 454. Насчитывалось 8280 учителей, из них 1104 являлись спецпоселенцами. Сетью дошкольных учреждений были охвачены 22 029 малолетних детей, с ними занимались 2749 воспитателей. 5472 ребенка, не имевшие родителей, содержались в поселковых детских домах.

Следует заметить, что грамотность обитателей спецпоселений была в общем выше, чем у крестьян в целом по стране. Объяснение тому весьма простое: выход из угнетенного положения для своих детей многие поселенцы видели в их серьезной учебе и поэтому стремились дать им максимально возможное образование в местах ссылки, а затем и продолжить его. И надо сказать, что делали они это, как правило, гораздо целеустремленнее, чем их сотоварищи по сословию, оставшиеся «на воле».

Кстати говоря, постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 года «О школах в трудпоселках» разрешалось поселенческих детей, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие средние специальные учебные заведения, а окончивших среднюю школу — допускать на общих основаниях в вузы.

В трудпоселках имелось также: клубов — 813, изб-читален и «красных уголков» — 1202, кинопередвижек — 440, библиотек — 1149. Клубы, избы-читальни, «красные уголки» здесь должны были «ликвидировать неграмотность», проводить «лекционную пропаганду», «культурно-массовые мероприятия» (слеты передовиков производства, праздники, посвященные «красным» датам и юбилеям, и т.п.), а также «помогать коменданту путем мобилизации (спецпереселенцев) на выполнение качественных показателей работы».

Выписывалось, как правило, по 15—20 экземпляров газет и журналов на избу-читальню каждого спецпоселка. Каждая библиотека насчитывала по 100—200 книг. Но художественной литературы почти не было. В основном это были политические, антирелигиозные или специальные издания.

Вся система «работы с людьми» в спецпоселениях: политико-воспитательная, образовательная, культурно-просветительная — находилась под жестким идеологическим прессом ОГПУ-НКВД.

Это находило свое конкретное выражение, скажем, в требованиях заменить в школах учителей-спецпереселенцев на «вольных»

педагогов, «отвоевать» детей у родителей из «последнего живого паразитического класса». В том же ряду — запрет на организацию в спецпоселенческих школах пионерских отрядов, военных кружков, ячеек ОСОАВИАХИМа, МОПРа и т.п. Выпуск стенных газет допускался лишь под контролем комендантов. Даже деятельность драмкружков (там, где они были) жестко регламентировалась.

В 1930-е годы — в небольших размерах, но постоянно — шел и процесс освобождения из «кулацкой» ссылки «неправильно» репрессированных. Ведь «под горячую руку» в переселенческие эшелоны попадали не только «кулаки», но и рабочие, сельские «активисты» и даже иностранные граждане.

Только в связи с этими причинами в 1934—1938 годах из ссылки были освобождены 31 515 человек. Еще 33565 поселенцев переданы на иждивение — это «актированные» инвалиды, отправленные домой умирать. Снимались с учета («освобождались») также вступившие в законный брак с «нетрудпоселенцами», направленные на учебу и (строго в «индивидуальном порядке») некоторые другие категории депортированных. Однако для основной массы «бывших кулаков» их правовое и материальное положение практически не менялось.

В 1934 году части спецпоселенцев начали возвращать избирательные права. Постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 года предоставило «бывшим кулакам» и некоторые другие гражданские права. Но отнюдь не все. Так, право свободного передвижения, выезда из «территорий обязательного поселения», выбора места жительства и работы — спецпоселенцы не получили никогда.

Такую возможность открывало только снятие с учета спецпоселения, то есть полное освобождение.

Постоянной и одной из самых острых оставалась проблема продовольственного обеспечения ссыльных. Решалась она, впрочем, также с «позиций классовой борьбы». Для спецпереселенческих сельхозартелей выделялись, по негласному правилу, заведомо худшие, трудноосваиваемые земли — болота, бывшие лесные вырубки и прочие неудобья.

К 1 января 1938 года трудпоселенцам выделили для сельхозработ более 3 000 000 гектаров земельных угодий, из коих: лишь немногим более 1 100 000 гектаров — пахотопригодных, около 290 000 гектаров — сенокосов, около 600 000 гектаров — пастбищ, около

45 000 гектаров — усадебных земель и около 1 000 000 гектаров лесов и прочих «залежей и пустошей».

В основном — это земли в Западной Сибири (Нарымский край) и (в значительно меньшей мере) — на европейском Севере (Архангельская область). Выделялись такие угодья также на севере Омской области и на Дальнем Востоке.

Чтобы поднять их — раскорчевать, осушить, распахать, по минимуму обработать — требовалось огромное количество труда. Урожайность же на этих землях оставалась низкой, да и не могла быть иной. А поскольку чаще всего на работу в сельском хозяйстве отправляли наименее трудоспособные семьи, то и эти убогие урожаи требовали сверхусилий от подневольных землеробов, забирая у них остатки жизненной энергии.

Тем не менее спецпоселенцами за годы ссылки подняты более 214 000 гектаров целинных земель Северного Казахстана. Их трудом проложены дороги в таежных болотах Нарыма, в лесах Северного края (Архангельск, Вологда, Коми), в горах Урала.

Всего же к началу 1938 года в стране имелись 1058 неуставных трудпоселенческих сельхозартелей (создавать уставные артели переселенцы пока не имели права), где жили 429 670 человек, из коих лишь 73 654 трудоспособных (взрослых).

В 1938 году на спецпоселениях имелись также (преимущественно — на Севере) кустарно-промысловые артели: общее их число — 141, количество работников — 8181 человек.

Постановлением Совнаркома СССР от 9 сентября 1939 года «О переводе неуставных сельхозартелей трудпоселенцев на устав артелей» все эти производственные «спецсообщества» были, наконец, формально приравнены в своих основных функциональных правах к соответствующим «вольногражданским» хозяйственным структурам (колхозам и промартелям).

Как особое достижение официальная статистика (1937 год) выделяет то обстоятельство, что «сельхозартели спецссылки обслуживают 24 машинно-тракторные станции, имеющие около 1000 тракторов, 100 комбайнов и 200 автомашин». Хотя ни для кого не было секретом, что в этих артелях (как и во всем сельском хозяйстве страны) безоговорочно преобладал самый примитивный, тяжелый ручной крестьянский труд.

Собственное сельхозпроизводство должно было, по замыслу властей, помочь в обеспечении всей ссылки продовольствием.

Реальные же результаты «аграрного сектора» системы спецпоселений отнюдь не соответствовали этим прожектерским намерениям.

В 1937 году в сельских спецпоселениях собрали около 300 000 тонн зерна, 168 000 тонн картофеля, 400 000 тонн сена... Цифры, мягко говоря, невеликие. Да и стоило ли ожидать другого, насаждая земледелие на границе вечной мерзлоты (Нарым) или в полупустынях (Казахстан, Средняя Азия)?.. Кстати, примерно на такой же площади сельхозугодий (чуть более 2 300 000 гектаров) и при скудной урожайности (зерновые — около 10 центнеров, картофель — 95 центнеров, сено — не более 12 центнеров с гектара) в предвоенные годы в Кировской области производилось до 1 700 000 зерна, 500 000 картофеля и 1 100 000 тонн сена (См.: Народное хозяйство Кировской области. Статистический сборник. — Горький, 1971. С. 53, 63—65).

Были, как уже отмечалось, редкие примеры относительно «процветающих» поселенческих сельхозартелей. В одной из них (Ширяевский трудпоселок Куйбышевской области) даже в военном 1942 году имелись 46 лошадей, 112 коров, 130 свиней, 230 овец и 375 кур, а кроме этого — пасека в 100 пчелосемей, мельница и сапожная мастерская. Трудились в этой артели 126 человек, из которых 92 — моложе 55 лет. Все они выработали минимум трудодней и выполнили план госпоставки. Необычно велика здесь для военного лихолетья (в отличие от всей округи) и выдача на один трудодень: денег — 12 рублей, зерна — 1 килограмм, овощей — 5 килограммов, картофеля — 2,5 килограмма, молока — 250 граммов.

Для сравнения: в соседнем трудпоселке рабочие получали тогда по карточкам 600 граммов хлеба на день, служащие — 400 граммов, иждивенцы — 300 граммов.

Но даже весьма нечастые случаи зыбкого благополучия «кулацких» сельхозартелей скорее озадачивали, чем удовлетворяли «опекавшие» ссылку чекистские «органы». Показательно, что при их массовой чистке в годы большого террора некоторым из «врагов народа», выявленным среди бывших руководителей НКВД, как раз и ставилось в вину «быстрое обогащение спецпереселенцев».

Так, в феврале 1939 года в докладной записке отдела трудпоселений ГУЛАГа НКВД СССР в ЦК ВКП(б) утверждалось: «...У руководства работой по кулацкой ссылке долгое время находились враги народа (Коган, Молчанов, Берман, Плинер, Фирин, Закарь-

ян, Вишневский и др.). Вредительство проводилось по следующим направлениям:

...Высланные кулаки ставились в привилегированное положение по сравнению с окружающими колхозами. Проводилась политика нового окулачивания трудпоселенцев за счет государства. По представлению врагов народа, орудовавших в НКВД, трудпоселенцы освобождались от госпоставок, налогов и сборов, им пролонгировались и вовсе списывались ссуды уже тогда, когда трудпоселки не только хозяйственно окрепли, но и по своему хозяйственному уровню стояли выше окружающих колхозов...» (3)

В этих гулаговских выкладках все постановлено, что называется, «с ног на голову», факты интерпретируются с «достоверностью до наоборот». В действительности же на фоне всеобщей колхозной нищеты сельские артели переселенцев выглядели еще более убогими — ведь они обязаны были сдавать государству почти всю производимую ими продукцию.

Лишь очень немногие «спецартели» на Дальнем Востоке жили (по понятиям тех лет) более или менее зажиточно — пользуясь удаленностью от «центра», имея в хозяйствах лошадей и коров, активно занимаясь охотничьим промыслом. Но и здесь, по указаниям «сверху», ужесточался фискальный режим и увеличивались госпоставки.

Дабы избежать массового голода (подобного тому, что имел место в начале 1930-х годов), семьям спецпоселенцев предоставляли примерно по 10 соток земли для огородничества и по половине гектара угодий для сенокосов. Заметим, что огородные участки выделялись всем переселенцам, в том числе — проживавшим в промышленных зонах, работавшим на стройках, в шахтах и т.п. Кормиться овощами и картофелем с собственного огорода, иметь какую-то живность (коз, поросят, кур) — стало нормой для депортированных, их потомков, да и для значительной части всего остального населения страны. Выжить без этого было очень сложно в советские времена. Отнюдь не просто и поныне... Вынужденное «аграрное самообслуживание» десятков миллионов людей — и на селе, и в городах — одно из хронических болезненных наследий минувшей эпохи. До 1 января 1934 года спецпоселенцы действительно были освобождены от всех налогов, но затем исполняли обязательные безвозвратные платежи на общих основаниях, а так-

же погашали те ссуды, кои государство отпустило для их «обустройства» на новых местах. Условно говоря, арестант обязан был сам оплачивать свое содержание в неволе — охрану, транспортировку, тюремный паек и т.д., что присуще самым примитивным формам государственного устройства.

«Бывшие кулаки» по-прежнему считались «социально опасным элементом», и в мае 1940 года приказом НКВД СССР № 001519 было предписано все трудпоселки, находившиеся в 5-километровой зоне вдоль железных дорог, переместить (вместе с их обитателями, разумеется) за пределы этой зоны. Однако сделать это удалось не везде. Требовалось передислоцировать 250 трудпоселков (93 749 семей, или 349 715 человек). Перемещено же (на 15 декабря 1940 года) было лишь 19 поселков. Нереальность поставленной задачи становилась очевидной еще и потому, что, по сообщениям ряда территориальных органов НКВД, «в некоторых предприятиях и новостройках трудпоселенцы, подлежащие переселению, составляют основную рабочую силу этих предприятий и снятие их с работы оставит предприятия без рабочей силы».

Важная задача спецкомендатур перед войной — оформление личных дел трудпоселенцев. На сей счет 28 июня 1939 года было дано особое указание НКВД СССР. Но даже на 1 января 1940 года оставались неоформленными личные дела на 92 324 семьи, то есть для содержания десятков тысяч людей в «местах обязательного поселения» не имелось никаких документальных оснований.

Правда, из мест выселения постепенно поступали затребованные спецкомендатурами «справки», и к 1 декабря 1940 года на 258 292 семьи трудпоселенцев (965 990 человек) были «оформлены» уже 259 225 личных дел. Однако шестьдесят с лишним тысяч семей по-прежнему находились в трудссылке без нормативно-документального оформления, попросту говоря — противозаконно. Но в те, как и в другие советские времена, это не представлялось чем-то из ряда вон выходящим: действовала — со всей своей свирепостью — человеконенавистническая логика революционной целесообразности, а у нее, как известно, свои счеты с пресловутыми «предрассудками буржуазного права»...

В нижеследующем приложении представлены география расселения и структура трудового использования поселенцев. Картину они дают достаточно полную и не требуют обширных дополнительных комментариев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 8
География расселения трудпоселенцев и дислокация трудпоселков на 1 июля 1938 года
(по В.Н. Земскову)

Регионы	Численность		Среднее число трудпоселенцев на один трудпоселок
	Человек	Трудпоселков	
Новосибирская область	195523	517	378
Свердловская область	171899	243	707
Карагандинская область	91297	30	3043
Красноярский край	58863	120	490
Челябинская область	57337	40	1433
Ставропольский край	45531	10	4533
Омская область	44378	113	393
Архангельская область	39031	82	476
Южный Казахстан	34453	61	565
Иркутская область	32211	42	767
Дальневосточный край	29276	128	229
Белбалткомбинат НКВД (Карелия)	29181	21	1390
Ленинградская область	23131	9	2570
Читинская область	22745	73	312
Коми АССР	20172	37	545
Узбекская ССР	14307	13	1100
Башкирская АССР	12624	13	971
Киргизская ССР	11845	26	456
Вологодская область	9606	45	213
Таджикская ССР	9052	17	532
Северо-Казахстанская область	8905	9	989
Кировская область	7790	8	974
Украинская ССР	7470	44	170
Карельская АССР	6167	2	3083
Якутская АССР	3988	8	498
Куйбышевская область	3287	4	822
Алтайский край	2783	18	155
Оренбургская область	2532	3	844
Бурят-Монгольская АССР	1945	5	389
Итого по РСФСР	**820000**	**1541**	**532**
Казахстан	134655	100	1347
Другие союзные республики	42674	100	427
Всего по СССР	**997329**	**1741**	**573**

Как видим, Сибирь и Урал остаются в конце 1930-х годов «лидерами» среди мест расселения депортированных.

Документ 9

Трудовое использование трудпоселенцев
по наркоматам, ведомствам и организациям
на 1 апреля 1941 года
(по В.Н. Земскову)

Наркоматы	Всего трудпоселенцев	Число трудоспособных	Из них занято на работах
Сельхозартели трудпоселенцев	267127	116902	100915
Угольная промышленность	138036	52888	45469
Лесная промышленность	131329	59797	53495
Цветная металлургия	84779	36332	28446
Черная металлургия	63194	21704	20476
НКВД	31812	17390	16264
Наркомат земледелия	28451	15002	13885
Наркомат совхозов	26895	11747	10139
Строительство	21573	8242	6720
Местная промышленность	21061	9791	8984
Химическая промышленность	19708	7786	7505
Рыбная промышленность	11929	5381	4400
Целлюлозно-бумажная промышленность	11767	4204	4104
Промышленность стройматериалов	10228	4258	3895
Наркомат электростанций	10055	4024	3669
Кустпромартели	8991	4258	3668
Пищевая промышленность	8540	4433	3694
Речной флот	6388	4197	3747
Коммунальное хозяйство	6165	2550	2365
Наркомпрос	6084	3534	2963
Здравоохранение	5896	3718	3449
Внуторг	5652	2913	2361
Среднее машиностроение	4692	2139	1984
Авиационная промышленность	3236	1222	1222
Райсоветы	2005	1049	918
Собес	1416	30	30
Легкая промышленность	1374	536	502
Промышленность боеприпасов	1328	560	560
Управление промкооперации при Совнаркоме СССР	866	290	284

Продолжение таблицы

Наркоматы	Всего трудпоселенцев	Число трудоспособных	Из них занято на работах
Промышленность вооружения	712	377	325
Текстильная промышленность	639	259	248
Мясо-молочная промышленность	541	278	243
Центросоюз	537	292	289
Наркомат заготовок	523	281	268
Связь	495	297	249
Главное управление Северного морского пути (ГУСМП)	490	224	217
Тяжелое машиностроение	287	157	143
Исполкомы	229	111	108
Наркомат путей сообщения	209	162	161
Нефтяная промышленность	310	128	106
Наркомат финансов	45	29	23
Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР	35	17	13
Наркомат юстиции	5	3	3
Некооперированное население, занятое в сельском хозяйстве	2563	1195	876
Разные мелкие организации	11831	5415	4322
Итого	**960133**	**416121**	**363725**

Таким образом, сельское хозяйство, угольная и лесная промышленность, а также цветная и черная металлургия — вот основные отрасли применения труда спецпереселенцев перед войной.

§ 4. Дело беглого кулака

В начале 1930-х годов бегство из ссылки было совсем не безнадежным делом для многих тысяч «раскулаченных». В сумятице «великих строек социализма» с места сдвинулись миллионы людей, и в этой фантасмагорической толчее и неразберихе не так уж сложно было спрятаться, раствориться, затеряться.

Но потаенной и заветной мечтой большинства принудительных «мигрантов» было возвращение на «малую родину», в отчие места. А в этом везло далеко не всем. «Органы» не дремали и без устали отлавливали толпы подозрительно оборванных людей, пробиравшихся с Севера и из Сибири в более теплые края, не имея при этом каких-либо «разрешительных бумаг» (личных документов, «освободительных» справок и т.п.).

Побеги, хотя и не столь массовые, как в 1930—1934 годах, продолжались на протяжении всего периода существования «кулацкой ссылки». Число их существенно снизил лишь Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, который, как известно, сулил беглецам 20 лет каторги. Результаты не замедлили сказаться: если в 1948 году бежали 6863 спецпоселенца, то в 1949 году — уже только 1723.

Центральное руководство системой спецпоселений уже в самом начале «раскулачивания» рекомендовало создать на местах мощную антипобеговую структуру, для чего предписывалось:

«...1. Определить пункты, через которые в большинстве проходят беглецы.

2. В важнейших пунктах необходимо организовать пешие и конные заставы, оперативные группы (оружие применять только в самых крайних случаях).

3. В поселках необходимо наладить специальную сеть из спецпереселенцев с таким расчетом, чтобы обеспечить выявление подготовок к побегам спецпереселенцев.

4. Насаждение сети (через РУП) производить также среди окружающего вольного населения с тем, чтобы устанавливать беглецов, их маршруты, укрывателей и т.д.

Связать эту сеть с опергруппами, заставами.

5. Организовать активные группы содействия из партийцев, комсомольцев и советского актива для задержания беглецов и оказания вооруженной поддержки в нужных случаях.

6. Установить тесную связь с партийными организациями, сельсоветами, милицией для успешной борьбы с побегами.

7. На работах, как правило, установить ответственность десятников и бригадиров за побеги спецпереселенцев.

8. Поселок разбить на кварталы, назначив квартальных старшин (или уполномоченных) из спецпереселенцев, коим вменить в обязанность вести учет живущих в домах, уходящих и приходящих с работ спецпереселенцев.

9. Закрепив за определенными домами определенные семьи, производить систематическую проверку наличия спецпереселенцев в поселках.

10. Привлечь к активной борьбе с побегами молодежь, порвавшую связь с контрреволюционной частью кулачества и проявившую себя с положительной стороны...»

Как водится, что-то из этого «идеального» плана удалось реализовать, а многое так и осталось лишь на бумаге.

Тем не менее созданная еще в 1930-е годы «противопобеговая сеть» в своих основных составляющих дожила до конца функционирования системы спецпоселений. Благодаря этой «сети», большинство бежавших удавалось-таки задерживать: в 1941—1949 годах из 85 985 человек, «самовольно покинувших места обязательного поселения», были вновь возвращены в эти самые «места» — 78 620, или 91,4 процента.

Самыми эффективными «помощниками» комендантов в «борьбе с побегами» были их «тайные информаторы» — осведомители-стукачи, доносившие о намерениях «побегушников» уже на самой ранней стадии их «злонамеренного умысла». Не оставались в стороне и «активисты» — «старшины-смотрящие» бараков, десятидворок и т.п., которые должны были не только (в случае необходимости) под началом руководства и оперсостава комендатур самым

непосредственным образом участвовать в розыске и задержании беглецов, но и лично отвечали за «оседлость» вверенного их попечению «спецнаселения».

«Противопобеговая сеть» включала в себя и «вольных» жителей близлежащей округи, которых «органы» не скупясь «стимулировали» (и морально, и материально) за поимку беглецов. Основу же этой «сети» составляли оперативные посты — заставы из сотрудников ОГПУ-НКВД — на наиболее важных противопобеговых участках: узловых пересечениях транспортных коммуникаций, в «преддверии» населенных пунктов (вокзалы, порты) и так далее.

Судьба тех, кто оказывался в тенетах этой «сети», была, мягко говоря, незавидной.

* * *

Обратимся к материалам сохранившегося в архиве личного дела, которое составлено на одного из таких беглецов-неудачников — времен массового самовольного «исхода» из «кулацкой ссылки». Итак: Акимов Михаил Артемович, 1912 года рождения, выселен в 1931 году вместе с семьей из родных мест — хутора Чеботовки Ростовской области — в спецпоселок Горевка Неренского района Уральской области. Кстати, дело скомплектовано очень неряшливо: в середине его вшиты документы на другого спецпереселенца — некоего «бывшего кулака» из Татарии...

Открывается же дело Акимова М.А. постановлением о направлении в спецпоселок. Бланк постановления отпечатан в типографии: поскольку задержанных беглецов было немало, таким нехитрым способом территориальное руководство органов ОГПУ пыталось, видимо, несколько облегчить своим уполномоченным на местах их непростые задачи.

Из сего документа следует, что «9 апреля 1934 года уполномоченный ОГПУ по Зуевскому району Горьковского края ... рассмотрел материалы на бежавшего из спецпоселка Горевка Акимова М.А., подтверждающие, что подследственный был действительно выселен в 1931 году», и постановил: «...На основании приказа ОГПУ № 00315 от 09.1933 г. (так в оригинале документа. — *В.Б.*) гражданина Акимова М.А. направить этапом в ближайший спецпоселок Омутнинского района Горьковского Края. Всего в количестве 1 человек, о чем сообщить в отдел спецпереселенцев ПП (полномочного представительства. — *В.Б.*) ОГПУ Горьковского края для запроса личного дела из спецпоселка, откуда он бежал, и сообщения в ПП ОГПУ — с территории которого он выселен...»

Заметим, что личное дело М.А. Акимова на его новое место жительства (в Омутнинский район) из спецпоселка Горевки так и не прибыло. Вполне возможно, что такового «дела» в Горевке попросту не было: «не успели оформить» за три года пребывания там семьи Акимовых...

Прошагал Михаил от Урала до небольшой вятской железнодорожной станции Зуевка более 1000 километров, но до родины — Ростовской области — оставалось куда больше.

Протоколом допроса неудачливого беглеца зафиксированы его подробные и почти искренние показания о себе: «сын кулака», «выселен с отцом и братом», «русский», «холост», «в Горевке работал на лесозаготовках рабочим», «родители умерли», «брат неизвестно где», «грамотный, образование — 2 класса школы», «беспартийный», «не судим»...

По существу дела Михаил показал: «В 1931 году меня, отца и все семейство выслали как кулаков в Уральскую область, пос. Горевка, где я и работал вместе со своим отцом на лесозаготовках. Отец и мать умерли в 1933 году, и я остался один. Работал на лесозаготовках до 1934 года.

В 1934 году в январе месяце я убежал с поселка Горевка, не спрашивая об этом никого. Убежал я потому, что хотел уехать домой на свою родину, так как получал письма от товарища Бонадорова Василия Дмитриевича, что дома хорошо и меня примут в колхоз. А потому я решил убежать, что и сделал. Через некоторое время меня поймали на станции Соликамск и направили в город Свердловск, в Чусовую — на поселок, который я не знал. С поселка я опять убежал и меня, в настоящее время, поймали на станции Зуевка. Больше по существу дела показать не могу...»

Три месяца Михаил находился в «бегах», но на родину так и не попал. Другим (и многим) беглецам везло больше, а от него удача отвернулась. Из последующих материалов личного дела спецпереселенца М.А. Акимова явствует, что он остался-таки (и надолго) в спецпоселке Омутнинского района, именно там, судя по всему, нашел себе жену — Анну Павловну, 1914 года рождения, здесь же в 1937 году родился его сын — Алексей Михайлович.

Можно предположить, что в годы войны Михаил Акимов, как и многие другие «бывшие кулаки», попал на фронт, где защищал свою Советскую Родину от реального, а не вымышленного супостата. В спецпоселок уже не вернулся: по всей видимости, сгинул в военном лихолетьи...

К личному делу М.А. Акимова приобщен потрясающий документ — заявление его матери, бежавшей, как и он сам, из ссылки, но, в отличие от сына, сумевшей добраться до родных мест. Как мы знаем, сведения о ней Михаил на допросе исказил, назвав ее умершей.

Документ 10

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
Михаилу Ивановичу Калинину

Уважаемый и всеми любимый Михаил Иванович!

Тысячу раз простите меня за мое беспокойство, но я решила написать и побеспокоить Вас, так как уверена в том, что Вы мне ответите точно и успокоите меня на старости лет.

Я, колхозница Дарья Даниловна Акимова, колхоза имени Сталина Чеботовского с/с Тарасовского района Ростовской области, вместе со своим мужем Артемом Михайловичем была сослана в 1931 году на Урал, а вместе с нами поехали и наши дети: сын Михаил Артемович, которому было тогда 19 лет, и дочь Стефанида 13 лет.

Все имущество, принадлежащее нам, было забрано. Муж мой на ссылке умер в 1933 году, а я вместе с нетрудоспособной дочерью в 1933 году приехала на родину, потому что я по своим годам уже считалась нетрудоспособной. Сын Акимов Михаил Артемович остался на ссылке один и вот уже десять лет — находится в Кировской области Омутнинском районе Гниловском руднике, поселке № 5.

До сего времени его не отпускают, а ведь ссылали нас только родителей, а дочь и сын поехали с нами, так как не с кем им было оставаться дома.

Мне сейчас как матери старухе необходима помощь, т.к. мне 66 лет, нет мужа и нет ничего из хозяйства. Помочь мне может только мой сын Михаил, которому страшно хочется вернуться на родину и жить вместе со своей матерью.

Убедительно прошу Вас Михаил Иванович дать мне совет и наставление о том, что может ли мой сын вернуться к себе на родину, чтобы жить вместе со мной, матерью его старухой. Как и куда нужно об этом написать? Еще раз прошу дать мне совет.

27.01.41 г. С приветом Акимова

Далее несчастная мать указывает свой адрес — на хуторе, где она жила в семье дочери. И это сыграло роковую роль. «Органы» сработали оперативно, разобрались «конкретно и принципиально»: делу был дан ход, из Тарасовского райисполкома затребованы соответствующие «сведения». Из поступившей оттуда стандартной справки следовало, что Акимов М.А. «действительно выселен» — как «член семьи кулака». На основании этого в НКВД СССР дела-

ют вывод: тот, за кого ходатайствует заявительница, «выселен правильно».

А вот относительно самой просительницы начальнику Тарасовского райотдела НКВД из «центра» пришел особый циркуляр. Он гласил: «...В порядке приказа НКВД СССР и прокурора Союза ССР от 09.01.1941 года № 0041 п. 8 просим принять соответствующие меры к бежавшей с высылки т/поселенке Акимовой Дарье Даниловне, которая проживает в хуторе Чеботовка у Беляевой Ефросинии Артемовны. На трудпоселке № 5 Омутнинского района Кировской области содержится сын ее Акимов Михаил Артемович, 1912 года рождения, куда и просим обязать ее явкой».

Времени для того, чтобы исполнить это указание и выселить по-матерински сердобольную и по-деревенски наивную женщину, у «органов» до начала войны вполне хватило. Еще одно — из бесчисленного множества ему подобных — удручающее свидетельство бессмысленной жестокости, возведенной сталинским руководством в государственный масштаб... 30 августа 1947 года комендант спецкомендатуры Омутнинского районного отдела МВД младший лейтенант Иватунов рассмотрел личное дело № 858 на «бывшего кулака» Акимова Михаила Артемовича и нашел: «...В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 2598—802сс от 21.07.1947 года и приказа МВД СССР № 00803 от 28.06.1947 года спецпереселенцы бывшие кулаки, расселенные на территории Кировской области, освобождаются, а потому постановил: ... личное дело № 858 сдать на хранение в архив».

От сотен тысяч людей, подобно Михаилу Акимову и его матери размолотых в прах свирепой сталинско-советской системой страха и подавления, не осталось ничего — кроме нескольких листочков серой казенно-гулаговской бумаги...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

1. СУДЬБА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА

(по семейным воспоминаниям, составил В.И. Пеплов)

Николай Иванович Киселев родился в 1919 году на юге Вятской губернии, в богатом селе Сердеж. Семья была большой и трудолюбивой. Под одной крышей жили с дедушкой и бабушкой два брата с женами и детьми. В семье Николая было четверо детей. Жили мирно и вели свое хозяйство.

В 1931 году их разорили и всех, кроме бабушки и дедушки, выслали на Север: в Архангельскую область, за станцию Коноша — на берег огромного озера, окруженного дремучим лесом.

Эшелоны с высланными шли через станцию Буй. И где-то вскоре после этой дороги, в июне 1931 года, один переселенец — попутчик из этапного вагона, где ютилась и семья Кармановых, — сочинил на мотив знаменитых тогда «Кирпичиков» свою бесхитростную песню о перенесенных «лишенцами» в пути на Север нечеловеческих страданиях. Ее сразу же запомнили, а многие стали петь. Вот текст, который врезался в память 12-летнему мальчику — Коле Киселеву:

Ни «Кирпичики», ни «Чугунчики»
По России теперь не поют,
А поют теперь песню грустную —
Как «лишенцев» на Север везут.
Их везут туда эшелонами,
И над ними поставлен конвой.
А вагоны все полны стонами,
Переносятся в вопли порой.
Это делалось не совсем давно —
В девятьсот тридцать первом году.
А в народе тогда миру не было,
Люди счастьем считали вражду.
Началася вражда с революции:
Разгромили буржуев сперва,
А потом стали нас раскулачивать —
Не крестьянская жизнь, а беда.
Обвинили нас в том, что все нажито
Не с своих непосильных трудов,
И судили нас, как преступников,
Как вредителей злых и врагов.
Так везли нас прямо до Коноши,
Где сменили толкач-паровоз.
Услыхали свисточек пронзительный —
Он на Вельскую ветку повез.
Много умерло нас тут с голоду,
Да и все остальные умрут...
Но придет пора — люди вздумают,
Что ошибочно, братцы, мы тут!

Скажут новые всем начальники,
Что «мы зря их послали страдать».
И вернуть бы нас — только поздно уж,
Из сырой нас земли не поднять...

На Вельской ветке переселенцев высаживали из эшелона в глухой тайге — партиями через каждые 15—20 километров. Киселевым повезло. Их высадили на берегу большого озера, где стояли старые лесохозяйственные конюшни. Переселенцы вычистили навоз, набросали на пол соломы и таким образом устроились на жилье.

Позже возвели бараки — с нарами в два яруса. В каждом бараке — одна большая печь для приготовления пищи. Все наставят туда «чугунков» — так свой еле-еле и найдешь. Спецпереселенцы работали в лесу: заготавливали бревна для строительства поселка и готовили «балансы» из хвойных деревьев — ошкуренные чурки длиной чуть больше метра. Их затем отправляли в Архангельск, на бумкомбинат.

Выстроили за лето большой спецпоселок, назвали его Коношеозерск. Продукты выдавали на полмесяца, и их всегда не хватало. Вскоре, к зиме, начался настоящий голод, а затем — эпидемия брюшного тифа.

Люди умирали десятками, а оставшиеся стали разбегаться кто куда. «Колюшка, — сказал сыну отец, — беги домой, к бабушке и дедушке. Иначе тут умрешь вместе с нами». Денег нет, положили мальцу в котомку ковригу хлеба и пару лаптей. Перекрестил его отец и отправил с родительским благословением. Добравшись до железнодорожной станции, 12-летний Николка залез под сиденье в пассажирский вагон. А чтоб не заметили, загородил себя котомкой. Контролер, впрочем, все-таки вскоре обнаружил и высадил «зайца».

Что делать? Хлеба нет, на вокзале холодно. Пошел мальчик по домам — просить милостыню. Бесполезно, никто ничего не дает: «У самих нет — сами еле кормимся».

Сел на следующий поезд и кое-как добрался до Пижмы. Снова шел пешком — от деревни к деревне. Где и пустят на ночлег, подадут кусочек хлеба или картофелину — где и нет.

У бедных и кормить нечем, и положить некуда. А богатых вроде бы как и не стало. Еле упросился в одном селе пустить его в дом покрепче, с колокольчиком у двери. Когда пришли хозяева из бани, ему второй раз повезло. Хозяин оказался хорошо знаком с его де-

дом. «Будешь гостем», — сказали мальчику. Накормили его досыта хлебом с холодцом. А на следующий день дали в дорогу пять конриг ячменного хлеба. Опять дорога — но настроение приподнятое. Скоро родной дом, а за плечами — пять ярушников.

Вот и родное село. Подходит Коля к дому и видит — дедушка стоит возле ворот. Сердце так и екнуло: словно специально вышел встречать. Со слезами бросился внук к деду, а тот и сам заплакал: «Колюнечка, ты ли это? Ой-ей-ей!»

Возвращение состоялось. На лето дед устроил внука на работу подпаском — в соседнюю деревню (чтоб глаза не мозолил соседям). За лето заработал мальчик 150 рублей и 12 пудов хлеба. Большое дело по тем временам. Вскоре из ссылки убежали сестры Ольга и Юлия, брат Виктор с матерью, Анисьей Федоровной. Самым последним сбежал в одиночку отец. Но как только он появился в селе, его сразу же взяли под стражу и увезли: сначала — в райцентр (Яранск), а потом — в Вятку, в тюрьму. Долгонько он по тюрьмам мотался.

И уже оттуда (из заключения) в 1934 году его послали в спецпоселок Рудник (Рудничный) — на север Кировского края. А его жене и детям местные власти запретили жить в родном селе. «Куда хотите, туда и уезжайте», — говорили им. Делать нечего: семья переехала в «добровольную» ссылку — к отцу, в Рудник.

Поселок встретил Киселевых неласково. Везде беглые да сосланные. Комендант Дунин дал Киселевым квартиру в знаменитом 58-м бараке — у кирпичного завода. Жили тесно: в двух комнатушках — десять человек.

Но жизнь шла своим чередом. В 1942 году Николая Киселева призвали на фронт, как и многих его друзей из спецпереселенческой молодежи. Воевал. Ранен. Награжден. После войны демобилизовался и вернулся в Рудничный, где и проработал всю свою жизнь. «Нас — тысячи, нас — миллионы», — сказал в беседе Николай Иванович Киселев, сын «бывшего кулака». — «Каждый из нас и страдал за Родину, и защищал Родину».

2. ВАЛЕНТИН ПЕПЛОВ
КРИК ЖУРАВЛИНЫЙ: СЕМЕЙНАЯ ПОЭМА
(фрагменты)

Валентин Иванович Пеплов родился в 1925 году в крестьянской семье. В 1931 году Пепловых «раскулачили» и отправили из родной Нижегородской губернии на север Вятского края, где в конце кон-

ков они осели в спецпоселке «Рудник» (ныне — поселок Рудничный Верхнекамского района Кировской области). Свое спецпоселенческое детство Валентин Иванович, в прошлом — учитель Рудниковской школы, описал в 1996—1999 годах в большой автобиографической поэме «Крик журавлиный». В ее безыскусных строках, вышедших из-под пера страстного любителя поэзии, хорошо прощупывается нервный и рваный пульс эпохи, жестоко вколачивающей в землю крестьянскую семью Пепловых, как и сотни тысяч их сомучеников по трагедии «раскулачивания».

Фрагменты этой поэмы, которые, на наш взгляд, искренне передают дух своего времени, прилагаются ниже.

ВСТУПЛЕНИЕ

Я родился под крик журавлиный
В двадцать пятом далеком году,
С повитухою — бабкой старинной,
В хлебосольном крестьянском дому.

Тридцатые годы.
Весенние дни.
Радости наши уплыли:
Папу в тюрьму посадили,
Нас с мамой в тайгу увезли.

В глушь непролазную, страх и мрак —
В тайгу за фосфоритный Рудник.
Дедовка, Скачек, Мерзляк —
Переселенческий проклятый нужник!

Вещи брать не разрешали:
— Лишь пару белья да мешок муки.
Предусмотрели?
Замечательно!
Взять топор, пилу и лапти обязательно!..

Слушались и брали...
Простаки!
Вот такие были «кулаки».

Все начиналось просто —
Гнали в нужники великороссов.

Мне шесть, а брату четыре,
Сестре — пятнадцать лет.
В Варнавине на сани погрузили —
И повезли чуть свет.

Доехали до Ветлужской,
А там погрузили в вагон
Телячий, с большой переборкой —
Как скот на убой в загон.

Двери неделю закрыты.
Баланда.
Сухой паек.
Нары, параша, охранник —
Смотрю на винтовки курок.

Затем по весенней дороге
Ползли на новый постой.
На каждой десятой подводе —
Вооруженный конвой.

Дней восемь обоз тянулся:
Троица, Лойно, Кай...
Кругом — скрип саней и топот,
Конское ржанье, собачий лай...

Я помню себя тем мальчонкой:
В дровнях с мамой сидел,
Шли конвоиры вдогонку,
А рядом мой брат ревел.

Мама нас утешала,
Мне страшно хотелось есть.
Сестра вокруг побиралась —
Ей некогда было присесть.

ДЕДОВКА

Озираясь с опаской
На черный бор и метель,
Прибыли перед Пасхой,
Доехали, хоть не все.

На тысячу поселенцев —
Четыре барака и склад.
Контора, десятники, управленцы —
Такой для «орды» наряд.

Из нас три бригады создали:
Заготовляли лес,
Пилили, штабелевали...
И пели мы песню свою:

«Не шуми ты, ель седая,
Не шуми, зеленый бор!
Может быть, судьба изменит
Нам суровый приговор?
Может быть, тоску и слезы,
Наши вздохи без конца
Нам заменит радость встречи,
Будет воля навсегда?..»

Рабочих по норме кормили, снабжали,
Хлеб и сахар по спискам давали.
Староста в бараке за порядок отвечал,
Продукты на декаду получал.

Ко всем положенным харчам
Для иждивенца — хлеба триста грамм.
Деньги тогда не имели почета —
Не шли они ни в какие зачеты.

Вещи, продукты — все по расчету
За сделанную работу,

По норме и без излишку,
Под запись в рабочую книжку.

Самочинно жесткой рукой
Комендант порядок наводил:
Плеткой по спинам крестил —
От конвоя ее получил.

Жизнь такую не все принимали:
Кто помоложе — бежали.
К побегу охотников было немало,
Но охрана вокруг не дремала.

Спецпоселенцы в особом отряде
Помогали: стояли в наряде,
Подслушивали и доносили,
Беглецов за поселком ловили.

За Скачек вышли два беглеца —
В рваной одежде муж и жена.
Неделю по лесу блудили,
Ребенка несли на себе.
Кончились силы, решили —
Дитя привязали к сосне...

МЕРЗЛЯК

Страдали мы так три недели.
Нас на Мерзляк увезли.
На Мерзляке голодали.
Пошли большие дожди.

Здесь жили мы без конвоя —
Леса и болота кругом.
Один комендант — «дозиравший» —
Раз в сутки с проверкой ходил.

И здесь мы были недолго —
Перевели на Скачек.

«Там — не бараки, а домик», —
Мечтали о нем мы тогда.

Сестра с одним варнавинцем дружила —
В одной бригаде лес валили.
Десятнику он помогал,
Сестру любил и уважал.

Двое дерево пилили,
Третий сбоку подрубал,
Потом втроем его валили —
Шест, в ствол упертый, помогал.

Гнида гнусоватая — десятник,
Пройдоха, шут, развратник,
Любил читать мораль и поучать.
«Не так валишь», — хотел сказать...

Сук с дерева сорвался —
И прямо в лоб ему достался.
Десятник зверем заревел:
«Убить меня, убить хотите!
Переселенцы, так вам не сойдет!»

Друг сестры ему заметил:
«Какие глупости несешь!» —
За что жестоко поплатился
И должности своей лишился.
В лесу работать перестал,
Из поселка убежал.

Не для женщин работа лесная.
Делать нечего — доля такая:
Бабы и девушки, что пошустрей,
Лес на лошадках возили —
И простужались зимой.

Бревна мужики на сани нагружали,
А в конце пути — другие мужики сгружали.

Ездили же бабы: на бревнах сидели —
Слабым местом часто болели.

От простуды коросты их покрывали —
Лечились, рабочие дни пропускали.
Ворчали на них мужики —
Косноязычные остряки.

Милые женщины!
Вас обокрали —
Женственность вашу с грязью смешали.
Ваша радость — детей качать,
А не на бревнах лошадей погонять.

Лишь два средства защиты, бывало,
Девки могли применять:
Реветь, сколько слез хватало,
Сколько силы хватало — кричать...

3. П.И. ФИЛИППОВ
ПУТЬ В ССЫЛКУ

Петр Иванович Филиппов родился в 1920 году в Удмуртии, в деревне Филипповке. Пятый ребенок в семье. В марте 1931 года ее «раскулачили» и привезли в спецпоселок Сева Зюздинского района Нижегородского края (ныне Лыткинский сельсовет Афанасьевского района Кировской области). Вот что сохранилось в памяти этого человека:

«...До Севы везли стариков, детей и скудный багаж, который разрешили взять, на санях по звериным тропам. Шли по компасу. Взрослые мужчины и женщины рубили лес и оттаскивали в сторону, чтобы лошадь могла пройти и протащить сани. Остановка (для обогрева ребятишек и стариков) была на всем пути в одном-единственном месте — большом деревянном доме на Сорде. Хозяин, крепкого телосложения, средних лет, с большой бородой, и хозяйка с кучей ребят, которые лежали на полатях и смотрели на нас, как на зверей в зоопарке, помогли нам разместиться на отдых...

Приехали на Севу уже затемно. Новые бараки, на стенку навалиться нельзя, потому что бревна смолистые. Стали по списку размещать всех по двухъярусным нарам. Читают фамилию, имя и ве-

лят ложиться на бок; и так — пока вся семья не уляжется. Тут же ставят деревянную перегородку и размещают следующую семью.

И таким порядком — всю ночь.

Посередине барака стояла печка, изготовленная из железной бочки. Пищу готовили на кострах около бараков. Кто в чем. Некоторые семьи приехали без посуды. Выменивали за вещи железные банки из-под консервов у работников комендатуры и делали из них более вместительную посуду для варки пищи.

Санузла вообще никакого не было. Баня одна на все поселение. Помещение маленькое. Мылись побарачно, вместе мужчины, женщины и дети. Прачечной и условий для стирки белья также не было предусмотрено. Обовшивелись. Начался тиф. Бригада плотников не успевала делать гробы.

Помнится, приехало начальство от ГПУ. Пошли по баракам. И вот в нашем бараке решил один высокий чин с ромбами на рукаве погреться около печки и присел возле нее на скамейку. Около него оказался красивый кудрявый мальчик — годиков шести. Начальник увидел у него на голове вошь и закричал: «Убирайся прочь! У тебя вшей полная голова!» А мальчишка ему говорит: «Посидите здесь подольше, так и у вас будет такая же голова. Вон у вас вша по рукаву ползет. Вот бестия — чувствует, где тепло и пища вкуснее».

Чин быстро скинул шинель и спрашивает: «Где она?» — «Откуда я знаю, может, она до вашей головы уже добралась». Чекист схватил мальчика за ухо и избил...»

Валентин Иванович Пеплов, хороший знакомый П.И. Филиппова, переложил часть его воспоминаний в стихи. Но особый интерес здесь не только в своеобразной поэтической форме изложения (это тема отдельного разговора), а в запечатленных этими строками драгоценных достоверных реалиях поселенческой жизни.

...Лес рубили, по Севе сплавляли,
По Нырмычу — и до Камы.
По болотам бревна гуляли,
Их в русло толкали руками.

Ноги — в онучах, бахилы и лапти.
В руках — на древке багор.
На двоих работяг — топор.
Вот и все некорыстные снасти.

Люди в весенней воде простывали,
Болели и умирали.
Каждое утро пять-шесть человек,
За ночь умерших, с нар убирали...

Бежать?
Куда? —
Люди не знали
Хитрых тропок, на речке — кордон.
Беглецов ловили и возвращали
В поселок Севу со всех сторон...

Мастер сплава, десятник гидаевский,
Решил дома два дня побывать.
Отец отдал костюм ненадеванный —
На продукты в деревне сменять.

Литровую банку картошки
Десятник принес за костюм —
Мелкая, как горошек,
Морщинистая, как изюм.

Из этой картошки
Похлебку варили,
Ели, молча хлебая ложками,
Как каторжане Сибири...

В Севе водилась рыба —
Пытались ее поймать.
Комендант прижимистый, гнида,
Стал с берега всех гонять.

Прут длинный — очищенной ивы —
В руках, словно меч, сверкал...
Бросали мы удочки — сколько есть силы
Кто куда по кустам убегал...

Год прошел, и поселок Севу
Начальство решило закрыть.
Изголодавших людей, нездоровых
В Ожмегово стали переводить...

§ 5. Размывание «кулацкой ссылки»

Кремлевская стратегия «колонизации северных территорий силами спецпереселенцев» предполагала, что выселенные, «пообвыкнув» через какое-то время, сами прочно осядут на новых местах принудительного обитания и даже после формального освобождения не пожелают выезжать из этих «советских клондайков». В реальности, однако, дело шло, мягко говоря, не совсем так.

В соответствии с упоминавшимся уже постановлением ЦИК СССР от 27 мая 1934 года спецпоселенцев начали «восстанавливать» в избирательных правах. Это была локальная по своему юридическому содержанию акция, но многие из «бывших кулаков» восприняли ее как начало освобождения из ссылки и в спешном порядке стали покидать предназначенную им «новую родину». Процесс стихийного «самоосвобождения» приобрел серьезный масштаб: в Северном крае, например, из общего числа восстановленных в правах (9621) к 1 ноября 1934 года остались пребывать на спецпоселении чуть более десяти процентов — 968 человек. Недавно назначенный нарком внутренних дел СССР Г.Г. Ягода уже в самом начале 1935 года НКВД СССР дал на места указание, в котором потребовал иметь в виду, что восстановление трудпоселенцев в избирательных правах не дает им права самовольного отъезда из предписанных «мест обязательного пребывания».

(Заметим в скобках: ранее, в 1931 году, именно полное освобождение с правом отъезда было обещано властью «раскулаченным», но теперь, в 1935 году, об этом предпочитали не вспоминать.)

В письме И.В. Сталину «главный чекист» страны докладывал по этому поводу:

«Совершенно секретно.

Секретарю ЦК ВКП(б) — тов. Сталину.

Постановлением ЦИК СССР от 27.05.1934 года о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах безусловно предполагалось оседание восстановленных в местах поселения. Однако, поскольку специального пункта в закон внесено не было, по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест...»

Вскоре последовали соответствующие директивные распоряжения — и стихийная выдача на местах разного рода справок и документов, с помощью которых покидавшие ссылку могли бы начать новую жизнь в других краях, была резко прекращена.

Высшим руководством страны эти люди рассматривались лишь как «рабсила» для проведения мероприятий по «колонизации». Канцелярит кремлевских директив бездушен и обезличен: все подчинено «высшим стратегическим целям», а по сути — внечеловеческим интересам государственной машины, зачастую ложно мотивированным и превратно понимаемым.

Малограмотность подавляющего большинства переселенцев, незнание ими бюрократических порядков, процедур подачи запросов и заявлений, вбитый веками страх перед «органами» и «начальством», боязнь лишний раз «высунуться» — все это приводило к тому, что значительная часть «бывших кулаков» получила документы (справки) о восстановлении в правах гораздо позднее остального «спецнаселения», некоторые — даже после войны. А многие, не дожидаясь милости «сверху», «самоосвобождались» на свой страх и риск — голосуя за свои права «ногами»...

Тем не менее до войны общая численность «кулацкой ссылки» оставалась достаточно стабильной. С 1936 года наметилась даже поступательная тенденция превышения рождаемости над смертностью в трудпоселках. Но с началом войны проявился и стал приобретать все больший масштаб процесс сокращения, а затем и полного развала «кулацкой ссылки», достигший своего апогея в первые послевоенные годы. Только за 1941 год из спецпоселений убыли по разным причинам 256 269 «бывших кулаков». Одновременно на их место начали поступать в массовом порядке новые «контингенты» депортированных. На фоне набиравшей размах «ссылки народов» те, кого по-прежнему именовали «кулаками», постепенно станови-

лись одной из самых малочисленных подневольных категорий системы спецпоселений.

К 1 октября 1941 года трудовая занятость в ссылке еще в основном сохраняет довоенные пропорции. Из общего числа занятых в народном хозяйстве трудпоселенцев (367 772 человека) работали: в аграрном секторе — 28,56 процента, в лесной отрасли — 15,5 процента, в угольной промышленности — 14,09 процента, в цветной металлургии — 8,78 процента, в черной металлургии — 5,66 процента. За системой НКВД числились 4,34 процента обитателей трудссылки. Из отчета отдела трудовых и специальных поселений (ОТСП) ГУЛАГа НКВД СССР (см. Приложение, документ 11) зримо проступает общая реальная картина занятости поселенцев и их настроений осенью 1941 года.

В связи с тяжелейшей кровопролитной войной и острой нехваткой резервов для восполнения фронтовых потерь, политическим руководством страны (по инициативе ОТСП ГУЛАГа НКВД) в марте 1942 года рассматривался вопрос о призыве в действующую армию «бывших кулаков», ранее (довоенными директивами) «освобожденных» от воинской повинности. К этому времени из 272 473 трудпоселенцев-мужчин находились в призывном возрасте (от 16 до 50 лет) — 174 596. Из них, по данным специальной проверки, лишь 37 861 человек состоял на учете по категории «высланные кулаки — главы семей».

Примечательно, что с началом войны заметно убавился поток заявлений об освобождении из трудссылки. И это вполне понятно: ведь статус трудпоселенца в то время спасал от воинской мобилизации. Своеобразная «броня», защищавшая от отправки на фронт, ставила спецрезервации в некое «привилегированное» положение по сравнению с окружающими «вольными» населенными пунктами.

Теперь этой «привилегии» был положен конец. НКВД и Наркомат обороны СССР, совместно «проработав вопрос», подготовили докладную записку в Государственный комитет обороны (на имя В.М. Молотова), в которой предложили призвать на военную службу «трудпоселенцев, не бывших главами семей на момент выселения». Вскоре, 11 апреля 1942 года, ГКО принял постановление, коим этому предложению была придана «законная сила». На фронт отправлялись все подлежащие призыву мужчины-поселенцы — за исключением имевших указанные ограничения по «семейному статусу».

При этом с учета спецпоселения ни призванных, ни членов их семей вначале не снимали. Особо оговаривалось, что сия формальность может воспоследовать лишь через год службы призывника и только при наличии положительных отзывов командования о нем. Ясно, что это отнюдь не повышало боевой дух «спецновобранцев». И полгода спустя повелением наркома Л.П. Берии (приказ НКВД СССР от 12 октября 1942 года) предписывалось «всех трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, и прямых членов их семей (жена, дети) с учета трудссылки снять»...

Между тем развернулась нешуточная борьба между органами НКВД и Наркомата обороны, с одной стороны, и хозяйственными структурами (ведомствами, предприятиями) за рабочую силу — в лице все тех же мобилизуемых спецпереселенцев. Ведь трудоспособных мужчин в тылу практически не осталось, а ответственности за выполнение производственных планов с местных руководителей никто не снимал и никаких «послаблений» им не устанавливал, для них это был вопрос жизни и смерти — в самом конкретном и реальном смысле. Об одном эпизоде этой острейшей борьбы, случившемся в Плесецком районе Архангельской области, где разгорелся и потребовал вмешательства на областном уровне конфликт между районной спецкомендатурой НКВД и местными лесохозяйственными руководителями, красноречиво повествует документ 13 приложения к настоящему параграфу.

Еще раз отметим, что основную часть трудссылки 1930-х — начала 1940-х годов составляли «раскулаченные». По данным на 1 января 1942 года, из 936 547 трудпоселенцев, размещенных в 1845 спецпоселках, 93,1 процента составляли именно «бывшие кулаки». Правда, за трудссылкой числились и некоторые другие категории «спецконтингента»: выселенные «по решениям судов» либо «в порядке очистки государственных границ», а также «городской деклассированный элемент». Но формально (статистикой НКВД) все они учитывались по той же графе — «бывшие кулаки». Отдельно фиксировались лишь ссыльнопоселенцы: к началу 1942 года — это 63 000 человек, содержавшихся в 7 регионах (республиках, краях и областях) (5).

В 1944 году отдел трудовых и специальных поселений (ОТСП) был выведен из состава ГУЛАГа и стал самостоятельной структурой — Отделом спецпоселений (ОСП) НКВД СССР. Повышение ранга этого ведомства обусловливалось массовыми «националь-

ными» депортациями в том же году. Соответственно и термин «трудпоселенцы» исчезает из официального бюрократического словооборота. Все высланные отныне стали именоваться «спецпереселенцами» («спецпоселенцами»).

Несмотря на поступательное и усиливающееся размывание состава «кулацкой ссылки», вся рутинная «оперативно-режимная и воспитательно-профилактическая» работа в ней велась надзирающими «органами» по обычно-наезженной колее: «ставили на спецучет», «отмечали», «переводили», запрещали, отслеживали... Причем последним занимались с особым тщанием и о результатах докладывали по инстанциям почти без купюр (см. в приложении текст спецсообщения Управления НКВД по Омской области об отношении поселенцев к войне — как правило, негативном).

Кстати говоря, на 1 декабря 1944 года агентурно-осведомительная сеть НКВД среди 652 818 «бывших кулаков» насчитывала 13 325 «единиц», из которых: резидентов — 174, агентов — 561, осведомителей — 12 590. Видимо, центральные власти все-таки всерьез уверовали в то, что «бывшие кулаки» действительно «прижились» в местах их принудительного расселения. Не без таковой уверенности, как можно предположить, принимались и решения об освобождении из спецпоселений отдельных «контингентов» этой категории. В частности, директивой НКВД СССР от 25 мая 1944 года снимались с учета трудссылки дети «бывших кулаков», направленные в фабрично-заводские и ремесленные училища. С 25 мая 1946 года (директива МВД и Прокуратуры СССР) освобождались из спецпоселений семьи кулаков, имевших детей, — военнослужащих, участников войны, удостоенных государственных наград, а также вступивших в официальный брак с местными жителями («неспецпоселенцами») (6).

С августа 1946 года отдельными постановлениями Правительства и приказами МВД СССР осуществлялось поэтапное снятие с учета спецпоселенцев по некоторым регионам (республикам, краям, областям). В число 28 таких «облагодетельствованных» территорий попала и Кировская область (постановление Совета Министров СССР от 21 июля 1947 года № 2598—802сс; приказ МВД СССР от 28 июля этого же года № 00803).

А приказ МВД СССР от 16 мая 1947 года «Об отмене особого режима в спецпоселениях и об освобождении из спецпоселений бывших кулаков» открыл этап почти тотального вызволения из

спецрезерваций (через 14—18 лет после высылки) «раскулаченных» с наиболее длительными сроками «обязательного поселения».

Впрочем, формальное снятие с учета спецпоселения реальной свободы по-прежнему не давало: ведь многочисленные заводы, леспромхозы, другие предприятия и хозяйственные организации, эксплуатировавшие труд поселенцев, могли, на вполне «законных» основаниях, попросту не отпускать этих своих подневольных работников. И они оставались жить и трудиться на прежних кабальных условиях. Элементы крепостного права сохранялись в России вплоть до конца XX века. А проблема формирования цивилизованного рынка труда, в силу разных причин, в том числе исторически обусловленных, остается и сегодня одной из самых насущных для российской экономики. И не только для экономики...

Наконец, не подлежали даже формальному освобождению со спецпоселения «бывшие кулаки» из числа репрессированных народов: немцы, калмыки, крымские татары и так далее, а также другие лица из этой ссыльной категории, по разным причинам оказавшиеся вне рамок «освободительных» директив конца 1940-х — начала 1950-х годов. Таковых на январь 1954 года оставалось 17 348. И лишь 13 августа 1954 года постановлением Совета Министров СССР были сняты ограничения по спецпоселению со всех «бывших кулаков», выселенных в 1929—1933 годах.

Так завершилась «кулацкая ссылка». Но трагедия российского крестьянства, подвергнутого жесточайшему в отечественной истории социальному «эксперименту», — продолжалась. XX век наглядно доказал, что концепция насильственной колонизации, возведенная в ранг государственной политики, — стратегически бесперспективна и экономически пагубна. Она потерпела полный крах. Неволя не способствует обретению новой родины, особенно в тех местах, куда по доброй воле, как признавало и само политическое руководство страны, люди не поедут.

Колоссальные трудовые ресурсы были растрачены почти вхолостую, а нередко — и с отрицательным конечным результатом. Подобное «кровопускание» нации, обусловленное бредовой целью уничтожения крестьянства в его прежнем виде, наряду с масштабными сталинскими репрессиями другого рода и опустошительной войной генетически истощили страну, подорвали ее жизнетворные силы на всю вторую половину XX века, а в конце концов — лишили реального статуса мировой державы.

«Крестьянская ссылка» обернулась угнетающим, тормозящим бременем для развития отечественной экономики. Утрата гуманного, нравственного отношения власти к собственному народу — это также тяжелое наследие новейшей российской истории. В ходе этой чудовищной волюнтаристской акции сотни тысяч человеческих жизней были растоптаны, судьбы миллионов людей — сломаны, недюжинный потенциал двух поколений крестьянства — не реализован.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 11

ИЗ ОТЧЕТА
Отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР
за II—III кварталы 1941 года
ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Комиссару государственной безопасности
III ранга — тов. ЧЕРНЫШЕВУ В.В.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о состоянии трудссылки по данным за II и III кварталы 1941 года

Трудпоселенцы расселены в поселках НКВД 36 республик, краев и областей. Общее количество их составляет 265 076 семей, 940 752 человека, из них:

Мужчин — 273 735
Женщин — 287 541
Подростков от 14 до 16 лет — 72 522
Детей до 14 лет — 306 854

Трудоспособные составляют 387 658 человек, или 41% к общему количеству трудпоселенцев, в том числе:

Мужчин — 211 249
Женщин — 150 559
Подростков — 25 850

Трудовое использование проводится в основном по договорам, заключенным между органами НКВД и соответствующими предприятиями. В промышленности работает 212 521 человек, в сельском хозяйстве (колхозы, совхозы) 117 548 человек и в разных предприятиях и учреждениях 30 875 человек.

Таким образом, из общего количества трудоспособных работает 360 944 человека, или 93,1%.

Все они работают в предприятиях, артелях и учреждениях 45 наркоматов, управлений и организаций. Основная масса работает в предприятиях народных комиссариатов лесной промышленности, угольной промышленности, цветной и черной металлургии, химической промышленности и др.

В каких предприятиях работают	Количество трудпоселенцев		Из них:			
	семей	человек	трудоспособ.	работающих	% труд. испол.	не работ. из числа трудпос.
НК Леспромышленности	39585	131935	56949	52051	91,4	4848
НК Уголь	37130	141244	53773	51313	95,4	2460
НК Цветмет	22830	85237	36497	30775	84,3	5722
НК по Строит.	6110	18636	7292	6710	92,0	582
НК Чермет	15962	54594	18429	17785	96,5	644
НК Химпром	6572	19900	8115	7692	94,8	423

Из приведенной выше выборочной таблицы видно, что наиболее высокий процент трудового использования имеет место в предприятиях черной металлургии (96,5%). Аналогичное положение отмечается в предприятиях других наркоматов. В ряде предприятий трудпоселенцы работают со времени прибытия их в ссылку и являются основными кадрами, выполняя производственные нормы на 100—180%. Много среди них стахановцев и ударников. Так, в Свердловской области из 35 669 работающих свыше 12 000 составляют стахановцы и ударники, причем на Н.-Тагильском заводе из работающих — 25% стахановцы-ударники.

<...>

С другой стороны, работники ОТСП и комендатур недостаточно занимаются вопросами трудового использования трудпоселенцев и устранения недостатков, имеющихся в этом деле (Архангельская обл., Красноярский край, Кировская, Иркутская области и др.).

Особенно наглядно это видно на примере задержки выплаты заработной платы. Если бы ОТСП и комендатуры должным образом использовали директивы Прокуратуры Союза по этому вопросу, задолженность промартелей по Иркутской области не составляла бы 347 466 рублей (во втором квартале), по Красноярскому лесозаводу № 3 треста «Краслес» 35 700 рублей, по Мытьецовскому лесопункту треста «Кирлес» (Кировская область) — 81 700 рублей и т.д.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ.

Жилищные условия трудпоселенцев в основном удовлетворительные. Многие из них имеют собственные дома с приусадебными участками. Однако, несмотря на то, что трудпоселенцы в ряде случаев проживают при предприятиях, в которых они работают несколько лет, их жилищные условия до сих пор остаются неудовлетворительными и противоречат договору на трудовое использование. В трудпоселках треста «Востсибуголь» Иркутской области, «Минусзолото» Красноярского края, при предприятиях «Басьянторфа» Свердловской области и в ряде других краев и областей трудпоселенцы живут в бараках временного типа строительства 1930—1931 гг. и с тех пор эти бараки ни разу не ремонтировались. По этой же причине жилые помещения в трудпоселках «Известковый» и «Магнезит»

Челябинской области и в ряде поселков Новосибирской области — непригодны для жилья.

Характерно, что неудовлетворительное состояние жилищ в ряде случаев зависит не от недостатка средств, отпущенных на эти цели. Установлено, что по Архангельской области из отпущенных в 1941 году 1 954 000 рублей освоено только 608 тысяч. Аналогичное положение отмечается и по ряду других областей и краев.

ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПОРЯДКА.

В первом полугодии 1941 года из трудпоселков совершено 1743 побега (в 1940 году за этот же период бежало — 4430 человек).

Наибольшее количество побегов совершено из трудпоселков Казахской ССР (255 человек), Новосибирской обл. (210 человек), Орджоникидзевского края (99 человек), Свердловской обл. (71 человек). Это свидетельствует о неудовлетворительном выполнении приказов НКВД СССР № 00444 от 11/IV—1940 г. и № 0073/00219 от 5/VI—1941 г. о борьбе с побегами и об агентурно-оперативной работе.

Установлено, что некоторую часть бежавших составляет молодежь, подлежавшая освобождению из трудссылки в соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР № 1143—280с, старики, уехавшие к детям...

По Карагандинской области из подлежащих освобождению 19 453 человек освобождено 1929 человек. Аналогичное положение по другим краям и областям.

Основная причина в том, что комендатуры, ОТСП и УНКВД затягивают рассмотрение заявлений и оформление освобождения и снятия с учета. Поступают сигналы о том, что это положение используется для уклонения от воинской обязанности.

До сих пор не ясны вопросы о порядке призыва трудпоселенцев в Красную Армию, 5% отчислениях с заработков трудпоселенцев, дети и мужья которых призваны в Армию, а также о применении к трудпоселенцам постановления Государственного Комитета Обороны о всевобуче.

ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ.

Политико-моральное состояние трудссылки в основном удовлетворительное. По ряду краев и областей отмечено, что трудпоселенцы наряду со всеми рабочими предприятий и колхозниками проявляют свои патриотические чувства в форме заявлений о добровольном вступлении в ряды Красной Армии, повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины, досрочного выполнения государственных поставок с.-х. продукции, досрочных взносов по госзаймам.

Вместе с тем среди некоторой части трудпоселенцев отмечается усиление активности антисоветских элементов:

— В Свердловской области на здании школы в трудпоселке Покровск Карпинского района 8/IX был обнаружен фашистский знак и антисоветский лозунг.

— В той же области трудпоселенец МОРГУНОВ (трудпоселок «Баяновка») в присутствии другого трудпоселенца говорил: «Хотя бы скорей

немцы взяли Москву да Ленинград. Не могу дождаться, когда этому мучению будет конец. Воскресники, займы — все на них работай. Хотя бы скорей истребили их».

— Трудпоселенцы НИКОЛАЕВ и ТАТАУРОВ (Иркутская область) сочинили и распространяли в трудпоселке злостные антисоветские частушки.

— Трудпоселенец Магнитогорской комендатуры (Челябинская область) СОЛДАТОВ, 1922 года рождения, в споре с членом ВКП(б) КАРПОВЫМ, рядом с которым стоял в очереди за продуктами, сказал: «...Хватит нам забирать, довольно. Отошла ваша лафа. Я теперь вас не боюсь».

Некоторые к/р элементы трудпоселений ведут агитацию пораженческого характера, увязывая свои чаяния на возврат старого с поражением СССР и победой фашизма.

— Трудпоселенец ШИРШОВ (Новосибирская область) в беседе со своими единомышленниками заявил: «Война приведет к краху Советской власти. Тогда погибнут те, кто за Советскую власть, а мы будем снова жить, как жили раньше».

— Трудпоселенка АЛКОРЕВА (Иркутская область) среди трудпоселенцев-стариков ведет разговоры, смысл которых сводится к следующему: «...Вот пришел конец советской власти. Разобьет Германия Россию, и у нас опять будет царь».

— Трудпоселенец ГАВРИЛОВ (Красноярский край) убеждал группу трудпоселенческой молодежи, решившую добровольно вступить в Красную Армию: «...Сейчас война, и вас в первую голову погонят. Нам не справиться с немцами. Ведь их никто не побеждал. Нам теперь надо сложить оружие и сидеть смирно».

<...>

(ГАРФ. Ф. 9497. Оп. 1. Д. 74)

Документ 12

ИЗ СООБЩЕНИЯ
УНКВД по Омской области в ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР
от 22 декабря 1942 года
[О настроениях трудпоселенцев]

1. Пос. Лиственничный. 01.09.1942 года. Трудпоселенка Барсукова Варвара сказала: «Муж мой пошел в армию. А спрашивается, что нам ссыльным защищать? За то, что нас раскулачили и сослали, он, конечно, будет всегда держать свое недовольство в уме...»

2. Трудпоселенка Осипова в бараке говорила: «Вот и берут трудпоселенцев в армию, видать, немцам на котлеты».

3. Трудпоселенец Казанцев П.Т. 26.09.1942 года в конторе рыбучастка говорил: «Скоро Гитлер заберет все, так как основное — что надо для ведения войны, у него уже есть: нефть, хлеб и прочее. Скоро наша страна безо всего останется».

4. 10.10.1942 года трудпоселенец Дряхлов И.Ф. на зерноскладе говорил: «Если нас возьмут в армию, то мы можем пойти в другую сторону. А Совласть нам не больно мила, защищать не будем».

5. 02.10.1942 года трудпоселенка пос. Быковка Шадеркина Н.И., по словам осведомителя, говорила: «Нам война не нужна, скорее бы ее кончили в любую сторону. Если и немец возьмет, то мы жить будем ... не хуже, чем теперь живем».

6. Трудпоселенец Новиков Александр в зерносушилке говорил: «Да какая жизнь пришла, работаешь и не знаешь, за что работаешь. Вот год работали и хлеба на трудодни не дали, а давали пайки. Это все Советская власть довела нас до такой жизни (нецензурное выражение), а сейчас голодные как волки ходим на работу».

Документ 13

СПРАВКА
о результатах мобилизации трудпереселенцев
в августе 1943 года
по Плесецкому району Архангельской области

На основании постановления ГОКО Союза ССР за № 8857/сс от 2 августа 1943 года и директивы НКВД Союза ССР № 428 от 24 августа 1943 года, Управление НКВД по Архангельской области было обязано в срок, не позднее 15 сентября 1943 года, мобилизовать и отправить на строительство НКВД № 500 300 трудпереселенцев (бывших кулаков), мужчин, годных к физическому труду.

В соответствии действительного наличия данного контингента спецпереселенцев, во всех пунктах их расселения была проведена мобилизация.

Мобилизация в районах области прошла удовлетворительно, за исключением Плесецкого района, где она натолкнулась на активное сопротивление лесозаготовительных трестов и Райкома партии. Причем это противодействие приняло формы компрометации органов НКВД в проводимом мероприятии и в объявлении мобилизации незаконной.

Существо дела по проведению мобилизации в Плесецком районе состояло в нижеследующем:

1. По первоначальному плану из Плесецкого района подлежало мобилизации 175 человек трудпереселенцев, работающих в сельском хозяйстве, на предприятиях необоронного значения и подсобных рабочих лесной промышленности, затем разверстка была уменьшена на 165 человек.

2. При проведении подготовительных работ к мобилизации выяснилось, что из колхозов, предприятий кустарной промышленности и районных учреждений можно мобилизовать максимум 80—90 человек.

Остальные 80 человек необходимо было взять из подсобных предприятий лесной промышленности, где работает основная масса спецпереселенцев. Заменить недостающее количество за счет других районов области было нельзя, так как во всех районах некоторая часть мобилизованных была взята с подсобных работ лесной промышленности.

3. О проводимой мобилизации и ее задачах 6 сентября был поставлен в известность секретарь райкома партии тов. КИРИЛЛОВ, который против проведения мобилизации не возражал, но предупредил, что по этому вопросу Райком указаний от Обкома ВКП(б) не имеет.

В тот же день порядок мобилизации был доведен до сведения начальников лестранхозов и намечены списки мобилизованных.

4. Вечером 6 сентября поступила телеграмма председателя Архоблисполкома, запрещающая мобилизацию и отправку трудпереселенцев из района, а также телеграмма начальника треста Севтранлес, предупреждающая начальников лестранхозов о судебной ответственности за отпуск людей по мобилизации.

5. 7 сентября Райисполком получил вторую телеграмму Архоблисполкома, отменяющую запрещение мобилизации и предлагающую отправке трудпереселенцев не препятствовать.

Несмотря на это, начальники Коношранлеса и Совтранлеса отдали вторичное распоряжение, запрещающее расчет и увольнение трудпереселенцев.

6. В соответствии с указаниями руководства трестов, начальники лесопунктов всякими мерами старались сорвать мобилизацию. Посланные официальные извещения спецпереселенцам о их мобилизации и явке на сборный пункт возвращались обратно, с резолюциями начальников лесопунктов, отменяющими мобилизацию.

Расчет мобилизованным не давали, в выдаче продуктов питания отказывали.

7. Зная, что мобилизации подлежат только трудпереселенцы, используемые на подсобных работах, руководители лесопунктов в период мобилизации переводят трудпереселенцев с подсобных работ на основные.

Так, например: рабочий Плесецкого Леспродторга ЧЕРЕВЧИН был переведен на погрузку леса, ассенизатор САВЧЕНКО, пастух НЕМЧЕНКО, пекарь СИДОРЕНКО начальником Шелековского лесопункта переведены на рубку леса.

8. Руководители лесопунктов дали указание трудпереселенцам распоряжения комендантов о явке на сборные пункты не выполнять и на глаза комендантам не попадаться. Получив такие указания, трудпереселенец, бывший активный белогвардеец ЧУПРИН сбежал со сборного пункта, а трудпереселенцев ЕВКОВА и ГОРШЕНИНА со сборного пункта увел работник Лестранхоза т. РУХТИНОВ. Трудпереселенец, бывший активный белогвардеец ПОНОМАРЕВ Григорий Степанович отказался выполнять приказание явиться в комендатуру и пытался скрыться от коменданта, а когда последний взял его за рукав, кулак ПОНОМАРЕВ, в целях провокации, упал на землю и стал плакать, собрав вокруг себя толпу.

9. В результате противодействий начальников лестранхозов комендантуры трудпоселков не могли в срок выполнить мобилизацию и между ними и работниками лесной промышленности создавались ненормальные отношения, приведшие к взаимному оскорблению друг друга.

10. Описанными действиями работники лестранхозов пытались скомпрометировать комендантов, а следовательно, и органы НКВД перед спецпереселенцами и населением района и достигли некоторых результатов, что подтверждается поведением трудпоселенцев, отказывающихся выполнять требования комендантов и заявлявших, что теперь мы НКВД не подчиняемся и нам за отказ от мобилизации ничего не будет.

11. На этом компроментация не окончилась.

Плесецкий Райком ВКП(б) объявил мобилизацию незаконной. 16 октября 1943 года бюро райкома исключило коменданта КУСТОВА из членов ВКП(б) и поручило райпрокурору привлечь комендантов КУСТОВА и ЛИЧКОВА к уголовной ответственности, за якобы незаконную мобилизацию трудпереселенцев из лестранхозов.

Несмотря на то что коменданты трудпоселков являются сотрудниками органов НКВД, райпрокурор возбудил на них уголовное преследование без санкции начальника Управления НКВД и даже не поставив об этом в известность руководство Областного Управления НКВД.

16 октября нарследователь, по поручению Областного Прокурора, официальным письмом предложил начальнику треста «Коношлранлес» собрать материалы о незаконной мобилизации по следующим вопросам: согласован ли вопрос мобилизации с руководством лестранхозов, где и сколько мобилизовано спецпереселенцев, не проводилась ли мобилизация принудительным порядком и какие убытки понесли лестранхозы в связи с выездом рабочих в комендатуры НКВД.

Как видно из поставленных вопросов, решение ГОКО и директива НКВД, на основании которых проводилась мобилизация, Прокуратурой опровергается также и право органов НКВД вызывать в комендатуры спецпереселенцев.

12. По получении сведений из Плесецкого РО УНКВД о возбужденном против работников НКВД уголовном деле, вопрос был поставлен перед Обкомом ВКП(б) о передаче следственного дела в прокуратуру войск НКВД.

Только после указаний Обкома ВКП(б) Областной Прокурор передал материалы следствия Военному Прокурору войск НКВД Архангельской области.

13. Военный прокурор войск НКВД рассмотрел поступившие материалы и постановил: мобилизация на стройку № 500 НКВД проводилась законно, однако без достаточного согласования с партийными и советскими органами, что привело к ненормальным взаимоотношениям работников лесной промышленности с представителями УНКВД.

Оснований для предания суду Военного Трибунала комендантов КУСТОВА и ЛИЧКОВА — не имеется, за нетактичное поведение они подлежат наказанию в дисциплинарном порядке.

Дальнейшее следствие по этому делу прекратить.

14. На основании распоряжения начальника ГУЛАГа НКВД Союза ССР от 17 сентября 1943 года все мобилизованные трудпереселенцы были переданы представителю Наркомугля для погрузки крепежного леса.

По распоряжению заместителя начальника Управления НКВД 17 сентября 50 человек из числа мобилизованных возвращены Севтранлесу и Коноштранлесу.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД
ПО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУБНИКОВ
30 марта 1944 года
г. Архангельск

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 135)

Документ 14

«БЫВШИЕ КУЛАКИ» В ВЯТЛАГЕ

I

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД СССР

№ 00363 25 августа 1943 года ст. Лесная

СОДЕРЖАНИЕ: По личному составу трудпереселенцев.

Назначить: Прибывших из Омской области с 12 мая 1943 года рабочими 6 ОЛП оплата сдельно:

1. Браткова Михаила Мартьяновича
2. Плесовских Алексея Федоровича
3. Носкова Кузьму Ивановича
4. Цапова Петра Андреевича
5. Яковлева Вячеслава Васильевича
6. Горбунова Николая Кузьмича
7. Чикмарева Алексея Мироновича
8. Замякина Елизара Федоровича
9. Белоусова Андрея Дмитриевича
10. Герасименко Артема Евдокимовича
11. Никитина Романа Яковлевича
12. Кондратьева Никиту Епиоровича
13. Одновалова Никиту Пимановича
14. Леонова Николая Георгиевича
15. Похлебаева Егора Степановича
16. Пуртова Григория Яковлевича
17. Медведева Фиклиста Ивановича
18. Парапаева Дмитрия Павловича
19. Редникова Алексея Филипповича
20. Евтушенко Петра Михайловича

НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ЛЕВИНСОН)

(Архив Вятского УЛИУ — Учреждения К-231 — Вятского ИТЛ. Фонд отдела кадров. Подшивка документов: «Спецпоселенцы, отделение военнопленных». Б/л, копия, машинопись)

II

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД

СОДЕРЖАНИЕ: По личному составу трудпоселенцев.

1 сентября 1943 г. № 00375 ст. Лесная

§ 1

НАЗНАЧИТЬ: прибывших из Вологодской области с 12/V—1942 г. рабочими 3 ОЛП оплата сдельно.

1. БОЖЕНОК Иван Тихонович
2. БОНДАРЕНКО Пантелей Константинович
3. БЕЛОВ Яков Иванович
4. БАБИЧ Андрей Иванович
5. ВОЛКОВ Петр Михайлович
7. ВАСИЛЬЕВ Кирилл Иванович
8. ГАЛАЙ Дмитрий Иванович
9. ДЕРЮГИН Николай Семенович
10. ЗАРЕЧЕНСКИЙ Феодосий Филиппович
11. КРАВЦЕВ Григорий Иванович
12. САЕНКО Иосиф Кондратьевич
13. ГОРЕЛЬСКИЙ Дмитрий Лаврентьевич
14. ЧЕРЕВКО Андрей Лукич
15. ШАБУРЕВИЧ Эдуард Фабианович
16. ШЕВЧЕНКО Петр Леонтьевич
17. КАШИРИН Александр Порфирьевич
18. ЛАПИРУС Степан Семенович
19. ЛЕЩУК Лаврентий Антонович
20. ЛОГИНОВ Павел Миронович
21. МОЛИБОХ Прокопий Макарович
22. МАМОНТОВ Егор Яковлевич
23. НЕЛАН Демьян Андреевич
24. ШАБУНЕВИЧ Виталий Фабианович
25. ШИМИКО Степан Романович
26. ЮРОВСКИЙ Павел Сергеевич
27. ЯКОВЛЕНКО Григорий Яковлевич
28. ТКАЧЕНКО Павел Федорович
29. АРХИПОВ Павел Семенович
30. КОРОБКО Василий Николаевич
31. АЛЬКИН Александр Осипович
32. ЗЕНЬКОВСКИЙ Григорий Иванович
33. ШТИЛИК Григорий Иванович
34. ГОРБУЛИН Григорий Данилович
35. ПАНЧЕНКО Сергей Никитович
36. ШТУЮПОР Леонид Афанасьевич
37. АКИМЕНКО Александр Арсентьевич
38. БОГОМЕТ Михаил Селиванович
39. ВАСЬКО Егор Иванович

§ 2.

Прибывших из Омской области с 12/V—1943 г. рабочими 3 ОЛП оплата сдельно.

1. АНДРЮКОВ Михаил Дмитриевич
2. АНЧУРОВ Андрей Трофимович
3. БРЮХАНОВ Иван Захарович
4. БРАГИН Иван Назарович
5. БАТУРИН Михаил Андреевич
6. БАХАРЕВ Иван Павлович
7. БАБИН Гаврил Иосифович
8. БЫКОВ Леонтий Васильевич
9. БЕЛЕШКО Федор Ефимович
10. БЫКОВ Петр Васильевич
11. БОЛЬНЫХ Егор Александрович
12. БАСКАКОВ Филипп Михайлович
13. БЕРЕЗИН Алексей Федорович
14. БОНДАРЕНКО Трофим Анисимович
15. БОЛХОВ Степан Владимирович
16. БРЮХАНЧИКОВ Спиридон Федорович
17. ВАСИЛЕНКО Дмитрий Сергеевич
18. ВАВИЛОВ Александр Кузьмич
19. ВОЛКОВ Иван Степанович
20. ВДОВИН Григорий Леонтьевич
21. ГРАЧЕВ Василий Михайлович
22. ГАЛУШКО Михаил Иванович
23. ГРИГОРЬЕВ Иван Афанасьевич
24. ГРЕБЕНЩИКОВ Дмитрий Гаврилович
25. ГЕРАСИМОВ Андрей Сергеевич
26. ГАЙДАМАН Павел Васильевич
27. ГУБАНОВ Александр Прокопьевич
28. ДЕРЯБИН Антон Петрович
29. ДОМРАЧЕВ Иван Данилович
30. ДОЛГОДВОРОВ Василий Андреевич
31. ДОЛГАНОВ Елисей Корнилович
32. ДУРЯГИН Петр Яковлевич
33. ДАВЫДОВ Александр Александрович
34. ЗАЛЕВСКИЙ Георгий Фомич
36. ЗАБОЛОЦКИЙ Григорий Емельянович
37. ЗАГРИВКОВ Виктор Сергеевич
38. ЗАРУБИН Прокофий Николаевич
39. ИВАНОВ Иван Иванович
40. ИСАКОВ Кирилл Тихонович
41. КУРОЧИНОВ Макмуд Ахметович
42. КОВКОВ Александр Семенович
43. КАЙГОРОДОВ Константин Иванович
44. КОРЕЛИН Григорий Евдокимович

45. КУПРИЯНОВ Павел Петрович
46. КРАВЦЕВ Илья Яковлевич
47. КУШТОВ Муталия Ембатович
48. КРИВЦОВ Андрей Иванович
49. ЛУКИН Денис Лукич
50. ЛАХТИН Григорий Максимович
51. МАЛЫШЕВ Александр Иванович
52. МАСЛЕНКОВ Дмитрий Федорович
53. МИХАЙЛОВ Федор Георгиевич
54. МЕЛЬНИКОВ Петр Алексеевич
55. МАСЛОВ Григорий Васильевич
56. МЕЛЬНИКОВ Павел Алексеевич
57. МИШАРИН Иван Никифорович
58. МУХАМЕЛИНОВ Абрагим Абдрахман
59. НЕРАДОВСКИЙ Поликарп Кузьмич
60. НЕЙРЯХИН Алексей Николаевич
61. НЕМКОВ Афанасий Яковлевич
62. НИШИПАРУК Николай Иванович
63. ОЩЕНКОВ Виктор Авакевич
64. ПОЛУЯВОВ Павел Герасимович
65. ПИРОГОВ Дмитрий Николаевич
66. ПОКАЗАНЬЕВ Комистрат Павлович
67. ПРИГАРОВ Яков Ефимович
68. ПОДКОРОСТОВ Петр Дмитриевич
69. ПОЛЯКОВ Василий Никифорович
70. БАЯНОВ Михаил Федорович
71. ПЛОТНИКОВ Иван Федорович
72. ПАХТУСОВ Михаил Федорович
73. РОГОЗИН Прокофий Григорьевич
74. РЕДЬКИН Иван Григорьевич
75. РАДИОНОВ Митрофан Сергеевич
76. СМАГИН Иван Михайлович
77. САМОПОЛОННИКОВ Федор Яковлевич
78. СУЕБЕКОВ Иван Никифорович
79. СИМОНОВ Яков Степанович
80. СТРАЖЕНСКИЙ Сергей Ильич
81. СОРОКИН Гаврил Егорович
82. СУЕТИН Лука Григорьевич
83. СИМОНОВ Прокоп Иванович
84. СУХОПЛЮЕВ Василий Иосифович
85. САФРОНОВ Михаил Сергеевич
86. СУСТИН Григорий Григорьевич
87. ТЮТИКОВ Михаил Яковлевич
88. ТАКМАКОВ Афанасий Иванович
89. ТЕРЕХИН Дмитрий Степанович
90. УСОЛЬЦЕВ Максим Андреевич

91. УСОЛЬЦЕВ Иван Андреевич
92. ФАЛЬКОВ Александр Степанович
93. ФЕДОРЧУК Матвей Власович
94. ФОМИН Федор Федорович
95. ЧУПРИН Павел Трофимович
96. ЧИРАТЬЕВ Михаил Алексеевич
97. ЧЕРНОВ Федор Алексеевич
98. ШИКУНОВ Иосиф Владимирович
99. ЮЗЕЕВ Матвей Николаевич
100. ЮЗЕЕВ Михаил Яковлевич
101. ЮЗЕЕВ Игнатий Афанасьевич
102. ЮЗЕЕВ Константин Васильевич
103. ЯКОВЛЕВ Иван Николаевич
104. БАТРАМОВ Иван Максимович
105. КАРАТОВСКИЙ Георгий Львович
106. ЛЕБЕДЕВ Аристор Тимофеевич
107. ШТАМБУРОВ Андрей Трофимович
108. ЛЕОНОВ Василий Яковлевич
109. КАРНАКОВ Степан Данилович
110. СТЕНИН Владимир Матвеевич
111. ЧЕРЕПАНОВ Севастьян Матвеевич
112. НАЧАЕВСКИЙ Филимон Лупович
113. БЕЛЯЕВ Василий Трофимович
114. ТРОНИН Максим Дмитриевич
115. КАЗЬМИН Максим Степанович

§ 3.

ИСКЛЮЧИТЬ ИЗ СПИСКОВ ЛИЧНОГО СОСТАВА — Рабочего 3 ОЛП БОГОМЕТ Михаила Селивановича с « « июля 1943 г. за смертью.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ЛЕВИНСОН)

(Там же).

III

СПИСОК

спецпоселенцев, состоящих в пожарной охране Вятского ИТЛ МВД СССР (1946 год/?/).

1. Дьяковский Ник. Мих.
2. Антипов Федор Алек.
3. Ревенко Иван Николаев.
4. Пчелин Ник. Дмитр.
5. Резниченко Ефим Емельян.
6. Петелин Конст. Афан.
7. Подкорытов Петр Дмитр.
8. Набокин Мих. Мих.

9. Брюханов Иван Захар.
10. Козуб
Ст. инспектор ОК (Васильева)
1472
(Там же)

IV

СПИСОК

спецпереселенцев, работающих
во II стройуч[астке] ОКС [Отдела капитального строительства]
[Вятского ИТЛ МВД СССР]

№ п.п.	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Специальность	Откуда прибыл	Примечания
1	ГРИГОРЬЕВ Иван Афанасьевич	1895	сапожник и плотник	26/II 3 ОЛП	
2	ЗАРЕЧЕНСКИЙ Федор Филиппович	1910	плотник	2/III —»—	
3	ДЕРЯБИН Антон Петрович	1910	возчик	25/II —»—	
4	БЕЛОВ Яков Иванович	1888	подр. плотн.	25/II —»—	28/III убыл на актировку
5	БОНДАРЕНКО Пантелей Константинович	1884	агроном парников. рам	8/III —»—	
6	ПУРТОВ Григорий Яковлевич	1904	плотник	11/II 6 ОЛП	
7	ЛЕБЕДЕВ Аристарх Тимофеевич	1909	—»—	9/II —»—	
8	ЗАМЯЦКИН Елизар Федорович	1915	—»—	11/III —»—	6/V уб. с/х № 3
9	ГЕРАСИМЕНКО Артем Евдокимович	1892	подсобн. раб.	11/III —»—	
10	ПАРАДЕЕВ Дмитрий Павлович	1904	плотник	9/III —»—	6/V уб. с/х № 3
11	ЯБЛОНОВСКИЙ Григорий Михайлович	1890	—»—	4/III 8 ОЛП	

12	ГАЙДАМАК Степан Петрович	1913	—»—	22/II 9 ОЛП	
13	ЗАГРИВКОВ Виктор Сергеевич	1914	—»—	22/II —»—	
14	ФОМИН Михаил Дмитриевич	1909	—»—	22/II —»—	
15	ГОЛОВИН Яков Иларионович	1919	—»—	8/II —»—	
16	ПУТИЛОВ Андрей Васильевич	1900	—»—	6/III —»—	
17	ЗАЛЕВСКИЙ Георгий Фомич командир.	1902	—»—	22/II —»—	9/VI уб. ст. Яр в
18	МЕЗЕНЦЕВ Иван Венедиктович	1899	—»—	22/II —»—	
19	ПОХИЛЕЦ Хволофил Семенович	1911	—»—	19/III13 ОЛП	1/IV уб. по актировке
20	ГУБЕНКО Павел Гаврилович	1898	—»—	11/III —»—	6/V уб. с/х № 3
21	ЧУГУН Александр Иванович	1906	—»—	21/III —»—	то же
22	ПРОКОПЕЦ Федор Устинович	1890	сторож	25/II —»—	
23	БОГОМАЗ Иван Венедиктович	1891	—»—	25/II —»—	
24	ЮЗЕЕВ Игнатий Афанасьевич	1901	плотник	25/II —»—	
25	ИНЯКИН Семен Романович	1889	—»—	16/III —»—	6/V уб. с/х № 3
26	ТИТОРЕНКО Федор Андреевич	1900	—»—	16/III —»—	

27	ЕМЧЕНКО Митрофан Данилович	1888	конюх	16/III —»—	
28	КАСЬКОВ Николай Васильевич	1885	сторож	16/III —»—	6/V уб. с/х № 3
29	БУДЫКА Николай Степанович	1902	плотник	16/III —»—	с 17/VI уб. в команд. ст. Яр
30	ДЫРДА Петр Матвеевич	1890	—»—	25/II —»—	
31	ВОЛОДИН Петр Иванович	1910	бондарь	16/III —»—	
32	МЕДВЕДЧИКОВ Григорий Данилович	1905	плотник	16/III —»—	
33	ТАРАН Семен Тимофеевич	1896	—»—	16/III —»—	
34	КЛИППА Иван Вакулович	1893	—»—	24/II —»—	
35	ВАЖЕВ Филарет Васильевич	1886	подсобн. раб.	15/III —»—	6/V уб. с/х № 3
36	СИТКОВСКИЙ Иван Радионович	1906	подсоби. раб.	15/II 13 ОЛП	
37	ПОНОМАРЕВ Иван Андреевич	1890	—»—	25/II —»—	
38	МУХОМЕДОВ Хаким Шакирович	1906	плотник	25/II —»—	с 1/VI в команд. ст. Яр
39	ПЕТЛЮК Павел Иванович	1900	конопатчик и плотник	15/III —»—	6/V уб. в с/х № 3
40	КОРОБКО Василий Николаевич	1905	печник и маляр	25/II —»—	с 17/VI в команд. ст. Яр
41	ПЛАКСИН Федор Алексеевич	1922	плотник	25/II —»—	то же

42	ДЕЕВ Александр Николаевич	1919	—»—	23/II —»—	
43	ШУЛЬГА Архип Романович	1896	—»—	15/III —»—	
44	ТРОЯНОВ Григорий Захарович	1888	—»—	16/III —»—	
45	БРАЖЕНКО Андрей Авдеевич	1906	—»—	24/II —»—	
46	МОРГУН Прокофий Алексеевич	1892	возчик	25/II —»—	
47	ГАЛАЙДА Петр Филиппович	????	—»—	25/II —»—	11/V уб. по актировке
48	УСОЛЬЦЕВ Максим Андреевич	1924	—»—	25/II —»—	6/V уб. в с/х № 3
49	БРАГИН Иван Назарович	1923	—»—	25/II —»—	
50	ПИРОГОВ Дмитрий Николаевич	????	—»—	25/II —»—	19/VI уб. по актировке
51	ПЕРЕПЕЧА Виктор Григорьевич	1910	бондарь и столяр	4/IV —»—	
52	ШЕПЕТА Антон Максимович	1913	десятник лесозагот.	10/IV —»—	
53	РУДАКОВ Федор Евлампиевич	1893	столяр	4/IV —»—	
54	ДИМАКОВ Михаил Сергеевич	1891	—»—	11/III 12 ЛЗО	14/III убыл в стационар
55	НОВОКРЕЩЕНОВ Михаил Филиппович	1888	дневальный	11/III —»—	1/IV уб. по актировке
56	НЕЖУРКО Федор Парфентьевич	1898	истопник	11/III —»—	6/V уб. с/х № 3

57	КИСЕЛЕВ Василий Петрович	1914	—»—	11/III —»—	
58	ПОПОВИЧ Тимофей Федорович	1907	подсобн. рабочий	11/III —»—	
59	МАРЧЕНКО Василий Васильевич	1890	плотник	11/III —»—	6/V уб. с/х № 3
60	ШАВРИН Федор Степанович	1898	—»—	11/III —»—	9/IV в команд. в Лойно
61	СОКОЛОВ Павел Петрович	1912	—»—	11/III —»—	6/V уб. в с/х № 3
62	НАКОНЕЧНЫЙ Василий Лаврентьевич	1906	—»—	11/III —»—	6/V уб. с/х № 3
63	ЧУГЛОВ Леонид Константинович	1910	—»—	11/III —»—	
64	ДАЛОВ Демьян Филатьевич	1890	чернораб.	11/III —»—	
65	ПОПОВ Дмитрий Прохорович	1914	подсобн. рабочий	11/III —»—	
66	НЕЧАЕВСКИХ Филипп Лупанович	1897	—»—	11/III —»—	с 17/VI в команд. ст. Яр
67	БЕВЗ Петр Евгеньевич	1909	чернорабоч.	11/III —»—	20/V уб. по актировке
68	ВАСИЛЬЕВ Кирилл Иванович	1903	слесарь	11/III —»—	
69	ЕВТУШЕВСКИЙ Афанасий Федорович	1888	подсобн. рабоч.	11/III —»—	6/V уб. с/х № 3
70	ЛЫСОКОНЬ Тихон Евтифеевич	1899	плотник	11/III —»—	
71	ШЕВЧЕНКО Петр Леонтьевич	1913	подсобн. рабочий	11/III —»—	
72	ФАИЗОВ Гальфедин	1918	—»—	11/III —»—	

73	САФРОНОВ Михаил Сергеевич	1890	плотник	11/III —»—	
74	ЛУКИН Денис Лукич	1901	подсобн. рабочий	10/III —»—	
75	МАЛЫГИН Степан Клементьевич	1924	плотник	11/III —»—	
76	КАРДЫШЕВ Григорий Андреевич	1898	—»—	20/II	Дом/отд.
77	БАТРАКОВ Иван Максимович	1895	дневальн.	20/II —»—	
78	ГАЙДАМАК Павел Васильевич	1922	плотник	20/II —»—	
79	КРАШЕНИНИК Иван Спиридонович	1906	сапожник и плотник	28/II —»—	
80	ПАХТУСОВ Михаил Федорович	1891	плотник	20/II —»—	6/V уб. с/х № 3
81	ШЕВЕЛЕВ Гордей Сергеевич	1902	—»—	19/II —»—	
82	ГАЛУШКА Михаил Иванович	1898	—»—	11/IV —»—	с 17/VI в ком. ст. Яр
83	СУРЕЛЬ Ефи Осипович	1902	—»—	17/IV —»—	
84	БОЛХОВ Степан Владимирович	1898	плотник и штукатур	17/IV —»—	
85	ОЩЕПКОВ Виктор Ананьевич	1918	возчик	18/III 17 ОЛП	
86	ГУЛОШНИКОВ Аркадий Семенович	1923	—»—	—»—	с 15/VI в команд. ст. Яр
87	ДАРЕНСКИХ Николай Иванович	1903	подсобн. раб.	—»—	
88	САВЕЛЬЕВ Антон Иванович	1907	плотник	—»—	

89	МЕЛЬНИКОВ Павел Алексеевич	1916	плотник и печник	—»—	с 14/V в ком. на 4 заводе
90	МЕЛЬНИКОВ Петр Алексеевич	1925	плотник	—»—	с 17/VI в команд. ст. Яр
91	КОСОБРЮХОВ Николай Сильверстович	1899	—»—	—»—	
92	СОРОКИН Гавриил Егорович	1889	конюх, сторож	—»—	18/V убыл по суду в заключение
93	БЕЛОВ Федор Николаевич	1910	плотник	—»—	
94	МОРОЗОВ Дмитрий Филаретович	1921	—»—	—»—	
95	КВАШНИН Еремей Иванович	1909	сапожник	—»—	
96	СОТНИКОВ Яков Григорьевич	1890	плотник	—»—	
97	ЦАПОВ Петр Андреевич	1904	подсобн. рабочий	13/II 18 ОЛП	6/V уб. с/х № 3
98	МИРОШНИЧЕНКО Илья Иосифович	1891	подр. плотн.	11/III— 1 отд.	
99	СОЛОВЬЕВ Федор Андреевич	1923	подсобн. рабочий	2/III —»—	6/V уб. с/х № 3
100	БОЖЕНОК Иван Тихонович	1904	сапожник	14/V —»—	с 29/V в команд. ст. Яр
101	ТУРЧАК Николай Андреевич	1911	чернорабоч.	10/VI 4 ОЛП	6/V уб. с/х № 3
102	ШИГАЕВ Алексей Сергеевич	1913	кузнец	13/III-с/х—3	6/V уб. с/х № 3
103	СИТОВ Степан Григорьевич	1910	плотник	10/III—12 ЛЗО	6/V уб. с/х № 3
104	РАГОЗИН Прокофий Григорьевич		плотник	18/VI — Омутнинского сенокоса	

105	ЧЕРНОЛИХОВ Григорий Федорович	1901	—»—	—»—
106	ЧЕЧЕНЬ Василий Петрович	1891	—»—	—»—
107	ШИРОКОВ Федор Семенович		—»—	—»—
108	КОРСУКОВ Петр Тимофеевич	1901	плотник и столяр	3/VI — 1943 Тюменская обл.
109	НЕМКОВ Афанасий Яковлевич	1898	плотник	то же
110	ГРУДИНИН Петр Дмитриевич	1893	—»—	то же
111	НЕРАДОВСКИЙ Поликарп Кузьмич	1892	—»—	то же
112	АНДРЕЕВ Анастасий Харитонович	1915	пособн. рабочий	то же
113	ГОЛОВИН Иван Федорович	1900	бондарь и плотник	то же

Нач. ОКС Вятлаг (ВАСИЛЬЕВ)
инженер
Глав. бухгалтер ОКСа (МАКСАКОВ)
29/VI—1946 г.
(Там же).

V

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД

«20» декабря 1943 г. № 00577 ст. Лесная

СОДЕРЖАНИЕ: О содержании трудпоселенцев в подразделениях Вятлага НКВД.

Согласно директиве Зам. Наркома Внутренних дел СССР — комиссара госбезопасности 2 ранга т. Чернышова № 52/22583 от 27/XI—43 г. комиссия с 13/XII по 16/XII—43 г. провела обследование состояния учета, медико-санитарно-бытового обслуживания, режима и трудоиспользования трудпоселенцев.

Комиссией установлено, что на 12-й ЛЗО 2=й лесопункт имеют место грубые нарушения моего приказа за № 090 от 26/X—43 г. (не обнаружен — *В.Б.*) в предоставлении рабочим регулярно выходных дней и установленного распорядка дня, как, например, в ноябре месяце, бригада в количестве 13 человек имела один выходной день, в декабре из этой же бригады отдыхали только 6 человек.

На этом же лесопункте имеют место случаи, когда трудпоселенцы находятся на работе по 14—16 часов и в отдельных случаях более 16 часов, по 3-му лесопункту 12-го ЛЗО и 3-му ОЛП заход рабочих до места работы доходит до 5—7 клм в один конец. На 3-м лесопункте 12 ЛЗО помещение, где проживают трудпоселенцы, полностью к зиме не подготовлено (не утеплены наружные двери, нет тамбуров).

На 3-м ОЛП у трудпоселенцев обнаружена вшивость, из-за невыполнения комплексной санобработки.

В результате вышеуказанных недочетов часть рабочих является ослабленной и нуждается в оздоровительных мероприятиях.

Обращая внимание начальников ОЛП и ЛЗО на недопустимость такого положения в использовании трудпоселенцев —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику 12-го ЛЗО т. МАКИЕВСКОМУ в течение декабря трудпереселенцам дать отгул за непредоставленные выходные дни и впредь не допускать нарушения моего приказа за № 090 от 26/X—43 г.

2. Начальнику 2-го лесопункта «Мурис» 12-го ЛЗО т. ГУРЕВИЧ, за грубое нарушение в использовании трудпоселенцев — объявить строгий выговор с предупреждением.

3. Начальнику 3 ОЛП т. БРАТНИКОВУ и 12 ЛЗО т. МАКИЕВСКОМУ в пятидневный срок ликвидировать все недостатки, отмеченные комиссией, и по устранению этих недостатков рапортом донести мне.

4. Начальникам ОЛП и ЛЗО обратить серьезное внимание на содержание трудпоселенцев, за грубые нарушения буду накладывать более строгие меры взыскания.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТЛАГА НКВД
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ЛЕВИНСОН)

(Там же. Фонд секретариата. Подшивка: «Приказы начальника Управления Вятлага НКВД СССР за 1943 год. По личному составу». Лист 88.)

VI

Из Мартиролога Вятлага НКВД-МВД СССР
(составил В.И. Веремьев)

АБСАЛЯМОВ (АБСОЛЯМОВ)

Фазлей Таминдарович (Тамидорович-Татадерович).

Родился в 1884 г., место рождения и жительства: деревня Чесноковская(?) Чесноковского(?) сельсовета Краснохолмского района Чкаловской/Оренбургской области (Россия), татарин, родной язык татарский, гражда-

нин СССР, из крестьян-середняков (кулаков/?/), образование — 2 класса, беспартийный, без специальности, земледелец (крестьянин, хлебороб), женат, 7 детей (3 сына и 4 дочери, 1908—1939 гг. рождения), выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения — Россия, Вологодская область, Тотемский район, Матвеевский сельсовет, колхоз имени 18-го партсъезда(?), прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологды как «трудмобилизованный», содержался на 13-м, 5-м и 3-м лагпунктах, трудоиспользование: рабочий 13-го лагпункта, пожарный боец лесозавода № 1, рабочий базы № 2 Отдела общего снабжения, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендатуры № 19/1(?), категория контингента — «кулаки», место регистрации — 3-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Малый Созим), признан 19.08.1943 г. инвалидом 2-й группы (старческая дряхлость с резким упадком питания и субкомпенсированным миокардиосклерозом), умер 08.03.1945 г. от туберкулеза легких и туберкулезной кахексии, 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, место жительства родственников (жена, Абсалямова Галия Исмаиловна, по сведениям на 03.10.1945 г.): Россия, Вологодская область, Тотемский район, село В-Пельшма(?), номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К—231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка персонального учета спецпереселенцев — от 10.08.1947 г., № 1, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — от 10.08.1947 г., № 1 (с приложениями на 9 листах).

ПРИЛОЖЕНИЕ

* * *

АКТ

Врачебно-медицинской комиссии 13-го ОЛП
Вятлага НКВД СССР

гр-н Абсолямов Фазлыт
Таминдарович 1884 г.
прошел врачебную комиссию 13-го ОЛП
Вятлага НКВД СССР, в результате
медосмотра найдено, что

страдает старческой дряхлостью с резким упадком питания и субкомпенсированным миокардиосклерозом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ:

Гр-н Абсолямов Фазлыт Таминд. к физическому труду негоден.
Инвалид «II» группы.
Председатель комиссии: НАЧ. САНЧАСТИ (Подпись, неразборчиво)
Члены: 1. (Подпись, неразборчиво)
Врачи 2. (Подпись, неразборчиво)
19 Авг. 43 г.
(Печать 13-го лагподразделения Вятского ИТЛ НКВД СССР)

* * *

Вятлаг НКВД
Санитарный отдел
19 26 43
ноября Соцгородка

Выписка из протокола
Врачебной Комиссии
при поликлинике
Вятлага НКВД

АБСАЛЯМОВ Физли Таминдар. — от 28/XI 43 года
пож. команда лесозавода.

Диагноз: алиментарная дистрофия. Кардиосклероз декомпенсация сердца отеки

Врачебное заключение:

Освобожден от работы до 5/XII—43 года.

К службе пожохраны не годен.

Подписали врачи: Краснокутский
Колпашикова

Верно: (Подпись, неразборчиво)

* * *

Перемещается пожбоец лесозавода № 1
трудпересленец

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА №___

«4» декабря 1943 г.

От отдела кадров Вятлага

Кому — Нач. ООС т. Бибиргал

При этом направляется на работу тов. Абсолямов Фазлет Таминдарович на должность рабочего базы ООС № 2 с окладом сдельно с «6» декабря 1943 года явиться к «___» час. утра.

Нач. ОК Вятлага (Подпись, неразборчиво)
Ст. инспектор ОК (Подпись, неразборчиво)
[Подпись на обороте:] Абсалямов

* * *

Вятлаг НКВД
Санитарный отдел
19 7 43
XII

Выписка из протокола
Врачебной-Трудовой Комиссии
при поликлинике
Соцгородка Вятлага НКВД
от 6 декабря м-ца 43 г.

Ф.И.О. АБСАЛЯМОВ Фазлей Таминдарович

Место работы: пожкоманда лесозавода.

Диагноз: Алиментарная дистрофия кардиосклероз декомпенсац. сердца отеки

Врачебное заключение:

Освобожден от работы до 5/XII—43 г. К службе в пожкоманде не годен.

Подписали врачи: (Краснокутский)
(Колпашикова)

Верно: (Подпись, неразборчиво)
[Надпись:]
— ОК
Уволить
7/XII (Подпись, неразборчиво)

* * *

Составляется в 4-х экз.
1—2-й экз. — во 2-й Отдел Вятлага,
3-й экз. — 2-й части лагпункта
4-й экз. — Сано Вятлага.

АКТ О СМЕРТИ

Мы, нижеподписавшиеся Начальник лагпункта 4 центр. б-ца Евно Н.К.
Начальник 2-й части Симонова К.Н.
Начальник лазарета Красуский В.С.
Врач лазарета Гоффман
Дежурная сестра_____,
составили настоящий акт в том, что «8» числа марта м-ца 1945 г. в лазарете 4 ОЛП умер з/к

Абсолямов Федор Тиминдарович
1884 г. спецпереселенец

[На обороте]
Смерть последовала от туберкулеза легких туберкулезной кахексии
Труп отправлен на кладбище 4 для погребения

Подписи: Нач. «4» ОЛП	(неразборчиво)
Нач. 2 части	(неразборчиво)
Нач. Санчасти	(неразборчиво)
Врач	(Гоффман)

* * *

В управление
Вятского НКВД
от Абсалямовой Г.И.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу Вятское НКВД выслать мне вещи и деньги моего мужа, у его было много вещей и денег, а куда девались, ничего не известно, а я страдаю одна с четырьмя детьми и нет никаких льгот. Если вещи нельзя выслать, то выслать деньгами, а вещи продать. Прошу помочь, если не будет оказано соответствующее содействие, то буду хлопотать через высшие органы, так как сыны его защищают родину и награждены несколько (раз), а сыны этого так не оставять.

Прошу сообщить по адресу
Вологодская обл.
Тотемский р-н

В-Пельшма
Абсалямовой Галии Исм.
[сентябрь 1945 г.]

* * *

т. Васильева 5/431
Возьмите на контроль
исполнение для ответа
его жене
3/X (Подпись, неразборчиво)

3 X 45

Нач. 3-го ОЛП Вятлага
старшине т. Авдонину

8/III—1945 г. в центральной больнице 4-го ОЛП умер рабочий 3-го ОЛП спецпереселенец Абсольденов Федор Таминдрович, прошу срочно сообщить, где находятся его вещи, для отсылки таковых его жене.

Зам. нач. ОК
Лейтенант (Подпись, неразборчиво)
[Надпись:]
т. Приходько
Сообщено по телефону
адрес его жены на пересылку(?) денег
V.45 г.(?) (Подпись, неразборчиво)

(Архив Вятского УЛИУ — Учреждения К-231 — Вятского ИТЛ. Фонд отдела кадров. Служебная карточка Абсалямова Ф.Т. /форма № 2/).

АКИМЕНКО

Александр Арсентьевич (Аксентьевич-Арсеневич-Арсенович).

Родился в 1891 г., место рождения и жительства: село Троцкое(?) Таврической губернии, украинец, родной язык украинский, гражданин СССР, из крестьян, образование начальное (сельская школа), беспартийный, земледелец (хлебороб), женат, 2 детей (дочери, 1917 и 1922 гг. рождения), особые замечания: «служил в старой армии (1914—1918 гг., рядовой) и в РККА (1919—1920 г., Урал, рядовой, имеет ранение)», выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения — Россия, Вологодская область, Сямжинский район, колхоз «Ширига», прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологды как «трудмобилизованный», содержался на 3-м, 1-с/х и 16-м (центральная больница) лагпунктах, трудоиспользование: рабочий, пилоправ, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендатуры № 19/1, категория контингента — «кулаки», место регистрации — 3-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Малый Созим), признан 11.07.1945 г. инвалидом 2-й группы (рак гортани и раковая кахексия), актирован, отправлен из Вятлага 25.08.1945 г. по адресу: Россия, Вологодская область, к месту назначения не прибыл, признан «без вести отсутствующим», место жительства родственников: жена, Акимен-

ко/Гридун Мария Григорьевна (по сведениям на 07.04.1946 г.) — Россия, Вологодская область, Сямжинский район, почтовое отделение Ритино, поселок Шырега; дочь, Акименко Раиса Александровна (по сведениям на 23.04.1946 г.) — Россия, Куйбышевская/Самарская область, Сызранский район, рудник Кашпир, улица Чапаева, дом 2, квартира 3, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, № 2 (с приложениями на 9 листах).

ПРИЛОЖЕНИЕ:

* * *

АКТ

Врачебно-медицинской комиссии Поликлиники Управления Вятлага НКВД СССР

Гр. АКИМЕНКО, АЛЕКСАНДР АРСЕНТЬЕВИЧ

прошел врачебно-медицинскую комиссию в Поликлинике Управления Вятлага НКВД СССР, в результате медосмотра найдено, что гр. АКИМЕНКО А.А. резко истощен, анемичен, голос хриплый, увеличение шейных желез, особенно слева. Левая половина гортани неподвижна, левая истинная и ложная голосовые связки тумерозно изменены. Голосовая щель 3—4 м/м. Внутренняя поверхность надгортанника и также левый черпал раковой опухолью перерожден. Diagnos: Рак гортани и раковая кахексия.

Заключение комиссии:

Гр. Акименко Александр Арсентьевич к физическому труду не годен. Инвалид II группы.

Председатель комиссии (Красуский)
Члены: 1. (Утцаль)
2. (Поллачек)
(Не датировано)

* * *

ВЯТЛАГ НКВД
САНИТАРНЫЙ ОТДЕЛ
8
19 45 г.
VIII

Выписка из протокола ВТЭК при поликлинике от 11/VII 45 г.

гр-н Акименко Ал-др А.

страдает заболеванием: Рак гортани.

Заключение: к службе в органах НКВД не годен, подлежит актации.

Подписи:

Врачи: Монтвид Матвеева

Выписка верна.

Секретарь САНО (Подпись, неразборчиво)

* * *

СПРАВКА

Дана трудпоселенцу АКИМЕНКО
Александра Алексеевича

в том, что он работал в Вятлаге НКВД СССР с «20» мая 1943 г. по «24» августа 1945 г. и на основании директивы НКВД СССР за № 581 от 16 XI—1943 года и заключения медкомиссии при поликлинике Управления лагеря от «11» августа 1945 г. возвращается обратно к прежнему месту жительства по болезни.

Выдан на руки акт врачебной комиссии от «11» августа 1945 г.

НАЧАЛЬНИК ОК ВЯТЛАГА НКВД (Подпись, неразборчиво)

«13» августа 1945 г.(?)

* * *

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧ. УПР. ВЯТЛАГа НКВД
полковник /КУХТИКОВ/
«29» Авг. 1945 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1945 г. августа 13 дня я, инспектор Отдела Кадров Вятлага НКВД СССР Васильева, рассмотрев материал на трудпоселенца Акименко Александра Арсентьевича,

НАШЕЛ:

Акименко Александр Арсеньевич
родился в 1891 г. уроженец Таврической губернии с. Троица
национальность украинец ранее не судим

согласно акту медицинской комиссии Поликлиники Управления Вятлага НКВД СССР от 11 августа 1945 г. гр-н Акименко признан к физическому труду негодным, инвалид.

ПОЛАГАЛ БЫ:

Гр-на Акименко Александра Арсеньевича согласно заключению врачебно-медицинской комиссии Поликлиники Управления Вятлага НКВД СССР от «11» августа 1945 г. как негодного к физическому и умственному труду инвалид «__» группы от работы освободить с правом выезда с территории лагеря (в) Вологодскую область Сямженский р-н Ратинский с/с к-з Шириха.

Ст. Инспектор Отдела Кадров (Подпись, неразборчиво)

«Согласен»

Нач. Отдела Кадров (Подпись, неразборчиво)

«13» VIII 1945 г.

Работал в Вятлаге НКВД с «20» мая 1943 г. по «__» настоящее время.

Ст. Инспектор ОК (Подпись, неразборчиво)

Пр. 0086 от 26/IX—45 г.

* * *

Вятлаг НКВД
4 ОЛП
12/IX—1945 г.

СПРАВКА.

Дана настоящая справка трудпереселенцу Акименко Александру Арсеньевичу в том, что расчет с ним произведен полностью и задолженности за ним не числится.

Нач-к 4 ОЛП (Подпись, неразборчиво)
Гл. бухгалтер (Подпись, неразборчиво)
(Треугольная печать 4-го ОЛП Вятского ИТЛ НКВД СССР)

* * *

Кировская область
Кайский р-н
Станция Лесная
Начальнику Отдела Кадров

Начальнику отделов (орфография подлинника. — *В.Б.*) кадров.

Прошу вас пожалуста сообшыте мне: где находитца мой муж Акименко Александр Аксентьевич, так как он последнее время на ходился в больнице и сентября месяца письм от него не получаем.

Прошу пожалуста сообшыте куда выбыл
по адресу
Сямжинский р-н
п/о Ритино
поселок Шырега
Акименко Марие Григорьевне
7/IV—46 г.

* * *

СССР
Народный Комиссариат
Внутренних Дел
Управление НКВД
по Вологодской области
СЯМЖЕНСКОЕ
районное отделение
«18» IV 1946 г.
№ 505

СЕКРЕТНО
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА КАДРОВ ВЯТЛАГА
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ст. ЛЕСНАЯ
Вх. № 283
27.IV.46 г.
[Надпись:]
— т. ВАСИЛЬЕВОЙ
Сообщить.
6/V
(Подпись, неразборчиво)

Сямженская Спецкомендатура Вологодской области просит сообщить, работает ли в настоящее время у Вас на производстве АКИМЕНКО Александр Арсентьевич.

Если последний от Вас выбыл, сообщите когда, куда и на основании каких Документов, так как последний является спецпереселенцем и Должен прибыть на место спецпоселения в Сямженский р-н Вологодской области.

Ответ не задержите.

КОМЕНДАНТ СПЕЦКОМЕНДАТУРЫ
СЯМЖЕНСКОГО РО МВД СТ. Л-Т (ВАХРУШЕВ)

* * *

вх. № 865
23/IV—46 г.
т. ВАСИЛЬЕВОЙ
Сообщите
(Подпись, неразборчиво)
24/IV
(Орфография подлинника. — *В.Б.*)

Уважаемый нач. отдела кадров!

К Вам был направлен по мобилизации на оборонные работы Акименко Александр Аксентьевич.

В настоящее время о его судьбе ничего не известно, где он находится, жив ли и где работает. Последнее письмо было от него 29 июня 1945 г., он лежал в больнице при сан. городке.

В данное время от его нет никакого слуха. Это молчание меня сильно тревожит, как дочь его, поэтому Вас убедительно прошу, дать мне ответ, не посчитайте за трудность, сообщите хоть несколькими словами о его жизни. За Ваши услуги я буду очень Вам благодарна.

С приветом Р. Акименко
Пишите ответ по адресу:
Куйбышевская обл. Сызранский р-н
Кашпир-рудник ул. Чапаева д. 2 кв. 3
Писаревскому К.А.

* * *

ИСХ—5/371
20/V—46 г.

КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТЬ
СЫЗРАНСКИЙ Р-Н
КАШПАР-РУДНИК ул. ЧАПАЕВА
д. № 2 кв. № 3

На Ваше письмо на имя начальника ОК сообщаем, что АКИМЕНКО Александр Аксентьевич был актирован 25/VIII—45 года и уехал в Вологодскую область Сямженский р-н Ратинский с/совет колхоз Шариха.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ
ИТЛ «К» ВЯТЛАГА МВД
ЛЕЙТЕНАНТ (МАТУШКИНА)
СТ. ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА КАДРОВ
ИТЛ «К» МВД (ВАСИЛЬЕВА)

* * *

Исх. № 5/501
14/VI 46 г.

КОМЕНДАНТУ СПЕЦКОМЕНДАТУРЫ
СЯМЖЕНСКОГО РО МВД
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
г. ВОЛОГДА

На Ваш № 505 от 18/IV—46 года сообщаем, что спецпереселенец АКИМЕНКО Александра Арсентьевича (орфография подлинника. — *В.Б.*) был актирован 25/VIII—45 года и убыл в Вологодскую область Сямженский р-н к-з Шириха.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА КАДРОВ
ВЯТЛАГА МВД
ЛЕЙТЕНАНТ (МАТУШКИНА)
СТ. ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА КАДРОВ
ВЯТЛАГА МВД (ВАСИЛЬЕВА)

(Архив Вятского УЛИУ — Учреждения К-231 — Вятского ИТЛ. Фонд отдела кадров. Служебная карточка Акименко А.А., форма № 2, приложение.)

АКСЕНТЬЕВ
Константин Иванович.

Родился в 1923 г., место рождения и жительства: деревня Сараткуль Сараткульского сельсовета Ольховского района Челябинской области (Россия), русский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, образование — 7 классов, беспартийный, тракторист, моторист, холостой, выселен в 1930 г. вместе с родителями (как «социально чуждыми элементами»), место поселения — Россия, Омская область, Уватский район, Красноярский сельсовет, поселок Екимовка, жил и работал (1941—1943 гг.) в городе Нижний Тагил (Свердловская область), в Тобольском районе Омской области, железнодорожник (рабочий, моторист), прибыл в Вятлаг 01.06.1943 г. из Омска как «трудмобилизованный», содержался на 12-м и 16-м лагпунктах (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Има), трудоиспользование: разнорабочий, рабочий дороги, без вести отсутствует с августа 1945 г. (бежал/?/), номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К—231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2, с приложениями на 1 листе) — без датировки, без номера.

АЛФЕРОВ
Григорий Гаврилович.

Дата рождения, место рождения, жительства и другие персональные учетные данные — не установлены, прибыл в Вятлаг 20.05.1943 г. из Омска как трудмобилизованный, содержался на 12-м лагпункте (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Има), трудоиспользование: разнорабочий, спецпоселенец, категория контингента — «кулаки», состоял на учете спецкомендатуры № 19/1 (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, поселок Лесной), категория контингента — «кула-

ки», выбыл по состоянию здоровья 07.08.1943 г. по адресу: Россия, Омская область, город Омск, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Учреждения К-231 отсутствует), карточка семейного учета спецпереселенцев — от 10.08.1947 г., № 3, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, № 3.

АНДРЕЕНКО
Илья Яковлевич.

Родился в 1889 г., место рождения и жительства: Николаевский сельсовет Покровского района Днепропетровской области (Украина), украинец, родной язык русский, гражданин СССР, из крестьян-середняков, образование — 4 класса, беспартийный, без специальности, земледелец, женат, 4 детей (сыновья), выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения — Россия, Вологодская область, Тарновский район, Верховский сельсовет, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологды как «трудмобилизованный», содержался на 13-м и 3-м лагпунктах, трудоиспользование: разнорабочий, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендатуры № 19/1, категория контингента — «кулаки», место регистрации — 3-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Малый Созим), умер 02.02.1944 г. от паралича сердечной деятельности вследствие перерождения сердечных мышц и недостаточности двустворки, 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, могила № А-2, место жительства родственников (на 24.02.1944 г.): Россия, Вологодская область, Тарновский район, Верхне-Спасский сельсовет, Ивасо-Вощевский лесопункт, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка семейного учета спецпереселенцев — от 10.08.1947 г., № 4, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2, с приложениями на 3 листах) — без датировки, № 4.

АНДРЮКОВ
Михаил Дмитриевич.

Родился в 1906 г., место рождения и жительства: деревня Неонилино Неонилевского сельсовета Ольховского района Челябинской области (Россия), русский, гражданин СССР, из крестьян, образование — 3 класса сельской школы, беспартийный, земледелец, специальное указание: «находился в 1918 г. на территории белых (по месту жительства), работал в своем хозяйстве; отец, мать и сестра выселены в 1929 г. как раскулаченные», женат, 4 детей (сыновья), выселен в 1929 г. как «социально чуждый элемент», место поселения — Россия, Омская область, Уватский район, Красноярский сельсовет, колхоз «Пламя», прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Омской области как «трудмобилизованный», содержался на 12-м и 16-м лагпунктах, временно командировался (на 3 месяца в 1945 г.) на Песковский чугунолитейный завод (Кировская область, Омутнинский район),

трудоиспользование: рабочий, строитель дороги, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендатуры № 19/1(?), категория контингента — «кулаки», место регистрации — 16-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Има, Гидаевская ветка), признан 11.05.1946 г. инвалидом 2-й группы (двусторонний туберкулез легких кавернозной формы), освобожден по состоянию здоровья, убыл 22.05.1945 г. по адресу: Россия, Тюменская область, Уватский район, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка семейного учета спецпереселенцев — от 10.08.1947 г., № 5, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2, с приложениями на 8 листах) — без датировки, № 5.

АРГУНОВ
Али Индрисович.

Родился в 1907 г., место рождения и жительства: аул Зеюко Черкесской автономной области Орджоникидзевского края (Россия), кабардинец, родной язык кабардинский, гражданин СССР, из крестьян-середняков, образование — 3 класса сельской школы, беспартийный, плотник, земледелец, женат, 1 ребенок (сын), специальное указание: «выслан в 1933 г. за саботаж с матерью, братом, женой, снохой и 1 ребенком», место поселения — Россия, Омская область, Васисский район, Васисский сельсовет, колхоз «Красный Черкес», прибыл в Вятлаг 01.06.1943 г. из Омской области как «трудмобилизованный», содержался на 12-м лагпункте, трудоис-пользование: рабочий, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендат у ры № 19/1, категория контингента — «кулаки», место регистрации — 12-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Има), признан 15.12.1943 г. инвалидом 2-й группы (алиментарная дистрофия 2-й степени, малокровие, миокардит), освобожден по состоянию здоровья, убыл 12.01.1944 г. по адресу: Россия, Омская область, Васисский район, Васисский сельсовет, поселок Средний Имчигал, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка семейного учета спецпереселенцев — от 10.08.1947 г., № 6, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2, с приложениями на 3 листах) — без датировки, № 6.

АСАУЛЕНКО
Николай Данилович.

Родился в 1889 г., место рождения: село Завадовка Корсуньского района Киевской области (Украина), украинец, родной язык украинский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, образование среднее специальное (сельскохозяйственный техникум), беспартийный, земледелец (огородник-тепличник), женат, 3 детей (2 дочери и сын), специальное указание:

«служил в старой армии в 1910—1918 гг., унтер-офицер; брат с 1916 г. живет за границей — в Чехословакии, город Прага», место жительства (с 1920 г.) — Украина, Киевская область, Городищенский район, сахарный завод имени Балышева, выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения — Россия, Вологодская область, Вожегодский район, Нижеслободский сельсовет, Вожегодский леспромхоз, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», содержался на 13-м лагпункте, трудоиспользование: рабочий, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендатуры № 19/1, категория контингента — «кулаки», место регистрации — 13-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Раздельная), признан 09.05.1944 г. инвалидом 2-й группы (одряхление, алиментарная дистрофия 2-й степени, субкомпенсированный миокардит, анемия), освобожден по состоянию здоровья, убыл 20.05.1944 г. по адресу: Россия, Вологодская область, Вожегодский район, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка семейного учета спецпереселенцев — от 10.08.1948 г., № 8, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2, с приложениями на 3 листах) — без датировки, № 8.

БОГОМЕТ

Михаил Селиванович.

Родился в 1893 г. в Ново-Миргородском районе Кировоградской области (Украина), украинец, гражданин СССР, из крестьян, беспартийный, без специальности, рабочий, место жительства: Россия, Вологодская область, совхоз № 6(?), прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как трудмобилизованный, спецпоселенец, категория контингента — «кулаки», место регистрации — спецкомендатура № 19/1 (3-й лагпункт Вятского ИТЛ), умер в июле(?) 1943 г., 3-й лагпункт, станция Малый Созим(?), номер личного дела спецпоселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка персонального учета спецпереселенцев — от 10.08.1947 г., № 33, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера.

ВАРАСКА

Агей Иванович.

Родился в 1891 г. в селе (поселке) Снигиревка Снигиревского района Херсонской губернии/Николаевской области (Украина), украинец, родной язык русский, гражданин СССР, из крестьян-середняков, беспартийный, образование — 4 класса, земледелец, женат, 5 детей (4 сына и дочь), жил по месту рождения, особые замечания: «служил в царской армии (1914—1917 гг., рядовой) и в РККА (1919—1920 гг., 15-я Сивашская дивизия, рядовой); судим, приговорен в 1935 г. Вологодским областным судом за «уход с места обязательного поселения» к 20 месяцам исправи-

тельно-трудовых работ», выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения: Россия, Вологодская область, Тотемский район, Велико-Дворский сельсовет, поселок Муравьево, колхоз «III Интернационал», прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, категория контингента — «кулаки», содержался на 13-м лагпункте (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Раздельная), трудоиспользование: рабочий, признан 19.08.1943 г. инвалидом 2-й группы (декомпенсированный миокардит при резком истощении с атрофией мышечной системы, водянка живота, алиментарная дистрофия 2-й степени), умер 25.11.1943 г. от туберкулеза легких, 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, могила № А-22, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера.

ГОРОБЕЦ

Митрофан Григорьевич.

Родился в 1893 г. в Украине, украинец, гражданин СССР, женат, 1 ребенок (дочь), спецпереселенец, место поселения: Россия, Вологодская область, Вожегодский район, разъезд Сямба(?), прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, содержался на 13-м лагпункте, умер 23.08.1943 г. от декомпенсированного порока сердца при общем отеке, 13-й лагпункт, станция Раздельная, могила № Е-15, место жительства родственников (дочь, Кузнецова Мария Митрофановна, по сведениям на 08.12.1956 г.) — Россия, Московская область, Подольский район, станция Щербинка, поселок Мостотреста, дом 9, квартира 3, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера (с приложением на 4 листах).

ЛЫНДЯ

Радион Никитович.

Родился в 1897 г. в деревне Александровка Васильковского района Днепропетровской области (Украина), украинец, гражданин СССР, из крестьян-середняков, беспартийный, неграмотный, кузнец, колхозник (рабочий), женат, 2 детей (дочери), жил по месту рождения, спецпереселенец (административно выселен с женой и 2 детьми в 1933 г.), место поселения: Россия, Вологодская область, Тотемский район, Усть-Печенгский сельсовет, колхоз «18-й партсъезд», прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, категория контингента — «кулаки», содержался на 13-м и 4-м лагпунктах, трудоиспользование: рабочий, признан 06.12.1943 г. инвалидом 2-й группы (алиментарная дистрофия 2-й степени кахектической формы), освобож-

ден 11.12.1943 г. с выездом из ИТЛ, умер 22.12.1943 г. от алиментарной дистрофии 3-й степени кахектической формы и сухого плеврита, 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — от 21.08.1943 г., без номера.

МАХНО
Петр Григорьевич.

Родился в 1909 г. на хуторе Махново Владимировского сельсовета Велико-Богучанского (Велико-Богачинского) района Полтавской области (Украина), украинец, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, образование — 3 класса, беспартийный, земледелец, специальное указание: «кулак», женат, 2 детей (дочери), выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения: Россия, Вологодская область, Нюксенский район, Островский(?) сельсовет, село Костылево, поселок № 1, мехлесопункт, судим, приговорен в 1935 г. за побег из места обязательного поселения к 3 годам исправительных работ, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, категория контингента — «кулаки», содержался на 13-м лагпункте, трудоиспользование: рабочий, признан 19.08.1943 г. инвалидом 2-й группы (декомпенсированный порок сердца, алиментарная дистрофия 3-й степени, асцит, отечность), умер 23.11.1943 г. от алиментарной дистрофии 3-й степени, 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, могила № А-21, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера (с приложением на 4 листах).

МОЛИБОГ (МОЛИБОХ)
Прокоп Макарович.

Родился в 1887 г. на хуторе Долгово (Долговый) Старосельского сельсовета Больше-Александровского района Николаевской/Херсонской области (Украина), украинец, родной язык украинский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, образование — 4 класса, беспартийный, без специальности, земледелец, женат, 2 детей (сыновья), жил по месту рождения, специальное указание: «служил в царской армии в 1910—1917 гг., город Херсон, рядовой; проживал в 1919 г. на территории белых», спецпереселенец, выселен в 1929 г., категория контингента — «кулаки», место поселения: Россия, Вологодская область, Нюксенский район, Брусенский сельсовет, поселок Земняк, колхоз имени Чкалова, мобилизован в мае 1943 г. в «рабочую колонну» НКВД, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологды как «трудмобилизованный», содержался на 3-м и 12-м лагпунктах (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Малый Созим/станция Има), трудоиспользование: рабочий на лесозаготовках, конюх, арестован

24.04.1945 г. оперативно-чекистским отделом при Вятском ИТЛ, приговорен 24.07.1945 г. спецлагсудом при Вятском ИТЛ по статье 58 пункт 10—2 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах, начало срока — 24.04.1945 г., конец срока — 24.04.1951 г., умер 07.12.1945 г., 5 лагпункт, станция Лесная, реабилитирован 10.02.1993 г., архивное личное дело заключенного — № 84038, служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера (с приложением на 1 листе).

ПАКУЛЕВ
Иван Васильевич.

Родился в 1892 г. в поселке Филимоново Филимоновского сельсовета Миасского района Златоустовского округа Челябинской области (Россия), русский, гражданин СССР, из крестьян, образование — 5 классов, беспартийный, плотник, женат, 2 детей (дочери), особые замечания: «служил в царской армии (1914—1918 гг., рядовой, экспедитор легкой батареи, Каменец-Подольская губерния), в белой армии (май—декабрь 1918 г., рядовой, Челябинская область) и в РККА (1919—1922 гг., рядовой, имеет 3 ранения)», спецпереселенец, место поселения: Россия, Омская/Тюменская область, Тобольский район, станция Тюмень, почтовое отделение Чукманское, Верхне-Аремзянский сельсовет, поселок Октябрьский(?), прибыл в Вятлаг 01.06.1943 г. из Омской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, категория контингента: «кулаки», содержался на 12-м лагпункте, трудоиспользование: рабочий, признан 06.12.1943 г. инвалидом 2-й группы (миокардит, кардиосклероз, эмфизема легких, алиментарная дистрофия 2-й степени), умер 17.12.1943 г. от алиментарной дистрофии, 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера (с приложением на 5 листах).

РОГАЧЕВ
Иосиф Андреанович.

Родился в 1890 г. в селе Илонка Иловского сельсовета Алексеевского района Воронежской области (Россия), украинец, родной язык русский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, образование — 3 класса, беспартийный, земледелец (хлебороб), женат, 5 детей (2 дочери и 3 сына), особое замечание: «служил в царской и белой армиях в 1912—1919 гг., рядовой», выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения: Россия, Вологодская область, Бабушкинский район, колхоз имени Калинина, село Лединское, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, категория контингента — «кулаки», содержался на 13-м лагпункте, трудоиспользование: рабочий, умер 30.09.1943 г. от двустороннего крупозного воспаления лег-

ких, 13-й лагпункт, станция Раздельная, могила № Е-37, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера (с приложением на 4 листах).

СПИВАК
Иван Михайлович.

Родился в 1899 г. в деревне Новая Гребля Ново-Гребецкого сельсовета Трелуцкого (Прилукского) района Черниговской области (Украина), украинец, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, образование — 4 класса, беспартийный, земледелец (хлебороб), женат, 1 ребенок (сын), жил по месту рождения, выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения: Россия, Вологодская область, Сямженский район, Ратинский сельсовет, деревня Шерга(?), специальное указание: «судим, приговорен в 1937 г. Вологодским областным судом за побег из места обязательного поселения к 3 годам лишения свободы(?)», прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологодской области как «трудмобилизованный», трудпоселенец, содержался на 13-м лагпункте, трудоиспользование: рабочий, признан 19.08.1943 г. инвалидом 2-й группы (алиментарная дистрофия 3-й степени со значительным асцитом и отеками нижних конечностей при атрофии мышечной системы), умер 04.09.1943 г. от алиментарной дистрофии 3-й степени, 13-й лагпункт, станция Раздельная, могила № Е-17, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера (с приложением на 8 листах).

ФУРДУЙ
Борис Андреевич.

Родился в 1912 г., место рождения и жительства: село Мало-Дворянка Мало-Дворянского сельсовета Еланецкого района Николаевского округа (Николаевской области) (Украина), русский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, малограмотный, беспартийный, земледелец (хлебороб), рабочий на сплаве леса, женат, 2 детей (сын и дочь), выселен в 1930 г. как «социально чуждый элемент», место поселения — Россия, Вологодская область, Тотемский район, леспромхоз, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Вологды как «трудмобилизованный», содержался на 13-м лагпункте, трудоиспользование: рабочий, спецпоселенец, состоял на учете спецкомендатуры № 19 отдела спецпоселений УНКВД по Кировской области, категория контингента — «кулаки», место регистрации — 13-й лагпункт Вятского ИТЛ (Кировская область, Кайский/Верхнекамский район, станция Раздельная), признан 17.09.1943 г. инвалидом 2-й группы («контрактура левого коленного сустава с атрофией мышц; глубокое хроническое расстройство левой стопы после рубленой раны голени с резким ограни-

чением подвижности левой стопы; может передвигаться лишь с помощью костылей»), актирован, убыл 17.09.1943 г. «к последнему месту жительства» (Вологодская область), место жительства родственников (по сведениям на 17.03.1943 г., жена — Федотовская Агния Алексеевна, 1912 г. рождения, сын — Борис, 1936 г. рождения, дочь — Валентина, 1938 г. рождения) — Россия, Вологодская область, Тотемский район, Медведевский сельсовет, деревня Неклюдиха, номер личного дела спецпереселенца — не установлен (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), служебная карточка работника Вятского ИТЛ (форма № 2) — без датировки, без номера.

ЧЕРЕПАНОВ

Севастьян (Саватей) Матвеевич (Мартьянович).

Родился в 1914 г. в деревне Тюменатаевская (Тюменцевская) Тюменцевского сельсовета Упоровского района Тюменской области (Россия), русский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, беспартийный, образование — 1 класс, колхозник (чернорабочий), место жительства: Россия, Тюменская область, Уватский район, поселок Ербаш, прибыл в Вятлаг 12.05.1943 г. из Омской области как «трудмобилизованный», спецпоселенец (трудпоселенец), категория контингента — «кулаки», место регистрации — спецкомендатура № 19/4 (сельхозлагпункт № 4 Вятского ИТЛ), умер 08.07.1947 г. от абсцесса легкого с дистрофией миокарда, сельхозлагпункт № 4, станция Фаленки, личное дело спецпоселенца — № 606—880-а (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует), карточка персонального учета спецпереселенцев — от 01.08.1946 г., без номера, книга учета движения спецпоселенцев, запись — № 1948/20.

Всё мы видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины злой и униженной
Злые дочери и сыны.

А. Баркова

РАЗДЕЛ III

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ЛАГЕРЯХ И НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

Deutsches Rei

Umsiedler-
ausweis

Список
кандидатов, принятых большевиками на партсобрании
24/5 - 1943 года.

Члены ВКП(б):

1. Гавшитейе С.С.
2. Шрк А.К.
3. Штейгервальд Ф.К.
4. Шнеттер О.Л.
5. Кох Ф.К.
6. Киссельман Л.Е.
7. Шмидт А.А.
8. Мулев К.А.
9. Мер И.И.
10. Шмидт В.А.
11. Кальтвассер А.А.
12. Штаб Е.К.
13. Рейх Х.Л.
14. Коль К.М.
15. Кербер К.К.
16. Вельзер К.Ф.
17. Фрольер А.И.
18. Мозевах Д.Г.
19. Меркер Д.Г.
20. Вольф Д.Г.
21. Гайсер Г.Г.
22. Брунгольц К.Г.
23. Вагнер И.Ю.
24. Шмидт К.Г.
25. Кох К.К.
26. Мишель И.Г.
27. Миллер Ф.М.
28. Фльр И.И.
29. Цейлер Д.И.
30. Гауэ Д.А.
31. Бекк А.Г.
32. Ротмар Г.Г.
33. Кейзер А.М.
34. Винкарт А.Ф.
35. Геттингер В.А.
36. Райсе К.К.
37. Кальхофер И.И.
38. Ридель Д.Г.
39. Лорелл И.Ф.
40. Шнеер А.Д.
41. Шмидт И.К.
42. Мюллер И.А.
43. Баландс А.А.
44. Мольхенер Г.А.
45. Гробст В.И.
46. Гирошицце Г.Г.
47. Брюнгардт А.И.
48. Ведель А.Д.
49. Сайтцер И.И.
50. Клейн Г.М.
51. Вилькер К.С.
52. Мох И.И.
53. Шиллинг Г.Г.
54. Вайнгардт Г.Г.
55. Мулев Г.Ф.
56. Кальтвассер К.К.
57. Ридель В.А.
58. Бельцер Г.Г.
59. Альтграфер М.М.
60. Кальхофер В.И.
61. Фенстах И.И.
62. Нейт А.А.
63. Белозеров Р.Б.

Кандидаты в чл. ВКП(б):

1. Гонне Г.Г.
2. Майер В.Ф.
3. Гайер И.А.
4. Мидер К.К.
5. Ридель В.И.
6. Нейфорт А.И.
7. Зейб А.Ф.
8. Борх Э.Э.
9. Бейлинг Г.И.
10. Ридель И.И.
11. Вакко Э.Э.
12. Лоскант К.А.

-мр

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Экз.№ I

336

С П Р А З К А

По состоянию на I июля 1951 года в местах поселений находится 1.155.815 чел. спецпоселенцев немцев, в том числе детей до 16-летнего возраста - 396.047 чел.

Из общего количества спецпоселенцев немцев, содержится в местах поселений по постановлениям Правительства - 803.853 чел., на 351.962 чел. решений Правительства нет и содержатся они на спецпоселении по указаниям НКВД-МВД СССР и решениям Военных Советов фронтов.

Кроме того в местах поселений содержатся 2.771 человек граждан СССР, принявших в период немецкой оккупации германское подданство, т.н. "Фолькс-Дейч", и 2.044 человека членов семей немецких пособников, на которых также решений Правительства о их выселении не имеется.

ЗАМ.НАЧАЛЬНИКА 9 УПРАВЛЕНИЯ МВД СССР,
Полковник - / ПЮСКОРЯКОВ /

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛЕНИЯ 3 ОТДЕЛА
М а й о р - / КУРОЧКИН /

" 26 " октября 1951 года

§ 1. Горькая судьба российских немцев

К началу 1950-х годов почти половину спецпоселенцев в СССР составляли немцы (см. документы приложения). Для подавляющего большинства из них Россия (в ее границах на начало XX века) давно стала истинной родиной. Уже во второй половине XVIII столетия, после известных (1762—1764 годы) «колонизационных» указов Екатерины II, призвавшей иностранцев переселяться в пределы Российской империи, на Нижней Волге появилось более 100 немецких поселений. Несколько позже значительные немецкие колонии возникли в Украине и на Кубани, в Крыму и на Кавказе, на юге Западной Сибири и в Средней Азии. В российских столицах (Москве и Санкт-Петербурге), а также в Прибалтике и в некоторых других регионах на западе страны немцы жили с еще более давних пор. Разрозненные этнические вкрапления или компактные группы немцев имелись в большинстве городов России (включая Вятку) и сыграли в отечественной экономике, культуре, науке, образовании и государственном управлении весьма существенную и по общему счету — несомненно позитивную роль.

Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 19 октября 1918 года была образована Автономная область (Трудовая Коммуна) Немцев Поволжья. Ее появление вполне укладывалось в провозглашенный советской властью курс на развитие национальной государственности у народов России. В состав автономной области вошли 4 уезда Самарской и Саратовской губерний.

В 1922 году ее территория была увеличена за счет соседних регионов, а в декабре 1924 года повысился и ее государственный статус: она была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья (АССР немцев Поволжья, Немреспублика).

По данным Всесоюзной переписи 1939 года, в этой АССР проживали 366 685 немцев, составлявших 60,4 процента населения республики. В целом же по СССР немецкая диаспора была одной из крупнейших и насчитывала 1 427 222 человека. При этом около 400 000 жили в Украине, а примерно 700 000 — в России.

Объективности ради следует заметить, что как имперско-самодержавный режим, так и большевистская власть (особенно сталинского ее периода) не питали к «собственным» немцам особого доверия. Об этом свидетельствуют и германофобские меры царского правительства в последней трети XIX — начале XX века, и массовые этнические чистки среди немцев, предпринятые советскими «органами» в 1930-е годы.

И вот грянул август 1941 года.

Секретным постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года № 2056—933сс «О переселении всех немцев Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» предписывалось депортировать из указанных территорий 480 000 человек. На следующий день — 27 августа — приказом НКВД СССР № 001158 утверждается инструкция по проведению переселения. И лишь 28 августа Указом Президиума Верховного Совета СССР № 21—160 официально объявляется о предстоящем выселении. Наконец, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья» последняя была ликвидирована, а ее территория разделена и передана по частям двум соседним областям — Саратовской и Сталинградской (ныне Волгоградской) (1).

Выдвинутые при этом против поволжских немцев обвинения в чуть ли не поголовном их сотрудничестве с Германией были лишены каких-либо серьезных объективных оснований, не имели ни политического, ни юридического, ни военного смысла (во всяком случае — с позиций здравой логики). Эти абсурдные, совершенно бездоказательные обвинения нужны были сталинскому руководству лишь как формальный повод для перемещения на восток огромной массы людей, которые в будущем могут быть (а могут и не быть!) опасны в развернувшейся войне — просто в силу своей национальной принадлежности.

Таким образом, в Кремле считали эту депортацию, во-первых, предупредительной (превентивной) мерой, а во-вторых — свое-

образным предостережением всем советским немцам. Это была двойная перестраховка — бессмысленная и даже ущербная как в политическом, так и в практическом отношении. Десятки тысяч немцев героически сражались в рядах Красной Армии и погибали в самом пекле набиравшей размах войны, немецкая молодежь осаждала военкоматы, требуя отправки на фронт, среди населения Немреспублики активно шел сбор добровольных пожертвований в фонд обороны, с небывалым напряжением и самоотверженностью велись работы по уборке нового урожая. Но все это было — в приступе овладевшей Сталиным и его сподвижниками националистической паранойи — «вынесено за скобки»: законопослушное и трудолюбивое немецкое население вскоре лишилось всего — родины, жилищ, работы, будущего... Стоит обратить внимание и на следующее немаловажное обстоятельство: непоправимый ущерб был нанесен экономике тех регионов страны, откуда выселялись немцы. Через самое короткое время она буквально рухнула, развалилась, разорилась. Этот реальный экономический ущерб (как для отдельных регионов, так и для экономики страны в целом) никто и никогда не просчитывал, но размеры его, вне всякого сомнения, огромны.

Отраженное, косвенное представление о масштабах этого ущерба можно составить на основании следующих данных. По оценке Госплана СССР (1990 год), отъезд 100 000 советских немцев за рубеж оборачивался для нашей страны в 1980—1990 годах потерей 4 000 000 000 рублей (в ценах тех лет). По этой причине в 1989 году СССР потерял эти самые 4 миллиарда рублей, в 1990 году — уже от 5 до 6 миллиардов, а далее — по возрастающему вектору. В Германии (ФРГ) тоже произвели расчеты, и оказалось, что даже после вычетов расходов на перевозку иммигрантов, строительство жилья для них и различные учебные курсы чистый доход для этой страны составляет несколько больше 4 миллиардов марок на каждые 100 000 немцев, приехавших туда из бывшего СССР. Всего же из Советского Союза и его восприемников за период с 1951-го по 1999 год эмигрировали в Германию (ФРГ) 1 886 534 немца, что, следовательно, принесло в профит последней дополнительно около 75 миллиардов марок (примерно 40 миллиардов долларов). Прибыль — для Германии и потери — для России, сопоставимые с размерами доходной части ее федерального бюджета в 1990-е годы. Такова лишь часть цены «немецкого вопроса»... (Ветеран. 1990.

№ 49. С. 15; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М.: ОГИ-Мемориал, 2001. С. 169).

Депортация поволжских немцев (как и все предыдущие и последующие акции такого рода) проводилась в обстановке традиционного российского хаоса, в атмосфере сверхсекретности и пожарным порядком. Неразбериха на местах сочеталась с ничем не оправданными жестокими принудительными мерами выселения. Людей вынуждали бросать почти все имущество.

Личный скот у колхозников принимали по квитанциям, обещали его вернуть в местах нового поселения, но все эти посулы обернулись фикцией — скот (как и прочая «движимость и недвижимость») был, по сути, просто-напросто конфискован. В неимоверно тяжелых условиях осуществлялось этапирование выселяемых: в вагонах для перевозки скота (так называемых «телятниках» или «краснухах»), при нехватке продовольствия, воды, при отсутствии элементарной заботы о людях. Все это неминуемо оборачивалось самыми печальными последствиями: массовыми заболеваниями и высокой смертностью этапируемых.

Август 1941 года был лишь началом «крестного пути» для советских немцев. В сентябре и октябре того же года последовала целая серия однотипных постановлений Государственного Комитета Обороны СССР (ГКО): о переселении немцев из Ленинграда и Москвы, из Ростовской области и Краснодарского края, из Северного Кавказа и Закавказья, из Запорожской, Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областей — и так далее и тому подобное. Все эти и многие другие директивные акты (Совнаркома, НКВД, органов военного управления) перевели депортацию немцев в особое направление советской внутренней политики, суть и цель которого — установление тотального контроля над всеми гражданами СССР немецкой национальности посредством их интернирования и/или размещения в местах принудительного поселения. И надо отдать должное государственной системе тех лет: эта задача была в общем и целом выполнена.

В приводимых ниже текстах основных правительственных решений о депортациях немцев (август—октябрь 1941 года) четко зафиксирован первый этап этой многолетней политики и практики.

I. ДОКУМЕНТЫ О ДЕПОРТАЦИЯХ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В АВГУСТЕ—ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА

Документ 1

Указ Президиума Верховного Совета СССР
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ПОВОЛЖЬЯ

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в Республике немцев Поволжья или в прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское Правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин

Москва, Кремль
28 августа 1941 года
№ 21—160

(Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 38)

Документ 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ
Народного комиссариата внутренних дел СССР
от 27 августа 1941 года
№ 001158
г. Москва

О МЕРОПРИЯТИЯХ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОПЕРАЦИИ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ НЕМЦЕВ
ИЗ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ,
САРАТОВСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ
(Извлечение)

Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о переселении немцев из Республики немцев Поволжья и Саратовской области осуществить следующие мероприятия:

Командировать на место оперативную группу НКВД СССР во главе с заместителем Наркома внутренних дел СССР Серовым;

ответственность за подготовку и проведение операции возложить на оперативные группы в составе:

в Республике немцев Поволжья — начальника ст. майора госбезопасности тов. Наседкина, наркома внутренних дел Республики Немцев Поволжья майора г.б. Губина, начальника отдела СПУ капитана г.б. Ильина и начальника отдела транспортного управления капитана г.б. Потапова;

в Саратовской области — заместителя начальника КРУ ст. майора г.б. Райхмана, начальника Саратовского УНКВД ст. лейтенанта г.б. Викторова, заместителя начальника СПУ капитана г.б. Дроздецкого.

Ответственным лицам организовать участковые тройки по проведению операции, которую осуществить с 3 по 20 сентября 1941 года по прилагаемой инструкции.

Для проведения операции командировать:

в Республику Немцев Поволжья — 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев во главе с комбригом Кривенко;

в Саратовскую область — 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции, 2300 красноармейцев под командованием полковника Воробейкова.

... Координация всей работы по переселению, перевозкам и расселению — на группе в составе Чернышева — заместителя наркома внутренних дел, Федотова — начальника КРУ, Синегубова — начальника транспортного управления.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. БЕРИЯ

* * *

«УТВЕРЖДАЮ»
НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(Л. БЕРИЯ)
«27» августа 1941 г.

ИНСТРУКЦИЯ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ, САРАТОВСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЯХ.

1. Переселению подлежат все жители, по национальности немцы, проживающие в городах и сельских местностях АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях. Члены ВКП(б) и ВЛКСМ пересылаются одновременно вместе с остальными.

2. Немцы, проживающие в указанных районах, выселяются на территорию Казахской ССР, Красноярского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей.

3. Члены семей военнослужащих Красной Армии рядового и начальствующего состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах расселения преимущество, в первую очередь в хозяйственном и бытовом устройстве.

Подготовительные мероприятия.

1. Утвержденные приказом НКВД СССР областные оперативные тройки комплектуют и утверждают участковые оперативные тройки, в состав которых должны войти: начальник РО НКВД, начальник милиции и секретарь райкома ВКП(б) из тех районов, где больше всего населенных пунктов с немецким населением.

2. Участковые тройки комплектуют из оперативных работников местных органов НКВД, а также прибывших на пополнение чекистов в оперативные группы в составе: оперативного работника, работника милиции, бойца войск НКВД, представителя советско-партийных организаций и лица, отвечающего за опись и приемку имущества.

3. Для составления списков подлежащих переселению оперативные группы выезжают в колхозы, поселки, деревни и в города, где проживает немецкое население, и заполняют учетные карточки на каждую семью, подлежащую выселению, с перечислением всех членов семьи.

4. При составлении учетной карточки главу семьи переселяемых предупреждают, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи.

5. После заполнения учетных карточек участковые оперативные тройки составляют план проведения операции, в котором предусматривают количество семей, подлежаших переселению, количество членов этих се-

мей, наличие подвод и автотранспорта у переселяемых; намечают маршруты движения к станциям погрузки и производят распределение наличного оперативного состава.

Участковые оперативные планы утверждаются областными оперативными тройками.

6. За несколько дней до операции начальники оперативных участков по указанию областных оперативных троек извещают переселяемых о необходимости отправки, разъясняя им порядок переселения. При этом ни в коем случае не допускать никаких собраний и коллективных обсуждений вопросов, связанных с переселением.

Перечень лиц, проживающих в немецких семьях, переселение которых не обязательно.

1. В семьях, где глава семьи (муж) не является по национальности немцем, а жена — немка, в таком случае семья не выселяется.

2. В том случае, если отдельные члены семьи, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (находятся в больнице, командировке и т.п.), то такие лица берутся на учет органами НКВД для последующего направления к новому месту жительства семьи.

Проведение операции.

1. Разрешить переселяемым брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивается, ценности также). Общий вес всех вещей, одежды и инвентаря не должен превышать одной тонны на семью. Громоздкие вещи брать с собой не разрешается.

2. Переселяемым предоставляется определенный срок для сбора и упаковки имущества. Городским жителям разрешается оставшееся лично им принадлежащее имущество реализовать через доверенных лиц, которые в 10-дневный срок продают его и вырученные деньги направляют владельцу по новому месту его жительства.

3. Оставшееся недвижимое имущество переселяемых подлежит переписи представителями советских организаций. При этом переселяемым объявляется, что это имущество: сельскохозяйственные орудия, продовольствие (зернофураж) и скот, кроме лошадей, подлежит оставлению колхозу, колхознику и единоличнику по квитанциям, выданным при описи, за вычетом полного покрытия по обязательным поставкам 1941 г. и недоимок прошлых лет.

4. Предупредить переселяемых, чтобы на упакованных вещах делались бирки с надписью фамилий.

5. Предупреждать переселяемых, чтобы брали с собой запас продовольствия из расчета не менее чем на один месяц.

Передвижение к станциям погрузки.

1. Для перевозки переселяемых к станциям погрузки участковым тройкам учесть весь наличный авто- и гужтранспорт колхозов и районов и распределить с таким расчетом, чтобы все подлежащие вывозу могли взять с

собой полагающееся им по весу имущество. В случае недостатка авто- и гужтранспорта у переселяемых договориться с советско-партийными организациями о дополнительном выделении транспорта.

2. Оперативные группы, проводящие переселение, должны выступать из колхоза или района к пункту погрузки с таким расчетом, чтобы двигаться общей колонной оперативного участка.

3. Областные опертройки к каждой станции погрузки заблаговременно прикрепляют по одному работнику транспортных органов для организации приема и посадки прибывающих переселенцев, а также и отправки эшелонов по установленному графику.

4. На станциях погрузки старший колонны из оперативного состава передает один экземпляр списков начальнику погрузочного пункта, на которого возлагается ответственность за погрузку людей и имущества и отправление эшелонов по установленному графику.

5. В местах погрузки в случае скопления большого количества переселяемых начальник пункта погрузки должен предусмотреть размещение и элементарное обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава.

Перевозки железнодорожным и водным транспортом.

1. Областные оперативные тройки должны составить график подачи вагонов и водного тоннажа по участкам, исключив при этом простой подвижного состава. Также необходимо составить график подхода переселяемых с таким расчетом, чтобы всегда был резерв переселенцев, подлежащих перевозке. На каждый эшелон выделить начальника эшелона из числа начсостава войск НКВД и 21 человек караула.

2. Для оперативного обслуживания переселяемых в каждый эшелон выделить одного оперативного работника.

3. Поезд должен быть составлен таким образом, чтобы 7—9 вагонов оставалось для погрузки имущества переселяемых, один — санитарный и один вагон для караула.

4. Питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах — в железнодорожных и водных буфетах. Горячая пища выдается один раз в сутки и кипяток два раза. Оплату за питание производит начальник эшелона.

5. На расходы за питание переселяемых НКВД-УНКВД выдают начальникам эшелонов аванс, исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути.

6. По договоренности с местными органами власти на каждый эшелон выделить врача и двух медсестер с необходимым инструментарием и медикаментами.

7. В дни проведения операции органам НКВД выставить милицейские заслоны на перекрестках дорог для задержания лиц, уклоняющихся от поселения...

(ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 415—425)

Документ 3

[ТЕЛЕГРАММА
командования Южного фронта И.В. Сталину и С.М. Буденному]
[3 августа 1941 г.] г. Полтава

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
СТАВКА ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
тов. СТАЛИНУ
ГЛАВКОМ тов. БУДЕННОМУ
БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 28/оп ШТАБ ФРОНТА
ВОЗНЕСЕНСК
3.8.41 21.55

1.Военные действия на Днепре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что вступающие фашистско-немецкие войска в немецкой деревне 1.8.41 г. встречались хлебом, солью. На территории фронта имеется масса населенных пунктов с немецким населением.

2. Просим дать указания местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов.

ТЮЛЕНЕВ, ЗАПОРОЖЕЦ, РОМАНОВ

ПРИМЕЧАНИЕ:
На документе (бланке шифрограммы) имеются:
— резолюция И.В. Сталина:
«Т[овари]щу Берия. Надо выселить С ТРЕСКОМ.
И. Ст.»
— и пометка:
«Наркому доложено» [подпись неразборчива]
25.VIII.41 г.

31 августа 1941 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(Б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», которым утверждалось предложение НКВД и предписывалось:

«...1) немцев, состоящих на учете как антисоветский элемент, арестовать;

2) остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать НКВД для использования в восточных районах СССР...»

(Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 195)

Документ 4

[О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ПРИГОРОДОВ ЛЕНИНГРАДА НАСЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ И ФИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина и А.А. Жданова И.В. Сталину]

29 августа 1941 года.

МОСКВА

СОВ. СЕКРЕТНО

Передано по ВЧ 29.VIII в 10 часов

тов. СТАЛИНУ

Сообщаем, что нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96000 человек.

Предлагаем выселение произвести в Казахстан — 15 000 человек, в Красноярский край — 24 000 человек, в Новосибирскую область — 24 000 человек, Алтайский край — 12 000 человек и Омскую область — 21 000 человек.

Организацию переселения возложить на НКВД.

Просим утвердить это предложение.

МОЛОТОВ
МАЛЕНКОВ
КОСЫГИН
ЖДАНОВ

(Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 212—213)

Документ 5

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Государственного Комитета Обороны
от 6 сентября 1941 года
№ ГКО—636сс
Москва, Кремль

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ
ИЗ Г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Государственный Комитет Обороны Союза ССР постановляет:

1. Переселить немцев из гор. Москвы и Московской области — 8617 человек и Ростовской области — 21 400 человек в Казахскую ССР, в том числе в Карагандинскую область — 4000 человек, Джамбулскую — 8000 человек, Кзыл-Ординскую — 8000 человек и Южно-Казахстанскую — 10 017 человек.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. К переселению из гор. Москвы и Московской области приступить 10 сентября и закончить 15 сентября т.г.

По Ростовской области к переселению приступить 15 сентября и закончить 20 сентября.

3. Расселение в новых местах производить путем вселения в существующие колхозы и совхозы и расселения переселяемых на новом месте, с использованием всех пустующих строений в сельских местностях.

При отсутствии жилого фонда и хозяйственных построек в местах расселения, произвести строительство домов силами переселяемых.

Городских жителей расселять в районных центрах и других городах, кроме областных.

4. Разрешить переселяемым брать с собой личное имущество и продовольствие на путь следования до 200 килограммов на каждого члена семьи.

5. Принадлежащие переселяемым постройки, сельскохозяйственные орудия, скот и зернофураж сдаются комиссиям в составе представителей: местных Исполкомов, Наркомзема СССР, Наркоммясомолпрома СССР и Наркомзага и восстанавливаются на месте расселения в соответствии с утвержденной СНК СССР инструкцией Наркомзема СССР и Наркоммясомолпрома СССР.

Постройки колхозам и колхозникам восстанавливаются в местах расселения путем предоставления готовых домов. Переселенцам, которым не будут предоставлены в местах вселения дома, выдается на постройку, а в необходимых случаях и на ремонт домов, кредит по линии Сельхозбанка в размере до 2 тысяч рублей сроком на 5 лет из 3% годовых, с погашением полученного кредита со второго года после получения ссуды.

6. Обязать НКПС (т. Каганович) произвести перевозку всех переселяемых из г. Москвы и Московской области в срок с 10 по 15 сентября, из Ростовской области — с 15 по 20 сентября, организовав подачу вагонов по графику, составленному совместно с НКВД СССР.

7. Питание переселяемых в пути возложить на Наркомторг Союза ССР (т. Любимов) в пунктах по указанию НКВД СССР.

8. Медицинское обслуживание переселяемых в пути возложить на Наркомздрав СССР (т. Митерев), для чего по заявке НКВД СССР выделить медицинский персонал, медикаменты и медико-санитарный инвентарь.

9. Отпустить из резервного фонда СНК СССР НКВД СССР на расходы по переселению 4 миллиона рублей и СНК Казахской ССР на прием и расселение переселенцев — 2 миллиона рублей.

10. Возложить на председателя СНК Казахской ССР (т. Ундасынов) и секретаря ЦК КП(б) Казахстана (т. Скворцов) организацию приема, расселения и хозяйственного устройства переселяемых.

11. Разрешить СНК Казахской ССР мобилизовать нужное количество авто- и гужтранспорта местных организаций и колхозов для перевозки переселяемых от станции разгрузки до места расселения.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН

(ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 171—172)

Документ 6

Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 7 сентября 1941 года

ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», признать необходимым:

1. Включить в состав Саратовской области нижеследующие районы бывшей Республики Немцев Поволжья:

— Бальцерский, Золотовский, Каменский, Терновский, Куккусский, Зельманский, Красноярский, Марксштадтский, Унтервальденский, Федоровский, Гнаденфлюрский, Краснокутский, Лизандергейский, Мариентальский, Экгеймский.

2. Включить в состав Сталинградской области нижеследующие районы бывшей Республики Немцев Поволжья:

— Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин

(Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 40).

Документ 7

СТРОГО СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ
Народного комиссариата внутренних дел СССР
от 8 сентября 1941 года
№ 001237
г. Москва

О ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАЦИИ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ НЕМЦЕВ ИЗ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны о переселении немцев из гор. Москвы и Московской области, провести следующие мероприятия:

1. Операцию начать 10 сентября и закончить 15 сентября 1941 года.

2. Проведение операции возложить на начальника Управления НКВД по Московской области — старшего майора государственной безопасности тов. Журавлева и начальника 2-го управления НКВД СССР комиссара государственной безопасности 2 ранга Федотова.

3. Операцию провести, руководствуясь прилагаемой к настоящему приказу инструкцией.

4. Для обеспечения эшелонов с переселенцами в пути следования войсковым резервом, генерал-майору Аполлонову выделить в распоряжение начальника УНКВД по Московской области тов. Журавлева 4-х командиров среднего начсостава в качестве начальников эшелонов и 4 команды красноармейцев по 21 чел. в каждой.

5. Тов. Журавлеву и Федотову состоящий на оперативном учете УНКВД антисоветский и сомнительный элемент арестовать, а членов их семей переселить в общем порядке.

6. Начальнику Транспортного управления тов. Синегубову обеспечить своевременную, по графику, подачу вагонов под погрузку и проведение эшелонов к месту назначения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. БЕРИЯ

(ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 430—437)

Документ 8

ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Б.З. КОБУЛОВУ

СПРАВКА
[О ВЫПОЛНЕНИИ ПРИКАЗА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ]

№ 1/692 15 сентября 1941 г.

За 14 сентября 1941 г. отправлено 2 эшелона с лицами немецкой национальности, переселяемыми из г. Москвы и районов Московской области в соответствии с приказом НКВД СССР № 001237 от 8.IX.1941 г., с общим количеством 4954 человека.

Всего за два дня отправлено 3 эшелона с переселяемыми в количестве 7384 человека.

Переселение лиц немецкой национальности из районов Московской области закончено.

За 14 сентября с.г. никаких происшествий в связи с переселением не зарегистрировано.

Начальник УНКВД
г. Москвы и Московской области М.И. Журавлев

(Рабочая трибуна. 07.04.1995. С. 6)

Документ 9

СОВ. СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Государственного Комитета Обороны
от 22 сентября 1941 года
№ ГКО—702сс
Москва, Кремль
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ
ИЗ ЗАПОРОЖСКОЙ, СТАЛИНСКОЙ
И ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ
(Извлечение)

Государственный Комитет Обороны Союза ССР постановляет:

1. Переселить немцев из Запорожской области — 63 000 человек, из Сталинской области — 41 000 человек и Ворошиловградской области — 5487 человек в Казахскую ССР.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР.

<...>

6. Обязать НКПС (т. Каганович) произвести перевозку всех переселяемых из Запорожской области в период с 25 сентября по 2 октября с.г., а из Сталинской и Ворошиловградской областей в срок с 25 сентября по 10 октября с.г., организовав подачу вагонов по графику, составленному с НКВД СССР.

<...>

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН

(ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 62—63)

Документ 10

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Государственного Комитета Обороны
от 8 октября 1941 года
№ ГКО—744сс
Москва, Кремль
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ
ИЗ ГРУЗИНСКОЙ, АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И АРМЯНСКОЙ ССР
(Извлечение)

Государственный Комитет Обороны Союза ССР постановляет:

1. Переселить немецкое население из Грузинской ССР — 23 580 человек, из Азербайджанской ССР — 22 741 человек и из Армянской ССР — 212 человек.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР. К переселению приступить с 15 октября и закончить к 30 октября т.г.

3. Переселение и расселение немцев в Казахской ССР произвести в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР за № 2060—935сс от 12.IX.41 г. — «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и инструкцией о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников, утвержденной СНК СССР за № 2016—915сс от 30.VIII.41 г.

4. Постройки колхозам и колхозникам восстанавливаются в местах расселения путем предоставления готовых домов.

Переселенцам, которым не будут предоставлены в местах вселения дома, выдается на постройку, а в необходимых случаях и на ремонт домов, кредит по линии Сельхозбанка в размере до 2 тыс. рублей сроком на 5 лет из 3% годовых, с погашением полученного кредита со 2-го года после получения ссуды.

5. Перевозку переселяемых произвести по железной дороге и морским путем до Красноводска.

6. Обязать НКПС (т. Каганович), НКМФ (т. Дукальский) произвести перевозку всех переселяемых в срок с 15 по 30 октября, организовав подачу вагонов и пароходов по графику, составленному совместно с НКВД СССР.

<...>

9. Отпустить СНК Казахской ССР из резервного фонда СНК СССР 3 миллиона рублей на прием и расселение переселенцев.

<...>

11. Отпустить по заявке СНК Казахской ССР дополнительное количество горючего (бензин) для автотранспорта, обслуживающего перевозку переселенцев.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН

(ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 195)

Что прежде всего обращает на себя внимание в подборке приведенных выше документов?

Во-первых, все эти указы, постановления, приказы и директивы принимались в горячке первых военных недель и месяцев, перед лицом неудержимого наступления германского вермахта по всем фронтам, следовали бессистемно и бессвязно, в судорожных попытках овладеть стремительно меняющейся военно-политической ситуацией. Власти следовали «пожарному» правилу: наряду с тушением уже пылающих жарких очагов «профилактировать» в первую очередь самые взрывоопасные и уязвимые объекты. Таковыми на тот момент, по мнению Кремля, являлись прифронтовые и наиболее значимые в экономическом и политическом отношении регионы страны. Отсюда стратегическая установка: удалить всех «собственных» немцев подальше от линии фронта — на север и

восток. Во-вторых, совершенно очевидно, что к осени 1941 года в Москве еще не определились, как быть дальше, что делать с этой массой выселяемых «инородцев». Ждали дальнейшего развития событий на фронтах и действовали по принципу: «вначале вывезем — а там видно будет». Характерный штрих: в инструкциях НКВД по выселению (в частности, из Немреспублики и Закавказья) особо оговаривалось, что выселению подлежат только те семьи, главы которых (мужья) значатся немцами по национальности; если же немкой является мать семейства (жена), то его (семейство) оставляют на месте. Это несомненное свидетельство некоей паллиативности, колебаний в действиях властей, что, впрочем, «успешно компенсировалось» отсутствием какой бы то ни было рефлексии у непосредственных исполнителей. Эти действовали споро, решительно, «без комплексов»... В-третьих, исполнение депортации было возложено на НКВД, а это уже предопределяло ход развития дальнейших событий в судьбе советских немцев. Да, наверху еще «не проработан» вопрос об использовании системы спецпоселений для первого репрессированного в годы войны большого этноса, но хозяином и душеприказчиком его уже назначен карательный орган, и этим положено практическое начало тому, что произошло в последующие годы...

Какого-то единого, всеобъемлющего, исчерпывающего документа, регламентирующего порядок депортации всех без исключения немцев, так и не появилось на свет. Это, конечно, усугубляло ситуацию, добавляло в нее неразберихи и произвола, но вместе с тем оставляло возможность для некоторой части немцев в годы войны оставаться на свободе — до них «дошли руки» уже в последующий период, и эта «зачистка» растянулась почти на десять лет. А в конце 1941-го и в течение всего 1942 года «антинемецкие» депортационные указы и постановления шли нескончаемой вереницей, ввергая все новые и новые потоки как поволжских немцев, так и их соплеменников из других регионов страны в непередаваемый ужас массового этапирования: голод и холод, удушающую скученность, повальные болезни, чудовищно высокую смертность, прежде всего — среди детей и стариков. (Сведения о численности немцев, выселенных по конкретным отдельным решениям советских властей, см. в приложении — Справка начальника ОСП МВД СССР полковника Шияна).

Осенью 1941 года (в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования от 8 сентября № 35105) были изъяты из

действующей Красной Армии, а затем отправлены в «трудовые батальоны» и на спецпоселение все военнослужащие немецкой национальности. В большинстве своем они затем оказались в так называемой «трудовой армии» (на лесоповале, отдаленных стройках, шахтах и рудниках). К 1945 году из их числа состояли на учете спецпоселений 33 626 человек. Разумеется, в этот учет уже не вошли те (а их немало), кто не вынес непосильного труда и «прелестей быта» в «рабочих колоннах» НКВД...

После выселения немцев запустели многие южные районы страны. В конце августа — начале сентября 1941 года депортировали немцев из Крыма. Старинные немецкие колонии там были полностью ликвидированы.

В конце 1941-го — начале 1942 годов вывезли на восток 99 900 немцев из Ставропольского и Краснодарского краев, а также 198 097 — с Северного Кавказа. Немецкие названия сел, станиц, деревень и хуторов переиначивались на советский лад — Октябрьское, Советское, Красноармейское и т.п. (см., например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1942 года). Делалось это для того, чтобы стереть даже память о пребывании здесь немецкого населения. И приходится констатировать, что во многом эта цель была достигнута...

По плану (общие сводки октября 1941 года) намечалось выселить 872 578 отечественных немцев, но этот «ориентир» был перекрыт уже к концу года: на 25 декабря по учетам НКВД значились 894 600 спецпереселенцев этой категории (всего же за время войны на спецпоселения поступили, по некоторым данным, 949 829 немцев). Основными территориями их расселения были назначены Сибирь (преимущественно Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская области, Кузбасс) и Казахстан.

Но лишь к началу 1942 года центральные власти определились наконец в том, что же делать дальше с этой почти миллионной человеческой массой. Решение было откровенно каннибальским: в максимально сжатые сроки и безжалостно использовать физические ресурсы этой массы — в самых неблагоприятных климатических и минимально приспособленных для существования людей бытовых условиях. По сути, это означало «новое издание» в XX веке подневольного, рабского физического труда.

Постановлениями Государственного Комитета Обороны СССР (от 10 января, 7 октября 1942 года и целым рядом им подобных) выселенные немцы (мужчины — в возрасте от 15 до 55 лет, женщи-

ны — от 16 до 45 лет), годные к физическому труду, мобилизовывались через военкоматы в «трудовую армию», объединялись в «рабочие колонны» и передавались в ведение НКВД. Именно это ведомство решало, как распорядиться бесправной «рабсилой», куда направить «трудармейцев», где и как их «использовать». Приоритеты отдавались лесным лагерям, стройкам, шахтам и заводам того же НКВД. Главными и неизменными орудиями труда для «мобилизованных» предназначались лопата, кайло, тачка, пила, топор...

Судьба «трудармейцев» — это самая трагическая страница истории немцев России в минувшем веке. Гибель значительной их части — от изнурительного труда, голода, холода, жестокого режима в сталинских спецрезервациях — была предрешена. Ведь сама суть многих правительственных постановлений и приказов НКВД о направлении того или иного количества «трудмобилизованных» на какой-либо «объект» сводилась к тому, что они («исполнители программы») просто должны были до конца отдать там свою мускульную силу, а затем — «полностью амортизировавшись» — умереть. Роль человека низводилась здесь до уровня примитивного рабочего орудия одноразового пользования — не более.

Отнюдь не легкая доля выпала и тем немцам (престарелым, инвалидам, детям), которые оставались в местах первоначального (после депортации) расселения — в Сибири, Казахстане, Средней Азии. Они были просто брошены на произвол судьбы — поставлены в условия самовыживания. Но в незнакомых местах, в непривычном суровом климате, без собственного жилья и имущества, при отсутствии в семьях наиболее трудоспособных кормильцев, в чужеродном и нередко настроенном враждебно окружении — выжить было совсем не просто, и каждый спасал себя и своих домочадцев как только мог. Понятно, что сделать это удавалось далеко не всем...

Окончательное бюрократическое упорядочение управления всеми выселенными и интернированными немцами было произведено лишь в 1944 году. 27 июля этого года заместитель наркома внутренних дел В. Чернышов и начальник отдела спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецов обратились к наркому Л.П. Берии с предложением «...возложить управление немцами на органы спецпоселений НКВД, созданные для управления мобилизованными для работы в угольной, нефтяной и оборонной промышленности, а также на органы НКГБ, работавшие в сфере управления лагерями и стройками НКВД СССР, на оперативно-чекистские отделы

НКВД СССР». Предложение было принято и реализовано. Практически это означало, что структуру надзора и трудового использования, созданную первоначально только для «трудовой армии» («рабочих колонн»), теперь распространили на всех депортированных немцев. При этом главная цель оставалась прежней — полностью, без остатка использовать ресурсы рабочей силы этой категории спецпереселенцев. Для этого они — по воле правительства и с ведома и согласия НКВД — передавались во временное (но полное) душевладение многочисленным наркоматам и ведомствам.

Как это выглядело в реальной жизни, можно судить по содержанию нижеследующего документа.

Документ 2

СЕКРЕТНО

СПРАВКА
о количестве трудоспособных спецпоселенцев (немцев)
и ссыльно-поселенцев по Красноярскому краю
по состоянию на 1/IV—1943 г.

НАРКОМАТЫ	Наличие трудоспособного контингента		Из них занято на работах		Итого не используется на работах	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Наркомзем	862	7136	695	5819	167	1317
Наркомсовхозов	47	391	46	371	1	20
Наркомрыбпром	2586	7717	1955	3678	631	4039
Наркомлес	539	2669	414	2234	125	435
Наркомречфлот	25	239	25	177	—	62
Наркомторговли	14	99	13	99	1	—
Наркоммеспром	31	198	31	49	—	149
Наркомцветмет	10	137	10	121	—	16
Наркомпросвет	1	15	2?	13	—	2
ГУСМП	4	50	4	49	—	1
Прочие организации	47	365	33	275	14	90
Всего	**4166**	**19016**	**3228**	**12885**	**939**	**6131**

Ссыльно-поселенцев на территории Красноярского края расселено 11 142 человека.

Данных о количестве трудоспособных УНКВД не представил, т.к. работа по переучету ссыльно-поселенцев по циркуляру НКВД СССР за № 104 от 10.03.1943 года не закончена.

Начальник ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР
Подполковник Госбезопасности (ЖИЛОВ)
10 июля 1943 г.

* * *

С 1945 года начался новый этап в истории советско-сталинских депортаций: из освобожденных территорий СССР, а затем из стран Восточной и Центральной Европы на спецпоселения хлынул поток репатриируемых, в том числе — «лиц немецкой национальности», пропущенных через проверочно-фильтрационные пункты (ПФП) и пересыльно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД. Это уже были люди, гораздо более критично настроенные по отношению к советской власти, к окружающей их действительности. Приобретенный ими за рубежом новый жизненный опыт несколько раскрепостил их внутренне, дал конкретный материал для сравнений и сопоставлений. Поэтому и контроль за ними со стороны НКВД устанавливался более тщательный и жесткий.

По переписи отдела спецпоселений МВД СССР, в 1949 году на учете там состояли 1 061 588 немцев. Из них: мужчин — 268 799, женщин — 424 230, детей до 16 лет — 368 559. Любопытно, что кроме граждан СССР в это число попали 42 человека без гражданства, 97 граждан Германии, а также 166 подданных других зарубежных государств.

Особая графа специального учета — «род занятий до выселения». Картина здесь такая: рабочие — 330 883, колхозники — 213 544, единоличники — 207, служащие — 33 536, учащиеся (очевидно, ученики старших классов общеобразовательных школ и студенты специальных учебных заведений. — *В.Б.*) — 8413, неработающие — 9040, домохозяйки — 32 826, престарелые-иждивенцы — 27 215, прочие — 21 464. Инвалидов насчитывалось 14 552, а вот пенсионеров — лишь 1286 (2).

Представляют интерес и данные об образовательном уровне немцев-спецпереселенцев. Среди взрослых лиц этой категории (17 лет и старше) значились: 5862 — с высшим, 34 405 — со средним, 574 987 — с низшим образованием и 76 713 — неграмотных. Условия спецпоселения явно не способствовали росту уровня образованности немцев. В этих условиях существенно тормозилось раскрытие потенциальных способностей талантливой молодежи. Главное занятие, «предоставленное» спецпоселенцам, — тяжелый и примитивный физический труд — не давало никакой перспективы развития личности, и лишь редким — особо настойчивым и одаренным — молодым людям удавалось (после многих испытаний и мытарств) преодолеть этот дискриминационный барьер (3).

Еще одна, парадоксальная на первый взгляд, но весьма существенная для характеристики того времени деталь: как правило, во время депортации немцев (а затем и других народов) находившиеся среди них члены и кандидаты ВКП(б) и члены ВЛКСМ оставались таковыми и на спецпоселении. Более того — этапированные в северные лагеря «трудармейцы» в местах приписки объединялись в отдельные партийные и комсомольские первичные организации либо ячейки и занимались в них активной «политической работой», главная задача которой — «усиление воспитательного и мобилизующего влияния на партийно-комсомольский актив и остальную массу трудмобилизованных».

В марте 1949 года в среде спецпоселенцев страны числились 7659 коммунистов. Из них: немцев — 2869, калмыков — 301, чеченцев — 1003, крымских татар — 742, карачаевцев — 393, балкарцев — 357, ингушей — 337, других национальностей — 657. В следующих параграфах настоящего раздела мы попытаемся более детально рассмотреть этот феномен спецпоселенческого бытия.

Пока лишь констатируем, что переписью 1949 года среди немцев-спецпоселенцев зафиксировано: членов ВКП(б) — 2407, кандидатов ВКП(б) — 455, членов ВЛКСМ — 5788. Отметим также, что прием немцев в партию (равно как и в комсомол), а также перевод их из кандидатов в члены ВКП(б) сразу после начала депортации были запрещены. Отсюда — постепенное, но стабильное сокращение «партийно-комсомольской прослойки» среди немцев, а затем — и всех спецпереселенцев.

Как уже говорилось, многие из выселенных немцев успели до депортации послужить в Красной Армии и даже (в первые недели войны) участвовали в боевых действиях. В 1949 году среди них учтено: бывших офицеров — 1609, сержантов — 4282, рядовых — 27 724.

Той же переписью выявлено: побывавших в плену — 2761, находившихся за границей — 117 657, ранее судимых — 35 610 немцев-поселенцев. Зафиксировано также, что среди членов семей, находившихся вместе с немцами на спецпоселении (чаще всего — это жены), значится: русских — 9216, украинцев — 2721 и т.д. (2)

Подведем некоторые предварительные и самые общие итоги. В 1945—1948 годах на спецпоселение поступили 120 192 немца (в основном — репатриированных). С 1 октября 1948 года по 1 января 1953 года число немцев на спецпоселении еще более выросло: с

1 012 754 человек — до 1 224 931 (начинают сказываться сокращение смертности и увеличение рождаемости). Цифра, вполне сопоставимая с численностью самостоятельного «малого» народа или с населением небольшого государства — где-нибудь на западе Европы. Каждому народу выпадали непростые времена, нелегкие испытания на прочность в ходе исторического становления и развития. Но судьба отечественных немцев, распыленных в середине прошлого века по глухим углам Сибири, Казахстана и Русского Севера, оказалась поистине горькой, а для многих — безысходной...

Существенно осложняла жизнь немцев (не только в годы войны, но в известной степени — и долгие годы после нее) искусственно формировавшаяся и негласно поддерживаемая властями атмосфера недоброжелательства и предубежденности, подозрительности и враждебности вокруг них. Характерен в этом отношении следующий документ.

Документ 3

СЕКРЕТНО

ВОЕННОМУ СОВЕТУ
МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
г. Горький

В гор. Кирове в рабочих строительных колоннах № 44 и 1015 имеется свыше 750 немцев, изъятых из частей Красной Армии. Политико-моральное состояние большинства немцев, их отношение к труду и социалистической собственности таковы, что доверять им работу на таком ответственном участке, как монтаж и строительство эвакуированного Коломенского Танкового завода, нельзя. Антисоветские высказывания, угрозы по адресу командования, саботаж на работе и низкая производительность труда, воровство, умышленное уничтожение и порча инструмента, пренебрежительное отношение к русским, которые в своей массе лучше работают и лучше ведут себя, — вот краткая характеристика немцев, имеющихся в указанных выше колоннах.

Директор Коломенского завода тов. РУБИНЧИК обратился в Обком ВКП(б) с просьбой об изъятии немцев. С такой же просьбой он обращался к Командующему войсками Уральского Военного Округа. Последний обещал изъять немцев, но прошло больше месяца, а указаний об изъятии немцев нет.

Поддерживая просьбу директора Коломенского завода, просим Вашего распоряжения об изъятии всех немцев из 44 и 1015 рабочих строительных колонн.

Считаем более целесообразным сформировать из нее(?) рабочую колонну и передать ее тресту КИРЛЕС для работы на лесозаготовках.

О Вашем решении просим сообщить.
Секретарь Кировского Обкома ВКП(б) (ЛУКЬЯНОВ)
Облвоенком — полковник (ЗУБЧАНИНОВ)
23.12.1944 г.

(ГАСПИ Кировской области. Ф. 1280. Оп. 7. Д. 39. Л. 71—72)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 4

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
товарищу БЕРИЯ Л.П.

12 декабря 1948 г.

В период Отечественной войны в 1941—1942 годах из центральной полосы СССР в отдаленные районы было выселено 806 533 немцев советских граждан, в том числе:

1. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060—935сс от 12 августа 1941 года* из бывшей АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в Казахскую ССР, Алтайский и Красноярский края, в Новосибирскую и Омскую области в августе—сентябре 1941 года выселено 447 188 человек из 480 000 подлежавших выселению по этому постановлению.

2. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 636сс от 6 сентября 1941 года из гор. Москвы, Московской и Ростовской областей в Казахскую ССР, Алтайский край и Новосибирскую область в октябре—ноябре 1941 года выселено по этому постановлению 42 650(?) человек.

3. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 698сс от 26** сентября 1941 года из Тульской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР в Казахскую ССР, Красноярский край и Новосибирскую область в октябре—ноябре 1941 года выселено 149 206 человек вместо 141 240 подлежавших выселению по этому постановлению.

4. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 702сс от 22 сентября 1941 года из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей УССР в Казахскую ССР и Новосибирскую область в течение октября 1941 года выселено 79 589 человек из 109 487 подлежавших выселению по этому постановлению.

---

* Очевидно, ошибка: соответствующее постановление СНК СССР и ЦК партии датировано 26 августа 1941 года под номером 2056—933сс; постановление же под номером 2060—935сс принято 12 СЕНТЯБРЯ 1941 года и регламентировало расселение немцев Поволжья в Казахстане. — *В.Б.*

** По другим источникам — 21 сентября. — *В.Б.*

5. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 743сс от 8 октября 1941 года из Воронежской области в Новосибирскую и Омскую области в течение октября 1941 года и июня 1942 года выселено 5308 человек вместо 5125 подлежавших выселению по этому постановлению.

6. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 744сс от 8 октября 1941 года из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР в Казахскую ССР и Новосибирскую область в течение ноября 1941 года выселено 48 358 человек из 48 533 подлежавших выселению по этому постановлению.

7. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 827сс от 22 октября 1941 года из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР в Казахскую ССР в ноябре 1941 года выселено 7306 человек вместо 4570 подлежавших выселению по этому постановлению.

8. В соответствии с распоряжением СНК СССР № 84-КС от 3* ноября 1941 года из Калмыцкой АССР в Казахскую ССР в ноябре—декабре 1941 года было выселено 5965 человек из 6000 подлежавших выселению по этому распоряжению.

9. В соответствии с распоряжением СНК СССР № 280-КС от 21 ноября 1941 года из Куйбышевской области в Казахскую ССР в декабре 1941 года выселено 8665 человек.

Таким образом, в соответствии с постановлениями и распоряжениями СНК и ГОКО из 831 637 немцев, подлежавших выселению из вышеперечисленных республик, краев и областей, фактически выселено 794 235 человек, т.е. меньше на 37 402 человека.

Это объясняется неточностью учета немецкого населения, потерями от бомбежек вражеской авиации, побегами переселяемых при этапировании их в условиях прифронтовой обстановки.

Кроме 794 235 немцев, в связи с приближением фронта, по решениям военных советов фронтов и по отдельным указаниям НКВД СССР было выселено:

1. Из Харьковской области УССР в Казахскую ССР — 851 человек;

2. Из Днепропетровской области УССР в Казахскую ССР — 3384 человека;

3. Из Крымской АССР в Казахскую ССР и Омскую область в октябре 1941 года было выселено 2233 человека;

4. Из Калининской области в Омскую область в июне 1942 года выселено 267 человек;

5. Из Горьковской области в Омскую область в октябре 1941 года выселено 3162 человека;

6. Из города Ленинграда и Ленинградской области в Омскую и Иркутскую области, в Красноярский край и Якутскую АССР в течение августа—ноября 1941 года было выселено до 10 000 человек;

---

* По другим источникам — 2 ноября. — *В.Б.*

7. во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны № 1828сс от 29 мая 1942 года из Краснодарского края и Ростовской области было проведено дополнительное выселение немцев.

Количество выселенных немцев из Ленинградской и Ростовской областей и Краснодарского края своевременно учтено не было, поскольку это выселение происходило в непосредственной близости фронта и при выселении их не были определены места и сроки выселения.

Как видно из отчетных материалов НКВД СССР за 1942 год в общей сложности во время войны было поднято на переселение 806533 немца, а фактически прибыло к местам поселения и расселено 805043 человека, т.е. меньше на 1490 человек.

В 1945—1948 годах после окончания Великой Отечественной войны органами МВД расселено и взято на учет спецпоселения 210600 немцев советских граждан, прибывших из Германии по репатриации.

В соответствии с постановлением ГОКО № 1123сс от 10 января 1942 года, № 2383сс от 7 октября 1942 года и № 1281 от 14 февраля 1942 года немцы — советские граждане, годные к физическому труду, мужчины в возрасте от 15 до 55 лет включительно и женщины немки от 16 до 45 лет включительно были мобилизованы на все время войны в рабочие колонны с использованием их на предприятиях промышленности.

В настоящее время, по данным МВД СССР, на предприятиях разных отраслей народного хозяйства работает 124 779 мобилизованных немцев, из них: 76 139 мужчин и 48 640 женщин.

Из этого количества 85746 мобилизованных немцев и немок, работающих в угольной, нефтяной, топливной и золотоплатиновой промышленности, постановлениями ГОКО № 8133 от 13 апреля 1945 года, № 9526 от 16 июля 1945 года, СНК СССР № 3041—907с от 7 декабря 1945 года и Совета Министров СССР № 2764 от 28 декабря 1946 года закреплены в постоянные кадры промышленности с правом вывоза к себе своих семей.

Однако, согласно постановлению Совета Министров СССР № 418—161сс от 21 февраля 1948 года(?), 26 219 мобилизованных немцев, расселенных и трудоустроенных в Московской, Тульской, Горьковской, Сталинградской и Куйбышевской областях, подлежат переселению в Казахскую ССР и Сибирь, в связи с чем соединение их со своими семьями не производится.

Мобилизованные немцы и немки в количестве 39 033 человека, работающие на предприятиях 22 министерств: строительства, предприятий тяжелой индустрии, целлюлозно-бумажной и лесной промышленности, сельхозмашиностроения, черной металлургии и др., до настоящего времени никакими правительственными актами за этими министерствами не закреплены.

В 1945 году рабочие колонны были расформированы и все мобилизованные немцы и немки органами МВД были переведены на положение выселенцев по месту их работы и взяты на учет спецпоселения.

На учет спецпоселения были взяты также и те мобилизованные в промышленность немцы и немки, которые являлись коренными жителями

Новосибирской, Омской, Чкаловской и других областей, откуда выселение немцев не производилось.

Кроме того, по отдельным распоряжениям МВД СССР в Казахской и Киргизской ССР, Башкирской АССР и Новосибирской области переведено на положение выселенцев 33 757 немцев коренных жителей этих республик и области, которые мобилизации в промышленности не подвергались.

Таким образом, по состоянию на 1 ноября 1948 года в 5 союзных и 8 автономных республиках и 27 областях на учете спецпоселения состоит 1 012 754 немца, что на 410 780 человек меньше общего количества немцев советских граждан, проживавших на территории Советского Союза и числившихся по данным Всесоюзной переписи 1939 года.

Члены семей мобилизованных немцев, в большинстве своем нетрудоспособные (старики, старухи и несовершеннолетние дети), проживают на спецпоселении отдельно от глав своих семей и потому возбуждают ходатайство о соединении с ними.

По сообщению МВД республик и УМВД краев и областей от мобилизованных немцев и немок, семьи которых не подвергались выселению, а также от немцев коренных жителей республик и областей, поступает большое количество жалоб и заявлений с просьбами об освобождении их из спецпоселения, как неправильно переведенных из положения(?) выселенцев.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что для большого количества немцев граждан СССР создавалось(?) неопределенное положение в связи с тем, что:

1. часть немцев, как выселенных, так и коренных жителей, не подвергавшихся выселению, органами МВД взяты на учет спецпоселения, с применением к ним ограничений, предусмотренных постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 года, другая же часть их на учете спецпоселений не состоит и пользуется свободой передвижения по Советскому Союзу;

2. немцы, не состоящие в органах МВД на учете спецпоселения, пользуясь свободой передвижения, имеют возможность заселять города и районы, на(?) которых производится выселение немцев (Украина, Ленинград, Краснодарский край и т.п.);

3. немцы, коренные жители проживают в районах расселения выселенцев немцев, что затрудняет органам МВД поддерживать режим и административный надзор среди выселенцев немцев;

4. значительное количество немцев, не состоявших на учете спецпоселения, бежали во время войны в момент эвакуации и выселения их из центральной полосы Советского Союза, о чем документальные данные отсутствуют.

Учитывая изложенное (предлагается.— *В.Б.*)

<...>

2. Всех немцев, проживающих в настоящее время в других республиках, краях и областях, не подвергавшихся выселению, переселить на вечное жительство в районы Урала и Сибири и перевести их также на положение выселенцев.

3. Распространить на всех немцев советских граждан действие Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 ноября 1948 года.

МВД СССР просит Совет Министров СССР вынести по этому вопросу специальное решение.

Министр внутренних дел Союза ССР (С. КРУГЛОВ)

(ГАРФ. Ф. 9497. Оп. 1. Д. 372. Л. 266—271)

Документ 5

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

В период Отечественной войны по решениям Правительственных органов из центральной полосы Советского Союза в отдаленные районы страны выселялись лица немецкой национальности (граждане СССР).

Немцы — советские граждане были переселены из следующих республик, краев и областей.

1. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СНК СССР И ЦК ВКП(б) № 2060—935сс от 12 августа 1941 года* — из бывшей АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в Казахскую ССР, Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области;

2. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ГОКО № 636сс от 6 сентября 1941 года — из г. Москвы, Московской и Ростовской областей в Казахскую ССР, Алтайский край и Новосибирскую область;

3. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ГОКО № 698сс от 26 сентября 1941 года* — из Тульской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР в Казахскую ССР, Красноярский край и Новосибирскую область;

4. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ГОКО № 702сс от 22 сентября 1941 года — из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей УССР в Казахскую ССР и Новосибирскую область;

5. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ГОКО № 743сс от 8 октября 1941 года — из Воронежской области в Новосибирскую и Омскую области;

6. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ГОКО № 744сс от 8 октября 1941 года — из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР в Казахскую ССР и Новосибирскую область;

7. В СООТВЕТСТВИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ГОКО № 827сс от 22 октября 1941 года — из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР в Казахскую ССР;

8. В СООТВЕТСТВИИ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ СНК СССР № 84-кс от 3 ноября 1941 года* — из Калмыцкой АССР в Казахскую ССР;

9. В СООТВЕТСТВИИ С РАСПОРЯЖЕНИЕМ СНК СССР № 280-кс от 21 ноября 1941 года — из Куйбышевской области в Казахскую ССР;

10. По решениям военных советов фронтов:

---

* См. примечания к предыдущему документу — *В.Б.*

а) из Харьковской области УССР в Казахскую ССР;
б) из Днепропетровской области УССР в Казахскую ССР;
в) из Крымской АССР в Казахскую ССР и Омскую область;
г) из Калининской области в Омскую область;
д) из Горьковской области в Омскую область;
е) из г. Ленинграда и Ленинградской области в Омскую и Иркутскую области, в Красноярский край и Якутскую АССР.

Во исполнение постановления ГОКО № 1828сс от 29 мая 1942 года из Краснодарского края и Ростовской области МВД(?) было проведено дополнительное выселение немцев (граждан СССР).

Немцы (граждане СССР), прибывшие после Отечественной войны в порядке репатриаций, выселялись в различные республики, края и области по специальным указаниям.

Начальник отдела спецпоселений МВД СССР
Полковник (ШИЯН)
8 января 1949 г.

Документ 6

ПЕРЕЧЕНЬ
ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА
О ПЕРЕСЕЛЕНИИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ-НЕМЦЕВ

№ п/п	Наименование контингентов	Перечень постановлений	Примечания
	Немцы		
1		Постановление ГОКО № 636сс от 6/IX—41 г. о выселении граждан немецкой национальности из гор. Москвы и Московской области.	
2		Постановление ГОКО № 698сс от 21/IX—41 г. о выселении в Казахскую ССР граждан немецкой национальности из Краснодарского края — 34 287 человек, Орджоникидзевского края — 95 489 человек, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР.	
3		Постановление ГОКО № 702сс от 22/IX—41 г. о переселении в Казахскую ССР граждан немецкой национальности из Запорожской области — 63 000 человек, Сталинской области — 41 000 человек, Ворошиловградской области — 5437 человек.	
4		Постановление ГОКО № 743сс от 8/X—41 г. о переселении немцев 5125 человек	

из Воронежской обл. в Новосибирскую область на работы в сельское хозяйство.

5 Постановление ГОКО № 744сс от 8/X—41 г. о переселении в Казахскую ССР граждан немецкой национальности из Азербайджанской — 22 741 человек, Армянской — 212 человек и Грузинской ССР — 23 580 человек.

6 Постановление ГОКО № 827сс от 22/X—41 г. о выселении в Казахскую ССР немцев из Дагестанской АССР — 4000 человек, Чечено-Ингушской АССР — 574 человека.

7 Постановление ГОКО № 1074сс от 27/XII—41 г. Разрешить МВД СССР всех лиц, служивших в административных, карательных немецких органах, а также добровольно уходящих вместе с фашистскими войсками, через Особое Совещание выселять в отдаленные области Союза.

8 Постановление ГОКО № 2409сс от 14/X—42 г. о распространении постановлений ГОКО № 1123сс и № 1281сс на граждан других национальностей воюющих с СССР стран. Распространить на немцев мужчин, годных к труду в возрасте от 17 до 50 лет, на граждан других национальностей воюющих с СССР стран — румын, венгров, итальянцев, финнов, мобилизовать в рабочие колонны.

9 Постановление ГОКО за № 1123сс от 10/I—42 г. от 17 до 50 лет немцев — мужчин, выселенных в Сибирь, Омскую область, Красноярский, Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать 120 000 человек в рабочие колонны на время войны. НКПС — на строительство ж.д. Сталинск—Абакан, Сталинск—Барнаул, Акмолинск—Павлодар — 40 000 человек.

10 Постановление ГОКО № 1281сс от 14/II—42 г. от 17 до 50 лет годных к физическому труду проживающих в Архангельской, Вологодской, Ивановской,

Молотовской, Рязанской, Свердловской, Томской, Читинской, Челябинской, Чкаловской, Ярославской, Кемеровской, Новосибирской, Куйбышевской, Иркутской областях, Приморском, Алтайском и Красноярском краях, Башкирской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской, Бурят-Монгольской, Коми АССР, Казахской, Туркменской, Таджикской, Киргизской, Узбекской ССР мобилизовать в рабочие колонны, передав в НКВД СССР для строительства ж.д. на все время войны.

11 Постановление ГОКО № 2383сс от 7/X—42 г. дополнительно к № 1123 от 10/I—42 г. мобилизовать в рабочие колонны немцев мужчин от 15—16 лет до 51—55 лет включительно, переселенных из центральных областей СССР и Республики Немцев Поволжья в пределах Казахской ССР и восточных областей РСФСР, так и проживающих в других областях и краях республик СССР. Мобилизовать в рабочие колонны женщин-немок от 16 до 45 лет включительно.

12 Постановление ГОКО № 1828сс от 28/V—42 г. об административной высылке лиц немецкой национальности и румынских националистов, крымских татар и иностранно-подданных греков.

13 Постановление ГКО № 5984сс от 2/VI—44 г. дополнительно к выселению по постановлению ГКО № 5859сс от 11/V—44 г. крымских татар, выселить с территории Крымской АССР 37 000 человек немецких пособников из числа болгар, греков и армян, направить в сельское хозяйство и на предприятия: Гурьевской области — 7000 человек, Свердловской — 10 000 человек, Молотовской — 10 000 человек, Кемеровской — 6000 человек и Башкирской АССР — 4000 человек.

14	Постановление ГОКО № 6100сс от 24/VI—44 г. Разрешить МВД СССР выселить из Крыма (местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные национальные турецкие, греческие и иранские паспорта) и направлять их для проживания на время войны в один из районов Узбекской ССР.

Зам. начальника 3 отделения ОСП МВД СССР
Подполковник (САВАТЕЕВ)
24 марта 1948 г.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 258—262)

Документ 7

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА
О КОЛИЧЕСТВЕ НЕМЦЕВ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ, ИЗ ЧИСЛА ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИК, КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ,ОТКУДА НЕМЦЫ НЕ ВЫСЕЛЯЛИСЬ.

Из общего количества 1 096 693 выселенцев немцев 121 567 человек или 11,1% являются местными жителями республик, краев и областей, откуда они переселению не подвергались.

Часть указанных немцев в количестве 95 016 человек были взяты на учет спецпоселений по месту их постоянного жительства, вместе с другими немцами, прибывшими в эти места на спецпоселение.

Другая часть немцев местных жителей, не подвергавшихся переселению, в количестве 26 551 человека, была взята на учет спецпоселений по месту их работы, куда они были направлены в порядке мобилизации.

Немцы, местные жители более чем на 90% взяты на учет спецпоселений лишь только в Казахской, Киргизской ССР, Башкирской АССР, Челябинской области.

Взято на учет спецпоселений более 50% немцев местных жителей в Хабаровском крае, Кемеровской, Свердловской областях.

В некоторых местах спецпоселений немцы местные жители были взяты на учет спецпоселений в очень незначительном количестве по отношению к их общему числу. Так, например: в Омской области из 43570 местных жителей состоит на учете спецпоселений только 1326 человек (или 2,8%); по Чкаловской области из 14 261 человека состоит на учете 352 немца (или 2,5%); по Алтайскому краю из 16 998 человек взято на учет спецпоселений 561 человек (или 3,3%). Такое же положение имеет место в Таджикской, Туркменской ССР, Татарской, Якутской АССР, Красноярском крае, Кировской, Костромской, Московской и других областях.

Немцы местные жители в Омской, Чкаловской и других областях были взяты на учет спецпоселений в основном из числа тех, которые возвратились к местам прежнего жительства после их демобилизации из промышленности.

По неполным данным, только по 8 республикам, краям и областям (Казахская ССР, Челябинская, Чкаловская и др. области) находятся в розыске 185 немцев из числа местных жителей, не подвергавшихся переселению.

Кроме того, в республиках, краях и областях Союза проживает 113 810 немцев, не подвергавшихся переселению и не состоящих на учете спецпоселений.

Таким образом, всего немцев, жителей республик, краев и областей, откуда они (не?) переселялись, учтено 235 377 человек.

Помимо перечисленных выше немцев на учете спецпоселений состоит 19 997 человек, выселенных в административном порядке из Харьковской, Днепропетровской, Крымской, Калининской, Горьковской и Ленинградской областей. На этих немцев нет соответствующих решений Правительства о содержании их на спецпоселении, т.к. они были высланы по решениям военных советов фронтов.

В соответствии с пунктом 8-м протокола совещания министра внутренних дел Союза ССР и Генерального прокурора СССР от 9 мая 1949 года, немцы местные жители не могут рассматриваться как выселенцы.

Начальник отдела спецпоселений МВД СССР
Полковник (ШИЯН)
10 октября 1949 г.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 253—254)

Документ 8

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Проект

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

Докладываем, что в местах поселений находится 1 161 778 человек спецпоселенцев немцев.

Из этих лиц 492 735 человек выселены навечно согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР № 21/160 от 28 августа 1941 года и постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060—935сс от 12 сентября 1941 года* из бывшей Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.

522 457 человек направлены в места спецпоселений по постановлениям ГОКО, Военных Советов фронтов, распоряжениям СНК СССР и директивам НКВД-МВД СССР, из них:

281 961 немцев(?), выселенных в соответствии с постановлениями ГОКО из Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР, Кабардино-

Балкарской, Северо-Осетинской, Дагестанской, Чечено-Ингушской АССР, Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Москвы, Московской, Ростовской, Воронежской и других областей;

27 445 немцев,эвакуированных по постановлениям Военных Советов фронтов согласно пункту 3 «з» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении», из Ленинграда, Ленинградской, Калининской, Горьковской и других областей;

12 970 немцев, выселенных на основании распоряжений СНК СССР из Калмыцкой АССР, Куйбышевской области;

по директивам НКВД-МВД СССР 195 151 немцев(?) граждан СССР, репатриированных из Германии, часть из них при отступлении немецкой армии добровольно выехала в Германию и проживала в американской и английской зонах оккупации; 2838 граждан СССР, принявших в период немецкой оккупации германское подданство, т.н. «Фолькс-дейч», и 2092 членов семей немецких пособников.

Сроки пребывания на поселении этим лицам не определены, за исключением немцам, принявшим в период немецкой оккупации германское подданство, и членам семей немецких пособников, сроки которым истекают в ближайшее время.

В связи с особой опасностью указанных выше 522 457 спецпоселенцев, считаем необходимым оставить их в местах поселений и распространить на них действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года об уголовной ответственности за побег с мест поселений.

Остальные 146 590 немцев, постоянных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, в том числе 40 773 немцев местных жителей, мобилизованных по постановлениям ГОКО на все время войны в промышленности, были взяты на учет спецпоселений по указаниям НКВД-МВД.

Учитывая, что эти немцы были взяты на учет спецпоселений без соответствующего решения Правительства, основная масса из них занята в промышленности и сельском хозяйстве по месту жительства, имеют собственные дома, приусадебные участки, крупный и мелкий скот, считаем возможным снять их с учета спецпоселений.

Представляем проект постановления Совета Министров СССР по указанным вопросам.

С. ИГНАТЬЕВ Г. САФОНОВ
С. КРУГЛОВ К. ГОРШЕНИН

«___» ноября 1951 года

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 189—190)

Документ 9

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА
ОБ ОСТАВЛЕНИИ НА ПОСЕЛЕНИИ И ОСВОБОЖДЕНИИ
ИЗ МЕСТ ПОСЕЛЕНИЯ
НЕКОТОРОЙ ЧАСТИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

В период Отечественной войны в соответствии с постановлениями ГОКО и распоряжениями СНК СССР были выселены в места спецпоселений немцы в количестве 294 931 человек.

По постановлениям ГОКО 281 961 человек из

гор. Москвы, Московской и Ростовской областей — № 636сс от 6 сентября 1941 года;

Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР — № 698сс от 21 сентября 1941 года;

Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей — № 702 от 22 сентября 1941 года;

Воронежской области — № 743сс от 8 октября 1941 года;

Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР — № 744 от 8 октября 1941 года и

Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР — № 827сс от 22 октября 1941 года.

По распоряжениям СНК СССР 12 970 человек из Калмыцкой АССР — № 84кс от 3 ноября 1941 года и Куйбышевской области — № 280кс от 21 ноября 1941 года.

Сроки нахождения им на поселении постановлениями ГОКО и распоряжениями СНК СССР не определены.

Немцы, выселенные по постановлениям ГОКО, в основном работают на предприятиях Министерств угольной (промышленности?), строительства тяжелой индустрии, нефтяной (промышленности?), сельского хозяйства и совхозов.

Выселенные же немцы в соответствии с распоряжениями СНК СССР в большинстве своем работают на предприятиях Министерств угольной и нефтяной промышленности, строительства предприятий тяжелой индустрии и в сельском хозяйстве.

В местах поселений находится 27 445 немцев, эвакуированных во время Великой Отечественной войны из гор. Ленинграда, Ленинградской, Калининской и других областей по постановлениям Военных Советов фронтов, согласно пункту 3 «з» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении».

Сроки нахождения таким немцам на поселении не определены.

Работают они главным образом на предприятиях Министерств совхозов, внутренних дел, легкой, нефтяной, лесной, угольной промышленности и в сельском хозяйстве.

В местах поселений содержится 195 151 человек немцев граждан СССР, репатриированных из Германии.

Направлены они на поселение, согласно директиве НКВД СССР № 181 от 11 октября 1945 года, без соответствующего решения Правительства и надлежащего оформления на них фильтрационных материалов.

Сроки нахождения им на поселении также не определены.

Репатриированные немцы работают в основном на предприятиях Министерств совхозов, угольной (промышленности?), черной металлургии, внутренних дел, нефтяной, химической, лесной, вооружения, бумажной промышленности и в сельском хозяйстве.

На основании распоряжения НКВД СССР № 20/Б от 7 января 1944 года в местах поселений находится 2838 человек граждан СССР, принявших в период немецкой оккупации германское подданство, т.н. «Фольксдейч», и приказа НКВД СССР № 001036 от 24 августа 1944 года — 2092 члена семей немецких пособников, высланных из Ставропольского края (Кавмингруппа).

Этим спецпоселенцам хотя и определены решениями Особого Совещания при НКВД СССР сроки нахождения на поселении, но они истекают в ближайшее время.

Работают они в сельском хозяйстве и на предприятиях Министерств совхозов и лесной промышленности.

В связи с социальной опасностью немцев, выселенных по постановлениям ГОКО, Военных Советов фронтов, распоряжениям СНК СССР и репатриированных, часть из которых являлась немецкими пособниками, в период отступления немецкой армии добровольно выезжала в Германию, проживала в американской и немецкой зонах, принявших в период немецкой оккупации германское подданство, т.н. «Фольксдейч», и членов семей немецких пособников (выселенных из Ставропольского края) и исходя из интересов государственной безопасности, целесообразно указанных выше всех немцев оставить в местах поселений.

В связи с тем что немцы, выселенные из бывшей республики Немцев Поволжья, за побег с места поселения привлекаются к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, мера наказания которым за это преступление предусмотрена 20 лет каторжных работ, поэтому необходимо распространить действие этого Указа на немцев, выселенных по постановлениям ГОКО, Военных Советов фронтов, распоряжениям СНК СССР, на репатриированных, на лиц, принявших германское подданство, и членов семей немецких пособников.

На основании указаний НКВД СССР за № 1/19116 от 18 сентября 1945 года, 38/3916 от (?) мая 1946 года, 38/5306 от 13 июля 1946 года, 38/6640 от 20 августа 1946 года, 1/13194 от 24 сентября 1946 года, 1/21276 от 6 ноября 1946 года и других и по инициативе периферийных органов НКВД были взяты на учет спецпоселения 105 817 немцев — местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и дру-

гих областей, а также 40 773 мобилизованных, согласно решениям Государственного Комитета Обороны на все время войны для работы в промышленности, но не подвергавшихся выселению.

После окончания Отечественной войны зоны, в которых содержались мобилизованные немцы, были ликвидированы и военизированная охрана снята, а эти немцы по совместным директивам НКВД и Наркомугля СССР № 219/в—4299с от 22 ноября 1945 года, НКВД и Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности СССР № 260/2601 от 31 декабря 1945 года, НКВД и Наркомстроя СССР № 261/24—26 от 31 декабря 1945 года, НКВД и Наркомнефти СССР № 3/0—39 от 5 января 1946 года, НКВД и Наркомчермета СССР № 20/113с от 19 января 1946 года были переданы в постоянные кадры промышленности указанных министерств и переведены на положение спецпоселенцев.

Местные и мобилизованные немцы в настоящее время в основном заняты на предприятиях Министерств угольной (промышленности?), внутренних дел, нефтяной, лесной, строительства предприятий тяжелой индустрии и в сельском хозяйстве.

Они имеют 21 430 собственных домов, 36 279 семей наделены приусадебными участками, 29 102 хозяйства имеют в своем пользовании крупный и мелкий скот.

В связи с тем что указания НКВД-МВД в отношении немцев, мобилизованных в промышленность и постоянных жителей тех мест, откуда выселение не производилось, были даны без соответствующего решения Правительства, целесообразно этих немцев с учета спецпоселения снять.

Кроме взятых на учет спецпоселенцев немцев, в местах поселений проживает 103764 человека немцев местных жителей, которые выселению не подвергались и под надзором органов не состоят.

Так, например:

	Взято на учет	Не состоит на учете
В Омской области	1142 чел.	45244 чел.
В Алтайском крае	1130 чел.	16437 чел.
В Чкаловской области	399 чел.	13909 чел.

В настоящее время проживают, но не состоят на учете спецпоселения немцы в гор. Москве и области — 3258 человек, Ленинградской области — 1405 человек, Тамбовской — 1137 человек, на территории Украины — 10 737 человек, а также и в других республиках и областях.

Начальник 9-го Управления МГБ СССР
Полковник (ШИЯН)
29 ноября 1951 года

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 200—202)

Документ 10

Совершенно секретно

СПРАВКА

В УМГБ по Саратовской области в настоящее время имеется 890 дел, поступивших из УМВД по Саратовской области по линии бывших отделов спецпоселений.

Из них 320 на лиц, подвергавшихся в 1941 году выселению из Саратовской области и бывшей республики Немцев-Поволжья, но по различным причинам возвратившихся из спецпоселения к прежнему месту жительства.

Не имея никаких инструкций и указаний по рассмотрению этих дел, УМГБ по Саратовской области просит разъяснить, какие следует выносить заключения по делам на нижеследующую категорию лиц:

1. Немцы, ранее высланные по постановлению Правительства и с разрешения местных органов МВД-МГБ или по вызову советско-партийных организаций возвратились к прежнему месту жительства. [Приписка на полях, карандашом:] Водворять.

2. Жены русской, украинской и других национальностей, высланные вместе с мужьями-немцами, которые, находясь на спецпоселении, по различным обстоятельствам с женами брак прекратили (мужья умерли или, будучи трудмобилизованы, порвали связь с женами и обзавелись новой семьей), а их жены и дети выехали к прежнему месту жительства:

а) по разрешению местных органов МВД;

б) без разрешения местных органов МВД.

[Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Такие дела рассматривать в каждом отдельном случае — выносить заключения и на окончательное решение направлять 9-е Упр. МГБ СССР.

3. То же, когда жены русской, украинской и других национальностей, возвратившись из спецпоселения к прежнему месту жительства, вторично вышли замуж за русских и имеют от них детей. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Если ее замужество не является причиной уклонения от спецпоселения — по заключениям оставлять.

4. Немки, незаконно выехавшие из мест спецпоселений, вступили в брак с русскими, имеют от них детей и в настоящее время занимаются общественно-полезным трудом или являются домашними хозяйками. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] То же, как и п. 3.

5. Женщины русской, украинской, белорусской и других национальностей до выселения состояли в незарегистрированном браке с немцами, находясь на спецпоселении, порвали связь с мужьями-немцами, после чего одни или с детьми от брака с немцами возвратились на жительство в Саратовскую область. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] В каждом отдельном случае рассматривать и выносить заключения.

6. Немки, будучи на спецпоселении, вступили в брак с русскими, избрали их фамилию и вместе с мужьями возвратились на жительство в Саратовскую область. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Рассматривать в каждом отдельном случае — п. 3.

7. Русские, украинцы, как члены семьи немецкой национальности (мать русская, отчим немец, или близкие родственники по жене русской национальности) проживали в составе семьи немцев, вместе с которыми были выселены [186] или добровольно выехали на спецпоселение, откуда возвратились к прежнему месту жительства. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Если они входили в состав семьи выселенного, то их водворять на спецпос., а выехавших добровольно и не состоявших на учете спецпоселения — оставлять.

8. Дети спецпоселенцев (отец — немец, мать — русская) выехали из спецпоселения к прежнему месту жительства и проживают у своих родственников, а мать и отец находятся на спецпоселении. В настоящее время эти дети возбуждают ходатайства о снятии их со спецпоселения, мотивируя тем, что они избрали себе национальность по матери — русскую. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Если отец и мать состоят на учете спецпоселения, то тогда детей оставлять на учете. Если мать ... не состоит на учете и ребенок принял ее национальность (русский), снимать с учета.

9. Немки, мужья которых русские в период Отечественной войны находились в Советской Армии, а они добровольно со своими родителями выезжали к месту ссылки. После демобилизации мужей они возвратились к ним в Саратовскую область. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Не брать.

10. Русские женщины, состоящие в браке с немцами, будучи на спецпоселении, подвергались арестам и по отбытии срока наказания возвратились в Саратовскую область, а мужья их находятся на спецпоселении и в настоящее время связи между ними не имеется. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Возвращать на спецпоселение.

11. Жены немцев по национальности русские, находясь на спецпоселении, были мобилизованы в трудармию и после демобилизации возвратились в Саратовскую область. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Возвращать на спецпоселение.

12. Русские женщины, состоящие в браке с немцами, возвратились с места спецпоселения по вызову родственников и с разрешения местных органов. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Если они состояли на учете спецпоселения — возвращать. Кроме этих дел имеется 570 дел на лиц, которые в 1941 году в соответствии с решением правительства подлежали выселению, но по различным обстоятельствам выселены не были.

Большинство таких дел относится к следующим лицам:

1. Женщины немецкой национальности, состоявшие к моменту выселения в браке с русскими, в настоящее время по случаю смерти, ареста или развода с мужьями проживают в Саратовской области одни, а все их родственники выселены. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Оставлять.

2. То же, когда их мужья русской национальности погибли на фронте, а они вместе с детьми погибшего отца проживают в Саратовской области. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Оставлять.

3. Немцы, служившие в период Отечественной войны в Советской Армии, в настоящее время проживают в Саратовской области, а их жены-немки и дети высланы. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Вынести заключение и отправить к семье.

4. То же, когда немцы находились в плену германской армии и после репатриации возвратились в Саратовскую область, а их жены и дети высланы. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Направить на спецпоселение.

5. Немцы и немки, которые скрыли свою национальность или не были учтены к моменту проведения операции. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Выселять на спецпоселение (по заключению).

6. Крымские татары и чеченцы в период Отечественной войны находились в трудармии. Их семьи по постановлению Правительства высланы, а они после демобилизации обосновались на жительстве в Саратовской области. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Направлять на спецпоселение.

7. Немцы или немки прибыли на жительство в Саратовскую область из других областей. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Рассматривать такие дела в каждом отдельном случае.

8. Дети спецпоселенцев немцев, избравшие при достижении совершеннолетия себе национальность по матери — русскую, проживают вместе с ней в местах, откуда немцы выселялись, но они выселению не подвергались, так как их мать в момент выселения ее мужа-немца от выезда с ним отказалась. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Оставлять. УМГБ по Саратовской области ставит также вопрос о порядке этапирования выдворяемых спецпоселенцев, указывая, что спецконвоя и материальных средств в УМГБ по Саратовской области для этого не имеется. Если спецпоселенцев, подлежащих выдворению, следует арестовывать и отправлять через тюрьму с санкции областного прокурора, то как поступать в том случае, когда прокурор в санкции на их арест и этапирование отказывает. [Приписка на полях, карандашом, без подписи:] Сообщать в 9-е Упр. МГБ.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛЕНИЯ 5 ОТДЕЛА
9 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Подполковник

(АНТОНОВ)

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛА УМГБ ПО
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
Майор

(СОБОЛЕВ)

«23» января 1952 года.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 185—190)

§ 2. Трудовая армия

Территориальные органы власти и общесоюзные ведомства (прежде всего наркоматы — угольной, нефтяной, лесной промышленности, а также внутренних дел и путей сообщения) всеми силами старались в 1940-х годах получить в свое распоряжение и пользование как можно большее число «дешевых» рабочих рук.

В условиях острой нехватки мужского трудоспособного населения в военные годы эти органы и ведомства стремились максимально мобилизовать в своих интересах и тот безграничный «дармовой» ресурс, который, по их мнению, представляли собой принудительно депортированные «спецконтингенты», в том числе и немцы. Получить эту «рабсилу» можно было лишь по решению «центра» — ЦК ВКП(б) и/или Совнаркома СССР. Но такое решение нужно было «выбить». И тут уж руководящие чиновники пускались во все тяжкие — для того, чтобы урвать лучшие куски людоедского пирога.

Делалось это разными способами. Один из них — административные переделы («разукрупнение» территорий, перекраивание их границ и т.п.). Так, например, в январе 1943 года была вновь образована Кемеровская область, а в августе 1944 года — Томская область. И существенная часть спецпереселенцев, закрепленных на этих территориях, осталась там под надзором вновь организованных местных управлений НКВД.

Но главным механизмом распределения и эксплуатации подневольных «контингентов» из числа спецпоселенцев являлась система так называемых «рабочих колонн» НКВД, или «трудовая армия».

Основополагающими для ее создания послужили три документа. Первый из них — постановление Государственного Комитета

Обороны (ГОКО-ГКО) СССР от 10 января 1942 года № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». По этому постановлению всех немцев-мужчин указанного возраста, находившихся на поселениях в Сибири и Казахстане (примерно 120 000), следовало мобилизовать в «рабочие колонны» на все время войны и направить их на объекты Наркомата внутренних дел (НКВД) и Наркомата путей сообщения (НКПС). Питание и трудовое использование «трудмобилизованных» изначально планировалось по нормам, установленным для заключенных ГУЛАГа.

Причем предварительную проработку вопроса о трудовой мобилизации немцев проводил именно НКВД. По его справке от 2 января 1942 года, мужчин-немцев (спецпереселенцев) в возрасте от 16 до 55 лет имелось (по всем регионам страны) — 154 558. Из них: в Алтайском крае — 19 799, в Красноярском крае — 13 493, в Новосибирской области — 18 932, в Омской области — 15 054 и в Казахской ССР — 85 280. «Нужно считать, что мужчин от 17 до 55 лет, годных для физической работы, можно набрать 125—130 тыс. человек», — резюмировал справку заместитель наркома внутренних дел СССР В. Чернышов (4).

За его же подписью и в тот же день ушел в Правительство и другой краткий документ — «Предложения по вопросу использования немцев в возрасте от 17 до 50 лет», где «мобилизованных» предполагалось просто распределить по подразделениям ГУЛАГа. (Отметим в этой связи, что генерал Чернышов был ключевой фигурой в НКВД той поры по вопросам использования подневольного труда — во всех его гулаговских вариантах.)

В упомянутой справке НКВД СССР, в частности, указывалось: «Краслаг (Красноярский ИТЛ. — *В.Б.*): имеет программу лесозаготовок на 1942 год 1700 тыс. куб. м. Имеет заключенных — работающих 17 тыс. человек. Недостает рабочей силы 6 тыс. человек. Может принять немцев 8 тыс. человек...» Добавим: при этом само собою разумелось увеличить Краслагу на соответствующие объемы (во многих тысячах кубометров) и задание по лесозаготовкам.

По такой же схеме и с теми же количественными параметрами разверстки «мобилизуемых» в справку внесены еще 4 лесных ИТЛ НКВД: Ивдельлаг (Свердловская область), Усольлаг (Молотовская/Пермская область), Устьвымлаг (Коми АССР), Вятлаг (Кировская область), а также Бакальский завод в Челябинской области (пред-

полагаемое размещение 30 000 «трудармейцев»), Богословский завод в Свердловской области (5000) и Соликамский завод в Молотовской (ныне Пермской) области (5000). Всего же планировалось дополнительно «использовать в народном хозяйстве по линии НКВД» 120 000 человек. По всей видимости, справка готовилась в спешном порядке, без соответствующего согласования с другими «заинтересованными ведомствами». В результате спустя неделю предложения НКВД подверглись существенной корректировке и ему пришлось-таки поделиться «рабсилой» с вотчиной «железного наркома» Л.М. Кагановича — НКПС. (О реализации постановления ГКО от 10 января 1941 года — см. справку НКВД СССР в приложении к настоящему параграфу.)

Следующим исходным документом по вопросам «трудовой мобилизации» — постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 14 февраля 1942 года № 1281сс — предусматривалось дополнительное направление в «рабочие колонны» НКВД мужчин-немцев из европейской части страны и азиатских союзных республик.

Завершало эту «триаду» постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 7 октября 1942 года № 2383сс, коим объявлялась дополнительная мобилизация в «трудовую армию» на всей территории страны пригодных к физической работе мужчин-немцев в возрасте 15—16 лет и от 51 года до 55 лет включительно. Одновременно предписывалось мобилизовать тем же порядком женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет, кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет. Это, пожалуй, наиболее жесткое решение советских властей в отношении этнических немцев за весь военный период. Не оправдывают этой жесткости — как с политической, так и с нравственной точки зрения — ни лихорадочный поиск трудовых ресурсов в критический момент войны, ни ссылки на «экономическую целесообразность». Для Сталина и его окружения цель оправдывала любые средства, даже если эта цель понималась вне контекста реальной экономической инфраструктуры страны и совершенно игнорировала социальные последствия ее достижения. Щепок при этом нередко оказывалось куда более, чем добытого леса. Вспомним один из главных лозунгов той эпохи: «План — любой ценой». Под этим некрофильским лозунгом в «центре» и на местах считалось допустимым списывать любые потери — в том числе и человеческие. Ведь люди при такой системе становились

лишь «вторичной субстанцией» по отношению к чисто материальным потребностям ненасытного государственного монстра, реальным выражением которых и являлся «Его Величество — План». В основание этого советского идола заранее закладывались голод, дистрофия, массовая смертность «исполнителей производственной программы», а на алтарь ему приносились миллионы изломанных судеб и загубленных жизней. Впрочем, повсеместным явлением советской действительности, с пронизывающими ее сверху донизу фарисейством и ложью, было постоянное невыполнение доведенных плановых заданий. История ГУЛАГа, бесчисленные примеры знаменитой лагерной «туфты», лишь одно из самых убедительных тому подтверждений.

В приводимых ниже документах — о создании «трудовой армии» («рабочих колонн») — мы можем отчетливо видеть как главные мотивы властей при проведении этой акции, так и основные формы ее осуществления.

II. ДОКУМЕНТЫ О СОЗДАНИИ В СССР «ТРУДОВОЙ АРМИИ» («РАБОЧИХ КОЛОНН») ИЗ ЧИСЛА ЛИЦ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ (1942 — 1945 ГОДЫ)

Документ 1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР
от 10 января 1942 года
№ ГКО—1123сс
Москва, Кремль

О ПОРЯДКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
НЕМЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА
ОТ 17 ДО 50 ЛЕТ

В целях рационального использования немцев-переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны, передав из этого числа:

а) НКВД СССР — на лесозаготовки 45 000 человек;

НКВД СССР — на строительство Бакальского и Богословского заводов 35 000 человек;

б) НКПС СССР — на строительство железных дорог Сталинск—Абакан, Сталинск—Барнаул, Акмолинск—Карталы, Акмолинск—Павлодар, Сосьва—Алапаевск, Орск—Кандагач, Магнитогорск—Сара 40 000 человек.

Проведение мобилизации возложить на НКО (т. Щаденко), совместно с НКВД и НКПС. К мобилизации приступить немедленно и закончить 30 января 1942 года.

2. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты Наркомата Обороны в исправной зимней одежде с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия.

3. Обязать НКПС и Управление Военных Сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев в течение января месяца с доставкой к месту работы не позже 10 февраля.

4. Обязать НКВД СССР и НКПС СССР установить в рабочих колоннах и отрядах из мобилизованных немцев четкий распорядок и дисциплину, обеспечив высокую производительность труда и выполнение производственных норм.

5. Поручить НКВД СССР дела в отношении не явившихся по мобилизации немцев на призывные пункты или на сборные пункты для отправки, а также в отношении находящихся в рабочих колоннах, за нарушение дисциплины и отказ от работы, за неявку по мобилизации, за дезертирство из рабочих колонн, рассматривать на Особом Совещании НКВД СССР с применением по отношению к наиболее злостным высшей меры наказания.

6. Установить нормы продовольственного и промтоварного снабжения для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу НКВД СССР.

Обязать Наркомторг СССР выделять НКВД СССР и НКПС СССР на всю численность мобилизованных немцев продовольственные и промтоварные фонды по этим нормам полностью.

7. Наркомзему СССР выделить в течение января—февраля месяца для НКВД СССР на лесоразработки 3500 лошадей.

Наркомзагу СССР выделить на 3500 лошадей дополнительные фонды фуража.

8. Наркомфину СССР совместно с НКВД СССР предусмотреть в финплане НКВД СССР необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обзаведению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
И. СТАЛИН

(ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49)

Документ 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР
от 14 февраля 1942 года
№ ГКО—1281сс
Москва, Кремль

О МОБИЛИЗАЦИИ НЕМЦЕВ-МУЖЧИН ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА ОТ 17 ДО 50 ЛЕТ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЛАСТЯХ, КРАЯХ, АВТОНОМНЫХ И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИКАХ

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, постоянно проживающих в Архангельской, Вологодской, Ивановской, Молотовской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской, Читинской, Челябинской, Чкаловской, Ярославской, Кировской, Новосибирской, Омской, Куйбышевской и Иркутской областях, Приморском, Хабаровском, Алтайском и Красноярском краях, Башкирской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской, Бурят-Монгольской и Коми АССР, Казахской, Туркменской, Таджикской, Киргизской и Узбекской ССР, — мобилизовать в рабочие колонны на все время войны, передав НКВД СССР для использования на строительстве железных дорог.

Проведение мобилизации возложить на НКО (т. Щаденко) совместно с НКВД СССР.

Мобилизацию закончить к 25 марта 1942 года.

2. Обязать НКПС и Управление военных сообщений НКО обеспечить перевозку мобилизованных немцев с расчетом доставки их к месту работ по заявке НКВД СССР не позже 30 марта.

3. Распространить порядок мобилизации и содержание мобилизованных немцев, установленный постановлением ГКО от 10 января 1942 г. за № 1123сс пункты 2, 3, 4 на всех вновь мобилизуемых.

4. Обязать НКПищепром, НКМясомолпром, Наркомзаг, Наркорыбпром выделить на март месяц и II квартал ГУЛАГу НКВД СССР за счет переходящих остатков промышленные и продовольственные товары, согласно приложению.

Впредь Наркомторгу СССР обеспечивать продовольственным и промтоварным снабжением мобилизованных на основании пункта 6 постановления ГКО № 1123сс от 10.01.1942 года.

5. Наркомфину СССР совместно с НКВД СССР предусмотреть в финплане НКВД СССР необходимые средства на оплату перевозки немцев и другие расходы по их хозяйственному обзаведению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
И. СТАЛИН

(ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 51)

Документ 3

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР
от 7 октября 1942 года
№ ГОКО—2383сс
Москва, Кремль

О ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НЕМЦЕВ ДЛЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

В дополнение к постановлениям ГОКО № 1123сс от 10 января 1942 года и № 1281 от 14 февраля 1942 года Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Дополнительно мобилизовать в рабочие колонны на все время войны всех немцев мужчин в возрасте 15—16 лет и 51—55 лет включительно, годных к физическому труду, как переселенных из центральных областей СССР и республики Немцев Поволжья в пределы Казахской ССР и восточных областей РСФСР, так и проживающих в других областях, краях и республиках Советского Союза.

2. Одновременно провести мобилизацию в рабочие колонны на все время войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно. Освободить от мобилизации женщин-немок беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет.

3. Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передаются на воспитание остальным членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизуемых, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам. Обязать местные Советы депутатов трудящихся принять меры к устройству остающихся без родителей детей мобилизуемых немцев.

4. Проведение мобилизации немцев возложить на НКО и НКВД с привлечением местных органов Советской власти. К мобилизации немцев приступить немедленно и закончить в месячный срок.

5. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия.

6. Установить уголовную ответственность немцев как за неявку по мобилизации на призывные или сборные пункты, так и за самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн — по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

7. Мобилизованных в порядке настоящего постановления немцев мужчин направить для работы на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» Наркомугля. Мобилизованных женщин-немок направить на предприятия Наркомнефти по разверстке Наркомата.

8. Обязать НКПС (тов. Хрулева) и Управление военных сообщений НКО (тов. Ковалева) обеспечить перевозки мобилизованных немцев по заявкам НКО и НКВД.

9. Обязать Наркомнефть СССР и Наркомуголь СССР обеспечить прием, размещение и рациональное использование направляемой рабочей силы из мобилизованных немцев. Расходы, связанные с мобилизацией и перевозкой мобилизованных к месту назначения, отнести за счет Наркомугля и Наркомнефти.

10. Обязать Наркомторг СССР (тов. Любимова) обеспечить продовольственное снабжение мобилизованных в пути.

11. НКВД СССР и НКО доложить Государственному Комитету Обороны об итогах мобилизации немцев и о количестве направленных немцев по предприятиям Наркомугля и Наркомнефти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
И. СТАЛИН

(ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 138—140)

Примечание: постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 14 октября 1942 года № 2409сс действие вышеприведенных директивных документов было распространено на советских граждан, принадлежавших «к национальностям воюющих с СССР государств» — румын, венгров, финнов, итальянцев. Они тоже относились к категории «трудмобилизованных». Дополнительные «трудовые мобилизации» по национальному признаку (хотя и не столь массовые) проводились также в 1943 году и в последующий период — вплоть до 1946 года, а среди репатриируемых и зарубежных немцев — до начала 1950-х годов.

Документ 4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР
от 16 декабря 1944 года
№ ГКО—7161сс
Москва, Кремль

СОВ. СЕКРЕТНО

[О МОБИЛИЗАЦИИ И ИНТЕРНИРОВАНИИ
НЕМЦЕВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ
КРАСНОЙ АРМИЕЙ ТЕРРИТОРИЯХ]
(Извлечение)

Государственный Комитет Обороны Союза ССР постановляет:

1. Мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте — мужчин от 17 до 45 лет, жен-

щин — от 18 до 30 лет, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии.

Установить, что мобилизации подлежат немцы как немецкого и венгерского подданства, так и немцы — подданные Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии.

2. Руководство мобилизацией возложить на НКВД СССР (т. Берия).

Поручить НКВД организацию сборных пунктов, прием мобилизуемых, формирование и отправку эшелонов и охрану их в пути.

Мобилизуемых направлять в СССР эшелонами по мере поступления немцев на сборные пункты.

3. Обязать т.т. Малиновского (командующий войсками 2-го Украинского фронта. — *В.Б.*) и Виноградова (начальник штаба, заместитель председателя Советской контрольной комиссии в Румынии. — *В.Б.*) — по Румынии, т.т. Толбухина (командующий 4-м Украинским фронтом. — *В.Б.*) и Бирюзова (командующий 35-й армией. — *В.Б.*) — по Болгарии и Югославии:

а) оформить через правительственные органы соответствующих стран мобилизацию и интернирование указанных в п. 1 немцев;

б) совместно с представителями НКВД СССР — т.т. Аполлоновым и Горбатюк обеспечить проведение в жизнь соответствующими военными и гражданскими властями необходимых мероприятий, гарантирующих явку на сборные пункты мобилизуемых немцев.

Обязать т.т. Малиновского и Толбухина — по Венгрии и т. Петрова (начальник штаба 1-го Украинского фронта. — *В.Б.*) — по Чехословакии объявить через военных комендантов необходимые распоряжения от имени командования фронта о мобилизации немцев, в соответствии с п. 1 настоящего постановления, и обеспечить совместно с представителями НКВД СССР — т.т. Аполлоновым и Горбатюк проведение необходимых мер, гарантирующих явку на сборные пункты мобилизуемых немцев.

4. Разрешить мобилизуемым немцам взять с собой теплую одежду, запас белья, постельные принадлежности, личную посуду и продовольствие, всего весом до 200 кг на человека.

5. Поручить начальнику тыла Красной Армии т. Хрулеву и начальнику УПВОСО (Управления военных сообщений. — *В.Б.*) т. Ковалеву обеспечить предоставление железнодорожных эшелонов и автотранспорта для перевозки мобилизованных немцев и питания их в пути.

6. Направить всех мобилизованных немцев на работы по восстановлению угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга.

Из прибывающих на место работы немцев сформировать рабочие батальоны по 1000 человек в каждом.

НКО (т. Голикову) выделить на каждый батальон по 12 офицеров из числа ограниченно годных к службе в Красной Армии.

7. Организацию приема интернированных в местах работы, их размещение, питание, а также все остальное материально-бытовое обеспечение интернированных немцев и организацию их использования на работах возложить на Наркомуголь и Наркомчермет.

Обязать Наркомуголь (т. Вахрушева) и Наркомчермет (т. Тевосяна) подготовить помещения для приема и размещения прибывающих к нам интернированных немцев.

Поручить Наркомвнуделу совместно с Наркомчерметом и Наркомуглем установить режим содержания интернированных немцев и условия их использования на работах.

8. Обязать Госплан СССР (т. Вознесенского) выделить Наркомуглю и Наркомчермету с I квартала 1945 года дополнительное количество продовольственных и промышленных товаров на прибывающих к нам на работы интернированных немцев по нормам рабочих, установленных для соответствующих предприятий этих наркоматов.

9. Обязать Наркомздрав (т. Митерева) обеспечить организацию медико-санитарного обслуживания прибывающих на работу на предприятия Наркомуголь и Наркомчермет интернированных немцев, а Наркомчермет и Наркомуголь предоставить Наркомздраву соответствующие помещения.

10. Мобилизацию интернированных немцев провести в течение декабря 1944 года — января 1945 года, закончив доставку на места работ к 15 февраля 1945 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
И. СТАЛИН

(АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Ед. хр. 500. Л. 108—109)

ПРИМЕЧАНИЕ: Всего по данному постановлению только в 1945 году интернировано и вывезено в СССР более 130 000 человек, из которых сформированы 183 «рабочих батальона», размещенных в 33 регионах страны (см.: Полян П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001. С. 210, 218).

* * *

Новая волна принудительных миграций среди только что переселенных советских немцев стала, как уже отмечалось, жестоким ударом по всему этносу, повергнутому на грань жизни и смерти. Вопрос выживания встал перед ним с небывалой доселе, предельной и неотвратимой остротой.

В бытовом и чиновничьем обиходе «рабочие колонны» получили наименование «трудовой армии». Этимология здесь прозрачная: ведь мобилизация формально осуществлялась через военкоматы, да и сама система этих «рабочих формирований» имела внешние атрибуты военной организации (отряды, колонны, бригады и т.п.). Хотя по сути (по лагерному режиму содержания и «трудового использования») — она зеркально копировала гулаговские порядки.

В учетно-отчетной статистике и в приказах НКВД и ГУЛАГа с января 1942 года появилась отдельная категория: «мобилизованные немцы», или «трудармейцы». Последние размещались на «местах работы» в специальных зонах, как правило, за колючей проволокой, а то и просто — в «стационарных» лагерях с вооруженной охраной, жили в бараках, выводились на «производственные объекты» строем и в сопровождении конвоя — как «спецконтингент», подопечный НКВД... Другими словами, формально-юридически не относясь к числу заключенных, фактически — по образу жизни, по снабжению (вещами и продовольствием), по режиму содержания — «трудармейцы» мало в чем отличались от остальных узников ГУЛАГа. Добавим, что они не считались также и военнослужащими: военные билеты у них изымались и на всех заводились лагерные личные дела (правда, с особой системой нумерации).

В 1946 году «трудовая армия» была ликвидирована, а «трудармейцы» — переведены на положение спецпоселенцев, часто оставаясь закрепленными за теми же предприятиями и организациями, где они работали в предыдущий период.

Промышленность Урала, шахты Воркуты и Кузбасса, стройки Сибири, леспромхозы русского Севера и Дальнего Востока, от Архангельска до Чукотки — такова география регионов, где работали немцы-«трудармейцы».

Содержались они как в изолированных зонах при промышленных предприятиях, так и в подразделениях ГУЛАГа НКВД. Например, в Пермской (тогда Молотовской) области они находились в Усольском и Соликамском ИТЛ (к 1 января 1945 года соответственно — 7930 и 4168 человек), а также в других лагерях и в зонах при 11 населенных пунктах. Всего (на 1 января 1944 года) — в количестве 33 787 человек. Причем в лагерях содержались 19 032 человека, а в зонах при промышленных предприятиях и населенных пунктах — 14 755. В общем же по Уральскому региону к январю 1944 года числились 119 358 «трудармейцев», или 30 процентов от их общего количественного состава в целом по СССР (5).

В Челяблаге (Челябинская область) дислоцировались 16 «трудармейских» стройотрядов (один из них — штрафной) и 5 отдельных колонн. При этом на Челябметаллургстрое НКВД мобилизованные немцы (20 648 человек) составляли к 1 января 1944 года 60 процентов всей занятой там «рабочей силы».

В Свердловской области «трудармейцы» (на 1 января 1944 года — 29 033 человека) содержались в шести лагерях НКВД: Тагиль-

ском, Ивдельском, Богословском, Восточно-Уральском, Северо-Уральском и Тавдинском. Помимо этого 11 042 «трудармейца» были размещены в зонах промышленных предприятий при 12 крупных населенных пунктах (6).

Согласно предписаниям ГУЛАГа и НКВД, зоны при промышленных предприятиях надлежало оборудовать так же, как «стационарные» лагеря, по установленным для последних нормативам: обнести заграждениями, обеспечить военизированной охраной (ВОХР) и т.д. В инструкции Наркомата угольной промышленности об использовании мобилизованных немцев (см. Приложение) четко оговорено, как это предполагалось осуществлять «в идеале». «Идеал» уже сам по себе был, что называется, «не сахар». На практике же все оказывалось еще более неприглядным. Так, в соответствии с упомянутыми руководящими директивами, формально «трудармейцам» должна была начисляться и выдаваться заработная плата в том же порядке и в тех же размерах, что и вольнонаемному персоналу. Однако в реальности начальники лагерей и руководители предприятий либо существенно занижали ее, либо (под теми или иными предлогами) «отменяли» вообще. Непрерывно, в течение всей войны шла (по нарядам ГУЛАГа) переброска «трудмобилизованных» с одного объекта на другой. Это накладывало на людей дополнительные психологические перегрузки, не давало возможности адаптироваться к постоянно меняющимся условиям труда и быта, и без того неимоверно тяжелым, приводило к тому, что численность мобилизованных немцев на одних и тех же объектах постоянно и резко колебалась, отнюдь не способствуя организации на них стабильно производительного труда.

Отметим, что, например, на строительных объектах НКВД работа заключенных и «трудармейцев» по своим экономическим показателям была в 1,5—2 раза менее эффективна, чем труд вольнонаемного рабочего персонала на предприятиях такого же типа других ведомств. Так, ежедневная выработка одного рабочего на стройках НКВД в 1942—1945 годах составляла в среднем от 27 до 45 рублей, а на аналогичных «гражданских» объектах — от 50 до 70 рублей. И хотя заключенным и «трудмобилизованным» можно было не доплачивать или вообще не платить за работу, позволительным считалось «экономить» на их питании, вещевом довольствии, бытовом обеспечении и т.п., тем не менее стоимость содержания лагерной инфраструктуры являлась весьма значительной, а

ее конечные хозяйственные показатели — затратными и низкопродуктивными.

Пожалуй, единственным реальным стимулом к труду для переведенных на лагерное положение мобилизованных немцев (так же, как и для лагерников — заключенных) являлся так называемый дифференцированный паек. Методика применения этого «стимула» предельно проста: нормы питания в «трудармейских» зонах (так же, как и в лагерях) напрямую определялись по проценту выполнения плановых производственных показателей — лично работником и/или его бригадой, звеном и т.д.

По «прейскурантам», введенным в ГУЛАГе с 3 декабря 1942 года, «трудармейцы» получали в день хлеба: по «норме 1» (при выполнении производственного задания до 80 процентов на основных и до 90 процентов — на вспомогательных работах) — 500 граммов; по «норме 2» (при выполнении производственного задания от 80 до 99 процентов на основных и от 99 до 125 процентов — на вспомогательных работах) — 600 граммов; по «норме 3» (при выполнении производственного задания от 100 до 125 процентов на основных и свыше 125 процентов — на вспомогательных работах) — 700 граммов.

Те, кто добивался еще большей выработки, получали по 800 граммов хлеба. А вот невыполнившие половину дневной нормы должны были довольствоваться лишь 400 граммами хлеба на основных работах и 300 граммами — на вспомогательных. Штрафной паек (для «симулянтов», «отказников» и прочих «провинившихся») — те же 300 граммов. Пациентам лагерной больницы полагалось по 550 граммов хлеба в день.

При таких «рационах» выжить работающим в шахтах, на стройках и лесоповале было крайне сложно. На самом деле (по знаменитому изречению Варлама Шаламова) быстрее убивала большая «пайка», чем маленькая. Ведь трудовые затраты «ударников» не восполнялись. К тому же и этот скудный паек зачастую до «трудмобилизованных» не доходил в полном размере. Начальство, блатной мир лагерей без зазрения совести расхищали часть продовольствия. Как следствие, значительная часть «трудармейцев» стремительно превращалась в доходяг. Отсутствие в рационе жиров и витаминов (они просто не поставлялись в лагеря в запланированных объемах, даже по скудным нормам ГУЛАГа, особенно в 1942—1943 годах) — приводило к массовым заболеваниям в «рабочих

колоннах НКВД». Дистрофия и туберкулез, цинга и пеллагра привели к гибели десятки тысяч людей. Обратимся к конкретным человеческим судьбам.

* * *

В архиве Вятлага — лесного «исправительно-трудового» лагеря НКВД-МВД СССР, что располагался на севере Кировской области в глухих таежных дебрях (ныне — Вятское УЛИУ управления исполнения наказаний ГУИН Минюста России по Кировской области), сохранились личные дела на немцев-«трудармейцев», доставленных в этот лагерь в 1942—1944 годах и оставшихся здесь навечно. Судьбы этих людей, униженных, покалеченных, физически уничтоженных в годину великой и тяжкой войны, показательны. Вчитаемся в сухие строки документов, наскоро, а зачастую и вопиюще небрежно оформленных лагерными канцеляристами...

Документ 12

Из Мартиролога «Немцы в Вятлаге»
(составил В.И. Веремьев)
БЕЗЕЛЬ
Альберт Викторович
(биографическая справка, составлена в июне 2001 года).

Родился в 1901 году в городе Камышин (улица Пушкина, дом 20) Сталинградской/Волгоградской области (Россия), немец, гражданин СССР, из служащих, образование — 4 класса (Краснокутская гимназия, 1916 год), беспартийный, бухгалтер, служащий (главный бухгалтер горжилуправления и ремстройконторы), жил в городе Энгельсе(?) АССР немцев Поволжья, женат, 1 ребенок (сын), судим, приговорен в январе 1941 года Верховным судом АССР немцев Поволжья по статье 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением, нарушение финансовой дисциплины) к 6 месяцам принудительных работ с удержанием 25 процентов заработка, отбывал наказание по месту жительства, служил в РККА (28 мая — 10 октября 1941 года, техник-интендант 2-го ранга, действующая армия, Западный фронт, 320-й артиллерийский полк), уволен в запас и выселен как «лицо немецкой национальности», место поселения (с 17 ноября 1941 года) — Россия, Красноярский край, город Минусинск, улица Ленина, дом 160, трудармеец, мобилизован 25 января 1942 года Минусинским райвоенкоматом, прибыл в Вятлаг 16 февраля 1942 года из Красноярска, трудоиспользовался в качестве бухгалтерского работника финансовой части (12-й лесозаготовительный отряд), заключен под стражу 16 июля 1943 года оперативно-чекистским отделом Вятлага по обвинению в совершении «контрреволюционного преступления» («антисоветская агитация»), подвергнут 29 января 1944 года Особым совещанием при НКВД СССР по статье 58 пункт 10—2 УК РСФСР («антисоветская пораженческая агита-

ция») к 8 годам лишения свободы, начало срока — 16 июля 1943 года, конец срока — 16 июля 1951 года, умер 25 марта 1944 года от туберкулеза легких и алиментарной дистрофии 3-й степени, 12-й лагпункт, станция Има (ветка № 15), реабилитирован 13 октября 1989 года, архивное личное дело — № 2515-м.

Из личного дела «трудмобилизованного» А.В. Безеля.

* * *

«УТВЕРЖДАЮ»
«16» IX 1943 г.
Нач. Опер. Чекистского Отдела
Вятлага НКВД СССР
Ст. лейтенант госбезоп.
(Зальберт)

Арест санкционирую
Прокурор Вятлага НКВД
«16» IX 1943 г.

(Тарасов)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(об избрании меры пресечения)

Вятлаг НКВД, 16 сентября 1943 г.

Я, ст. о/уполном. Опер. Чек. Отдела Вятлага НКВД СССР ст. лейтенант г.б. КУЗНЕЦОВ, рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности

БЕЗЕЛЬ Альберт Викторович

Год рождения 1901 место рождения г. Камышин Сталинградской обл.
Профессия и специальность бухгалтер

Место работы и должность 12-го ЛЗО Вятлага — бухгалтерия, б/п, образование среднее, нац. немец, гр-во СССР, семейное положение женат, адрес 12-го ЛЗО Вятлага,

НАШЕЛ:

что БЕЗЕЛЬ подозревается в преступлениях, предусмотренных 58—10 ч. II УК РСФСР, и принимая во внимание, что БЕЗЕЛЬ, находясь на свободе, может повлиять на ход следствия и суда, руководствуясь ст.ст. 145 и 158 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда БЕЗЕЛЬ АЛЬБЕРТ ВИКТОРОВИЧ избрать: гауптвахту 12-го ЛЗО Вятлага, о чем в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.

В соответствии ст. 160 УПК РСФСР, копию постановления направить Прокурору и передать начальнику тюрьмы для приобщения к личному тюремному делу.

СТ. ОПЕР. УПОЛН.ОПЕР. ЧЕК. ОТД.
ВЯТЛАГА НКВД
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ Г/Б (Подпись, неразборчиво)

Настоящее постановление мне объявлено « « _____ 194__ года.
ПОДПИСЬ (отсутствует)

* * *

2515 Начальнику II части 12-го ЛЗО
т. Губину

11/I—44 г.
2-16

Объявите мобилизованному трудармейцу БЕЗЕЛЬ Альберту Викторовичу, 1901 года рождения, что дело его направлено на рассмотрение Особого Совещания.

После исполнения с подписью м/б, на обороте возвратите во II отдел.

/Начальник II отделения II отдела (Подпись, неразборчиво)
Инспектор (Подпись, неразборчиво)

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Дело № 2515-м)

* * *

За любое критическое высказывание о Советской власти совсем не сложно было превратиться из бесправного «трудармейца» в «полноценного» заключенного. А голод и непосильный труд на отдаленном лесном лагпункте неумолимо свершали свое черное дело, стремительно добивая свою жертву.

Впрочем, и тем, кто искренне пытался работать — просто и «без разговоров», не всегда это удавалось. Голодная зима 1942 года косила людей в лагерях и «трудколоннах» подобно чуме. Ослабленные «трудармейцы» физически не способны были к тяжелой работе в лесу, не могли выполнять плановые нормы, а значит — получать более весомую «пайку». Питаясь по лагерному минимуму, они теряли последние силы, превращались в «доходяг», погибали. Именно о такой судьбе повествуют материалы еще одного личного дела из Вятлаговского архива.

Из Мартиролога «Немцы в Вятлаге»
(составил В.И. Веремьев)

ШНЕЙДЕР
Александр Иванович
(биографическая справка, составлена в июне 2001 года).

Категория: «спецпоселенец, трудмобилизованный, убывший».

Родился в 1897 г.

Место рождения: село Байдек (Бейдек/Таловка) Бальцерского кантона (Красноармейского района) АССР немцев Поволжья (Саратовской области).

Социальное происхождение: нет данных.

Немец.

Подданный СССР.

Беспартийный.

Социальное положение: служащий.

Образование: 2 класса гимназии (г. Покровск/Энгельс, 1914 г.).

Основная специальность: нет данных.

Отношение к военной службе: служил в 1918—1923 гг. в Красной Армии, рядовой 25-й Чапаевской дивизии.

Женат.

Не судим.

Последнее место работы: директор театра в г. Энгельсе (1940—1941/?/ гг.).

Постоянное место жительства:

— до выселения — АССР немцев Поволжья, город Энгельс, улица Персидская, дом 34;

— до мобилизации — Тюхтетский район Красноярского края.

Словесный портрет: рост — средний, волосы — черные, нос — прямой, телосложение — правильное, глаза — черные, особых примет нет.

Мобилизован Тюхтетским райвоенкоматом.

Прибыл в Вятлаг 16.02.1942 г.

Доставлен на 8-й лагпункт (лесозаготовительный отряд — ЛЗО).

Трудоиспользовался на общих работах (лесозаготовка), в «хозобслуге» (КБЧ — коммунально-бытовая часть).

По результатам медосмотров (24.03.1942 г. и 16.07.1942 г.) признан «годным к легкому физическому труду с выработкой 50% нормы», а затем — «нетрудоспособным на неопределенное время»; диагноз: «астенический тип, полиавитаминоз, упадок питания».

Умер от пеллагры 05.08.1942 г. в лазарете 8-го ЛЗО.

Погребен 07.08.1942 г. в 4.00 на кладбище 8-го ЛЗО в деревянном («дощатом») гробу, в нательном белье.

Фотографии в архивном деле не имеется.

Родственники:

— отец, Шнейдер Иван Филиппович, 1876 г. рождения, умер в 1937 г.;

— мать, Шнейдер Мария Ивановна, 1876 г. рождения, жила (февраль 1942 г.) в Тюхтетском районе Красноярского края;

— жена, Погрузова Анна Александровна, 1910 г. рождения, жила (февраль 1942 г.) в Тюхтетском районе Красноярского края;

— дочь, Шнейдер Нелли Александровна, 1933 г. рождения, жила (февраль 1942 г.) в Тюхтетском районе Красноярского края;

— дочь, Шнейдер Галина Александровна, 1936 г. рождения, жила (февраль 1942 г.) в Тюхтетском районе Красноярского края;

— сестры, установочные данные и адреса местожительства не обозначены.

Из личного дела «трудмобилизованного» А.И. Шнейдера.

* * *

3/20 л/д 1728/моб. 45

ВЫПИСКА

Из приказа № 94 по 8-му ЛЗО от 11/V—42 г.

Трудармеец бр. 38 кол. № 2 ШНАЙДЕР Алексей Иванович систематически не выполняет суточный график, занимается обманом государства, очковтирательством.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Мобил. ШНЕЙДЕР А.И. арестовать на 10 суток с выводом на работу, а после отбытия наказания перевести в другую бригаду колонны № 2.

п/п. Нач. 8-го ЛЗО
сержант Г/Безопасн. (ШМЕЛЕВ)
Верно: [Подпись, неразборчиво]

* * *

АКТ

1942 года августа 6 дня.

Мы, нижеподписавшиеся Нач. II части 8-го ЛЗО Попова, отв. дежурный 8-го ЛЗО Никифоров, завхоз с/ч Бенч и зав. вещкоптеркой Лаук, составили настоящий акт в том, что после смерти мобилизов. ШНЕЙДЕРА Александра Ивановича из его собств. вещей остались:

№ п/п	Наименование вещей	Количество	Примеч.
1	Полудошка меховая	1 шт.	
2	Брюки верх. стар.	2 шт.	
3	Пиджак стар.	1 шт.	
4	Бурки бел. стар.	1 пар.	
5	Носки шерстян.	1 пар.	
6	Носовой платок	1 шт.	
7	Полуботинки стар.	1 пар.	
8	Фуражка стар.	1 шт.	
9	Галоши	1 пар.	
10	Носки черн. х/бум.	1 пар.	

1. Нач. II части 8 ЛЗО [Подпись, неразборчиво]
2. Дежурный 8 ЛЗО [Подпись, неразборчиво]
3. Завхоз с/ч [Подпись, неразборчиво]
4. Зав. вещкоптер. [Подпись, неразборчиво]

Вещи пропущено через дезинфекционную камеру.
[Подпись, неразборчиво]

* * *

(Запись от руки, фиолетовые чернила)

В ответ на заявление гр-ки ПОГРУЗОВОЙ Анны Александровны сообщено о смерти м/н ШНЕЙДЕРА в установленном порядке.

20/IV—46

[Подпись, неразборчиво]

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Дело № 1728-м)

* * *

Откроем типичное (как правило, состоящее всего из нескольких листов) личное дело «трудармейца». На обложке тонкой папки видим надпись: «Личное дело № М—6509. Гельбер Бергольд Яковлевич». Литер «М» в названии дела обозначает — «мобилизованный». В типовом формуляре на первой странице занесены анкетные данные. Заметим, что для этого используется стандартный бланк формуляра, предназначенного для заключенного Вятлага. У последнего, впрочем, лагерное досье открывается судебным решением либо выпиской из протокола Особого Совещания или «тройки» НКВД-УНКВД. В обозреваемом же нами деле подобной бумаги нет, что и понятно: ведь «трудармейцы» формально уголовному наказанию не подвергались — даже во внесудебном порядке.

В арестантскую анкету лагерные учетчики («по ходу дела» и «с учетом конкретных обстоятельств») вносят некоторые коррективы. Так, в графе «бывшая партийность и стаж» — слово «бывшая» зачеркнуто: «трудармейцы», как известно, оставались в «рядах» ВКП(б) и ВЛКСМ — с сохранением соответствующих «членских билетов». В графе «место жительства перед арестом» — вычеркнуты слова «перед арестом», поскольку высылка таковым (то есть арестом) не считалась. Там, где для заключенных фиксируются реквизиты уголовной репрессии (карательный орган, дата вынесения решения об уголовном наказании, продолжительность его), в анкете «трудармейца» Гельбера Б.Я. значится: «мобилизован Зыряновским РВК 19.01.1942 года». Графа «начало и конец срока» просто не заполнены. Приводится краткий словесный портрет: рост — средний, телосложение — нормальное, волосы — черные, глаза — серые, нос — обыкновенный, особые приметы — нет.

Из анкетных данных «трудмобилизованного Гельбера» следует, что родился он в 1906 году в селе Джигинка Краснодарского края, по национальности немец, гражданин СССР, беспартийный, родом

из крестьян, образование — начальное («сельское»), к судебной ответственности не привлекался.

В составе семьи «трудармейца» Гельбера зафиксированы: его отец — Яков Иванович (67 лет), жена — Иоганна Вильгельмовна (38 лет), а также «двое детей от 10 до 15 лет». Местом «пребывания и трудоиспользования» Гельберу Б.Я. определен 12-й ЛЗО (лесозаготовительный отряд), дислоцировавшийся около станции Има вятлаговской (Гайнско-Кайской) железной дороги (это — примерно в 25 километрах к северу от поселка Лесного).

Под анкетой две подписи: самого «мобилизованного Гельбера Б.Я.» и опрашивавшего его лагерного сотрудника.

Дата заполнения — 26 февраля 1942 года, а это значит, что Гельбер Б.Я. прибыл в Вятлаг в самый пик первой — холодной и голодной — военной зимы.

В завершение же тоненького (всего из нескольких листов серой бумаги) дела мы с горечью видим скорбный документ — «Акт о смерти»: «...Мы, нижеподписавшиеся Начальник 12-го ЛЗО В/Л НКВД Таций И.Д., Начальник 2-й части Рубцов В.Т., Начальник с/части Шафронова, врач лазарета Торн А.Ф. и дежурный фельдшер Гюнтер Г.Г., составили настоящий акт в том, что сего 12 июня 1942 года в лазарете 12-го ЛЗО умер мобилизованный Гельбер Бертгольт Яковлевич 1906 года рождения. Смерть последовала от полиавитаминоза, энтероколит...» Понятно, что последняя фраза — не более чем декоративное прикрытие: слово «голод» в документах такого рода применять не рекомендовалось... Под актом — пять подписей. Форма соблюдена.

Земной путь «трудармейца» Б.Г. Гельбера, чьи персональные данные (имя, фамилия) в материалах лагерного дела, в том числе в нижеследующем документе, грубо искажены (что, в общем-то, обычная вещь для гулаговской канцеляристики), завершает еще один посмертный документ — так называемый «Акт погребения». Вот его текст (с сохранением стиля и орфографии):

«...Мы нижеподписавшиеся: представитель санчасть 12го ЛЗО В/Л Гелер И.А., стрелок Плетенов П.Д., рабочи Шлунт составили настоящий акт в том, что сего июня 1942 года на теретория 12 ЛЗО был предан земле мобилизованого Гельбур Бергольт Яковлевич рожд. 1906 год умершего в больнице 12го ЛЗО в деревяном гробу и в нательном белье.

Подпись Представитель с/ч
Стрелок
Рабочи...» (6)

Такое ощущение, что именно рабочий-немец, а не представитель санчасти, как предписано, сотворил сей «акт». Не секрет, что многие советские немцы, жившие компактно (особенно в сельской местности), общались между собой преимущественно на родном наречии (немецком, но чаще — на разнообразных его диалектах) и очень плохо говорили и писали по-русски, а нередко вообще не владели «титульным» государственным языком. Отсюда — стилистические и грамматические «закавыки» в приведенном выше первоисточнике, да и в массе других «трудармейских» документов, оформление которых было доверено самим немцам. Впрочем, и русскоязычные лагерные канцеляристы мало в чем (по части лексической грамотности) превосходили «инородцев»...

* * *

Порядок движения личных дел «трудмобилизованных» определялся общелагерными требованиями на сей счет. При убытии «трудармейца» из лагеря (переводе, перемещении и т.п.) его «досье» отправлялось вместе с ним к «новому месту назначения». При «освобождении из рабочих колонн НКВД» (по возрасту, по состоянию здоровья — «актированию», по семейным обстоятельствам и т.п.) личное дело оставалось на какое-то время в архиве лагеря, а затем («по истечении срока хранения») уничтожалось. Наиболее масштабный характер такого рода «зачистки» имели место во второй половине 1960-х годов. Наконец, дела умерших в лагере, а также бежавших (признанных «безвестно отсутствующими») «трудармейцев» подлежали постоянному хранению в архиве 2-го (учетно-распределительного, позднее — специального) отдела управления ИТЛ. Они и составляют сегодня «трудармейскую» часть архивного фонда специального учета Вятлага (около 1500 единиц хранения) и подобных ему «учреждений» бывшего ГУЛАГа, ныне — уголовно-исполнительной системы Минюста России.

С июня же 1946 года, при передаче «трудармейцев» на учет спецкомендатур МВД-МГБ СССР, на них заводились уже новые личные дела — как на «спецпоселенцев» («выселенцев», «спецпереселенцев»). Эти дела содержались (и содержатся) в территориальных (республиканских, краевых, областных) органах управления системой спецпоселений (МВД-УМВД-УВД).

На обороте (второй странице) обложки такого дела (то ли для облегчения труда «спецучетчиков», то ли в назидание им) типографским способом печаталось:

«Порядок оформления личного дела.

1. Личные дела на выселенцев оформляются и ведутся горрайотделами (отделениями) МВД и ОСП МВД-УМВД по подчиненным непосредственно им комендатурам.

2. В личном деле выселенца должны находиться следующие документы:

а) справка об основании к выселению и содержании на спецпоселении;

б) анкеты выселенца с фотокарточкой;

в) расписки об объявлении выселенцу постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1948 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года;

г) постановления о наложении административных взысканий (арест, штраф);

д) справки по заслуживающим внимания агентурным донесениям и другие компрометирующие материалы;

е) заявления выселенца о происходящих изменениях в составе семьи (рождение, смерть, брак и др.) и изменении места жительства;

ж) материалы о привлечении к уголовной ответственности (копии обвинительного заключения и приговора).

3. Документы в личном деле выселенца подшиваются в порядке последовательности, указанной в пункте 2.

4. Отобранные у выселенцев их личные документы приобщаются к личным делам в отдельном пакете по описи».

Это обложка типового в 1949—1950 годах личного дела именно и прежде всего для депортированных советских немцев. Ведь «выселенцами» (по учетной терминологии «органов») считалось как раз большинство данной национальной «спецкатегории», за исключением «местных» и «репатриированных», которые составляли в общей массе репрессированных немцев всего лишь несколько процентов.

* * *

После мобилизации наиболее трудоспособной части депортированных немцев в «рабочие колонны» семьи большинства из них оказались разбитыми, разрозненными: отцы и матери надрывались и гибли в лесных лагерях, на стройках и в шахтах, а дряхлые старики, инвалиды и малолетние дети остались в Сибири, Казахстане и Средней Азии — на поселении. Это породило превеликое мно-

жество семейных трагедий, явилось на многие годы еще одним источником страданий для сотен тысяч людей.

СУДЬБА «ТРУДАРМЕЙЦА» ИЗ ВЯТЛАГА

Обратимся к еще одному (в чем-то нетипичному, а во многом и заурядному) личному делу немца-«трудармейца», отправленного из Сибири в Вятлаг и оставленного там на поселении после войны. «Нетипичность» в данном конкретном случае заключается в следующем: подавляющее большинство отечественных немцев, как правило, старались (в силу своего воспитания, религиозных норм, менталитета, если угодно) соблюдать (во всяком случае — внешне) репутацию «примерного семьянина». Здесь же мы имеем дело с несколько иной ситуацией...

Итак, Симон Яковлевич Б., «трудармеец», а затем — спецпоселенец, категория учета — «немцы», место нахождения — Вятский ИТЛ НКВД-МВД СССР. Из анкеты Симона Б. следует: родился в 1919 году в селе Мариенталь одноименного кантона Автономной Республики немцев Поволжья (ныне поселок Советское Саратовской области). Гражданин СССР, родной язык — немецкий, член ВЛКСМ с 1938 года. Образование: 10 классов школы и курсы прорабов (строителей).

В 1940—1941 годах Симон Яковлевич служил в РККА. «Воинское звание — сержант, должность — помкомвзвода, в плену и оккупации не был», — бесстрастно свидетельствует анкета. После отчисления из армии (по причине «принадлежности к лицам немецкой национальности») выселен «к месту нахождения семьи» — в Красноярский край, откуда и мобилизован райвоенкоматом «для работы в промышленности».

Из той же анкеты «трудармейца», перенесенной затем и в «спецпоселенческое» личное дело, узнаем, что отец Симона Б. — мельник, мать — домохозяйка; причем последняя, а также ее дочери (сестры анкетируемого) находятся на спецпоселении — в Краснотурьинске (Урал, Свердловская область) и в Туруханске (Сибирь, Красноярский край).

К анкете приложен словесный портрет Симона Б.: рост средний — 158 сантиметров (для второй половины прошлого века, эпохи бурной физической акселерации, это немного, но для первой половины XX столетия — показатель вполне приемлемый), блондин, нос длинный, глаза серые, телосложение нормальное, особые приметы — шрам на среднем пальце левой руки. Здесь же — отпечатки всех десяти пальцев регистрируемого.

В Вятлаг «трудармеец» Симон Б. доставлен 16 февраля 1942 года — первым «немецким» этапом из Красноярска.

Молодость и приличное по тем временам образование (когда у иного высокопоставленного гулаговского чина имелась «за душой» всего лишь сельская начальная школа) помогли «трудмобилизованному» Симону Б. выжить в экстремальных условиях лесного лагеря в военные годы.

В конце войны — он уже в должности прораба строительного участка транспортного (железнодорожного) отдела Вятлага, а в 1946 году переведен из категории «трудмобилизованных» на учет спецкомендатуры — в качестве «выселенца-спецпоселенца».

В его личном деле имеется на сей счет соответствующая бумага — отпечатанный в типографии стандартный бланк, куда от руки вписаны только дата оформления и соответствующие персональные данные:

«Справка.

23 мая 1946 года.

На основании Постановления СНК Союза ССР от 08.01.1945 года за № 35 мне, мобилизованному в трудармию Б. Симону Яковлевичу, объявлено о переводе из мобилизованного на положение спецпереселенца с закреплением на работы Вятлага МВД.

Права и обязанности спецпереселенца мне известны.

Подпись переселенца.

Объявил — подпись».

Именно таким способом лагеря (да и любые другие — важные, по мнению властей, для них предприятия) «сохраняли» свою «рабочую силу». Снятый с учета в 1946 году (по достижении 16-летнего возраста) спецпереселенец Петр С. рассказывал автору, что, даже получив паспорт, он не мог выехать из леспромхоза, к которому был «приписан»: местное руководство «просто не отпускало с работы». Между прочим, в свои 17 лет Петр С. уже занимал «руководящую» должность — был бригадиром...

Но вернемся к личному делу Симона Б. Далее в нем мы видим заявление, направленное Симоном Яковлевичем 2 мая 1946 года (сразу, как это стало возможным) на имя начальника Вятлага: «...Прошу Вашего распоряжения послать вызов за моей женой находящейся в Красноярский край, Рыбинский район, дер. Успенка НСШ № 14 Миллер Лидия Георговне. Я работаю в прорабство ОКСа при 13 ОЛП десятником по ж. дороге и зав. складом прорабство ОКСа. Жена работает учительницей по выше указанной адрес и желает переехать ко мне. Прошу не отказать...»

Русский язык Симона Б., мягко говоря, не очень хорош, но, судя по документам из личных дел других «трудармейцев», он все-таки значительно лучше, чем у основной массы немцев из Поволжья...

На заявлении резолюция:

«Послать вызов.

27.05.1946 г.».

Однако в ту пору по какой-то неясной причине жена к Симону Яковлевичу так и не приехала. Возможно, вызов до нее в Сибирь все-таки не дошел: лагерная бюрократия не отличалась особым рвением в такого рода делах. Но наш герой вновь проявляет инициативу, он активен и настойчив. 6 сентября 1947 года Симон Б. подает заявление (весьма распространенный в то время прием среди спецпоселенцев) на имя Генерального прокурора Союза, депутата Верховного Совета СССР К.П. Горшенина. В своем обращении он объясняет, что не был дома в своей семье уже 8 лет, что «...в Свердловской области в Краснотуринске находится мать — 63 года, нетрудоспособна и требует материальны помощ, который я отсюдово ей оказать не могу...».

В конце своего эмоционального послания заявитель подчеркивает фразу: «...Прошу Вашего разрешение или указание руководстве Вятлага отпустить мне к семье, так как я желаю быть вместе с семьей для оказания помощи. Прошу очень, мою просьбу учест — и обрадит вниманию...».

Заметим, что на сей раз Симон Яковлевич не упоминает о своей жене-немке. А объясняется все просто: жизнь (тем более молодая) берет свое, и в его анкете от 1948 года (графа «семейное положение») значится уже — «жена Мария Ш. (русская), в гражданском браке»...

Заявление Симона Б. возвращается в Вятлаг со следующей резолюцией руководства МВД СССР: «...Направляется заявление спецпереселенца прораба Б. Симона Яковлевича, ходатайствующего об увольнении из Вятлага. Порекомендуйте ему взять мать к себе. О принятом решении объявите заявителю». На обороте — расписка Симона Б. об ознакомлении его с этим решением. Исход вполне привычный по тем временам: для «органов» была и остается на первом месте «производственная необходимость». На фоне этого приоритета все остальное, включая судьбу отдельного человека, — мелочи, детали, пустяки...

Правда, полгода спустя, 15 апреля 1948 года, нашему герою все же предоставляется отпуск за 1947 год — с правом выезда в Краснотурьинск Свердловской области (1-й леспромхоз). В деле подшиты соответствующие справка и удостоверение на проезд, заменяющие паспорт... Годы идут своим чередом, немец-прораб Симон Б. работает добросовестно, никаких нареканий на него у начальства нет, он даже получает повышение в должности, поднимается на ступеньку вверх по карьерной лестнице, и на него оформляется новое личное дело — уже как на вольнонаемного работника лагеря — с непременным атрибутом: письменным обязательством о «неразглашении государственной тайны». Таковое давали на подпись всем вновь назначаемым работникам ГУЛАГа — от руководителей до низовых рабочих и служащих. Симон Б. подписал это обязательство 18 июля 1949 года, и в этом же месяце его престарелая мать обращается со слезным письмом все к тому же прокурору-депутату К.П. Горшенину. Очевидно, писала заявление сестра Симона, что, впрочем, сути дела не меняет. Приводим этот документ (с сохранением орфографии):

«...Переселенка Б. Анна-Мария.

Нахожус Свердловской области.

Живу удочери.

У снохи и дочери имеется 8 штук детей а я старая мне уже 68 лет.

Типер у меня еще ест сын Б. Симон Яковлевич, который находится в Кировской области и ни помогает мне и не едет к нам, а дочь меня воспитат не в силах, у нее семья своя большая.

Она имеет две награды материнства первой и второй степени.

Она должна воспитат своих детей, а я больная и не имею ни каких возможностей прожит до конца моей смерти.

Я прошу вашива распоряжения и указания чтобы моево сына отпустили ко мне чтобы нас соединили жит вместе, так как я кнему ехат не могу.

Я больная и плохо вижу я на это имею больничный справки и притом его жена тоже живет снами зарабатывает мало.

И моя доч нас держат на квартире не хочет.

Я старая, может я ... написала плохо но прошу ваше распоряжение дат указание в ту комендатуру где находится мой сын.

Жду с нетерпением ответа».

Самоуниженность, наивная вера в какое-то «человеколюбие» советской власти, бесхитростные уловки матери, желающей перевести к себе сына, — все это перемешалось в прочитанном нами

письме. Война, депортация, «трудовая армия», многолетнее закрепощение на спецпоселении разрушили семью Анны-Марии. И таких семейных трагедий — сотни тысяч.

Между тем Симону Яковлевичу пришло-таки разрешение на выезд в Краснотурьинск. Но теперь уже он сам делает «шаг в сторону» и пишет в заявлении на имя начальника управления Вятлага:

«...Я работаю начальником ж.-д. строительства транспортного отдела, имею здесь семья и хозяйство. Жена работает почовым агентом Верх-Сысоловск почового отделение, которой с работой не расчитают. Так же я не желаю и не могу в настоящее время выехать за пределы Вятлага, поэтому прошу Ваше указание спецкомендатуре об оставлении мне в пределах Вятлага так как я работаю по специальности и с семьей переехать не могу, а матери я ежемесячно высылаю денежный помощ...».

Лагерное начальство с готовностью удовлетворило эту просьбу — «сохранили ценного работника».

Но семейная коллизия оставалась не «урегулированной», и 15 ноября 1949 года к начальнику Вятлага вновь поступает письмо из Краснотурьинска:

«...К вам с просьбой жена Симона Яковлевича Б. и мат.

Мы хотим узнат где сейчас он находится.

Мы уже от нево ни получаем давно письма.

Что с ним случилось.

Жив он или нет.

Просим вас убедительно сообщит нам о нем.

<...>

Я ево мат мне уже 70 лет.

Живу с ево женой.

Но ево жена мне говорит что он там наверно еще имеет жену и по етому нам не пишет.

Прошу вас сообщите нам что с ним случилос или ево куда перевели».

Имеются в деле и письмо на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Шверника, и «высочайшее» разрешение на переезд матери к сыну в Вятлаг, а также дозволение Симону Б. на отпуск в 1950 году — «для перевозки матери к месту его жительства».

Но по каким-то причинам и эти намерения не осуществились...

В общем, семейная драма затянулась на многие годы. В ней появились дополнительные обстоятельства: в 1949 году наш герой заключил официальный брак с Натальей К. (русской, но состоявшей

на учете спецпоселения), в новой семье растет маленькая дочка, у супругов есть своя квартира и огород. Налицо достаточно обычная, но в тех условиях просто тупиковая житейская ситуация, при которой что ни предпринимай — все равно кому-то будет плохо...

Учтем к тому же, что, как и все спецпоселенцы, Симон Б. постоянно находился «под колпаком» у «органов»: тщательно отслеживались родственные связи (при этом зачастую «просматривали» всех однофамильцев), внутри ссыльной системы постоянно курсировали запросы, активно проводилась фильтрация репатриантов и т.д. и т.п.

Свидетельством тому — еще один сюжет из личного дела Симона Б. В 1954 году он в отпуске побывал у матери в Краснотурьинске. В подготовленной по этому случаю спецкомендатурой накануне (23 декабря 1953 года) секретной справке на старшего прораба Симона Яковлевича Б. читаем: «...Спецпоселенец Б. в 1941 году по решению правительства из Саратовской области выселен в Красноярский край как лицо немецкой национальности. В 1942 году из Красноярского края мобилизован на работу в лесную промышленность. Спецпоселенец Б. за период проживания на спецпоселении в Кайском районе каких-либо нарушений режима и общественного порядка не имел. Побеговых настроений не высказывает. На спецпоселенца Б. Кайское Р.О. МВД компроматами не располагает... (Далее отмечается, что жена и дочь Симона Б. на учете спецпоселения не состоят. — *В.Б.*) Из числа близких родственников Б. имеет: 1) Мать — Б. Анну-Марию Иосифовну; 2) сестру — Ш. Марию Яковлевну, которые проживают в Свердловской области, город Краснотуринск. Комендант спецкомендатуры № 19 — (Подпись)».

Через месяц, 21 января 1954 года, в Вятлаг из УМВД по Томской области поступил секретный запрос на однофамильца Симона Б.: «...Нами разрабатывается американский репатриант Б. Адольф Яковлевич, 1915 года рождения, уроженец Саратовской области, немец...» Просьба: «проверить контакты» Симона Б. с этим его однофамильцем и «сообщить наличие компроматматериалов».

После соответствующей проверки выяснилось: фигурантом запроса является не кто иной, как родной брат Симона, заброшенный судьбой из зарубежья в Западную Сибирь. Здесь, в Томской области, братья вновь увиделись лишь в 1955 году — во время очередного отпуска Симона. К этому сроку с момента их разлуки прошли долгие 15 лет...

Завершают личное дело спецпоселенца Симона Б. многочисленные регистрационные листы, в которых он регулярно расписывался при ежемесячной личной явке в спецкомендатуру...

Но эпоха сталинских спецрезерваций заканчивалась. 25 июля 1955 года Симону Б. был выдан паспорт. В нем, однако, наличествовал штамп ограничений по передвижению, поэтому при выезде (в отпуск, например) по-прежнему приходилось собирать дополнительные «разрешительные» бумаги: справки, удостоверения и т.п.

Окончательное освобождение пришло к Симону Б. 17 января 1956 года. В этот день от него в местной спецкомендатуре взяли стандартную расписку следующего содержания: «...Мне — гражданину Б. Симону Яковлевичу 1919 года рождения объявлено, что я в соответствии с решением Правительства из спецпоселения освобожден без права проживания в Саратовской области, откуда был выселен или проживал до выезда. Мне также разъяснено, что конфискованное при выселении имущество возвращению не подлежит. Подпись («освобождаемого»). Подписку отобрал — (подпись коменданта)».

Личное дело спецпоселенца Симона Б. сдано в архив. Но полтора десятилетия неволи невозможно ни забыть, ни избыть, ни возместить. Это были долгие годы национального угнетения и унижения для всего почти полуторамиллионного народа российско-советских немцев...

ПРИЛОЖЕНИЕ
Документы о «трудовой армии»

Документ 1

СЕКРЕТНО

УТВЕРЖДАЮ	СОГЛАСОВАНО
Народный Комиссар	Заместитель Народного
Угольной Промышленности	Комиссара Внутренних Дел
СССР	СССР
Вахрушев	Чернышов
13 ноября 1943 года	13 ноября 1943 года

ИНСТРУКЦИЯ
по использованию на предприятиях Наркомугля мобилизованных немцев

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Переданные в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны для работы в угольной промышленности мобилизованные немцы подлежат использованию на шахтах и строительствах Наркомугля.

2. Запрещается допускать мобилизованных немцев к работам на заводах взрывчатых материалов и динамитных складах.

На ответственных агрегатах и взрывных работах в шахтах и карьерах, как исключение, мобилизованные немцы могут быть использованы только с персональным разрешением местных органов НКВД.

3. Мобилизованные немцы формируются в трудовые отряды при трестах и колонны на шахтах и стройконторах.

В колоннах организуются смены и бригады, с учетом производственной потребности.

4. Мобилизованные немцы сосредоточиваются для работы на специально выделенных шахтах с учетом группового размещения их вблизи этих шахт.

Выделенные шахты полностью укомплектовываются мобилизованными немцами во главе с вольнонаемным руководящим инженерно-техническим составом, допуская для работы на этих шахтах и на основных агрегатах вольнонаемных рабочих по недостающим среди мобилизованных профессиям.

5. Организация труда и быта немцев, работающих на предприятиях угольной промышленности, строится на основе строжайшей дисциплины и безоговорочного подчинения установленному режиму.

О дезертировавших мобилизованных немцах немедленно сообщается в соответствующий орган НКВД для организации розыска и привлечения к ответственности.

6. Руководство шахт и стройконтор совместно с парторганизациями обязаны обеспечить образцовую постановку политмассовой работы среди мобилизованных немцев, создать крепкий производственный актив, возглавить социалистическое соревнование среди них и добиться максимального роста стахановского движения, выполнения и перевыполнения производственных норм и заданий.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ

7. Мобилизованные немцы формируются в отряды при трестах и колонны на шахтах-стройках.

В колоннах организуются смены-бригады.

8. Во главе отряда стоит начальник отряда, который пользуется правами заместителя управляющего трестом и назначается из работников НКВД или начсостава Красной Армии.

9. Начальник отряда руководит организацией учета, быта и режима в колоннах, а также обеспечивает контроль за трудовым использованием мобилизованных немцев.

10. Начальники колонн назначаются из вольнонаемных работников и подчинены в своей работе начальникам отрядов при трестах.

Начальники смен и бригадиры назначаются из числа проверенных, пользующихся авторитетом, мобилизованных немцев.

11. На начальников колонн и смен возлагается:

а) Размещение мобилизованных немцев в общежитиях по сменам и бригадам по производственному принципу.

б) Организация бытового обслуживания мобилизованных.

Разработка правил внутреннего распорядка в общежитиях зон.

в) Обеспечение топливом, кипятком, освещением, санобработкой, медобслуживанием и своевременной госпитализацией больных.

г) Организация в колоннах ремонтно-пошивочных мастерских, парикмахерских, дезкамер, прачечных и сушилок.

д) Организация оперативного учета в колоннах и проведение (ежедневно утром и вечером) проверки всего наличного состава мобилизованных.

е) Своевременный и полный вывод на работу мобилизованных немцев по сменам и бригадам.

Вывод на работу немцев производится строем и следует до места работы под командой начальника смены — бригадира, которые несут ответственность за 100% явку мобилизованных на производство.

ж) Организация строгого учета получаемого колонной вещдовольствия и постельных принадлежностей; при обнаружении хищения и промотов лиц виновных немедленно привлекать к уголовной ответственности.

III. РЕЖИМ И ОХРАНА

12. Трудмобилизованные немцы размещаются в зонах изолированно от остального населения.

Зоны должны иметь ограждение в виде забора, штакета или изгороди из колючей проволоки.

Проживание в зонах вольнонаемного состава запрещается.

13. Распыленность при размещении не допускается.

Каждая колонна размещается компактно в одном или нескольких бараках, расположенных рядом.

14. Коммунально-бытовые учреждения, как-то: бани, прачечные, столовые, мастерские, амбулатории и т.п. размещаются на территории зоны.

15. Выход из зоны, как и вход в нее, допускается только через вахту.

Выход из зоны для следования к месту работы, а также возвращение в зону с работы разрешается в установленное время перед сменами, или после смены только в строю под командой начальника смены или бригадира.

При следовании на работу в одиночном порядке пропуска на выход из зоны выдаются начальником колонны (письменно, биркой или лично).

16. В зависимости от условий производства, для задержавшихся на работе, возвращение в зону допускается одиночным порядком с обязательным представлением справки от начальника участка или дежурного по шахте с указанием времени освобождения от работы.

17. Начальнику колонны предоставляется право в свободное от работы время предоставлять трудмобилизованным отпуск из зоны по увольнительным запискам, с обязательным возвращением в зону к 22 часам.

18. На территории зоны разрешается организация крытых лотков для продажи молочных и овощных продуктов гражданским населением.

Проход в зону разрешается только по пропускам, выдаваемым дежурным по зоне.

19. Право беспрепятственного входа в зону по удостоверению личности имеют: начальник шахты, его заместители, главный инженер и парторг шахты.

20. Проживание мобилизованных немцев вне зоны категорически запрещается.

За хорошие производственные показатели и образцовое поведение в быту, с разрешения местных органов НКВД, мобилизованным разрешается вызов своей семьи и проживание вне зоны на частной квартире.

21. Командировка мобилизованных немцев на объекты, не обеспеченные режимным содержанием, запрещается.

Допуск мобилизованных на административно-хозяйственные работы, а также в аппаратах предприятий трестов и шахт должен согласовываться с местными органами НКВД.

22. По каждому факту дезертирства мобилизованных начальник колонны обязан в день побега сообщать местному органу НКВД с указанием полных установочных данных бежавшего и места его жительства до мобилизации.

23. Трудмобилизованным немцам запрещается: иметь огнестрельное и холодное оружие, наркотические средства, план поверхности шахты и планы горных работ, самовольно выходить из зоны, проводить в зону посторонних лиц, играть в азартные игры, хранить паспорта и военные билеты, иметь на руках запрещенную литературу и иностранную литературу, издаваемую вне СССР.

24. Трудмобилизованным немцам разрешается: свободное передвижение внутри зоны, получение и отправка всех видов корреспонденции; получение продовольственных и вещевых посылок; пользование книгами, журналами и газетами; игра в шашки, шахматы, домино и биллиард, занятия физкультурой и спортом; подавать жалобы своим прямым начальникам и направлять их по почте в вышестоящие инстанции.

25. Охрана зон осуществляется силами самих трудмобилизованных немцев из числа хорошо проверенных членов партии и комсомольцев и состоит из вахтерского поста на вахте и подвижных дозоров внутри зоны.

Личный состав охраны согласовывается с местными органами НКВД.

26. Вахтерский пост отвечает за выход из зоны без пропуска или увольнительной записки, а также за проход в зону посторонних лиц без соответствующего пропуска.

27. Подвижные дозоры отвечают за порядок внутри зоны и за выход трудмобилизованных из зоны помимо вахты.

Они же являются наружными пожарными постами.

Количество подвижных дозоров определяется величиной зоны и ее характером, но не должно превышать 3-х.

28. Суточный наряд охраны оружия не имеет.

Подчиняется дежурному по зоне или коменданту зоны из вольнонаемных.

29. За невыполнение распоряжений начсостава и указаний инженерно-технического состава на производстве, за нарушение правил безопас-

ности, порчу инструмента и шахтного имущества, невыполнение производственных норм по своей вине и другие нарушения дисциплины на производстве и в быту, — на виновных накладывается дисциплинарное взыскание.

За хорошую работу и поведение применяется поощрение.

В случае, если нарушения носят злостный или умышленный характер, виновные привлекаются к судебной ответственности.

30. Начальник смены и бригадир имеют право:

а) объявлять личный выговор на общем собрании бригады (смены);

б) объявлять личную благодарность за хорошую работу;

в) ходатайствовать перед начальником колонны о вынесении более значительного взыскания или поощрения.

31. Начальник колонны имеет право:

а) объявлять выговор перед строем;

б) назначать на более тяжелые работы на срок до 15 дней;

в) оставлять без увольнения из зоны на срок до 1 месяца;

г) подвергать аресту на гауптвахте до 5 суток.

В порядке поощрения имеет право:

а) объявлять благодарность перед строем;

б) ходатайствовать перед заведующим шахтой о материальном поощрении.

32. Начальник отряда имеет право:

а) объявлять выговор перед строем и в приказе;

б) переводить на более тяжелую работу на срок до одного месяца;

в) снижать в должности;

г) подвергать аресту до 15 суток.

В порядке поощрения имеет право:

а) объявлять благодарность перед строем и в приказе;

б) повышать в должности;

в) ходатайствовать перед управляющим трестом о материальном поощрении;

г) ходатайствовать о предоставлении кратковременного отпуска к семье на срок до 20 суток (не считая время на путь следования), на право ввоза семьи и проживания с нею вне зоны.

33. Дисциплинарные взыскания на мобилизованных немцев могут накладываться только их прямыми начальниками, бригадиром, начальником смены, начальником колонны и начальником отряда.

34. Начальствующий состав, наложивший взыскание, имеет право отменить или досрочно снять его, если поведение наказанного свидетельствует о его исправлении.

35. Для отбывания ареста при каждой зоне должна быть организована гауптвахта, имеющая решетки на окнах и убирающиеся днем топчаны.

Гауптвахта организуется рядом с помещением для дежурного по зоне и находится под его наблюдением.

Содержащиеся под арестом выводятся на наиболее тяжелые и черновые работы внутри зоны, с продолжительностью рабочего дня не менее 12 часов и без права отдыха в дневное время, кроме перерыва на обед.

IV. ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

36. Все мобилизованные немцы должны быть использованы только на основных угольных и строительных работах в трестах, на шахтах и строительных конторах.

Использование на других работах, как-то: гаражах, совхозах, конторах, мастерских и коммунально-бытовых службах (кроме зоны их бытового расположения) категорически запрещается.

В случае крайней необходимости в использовании на таких работах отдельных лиц, допуск производится начальником отряда только после получения на это санкции местных органов НКВД.

37. Право командировок и переброс мобилизованных немцев с одного объекта работы на другой предоставляется только начальникам отрядов.

Переброски внутри шахты или стройконторы осуществляются начальником колонны.

Самостоятельное перемещение немцев зав. шахтами и по нарядам трестов — запрещается.

38. Продолжительность рабочего дня для мобилизованных немцев устанавливается на общих основаниях с вольнонаемным составом.

Для мобилизованных немцев устанавливается в обязательном порядке 3 выходных дня в месяц и ежесуточный непрерывный 8-часовой отдых для сна.

39. Мобилизованные немцы на нарядах должны быть ознакомлены с порядком работ, существующими нормами, расценками, с точным указанием места и объема работ, подлежащих выполнению.

Наряды-задания могут выдаваться в зависимости от характера работ индивидуальные и бригадные.

40. За организацию работ, правильное трудовое использование и уплотнение рабочего дня несет полную ответственность руководящий технический аппарат предприятия.

41. Начальники отрядов и колонн несут ответственность за своевременный и максимальный вывод людей на работу.

42. Анализы производительности труда мобилизованных немцев и улучшение процесса их трудового использования осуществляются аппаратами трестов и шахт.

43. Оплата труда мобилизованных немцев и выплата премиальных производится на равных условиях с вольнонаемным составом.

Мобилизованным немцам, потерявшим временно трудоспособность, оплачивается по бюллетеням за счет отчислений и соцстрах наравне с вольнонаемным составом.

V. БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

44. Управляющие трестами и начальники шахт обязаны обеспечить нормальные жилищные условия содержания мобилизованных немцев из расчета на каждого человека не менее 2,4 м^2.

Каждое помещение должно быть отремонтировано, отеплено и вполне пригодно для жилья.

Категорически запрещается размещать мобилизованных немцев в непригодные для жилья помещения.

45. Каждое жилое помещение должно быть оборудовано 2 ярусными, вагонного типа, нарами из строганого пиломатериала, обеспечены бачками для питьевой и технической воды, умывальниками, кубовыми сушилками, камерами для хранения собственных вещей, красными уголками и мастерскими для ремонта одежды и обуви.

Кроме этого, в каждой колонне должны быть оборудованы кухни, столовые, амбулатории, стационары, парикмахерские, ларьки и, по необходимости, бани (там, где на предприятии их нет).

46. Каждому мобилизованному немцу выдается полный комплект постельных принадлежностей за счет средств предприятия.

47. Все мобилизованные немцы обеспечиваются одеждой, обувью и бельем по сезону за наличный расчет и спецодеждой по существующим нормам за счет предприятия.

48. Работники кухни, обслуживающий персонал столовых по обслуживанию мобилизованных немцев должны укомплектовываться только из мобилизованных немцев.

49. Выделяемые продукты для улучшения котлового довольствия за счет подсобного хозяйства отпускать наравне с вольнонаемными рабочими пропорционально с имеющимся спецконтингентом.

50. Начальники шахт обязаны выделять промтовары и табачные изделия для мобилизованных немцев наравне с вольнонаемными рабочими пропорционально их численности на шахтах и стройках.

51. Начальники шахт и строек обеспечивают мобилизованных немцев продовольственными и промтоварными карточками только через начальников колонн.

52. Вещевое довольствие, спецодежда, обувь, белье и постельные принадлежности, выделяемые для мобилизованных немцев, выдаются только через начальников колонн.

53. Для обслуживания мобилизованных немцев в организованных амбулаториях и медпунктах, расположенных внутри зоны, допускаются для работы медработники из числа вольнонаемных при отсутствии специалистов из числа мобилизованных немцев.

54. Мобилизованные немцы, признанные врачебно-медицинской комиссией инвалидами по физическому состоянию здоровья, непригодными для использования на работе в угольной промышленности, демобилизуются из рабочих колонн.

55. Мобилизованные немцы, временно потерявшие трудоспособность по заключению врачебно-медицинской комиссии, увольняются в отпуск на срок от 2 до 4 месяцев с обязательной явкой в райгорвоенкомат по месту жительства и после выздоровления подлежат возврату к прежнему месту работы.

VI. УЧЕТ И ОТЧЕТНОСТЬ

56. На всех предприятиях заводится персональный учет мобилизованных немцев (картотека).

57. Заместители начальников комбинатов и начальники отрядов трестов Главшахтостроя по спецконтингенту обязаны согласно прилагаемой форме ежемесячно по состоянию на 1-е число представлять в местные органы НКВД и Наркомуголь сводку о численности и движении контингентов мобилизованных по каждому предприятию.

58. Инструкция от 11 ноября 1942 года об использовании мобилизованных немцев отменяется.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
РАБОЧИХ КАДРОВ НАРКОМУГЛЯ
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЯЦКЕВИЧ
«СОГЛАСЕН»
ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР Т. ЛИТВИНОВ

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 239—242)

Документ 2

УПРАВЛЕНИЕ НАРКОМВНУДЕЛ СССР
по КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОПЕРАТИВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

21 декабря 1948 года г. Кемерово

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР —
КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 2 РАНГА
тов. ЧЕРНЫШОВУ
г. Москва

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
по охране, режиму содержания и трудовому использованию немцев, мобилизованных на предприятия угольной промышленности за ноябрь месяц 1943 года

В отчетном месяце на предприятиях угольной и лесной промышленности Кузбасса было занято 15 120 человек мобилизованных немцев, которые сведены в 9 отдельных отрядов по трестам угольной промышленности и одно предприятие лесной промышленности.

Каждый отряд разделен на рабочие колонны, в зависимости от использования немцев на предприятиях.

Размещение рабочих колонн немцев по Кузбассу следующее:

№ п/п	Наименование города	Наименование треста	Наименование шахты, при которой создана колонна	К-во немцев в колонне
1	Комбинат	КемеровоТрест	«Северная»	380

2	«КЕМЕРОВО-УГОЛЬ»	«Кемеровоуголь»	«Южная»	97
3	город Кемерово		«Пионер» 1	61
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	638
4	Анжерка	Трест		
		«Анжероуголь»	«Физкультурник»	650
5			Шахта 9/15	965
6			Шахта 5/7	1026
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	2641
7	Ленинск	Белово Трест	«Байкаим»	488
8		«Ленинуголь»	Шахта им. Кирова	1420
9			«Полысаево»	297
10			«Пионерка»	245
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	2650
11	Комбинат	ПрокопьевскТрест		
		им. Ворошилова		1079
12	«КУЗБАСС-УГОЛЬ»	«Прокопуголь»	«Зиминка»	618
13	г. Прокопьевск		«Манеиха»	350
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	2047
14	Прокопьевск	Трест		
		«Сталинуголь»	«Черная гора»	1006
15			«Маганак»	211
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	1217
16			Не входящая в трест им. Сталина	1078
17	Киселевск	Трест	Шахты № 1—2	242
18		«Кагановичуголь»	Шахта № 3	270
19			Шахты № 4, 5 и 6	591
20			«Капитальная»	431
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	1534
21	Сталинск	Трест	«Байдаевка»	794
22		«Куйбышевуголь»	Шахтстрой	300
23			л/п «Абагур»	136
24			л/п «Терсь»	73
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	1583
25	Осинники	Трест	«Капитальная»	944
26		«Молотовуголь»	Шахта № 4	382
27			Шахта № 10	406
			ВСЕГО ПО ТРЕСТУ:	1732

Произведенным обследованием режима содержания охраны, быта, трудового использования и подготовки помещений к содержанию мобилизованных в зимних условиях установлено:

ОХРАНА И РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ

Каждая колонна немцев размещается в зоне, изолированной от остального населения.

Зоны имеют ограждения — деревянные заборы, с входом в нее только через проходную будку.

Выход из зоны для следования к месту работы, а также возвращение в зону с работы, производится в строю под командой начальника смены или бригадира.

В отдельных случаях, при оставлении отдельных немцев на производстве, вход в зону допущен по индивидуальным пропускам, выдаваемым начальниками смен.

В свободное от работы время отдельным немцам, в виде поощрения за хорошую работу и дисциплинированное поведение в быту, предоставляется начальниками колонн городской отпуск.

Выход из зоны и возвращение в таких случаях производятся по увольнительным запискам.

Охрана зон производится отрядами ВОХР и ВВО двумя постами: в проходной будке и на вышке, установленной посредине зоны, или обходным постом, там. где отсутствуют вышки.

Охрана по всем трестам полностью не укомплектована, в силу чего имеются нарушения правил караульной службы, так:

По тресту «Кагановичуголь» охрана укомплектована только на 74%.

По тресту «Кемеровоуголь» на 70% и на шахте «Пионер» охрана совершенно не организована.

По тресту «Ленинуголь» на 80%.

Аналогичное положение и по другим трестам, за исключением треста «Анжероуголь», где охрана укомплектована полностью.

Гор. Кемерово — Трест «Кемеровоуголь».

В зоне немцев при шахте «Северная» охрана производится одним постом в проходной будке, вышка для второго поста не построена, а обходной пост не выставлен из-за неукомплектованности штатов ВВО.

Зона в ночное время не освещается, никакого наблюдения за состоянием периметра ограды в ночное время не проводится.

На шахтах «Южная» и «Пионер» того же треста рабочие колонны немцев организованы в октябре месяце с.г., но до сего времени не закончена постройка ограждения зон, в силу этого вооруженная охрана не выставлена.

Гор. Анжерка — Трест «Анжероуголь».

Отряд немцев при шахте № 9/15 размещен в 3 бараках, не обнесенных забором, немцы имеют общение с коренным населением.

Гор. Киселевск — Трест «Кагановичуголь».

В зонах не поставлены проходные будки, отсутствует наружное освещение, сигнализация между постами.

Штат охраны недоукомплектован на 26%.

Наблюдаются случаи самовольного выхода немцев из зоны.

Трестом без согласования с ГО НКВД выведен в совхоз на работы по ремонту тракторов немец АЛЕРС, зав. шахтой № 3 содержит на подсобном хозяйстве шахты 47 немцев, 6 немцев заведующим этой шахты направлены в колхоз «Красный пахарь».

Из-за отсутствия должного режима в колонне при шахте № 1—2, немцы ДРОКС и ГРИИЛ 8 ноября 1943 года самовольно ушли в город и пьянствовали на квартире вольнонаемной зав. столовой АФАНАСЬЕВОЙ.

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Мобилизованные немцы используются на основных работах по добыче угля на шахтах и на лесозаготовительных работах в лесных пунктах, за исключением незначительного количества занятых на работах в закрытых зонах, в столовых и бытовых мастерских по обслуживанию немцев.

Немцы на шахты прибыли в основном из сельского хозяйства, квалификации не имеют, обучение их специальностям проводится не удовлетворительно и только на практической работе, теоретических занятий не проводится.

Низкая квалификация рабочих немцев и отсутствие среди них ведущих квалификаций не дают возможности их сосредоточения для работы на отдельных участках или отдельными сменами.

Возрастной состав немцев низко трудоспособен, так в трех колоннах по тресту «Ленинуголь» на 1/09-с.г. состояло в возрасте 1925—1928 гг. рождения — 645 человек и в возрасте 45 лет и выше — 334 человека, из общего количества в этих колоннах 1806 человек.

Кроме того, имеется большое количество немцев, по состоянию здоровья не пригодных к подземным работам.

Так, по тресту «Ленинуголь» на 1/11-с.г. врачами было освобождено от подземных работ 846 человек, из общего количества немцев 2651 человек.

Исключительно плохо тресты обеспечивают мобилизованных немцев спецодеждой.

Только по одному тресту «Ленинуголь» из-за необеспеченности спецодеждой 1/11—43 г. не вышло на работу 164 немца.

Такое же положение наблюдается и по остальным трестам.

Несмотря на перечисленные недостатки в организации трудового использования немцев, все же основная часть их на производстве работает хорошо, выполняют нормы выработки от 100% и выше.

Так:

По тресту «Ленинуголь» выполнение норм:

свыше 100% — 875 человек;

до 100% — 301 человек;

до 80% — 170 человек.

Остальные работают по тарифу.

По тресту «Анжероуголь»:

свыше 100% — 619 человек;

до 100% — 305 человек;

до 80% — 124 человека.

Остальной состав также работает по тарифу.

В таком же соотношении производительность труда характеризуется и по остальным трестам.

БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Все немцы, находящиеся в трудовых колоннах, размещены в пригодных для жилья и подготовленных к зиме помещениях-бараках.

В отдельных зонах, по трестам «Ленинуголь» и «Анжероуголь», а также в зоне на шахте «Пионер» треста «Кемеровоуголь», из-за недостаточности помещения, немцы размещены скученно, а в отдельных бараках размещаются на сплошных общих нарах и нарах вагонного типа, установленных в три яруса.

Количество нормальной площади и кубатуры на каждого человека в этих помещениях не выдерживается.

Как правило, столовые организованы внутри зоны, обслуживающий персонал укомплектован из мобилизованных немцев.

По тресту «Кемеровоуголь» столовые находятся при шахтах, обслуживаются вольнонаемным персоналом.

Эти столовые посудой не обеспечены, в отдельных столовых — шахты «Северная» и «Южная» имеются по 8—12 ложек, в результате обед длится полтора-два часа.

На шахте «Северная» треста «Кемеровоуголь» на 308 человек в столовой имеется 12 мисок, в результате подъем производится в 5 часов при начале рабочего дня в 8 часов.

Отпуск продуктов, для питания немцев, производится по нормам, в соответствии категорий рабочих наравне с вольнонаемными.

Крайне плохое положение со снабжением немцев постельной принадлежностью, одеждой, бельем и обувью.

Для того чтобы обеспечить хотя бы минимальную потребность, тресту «Ленинуголь» требуется:

Одеял	— 570 шт.
Простыней	— 1440 шт.
Матрацев	— 570 шт.
Подушек	— 570 шт.
Обуви	— 470 пар
Белья женского	— 450 пар
Белья мужского	— 300 пар
Телогреек	— 350 шт.
Брюк	— 350 шт.
Полотенец	— 650 шт.
Чуней	— 400 пар.

На шахте им. Орджоникидзе, треста «Куйбышевуголь», немцы и немки постельной принадлежностью и нательным бельем обеспечены на 50%.

Такое же положение и по другим трестам.

В результате немцы не снимают спецодежду и без надлежащей дезобработки и стирки белья, спят на голых нарах, что привело к массовой вшивости среди них и эпидемическим заболеваниям.

В зоне шахты «Байдаевская» треста «Куйбышевуголь» в конце ноября с.г. вспыхнула эпидемия сыпного тифа — было 26 случаев заболеваний, но

принятыми мерами, чрезвычайной противоэпидемической комиссией эпидемия ликвидирована.

<...>

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 178—182)

Документ 3

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОЮЗА ССР
товарищу СКАРЯТИНУ

Произведенным обследованием условий содержания и трудового использования мобилизованных немцев и немок в тресте «Главнефтестрой» и на заводе имени Чкалова в Чкаловской области установлены следующие ненормальные явления:

1. Зоны, где расселены мобилизованные, не ограждены заборами и не охраняются.

Имеется охрана из 24 мобилизованных узбеков, которые не вооружены; службы не знают и, не зная ни русского, ни немецкого языка, мало приспособлены для такой работы.

2. Учет мобилизованных находится в хаотическом состоянии, на многих мобилизованных нет личных документов.

3. Мобилизованные используются мелкими группами на 25—30 участках работы, а часть их работает на значительном расстоянии от зон и находится вне всякого наблюдения.

4. Имеют место случаи предоставления мобилизованным отпусков по болезни.

На день проверки 32 мобилизованных оказались в отпуску от 1 до 3 месяцев.

5. Производительность труда мобилизованных явно неудовлетворительна.

Среднее выполнение норм не превышает 94%.

Среднемесячная зарплата составляет 210 руб., из которых удержания составляют около 80 руб.

Таким образом, на руки мобилизованный получает около 130 руб. при прожиточном минимуме в 110 руб.

6. Имеющийся среди мобилизованных медперсонал используется на не имеющих к тресту отношения работах.

Так, 5 врачей и 25 чел. среднего медперсонала из мобилизованных работают в поликлинике и больнице Райздравотдела Сталинского района гор. Орска.

7. Используемые из числа мобилизованных шоферы посылаются в командировки по области без ведома и проверки их в органах НКВД.

8. Руководство треста использует мобилизованных на административно-хозяйственных должностях.

Так, начальником подсобного хозяйства треста является немец САЙИЦ И.И., бухгалтер общественного питания — немец ПОЗНЕР, завхоз ФЗО № 24 — немец СЕНИНГ, кладовщик материального склада ЖКО треста — немка ВААХ и т.д. без согласования с органами НКВД.

9. Отдельные начальники контор посылают мобилизованных немцев в «командировки» за продуктами или за посылками в места расселения семей мобилизованных и получают за это от них продукты.

Так, начальник Транспортной конторы треста № 1 Главнефтестроя ПРЕСНЯКОВ неоднократно давал такие командировки мобилизованным МИЛЛЕР К.А. и МИЛЛЕР О.А., за что получил от них два мешка пшеницы и другие продукты.

Начальник 3-й Монтажной конторы ЛЕВКОВИЧ дважды посылал в командировки мобилизованных ДРЕЙЗЕР И. и ЮНГ Е., которые привезли продукты для ЛЕВКОВИЧА и других работников конторы.

Тот же ЛЕВКОВИЧ и директор тарного завода ВАРАВА посылал в «командировки» на машинах своих работников вместе с мобилизованными немцами в села Чкаловской области, где они собирали посылки от родственников мобилизованных.

ЛЕВКОВИЧ и ВАРАВА получали с каждого пуда посылок три килограмма муки, полтора килограмма сливочного масла и 10 штук яиц.

Сообщая об изложенном, ГУЛАГ НКВД СССР просит принять меры к ликвидации указанных фактов.

О принятых мерах просьба уведомить.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГУЛАГА НКВД СССР
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ЗАВГОРОДНИЙ
НАЧАЛЬНИК ОУРЗ ГУЛАГА НКВД СССР
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ГРАНОВСКИЙ
15 октября 1943 года

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 177—178)

§ 3. «Трудармейцы» в Вятлаге

Уже к осени 1941 года в ГУЛАГе находилось немало этнических немцев, депортированных туда из Украины, Белоруссии и западных территорий России во время стремительного продвижения по ним германо-фашистских войск. Репрессированные по ничтожным поводам (нередко — за анекдот или просто по доносу) советские немцы попадали в сталинские лагеря в самый страшный период деятельности учрежденных при них «специальных» судов. Проявляя «революционную бдительность» и «большевистскую твердость», эти лагерные спецсуды в первые военные месяцы приговаривали арестантов к высшей мере наказания (расстрелу) за самые пустячные проступки.

Позднее, в 1943—1944 годах, за аналогичные «правонарушения» те же суды нередко ограничивались наказанием в 5 дополнительных лет лишения свободы, но осенью 1941 года даже малейшая снисходительность к «врагам народа» сама по себе могла рассматриваться как преступление...

Первый «немецкий» этап поступил в Вятлаг (Вятский ИТЛ НКВД СССР) 20 октября 1941 года. С ним были доставлены из тюрьмы украинского города Ворошиловграда (ныне Луганск) 548 «лиц немецкой национальности» (448 мужчин и 100 женщин, в основном — рядовых шахтеров, колхозников и членов их семей), репрессированных в начале сентября того же 1941 года во внесудебном порядке за «контрреволюционную деятельность» и получивших уже в «зоне» статус «подследственных». «Суд» оказался на удивление «нескорым»: решения по «следственным делам» (в основном — через Особое совещание при НКВД СССР) были вынесены только в октябре—декабре следующего 1942 года. Многие (263 человека, или 48 процентов) из луганских этапников-немцев

этих решений так и «не дождались» — погибли от голода, холода и болезней в страшную зиму 1941/1942 года. Всего же из доставленных в Вятлаг 20 октября 1941 года немцев сгинули в этом лагере 384, или более 70 процентов...

В январе 1942 года, в связи с созданием «трудовой армии», Вятлаг, непосредственно подчиненный Управлению лесной промышленности ГУЛАГа, оказался внесенным в список ИТЛ, где предполагалось размещение «трудмобилизованных». К этому времени гулаговские «объекты» порядком подзапустели: мобилизация на фронт выгребла из них заключенных-малосрочников и часть «бытовиков». Под угрозой оказалась святая святых — «выполнение Производственного Плана». А ведь это всегда было главным мерилом политики и практики, человеческой жизнедеятельности вообще как для кремлевских бонз, так и для их наместников — всех калибров и рангов.

Немцы-«трудармейцы» и должны были закрыть собой пробитые войной зияющие бреши лагерной экономики. И как оказалось впоследствии, они сделали это, причем в массе случаев — ценою собственных жизней.

По разнарядке ГУЛАГа в Вятский ИТЛ было отправлено из Сибири и Казахстана несколько этапов с немцами-переселенцами.

В адресованном 26 сентября 1942 года в Москву спецдонесении начальника УНКВД по Кировской области капитана госбезопасности Шустина сообщается: «...По информации начальника оперчекистского отдела Вятлага НКВД известно, что в начале февраля 1942 года из Барнаула и Красноярска в распоряжение Вятлага будут поступать строительные колонны из немцев в количестве 7000 человек. Лагерь для приема указанного количества немцев не подготовлен. Помещение для размещения колонн в лагере имеется, но совершенно нет постельной принадлежности, обмундирования и не имеется никаких запасов продуктов питания. Изыскать все это на месте возможностей нет... Руководству Вятлага совершенно неизвестен режим содержания немцев, охраны и трудового использования...» (7) Как видим, к приему «трудмобилизованных» в Вятлаге, мягко говоря, «не были готовы». Кроме того, зима 1942 года — это время самого лютого холода и голода в истории лагеря, когда, по некоторым данным, погибло более трети находившихся здесь заключенных. И вот изнуренные тяжким, почти месячной продолжительности этапом вновь прибывшие немцы оказываются в по-

ложении «лишних ртов», для которых в местах их «трудоиспользования» не имеется ни сколько-нибудь пригодного жилья, ни продовольствия, ни одежды...

Расплывчатым и неясным (вплоть до конца войны) оставалось и правовое положение «трудармейцев»: их нельзя было содержать как заключенных, поскольку официально они не были осуждены в персональном порядке — ни суды, ни трибуналы, ни «особые совещания», ни какие-либо другие «уполномоченные органы» не заводили и не рассматривали на них уголовно-следственные дела, не предъявляли обвинений и т.п. — для этого попросту не существовало юридических оснований. Вся «правовая база» для изоляции и принудительного «трудоиспользования» этих людей (да еще на весьма расплывчатый срок — «на период войны») основывалась на нескольких параноидально-волюнтаристских Указах и постановлениях, априори (по единственному критерию — принадлежности к немецкой национальности) обвинивших целый народ в предполагаемо-возможных его «преступных намерениях».

В реальности положение немцев-«трудармейцев» (сразу после доставки их в лесные лагеря) — по условиям режима содержания, быта, работы — было даже значительно хуже, чем у заключенных. Это отчетливо прослеживается на более высоких, чем в среднем по лагерю, статистических показателях смертности и заболеваемости, а также по численности инвалидов среди «трудмобилизованных» в Вятском ИТЛ периода 1942—1945 годов.

В вятлаговском архиве тоненькие серо-голубые «папочки» с личными делами умерших немцев-«трудармейцев» (коих около полутора тысяч) размещены на отдельном, самом удаленном стеллаже. В подавляющем большинстве таких дел — лишь несколько страничек. Как правило, это: личная анкета, медкарта, характеристика, какие-то заявления и справки, акты о смерти и погребении — и все... Между тем, по данным политотдела Вятлага (отнюдь не исчерпывающим), с февраля 1942-го по 1 июля 1944 года в лагерь «поступили» 8207 немцев-«трудармейцев». За это же время убыли 5283 человека, в том числе: умерли — 1428, осуждены — 365, этапированы в другие ИТЛ — 823, демобилизованы (в основном — по болезни с «безнадежным» диагнозом) — 1581, бежали — 7, находились в «отпуске» (для лечения или по семейным обстоятельствам) — 1079 человек. Из общего наличного числа немцев (3891 человек на 1 января 1944 года): мужчин — 2944, женщин — 947. Основная часть «трудмобилизованных» содержалась компактно, большими группами: на

1-м лагпункте 6-го ОЛПа (отдельного лагерного пункта, поселок Брусничный) — 1167 человек (самый значительный среди других вятлаговских подразделений «контингент» этой категории), на 13-м ОЛПе (станция Раздельная), в совхозе № 2 (поселок Старцево), а также — 12-м и 14-м ЛЗО (лесозаготовительных отрядах, станция Има). На 1 июля 1944 года численность немцев в лагере сократилась до 2924 человек (без учета «отпускников»).

Состояние здоровья подавляющего большинства из них (это вынуждены признать даже лагерные медики) ужасающее: основная масса поражена такими болезнями, как воспаление легких, туберкулез, алиментарная дистрофия...

Отметим, что все остальное подневольное население Вятлага к началу 1944 года насчитывало лишь около 12 000.

Таким образом, каждый четвертый узник Вятского лагеря в то время — немец-«трудармеец».

Среди тех из них, кто пережил лютые зимы 1941/1942 и 1942/1943 годов, здоровых фактически не осталось. Обратим внимание на следующий документ.

Документ 77

ПРИЛОЖЕНИЕ К АКТУ О ПЕРЕДАЧЕ ЛАГЕРЯ [ВЯТСКОГО ИТЛ] ПО САНИТАРНОМУ ОТДЕЛУ
(январь 1944 года).

<...>

II. ПО СЕКТОРУ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

<...>

10. Группа «В» (нетрудоспособные. — *В.Б.*) на 1/I—44 г. составляет в среднем 2385 чел., или 24,4%.

Из них: амбулаторно освобожденных	593 ч.,	или 6,10%;
стационарно больных	1247 —»—	12,70%;
в оздоровительных командах	433 —»—	4,40%;
в центральн. оздоровит. пункте	112 —»—	1,20%;

<...>

Инвалидов по состоянию на 1/I—44 г. 3489 ч., или 29,30%;
Травматических случаев с 15/XII—43 г. по 1/I—44 г. 46 чел.
Умерло с 1/VII—43 г. по 1/I—44 г. 1524 чел.

Из них: в июле	460 чел.,	или 3,1%,	инв. 268,	или 58,0 %
в августе	308 —»—	2,2%,	—»— 172	57,3 %
в сентябре	240 —»—	1,8%,	—»— 123	51,2 %
в октябре	148 —»—	1,1%,	—»— 125	84,5 %
в ноябре	162 —»—	1,3%,	—»— 131	80,9 %
в декабре	206 —»—	1,6%,	—»— 175	87,5 %

Общая заболеваемость в среднемесячных цифрах за декабрь 1943 года:
Алиментарной дистрофией 2435 сл., или 19,1 %
Пеллагрой 58 сл., или 0,40 %
Цингой 13 —»— 0,10 %
Гриппом 2 5 —»— 0,20 %
ОЖК (остр. желудочные заболевания. — *В.Б.*) 9 —»— 0,07 %
Выдается цинготных пайков в среднем в день: 3671, или — 30,80 %.
Списочный состав заключенных на 1/I—44 г. 11979 человек.

III. ПО СЕКТОРУ МОБИЛИЗОВАННЫХ НЕМЦЕВ

<...>

7. Группа»В» на 1/I—44 г. составляет в среднем 1385 чел., или 34,1 %.
Из них амбулаторно освобожденных 381 ч., или 9,4%
стационарно больных 789 —»— 19,6%
в оздоровительных командах I 98 —»— 4,8%
в оздоровительном пункте 17 —»— 0,3%
Всего 1385 ч. или 34,1%
Инвалидов по состоянию на 1/I—44 г. 314 ч. или 10,9%
Умерло с 1/VII—43 г.[по] 1/I—44 г. — 115 чел.
Из них: в июле месяце — 35 чел.;
в августе —»— — 33 —»—;
в сентябре —»— — 21 —»—;
в октябре —»— — 11 —»—;
в ноябре —»— — 6 —»—;
в декабре —»— — 9 —»—.
Выдается цинготных пайков в среднем в день 1147 ч., или 30,1%.
Списочный состав мобилизованных немцев (с немками) по состоянию на 1/I—44 г. — 3891 чел.

<...>

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Дело 141. Б/л)

Итак: почти треть заключенных в Вятлаге той поры — инвалиды. Каждый четвертый — непригоден к труду из-за болезни или истощения. Среди приписанных к этому лагерю немцев-«трудармейцев» нетрудоспособны 45 процентов «списочного состава». К числу последних относятся и так называемые «демобилизованные по состоянию здоровья». Это — инвалиды, «негодные» уже вообще к физическому труду. Многие из них умерли вскоре после «освобождения» — нередко в пути следования к месту жительства своих семей (Сибирь, Казахстан), а то и прямо на выходе из зоны, на железнодорожных станциях, в поездах и т.п. Установить место и время смерти этих несчастных людей, зачисленных в разряд «без вести отсутствующих», ныне практически невозможно...

* * *

Главное занятие «трудармейцев» (как мужчин, так и женщин) в лагере — лесоповал, первичная обработка (разделка) и отгрузка древесины. Все это — труд изнурительный, сверхтяжелый. Не многим легче было и тем, кого «использовали» в сельском хозяйстве: на ручной корчевке леса, торфозаготовках и т.д.

В случае же отказа от работы или невыхода на нее (даже по болезни, если на то не имелось санкции лагерного «эскулапа» — начальника, инспектора или врача санчасти) «трудармейцы» привлекались к суровым мерам ответственности — вплоть до уголовной (см. документы Приложения). Хотя нельзя не отметить, что, несмотря на чудовищно тяжелые условия, работали немецкие бригады, как правило, хорошо и плановые задания по преимуществу добросовестно выполняли.

* * *

В ведомственном архиве Вятлага (затем Учреждения К-231, а ныне Вятского УЛИУ) обнаружены данные о 2309 немцах, погибших в этом лагере в 1938—1956 годах. Анализ состава умерших позволяет получить достаточно определенное представление о всех немцах, репрессированных в ту эпоху.

В этом общем скорбном списке:

трудармейцев и спецпоселенцев — 1487 (64,4 процента);
подследственных — 282 (12,2 процента);
осужденных — 540 (23,4 процента).

По социальному происхождению основная масса этих немцев — крестьяне (1665 человек, или 72,1 процента). Из них из крестьян-батраков — лишь 29 человек (менее 1,3 процента). Большинство — в прошлом крестьяне-середняки. Из рабочих — 405 человек (17,5 процента), из служащих — 111 (4,8 процента). На некоторую часть умерших нет учетных сведений по этой графе. Но несомненно, что абсолютно преобладающую социальную категорию среди репрессированных немцев составляли крестьяне — из земледельческих колоний Среднего и Нижнего Поволжья, Юга России и Украины.

Уровень образования «немецкого подконтингента» лагерного населения можно представить на основании следующих данных. Из 2309 человек имели:

— высшее образование — 30 (1,3 процента), незаконченное высшее — 20 (около 0,9 процента);

— среднее специальное и общее среднее — 120 (5,2 процента);
— неполное среднее — 126 (5,5 процента);
— начальное — 689 (29,8 процента);
— низшее (менее 4 классов школы) — 685 (29,7 процента).

Малограмотных — 194 (можно предположить, что это самоучки, овладевшие грамотой самостоятельно или через курсы «ликбеза», но не учившиеся в школах). Неграмотные составляют около 7 процентов (161 человек). На остальных (чуть более 12 процентов) в учетных материалах отсутствуют данные по этому параметру. Но в целом показатели образованности погибших в Вятлаге «трудармейцев» и заключенных-немцев несколько выше, чем в среднем по всем депортированным в СССР «лицам немецкой национальности». Остается констатировать в связи с этим, что высокий интеллект, культура, образование мало способствовали выживанию в лагерях — в те годы и в тех условиях.

По своей основной профессии (специальности и роду занятий до депортации или ареста) репрессированные немцы подразделяются следующим образом:

— Работники автотранспорта — 332 человека (14,3 процента).

В большинстве своем это трактористы (273 человека), а также шоферы (46) и механики (13). Заметим, кстати: такого количества механизаторов вполне хватило бы для укомплектования водительским составом целой танковой дивизии, которой так не хватало тогда в сражениях под Москвой и Сталинградом, на Северо-Западном и Кавказском фронтах... Но дивизия эта полегла не на поле боя и не от руки иноземного супостата, а сгинула без единого выстрела — в кайских болотах, среди голода и холода, от бессмысленной жестокости и циничного равнодушия отечественных властителей и чиновников, государственной системы в целом...

— К промышленной сфере можно отнести 197 человек (8,5 процента). Это инженеры (7 человек), а также слесари (68), кузнецы (66), токари (18) и другие квалифицированные рабочие.

— Строительными специальностями владеют 182 человека (7,9 процента). Это — плотники (97 человек), столяры (61), каменщики (4) и т.п.

— К специалистам сферы бытового обслуживания относятся 149 человек (6,5 процента). Больше всего здесь сапожников (85 человек), поваров (11) и печников (10).

— К гужевому транспорту причастны 78 человек (3,4 процента). Это — шорники, конюхи.

— Специалистов сельского хозяйства — 69 (3,0 процента). Это ветеринары (15), зоотехники (8), агрономы (7). Есть даже один шелковод. Правда, разводить шелкопрядов в глухой северной тайге ему, надо полагать, все-таки не пришлось...

Работников просвещения (учителей) — 44 (1,9 процента).

41 человек (1,8 процента) — из сферы железнодорожного транспорта: машинисты, мотористы, кочегары и т.д.

Столько же специалистов легкой и пищевой промышленности. В основном это пекари (25), а также маслоделы, колбасники, кондитеры и т.п.

Специалистов горного дела (шахтеры, техники) — 16 человек (0,7 процента).

К культуре и искусству прикосновенны 12 человек (0,5 процента). Преобладают среди них музыканты, но судьба забросила в Вятлаг и по одному фотографу, журналисту, художнику...

11 человек (0,5 процента) — работники здравоохранения (врачи, фельдшеры, фармацевты).

Есть в этом перечне и связисты (12 человек), и пожарные (10), и адвокаты (4)...

А вот лесному делу (главному в Вятском лагере) профессионально обучены только 12 человек (0,5 процента): пильщики, лесники, пилоправы...

В целом же среди погибших в Вятлаге немцев учтены работники 113 специальностей — представлена, по суги, вся огромная социально-профессиональная структура Советской Страны. Вот только применить свои производственные и специальные навыки довелось далеко не всем из репрессированных, а если кому-то и удалось, то отнюдь не в полной мере или только на краткое время...

Наконец, 776 человек (33,6 процента) означены в учетных документах Вятлага как «не имеющие специальности». По всей видимости, это крестьяне — колхозники и «single-личники» (последних совсем немного, и отмечены они особо — в графе «специальные указания»). Кстати, немало бывших сельских жителей и среди специалистов других перечисленных выше категорий.

Подавляющее большинство погибших в лагере немцев («трудармейцев» и заключенных) — мужчины (2225, или 96,4 процента). Женщин — лишь 84 (3,6 процента). Объяснение этому простое: около двух третей жертв Вятлага из числа «лиц немецкой национальности» составляют «мобилизованные». А поначалу призывали на «трудовой фронт» только мужчин. И «мужские» немецкие эта-

пы, прибывшие в Вятский ИТЛ в феврале 1942 года, были одними из самых ранних в формировании «трудовой армии» — со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Немок же начали «призывать по трудмобилизации» лишь в конце 1942-го — начале 1943 годов, направляя их по всем азимутам ГУЛАГа — от Воркуты до Караганды. Но к тому времени обстановка в лагерях уже относительно стабилизировалась, смертность в них пошла на убыль...

Из 540 погибших немцев-осужденных 220 (40,7 процента) подвергнуты уголовной каре в самом Вятлаге: Особым совещанием при НКВД СССР, военным трибуналом войск НКВД Кировской области либо приписанной к лагерю и вовсю вершившей здесь «советское правосудие» постоянной сессией коллегии по уголовным делам Кировского областного суда. 98 человек из этого числа (18,1 процента) — бывшие «трудармейцы». Находясь в лагере, совсем не сложно было превратиться из неформального узника — в самого натурального и вполне «формального» заключенного. Еще 122 человека — это те самые бывшие «подследственные», что были доставлены в Вятлаг в октябре 1941 года из Украины и уже здесь, в лагере, получили различные сроки уголовного наказания (как правило, от 8 до 10 лет) с мотивировкой — «социально опасный элемент» либо «антисоветская агитация».

Основная масса погибших в Вятлаге немцев — беспартийные (2174 человека, или 94,2 процента).

Впрочем, цинга, голод, холод и лесоповал не принимали во внимание партийную принадлежность: 5,8 процента их жертв (135 человек) — коммунисты и члены ВЛКСМ. В этом числе:

членов ВКП(б) — 47;

членов Компартии Германии — 10;

кандидатов ВКП(б) — 15;

комсомольцев — 55.

Возрастная структура «немецкого мартиролога»: даты рождения «трудармейцев» расположены в интервале с 1890-го по 1926-й год, для подследственных и осужденных этот период гораздо протяженнее — от 1864-го по 1925-й год. При этом две трети (1642 человека — 71,1 процента) родились в XX веке (после 1900 года), из них 340 человек (14,7 процента) — после 1917 года.

Практически все немцы, ставшие жертвами Вятлага (97,1 процента), являются уроженцами территорий, входивших в состав СССР, в том числе в границах нынешней России — 69,7 процента. 1078 немцев-«трудармейцев» (72,5 процента) родились в преде-

лах бывшей своей Автономии на Волге. При этом в общем скорбном «немецком» списке уроженцы Поволжья составляют лишь 54,1 процента (1250 человек). 380 человек (25,1 процента) — выходцы из Украины, 92 — из Краснодарского края, 74 — из Ростовской области, 57 — из Сталинградской области...

В общем же поименованные в Вятлаговском мартирологе 2309 немцев представляют (по месту рождения) 45 регионов России, 17 областей Украины, 3 области Белоруссии, а также 10 других бывших союзных республик СССР и 3 зарубежных государства — Германию, Италию и Польшу.

Наибольшее число жертв среди содержавшихся в Вятлаге немцев приходится на 1942—1943 годы. С момента образования лагеря «смертная статистика» среди этой категории его узников выстраивается следующим образом: 1938 год — 24 погибших, 1939-й — 25, 1941-й — 60, 1942-й — 1185, 1943-й — 774. Причем основная доля «летальных исходов» в 1942 году приходится на апрель—август, а в 1943-м — на январь—май. Несомненно, что это — жертвы голода и холода. В последующие годы эти цифры не столь велики: и «контингент» значительно уменьшился, и «трудмобилизованные» вновь становятся «спецпоселенцами», а последние по официальной отчетной статистике Вятлага не проходили...

Существенно и то, что преобладающая часть «трудармейцев» к концу войны была переброшена из Вятлага в другие места «обязательного поселения». И недобрая слава об этом лагере — как об одном из самых суровых и гибельных — разнеслась по всей стране.

Итак, с 1946 года все «трудармейцы», оставленные в Вятлаге, переводятся в категорию «спецпоселенцев», формально передаются на учет отдела спецпоселений УНКВД по Кировской области и контролируются спецкомендатурой при лагере. Но во всей своей повседневной жизни и деятельности они по-прежнему подчиняются распоряжениям руководства Управления ИТЛ. На 10 января 1947 года подневольное население Вятлага включало в себя: заключенных — 16 480, военнопленных — 2725, спецпоселенцев — 1463. Среди последней категории подавляющее большинство составляли немцы. 12—15 января того же года по распоряжению заместителя начальника ГУЛАГа около 800 спецпоселенцев (в основном — немцев) были отправлены из Вятлага «на другое место работы».

Этапировали их, как рабов, — не спрашивая согласия...

Далее следует характерное заявление одного их этих людей — рядового спецпоселенца (текст — с сохранением орфографии и пунктуации подлинника).

Документ 15

ДЕПУТАТУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА — ПРОКУРОРУ СССР
тов. ГОРОШЕННИНУ
ОТ МОБИЛИЗОВАННОГО
ШЕФЕР АЛ-ДР КАРЛОВИЧ

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу Вашего распоряжения о демобилизации мне к семье в Красноярский край, Идринский р-н.

Я родился в 1923 г. в село Беттингер, Саратовская область, по национальности немец. Родители были колхозники. Окончил семилетку в селе. Потом поступил в Марксштадтский медтехникум. В 1941 г. окончил техникум. В этом же году всех немцев выселили по указу Верховного Совета.

Мы попали в Красноярский край, семья в составе: отец, мать, я и сестра. Брат был в действующей армии под Смоленском. Потом демобилизовался и сейчас находится в г. Копейск, в труд. армии.

В январе 1942 г. я и отец были мобилизованы в труд. армию — Вятлаг М.В.Д., где я работал медфельдшером.

В конце 1945 г. отец демобилизовался по возрасту (55 лет) и болезни. Приехал он к семье в Красноярский край и через два месяца он умер.

Я работал в Вятлаге до июня 1946 г. Потом меня направили в совхоз № 4 Вятлага М.В.Д., который находится 300 км от Вятлага, ст. Фаленки Кировской области, в качестве начальника сан-части, где я и работаю в настоящее время. Дома у меня осталась мать и сестра. Мать сейчас тяжело больная — болеет туберкулезом легких и ей 54 года. Сестра — инвалид — паралич ног. Оба не работоспособные и нуждаются в физической и материальной помощи, а мне отсюда им помочь нет возможности. В том, что это действительно так, приложу копии справок, полученных мною от матери.

Поэтому я очень прошу Ваше вмешательство отпустить меня к семье для помощи, меня воспитали, а я им помочь не могу. Уже шестой год от них.

Прошу в моей просьбе не отказать.

Адрес мой: Кировская обл. станция Фаленки совхоз № 4 Вятлага М.В.Д. Шефер Александру Карловичу.

25/II 47 г. (9)

Ощущение полной бесправности человека вызывает это письмо. И судя по всему, на свое заявление Александр Карлович положительного ответа не получил: он был оставлен на спецпоселении в Вятлаге, работал медфельдшером на 2-м отдельном лагерном пункте (поселок Сорда Кайского/Верхнекамского района), «освобожден» (снят с учета спецпоселения) на «общих основаниях» в 1955 го-

ду — «без права выезда к прежнему (до выселения. — *В.Б.*) месту жительства»...

Следует подчеркнуть, что в подавляющем большинстве своем немцы-«трудармейцы» (естественно, те из них, кто физически был способен трудиться, у кого еще оставались на это силы) работали не за страх, а за совесть. И очень многие после освобождения получили возможность профессионального роста, заслуженного восхождения по ступеням номенклатурной лестницы в Вятлаге, став опорой производственной структуры этого лагеря. С кадрами здесь всегда было «напряженно» — добровольцев, желающих ехать на постоянное жительство и работу в гиблые эти места, как правило, не находилось, и специалисты-немцы в этой ситуации оказались просто «находкой».

Большим уважением, например, пользовался в Вятлаге Александр Адамович Кисснер — начальник железнодорожного отделения, кандидат технических наук, блестящий профессионал и умелый организатор. Длительное время успешно руководил отделом капитального строительства Управления Евгений Карлович Тецлав. Крупнейшее сельскохозяйственное подразделение Вятлага — совхоз № 2 «Старцево» — на протяжении многих лет возглавлял и вывел в число показательных аграрных предприятий региона Герман Александрович Ганцгорн. Всесоюзную известность получил в 1960—1980 годах футбольный тренер Александр Андреевич Келлер. А музыкального руководителя Дома культуры поселка Лесного Константина Андреевича Кунстмана и его супругу — Дору Андреевну Кунстман хорошо помнит не одно поколение местных жителей...

Наиболее многочисленная «немецкая колония» образовалась в поселке Созимском. Здесь прежние «трудармейцы» работали (уже в качестве вольнонаемных) в основном на железной дороге и на Кайском целлюлозном заводе (бывшей «особой стройке НКВД № 4»). И совсем не случайно ту часть поселка, в которой они обосновались (по-немецки обстоятельно, добротно и аккуратно), в народе нарекли «Малым Берлином»...

Об особенностях жизни и работы немцев в лагере ярко повествуют документы, приведенные в приложении к настоящему параграфу. В основном — это приказы по Вятскому ИТЛ. Есть в них и распоряжения о поощрении перевыполняющих производственные задания, и объявления о предании суду «саботажников» — ослабленных «лагерной диетой», не способных к труду несчастных доходяг. По этим приказам можно отчетливо представить невыно-

симые условия «трудармейского» быта: утлые бараки, нары, грязь, клопы, вши, голод, «раздетость и разутость»... Прослеживается в них и административная боязнь корпоративной солидарности отечественных немцев, находящихся на низших лагерных должностях (бригадиров, десятников и т.п.) и организующих работу военнопленных, со своими германскими соплеменниками...

Словом, перед нами во всей своей обыденной неприглядности предстает неимоверно тяжкая жизнь людей, перемолотых советско-сталинской государственно-репрессивной машиной.

ПРИЛОЖЕНИЕ
«ТРУДАРМЕЙЦЫ» В ВЯТЛАГЕ

Документ 1

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ
НКВД СССР

СОДЕРЖАНИЕ: Об осуждении мобилизованных трудармейцев.

2/VI 42 № 199

28 мая 1942 года Судебная Коллегия по уголовным делам Кировского Областного Суда при Вятлаге НКВД СССР снова рассмотрела 3 дела по обвинению трудармейцев-мобилизованных немцев КЕСЛЕР М.Е. и МАРТЫН Ф.Ф. в уклонении от работы и саботаже, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. 59—6 УК РСФСР и ФОХТ А.П. по обвинению в к-р пораженческой агитации, т.е. по ст. 58—10 ч. 2 с карательной функцией ст. 58—2 УК РСФСР, и приговорила всех троих к высшей мере уголовного наказания — РАССТРЕЛУ, с конфискацией имущества, лично принадлежащего осужденным.

Судебной Коллегией установлена конкретная виновность —

1. КЕСЛЕР Матвея Егоровича в том, что, будучи мобилизованным на трудовой фронт по заготовке лесоматериалов для государственной промышленности, в период военного времени умышленно систематически от работы уклонялся, установленные нормы выработки не выполнял. Только за март имеет 6 отказов от работы;

2. МАРТЫН Федора Федоровича в том, что, будучи мобилизованным на работу по заготовке лесоматериалов для государственной промышленности, в период военного времени умышленно систематически отказывался от работы, ссылаясь на раздетость, но, получив обмундирование, МАРТЫН сжег его на костре. Только за март он имеет 10 отказов от работы. В целях к-р саботажа, МАРТЫН умышленно ломал инструмент; норму выработки выполнял от 12 до 22 %;

3. ФОХТ Александр Петрович, будучи враждебно настроен к Советской Власти, систематически среди мобилизованных трудармейцев проводил к-р агитацию пораженческого характера.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Еще раз предупредить мобилизованных трудармейцев, что и впредь к саботажникам, нарушителям трудовой дисциплины и вредителям государственного имущества будут применяться меры наказания по законам военного времени.

2. Те же меры будут применяться к лицам, со стороны которых будут попытки разложить мобилизованных трудармейцев.

3. Разъяснить мобилизованным трудармейцам, что показывающие образцы работы будут мною и впредь поощряться.

4. Приказ объявить мобилизованным трудармейцам на разводе.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТЛАГА НКВД СССР
мл. Лейтенант Государственной
безопасности — (ШУБИН)

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 13. Л. 157)

Документ 2

Копия

ПРИГОВОР
Именем РСФСР

9 января 1943 г. коллегия по уголовным делам Кировского Облсуда, в составе:

Председательствующего — Ислентьева, нар. заседателей: ХЛУСЯНОВА и САВЧЕНКО, при секретаре Тютрюмовой, рассмотрено в открытом судебном заседании дело по обвинению

КЕСЛЕР Матвея Егоровича с 1920 г. рождения, немца, грамотного, б/п, из рабочих, женатого, гражданина СССР, из г. Энгельса АССР НП спецпереселенца, трудармейца, преданного суду по ст. 58—14 УК, установила, что данными дознания и судебного следствия изобличен в том, что, отбывая наказание за саботаж и отказ от работы, он этот саботаж проявлял систематически. Не выходил на работу, отказывался, на что в сентябре мес. составлены два акта от 26 ноября 1942 г. в целях уклонения от дальнейшего отбывания наказания, он с работы из лесной бригады с лесбиржи, из-под конвоя совершил побег, но принятыми мерами был задержан в тот же день, в лесу в двух км от места совершения побега.

Все это подтверждается материалами дела и объяснением самого подсудимого, поэтому судебная коллегия считает обвинение доказанным и подсудимого виновным в деянии, предусмотренным ст. 58—14 УК.

ПРИГОВОРИЛА:

КЕСЛЕР Матвея Егоровича на основании ст. 58—14 УК подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного, с погашением ранее вынесенного приговора настоящим приговором.

Меру пресечения оставить содержание под стражей в ИЗО СЧС. Приговор может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР в течение 72 часов после вручения копии приговора осужденному.

Пред-щий: Ислентьев.

Нар. заседат.: Хлусянов и Савченко.

Копия верна.

(ГАКО. Коллекция документов)

ПРИМЕЧАНИЯ

к документам 1—2:

1) КЕСЛЕР Матвей Егорович —

родился в 1920 г. в городе Энгельс АССР немцев Поволжья/Саратовской области (Россия), немец, гражданин СССР, из рабочих, образование — 5 классов, беспартийный, токарь, пожарный, жил по месту рождения, выселен в сентябре 1941 г. как «лицо немецкой национальности», место поселения — Усть-Абаканский район Хакасской автономной области Красноярского края (Россия), трудармеец, мобилизован в январе 1942 г.(?) Усть-Абаканским райвоенкоматом, прибыл в Вятлаг 16.02.1942 г. из Красноярска, трудоиспользовался на общих работах (12-й лесозаготовительный отряд), приговорен 28.05.1942 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статье 59 пункт 6 УК РСФСР (уклонение от выполнения трудовой повинности) к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 11.06.1942 г. мера наказания изменена на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, начало срока — 20.03.1942 г., конец срока — 20.03.1952 г., вновь приговорен 09.01.1943 г. судебной коллегией по уголовным делам Кировского областного суда по статье 58 пункт 14 УК РСФСР («контрреволюционный саботаж») к высшей мере наказания — расстрелу, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР(?) от 24.03.1943 г. мера наказания изменена на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, начало срока — 02.12.1942 г., конец срока — 02.12.1952 г., содержался на 12-м, 5-м, 3-м, 8-м, 7-м, 1-м, 13-м и 4-м лагпунктах, в соответствии с приказом МВД СССР от 02.04.1948 г. № 0245 отправлен 25.06.1948 г. из 4-го лагпункта Вятлага («сангородок», поселок Полевой-2) в распоряжение начальника Управления Волголага МВД СССР (станция Углич Ярославской железной дороги/?/).

(Картотека специального учета Вятского УЛИУ, архив, № 60018/3206-м)

2) МАРТЫН (МАРТИН) Федор Федорович —

родился в 1912 г. в селе Красноармейское (колония/поселок Сарепта — Красноармейск) Кировского (Красноармейского) района Сталинградской — Волгоградской области (города Сталинграда — Волгограда)

(Россия), немец, гражданин СССР, беспартийный, без специальности, жил по месту рождения, выселен в сентябре 1941 г.(?) как «лицо немецкой национальности», место поселения — колхоз «Пушкино» (село Хайразовка) Восточно-Казахстанской области (Казахстан), трудармеец, мобилизован в январе 1942 г., прибыл в Вятлаг 24.02.1942 г. из Усть-Каменогорска (Казахстан), трудоиспользовался на общих работах (12-й лесозаготовительный отряд), приговорен 28.05.1942 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статье 59 пункт 6 УК РСФСР (уклонение от выполнения трудовой повинности) к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 11.06.1942 г. приговор изменен на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, начало срока — 06.04.1942 г., конец срока — 06.04.1952 г., отправлен 30.10.1942 г. из 1-го лагпункта Вятлага (поселок Рудничный) в Усть-Вымлаг НКВД СССР (Коми АССР).

(Там же, № 59813)

3) ФОХТ Александр Петрович —

родился в 1905 г. в селе Варенбург (Альт-Варенбург — Привальное — Привольное) Привольненского сельсовета Куккусского — Зельманского кантона/Ровенского района АССР немцев Поволжья/Саратовской области (Россия), немец, гражданин СССР, из крестьян, образование низшее, беспартийный, без специальности, жил по месту рождения, выселен в сентябре 1941 г. как «лицо немецкой национальности», место поселения — село Калинино Березовского района Красноярского края (Россия), трудармеец, мобилизован 21.01.1942 г. Березовским райвоенкоматом, прибыл в Вятлаг 17.02.1942 г. из Красноярска, трудоиспользовался на общих работах (13-й лесозаготовительный отряд), приговорен 28.05.1942 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 2 и 58 пункт 10—2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 11.06.1942 г. мера наказания изменена на 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах, начало срока — 26.04.1942 г., конец срока — 26.04.1952 г., отправлен 30.10.1942 г. из 1-го лагпункта Вятлага (поселок Рудничный) в Усть-Вымлаг НКВД СССР (Коми АССР).

(Там же, № 59816/4703-м)

Документ 2

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД СССР

СОДЕРЖАНИЕ: О работе мобилизованных немцев на 9-м ЛЗО.

«19» мая 1942 г. ст. Лесная

№ 179

Начальник 9-го ЛЗО т. ТЕНГАЕВ рапортом донес, что в результате социалистического соревнования за 15 дней мая перевыполнили свои производственные нормы следующие бригады:

№ бригад	Фамилия бригадира	Где работает	% выполнения норм
34	ЛИНДЕМАН	лесоповал	118 %
48	МЕДЕР	лесовывозка	124 %
5	ФРАНК	лесовывозка	110 %
1	ФЕЛЬБУШ	разделка дров	122 %
3	ЛОРЕЙ	—»— —»—	118 %
9	ШВАБ	—»— —»—	117 %
16	МОРСКОЙ	—»— —»—	117 %
31	ПРЕЙС	погруз. работы	123 %

Бригадиры этих бригад, от имени всех членов бригад, в ответ на майский приказ вождя народов т. СТАЛИНА, обязались достигнутые темпы закрепить и, впредь до полного разгрома гитлеровских фашистских банд, работать не покладая рук и повышать свою производительность труда.

Отмечая патриотические чувства перечисленных бригад, доказывающих свою любовь к социалистической родине высокой производительностью труда, —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За перевыполнение производственных норм —

Объявить благодарность с занесением в личное дело:

а/ Бригадиру тов. ЛИНДЕМАН
б/ —»— —»— МЕДЕР
в/ —»— —»— ФРАНК
г/ —»— —»— ФАЛЬБУШ
д/ —»— —»— ЛОРЕЙ
е/ —»— —»— ШВАБ
ж/ —»— —»— МОРСКОМУ
з/ —»— —»— ПРЕЙС

и всем членам их бригад.

2. Выдать в распоряжение Начальника ЛЗО для премирования перечисленных бригад 16 пачек табаку.

3. Для доклада Начальнику УЛЛП ст. майору госбезопасности тов. ТИМОФЕЕВУ, Начальнику 9-го ЛЗО т. ТЕНГАЕВУ 31 мая доложить мне о работе каждой бригады в отдельности с указанием фамилии бригадиров и членов бригад.

4. Настоящий приказ прочесть на всех ЛЗО и проработать во всех бригадах.

Начальник Управления Вятлага
НКВД СССР
лейтенант госбезопасности — (ЛЕВИНСОН)

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 13. Л. 147)

Документ 3

ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД

СОДЕРЖАНИЕ: — О введении должностей ст. инструкторов и инструкторов по политчасти на ЛЗО.

От 19 октября 1942 года № 00424 ст. Лесная

В целях проведения массовой полит-работы среди мобилизованных трудармейцев и поднятия производительности труда на каждом ЛЗО ввести должности: ст. инструкторов по полит. работе, с окладом — 450 руб. в месяц и инструкторов по полит. части, с окладом — 400 руб. в месяц, вместо предусмотренных штатом — инспекторов КВЧ.

ПРИКАЗЫВАЮ

С 19/X—42 года нижепоименованных трудармейцев назначить: —

1. МЕЙЗЕР Христиан Анд. — ст. инструктором по политчасти 8-го ЛЗО
2. ФУКС Генрих Генрихович — ст. инструктором полит. части 9-го ЛЗО
3. ТАМКЕ Генрих Генрихович — ст. инструктором полит. части 12-го ЛЗО
4. ГОФМАН Андрей Егорович — ст. инструктором полит. части 13-го ЛЗО
5. РЕЙШ Фридрих Генрихович — ст. инструктором полит. части 14-го ЛЗО
6. ГРУНОВ Отто Вильг. — ст. инструктором полит. работы подкомандировки 14-го ЛЗО (бывш. 15-го ЛЗО).
7. ГОРН А.А. — инструктором полит. части 8-го ЛЗО
8. КАЛЬМБАХ Э.И. — инструктором полит. части 9-го ЛЗО
9. ГЕРОНИМУС П.Г. — —-»«—— —»—»—»— 12-го ЛЗО
10. ЛЯЙППИ Э.Р. — —-»«—— —»—»—»— 13-го ЛЗО
11. МИЛЛЕР А.А. — —-»«—— —»—»—»— 14-го ЛЗО
12. БУХНЕР А.В. — —-»«—— —»—»—»— подк. 14-го ЛЗО (бывш. 15-го ЛЗО. НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД СССР ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ: — (ЛЕВИНСОН)

(Там же. Д. 16. Л. 89)

Документ 83

СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ
НКВД СССР

«6» апреля 1945 г. Пос. ЛЕСНОЕ

№ 08

[СОДЕРЖАНИЕ: Об использовании мобилизованных немцев на должностях, связанных с бытовым обслуживанием заключенных.

На ряде ОЛПов и п/командировках на должностях каптеров, нарядчиков, пайкодатчиков, экспедиторов зав. ларьками назначены мобилизованные немцы. Например: на п/к № 1 13-го ОЛП мобилизованные нем-

цы работают в качестве пайкодатчика, каптера, нарядчика. Такое положение вызывает недовольство заключенных.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Категорически запретить нач. ОЛП, нач. отделов назначать моб. немцев на должности, связанные с бытовым обслуживанием з/к. или вольнонаемных, должности по хранению и распределению продуктов торговой сети в кухнях и т.д.

2. Начальнику 2-го отдела т. ШУЛЬГОВУ в 10 дневный срок обеспечить перевод всех ныне работающих мобилизованных на указанных выше должностях — на основные (лесные) работы 12-го ЛЗО и 13 ОЛП.

3. Зам. нач. Управления т. ШУБИНУ обеспечить выполнение настоящего приказания.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТЛАГа НКВД
Полковник:— (КУХТИКОВ)

(Там же. Д. 30. Б/л)

Документ 4

СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ
Начальника Управления Вятского Исправ. Труд. лагеря НКВД
от 16 июня 1945 г. пос. Лесной
№ 019с

СОДЕРЖАНИЕ: О состоянии работы в комсомольско-молодежных бригадах 12-го ЛЗО и 3-го ОЛП.

Комсомольско-молодежные бригады 12-го ЛЗО и 3-го ОЛП, созданные по инициативе комсомольских организаций в 1943—1944 годах в выполнении производственного плана, занимали авангардную роль среди бригад подразделений лагеря, значительно перевыполняя месячные планы. Только за 5 месяцев 1945 года комсомольско-молодежные бригады дали в фонд Главного Командования Красной Армии по заготовке 19 156 фестметров древесины, по вывозке 13 093 фестметра и по погрузке и мехвывозке 8920 фестметров.

Однако в марте—апреле и мае месяцах производительность труда в комсомольско-молодежных бригадах по сравнению с январем и февралем месяцами снизилась, что явилось результатом ослабления внимания руководства подразделений к работе и быту комсомольско-молодежных бригад. Так, например, проверкой состояния работы комсомольско-молодежных бригад, проводимой по моему указанию, установлено:

По 12-му ЛЗО (начальник т. Галузин).

1. Бригады работают на расстоянии 6—6,5 клм, перевозка их до места работы не организована, в силу чего затрачивается энергия и время на ходьбу, что отражается на производительности труда комсомольско-молодежных бригад.

2. Техническая учеба по повышению квалификации, а также передаче опыта передовых членов бригад не организована.

3. Большинство членов бригад (40, 19, 7, 14, 17) за неимением летнего обмундирования работают в зимнем обмундировании (в ватных брюках и шапках), работают в рваной обуви и непригодных портянках, большая часть имеющейся в носке обуви непригодна к ремонту.

4. Постельное белье: простыни, подушечные наволочки, матрацы ветхие, а у некоторых совершенно не имеется простыней.

По 3-му ОЛП (начальник т. Авдонин).

1. Из 6 комсомольско-молодежных бригад не выполняет производственного плана молодежная бригада № 4 (бригадир т. Вирц).

Кроме того в ряде других бригад (4, 9, 7) имеются отдельные члены, не выполняющие норм выработки.

2. Лесоповальные бригады не обеспечены качественным инструментом (лучковые пилы, топоры), расточка лучковых пил на производстве организована плохо.

3. Члены комсомольско-молодежных женских бригад: 1, 4, 7, 9, 11-й и 13-й не обеспечены летним обмундированием и работают в ватных брюках.

Из-за отсутствия рукавиц и портянок увеличивается число освобожденных по причинам опухания рук и потертости ног.

4. В бараках много клопов, требуется проведение дегазации их серой.

5. На производстве из-за отсутствия бочек не имеется кипяченой воды.

6. На подкомандировке «Юрты», где живут члены молодежных бригад, нет радио, не обеспечены настольными играми и литературой.

В целях улучшения условий работы комсомольско-молодежных бригад,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику 12-го ЛЗО т. ГАЛУЗИНУ в целях сокращения больших переходов бригад, работающих на лесоповале и дорожных работах, организовать временное размещение в 4 стандартных домиках в 210-м квартале.

2. Начальнику ООС т. РЫЛОВУ изыскать возможности и обеспечить к 27 июня с.г. летним обмундированием все комсомольско-молодежные бригады.

3. Начальнику отделения труда и нормирования т. КРЖЕВИЦКОЙ организовать техническую учебу в комсомольско-молодежных бригадах — с 20/VI с.г.

4. Начальнику ПРО т. ПЕТРОВУ ежемесячно обобщать опыт работы комсомольско-молодежных бригад и лучшие методы работы передать всем работающим.

5. Начальнику ПРО т. ПЕТРОВУ, Начальнику 12-го ЛЗО т. ГАЛУЗИНУ и Нач. 3-го ОЛП т. АВДОНИНУ обеспечить качественным инструментом молодежные бригады 3-го ОЛП: 1, 4, 7, 9.

6. Нач. КБО т. ГАВРИЛОВУ провести дегазирование серой бараки 12-го ЛЗО и п/командировки «Юрты» 3-го ОЛП, в которых живут молодежные бригады.

7. Начальнику 3-го ОЛП т. АВДОНИНУ организовать доставку кипяченой воды на производство и обеспечить ведрами для воды каждую бригаду.

8. Начальнику АХО т. УСАНИНУ к 1 июля обеспечить радио-проводку на п/командировку «Юрты» и отпустить необходимое количество репродукторов.

9. Моему заместителю по производству подполковнику т. РАТМАНИКОВУ взять под контроль выполнение данного приказа.

Начальник Управления
полковник (КУХТИКОВ)

(Там же. Б/л)

Документ 5

ПРИКАЗ

Начальника Управления Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР

«10» сентября 1945 г. Пос. Лесной

№ 588

СОДЕРЖАНИЕ: О переселении семей мобилизованных трудармейцев.

На основании директивы Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел СССР генерал-полковника тов. Чернышева от 21 августа 1945 г. за № 139,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Начальникам ОЛП и ЛЗО разъяснить мобилизованным трудармейцам, что им предоставляется возможность перевезти для совместного проживания на территорию лагеря свои семьи.

Одновременно разъясните изъявившим желание перевезти семьи, послать письма своим родным о предстоящем их переезде.

2. Начальнику ОУРЗ тов. ШУЛЬГОВУ предоставить мне списки м/б. трудармейцев, изъявивших желание о перевозе семей по месту жительства к 15/IX—45 и наличие пригодного для этого жилого фонда.

3. Начальникам ОЛП, ЛЗО, в целях обеспечения жилплощадью к моменту прибытия семей м/б. и создания соответствующих коммунально-бытовых условий (бани, школы, пекарни, клуб и т.д.), приступить к выявлению фонда жилой площади, производству ремонта с переоборудованием помещений.

4. Начальнику АХО тов. УСАНИНУ выявить возможность расселения семей м/б. в ближайших колхозах и поселках района.

Одновременно изыскать возможность расселения семей м/б., работающих в аппарате Управления.

5. Начальнику КБО тов. ГАВРИЛОВУ в связи с закрытием некоторых точек лагерных подразделений представить мне материал о возможном количестве расселения семей м/б., производстве ремонта и переоборудовании помещений.

Контроль исполнения настоящего приказа возлагаю на моего заместителя тов. МАТУШКИНА.—

Начальник Управления
ВЯТЛАГА НКВД Полковник:— (КУХТИКОВ)

(Там же. Д. 32. Л. 22)

Документ 6

СОВ. СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ

Начальника Управления Вятск. Исправит. Трудов. лагеря НКВД ССС

«12» ноября 1945 г. Пос. Лесной

№ 008сс

СОДЕРЖАНИЕ: Об усилении режимных мероприятий в связи с использованием контингента военнопленных.

Имеют место случаи, когда военнопленные, используемые на производстве на лагподразделениях, общаются с трудмобилизованными, устанавливая с ними преступные связи. Происходит обмен вещевого довольствия, ценностей, продуктов питания. Так мобилизованные 12-го ЛЗО Шнейдер, Ристо, Виролайнен, Аллер и Цейтлер выменяли у военнопленных шинели, белье, ботинки и другие вещи. Десятники взводов военнопленных мобилизованные 12-го ЛЗО Циглер и Леонгардт, используя свое служебное положение, приобрели у военнопленных своих взводов часы.

С целью прекращения общения мобилизованных с военнопленными и улучшения трудоиспользования последних

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) Всех десятников взводов военнопленных, мобилизованных немцев от работы с военнопленными отстранить. В случае производственной необходимости десятников взводов назначать их только после тщательной проверки и обязательно из числа членов ВКП/б/ или ВЛКСМ.

2) Начальникам лагерных подразделений, где на производстве используются военнопленные, организовать их транспортировку и расстановку по объектам работы с таким расчетом, чтобы они не могли общаться с контингентом трудмобилизованных.

Начальник Управления
Вятлага НКВД — полковник
(КУХТИКОВ)

(Там же. Д. 99. Л. 22)

Документ 7

СВЕДЕНИЯ
О МЕСТАХ И ЧИСЛЕННОСТИ ЗАХОРОНЕНИЙ
ЛИЦ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ,
РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ
И СОДЕРЖАВШИХСЯ В ВЯТСКОМ ИТЛ НКВД-МВД СССР
(1938—1956 годы, по данным, установленным на 05.04.2001 г.).

Местоположение захоронений	Число погребенных			
	Трудармейцы и спецпоселенцы	Подследственные	Осужденные	ВСЕГО
	1487	282	540	2309
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%
1-й лагпункт	4	7	35	46
(пос. Рудничный)	0,3%	2,5%	6,5%	2,0%
2-й лагпункт	—	2	24	26
(пос. Сорда)	—	0,7%	4,4%	1,1%
3-й лагпункт	8	187	111	306
(ст. Малый Созим)	0,5%	66,3%	20,6%	13,3%
4-й лагпункт	47	25	137	209
(«сангородок», пос. Полевой-2)	3,2%	8,9%	25,4%	9,1%
5-й лагпункт	17	2	39	58
(ст. Лесная)	1,1%	0,7%	7,2%	2,5%
6-й лагпункт	12	—	55	67
(пос. Брусничный)	0,8%	—	10,2%	2,9%
7-й лагпункт	—	10	35	45
(пос. Ягодный)	—	3,5%	6,5%	1,9%
8-й лагпункт	94	—	32	126
(пос. Заречный)	6,3%	—	5,9%	5,5%
9-й лагпункт	405	3	4	412
(ст. Мурис)	27,2%	1,1%	0,7%	17,8%
10-й лагпункт	30	1	29	60
(ст. Фосфоритная)	2,0%	0,1%	5,4%	2,6%
11-й лагпункт	1	4	20	25
(ст. Верхнекамская)	0,1%	1,4%	3,7%	1,1%
12-й лагпункт	447	—	1	448
(ст. Има, ветка № 15)	30,1%	—	0,2%	19,4%
13-й лагпункт	215	41	3	259
(ст. Раздельная)	14,5%	14,5%	0,6%	11,2%
14-й лагпункт	169	—	—	169
(ст. Раздельная)	11,4%	—	—	7,3%
15-й лагпункт	25	—	1	26
(ст. Има, ветка № 10)	1,7%	—	0,2%	1,1%
16-й лагпункт	2	—	2	4
(ст. Раздельная, Гидаевская ветка)	0,1%	—	0,4%	0,2%
18-й лагпункт	—	—	1	1
(ст. Брусничная, 7-я ветка)	—	—	0,2%	0,04%

Продолжение таблицы

Местоположение захоронений	Число погребенных			
	Трудармейцы и спецпоселенцы	Подследственные	Осужденные	ВСЕГО
30-й лагпункт	1	—	2	3
(пос. Н. Турунью)	0,1%	—	0,4%	0,1%
Сельхозлагпункт № 1	1	—	—	1
(пос. Полевой-1)	0,1%	—	—	0,04%
Сельхозлагпункт № 2	1	—	—	1
(пос. Старцево)	0,1%	—	—	0,04%
Сельхозлагпункт № 3	2	—	—	2
(ст. Кама)	0,1%	—	—	0,1%
Сельхозлагпункт № 4	1	—	—	1
(ст. Фаленки)	0,1%	—	—	0,04%
Сельхозлагпункт	2	—	3	5
«Зуевка» (с. Мухино)	0,1%	—	0,6%	0,2%
Кировская	2	—	—	2
облпсихбольница	0,1%	—	—	0,1%
Вне лагеря	1	—	—	1
	0,1%	—	—	0,04%
Приговорены к ВМН	—	—	6	6
	—	—	1,1%	0,3%

(Картотека специального учета Вятского УЛИУ. Архив)

17. ИЗ МАРТИРОЛОГА «НЕМЦЫ В ВЯТЛАГЕ»
(составил В.И. Веремьев)

Документ 1

ГАНЗЕН (ГЕНЗЕН)
Филипп Мартинович.

Родился в 1904 г. в селе Мариенталь/Советское Мариентальского кантона/Советского района АССР немцев Поволжья/Саратовской области (Россия), немец, гражданин СССР, из рабочих (кустарей-крестьян/?/), образование — 4 класса (1912—1916 гг.), беспартийный, пожарный (начальник пожарной охраны), женат, 3 детей (две дочери и сын), жил по месту рождения, выселен в сентябре 1941 г. как «лицо немецкой национальности», место поселения — село Уралка(?) Ордынского сельсовета Тюхтетского района Красноярского края (Россия), трудармеец, мобилизован 23.01.1942 г. Тюхтетским райвоенкоматом, прибыл в Вятлаг 16.02.1942 г. из Красноярска, трудоиспользовался в качестве пожарного и на общих работах (9-й лесозаготовительный отряд), приговорен 28.01.1944 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам

Кировского областного суда при Вятлаге по статье 59 пункт 6 УК РСФСР (уклонение от выполнения трудовой повинности) к 6 годам лишения свободы и 3 годам поражения в правах, начало срока — 28.01.1944 г., конец срока — 28.01.1950 г., определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 24.03.1944 г. приговор отменен, дело производством прекращено, освобожден из-под стражи 20.04.1944 г., переведен в категорию «трудмобилизованных» (в «рабочую колонну»), признан 10.01.1944 г. инвалидом (отечная форма алиментарной дистрофии), умер 01.07.1944 г. от алиментарной дистрофии 3-й степени (отечная форма) с диареей, 1-й лагпункт, поселок Рудничный, могила № Г-50, архивное личное дело — № 1180-м/77452.

(Картотека специального учета Вятского УЛИУ. Архив)

* * *

Копия

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

28 января 1944 г. Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге НКВД на 12-м ЛЗО в составе председательств. члена облсуда, — ИСЛЕНТЬЕВА; нар. заседателей Чубаровской и Гавсюк при секретаре: ГЕНДЕЛЬМАН, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению

ГАНЗЕН Филиппа Мартыновича с 1904 г. рождения, немца, гр-на СССР, грамотного, б/п, несудимого, женатого, из рабочих, уроженца АССР Н.П. Мариантальского р-на с. Мариантал, мобилизованного трудармейца, — преданного суду по ст. 59—6 УК,

Установила, что данными дознания и судебного следствия изобличен в том, что, будучи мобилизованным в труд. армию и находясь на 9-м ЛЗО Вятлага НКВД, он уклонялся от выполнения трудповинности с целью добиться освобождения из труд. армии, уехать домой. Он, находясь в стационаре, на протяжении длительного времени систематически и умышленно употреблял в большом количестве воды и соли, хотя и так имел опухоль, чем вызвал искусственное ослабление и заболевание организма. Добился актирования на предмет демобилизации его из трудовой армии. С 30 сентября 1943 г. находится в стационаре и не работает.

Все это подтверждается материалами дела и показаниями свидетелей, поэтому судебная коллегия считает обвинение доказанным и подсудимого виновным в деянии, предусмотренном ст. 59—6 УК.

Руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УК,

ПРИГОВОРИЛА:

ГАНЗЕН Филиппа Мартыновича на основании ст. 59—6 УК подвергнуть лишению свободы на шесть (6) лет с последующим поражением в правах на три (3) года, без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного.

Срок наказания считать с 28 января 1944 года. Меру пресечения избрать содержание под стражей в зоне.

Приговор может быть обжалован в Верхсуде РСФСР в течение 72 часов после вручения копии приговора осужденному.

Председательств. ИСЛЕНТЬЕВ

Нар. заседатели ЧУБАРОВСКАЯ и ГАВСЮК

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Д. № 1180-м/77452. Б/л)

* * *

Вх. — 384

4 V 44

Председат. ИСЛЕНТЬЕВ. —

Дело № 10л-54-17-1944 г. —

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР в составе:

Председательствующего — т. Голева,

Членов — т. Кропачева и Лебедевой, —

рассмотрев в заседании 24 марта 1944 г. дело по жалобе Ганзен — на приговор Кировского облсуда от 28/I—44 г., по которому осужден по ст. 59—6 УК — к шести годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на три года — ГАНЗЕН Филипп Мартынович, 1904 г. рождения, уроженец бывшей республики Немцев Поволжья, происходит из рабочих, по национальности немец, грамотный, ранее не судим.

Заслушав доклад т. Кропачева и заключение прокурора т. Ботвинник, полагавшей приговор отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить, — судебная коллегия находит, что приговор подлежит отмене, а дело прекращению по следующим основаниям:

Ганзен признан виновным в том, что он, будучи мобилизован в трудовую армию и работая в Вятлаге НКВД, с целью уклонения от выполнения трудовой повинности и путем употребления большого количества воды и соли довел себя до истощения, вследствие чего продолжительное время находился в стационаре на излечении. Однако это обвинение материалами дела не установлено.

Осужденный виновным себя не признал, а свидетели никаких данных о виновности его не привели. По акту медицинской комиссии от 8/XII—43 г. (л.д. 14) Ганзен признан больным, страдающим элементарной дистрофией II степени, наступившей в результате нарушения режима питания самим обвиняемым.

Из дела усматривается, что болезнь развилась в результате недостаточного и неполноценного питания еще до поступления Ганзен в стационар, а данных же о том, что он в стационаре употреблял большое количество воды и соли, которые бы влияли на ухудшение здоровья, в деле не имеется.

Что-же касается акта медицинской комиссии от 8/XII—43 г., то он опровергается заключением судебно-медицинской экспертизы города

Москвы, приложенным к делу, в котором указывается, что длительное пребывание осужденного в стационаре объясняется самим характером заболевания, а не личным воздействием с его стороны на ухудшение здоровья.

При наличии такого положения не было оснований признавать его виновным по ст. 59—6 УК.

В силу изложенного и руководствуясь ст. 418 УПК, коллегия —

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор суда отменить и дело в отношении Ганзен на основании ст. 4 п. 5 УПК в уголовном порядке производством прекратить, ОСВОБОДИВ его из-под стражи.

Председат. ГОЛЕВ
Члены: КРОПАЧЕВ И ЛЕБЕДЕВА
Верно — член Верхсуда (КРОПАЧЕВ)

(Там же. Б/л)

* * *

ПОДПИСКА

1944 года «20» Апреля я, нижеподписавшийся гр. ГАНЗЕН ФИЛИПП МАРТЫНОВ, даю настоящую подписку Управлению Вятского ИТЛ НКВД в том, что мне объявлено об освобождении, как имеющий призывной возраст направляюсь в рабочую колонну мобилизованных трудармейцев до конца войны.

В чем расписуюсь: ГАНЗЕН
Подписку отобрала: Ст. инсп. 2 ч. (Подпись, неразборчиво)
Ст. инспектор 2 отдела Вятлага НКВД (Нет подписи)

(Там же. Б/л)

Документ 2

ГААН

Генрих (Геннадий) Давидович.

Родился в 1917 г. в селе Мангейм (Маенгейм — Маинское) Гнаденфлюрского кантона (Федоровского района/?/) АССР немцев Поволжья — Саратовской области (Россия), немец, гражданин СССР (со слов — гражданин Германии), из крестьян-бедняков, образование среднее специальное (Краснокутский агротехникум, АССР немцев Поволжья, 1937 г.), кандидат ВКП(б) с 1939 г., агроном, служащий (участковый агроном Гнаденфлюрской машинно-тракторной станции АССР немцев Поволжья, 1937—1940 гг.), женат, жил по месту рождения, с августа 1940 г. — в РККА (красноармеец 518-го стрелкового полка 129-й стрелковой дивизии), с 18.07.1941 г. — в германском плену, с 20.07.1941 г. — в германской армии (переводчик при командире 733-го артдивизиона), взят в плен 02.02.1943 г. частями РККА на Сталинградском фронте, арестован 17.04.1943 г. Дубовским райотделом УНКВД по Сталинградской области., приговорен

30.07.1943 г. военным трибуналом Сталинградского гарнизона по статье 58 пункт 1-б УК РСФСР (измена Родине военнослужащим) к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах с конфискацией имущества, начало срока — 20.04.1943 г., конец срока — 20.04.1953 г., прибыл в Вятлаг 09.01.1944 г. из Сталинграда (Волгоград), трудоиспользовался в качестве лесоруба (5-й и 8-й лагпункты), отнесен 31.07.1945 г. к 4-й («нерабочей») категории трудопригодности (травматический разрыв селезенки), умер 14.08.1945 г. от туберкулеза легких (двусторонней катаральной плевропневмонии), 4-й лагпункт («сангородок»), поселок Полевой-2, могила № О-12, архивное личное дело — № 74759 (26 листов).

* * *

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧ. УНКД СТАЛИНГР. ОБЛАСТИ
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
(ВОРОНИН)
«_____» 1943 г.

Арест Гаан
санкционирую.

Прокурор
(Подпись, неразборчиво)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(об избрании мер пресечения)

1943 года Апреля 17-го дня гор. Дубовка

Я, Пом. Опер. Уполномоченного Дубовского РО НКВД Сталинградской области Мл. Лейтенант Госбезопасности — ЧАПЛИН, сего числа рассмотрел материал о преступной деятельности ГААН Генриха Давыдовича, 1917 г. рождения, уроженца с. Мангейм Гнаден Флюрского Кантона Немцев Поволжья по национальности немца, гр-на СССР, грамотного, б/партийного, со слов несудимого, по соц. происхождению из кр-н бедняков, до 1940 года проживающего в с. Мангейм и работающего в Гнаден Флюрской МТС участковым агрономом.

НАШЕЛ:

ГААН Генрих Давыдович подозревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58—1 «Б» УК РСФСР, и принимая во внимание, что, находясь на свободе, может повлиять на ход следствия и скрыться от уголовной ответственности,

руководствуясь ст.ст. 145 и 158 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда ГААН Генриху Давыдовичу избрать содержание под стражей, о чем согласно ст. 146 УПК РСФСР объявить под расписку арестованному в настоящем постановлении, в соответствии ст. 160 УПК РСФСР, копию постановления направить прокурору и передать Начальнику тюрьмы. —

ПОМ. ОПЕР. УПОЛНОМОЧ. РОНКВД
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ЧАПЛИН)
СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК ДУБОВСКОГО РОНКВД
Майор Госбезопасности (ДЖАВАДОВ)

Настоящее постановление мне объявлено «20» Апреля 1943 года.
ПОДПИСЬ (Нет подписи)
Верно: (Подпись, неразборчиво)

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Д. № 74759. Б/л)

* * *

АКТ

1943 года апреля 28 дня гор. Дубовка

Я Нач. Дубовского РОМ НКВД Майор Милиции МУХИН составил настоящий акт в том, что при аресте у обвиняемого по ст. 58—1 «б» УК Р.С.Ф.С.Р.

ГААН ГЕНРИХ ДАВЫДОВИЧ

Одежды, белья и постельной принадлежности, предусмотренных табелем приказа НКВД № 0470 от 1940 г., полностью не оказалось, кроме как имеющихся на нем и при нем поименованных ниже сего:

1. Шинель	1
2. Френч летн.	1
3. Свитр трик.	2 шт.
4. Брюк летних	2 шт.
5. Сапоги	1 пар.
6. Носки теплые	3 пар.
7. Пилотка голов.	1
8. Белья нательное	1 пар.
9. Одеяло шерстен.	1

Подпись арестованного (Hahn)
Нач. Дубовского РОМ НКВД
Майор Милиции (Мухин)

(Там же. Б/л)

* * *

Дело № 001660 1943 г. Сов. секретно.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
30.07.43 г.

Военный Трибунал Сталинградского гарнизона в закрытом судебном заседании в расположении тюрьмы № 1 города Сталинграда в составе председательствующего Старшего лейтенанта юстиции Рященко и членов Старшего лейтенанта Полывьяного и гвардии лейтенанта Филиппова при секретаре Банниковой без участия сторон

рассмотрев дело по обвинению бывшего красноармейца 518-го стрелкового полка 129 стрелковой дивизии ГААН ГЕНРИХА ДАВИДОВИЧА, 1917 года рождения, немца, гражданина СССР, уроженца села Мангейм Гнаденфлюрского района Саратовской области, жителя той же местности, из крестьян-бедняков, служащего, имеющего образование 7 классов, бывшего кандидата в члены ВКП(б) с 1939 года, женатого, призванного в

Красную Армию в августе месяце 1940 года, несудимого, — в преступлении, предусмотренном ст. 58—16 УК РСФСР, — материалами судебного следствия

УСТАНОВИЛ:

Подсудимый Гаан Генрих Давидовича, красноармейца 518-го стрелкового полка 129-й стрелковой дивизии, и находясь на фронте, 18 июля 1941 года не оказав никакого сопротивления, сдался в плен к противнику, после чего был помещен в лагерь военнопленных, 20 июля 1941 года Гаан добровольно вступил в немецкую армию и был зачислен в 733-й артдивизион действующей немецко-фашистской армии в качестве солдата. С августа месяца 1941 года Гаан был назначен переводчиком при командире названного артдивизиона, вместе с которым выезжал на организацию мирного населения на работы по строительству оборонительных сооружений для немецкой армии. За службу в немецкой армии Гаан получал жалованье в сумме 15 немецких марок, обмундирование и питание. В августе месяце 1942 года Гаан в составе 733-го артдивизиона прибыл на Сталинградский фронт. При разгроме немцев под Сталинградом Гаан в районе завода «Баррикады» в городе Сталинград 2 февраля 1943 года был взят частями Красной Армии в плен, заявил при этом, что он является подданным Германии.

На основании изложенного Военный Трибунал признал виновным Гаан в измене Родине, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 58—16 УК РСФСР. Исходя из обстоятельств дела, Военный Трибунал считает нецелесообразным применять к Гаан высшую меру наказания — расстрел.

Руководствуясь ст.ст. 319—320 УПК и 51 УК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛ:

ГААН Генриха Давидовича на основании ст. 58—16 УК РСФСР подвергнуть лишению свободы в ИТЛ сроком на десять лет, с поражением в правах по п.п. «а-г» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять лет, с конфискацией личного ему принадлежащего имущества.

Зачесть ГААН предварительное заключение до суда и исчислять срок отбытия наказания с 20 апреля 1943 года.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Председательствующий (Подпись)
Члены (Подписи)
Суд. секретарь (Банникова)

(Там же. Б/л)

* * *

Форма № 6

Управление Вятского Исправ.-Труд. Лагеря НКВД СССР
ФОРМУЛЯР К ЛИЧНОМУ ДЕЛУ № 74759
Прибыл «9» I 1944 г. из Сталинграда

1. Фамилия ГААН
2. Имя и отчество ГЕННАДИЙ ДАВИДОВИЧ

3. Год и место рождения 1917 с. МАНГЕЙМ ГНАДЕНФЛЮСКОГО р-на САРАТОВСКОЙ обл.

<...>

Медицинский раздел формуляра

31/VII—45 Четвертая категория травмат. разрыв селезенки

Гл. врач (Подпись, неразборчиво)

Врач (Подпись, неразборчиво)

(Там же. Б/л).

* * *

УРЧ 8 ОЛП Начальнику УРЧ 4-го ОЛП

26/VII 45 г.

Направляется в порядке скорой помощи з/к

1) ГААН Генадий Давыдович 74759 г.р. 1917 В/тр 58—16 10,5 20/IV—53

Приложение:

Нач. УРЧ (Подпись, неразборчиво)

(Там же. Б/л)

* * *

Составляется в 4 экз.

1—2 экз. — во 2-й отдел Вятлага

3-й экз. — 2-й части лагпункта

4-й экз. — САНО Вятлага

АКТ О СМЕРТИ

Мы, нижеподписавшиеся

Начальник лагпункта 4 ЛАДЫГИН

Начальник 2-й части СИМОНОВА К.Н.

Начальник лазарета КРАСУСКИЙ В.С.

Врач лазарета УТЦАЛ

Дежурная сестра,

составили настоящий акт в том, что «14» числа августа м-ца 1945 г. в лагере 4 ОЛП умер з/к ГААН Ген. Давыд. год рождения 1917 осужден 30/VII 1943 г. В/тр статья «58—16» срок «10/5» лет.

Начало срока «20/IV» 1943 г. конец срока «20/VII—53 г.»

Особые приметы: 1. Рост средний

2. Телосложение правильное

3. Цвет волос т/русые

4. Цвет глаз голубые

Особые приметы

Смерть последовала Двухсторонняя катаральная плевропневмония.

Труп отправлен на кладбище 4-го ОЛП для погребения.

Подписи:

Нач. 4 ОЛП (Неразборчиво)

Нач. 2 ч-ти (Неразборчиво)

Глав. врач (Неразборчиво)
Врач (Неразборчиво)

(Там же. Б/л)

* * *

НКВД-СССР
Управление Вятского
Исправительно-Трудового
Лагеря
2-й ОТДЕЛ
«28» VIII 1945 г.
№ 74759
п/о Лесное, Кайского района,
Кировской обл.

Начальнику ОАГСа УНКВД
по САРАТОВСКОЙ области
гор. САРАТОВ

Сообщаем, что заключ. ГААН
ГЕНРИХ ДАВЫДОВИЧ
«1917» года рожд., национальность немец
умер «14» августа 1945 г. на
ст. Фосфоритная, Пермской жел. дор.

Последнее место жительства Саратовская обл. с. Мангейм Гнаденфлюрского р-на.

Причина смерти Туберкулеза легких.

Начальник 2-го Отдела Вятлага НКВД (Нет подписи)
/Ст. инспектор (Нечаева)

(Там же. Б/л).

* * *

Фрагмент повести Е. Гинзбург
«Крутой маршрут»
(«БЕРГИ-БУРГИ-ШТЕЙНЫ...»)

...Через день [после начала войны, в июне (1941 года. — *В.Б.*) на разводе (в лагере. — *В.Б.*) раздался властный голос начальника режима. Команда его на этот раз была не сразу понята нами.

— А ну, все, кто на БЕРГИ, на БУРГИ, на ШТЕЙНЫ всякие, — влево давай! Которые вообще там разные Гин-ден-бурги или Фит-ген-штейны...

Организовался немецкий барак с усиленным режимом. Началась паника. Начались, как всегда, курьезно-трагические недоразумения. Кричали на Аню Шолохову. Как она посмела укрыться под русской фамилией! Раз она фашистка! Какой там русский муж! Хорош русский — на фашистке женился!

Одна из блатнячек билась в истерике, клянясь, что фамилию Шифмахер она приобрела с последним украденным паспортом. Черт же его знал, что война начнется! Она и выговорить-то путем никогда эту фамилию не могла и всегда говорила просто Шахер-Махер. А так-то, в натуре, у нее установочные данные — Карякина Ольга Васильевна. Только тот паспорт еще давно был потерян... Еще когда первый раз загремела... Чего ж вы меня, землячки, в фашистский барак толкаете?

Поскольку режимник сформулировал четко: «Все, кто на БЕРГ и на БУРГИ», то я (еврейка по национальности. — *В.Б.*) механически подпадала под этот странный признак. Дежурный вохровец — казах, не шибко просвещенный «по национальному вопросу», привязался вплотную: — Давай, ти из БУРГ (нещадно ударяя на криминогенное окончание!) — давай с вещой в немецкий барак.

И Федя-татарин, конвоир, ранее славившийся своим добродушием, смотрит на нас таким взглядом, точно это именно мы пустили гитлеровские шайки на поля Белоруссии...

(ГИНЗБУРГ Е. Крутой маршрут (Война! Война! Война!) // В мире книг. 1988. № 12. С. 13)

* * *

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Матильды Леонардовны ФИШМАН — немки, уроженки Крыма.
[ПО ЭТАПУ: МОСКВА—САРАТОВ, ЯНВАРЬ 1942 ГОДА]

...(В пересыльной тюрьме. — *В.Б.*) нас посадили в грузовую машину, трехтонный грузовик-коробку. В этой коробке — еще пятнадцать коробок, вроде металлических пеналов, в них можно было только стоять, и мы стояли. Привезли нас на Курский вокзал ночью. Мороз был страшный. Мы все — в летней одежде или полураздетые, голодные, истощенные...

Конвой запер нас и ушел. Сначала я слышала — справа, слева, сзади люди ворочались, чертыхались, молили, плакали, стонали. Потом все стихло. Я была в легкой кофточке и старалась дышать под материю, согреть хоть чуть-чуть тело своим дыханием. А пальцы рук прятала под мышками.

Слышу голос сзади: «Женщины в машине есть?» Я промолчала, я берегла силы, берегла каждый вздох. Мужчина повторил вопрос. Потом крикнул: «Слышите, есть кто-нибудь? Я отморозил яйца, я не могу больше. Убейте меня! Убейте меня! Я не могу больше!..»

Голос стих. Это был воспитанный человек.

Утром послышались возле машины голоса охранников:

— Ну и мороз, 45 градусов...

— Х.. с ним!..

Загремели засовы. Я услышала бодрую команду: «Выходи!»

Никто не вышел. Густой мат, лязг запоров... Охранники открывают по очереди кабины, в которых привезли арестантов. Они и сейчас там стояли. Но — мертвые.

— Гляди, померзли все, суки...

Охранники начали выбрасывать трупы по одному на землю.

Открывают мой стоячий гроб...

— Во, есть одна живая...

Вытащили меня. А я ни стоять, ни ходить не могу. Моча самопроизвольно вышла, ноги скованы льдом. Охранник ударил меня сильно в

спину, что-то оторвалось между ног, лед слетел, и я сделала один шаг, не упала. Еще один человек оказался жив, а может, и не совсем жив, мне разглядеть не пришлось. Кто-то взял меня за руки, потащил. Я сказала, что не могу идти.

«А что, я тебя поведу, что ли?»

Меня подхватили под руки и потащили волоком по земле, по асфальту... Когда через рельсы перетаскивали, ноги бились о холодную сталь, щебенка рвала кожу... Не забыть эту боль. За мной тащили еще одного дядю. Тринадцать осталось ТАМ. Тринадцать из пятнадцати.

Я оглянулась на машину, ее освещали станционные прожектора, свет выхватил жирную надпись на кузове: «Мясо». Так выглядел наш «черный ворон».

Приволокли к поезду. Длинный состав на дальнем запасном пути. Наш вагон — четырехосная коробка. Открыли дверь: «Принимай!»

А я же не могу шагу ступить, не могу ногу поднять... Взяли меня конвоиры за ноги, за руки, раскачали и забросили в вагон. В вагоне стоит толпа, человек к человеку вплотную. Ни нар, ни скамеек, ни досочки. На полу — конский навоз, раньше в этом вагоне перевозили лошадей. Окошки вверху открыты, забраны стальной решеткой. В стенках щели, в полу тоже. Отопления никакого.

Мы стоим, как холодец. Как живой холодец. Стали на меня дышать женщины, которые очутились рядом, они же видят, что я заледенела. Особенно заботилась обо мне цыганка, ее звали Шурой. Окрутила меня своей широкой юбкой и покрикивает: «Топай ножками, топай ножками!»

А я и стоять не могу ... какой там «топай»... Шура нагнулась, руками сбила лед с моих ног, с юбки.

«Теперь давай танцевать, вместе, вместе...»

Там были еще цыганки, три мамки с младенцами. Когда поезд наконец тронулся с места, мы обрадовались. Скоро будем на месте и тогда... А что тогда?.. Но арестант есть арестант, ему всегда кажется, что хуже, чем теперь, уже быть не может, значит, будет лучше.

Двадцать два дня ехали мы до места, до Саратова. Пассажирский поезд туда идет один день. А ехали двадцать два. Еда? По куску селедки в день и по три сухаря. Питье? Никакого питья, ни капли воды. Первыми умерли младенцы. Матери набирали через силу слюни во рту и плевали в детские ротики. Младенцы кричали, тянулись к пустым грудям... Охранники выкинули детские трупики в снег. На каждой станции женщины кричали, просили воды. Уж на что голосистая была одна женщина, привезенная из Новинской женской тюрьмы (в Москве. — *В.Б.*), но и она потеряла силы... Мертвыми телами мы закрывали щели в стенках. Когда конвоир открывал вагон, трупы падали на охранников, и они страшно ругали, били нас. Всякий раз при раздаче «пищи» возле вагона складывали штабеля трупов. Одну мертвую мы не выбрасывали, то была старушка горбатая, мы клали ее на спину и горбом закрывали отверстие в полу, нашу «уборную». На ходу поезда оправляться было невозможно, ветер задувал внутрь, но что мы могли поделать?

Во время длительных стоянок бдительный конвой обходил вагоны с огромными деревянными молотами. Этими молотами колотили по доскам — по полу, по стенкам: все ли целы? Не подпилены ли? Не готовится ли побег? Грохот стоял неописуемый, мы приспособились дремать стоя, но и этот сон стал невозможной роскошью... Мы ехали стоя, потеряв двадцать два дня и двадцать две ночи. Ноги напоминали раздутые бутылки, зеленые раздутые бутылки. Палец погружался в этот зеленый студень, как в тесто, наполовину. Кто этому теперь ... поверит?..

Но так было.

В Саратове, на станции, открыли вагон.

«Выходи!»

Нас выстроили по пять в ряд. Сосчитали. Считать-то нечего: семь пятерок, вот все, что осталось от двухсот пятидесяти. От двухсот пятидесяти!

Конвоиры переговариваются:

— Шо, и це уси?

— Уси.

Одна из выживших спросила: «А вы что, не видели? На каждой станции штабеля мертвых оставляли... Что, мы их съели, что ли?»

— Да, есть их сырыми нельзя... А як бы сварили, то и съели бы... — флегматично ответил конвоир.

Команда:

«Становись на колени, руки назад!»

Куда там — «на колени»... ноги ведь не гнутся... Но встали прямо на снег. Подошли из других вагонов, и еще, еще... Подняли нас, повели строем. По обочине, с обеих сторон — овчарки.

Кончились станционные пути, с трудом доплелись до шоссейной дороги. Новая команда: «Лягай!»

Все легли — мужчины и женщины. Мужчины почти все были в гимнастерках и пилотках, их, видно, взяли летом. Один красивый, молодой, умолял конвоира: «Гражданин начальник, убей меня, убей, я весь замерз, я не могу больше, не хочу жить! Убей!»

Потом он лег на снег, пилотку подложил под лицо.

...Лежим, помираем поодиночке, один за другим.

Голос: «Да ты человек или нет? Дай нам немножко погреться... Постукаться друг о дружку. Мы же леденеем, мы же погибаем. Ты человек или скотина?!»

Наконец команда:

— А ну встать! Всим встать!

Не получается, многие уже не могут встать. Они никогда не встанут. Надо проверить — а вдруг симулируют, проклятые фашисты. Подходит конвоир с собакой, отпускает поводок — овчарка хватает арестантские икры, рвет мясо. Человек лежит. Поводок еще отпущен. Собака кусает ягодицы, вырывает клоки штанов, куски кожи. Нет, человек не шевелится. Конвоир отпускает почти весь поводок — зверь хватает за шею, — нет, не шевелится... Охранник проходит с собакой по рядам.

— Мертвяки е, — замечает он меланхолически.

Тела вытаскивают из строя, бросают в кучу. Мы лежим на снегу, поднять головы не смеем — обещана пуля. Прислушиваемся к каждому шороху. Слышим:

— Во, е.. их мать! Вагоны угнали, а тюрьма не принимает...

Молодой конвоир предлагает:

— Да пострелять их к е..... матери и — все!

— Ты что, о..ел? — это пожилой ответил.

Долго мы еще лежали. Прибыли три машины. За трупами.

Конвой командует:

«Клади на машину!»

Крайний в строю арестант отвечает: «Сам клади. Ты в шубе, в тулупе, в валенках, а я голый, я весь обмороженный, я стоять не могу. Ты меня самого туда забрось».

Начали бросать людей на машины. Некоторые еще смотрели на нас открытыми глазами, может, глаза и мозг — то единственное, что не успело замерзнуть на лютом холоде. А на лицах — струйки замерзших слез... Некоторые вздыхали почти беззвучно — их бросали туда же, на мертвецов, как поленья.

Нагрузили машины с верхом, тронулись, тихо едут, и мы идем вслед тихо.

Навстречу машина с хлебом, под военной охраной. Кто-то из заключенных бросился к машине. Солдат остановил его: «Товарищи, это детям хлеб, мы везем его детям, нельзя брать».

Раздалась автоматная очередь, арестант спрятал окровавленные руки за спину. Пошли дальше.

В Саратовскую пересыльную тюрьму нас привели глубокой ночью. Завели в коридор. Камеры переполнены. В конце коридора — станковый пулемет. В другом конце — другой. И предупредили: «Кто поднимется, стреляем без предупреждения».

Из камер тихо спрашивают:

«Откуда прибыли? Кто вы?..»

Мы были счастливы, мы прижимались друг к другу, мы лежали на деревянном полу, и снизу не дуло. Над нами был настоящий потолок, оттуда тоже не дуло...

Утром охранник объявил:

— Оправка вам будет после, как пройдут все камеры, а сейчас — давай в один конец коридора, да потесней! Кто голову поднимет — расстрел.

Выпустили одну камеру, сороковую.

Тут приходит какой-то начальник: «Справа становись русские, посередине — фашисты, слева — все остальные».

Мы переглянулись: кто же мы?.. И вот — цыгане, армяне и я — встали посередине, с фашистами.

Новая команда:

— Фашисты — в сороковую камеру! Живо!

Заходим, а там одни немцы... Обрадовались нам. Но ведь нас не водили на оправку, не дали воды.

Подошла я к двери, кричу:

— Дайте нам воды! Нам совсем не давали в дороге, мы погибаем. Всех водили на оправку, а мы не попали, просим вас, ради Христа...

— Завтра! — крикнул охранник в окошко.

И добавил:

— Смотри, больше не стучи, а то спустим в подвал...

Я язык к небу прижала — тогда у меня еще свои зубы были, — прижала к небу язык и думаю: «Боже, как позабыть о жажде». А мочевой пузырь режет ножами, все воспалено...

Кормили нас в тюрьме баландой, посуды никакой, один разбитый черепок на двадцать человек. Каждый норовит подцепить пальцем хоть зернышко крупяное, пальцем, которым перед этим вытирал то, что обычно вытирают бумагой. Ни воды, ни мыла, ничего...

Лежит возле меня молодая женщина. Спрашиваю: — За что вы сидите? — Я мокрушница. — Что это такое? — Мы по мокрому делу (за убийство. — *В.Б.*)... А за что тебя посадили? — Ни за что. Так, взяли и посадили. — А ты что, жидовка? — Нет, я немка. — А, фашистка!.. Ну и х.. с вами. Скоро все подохнете...

(Театр. 1990. № 7. С. 171—173)

§ 4. Коммунисты и комсомольцы в лагере

Советскую действительность можно понять, лишь применяя к ней категории оруэлловских антиутопий. Одним из подтверждений тому может служить хотя бы следующий факт: среди немцев-«трудармейцев», водворенных на лагерный по сути своей режим, сохранялись и активно действовали партийные и комсомольские организации(!). «Благодаря» этому, за 1942 год парторганизация Вятлага количественно выросла в 2,5 раза: на 1 января на учете в политотделе Вятского ИТЛ состояли 122 члена ВКП(б) и 113 кандидатов, а во вновь прибывших в начале 1942 года «немецких» этапах «оказалось» 228 членов партии и 110 кандидатов. Впрочем, прием «лиц немецкой национальности» в кандидаты, а также из кандидатов в члены партии был (по указанию «сверху») в годы войны прекращен, поэтому все немцы-кандидаты в «партийцы» имели к 1943 году просроченный «испытательный стаж». Не наблюдалось и роста «партийной прослойки» среди «трудармейцев». Более того — некоторые из них пытались скрыть свою партийно-комсомольскую принадлежность, не вставали на учет в Вятлаге, прятали членские билеты и учетные карточки. Но с мест прежнего пребывания поступала соответствующая «информация» в парткомиссию политотдела — и тогда следовала тягостная процедура «политического разбирательства»...

Тем не менее: даже к 1 октября 1945 года, когда значительная часть «трудармейцев» уже была отправлена из Вятлага, на учете в его партийной организации состояли 118 немцев, в том числе членов партии — 87, кандидатов ВКП(б) — 31.

На 1 января 1944 года среди 446 комсомольцев Вятлага значились 182 немца. Из 16 первичных комсомольских организаций лагеря — 4 состоят только из молодых немцев-«трудармейцев».

Разумеется, политотдел «развертывает» среди «трудмобилизованных» привычно-формальную «партполитработу». На политзанятиях, политинформациях, коллективных читках «углубленно» изучают «исторические речи и труды товарища Сталина» и «героическую жизнь Зои Космодемьянской» и т.д. и т.п. Ну и, разумеется, регулярно проводятся партийные и комсомольские собрания, заседания бюро и комитетов, где «клеймят позором» отстающих и «пропагандируют опыт передовиков производства», принимают «повышенные соцобязательства», исключают из партии и комсомола за «аморальное поведение» и «контрреволюционные настроения»... Кстати, протоколы многих партийных и комсомольских собраний, заседаний бюро и комитетов сохранились в архиве политотдела Вятлага (10).

В октябре 1942 года (см. документ 16/3 Приложения к предыдущему параграфу) «в целях проведения массовой культработы среди мобилизованных трудармейцев и поднятия производительности» приказом начальника Управления 10 наиболее «благонадежных» немцев-партийцев назначены «инструкторами по политработе» — на 8-м, 9-м, 12-м, 13-м и 14-м ЛЗО, с окладом по 400 рублей в месяц каждому.

Конечно, лагерные условия жизни, быта, производства разлагающе действовали и на определенную часть немцев. Среди них формировалась прослойка «льготников»: мастера, бригадиры, партактивисты... Именно среди этих лиц чаще всего наблюдались проявления противоправного и безнравственного поведения, бесчеловечного отношения к своим же товарищам по несчастью. За 1946 год из партии исключены 23 немца-спецпоселенца: часть из них — за «антисоветскую агитацию» (термин весьма расплывчатый, под который можно было «подогнать» любой откровенный разговор о тогдашней реальной жизни), часть — за утерю партдокументов, а некоторые — за действительно серьезные проступки: хищение продуктов, «очковтирательство» (приписки невыполненных работ)... Например, в ноябре 1946 года из партии исключен Д.Ф. Финк, который (цитируем материалы парткомиссии политотдела Вятлага) «...работая бригадиром-десятником, затем мастером 12-го ЛЗО, в течение 2 лет использовал свое служебное положение в личных корыстных целях: брал у трудармейцев деньги, продукты, обещая им за это легкую работу, запугивая их тем, что, если они не будут выполнять его требования, он переведет их в лесоповальную бригаду, заставлял трудармейцев готовить себе обед, чистить его

одежду и обувь. Избивал трудармейцев, если они его ослушивались. Кроме того, Финк, имея в Красноярском крае жену и детей, никакой помощи жене не оказывал, вел себя недостойно в быту...» Когда же этого негодяя исключили из партии, он «...запугивал трудармейцев, заставлял их писать в парткомиссию письма, опровергающие факты обвинения, и сам лично написал заявление такого содержания от имени одного из членов партии...» Констатируем: ничего экстраординарного в данном конкретном случае нет — такова «статусная норма» для бригадира («бугра») в гулаговской зоне, и Финк просто хорошо «вписался» в существующую поведенческую модель для лиц его лагерного «ранга».

В конце 1943 года из партии исключили двух немцев-бригадиров — за то, что они «...систематически занимались припис憩 непроведенных работ, в результате чего при инвентаризации по ... подкомандировке оказалась недостача древесины около 27 тысяч фестметров...». Конечно же, все в зоне и вокруг нее знали, что без приписок в то голодное время изнуренным лагерникам и «трудармейцам» одолеть «норму» на производстве было физически невозможно.

Но для «зарядки туфты» необходимы специфический опыт и умение «прятать концы в воду», а такими «навыками» эти двое, очевидно, овладеть еще не смогли...

Впрочем, основная масса полученных «трудармейцами» партвзысканий следует за «прегрешения» обычные и, по лагерным стандартам, просто заурядные. Так, Карлу Генриховичу Аргольду (1907 года рождения) вынесен выговор за то, что он «...ночью ушел с работы и спрятался в конюшне». «Обвиняемый» пояснил, что он «...был болен, но врач его от работы не освободил» (добавим: все это имело место в мае 1942 года — в период повальных болезней и дистрофии в лагере, а недужному «партийцу Аргольду» инкриминировалось, наряду с прочим, еще и то, что он «...нормы выполняет лишь на 20—25 процентов...»). «За спекуляцию хлебом» исключен из кандидатов ВКП(б) Эвальд Эмильевич Пенно. Допущенный им «криминал» состоял в том, что он «...продал одну пайку хлеба весом 1 килограмм 50 граммов за 100 тысяч рублей». Сам Пенно «...это подтверждает и просит оставить его в рядах партии...». Просьбу, как видим, оставили без удовлетворения...

Непростой вопрос — отношение репрессированных немцев к нацистскому нашествию, к ходу военных действий на советско-гер-

манском фронте. Вполне вероятно, что некоторые из «трудармейцев» (как и определенная часть немцев-заключенных) видели в победе Германии возможность своего освобождения из унизительного лагерного состояния. Даже в 1944—1945 годах имелись случаи исключения из партии нескольких «трудмобилизованных» за «пораженческую антисоветскую агитацию», за «саботаж» и «призывы плохо работать». Есть, однако, все основания полагать, что далее разговоров (обычных по тому времени) дело все-таки не шло. А учитывая крайне тяжелое положение этих людей, можно лишь удивляться тому (документально удостоверенному) обстоятельству, что их «отсев» из «партийных рядов» был столь незначителен: за три года (1942-й — начало 1945-го) из ВКП(б) исключены 49 немцев (32 члена и 17 кандидатов партии). Несмотря на все перенесенные страдания и унижения, доверие советских немцев к своей «социалистической Родине» полностью не истощилось. Хотя лагерные чекисты и их агентура «не дремали», ухитряясь сплести «вражеское дело» даже из самого заурядного бытового «трепа».

4 марта 1945 года начальник политотдела Вятлага старший лейтенант госбезопасности Суворов на III партконференции лагеря возглашал: «...Среди партийных организаций мобилизованных трудармейцев немцев вскрыта контрреволюционная фашистская организация, которая ставила своей целью распространение клеветнических ложных сведений на жизнь нашей страны...» Конечно же, и сам Суворов, и большинство тех, кто ему внимал на вятлаговском партийном «форуме», знали и понимали, что все это — не более чем трескучая демагогия, пустая болтовня, предназначенная для ушей вышестоящего гулаговского начальства — в качестве «весомого доказательства» неусыпного «бдения» вятлаговских чекистов и руководства Управления лагерем. Достоверным можно признать лишь один-единственный случай активного целенаправленного «антисоветского» противодействия, да и он являлся чисто индивидуальным актом: член ВКП(б) Роммих, заведующий инструментальной мастерской 13-го ОЛПа, «...систематически сознательно производил порчу лучковых пил», делая это «...нелегально посредством сжигания их в печи хлебопекарни, после чего пилы были очень мягкие и на производстве быстро тупели...». Таким методом Роммих испортил около 200 «лучков», и в результате «...лесорубы не выполняли производственные задания». Но повторим — это был единственный и уникальный в своем роде факт среди всей многотысячной массы немцев, прошедших за годы войны через вятлаговские узилища...

По всей видимости, не существовало «национальных» проблем и во взаимоотношениях «трудмобилизованных» немцев с другими лагерниками. Условия сосуществования — жизни, быта, труда — «сплавливали», синтезировали разнородную, «разношерстную» (по многим параметрам — национальным, социальным, интеллектуальным) «рабсилу» ГУЛАГа в единую человеческую массу — людское лагерное сообщество. Вполне допустимо полагать, что в нем проявлялись и настоящая мужская дружба, и любовь... Но эти самые чистые, естественные человеческие проявления очень часто наталкивались на жестоко антигуманную реальность сталинских лагерей.

11 июля 1944 года на очередном комсомольском собрании немок (подкомандировка «Юрта») с юношеским максимализмом обсуждалось «персональное дело члена ВЛКСМ Эйрих Эльзы Карловны, 1917 года рождения, служащей, немки, с неполным средним образованием...». Комсорг доложила собранию, что «...товарищ Эйрих, как всем известно, нарушила комсомольскую дисциплину в связи с тем, что она имела сожительство с заключенным Ивановым Иваном Александровичем, осужденным по статье 58—10 (за «антисоветскую агитацию». — *В.Б.*). Несмотря на неоднократные предупреждения, товарищ Эйрих продолжает сожительство. Таким людям нет места в рядах ВЛКСМ...» По гулаговским «уставам», интимная связь комсомолки с заключенным — вещь совершенно недопустимая, а сожительство с «контрреволюционером» — предосудительно вдвойне, поскольку такое «дело» приобретает уже «политическую окраску»... Впрочем, сама «обвиняемая» ничего не отрицала, никак не защищалась, но и в «грехе» своем не раскаялась, а посему была «благополучно» исключена из «рядов ленинского комсомола»...

В числе немцев, находившихся в Вятлаге, было и несколько членов Компартии Германии, еще до войны переехавших в СССР. На волне «большого террора» и сверхподозрительности к иностранцам они попали в ГУЛАГ. И здесь их ожидала поистине трагическая участь (см. документы Приложения).

Атмосферу советского лицемерия, официальной фальши и парадной трескотни отчетливо передают протоколы собраний и заседаний в «немецких» партийных и комсомольских организациях Вятлага (см. Приложение).

Главное, что требует партия от немцев-«трудармейцев», — «Производственный план любой ценой!». А вот об улучшении условий их жизни и работы упоминается лишь вскользь — для профор-

мы. На деле же намерений серьезно заниматься этими «второстепенными» вопросами руководство лагеря до конца войны так и не проявило.

Вместе с тем в прениях многие немцы, особенно члены партии, говорят и о наболевшем, естественно, приспосабливая свои выступления к реальностям лагерной обстановки.

Искренне горькое недоумение от окружающей бессмысленной гибельной жизни сквозит в их речах...

ПРИЛОЖЕНИЕ
19. Документы партийных и комсомольских собраний немцев-«трудармейцев» Вятлага

Документ 1

ПРОТОКОЛ № 6
закрытого общего собрания членов
первичной организации ВКП(б) 12 ЛЗО Вятлага НКВД
от 21 февраля 1943 года

Присутствовало: 63 члена ВКП(б) и 12 кандидатов в члены ВКП(б)

Председатель: Кербер К.К.

Члены президиума: Рейс К.К.

Киссельман Я.Я.

Повестка дня: Итоги собрания партактива Вятлага НКВД от 14 февраля 1943 года.

Слушали: Об итогах собрания партактива Вятлага НКВД от 14 февраля 1943 года.

Докладчик — политрук отряда т. Касаткин.

14 февраля 1943 года состоялось собрание партийного актива Вятлага НКВД с вопросом о выполнении указаний т. Сталина, данных им в докладе 06.11.1942 года.

Начальник Политотдела т. Колков в своем докладе отметил и обратил внимание лесозаготовительных отрядов на их безобразно плохую работу в 1-м квартале 1943 года, на низкую производительность труда трудармейцев и недостаточную партийно-массовую работу среди трудармейцев. Если во 2, 3 и 4-м кварталах (1942 года. — *В.Б.*) производственный план выполнялся и перевыполнялся, то выполнение плана 1 квартала 1943 года, так же как и 1 квартала 1942 года, проваливается. Среди трудармейцев имеется нездоровое настроение об отъезде домой, а отсюда резкое снижение производительности труда среди мобилизованных немцев.

В период наступления нашей доблестной Красной Армии на фронтах Отечественной войны мы на ЛЗО видим обратное явление — снижение производительности труда, т.е. отступление в выполнении производственного плана.

Из этого все коммунисты должны сделать вывод, что так дальше продолжаться не может. Это не по-партийному, не по-большевистски. Нужно всем без исключения коммунистам разбить нездоровое демобилизационное настроение, быть в авангарде на производстве и повести за собой массу. Только так мы можем разгромить фашизм, т.е. работа по-военному, работа по-фронтовому.

Далее т. Касаткин зачитывает решение собрания партийного актива, призывает всех присутствующих принять активное участие в обсуждении этого важнейшего вопроса, строить свои выступления на выправление производственной работы с тем, чтобы не было ни одного трудармейца, не выполняющего дневного производственного задания. Тов. Касаткин призывает вскрыть все недостатки, мешающие нашей плодотворной работе.

В прениях выступили:

1. Тов. ШМИДТ П.К.: — Я был назван докладчиком в числе отстающих коммунистов, плохих работников. Я долгое время и как грузчик, и как бригадир считался хорошим работником. Я сам и моя бригада не только выполняли, но и перевыполняли норму. Было, правда, несколько случаев срыва погрузки, но не по нашей вине, а по вине зав. погрузкой Турыгина. На очистке дорог наша бригада стала хуже работать, и я как коммунист и бригадир не сумел достаточно влиять на некоторых отстающих членов нашей бригады. На днях начальник отряда встретил меня, когда я стоял у костра, прикурил там, и уговаривал сидящих у костра людей немедленно возобновить работу. За то, что я находился у костра, я был снят с поста бригадира и получил 10 суток гауптвахты. В дальнейшем я буду так же хорошо работать, как и до этого случая.
2. Тов. ВЕГЛЕР И.Ю.: — У нас ненормально то положение, что непосредственно на производстве работает недостаточное количество коммунистов и что коммунисты переводятся с одной работы на другую часто без ведома партбюро. Подбор людей у нас часто неправильный. На подкомандировке «Мурис» работает десятником Виктор Леонгардт. Это жулик, обворовывающий трудармейцев. Он сам хвалился мне, как вместе с маркировщиком Шлоссер он съел 25 премблюд. По вине Леонгардт немало людей вышло из строя и попало в стационар. Шлоссер тоже человек с темным прошлым. Оба находятся на руководящей работе только потому, что пользуются протекцией у технорука Бондаренко и з/к мастера Крыжаковского. В кухне работает старшим поваром некий Бауер. Я его знаю еще по г. Энгельс. Это растратчик и проходимец, никогда он поваром не работал. Здесь он тоже обворовывает трудармейцев. Его надо удалить из кухни и ставить туда честных людей. Много недостатков у нас в работе КБЧ. В казармах грязно и часто холодно, в некоторых секциях нет света, отсутствует твердый порядок. Это приводит к тому, что люди в быту опускаются и на производстве плохо работают. Надо коренным образом улучшить работу КБЧ.
3. Тов. НЕБЕРТ А.Н.: — На подкомандировке «Мурис» бытовое обслуживание трудармейцев поставлено плохо. В одной казарме очень грязно, часто нет кипятку и дров, а также ламп. Дневальные меняются еже-

дневно. Поэтому в казарме нет чистоты и порядка. Сапожная и пошивочная мастерская работает плохо. Сапожник Зейферт и портной Фогель мало работают и ночью дежурят на кухне. По их вине имеется немало отказчиков из-за неготовности ремонта обуви и одежды. Надо также закончить начатый ремонт столовой, чтобы трудармейцам не надо было носить пищу в казарму.

4. Тов. ШНЕТТЕР: — Для того чтобы улучшить производственную работу, надо устранить имеющиеся у нас недостатки, мешающие работе. На подкомандировке «Мурис» слабо проводится агитационная работа. У нас в казармах проводят громкую читку газет, но читчиком каждый день является новый товарищ. Читка газет происходит сухо и скучно, прочитанный материал не связывается с нашими производственными вопросами. Недостаточно ведется борьба против таких явлений, как спекуляция хлебом и табаком, кража овса, воровство и т.д. Коммунисты не должны проходить мимо таких явлений, а бороться против них. Плохо организовано бытовое обслуживание. В бане имеется только три шайки. Чтобы помыться, надо затратить 3—4 часа и долго ожидать очереди. Большие безобразия творятся в амбулатории. Врач Данилов очень грубо обращается с больными, обзывает их нецензурными словами, явно больных людей не освобождает от работы и искусственно создает отказчиков и выводит людей из строя. Вместе с врачом Даниловым в стационаре живут заключенные — мастер леса Крыжановский и зав. биржей Скабелкин. Они объедают больных. Этих людей надо убрать из стационара. Решения собрания партактива правильны. Каждый коммунист должен приложить все силы для выполнения этих решений.

<...>

2. Тов. КИССЕЛЬМАН: — Причинами плохого выполнения производственного плана является слабая агитационная работа и плохое бытовое обслуживание трудармейцев. Дневальные у нас часто меняются и являются неполноценными работниками. Сушилки часто не топятся из-за недостатка дров. Коммунисты, работающие в КБЧ, часто плохо выполняют свои обязанности. Так, тов. Ридель В.И. был поставлен на работу в кипятилку, но он сорвал снабжение трудармейцев кипятком. Пришлось снять его с этой работы. В кухне творятся большие безобразия. Вместо того чтобы заставить работать штатных работников кухни, заведующая т. Попова принимает на работу людей со стороны, расплачиваясь с ними пищей из котла. Это идет в ущерб трудармейцам.

<...>

9. Тов. ВИГАНДТ И.Ф.: — Плохо, что мы стали плохо работать за последнее время, когда Красная Армия наступает. У нас есть много неполадок, тормозящих нашу работу. Портной Фогель на подкомандировке «Мурис» работает только для знакомых. Трудармейцы же вынуждены сами чинить свою одежду. Более низкое выполнение нормы на «Мурисе» объясняется отчасти тем, что раньше там занимались туфтой, обманом государства, а теперь установлен строгий контроль. У нас коммунисты неправильно расставлены. Часто за малейшую ошибку

начальник подкомандировки т. Рыбалко снимает коммунистов с работы вместо того, чтобы помогать им и поддерживать их.

10. Тов. БЕЛОЗЕРОВ (зам. нач. отряда): — Решение партактива правильно отмечает недостатки, имеющиеся в нашей работе. Некоторые выступавшие товарищи считают, что основное — это нормальный быт. Это не верно. Партмассовая работа решает выполнение производственного плана, а она поставлена у нас слабо. Некоторые коммунисты, как Ридель В.И., Беймлер Г.И. и другие, не оправдали оказанного им доверия. Они не выполняют норм, занимаются критикой, обворовывают трудармейцев. В качестве дневальных мы ставим ослабленных людей, и это правильно. Здоровые люди должны работать на производстве. Плохо то, что многие коммунисты не помогают налаживать бытовые условия, проходят мимо безобразий, не реагируют на них. Партактив решил направить больше коммунистов на производственную работу, за счет сокращения хозобслуги. Я считаю, что это нужно сделать и у нас как можно скорее.

<...>

Заключительное слово тов. КАСАТКИНА: Здесь правильно подмечали недостатки в бытовом обслуживании трудармейцев. Но ни тов. Белозеров, ни тов. Кисельман не справятся с этой работой, если им не помогут все коммунисты. Учетчик Миттельмайер должен быть снят с работы, он слишком распоясался. Надо вести решительную борьбу против демобилизационных настроений и разговоров об отъезде домой. Домой поедут только честно и самоотверженно работавшие люди, потерявшие трудоспособность. Демобилизационные настроения мешают нам поднять производительность труда. Нельзя допускать, чтобы коммунисты Беймлер, Шмидт, Ридель и другие отрывались от партийной жизни. Все коммунисты обязаны активно участвовать в партийной жизни. У нас есть большой и в основном здоровый партийный коллектив. Мы должны напрягать все силы и развертыванием действенного соцсоревнования добиться безусловного улучшения производственной работы в ближайшее время. Я считаю, что с этой задачей мы справимся.

<...>

(ГА СПИ КО. Ф. 5991. Оп. 1. Д. 350. Л. 94–97)

Документ 2

ПРОТОКОЛ № 8
заседания бюро первичной парторганизации 12-го ЛЗО
Вятлага НКВД
от 6 апреля 1943 года

СЛУШАЛИ: Отчет бригадира Гапштейн С.С.

Тов. ГАПШТЕЙН говорит, что в его бригаде числится 11 человек, работает бригада на погрузке дров на паровозы. Средняя производительность

труда бригады за март месяц составляет 119%. В бригаде есть случаи нарушения трудовой дисциплины. Трудармеец Фишбах не вышел один день на работу, ссылаясь на то, что он должен получить неиспользованный ранее выходной день. Трудармеец Беймлер не вышел утром на работу, говоря, что он получил от начальника станции особое задание. Бригада соревнуется с биржевой бригадой, идет впереди нее. Читки газет провожу регулярно. Многие члены бригады (Мейзингер, Беймлер и др.) занимаются спекуляцией, борьба против которой недостаточно ведется.

Взаимоотношения мои с начальником станции ненормальные. Он хочет добиться моего снятия с поста бригадира. В оформлении рабочих сведений на производственную работу я допустил халатность: писал квитанции иногда на клочках бумаги. Поэтому некоторые номера квитанций встречаются в рабочих сведениях несколько раз. Кроме того, я дополнял и исправлял рабочие сведения, уже подписанные начальником станции. Но приписки не произведенной работы у меня не было.

ПО ОТЧЕТУ ВЫСТУПИЛИ:

1. Тов. ВЕГНЕР: По поручению партбюро я обследовал работу бригады тов. Гапштейна. Установил, что в бригаде низкая трудовая дисциплина, рабочий день членов бригады не уплотнен, люди занимаются спекуляцией, бригадир тов. Гапштейн не пользуется авторитетом. Кроме того, тов. Гапштейн встал на путь обмана государства. При наличии 2 квитанционных книжек в рабочих сведениях квитанции № 20 и 49 встречаются три раза. После утверждения рабочих сведений тов. Гапштейн неоднократно исправлял их в сторону увеличения произведенной работы. Так 31 марта, уже после предупреждения т. Гапштейна политруком и секретарем партбюро, тов. Гапштейн переправил в рабочих сведениях цифру 15 на 45. Это свидетельствует о том, что т. Гапштейн начал заниматься антигосударственными махинациями.
<...>
2. Тов. КАСАТКИН (политрук отряда): Как бригадир тов. Гапштейн очень плохо руководит своей бригадой. В то время как у нас не хватает людей для сортировки и укладки спецдревесины на лесобирже, члены бригады т. Гапштейна имеют простой и неуплотненный рабочий день. Тов. Гапштейн проявил и нечуткость к людям. Члена своей бригады Фишбаха он записал отказчиком вместо того, чтобы с санкции начальника колонии дать ему законный выходной день. Такого бригадира члены бригады не будут уважать и не будут его слушать. Тов. Гапштейн и как агитатор работает плохо и сам поддался на провокацию — начал приписывать в рабочих сводках фактически не произведенную работу. Тов. Гапштейн не может дальше работать бригадиром.
5. Тов. ТАШКЕ: Тов. Гапштейн плохо выполнял свои обязанности бригадира. Производительность труда бригады снижается, рабочий день не уплотнен, бригадир не имеет авторитета в бригаде. Как агитатор тов. Гапштейн не боролся за лучшую работу бригады, против фактов спекуляции, за твердую трудовую дисциплину. Как коммунист т. Гапш-

тейн не вскрывал незаконные действия заключенного нач. станции, а сам встал на путь обмана государства. Считаю, что тов. Гапштейна надо снять с поста бригадира и объявить ему выговор за незаконную приписку в рабочих сведениях фактически не произведенной работы.
<...>

(ГА СПИ КО. Ф. 5991. Оп. 1. Д. 350. Л. 78)

Документ 92

ПРОТОКОЛ № 8
открытого комсомольского собрания
первичной комсомольской организации 12 ЛЗО
Вятлага НКВД
от 28 сентября 1942 года

ПРИСУТСТВОВАЛО: 30 членов ВЛКСМ и 15 человек несоюзной молодежи.

ПОВЕСТКА ДНЯ: Доклад секретаря комсомольского комитета тов. Гиронимус «О роли молодежи в предоктябрьском социалистическом соревновании».

СЛУШАЛИ: Доклад Гиронимус:

25 лет в нашей стране существует советская власть. Более двух десятилетий наш советский народ создавал себе счастливую жизнь, а на 24-м году кровавый фашизм послал свои германо-итальянские орды в пределы нашей священной советской земли, чтобы навсегда приостановить бьющую ключом жизнь, отнять у советских народов счастье.

Враг вероломно напал на нашу родину и захватил большую часть ее территории, временно хозяйничает, издевается над населением советских районов. Концентрируя остаток резервов, оголяя свой Запад, продолжает рваться к жизненным центрам нашей Родины. Но свободолюбивый советский народ, крепко любящий свою Родину-мать, грудью встал на защиту ее. Показывая образцы героизма на фронте и трудовой героизм в тылу, советские патриоты с каждым часом приближают разгром и окончательное уничтожение немецко-фашистских захватчиков.

Во имя этого разгрома, патриоты советского тыла летом этого года развернули Всесоюзное соцсоревнование. Вместе со всем советским народом и наш отряд в этом соцсоревновании добился значительных успехов (систематическое перевыполнение месячных планов). Этому, конечно, во многом способствовал честный труд наших молодых трудармейцев. (Говорит о хорошей работе членов комсомольско-молодежных бригад, указывая на работу лучших бригад и членов их. — *В.Б.*)

Но за последние дни заметно некоторое ослабление в работе, вызванное наличием элементов самоуспокоенности. Наблюдается снижение производительности труда.

<...>

(Докладчик далее подвергает критике еще «ряд товарищей». — *В.Б.*)

<...>

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ.

1. Тов. КАСАТКИН (политрук): Молодежь 12-го ЛЗО на деле показала свою преданность социалистическому Отечеству, за что ей было дано рапортовать II партконференции Вятлага о своей работе. Но не все еще честно трудятся. Имеются даже дезертиры с трудового фронта. Тов. Касаткин призывает молодежь к активному участию в предоктябрьском соревновании, за укрепление трудовой дисциплины, за повышение революционной бдительности.

<...>

3. ФЕЛЬДЕ Б.: 10-я комсомольская молодежная бригада включилась с 27 сентября в предоктябрьское соцсоревнование и единодушно решили сделать подарки для бойцов Красной Армии к 25-летию Октября.
4. ШМИДТ Ф.: Члены 18-й комсомольской молодежной бригады горячо приветствовали предложение об организации предоктябрьского соцсоревнования и включились в это соревнование. Мы также посылаем подарки для героических защитников нашей социалистической Родины.
5. ГАЛЬМАН: Говорит о необходимости усиления политической агитации среди молодежи.

<...>

(ГА СПИ КО. Ф. 5991. Оп. 1. Д. 255. Л. 15)

Документ 3

ПРОТОКОЛ № 6
закрытого комсомольского собрания
первичной организации ВЛКСМ 12-го ЛЗО
от 15 октября 1942 г.

ПРИСУТСТВОВАЛО: 30 комсомольцев.

<...>

2. СЛУШАЛИ: О поведении комсомольца Блюм Карл Филипповича, член ВЛКСМ с ____ года, № комсомольского билета _____, образование _____.

ИНФОРМАЦИЯ тов. ГИРОНИМУС:

Тов. Блюм за время пребывания в отряде проявил себя исключительно с отрицательной стороны. С первого же дня стал работать плохо, нормы выполнял от 13 до 22 процентов, в апреле с.г. совершил умышленный поруб руки. Блюм имеет ряд отказов от работы. Только в сентябре он трижды отказался, дважды сидел на гауптвахте. Своей плохой работой он себе не обеспечивал необходимое питание и довел свой организм до истощения. Тов. Блюм также не участвует в комсомольской жизни: в течение 11 месяцев не платил взносы, за все время не присутствовал ни на одном комсомольском собрании. Комсомольский комитет поэтому нашел, что Блюм К.Ф. недостоин высокого звания члена ВЛКСМ.

ОБЪЯСНЕНИЕ т. БЛЮМ:

Я делаю все, что в моих силах, но меня бригадир Вольф старается угробить, он мне недодает хлеб, мною заработанный.

ВОПРОС: К кому обращался с жалобой?

ОТВЕТ: Ни к кому, потому что все меня считают лодырем.

ВОПРОС: Почему 11 месяцев не платил взносов?

ОТВЕТ: Не было денег.

ВОПРОС: Как вы себе порубили руку?

ОТВЕТ: Руку порубил неумышленно.

ПРЕНИЯ:

1. ШМИДТ И.И.: Рассказывает, что Блюм, находясь на п/к «Мурис»; совершенно не работал. Выходил на лесосеку, но работу не выполнял. Предлагает Блюм К.Ф. за саботаж на производстве, за отрыв от комсомольской организации, неуплату комсомольских взносов исключить из рядов ВЛКСМ.

2. ФЕЛЬДЕ А.: Тов. Блюм своим поведением не помогает нашей доблестной Красной Армии в ее борьбе против немецко-фашистских оккупантов и поэтому не достоин быть членом ВЛКСМ.

ПОСТАНОВИЛИ: За саботаж на производстве, отрыв от комсомольской организации, неуплату членских взносов в течение 11 месяцев Блюм Карл Филипповича ИЗ РЯДОВ ВЛКСМ ИСКЛЮЧИТЬ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ: (К. ГААГ)

СЕКРЕТАРЬ: (ЯУК)

(ГА СПИ КО)

Документ 4

ПРОТОКОЛ № 7

закрытого собрания первичной (комсомольской) организации 12 ЛЗО от 17 сентября 1942 г.

ПРИСУТСТВОВАЛО: 39 комсомольцев.

<...>

СЛУШАЛИ: Об утере комсомольского билета тов. Ледерер Андрей Андреевичем, 1914 года рождения, член ВЛКСМ с мая 1938 года, комсомольский билет № 3986396.

ИНФОРМАЦИЯ тов. ГИРОНИМУС:

Комсомолец Ледерер А.А. до сентября с.г. не платил членские взносы, я его вызывал, и оказалось, что он с момента переселения из Республики Немцев Поволжья (сентябрь 1941 года) не платил членские взносы. Я ему предложил ликвидировать задолженность и включиться в активную работу организаций. Он ответил, что он уже стар для комсомола и что у него нет денег для уплаты взносов. Несколько позже (21 сентября 1942 года) он мне заявил, что у него похитили комсомольский билет и 800 рублей денег. Выяснилось, что он положил комсомольский билет в чемодан, который находился в сушилке казармы. Тов. Ледерер А.А. крайне недисциплинирован. Выяснилось, что он на производстве работает очень пло-

хо. Комитет ВЛКСМ, учитывая все это, решил исключить Ледерер А.А. из рядов ВЛКСМ.

ОБЪЯСНЕНИЕ тов. ЛЕДЕРЕР А.А.: Членские взносы я в последний раз платил в г. Энгельсе. В Минусинске я состоял на учете. Но там, где я работал, не было первичной организации, и поэтому я не платил взносы. Прибыв сюда, меня направили на п/к «Мурис». Там взносы не принимали, а когда меня сюда на штабную перевели, у меня не было денег, чтобы платить. Билет пропал при тех обстоятельствах, о которых доложил т. Гиронимус.

ВОПРОС К ЛЕДЕРЕР: Откуда вы вдруг взяли 800 рублей, ведь у вас не было денег, чтобы уплатить взносы?

ОТВЕТ: Я получил посылку и продал табак и крупу.

ВОПРОС т. ГИРОНИМУСА: Почему же вы мне говорили, что это вы из Энгельса получили подъемные, а теперь говорите, что продали табак и крупу?

ОТВЕТ: Подъемные я получил 120 рублей.

ПРЕНИЯ:

1. КНАУБ: Вполне ясно, что Ледерер сам не желает состоять в комсомоле, он злостно нарушает Устав ВЛКСМ, не платил взносы больше года, занимается спекуляцией, у него похитили, благодаря его халатности, комсомольский билет, а может быть, билет попал в руки к классовому врагу. Ледерер нельзя больше доверять комсомольский билет. Я предлагаю исключить его из рядов ВЛКСМ.

ПОСТАНОВИЛИ: За преступно халатное отношение к хранению комсомольского билета, за неуплату членских взносов в течение одного года, за отрыв от организации, за плохую работу на производстве и за спекуляцию табаком и продуктами питания Ледерер Андрей Андреевича ИЗ РЯДОВ ВЛКСМ ИСКЛЮЧИТЬ.

(ГА СПИ КО. Ф. 5991. Оп. 1. Д. 255. Л. 9)

* * *

Документ 20

Из Мартиролога «Немцы в Вятлаге»
(подготовил В.И. Веремьев)

БЕРГЕР

Франц Францевич.

Родился в 1900 г. в городе Баль (Галле/?/) (Германия), немец, гражданин Германии, из рабочих, образование среднее, член Коммунистической партии Германии, слесарь-инструментальщик, женат, место жительства до ареста: Россия, город Москва, улица Горького, дом 36, подвергнут 10.12.1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР за «контрреволюционную деятельность» к 10 годам лишения свободы, начало срока — 29.07.1937 г., конец срока — 29.07.1947 г., прибыл в Вятлаг 26.12.1940 г. из Бутырской тюрьмы (Москва), приговорен 28.11.1941 г. постоянной сессией

судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 10—2, 58 пункт 11 и 58 пункт 14 с карательной санкцией статьи 58 пункт 2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией личного имущества, умер (до приведения приговора в исполнение) 10.04.1942 г., 5-й лагпункт, станция Лесная, архивное личное дело — № 35393.

БЕТХЕР
Вальтер Карлович.

Родился в 1911 г. в городе Берлин (Германия), немец, гражданин Германии (эмигрант с 1935 г.), из рабочих, образование среднее, член Коммунистического союза молодежи Германии, член Коммунистической партии Германии(?), слесарь-инструментальщик завода имени Орджоникидзе (Москва), место жительства до ареста: Россия, город Москва, Шмидтовский проезд, дом 9, корпус 21, квартира 73 (71/?/), женат(?), подвергнут 27.12.1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР за «контрреволюционную деятельность» к 10 годам лишения свободы, начало срока — 27.08.1937 г., конец срока — 27.08.1947 г., отбывал наказание в Сиблаге (Новосибирская/Кемеровская область) и в Локчимлаге НКВД СССР (Коми АССР), прибыл в Вятлаг 26.12.1940 г. из Бутырской тюрьмы (Москва), специальное указание: «категория трудопригодности — тяжелый физический труд», трудоиспользовался на общих работах (8-й отдельный лагпункт, штабелевка, окорка и разделка древесины), приговорен 28.11.1941 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 10—2 и 58 пункт 11 с карательной санкцией статьи 58 пункт 2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией личного имущества, умер (до приведения приговора в исполнение) 08.05.1942 г. от воспаления кишечника на почве цинги, 5-й лагпункт, станция Лесная, архивное личное дело — № 35392 (65 листов, фотография).

БОНЗАК
Эрих (Эрик) Мартинович.

Родился в 1907 г. в городе Гамбург (Германия), немец, гражданин Германии, из рабочих, образование низшее, член Коммунистической партии Германии, шлифовщик, строитель (рабочий), холостой, место жительства до ареста: Россия, Московская область, город Орехово-Зуево, подвергнут 29.12.1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР за «контрреволюционную деятельность» к 8 годам лишения свободы, начало срока — 09.09.1937 г., конец срока — 09.09.1945 г., прибыл в Вятлаг 26.12.1940 г. из Бутырской тюрьмы (Москва), приговорен 28.11.1941 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 10—2, 58 пункт 11 и 58 пункт 14 с карательной санкцией статьи 58 пункт 2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией личного имущества, умер (до приведения приговора в исполнение) 30.04.1942 г., 5-й лагпункт, станция Лесная, архивное личное дело — № 35391.

БОРН

Генрих Павлович.

Родился в 1913 г. в городе Данциг (Гданьск) (Померания — Германия — Польша), немец, гражданин Германии, из рабочих, образование среднее, член Коммунистической партии Германии, служащий (бракер лесоматериалов), место жительства до ареста: Россия, город Москва, улица Горького, дом 36, подвергнут 10.11.1938 г. тройкой при УНКВД по Московской области по статье 58 пункт 6 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы, начало срока — 30.07.1937 г., конец срока — 30.07.1945 г., прибыл в Вятлаг 26.12.1940 г. из Бутырской тюрьмы (Москва), приговорен 28.11.1941 г. постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 10—2, 58 пункт 11 и 58 пункт 14 с карательной санкцией статьи 58 пункт 2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией личного имущества, умер (до приведения приговора в исполнение) 26.05.1942 г., 5-й лагпункт, станция Лесная, архивное личное дело — № 35395.

БРЮН

Густав Германович.

Родился в 1898 г. в городе Гувинен(?) (Германия), немец, гражданин Германии, из рабочих, образование среднее (высшее/?/), член Коммунистической партии Германии, слесарь, место жительства до ареста: Россия, город Москва, Театральный проезд, дом 19, подвергнут 27.12.1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР за «контрреволюционную деятельность» к 10 годам лишения свободы, начало срока — 02.08.1937 г., конец срока — 02.08.1947 г., прибыл в Вятлаг 26.12.1940 г. из Бутырской тюрьмы (Москва), приговорен 28.11.1941 г. судебной коллегией по уголовным делам постоянной сессии Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 10—2, 58 пункт 11 и 58 пункт 14 с карательной санкцией статьи 58 пункт 2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией личного имущества, отправлен 15.08.1942 г. за пределы Вятлага — для приведения приговора в исполнение, адрес этапирования не обозначен, личное дело заключенного — № 35392 (в архиве Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ — отсутствует).

КЕРН

Георгий Георгиевич.

Родился в 1898 г. в городе Вайнфельде (Вайсенфельс/?/) земли Саксония(?) (Германия), немец, гражданин Германии, из рабочих, образование среднее, член Коммунистической партии Германии(?), слесарь, женат, место жительства до ареста: Россия, город Москва, Туфелев (Тюфелев/Автозаводский 1-й/?/) проезд, дом 7, подвергнут 27.10.1937 г. Особым совещанием при НКВД СССР за «контрреволюционную деятельность» к 10 годам лишения свободы, начало срока — 17.06.1937 г., конец срока — 17.06.1947 г., прибыл в Вятлаг 26.12.1940 г. из Бутырской тюрьмы (Москва), приговорен 18.11.1941 г. постоянной сессией судебной коллегии по

уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге по статьям 58 пункт 10—2, 58 пункт 11 и 58 пункт 14 с применением санкций по статье 58 пункт 2 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией личного имущества, умер (до приведения приговора в исполнение) 29.04.1942 г., 5-й лагпункт, станция Лесная, архивное личное дело — № 35400.

* * *

Копия
№ 865

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

28 ноября 1941 года Судебная Коллегия по уголовным делам Постоянной Сессии Облсуда при Вятлаге НКВД в составе председательствующего Кодочигова, народных заседателей Свинцова и Куляшова, при секретаре Синкиной, рассмотрев в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению КЕРН Георгия Георгиевича с 1893 года рождения, уроженец гор. Вафсенфельс, Германия, по национальности немец, б/парт., германский подданный, из рабочих, женат, со средним образованием, по профессии слесарь, судимый в 1937 г. Особым Совещанием НКВД СССР за контр-революционную деятельность к десяти годам л/свободы. Меру наказания отбывает на 8-м л/п Вятлага НКВД.

2) БОРН Генрих Павлович с 1913 г.р., уроженец города Дандига, Германия, по национальности немец, германский подданный, из рабочих, со средним образованием, бывш. член КПГ, судим в 1938 году за контр-революционную деятельность Особым совещанием НКВД на 8 лет л/свободы. Меру наказания отбывает на 8-м лагпункте Вятлага НКВД.

3) БЕРГЕР Франц Францевич с 1900 года рождения, уроженец г. Галле, Германия, по национальности немец, германский подданный, из рабочих, инструментальщик, б. член КПГ, женат, судим Особым совещанием НКВД к 10 годам ИТЛ, меру наказания отбывает на 8-м лагпункте Вятлага НКВД.

4) БРЮН Густав Германович с 1898 года рождения, уроженец города Гувенин, Германия, по национальности немец, германский подданный, из рабочих, бывший член КПГ, по профессии слесарь, с высшим образованием, судим в 1938 году Особым совещанием НКВД СССР за контрреволюционную деятельность к 10 годам ИТЛ, наказание отбывает на 8-м лагпункте Вятлага НКВД.

5) БОНЗАК Эрик Мартынович с 1907 года рождения, уроженец города Гамбурга, по национальности немец, германский подданный, из рабочих, по профессии строительный рабочий, бывший член КПГ, холост, судим в 1937 г. Особым совещанием НКВД СССР за контрреволюционное преступление к 8 годам л/свободы. Меру наказания отбывает на 8-м лагпункте Вятлага НКВД.

Все обвиняются по ст.ст. 58—10 ч. II 58—11 и 58—14 УК РСФСР.

6) БЕТХЕР Вальтер Карлович с 1911 года рождения, уроженец города Берлина, по национальности немец, германский подданный, из рабочих, по профессии слесарь, инструментальщик, со средним образованием, холост, бывший член КПГ, судим в 1937 году Особым Совещанием НКВД СССР за контр-революционную деятельность к 10 годам л/свободы. Меру наказания отбывает на 8-м лагпункте Вятлага НКВД, обвиняется по ст.ст. 58—10 ч. II и 58—11 УК РСФСР.

Выслушав объяснение обвиняемых, проверив и обсудив материалы предварительного и судебного следствия, Судебная коллегия по уголовным делам находит преступление доказанным в том, что обвиняемые КЕРН, БОРН, БЕРГЕР, БРЮН, БЕТКЕР и БОНЗАК, отбывая меру наказания за контр-революционное преступление на 8-м лагпункте Вятлага НКВД, будучи враждебно настроены по отношению к советской власти, начиная с марта месяца 1941 г. систематически проводили контр-революционный саботаж коллективно, за исключением БЕТХЕР, отказывались от выхода на работу, требуя отправки их в Германию. Кроме того, все участники антисоветской группы в количестве шести человек проводили активную организованную антисоветскую деятельность под руководством КЕРН. Ставили своей задачей проведение контрреволюционной агитации среди заключенных контр-революционного саботажа. Все участники антисоветской группы проводили антисоветские сборища, на которых обсуждали контр-революционные вопросы, вели антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера. Восхваляли германский фашизм, предсказывая неминуемую гибель Советской власти в войне СССР с Германией.

Обвиняемый БЕРГЕР Ф.Ф. в предъявленном ему обвинении виновным себя признал полностью. Обвиняемые КЕРН Г.Г., БОНЗАК Э.М., БОРН Г.П. и БРЮН П.Г. виновными себя признали частично, а обвиняемый БЕТКЕР В.К. предъявленное ему обвинение полностью отрицает. Но виновность всех обвиняемых полностью доказана материалами дела, свидетельскими показаниями как на предварительном, так и на судебном следствии. Исходя из изложенного, квалифицируя преступление КЕРН Г.Г., БОРН Г.П., БЕРГЕР Ф.Ф., БРЮН Г.Г. и БОНЗАН ст.ст. 58—10 ч. II, 58—11 и 58—14 УК РСФСР, а БЕТХЕР В.К. ст.ст. 58—10 ч. II и 58—11 УК РСФСР, судебная коллегия, руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛА:

КЕРН Георгия Георгиевича, БОРН Генриха Павловича, БЕРГЕР Франца Францевича, БРЮН Густава Германовича, БОНЗАК Эриха Мартыновича и БЕТХЕР Вальтера Карловича, на основании ст. 58—10 ч. II и 58—11 УК РСФСР с карательной санкцией ст. 58—2 УК РСФСР подвергнуть к высшей мере наказания — расстрелять, по ст. 58—14 УК РСФСР, за исключением БЕТХЕРА В.К., остальных подвергнуть к высшей мере наказания — расстрелять.

Ранее вынесенные меры наказания всем осужденным поглотить данным приговором и окончательной мерой наказания на основании ст. 49

УК РСФСР считать расстрел, с конфискацией всего принадлежащего личного имущества в доход государства.

Меру пресечения всем осужденным оставить содержание под стражей.

Приговор окончательный, может быть обжалован в судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в течение 72 часов с момента вручения копии приговоров осужденным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ — КОДОЧИГОВ

НАРЗАСЕДАТЕЛИ — СВИНЦОВ И КУЛЯШОВ

(Архив Вятского ИТЛ — Учреждения К-231 — Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Дело № 35392. Л. 5—6)

§ 5. На учете спецпоселения

Довольно скоро (хотя и не сразу) для депортированных немцев был введен режим спецкомендатур. Территориальные отделы трудспецпереселений НКВД-УНКВД приняли их на свое полное «попечение»: учет, регистрация, трудоустройство, заключение хоздоговоров и передача рабочих «контингентов» тем или иным наркоматам, ведомствам и организациям, содействие «мобилизации в трудовую армию», борьба с побегами и прочее...

В 1943 году (на первых порах — в Казахстане и Киргизии, а затем, по приказу НКВД СССР от 22 ноября 1944 года, — и в Сибири) создается дополнительная сеть комендатур — вначале для немцев, а позднее и для «хлынувших» вслед за ними в 1944 году других репрессированных народов. Только в Западной Сибири в этом «злопамятном» году дополнительно открываются 175 спецкомендатур.

Организация и формы работы в спецпоселках были уже давно обкатаны «органами». Штаты сотрудников этих советских резерваций определялись по следующим нормативам: один комендант и один помощник коменданта — на 500 взрослых спецпоселенцев, один надзиратель — на 100—200 человек.

В райгоротделах НКВД предусматривались ставки оперуполномоченных (и их помощников) из расчета: одна ставка — на 2000 взрослых спецпоселенцев (11).

С 27 февраля 1944 года введена в действие инструкция по оперативно-чекистской работе среди спецпереселенцев. Главной опорой комендантам и оперчекистам в этой работе служили старшие «десятидворок», бараков, группы содействия (для борьбы с побегами) и, разумеется, агентурно-осведомительная сеть.

Причем последняя вербовалась не только из среды самих спецпоселенцев, но и из местного населения. По установленным

нормативам один осведомитель должен был «обслуживать» 20—30 семей.

Первостепенными задачами агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев полагались: борьба с побегами и попытками таковых; задержание бежавших; выявление «упаднических и бандитских настроений»; предотвращение и раскрытие уголовных преступлений (убийств, краж и т.п.). Ну и основа основ — содействие «органам» в «выявлении и изъятии из среды спецпоселенцев враждебных элементов (фашистских пособников, предателей, шпионов, антисоветчиков)». Фундамент и главный практический инструмент в этом отнюдь не простом деле — осведомители и агенты. Последние занимались разработкой уже заведенных дел. Причем вся информация от этих людей поступала и фиксировалась только под псевдонимами, например: «Москвич», «Миша», «Стрелок»...

Алгоритм вербовки выстраивался по следующей схеме. Вначале, еще до вербовки, комендантом либо оперуполномоченным тщательно изучались личность «кандидата в негласные сотрудники», его окружение, родственные, дружеские и приятельские связи, настроения. Затем, после личной беседы, комендант (с предварительной санкции начальника районного отделения НКВД-МВД-МГБ) принимал решение о вербовке осведомителя и сообщал об этом последнему, взимая с него соответствующую расписку. О вербовке агента (по аналогичной схеме и после личной беседы с ним) принимал решение районный «спецкомендант» либо сам начальник районного отдела внутренних дел (госбезопасности) — с санкции уже территориального (республиканского, краевого, областного) органа НКВД-МВД-МГБ. Соответственно и работали: напрямую с осведомителями — местные коменданты и чекисты, непосредственно с агентами — районные и городские. Ну а решения о вербовке резидентов (опять же после личных бесед с ними) принимали начальники территориальных органов — с санкции центрального руководства НКВД-МВД-МГБ.

Личные дела осведомителей и агентов хранились в районной спецкомендатуре. В эти дела помещались их подписки о сотрудничестве и подлинники донесений. Выписки из оперативно-агентурных материалов, касающихся конкретных спецпоселенцев, приобщались к личным делам последних.

Встречались местные и районные чекисты со своими «негласными сотрудниками» регулярно и по графику — примерно два раза в месяц. При этом донесения малограмотных «информаторов» фик-

сировались с их слов, но удостоверялись собственноручной подписью «источников».

Исследователь Л. Белковец отмечает: «...В беседах с «негласными сотрудниками НКВД» коменданты и оперработники не должны были допускать «панибратства», неуместных шуток, анекдотов и других несерьезных вещей, приучая их к аккуратности, не допускать опозданий на явки. Предписывалось вырабатывать у них выдержку, находчивость, умение конспирироваться в окружающей среде, которая, кстати сказать, заранее квалифицировалась как «враждебная нам среда», формировать такие качества, как «честность», преданность советскому строю и непримиримость к его врагам. Все заподозренные в «двурушничестве» и дезинформации агенты подлежали немедленному исключению из агентурной сети. Если же устанавливалось, что сделано это «со злым умыслом», следовала уголовная ответственность с решением дела в Особом Совещании (ОСО) НКВД». (12)

К великому сожалению, фонды оперативно-чекистских отделов ГУЛАГа, равно как и оперработы всех других «правоприменительных органов» советско-сталинской эпохи (ОГПУ, НКВД, МВД, МГБ, КГБ и т.п.), остаются по сей день и, очевидно, останутся на многие последующие годы недоступными для исследователей.

Между тем менталитет, настроения спецпоселенцев зафиксированы «негласными сотрудниками» этих «органов» довольно точно и объективно. Они (что немаловажно) передают и характерные особенности живой речи людей того времени. Недовольство советской властью, лично Сталиным, собственным бесправием, неустроенным бытом, тотальной подпиской на облигации Государственного займа и т.д. и т.п. — все это в изобилии присутствует в агентурных сводках. Остается надеяться, что этот, остающийся пока вне научного обихода, слой архивных документов послужит ценнейшим источником для будущих поколений историков...

* * *

Среди доступных нам ныне архивно-документальных источников особый интерес представляют личные дела немцев-спецпоселенцев. Материалы этих дел, как правило, типологичны. В каждом из них (за редкими исключениями) имеются 8 обязательных документов. Прежде всего — это личная анкета спецпоселенца. Она состоит из 21 вопроса биографического характера. По сути, человек «привязывался» к определенному гулаговскому «контингенту»

(либо «подконтингенту») просто на основании фактов своей биографии — маленькой частицы исторической судьбы всего народа российско-советских немцев. Особый интерес для «органов» представляли сведения о родственниках. Отсюда можно было «выявить порочащие связи», получить «ценную информацию» о тех, кто ранее сумел проскочить сито всеобщей депортации, но теперь мог быть взят на учет спецпоселения.

Второй обязательный документ — справка-основание содержания на учете спецпоселения (со ссылкой на соответствующие директивные решения высших властных инстанций). Этим «вердиктом», собственно, и определялось, к какому именно контингенту (подконтингенту) «спецнаселения» должно быть отнесено конкретное лицо: «местные немцы», «выселенные», «мобилизованные», «репатриированные».

Далее следует автобиография спецпоселенца, а за ней — четыре одинаковые по форме расписки. Три из них последовательно удостоверяют, что «специмярек» был ознакомлен:

— с Постановлением Совнаркома СССР от 8 января 1945 года;

— с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года;

— с постановлениями 1954 года, дававшими спецпоселенцам право проживания внутри регионов обязательного поселения и более свободного передвижения по стране (в служебные командировки и в некоторых других случаях).

Четвертая расписка свидетельствует о том, что спецпоселенцу «сообщено об освобождении его от учета поселения» — с запретом возвращения на родину (в места, откуда он был депортирован) и отказом в возмещении (как сейчас говорят — реституции) конфискованного у него имущества.

Все эти расписки «отбирал» сам комендант (либо лицо, его замещающее), оставляя при этом официальный автограф.

И последний, восьмой документ обязательного раздела — регистрационный лист (или карточка учета) спецпоселенца, где он обязан был ежемесячно расписываться при личной явке в комендатуру.

Во второй части (разделе) личных «спецдосье» помещались всякого рода привходящие документы: заявления-уведомления об изменениях в составе семьи (рождение детей, смерть родственника, заключение брака, воссоединение супругов и т.п.), о событиях в личной жизни (уход в отпуск, выезд за пределы комендатуры и т.д.),

обращения в различные инстанции (в основном к депутатам Верховного Совета СССР), а также другие канцелярские «материалы». Здесь же — копии приказов (или выписки из них) о наказаниях и поощрениях. Словом, в этом разделе мы находим более индивидуализированные первоисточники, позволяющие детальнее проследить судьбу человека на спецпоселении.

* * *

Особенно пристально, буквально под лупой, «органы» исследовали биографические данные немцев-репатриантов, вернувшихся (или возвращенных) в СССР после проживания на ранее оккупированных территориях либо за границей. В первые послевоенные годы по всей стране развернулась настоящая охота за «лицами немецкой национальности», которые в силу тех или иных обстоятельств не были ранее поставлены на учет спецпоселения либо уклонились от такого учета. Ни изменения паспортных данных (фамилии, национальности), ни перемена места жительства в таких условиях, как правило, не спасали. Органы НКВД-МВД-МГБ тотально контролировали все наличное население — как внутри страны, так и в ближайших к ней пределах. «Ускользнуть» из-под этого контроля (да и то лишь на какое-то время) удавалось немногим. Сеть невода оперативного надзора имела очень мелкую ячею — для человека она была непроницаема. Все население страны «процеживали» сквозь эту сеть — и неоднократно... (см. Приложение).

Никаких исключений из общего порядка не предусматривалось.

Вот, например, документальный отпечаток еще одной судьбы. Герасимова Ида Михайловна (немка, русская фамилия — по мужу). 1870 года рождения, из Пскова (где остался ее сын, по паспорту — русский). Основная специальность — вышивальщица. В 1949 году водворена на спецпоселение в Кировскую область — «как лицо немецкой национальности». В свои 79 лет отправлена на самый север области — в поселок «Рудник» Кайского района (ныне поселок Рудничный Верхнекамского района), где и находилась до 1955 года «на иждивении сестры». В том же году передана в спецпоселенческий дом инвалидов «Осиновский», откуда и была «освобождена» — в 86 лет, беспомощной старухой...

* * *

В стране «пролетарского интернационализма» на первых ее порах заключалось немало смешанных браков. В определенном

смысле и до некоторых времен это даже считалось своего рода «хорошим тоном». Но в военные и послевоенные годы такие семьи насильственно разрывали. Именно о такой ситуации повествует нижеследующий документ, утвержденный, как и положено, начальником УМГБ по Кировской области и завизированный областным прокурором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1951 года, июля 31 дня город Киров

Я, ст. уполномоченный 9 отдела Управления МГБ по Кировской области лейтенант СОЗИНОВ, рассмотрев имеющиеся в 9 отделе УМГБ материалы на —

ВЕБЕР Андрея Андреевича, 1920 года рождения, уроженца села Кепеталь (Кеппенталь. — *В.Б.*), Лизандакейского района (Лизандергейского — Куккусского кантона. — *В.Б.*), Саратовской области (АССР немцев Поволжья. — *В.Б.*), образование высшее, немца, гражданина СССР, женатого, жена — Пономарева Мария Павловна, 1917 года рождения, русская, дочь — ВЕБЕР Капиталина 14 лет, Зоя 6 лет, сын Валерий 4 лет, дочь Альвина 1951 года рождения.

Проживает в Подосиновском районе, Кировской области, работает бухгалтером в леспромхозе.

НАШЕЛ:

ВЕБЕР Андрей Андреевич в 1941 году, как лицо немецкой национальности, из Саратовской области был выселен в Алтайский край, где состоял на учете спецпоселения, откуда 13 февраля 1942 года Алтайским Райвоенкоматом был мобилизован для работы в промышленности и направлен в гор. Котлас Архангельской области, где на основании директивы МВД СССР № 68 от 2 марта 1946 года был закреплен за строительством на положении спецпоселенца.

15 мая 1947 года ВЕБЕР А.А. Севжелдорлагом МВД был направлен в распоряжение начальника Верховинского отдельного лагерного пункта Севжелдорлага МВД, куда не явился, а прибыл в гор. Лузу Кировской области к месту жительства жены Пономаревой М.П., а затем проживал в Подосиновском районе, работал заведующим биржей лесозаготовительной конторы на ст. Пинюг.

На учет спецпоселения не встал.

19 мая 1949 года Отделом ББ УМВД по Кировской области ВЕБЕР А.А. был арестован и этапирован в распоряжение Севжелдорлага МВД, для привлечения его к уголовной ответственности за побег с места поселения.

Севжелдорлагом МВД 12 июля 1949 года следственное дело № 6977 по обвинению ВЕБЕР А.А. было направлено на рассмотрение Особого Совещания при МВД СССР.

По указанию секретариата Особого Совещания дело следствием первым отделом Севжелдорлага МВД было прекращено.

ВЕБЕР А.А. был направлен на прежнее место жительства в Подосиновский район Кировской области.

Родители ВЕБЕР А.А. умерли.

Учитывая, что ВЕБЕР Андрей Андреевич в 1941 году из Саратовской области как лицо немецкой национальности был выселен на спецпоселение в Алтайский край, в 1942 году Алтайским Райвоенкоматом мобилизован на работу в промышленность и направлен в Севжелдорлаг МВД, где находился на положении спецпоселенца,

ПОЛАГАЛ БЫ:

ВЕБЕР Андрея Андреевича, 1920 года рождения, как лицо немецкой национальности, взять на учет спецпоселения и водворить в одну из спецкомендатур МГБ Кировской области.

Настоящее заключение вместе с материалами проверки направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР, для вынесения решения о взятии ВЕБЕР А.А. на учет спецпоселения.

СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 9 ОТДЕЛА
УМГБ ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
лейтенант (СОЗИНОВ)
«СОГЛАСЕН»
НАЧАЛЬНИК 9 ОТДЕЛА УМГБ
ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
подполковник (ШАНИН)

(ГА СПИ КО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 517. Л. 12—13)

* * *

Передвижения людей по стране (например, их приезд к родственникам после долгих лет вынужденной разлуки) неутомимые оперативно-чекистские «органы» использовали для выявления и водворения на спецпоселение все новых и новых «лиц немецкой национальности», казалось бы, спокойно живших после войны. Ощущения этих людей, оказавшихся объектом охоты на территории всей огромной Советской державы, передать обычным повествованием затруднительно. Обратимся вновь к документам.

Перед нами трагедия еще одной семьи. Муж, судя по всему, погиб в лагере. Жена — выселена из Москвы в Казахстан. Сын получил в тяжком 1936 году лагерный срок по злополучной 58-й статье (как «контрреволюционер»), а в военные годы находился в «трудармии». Затем — нескончаемая череда послевоенных мытарств и безуспешные попытки укрыться от новых репрессий. Карающая чекистская секира настигла эту семью в городе Кирове — в 1951 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(о взятии на учет спецпоселения)

1951 года, сентября 27 дня город Киров

Я, ст. оперуполномоченный 9-го отдела Управления МГБ по Кировской области лейтенант СОЗИНОВ, рассмотрев имеющиеся в 9-м отделе УМГБ материалы на немцев —

РЕЧ Алину Карловну, 1883 года рождения, уроженку гор. Москвы, беспартийную, образование 7 классов, гражданку СССР, и ее сына — РЕЧ Николая Васильевича-Вильгельмовича, 1915 года рождения, уроженца гор. Москвы, беспартийного, образование незаконченное высшее — медицинское, гражданина СССР, судимого по ст. 58—10 УК РСФСР, семейного, на иждивении имеет дочь и мать.

РЕЧ работает в областной конторе Госбанка механиком по ремонту счетно-пишущих машинок, проживает в г. Кирове.

НАШЕЛ:

РЕЧ Алина Карловна в 1941 году, как лицо немецкой национальности в соответствии приказа НКВД СССР № 001237 от 6 сентября 1941 года из гор. Москвы была выселена в Осокаровский (Осакаровский. — *В.Б.*) район Карагандинской области и где была взята на учет спецпоселения.

В 1947 году по разрешению УМВД Карагандинской области РЕЧ А.К. из Осокаровского района прибыла на соединение к сыну РЕЧ Николаю Васильевичу-Вильгельмовичу в Верховинский (ныне Юрьянский. — *В.Б.*) район Кировской области, на учет спецпоселения не встала.

В 1948 году вместе с сыном РЕЧ Н.В.-В. переехала на жительство в город Киров, где и проживает в настоящее время.

В 1950 году Осокаровским РО МВД Карагандинской области РЕЧ А.К. была объявлена в местный розыск, как не прибывшая к новому месту поселения, которая была установлена проживающей в г. Кирове.

Ее сын РЕЧ Николай Васильевич-Вильгельмович в ноябре 1936 года Спецколлегией Московского Горсуда был осужден по ст. 58—10 ч. 1 и 2 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ и поражению в правах на 3 года.

Определением Верховного Суда СССР от 02.10.1939 года срок наказания ему был снижен до 3 лет ИТЛ с поражением в правах на 2 года.

В ноябре месяце 1939 года РЕЧ Н.В.-В. срок наказания отбыл и остался работать по вольному найму в Каргопольлаге НКВД (Архангельская область), где проработал до февраля 1942 года в качестве медицинского работника.

В феврале 1942 года РЕЧ Н.В.-В. Коношским райвоенкоматом Архангельской области был призван в Советскую армию, службу проходил в 128-м отдельном стрелковом батальоне, дислоцировавшемся в предместье гор. Архангельска.

В октябре 1942 года из армии был отчислен по национальному признаку и мобилизован на трудовые работы, после чего был направлен на положение трудармейца в Севжелдорлаг НКВД г. Котлас Архангельской области, где и был взят на учет спецпоселения.

В 1947 году РЕЧ Н.В.-В. по разрешению Севжелдорлага МВД был отпущен на правах спецпоселенца в Алтайский край, но РЕЧ Н.В.-В. в Алтайский край не поехал, разрешение, выданное Севжелдорлагом МВД, уничтожил и выехал в г. Киров, где и проживает в настоящее время, на учет спецпоселения не встал.

Муж РЕЧ А.К. — РЕЧ Вильгельм Робертович, 1879 года рождения, по национальности немец, осужден Военным Трибуналом В/НКВД Татарской АССР 17.12.1941 года по ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ.

Местонахождение его в настоящее время не известно.

В 1947 году РЕЧ А.К. и РЕЧ Н.В.-В. при получении паспортов свою принадлежность к немецкой национальности скрыли, присвоив себе национальность латыши.

Произведенной проверкой установлено, что они являются по национальности действительно немцами (л.д. 23—33).

Учитывая, что РЕЧ Алина Карловна на основании приказа НКВД СССР № 001237 от 06.09.1941 года из г. Москвы была выслана в административном порядке и состояла на учете спецпоселения в УМВД Карагандинской области и ее сын РЕЧ Николай Васильевич-Вильгельмович в 1947 году как трудармеец был взят Севжелдорлагом МВД на учет спецпоселения и руководствуясь директивой 9-го Управления МГБ СССР № 9/5—3773 от 10 мая 1951 года, —

ПОЛАГАЛ БЫ:

РЕЧ Алину Карловну, 1883 года рождения, и РЕЧ Николая Васильевича-Вильгельмовича, 1915 года рождения, взять на учет спецпоселения и водворить в одну из спецкомендатур УМГБ Кировской области.

Настоящее заключение вместе с материалами проверки направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР, для вынесения решения о взятии РЕЧ А.К. и РЕЧ Н.В.-В. на учет спецпоселения.

<...> (13)

* * *

Выселение, «трудовая армия», лагеря и спецпоселения не просто разбили многие немецкие семьи. По сути, они подорвали жизнеспособность народа. С утратой автономии в Поволжье, ликвидацией национальных районов и сельсоветов в других регионах страны практически погибли структурообразующие и культуроносные институты этноса российских немцев: национальные школы, периодика, книгоиздание, театр, сельские и городские традиции, народные обычаи и обряды. Этнос, распыленный по лесам Урала и Сибири, по степям Казахстана и пустыням Средней Азии, ли-

шился очень важных нравственных опор. И тем не менее некоторые черты немецкого менталитета все-таки сохранились: приверженность к порядку, особому стилю поведения, строю внутренней жизни.

В определенной мере такого рода процессы шли в среде и любого из других «наказанных народов»...

* * *

Суровый век, сверхжестокая власть, военные ветры выбивали из традиционной жизненной колеи миллионы людей. Проследим по документам еще одного личного дела перипетии судьбы простого немца — в эпоху великих социальных катаклизмов и невиданных гуманитарных катастроф.

Иван Андреевич Вотчал, уроженец Украины, спецпоселенец. Состоял на учете спецкомендатуры № 8 (станция Луза Кировской области) с 24 сентября 1954 года.

Как обозначено в спецпоселенческой справке, «...Вотчал И.А. прибыл из мест заключения как лицо немецкой национальности и оставлен навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возврата к прежнему месту жительства».

Из анкеты героя нашего повествования явствует: родился он в 1915 году в селе Зеленовка Черниговской области, по национальности — немец, а вот родной язык — украинский.

Гражданин СССР, беспартийный.

Образование — 3 класса начальной школы.

Основная специальность — плотник.

Место работы на спецпоселении — Лузский лесозавод, должность — рабочий.

Жена — Елена Андреевна, 1919 года рождения, также состоит на спецучете (как ссыльная) и работает на лесозаводе.

Две дочери — София и Магдалина — на учете ссыльных пока не состоят (по малолетству).

Отец И.А. Вотчала — Андрей Андреевич, 1887 года рождения, работает здесь же, в Лузе, на лесозаводе и состоит на учете ссыльных. Отдельно проживает в этом поселении также находящаяся на спецучете сестра Ивана Адреевича — Мария Андреевна. Сам же И.А. Вотчал, судя по его анкетным данным, в 1937—1939 годах служил в Красной Армии. В плену и за границей не был, но с октября 1941 года по сентябрь 1943 года (до освобождения Черниговщины)

жил на оккупированной территории. В апреле 1944 года мобилизован в «трудовую армию» и направлен в город Челябинск.

Как мы знаем, положение «трудармейцев» в лагерях и на стройках НКВД-МВД СССР было весьма и весьма «скользким и шатким»: для того чтобы превратиться здесь в заключенного, вполне хватало совершенного пустяка — критического высказывания о власти, опоздания на работу, невыполнения производственной нормы и т.д. и т.п. Нечто подобное, в общем-то, и произошло в рассматриваемом нами конкретном случае: 23 ноября 1945 года военным трибуналом войск НКВД Уральского округа «трудармеец» Вотчал И.А. был осужден по «политической» статье (пункт 1-а статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР — «измена Родине») на 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях и 5 лет последующего поражения в правах.

Отдав 9 лет «бесплатного» труда «родному» Советскому государству, освободился Иван Андреевич из-под стражи («по отбытии срока наказания и с применением зачета рабочих дней») только 15 сентября 1954 года и сразу же прибыл к своей семье — в Лузу.

Здесь он сразу же дает местному коменданту стандартную расписку, в которой без обиняков говорится, что «...Вотчалу И.А. на новом месте жительства (спецпоселок «Новый путь», город Луза) предоставлено право проживать по месту работы в Кировской области — при условии, что он будет заниматься общественно-полезным трудом, не будет нарушать режим и общественный порядок в местах поселения».

В соответствии с этой же распиской Вотчалу И.А. надлежало «при временных выездах» оповещать об этом «органы МВД». Ну и завершалось это «свидетельство на бесправие» предупреждением, что «за самовольный побег с места обязательного поселения он (Вотчал И.А.) будет привлечен к уголовной ответственности».

Впрочем, сотрудники упомянутых «органов», поседевшие на службе в них и вникавшие в мельчайшие детали прихотливых судеб своих подопечных, и на сей раз бдительности не утратили, решив уточнить некоторые нюансы правового положения вновь поступившего к ним поднадзорного немца.

Комендант спецпоселка «Новый путь» направляет «по инстанции» (в отдел «П» Кировского областного УМВД) форменный запрос, текст которого следует далее.

01.11.54 г.

Начальнику отделения «П»
УМВД майору Платунову
г. Киров

В отношении правильности взятия на учет Вотчал И.А. у меня имеются сомнения. Вотчал И.А. во время немецкой оккупации проживал по месту рождения, т.е. в селе Зеленовка Черниговской области, и в Германию не вывозился. В апреле 1944 года он Дмитровским РВК был мобилизован в трудовую армию... 23 ноября 1945 года ... осужден по ст. 58—1«а»...

Срок наказания он отбыл 16.09.1954 года с применением зачетов рабочих дней.

Прошу Вашего разъяснения — не подпадает ли он под действие приказа МВД СССР № 00713 от 20.08.1954 года? И таких лиц на учете в спецкомендатуре несколько человек (имеются в виду бывшие «трудармейцы», отбывшие сроки уголовного наказания в лагерях и прибывшие на поселения к своим семьям. — *В.Б.*)».

<...>

По букве существовавшего тогда нормативного порядка, лузский комендант совершенно прав: согласно приказу МВД, на который он ссылается, «трудармейцы», не выселявшиеся до их «призыва» в «трудовую армию», действительно подлежали снятию с учета спецпоселения.

Но в рамках кривозеркального советского «законодательства» сталинской эпохи легко было человека лишить свободы («посадить»), а вот когда речь заходила о возвращении этой свободы, — дело представлялось почти невозможным.

Так оно было и в данном конкретном случае: комендант из Лузы на свой запрос получил из отделения «П» областного УМВД заключение, датированное 20 ноября 1954 года, где разъясняется: «...Вотчал И.А. попадает под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года «О направлении на спецпоселение отбывших наказание заключенных, члены семей которых находятся на спецпоселении», а поэтому, руководствуясь приказом МГБ-МВД СССР № 00374 от 1 апреля 1954 года, полагал бы: Вотчал Ивана Андреевича, 1915 года рождения, взять на учет спецпоселения» (14).

Вопрос решен, и, как видим, отнюдь не в пользу И.А. Вотчала.

Иван Андреевич между тем прилежно трудится, и в 1955 году ему «за добросовестную работу на лесозаводе» предоставлен отпуск — на 20 дней. Ему, согласно личному заявлению, разрешено

выехать в Акмолинскую область Казахстана — навестить брата, с которым не виделись 15 лет.

18 июня того же года Иван Андреевич получил паспорт — сроком на 10 лет, но, разумеется, «без права выезда со спецпоселения». Формально такое право он получил только 11 января следующего — 1956 года. В этот день он дал коменданту еще одну расписку — «согласие» с тем, что «освобождается из спецпоселения без права проживания в Черниговской области, а конфискованное при выселении имущество возвращению не подлежит»...

Спустя некоторое время личное дело спецпоселенца Вотчала И.А. было передано в архив областного УМВД-УВД. Но груз пережитого в лагере и ссылке оставался, надо думать, на плечах, в сердце и душе Ивана Андреевича и всей его семьи еще долгие годы...

* * *

Возвращаясь к реалиям спецпоселений послевоенных лет, еще раз подчеркнем: именно комендант был здесь наделен неограниченным правом карать и миловать, в том числе — давать всякого рода разрешения и «позволения» своим подопечным.

Даже на выезд в райцентр, за несколько километров от поселения, требовалось специальное письменное на то разрешение. Вот образец подобной справки — с грифом районного отдела внутренних дел.

СПРАВКА

Выдана спецпоселенцу поселка № 4 Нагорского района Кировской области ВЕГЕРТ Юлис Ивановичу в том, что ему разрешен выезд в г. Слободской за минудобрением для колхоза. По прибытию в г. Слободской должен явиться для отметки в горотделение МВД. Срок прибытия обратно в с. Нагорское 8 февраля 1954 года.

НАЧАЛЬНИК НАГОРСКОГО РО МВД
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КАПИТАН БЕЛЯЕВ
Печать РО МВД
(для пакетов № 1)
<...>

Комендантом же составлялись (при решении вопроса о воссоединении семей и по другим аналогичным поводам) характеристи-

ки поселенцев. В одной из таких характеристик (Миссаль Эмилия Готлибовна, 1891 года рождения, выселенная из Житомирской области, отправленная в 1948 году «в связи с ужесточением режима содержания» из города Слободского в спецпоселок № 4 и работавшая там в колхозе до 1950 года) читаем: «...С 1950 года по настоящее время (1954 год. — *В.Б.*) нигде не работает в связи с престарелостью. Режим в местах поселения спецпоселенцев соблюдает, на регистрацию является аккуратно, административным взысканиям за данный период не подвергалась.

Комендант спецкомендатуры № 4 Нагорского РО МВД
ст. лейтенант ФИЛИППОВ».

Кстати, по многим письменным обращениям немцев (заявлениям о предоставлении отпуска, просьбам о воссоединении семей и т.п.) отчетливо видно, что в быту, среди домочадцев и соплеменников они общаются только на родном языке. Характерны неправильности речи, германоязычные обороты и т.д. Русским языком они по-прежнему владеют не очень уверенно. А вот их дети, обучающиеся в общих для всех поселенцев школах, говорят и пишут по-русски уже значительно лучше. Поэтому именно детей (в основном старших) и привлекали к написанию «просительных» бумаг всякого рода: в Москву — в Президиум и депутатам Верховного Совета СССР, Генеральному прокурору, а также — областному «начальству» и в другие «инстанции»...

Понятно, что наличие или появление любого «компроментирующего материала» (донесения осведомителя о каком-то «политически сомнительном» разговоре, сведений о репрессированных родственниках, о замечаниях по работе и т.п.) — все это могло стать (и нередко становилось) поводом для отказа спецпоселенцам в их личных и насущных просьбах (о воссоединении семьи, выезде к родным в отпуск и т.д.).

Зачастую же эти просьбы тонули в непреодолимой бюрократической трясине.

Всего один пример. Упоминавшийся уже спецпоселенец Ю.И. Вегерт в декабре 1954 года побывал во время отпуска в Таджикистане — у своей матери. Условия жизни в предгорьях Памира показались ему более благоприятными, чем на Европейском Севере. И по возвращении к месту поселения он не мешкая, 7 января 1955 года, составляет следующее прошение:

«Председателю Президиума
Верховного Совета СССР
гор. Москва
от гражданина
Вегерта Юлиуса Ивановича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я проживаю в Кировской области Нагорского района спецпоселок № 4. Моя мать Вегерт Вильгельмина Павловна, рождения 1887 года, брат и три сестры проживают в Молотобадском (Молотовабадском, затем Пянджском. — *В.Б.*) районе Таджикской ССР в поселке № 6.

Я имею желание вместе семьею переехать в Молотобадский район Таджикской ССР для соединения с матерью и родственниками.

Убедительно прошу Вас разрешить мне с семьею переехать в Молотобадский район Таджикской ССР поселка № 6.

Прошу в просьбе не отказать и надеюсь, что получу от Вас положительный ответ...».

Это заявление переадресовывается из приемной Верховного Совета СССР в отдел спецпоселений МВД, оттуда — в отдел «П» областного УВД, далее — в Нагорский РОВД и наконец возвращается в спецпоселок № 4 — к его коменданту. Бюрократический круг замкнулся.

Очевидно, предвидя такой исход и не дожидаясь его, Ю.И. Вегерт отсылает в Москву второе заявление — тому же адресату и аналогичного содержания. Но и это заявление проделывает путь все по тому же замкнутому бюрократическому кругу — вопрос не решается. Судя по всему, даже в 1955 году немцы еще не понимают и не верят, что их формальное «освобождение» из «спецневоли» уже не за горами. Но — паче чаяний — 2 февраля 1956 года Ю.И. Вегерту объявляют под роспись о снятии с учета спецпоселения, а через две недели — 18 февраля 1956 года — его личное дело сдается в архив.

В стандартном постановлении по этому поводу значится:

«...Комендант спецкомендатуры МВД лейтенант Маринов, рассмотрев материалы личного учетного дела № 739 на спецпоселенца ВЕГЕРТ Юлиуса Карловича, 1925 года рождения,

НАШЕЛ:

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года и приказа МВД СССР № 0601 от 16 декабря 1955 года Вегерт Ю.И. снят с учета спецпоселения и освобожден из-под административного надзора органов МВД как выселенный на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, РЕПАТРИИРОВАННЫЙ ИЗ ГЕРМАНИИ (нужное подчеркнуть), а потому

ПОСТАНОВИЛ:

Личное дело № 739 на Вегерт Юлиуса Ивановича сдать на хранение в архив 1-го спецотдела УМВД Кировской области.

Комендант спецкомендатуры МВД
лейтенант Меринов» (15)

Вот так — росчерком пера лейтенантов спецкомендатур — власти намеревались закрыть черную страницу в истории народа и начать новую, если и не белую, то по крайней мере более светлую. Но открывалась эта новая страница с превеликим, мучительным трудом...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 100

«УТВЕРЖДАЮ»	«СОГЛАСЕН»
Начальник Управления	Прокурор Кировской области
МГБ по Кировской области	Государственный советник
Полковник:	юстиции 3 кл.
(Сысоев)	(Пономарев)
«__ « июля 1951 г.	17 июля 1951 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
(о взятии на учет спецпоселения)

15 июля 1951 года город Киров

Я, старший оперуполномоченный 9 отдела УМГБ по Кировской области лейтенант СОЗИНОВ, рассмотрев имеющиеся в 9-м отделе УМГБ материалы на

ФОЛЬМЕР Елизавету Антоновну, 1925 года рождения, уроженку села Б-Фонтан (Большой Фонтан. — *В.Б.*), Одесского (Ананьевского. — *В.Б.*) района, Одесской области, по национальности немку, гражданку СССР, образование среднее, при ней один ребенок, проживает в Мухинском (Зу-

евском. — *В.Б.*) районе, Кировской области, работает в племсвинсовхозе поваром детдома.

На учете спецпоселения не состоит.

НАШЕЛ:

ФОЛЬМЕР Елизавета Антоновна, весь период оккупации немецкими войсками территории Николаевской области, проживала вместе с отцом ФОЛЬМЕР Антоном Фридриховичем в г. Николаеве, работала у немцев в областном сельхозотделе гебитскомиссариата, в должности секретаря-машинистки.

В 1946 году ФОЛЬМЕР в г. Николаеве вышла замуж за военнослужащего БУХАЛДУ, с которым в 1947 году, в связи с демобилизацией его из армии, выехала на жительство в г. Барнаул, а в 1948 году в Марушинский район, Алтайского края, где проживала до дня ареста мужа, на учете спецпоселения не состояла.

Проживая в Марушинском районе, 3 июля 1948 года получила паспорт, в котором национальность вместо немецкой была указана русская.

В 1948 году, после ареста мужа, ФОЛЬМЕР выехала на жительство в Мухинский район, Кировской области, к своей тете выселенке немке ФОЛЬМЕР Эмилии Фридриховне, где и проживает до настоящего времени.

Отец ФОЛЬМЕР Антон Фридрихович, 1897 года рождения, по национальности немец, уроженец г. Одессы, в период немецкой оккупации Николаевской области проживал в г. Николаеве, работал у немцев зав. областным сельхозотделом гебитскомиссариата.

При освобождении Советской армией г. Николаева, ФОЛЬМЕР выехал вместе с немцами, данных о его местонахождении не имеется.

Мать — ФОЛЬМЕР Фрида Ивановна в 1935 году умерла.

Тетя — ФОЛЬМЕР Эмма Фридриховна, проживает на ст. Юрга, Кемеровской области, состоит на учете в спецпоселении.

Вторая тетя, ФОЛЬМЕР Эмилия Фридриховна проживает в Мухинском районе Кировской области, также состоит на учете спецпоселения.

ФОЛЬМЕР Е.А. свою национальную принадлежность скрыла, паспорт получила с указанием национальности «русская».

Проведенной проверкой установлено, что она по национальности является немка.

О чем ФОЛЬМЕР признала (л.д. 1—2, 5—6). Кроме того, принадлежность ФОЛЬМЕР к немецкой национальности подтверждается документами (л.д. 20) и свидетельскими показаниями (л.д. 41—43, 45—47).

На основании изложенного и руководствуясь указанием 9-го Управления МГБ СССР № 9/5—3773 от 10 мая 1951 года —

ПОЛАГАЛ БЫ:

ФОЛЬМЕР Елизавету Антоновну как лицо немецкой национальности, в период оккупации немцами Украины служившую в немецком учреждении в должности секретаря, взять на учет спецпоселения и водворить в одну из спецкомендатур МГБ Кировской области.

Настоящее заключение вместе с материалами проверки направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР для вынесения решения о взятии ФОЛЬМЕР Е.А. на учет спецпоселения.

СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 9 ОТДЕЛА
УМГБ ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ —
ЛЕЙТЕНАНТ (СОЗИНОВ)
«СОГЛАСЕН»
НАЧАЛЬНИК 9 ОТДЕЛА УМГБ
ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОДПОЛКОВНИК (ШАНИН)

(ГА СПИ КО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 517. Л. 10—11)

* * *

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
Евгения Николаевича МИЛЛЕРА,
1931 года рождения,
уроженца АССР немцев Поволжья.

...В детстве я был ребенком спокойным, задумчивым. Много читал, запоминал прочно, надолго. Казался замкнутым, рассеянным, несобранным, легко ранимым. Младшая сестренка Лиля любила танцевать. Старший брат Альбин готовился поступать в горный институт, а у меня не проявлялось никаких особых задатков. В школе я учился хорошо, но ровно по всем предметам: ни к одному не проявлял повышенного интереса. Летом во дворе выращивал тыкву и лук. Говорили, что я стану агрономом. Так шло время. Приближался 1941 год.

Не помню, думал ли я в детстве о национальности. Жили мы, сколько я помню, всегда среди русских. Дома говорили по-русски, только отец иногда нет-нет да и бросит немецкую фразу. Когда бывали гости и меня, как это водится, расспрашивали о том о сем, я бойко сообщал: «Мама и папа немцы, а я русский!» Мне нравилась эта шутка, потому что гости весело смеялись.

Шутка шуткой, но заложенная в ней мысль несколько десятилетий спустя стала драматической реальностью для нашего почти двухмиллионного народа: по данным переписи 1979 года, ни много ни мало одна треть советских немцев назвали своим родным языком русский. Не скажу, предполагал ли мой отец такое развитие событий, однако в 1937 году он перевел Альбина, который закончил шесть классов немецкой школы, в русскую школу. Альбин не только хорошо овладел русским языком, но и стал одним из лучших учеников школы. Только при математических подсчетах таблицу умножения всегда прошептывал по-немецки. Сам отец кончал немецкую школу, затем немецкое педучилище с отличием, блестяще знал язык: регулярно писал статьи в немецкие газеты. Русским языком тоже владел, говорил свободно, бегло, но с заметным немецким акцентом. Отец считал, что в сложившихся общественных условиях возможности выпус-

ника немецкой школы получить высшее образование были весьма ограничены. Предположения отца полностью оправдались.

Родился я в городе Энгельсе, но мне не было еще и шести лет, когда мы уехали. Помню только, как отец водил нас с братом на Волгу, где я плескался на прибрежном мелководье.

Четкие воспоминания о моем детстве начинаются с Палласовки. Мне шесть лет. Речка — там научился плавать. Школа — туда меня иногда тянуло. Директор — мой отец, Миллер Николай Николаевич. Говорили, что он учитель от Бога. Было непонятно, но чувствовал: что-то хорошее.

Неожиданно все круто изменилось. Мы долго сидели на чемоданах. Отец и мать больше молчали. Спали все на полу. Чего-то ждали. Шел 1937 год.

Целую вечность ехали поездом на север. В Саратове немного пожили у тетки Ксении, маминой сестры. Отцу стоило невероятных усилий получить новое назначение. Пароходом плыли на юг, в село Золотое на Волге. Отца приняли учителем, ютились на частной квартире. Спустя некоторое время — снова директор школы. Переехали в трехкомнатную квартиру на втором этаже бывшего поповского дома: улица Сталина, 39. Рядом на небольшом возвышении — площадь, заваленная битым красным кирпичом. Все, что осталось от церкви. Здесь мы, дети, играли в войну.

...В конце улицы у оврага стояла водонапорная колонка, туда я ходил с немецким коромыслом (сделана выемка для плеч, а ведра на ремнях с железными крючками) за водой: это была моя основная обязанность по дому, чтобы у нас всегда было много воды.

В 1941 году я закончил четвертый класс. Круглым отличником. Альбин — десятый класс на «отлично» и «хорошо»... Лиле в то время шел пятый год.

А отец перед самой войной снова стал кому-то поперек дороги. Ему объяснили ситуацию, предложили уйти подобру-поздорову. Правда, взамен дали на выбор десять районных (кантонных) школ. Родители предпочли город Бальцер (ныне Красноармейск Саратовской области. — *В.Б.*), там жила мамина сестра тетя Ангелика с семьей.

Отец всегда любил повторять: «Вырастим вас, дадим хорошее образование, а мы с мамой будем доживать свой век на мою пенсию». К тому времени его учительский стаж составлял уже 25 лет.

Война началась нежданно-негаданно. Прибежали соседи: «Николай Николаевич, война с Германией!» Отец возразил: «Этого не может быть. У нас с Германией пакт о ненападении на десять лет». Он был глубоко порядочный человек и верил в порядочность других.

Мы с мальчишками целыми днями пропадали на улице. Война нас как будто не касалась. Она была где-то далеко, и нам до нее не было никакого дела, как два года назад, когда воевали с Финляндией. А еще говорили, что доблестная Красная Армия их быстро разгромит.

Шли недели, война продолжалась. Прибежал как-то домой поесть, вижу, мама гладит рубашку Альбина, на глазах слезы. Я сел рядом. Мама сказала: «Альбина вызывают в военкомат».

Жили в тревожном ожидании. Отец уже работал в Бальцере директором русской средней школы № 5. Отправили вещи, уехали мама с Лилей. Мы с Альбином покинули Золотое в конце августа.

В Бальцере мне все понравилось: квартира с двумя просторными комнатами, красивые опрятные дома, школа, где мне предстояло учиться. Только в семье было невесело — ждали повторного вызова в военкомат. Война продолжалась. Отсчет пошел по дням.

Но случилось что-то совершенно невероятное и абсолютно непредсказуемое. 28 августа в местных газетах был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР.

Альбин вырезал текст из указа вначале из немецкой газеты «Нахрихтен» («Известия»), потом из русской газеты «Большевик», они с отцом и мамой много раз его перечитывали, показали и мне, долго обсуждали. Отец всегда приучал нас рассуждать и мыслить логически, хотя вынужден был признать, что иногда логика подводит, как в случае с пактом о ненападении. Но это не от логики, а от пороков людей. Отец говорил тихо, при закрытой двери, Альбин изредка вставлял слово, я слушал затаив дыхание.

Много мне было тогда непонятно, но суть я уловил. Получалось, что указ нелогичный: все отвечают за всех. Если бы было столько шпионов и диверсантов, их бы уже давно пересажали. И вообще, опять же никакой логики: шпионам и диверсантам и всем другим «врагам» Советской власти эта же самая власть «по законам военного времени» обещает пахотную землю и государственную помощь за такие-то черные дела?!

Отец с грустью подвел итог: положение наше незавидное, дрянь наше положение. Это может кончиться полной ассимиляцией. Еще они говорили что-то о Дельвиге, Кюхельбекере, Шмидте и других. Но я это уже плохо понимал, от такого разговора я сильно устал. Его содержание я уяснил значительно позднее, когда отца уже не было в живых.

11 сентября 1941 года нас увозили. Мебель, книги, много утвари, вещей оставили у знакомых, сложили на чердаке. Дали справку, сказали, что на новом месте все вернут. Нам предоставили бричку, запряженную в пару крепких, упитанных лошадей. Возчик был из русских.

Стыдно признаться, но мне начинающееся странствие в неизвестность поначалу понравилось. Впереди и сзади, насколько хватает глаз, повозки, повозки, повозки. Хорошая погода — бабье лето. Теплый ветерок. Тихо, слышно мерное легкое постукивание колес.

Вечером были на берегу Волги. Ждали баржу. Десятки костров. Варили обед и ужин, все сразу. Вдоль берега раскинулся огромный табор. Тысячи «бездомных» людей, в ближайшие недели — пассажиры длинного товарняка.

Много лет спустя я узнал, что в те дни с берегов Волги выселили непостижимо огромную массу людей — около 380 000 человек. Наших немцев. Через несколько недель выселили всех немцев и из других районов европейской части страны — всего стало около 1 500 000 изгнанных!

30 сентября наш состав прибыл в Бийск (Алтайский край. — *В.Б.*). Два дня и две ночи мы находились на городской площади под открытым не-

бом. Мне это тоже нравилось. Просыпаешься утром, кругом бело — иней! Альбин решил, что начальство не знает, куда нас девать.

Помню последние километры затянувшейся кочевой жизни — от районного центра Грязнуха до села Кокши нас с ветерком домчали возчики зерна, разбросав наши вещички на пять порожних бричек. Вместе с нами «справили новоселье» еще 20—30 немецких семей.

...Местные жители встретили нас настороженно. Какие они, немцы, «живьем»? Ходили слухи: у них другие обычаи и нравы, пьют кофе, вера чужая. Некоторые сочувствовали. Земли нам не дали, госпомощи — тоже, мебель и прочее (по справке) не вернули. Расселили по частным квартирам «в уплотнение» и в «бросовые» дома. Отца приняли в школу учителем, что делал брат — не помню, но днем его дома не было. Кажется, стал счетоводом. А я пошел в пятый класс.

Потом повестка: папе и Альбину с мобилизационным предписанием явиться в село Грязнуху. Я провожал их один. Мама и Лиля остались дома. Я примостился сзади на полозьях кошевы. Когда въехали на бугор, кошевка приостановилась около бывшей церкви. Теперь это был склад. Я соскочил. Папа повернулся ко мне, сделал непонятное движение правой рукой и глухо произнес: «Прощай!» В груди снова защемило. Я остро почувствовал свою беспомощность и беззащитность.

В школе у меня друзей не было. Учителя относились ко мне хорошо. Мария Филипповна, учительница русского языка, хвалила за грамотность; математик Катасонов, он хромал — ему ампутировали пальцы обеих ног, он их отморозил в финскую войну, — говорил, что я сообразительный, и после одной из контрольных работ подарил мне ручку-самописку. А слепой историк (имени, к сожалению, не помню) приглашал к себе домой сыграть партию в шахматы, очень переживал, когда мне удавалось его обыгрывать, но требовал играть честно, без поддавков. Он угощал меня чаем, рассказывал о своей юности, допытывался, как мы жили на Волге. Часто давал для Лили скромные лакомства. Зрение он потерял в финскую войну, после ранения в голову.

Однажды историк, зайдя в класс, как обычно начал урок вопросом: «Кто сегодня дежурный?» Один мальчик с задних рядов неестественно громко крикнул: «Гитлер!» Дежурство было мое. Я разрыдался, долго не мог успокоиться.

В классе воцарилась гнетущая тишина. Урок не состоялся. Историк молчал, о чем-то напряженно думал. Я смотрел на него опухшими глазами. В голове звенела пустота, было тоскливо, одиноко, но теплилась надежда, что он за меня заступится. Он долго невидящим взглядом скользил поверх наших голов, потом с горечью и острым ощущением собственной беспомощности проговорил: «Мальчики, вы зря обижаете Миллера. Мне кажется, они ни в чем не повинны. Когда-нибудь люди дознаются, как все было».

Летом 1942 года я трудился в колхозе «Армия Ленина». До глубокой осени. Надо было запастись на зиму картошкой и хлебом. Мама тоже пыталась что-то заработать, она шила на швейной машинке. Картошки не-

много запасли, а зерна дали всего-навсего по тридцать семь граммов на трудодень. Я унес все заработанное за лето в одном неполном маленьком мешочке! Приусадебного участка не было, давали только членам колхоза. Продукты приходилось выменивать на оставшуюся от папы и Альбина одежду.

Марию Филипповну взяли на фронт. К нам домой пришла новая классная, сказала: «Женя, говорят, ты способный, хорошо знаешь русский язык, тебе надо учиться. Ты догонишь всех за две недели». Способность догнать «за две недели» — это мне польстило. Я пошел в школу. Был, кажется, уже конец октября.

Но тут наш народ снова подвергли иезуитской пытке — теперь уже поголовно все женщины, от шестнадцати лет и старше, подлежали отправке в «трудармию». Оставляли лишь тех матерей, у которых дети не достигли трехлетнего возраста! Лиле было «уже» шесть лет и потому маму от нас увозили. Насильно!

Проводы состоялись в сельсовете. Невыносимые рыдания матерей. Дикий детский крик: «Мама, мамочка, мама! Не уезжай, не бросай нас!» Кричали по-русски, по-немецки. Читали навзрыд молитвы...

Потом все случилось стремительно. Организаторы и исполнители грязных дел знали свое ремесло профессионально. Поэтому момент расставания почти совсем не сохранился в памяти. Все вокруг потонуло в сплошном вое детей и женщин. Лиля беспрестанно плакала. А у меня в момент прояснения сознания теплилась надежда, что все это не по-настоящему, что все обернется хорошо, как в книгах; до последнего момента я ждал, что маму отпустят. Не буду врать, о других я не думал. Но мы-то одни, в Бальцере-то, откуда нас привезли, мы ни с кем не успели познакомиться. Куда увезли тетю Ангелику с семьей, мы узнать так и не смогли. И тут у нас никого. Ни единой души. Как же мы будем жить совсем-совсем одни? Без мамы?

Был студеный декабрь. Жуткая стужа. На Волге такой не бывает. Я взял Лилю на руки. Она все так же тихо плакала. Она не понимала, почему мама не пошла с нами домой.

Дома было прохладно. Мы сидели с Лилей в опустевшей комнате, прижавшись друг к другу, и снова Лиля горько заплакала. Наша соседка, бабушка Амалия Кайзер, — она тоже проводила свою сноху и осталась с четырехлетним внуком, — наварила картошки, накормила нас троих, как могла успокоила, уложила спать.

Последующие месяцы прошли как кошмарный сон. Но жизнь не остановилась. Я променял все вещи родителей и Альбина на картошку. Кое-как дотянули до начала сельхозработ. По весне вступил в колхоз «Армия Ленина». Большая часть пахотной земли, сенокосные угодья и молочно-товарная ферма колхоза находились в двенадцати километрах от села Кокши. Там, как у нас говорили, «на пашне», мы работали с раннего утра до позднего вечера без выходных и праздников. Раз в две недели отпускали домой в баню помыться и подлатать обувь и одежонку. Лилю я взял в полеводческую бригаду, вместе перебивались на колхозных харчах. Там были

еще и другие дети. Сердобольная повариха приглядывала за маленькими сиротами.

Мама писала очень часто. От отца и Альбина мы вообще не получили ни одного письма. Мама в трудармии сразу заболела, ее поставили на легкую работу: перебирать гниющие овощи в зимних складах. Когда было очень голодно, они ели сырую картошку, еще капусту, лук. Мама волновалась за нас, за папу и Альбина. Папа до войны часто болел, теперь с трудом переносил голодный рацион. Работали на лесозаготовках в заболоченных лесах Северного Урала, близ Ныроба (Молотовская/Пермская область. — *В.Б.*).

В апреле 1943 года бабушка Кайзер попросила меня прочитать письмо от сына, она была неграмотной. Я начал вслух читать. Внизу первой страницы письма стояло: «На прошлой неделе умер наш сосед Миллер Николай Николаевич». От неожиданности я непроизвольно порвал письмо: на мгновение мелькнула надежда, что произошла чудовищная ошибка, письмо надо уничтожить, надо узнать точно, может быть, это не папа, может быть, папа живой...

Мир передо мной пошатнулся. Вновь образовалась звенящая пустота. Рухнули в небытие светлые мечты о будущем. Рядом ругалась бабушка Кайзер: ну а письмо-то зачем было рвать! Я не понимал, я негодовал. При чем тут это проклятое письмо, ничтожный клочок бумаги! Может быть, все это неправда!

...Я знаю, что мой отец родился 15 мая 1896 года. Он вырос на Волге. Его родители и их родители тоже родились и жили на Волге. Мой отец погиб в 1943 году в возрасте неполных 47 лет. Но мне так и не удалось узнать точной даты его гибели, хотя погиб он не на войне. Я не знаю, где он похоронен, я не могу положить цветы на его могилу.

...Потом пришло письмо от мамы: Альбин давно лежит в больнице, у него болит нога, вся почернела. От папы, он в двадцати километрах от Альбина, давно нет никаких вестей...

Летом 1944 года я тяжело заболел. Целыми днями лежал на печке, почти все время спал. Есть ничего не мог — затируху из просяной муки с жмыхом мой организм не принимал.

Прошло дней восемь. Мы жили скученно, три семьи в одной большой комнате, пожилые женщины и дети. Когда я просыпался, бабушка Кайзер исправно поила меня теплой водичкой. Вставать я уже не мог. Пришла фельдшерица, сказала, что диагноз поставить не может, нужен врач, врача в селе нет, но одно ясно — парнишка не жилец. Надо доставать доски, а то будет лежать в избе.

Весь этот разговор я слышал, но мне уже было все безразлично. Бабушка Кайзер пошла к председателю колхоза Максиму Яковлевичу Моисееву, инвалиду по зрению. Он относился ко мне хорошо, за трудолюбие, за добросовестное отношение к любой работе.

На правах добровольной опекунши Кайзер продала мой огород, соток семь, за полмешка картошки и десять литров молока, картошку для себя, Лили и своего шестилетнего внука, а молоко стала кипятить и поить им

меня с ложечки. Я с трудом глотал что-то теплое, приторное, пахнущее сладким лекарством. Бабушка была опытная, поила меня часто, но мизерными порциями. Организм мой молоко не отторгал. Деревенское молоко питательное, жирное, целебное. И случилось чудо — я стал поправляться. Через десять—двенадцать дней бабушка помогла мне спуститься с печи. Я начал потихоньку ходить. Бабушка Амалия долго и отрешенно смотрела на меня, потом опустилась на колени и, не обращая никакого внимания на окружающих, принялась читать молитву. Говорила она не по-русски, но я к тому времени «по-нашему» уже немного понимал: она благодарила Господа за Его доброту, за Его милосердие, за спасение дитя невинного от верной гибели.

Молодой организм завершил целебное деяние Господа Бога и молочного глечика. Через месяц-полтора я уже работал в колхозе на прополке. Но с тех младых лет мне на дух не надо топленого молока. И на голове появились сильно заметные сединки, которые уже никогда не исчезали и до моих тридцати лет были предметом удивления и расспросов.

Зима 1944/1945 года была невероятно студеная. Мороз достигал 42—44 градусов. Мы возили сено и солому на ферму на быках. Быки двигались неимоверно медленно. Мы страшно мерзли, простывали. Я простудился довольно основательно, на шее вскочили фурункулы, они оставили отметины на всю жизнь. Я не мог поворачивать шею, и заведующий фермой Тихон Степанович Иванцов отпустил меня на неделю домой подлечиться.

Через два или три дня вызывают в контору. В углу сидят человек десять колхозниц, за столом Максим Яковлевич, рядом стоит парторг Лобанов, человек вредный, злой — на фронт его не взяли из-за язвы желудка. Он закончил допрос женщин, которые не выходили на работу с наступлением сильных холодов. Потом обернулся ко мне и с места в карьер начал орать: «Ты, сволочь поганая, почему прохлаждаешься дома?! Кто за тебя будет на ферме работать? Тварь ты этакая! Мало вас там на севере гноят, давить всех вас надо!»

Мне хотелось что-то возразить, что-то сказать в свое оправдание. Я же не ленивый, я действительно болею. Кажется, я даже что-то пробормотал, но я всегда теряюсь, и поныне тоже, когда разговор принимает неожиданный поворот, когда вдруг говорят что-то обидное, несправедливое.

Вид мой, надо полагать, был не из лучших, но Лобанова это только подогревало: «Ты чего головой крутишь, как волк в овечьей шкуре? Так я тебе и поверил... Немедленно убирайся на ферму и Тихону скажи, я проверю, как ты будешь работать! Работать! Немедленно отправляйся, даю тебе два часа, иначе мы тебя, (как) фашистскую нечисть, убирайся с глаз моих, пока я тебе душу не вышиб твою паскудную...»

Несколько мгновений я не двигался с места. Я был повергнут, раздавлен. Максим Яковлевич опустил голову, что-то перебирал на столе, какие-то бумаги. Женщины неслышно, молча повставали и боком засеменили к выходу. Зрение явственно зафиксировало искаженную дикой злобой, мгновенно ставшую мне ненавистной откормленную ряху Лобанова. Он еще что-то кричал, сам себя все больше распаляя, пока не вышла после-

дняя женщина. Но я его уже не слушал, я его не воспринимал, он для меня как человек уже не существовал...

Когда я дома спешно засобирался в дорогу, бабушка Кайзер запричитала: «О, майн Готт, почему ты нас не слышишь? Сколько же можно страдать. Пощади хоть мальчишку, хватит с него, сколько же ему искупать грехи наши?»

На ферме меня напоили чаем с какой-то травкой, уложили на полати. Неделю я провалялся. Лечили травяными настоями, к фурункулам прикладывали алоэ. Тихон Степанович, прослышав о происшедшем в конторе, бросил клич пожертвовать больному с каждого понемногу питательных продуктов, сам отдал кусок из своего небогатого запаса топленого масла, хотя нуждался в строгой диете — он страдал тяжелой формой хронического колита.

Приехал Максим Яковлевич. Он долго сидел рядом со мной, задумчиво смотрел своим единственным глазом на мое осунувшееся, исхудавшее лицо, как будто пытался понять всю глубину пережитого мною за последние дни, а потом доверительно сказал: «Ты, Женька, того, всю эту историю не принимай близко к сердцу. Лобанов человек поганый, все рассчитал просто и подло. Он боится трогать колхозниц, они могут пожаловаться мужьям на фронт. Это дело пахнет керосином. А ты — смиренный и никого у тебя нет. Он на тебе отыгрался, а женщины струхнули, пошли работать». От сочувствия на душе полегчало.

...Весной 1945 года Максим Яковлевич научил меня пользоваться счетами. Ему понравилось, что я схватываю на лету. Он не скрывал, что никто не хочет быть учетчиком-заправщиком в тракторном отряде: трактора старенькие, постоянно ломались, работа шла круглосуточно, днем и ночью надо было мотаться по полям. Да осенью до самых белых мух как привязанный — все трактора на зяби, холод, слякоть.

Неопытный в житейских делах, я в первый сезон здорово напортачил. Трактористкам хотелось побольше заработать, и им удалось обвести меня вокруг пальца. Когда начинали новое поле, я промерял саженью длину, а потом, по их совету, ежедневно замерял только ширину пахоты, чтобы зря не месить грязь от одного до полутора километров вдоль вспаханного участка. Однако они стали искусно зауживать противоположную от дороги сторону, а я и не подумал о такой возможности. Даже по экономии горючего можно было догадаться, что меня водят за нос. Но до меня так и не дошло. В итоге колхоз переплатил МТС.

Максим Яковлевич гремел: как я, кривой дурак, мог доверить серьезное дело такому недотепе. Про «недотепу» он сказал совершенно справедливо, тут ничего не попишешь. Мы сидели за столом, перед нами невеселые подсчеты. Я смотрел на него и виновато улыбался. «Нет, вы посмотрите, он еще и зубы скалит! Вот подам на тебя в суд, не так запоешь!»

Мы еще долго сидели, ломали голову над тем, как выпутаться из этой истории. Мне ничего не приходило путного в голову, но Максим Яковлевич посвятил меня в свой план, как «аккуратно» забрать у трактористок

«напаханное», чтобы и им не сильно в ущерб и чтобы комар носа не подточил. С его помощью я осуществил наш заговорщицкий план весьма искусно и успешно, набил себе на этом руку, и в последующие четыре года моей работы в этой должности Максиму Яковлевичу краснеть за меня больше не приходилось...

...Осенью 1948 года у нас произошел трагикомический случай. В Кокшинском сельсовете собрали всех немцев от шестнадцати лет и старше. Комендант объявил новый указ: отныне мы — «спецпереселенцы»; наше поселение в Сибири — навечно. Свобода передвижения — только в пределах своего района проживания. Кто без спецразрешения комендатуры покинет пределы района, того без суда и следствия приговаривают к двадцати годам каторжных работ...

Мы слушали молча, униженные и подавленные. Ситуация усугублялась тем, что комендант был новый (они менялись довольно часто), человек угрюмый, неприветливый. Вопросы задавать боялись. Но один мужчина все-таки рискнул: «А вот если родственники в нашем соседнем районе? Это ближе, чем до комендатуры в Грязнухе!» — «Никаких родственников! Только по специальному разрешению комендатуры!» Мужчина не унимался: «А вот Маркс говорил, что вечного ничего не бывает, только материя».

Не знаю, о чем думал комендант, отвечая на этот вопрос. Может быть, он помнил, что в Кокшах жил немец из наших по фамилии Маркс, который вернулся из трудармии тяжелобольным и не мог ходить. В общем, ответ коменданта прозвучал примерно так: «Будешь много болтать, загремишь вместе со своим Марксом на Колыму!»

Признаюсь, тогда я не уразумел всей глупости и несуразности ответа. Другие, кажется, тоже. Нам было не до юмора. Наши теоретические познания и практические помыслы были весьма примитивны, мы были парализованы чудовищным смыслом нового акта вопиющего произвола властей, ничем не обоснованного. Рассудок отказывался верить, что люди, считающиеся нормальными и называемые вождями нового мира, способны сочинять законы, где «преступление» — повидаться с родственниками в соседнем районе — влечет за собой такое страшное наказание — двадцать лет каторжных работ!..

...Ежемесячная регистрация продолжалась лет семь-восемь и была отменена лишь незадолго до XX съезда КПСС либо, боюсь ошибиться, сразу после него (в декабре 1955 года. — *В.Б.*).

...Когда в 1946 году мама вернулась из трудармии, она много раз говорила мне: «Женя, ты должен учиться! Ты такой способный, тебе нельзя не учиться. Отец так мечтал дать тебе хорошее образование!» Я, конечно, согласился, но из колхоза меня не отпустили.

Прошло три года. Поздней осенью я привез дров школьному учителю химии Дьякову. Он пригласил меня в дом, стал потчевать чаем, попросил рассказать о себе... Выслушал внимательно, потом без предисловий популярно объяснил мне, что я способный от природы, но интеллектуально запущенный, заторможенный умственный бездельник, не желающий про-

снуться от летаргического сна. Предложил сдать за семилетку экстерном, объяснил, что это за штука.

Школьный математик Александр Александрович Глекнер, такой же резковатый и деловой, сказал, что поможет мне выбраться из рутины, если я перестану балбесничать. Он поговорил с директором, помог мне с учебниками, велел почаще наведываться на консультации.

При всей драматичности моей судьбы надо признать, что на хороших людей мне в жизни всегда везло. Это были русские, украинцы, евреи, казахи и многие, многие другие.

Вскоре в колхозе обо мне заговорили; одни уважительно — Женькато наш ученый будет, другие с иронией — поглядите на него, профессор кислых щей, третьи считали — дурью мается.

Зимой мы ... возили сено и солому с полей на ферму. Туда — рысью, обратно — шагом, полтора-два часа езды. Я забирался на верхотуру, укладывал прямо на бастрыг кошму вдвое-втрое, удобно располагался на ней и, несмотря на мороз, ветер, тряску, — учил, учил, учил, пока мозги не промерзали насквозь.

Весной 1950 года сдал экстерном за семилетку. Мне дали своеобразный месячный отпуск: днем я оставался дома, учил, а с восьми часов вечера до двух-трех часов ночи работал прицепщиком на пахоте, сразу за селом. Такой распорядок, конечно, не сахар, но он позволил мне за месяц сдать все предметы по учебному плану семилетки.

Мой случай был по тем временам необычный, учителя сочувствовали мне. За восемь лет работы в колхозе все школьное я перезабыл, да и стеснялся семиклассников: я среди них, как дядя Степа, а они меня по разным наукам консультируют. Думаю, что по некоторым предметам учителя оценки мне явно завысили.

Получив свидетельство об окончании семилетки, я послал документы в Барнаул. И, как это ни странно, очень быстро получил вызов на вступительные экзамены. Показал этот вызов Бутареву — новому предколхоза: Максима Яковлевича освободили при объединении колхозов «за недостатком образования». Бутарев меня ошарашил: «Справку не дам, в город не отпущу. Уедешь самовольно — посажу!»

В первую же поездку в Грязнуху за горючим я сообщил об этом разговоре коменданту Федорищеву — вновь назначенному, человеку с юмором, незлобивому. Ежемесячную регистрацию он начинал примерно так: «Ну, признавайтесь, кто ездил в Талицу к теще на блины!» Талица — это село, от Кокшей рукой подать, минут сорок пешего ходу, но относилась она к другому, к Сросткинскому району. Так вот этот самый Федорищев сказал мне: «Колхозник ты бутаревский, а спецпереселенец — мой. Власти моей над тобой больше. Это раз, — он загнул один палец. — И Конституция опять же на нашей стороне: каждый гражданин СССР имеет право на образование. Это два, — он загнул второй палец. — Так что ничего не бойся, собирай шмотки, поедешь! Это три», — он загнул палец третий...

Так я стал объектом беспардонных амбициозных распрей начальствующих чиновников, порожденных административной системой. Шел июль

1950 года. И был я тогда уже не мальчик, и поэтому ситуация вызывала раздражение, гнев, даже бессильную ненависть ко всему происходящему.

Позднее я узнал: Бутарев все-таки сдержал слово и подал на меня в суд. Но меня на суд не вызвали, за мной надо было за сто пятьдесят верст посылать спецконвоира по автотрассе, через большую реку по парому, по железной дороге. Ответчиком выступил сам Федорищев. Суд признал его действия законными.

А сделал он вот что. Во-первых, он выдал официально заверенную справку, что спецкомендатура разрешает мне в соответствии с Конституцией СССР переезд в город Барнаул на учебу сроком на четыре года. Во-вторых, он строго по инструкции отправил меня в Барнаул под конвоем. Поскольку спецконвоира у него не было, ибо у нас в районе обычно никого никуда не отпускали, мой случай был экстраординарный, он повез меня сам.

Не могу припомнить, чтобы весь этот фарс с «почетным» эскортированием потенциального каторжника меня тяготил. За годы унижений и оскорблений, борьбы за выживание мы уже всякое повидали, хотя так и не смогли к своему положению привыкнуть и смириться. Но Федорищев — это был человек! В дороге на грузовике поделился с «узником» своим нехитрым харчем, а назавтра вечером в поезде сказал: «Ехать всю ночь. Я знаю, у тебя и в мыслях нет куда-нибудь от меня улизнуть. А вот продукты наши свистнуть могут, это как пить дать. Договоримся так: до полуночи ты меня покараулишь, что-то я сегодня притомился, а уж потом я с тебя не буду глаз спускать!» Бывают же люди! Намучившись за дорогу, мы оба спали всю ночь напролет без задних ног.

Наутро он «сдал» мою спецперсону барнаульскому коменданту с рук на руки. Я поставил свою подпись в акте, в котором значилось, что в ближайшие четыре года я ежемесячно обязан строго в назначенное время являться на регистрацию и без спецразрешения спецкомендатуры мне категорически запрещается выходить, выезжать, вылетать, выплывать... за пределы Барнаула. Внизу значилось: сдал — Федорищев, принял — неразборчивая подпись. Я подлежал сдаче-приемке, как бочка бензина на складе ГСМ, как мешки с просом в заготзерне.

Думаю, что мое интеллектуальное возрождение началось по возвращении мамы из трудармии. Несколько лет она не уставала повторять: «Тебе надо учиться!» Толчок к конкретным шагам дали кокшинские учителя. А дальше было так: став в 1951 году учителем немецкого языка в Топчихинской средней школе Алтайского края, куда меня направили без надлежащего образования, по простоте душевной полагая, коли я немец, значит, собаку съел на футурумах и плюсквамперфектах, я без отрыва от производства закончил с отличием заочное отделение Барнаульского педучилища и также заочно два педвуза — Барнаульский по специальности «русский язык и литература» и Иркутский — «немецкий язык». В 1975 году «остепенился» — стал кандидатом наук, доцентом, заведую кафедрой иностранных языков Ульяновского пединститута.

В общем, жаловаться на последующую судьбу грешно! Но типичный ли это случай для наших немцев? Многое удавалось не благодаря, а вопреки обстоятельствам, нечеловеческим напряжением физических и духовных сил. Нередко приходилось преодолевать искусственно создаваемые барьеры.

Кстати, поступал-то я в статтехникум. Потом до начала занятий на окраине Барнаула таскал бревна на стройке. Мой напарник, человек в годах, порасспросив меня обо всем, сказал: «Зачем тебе эти цифири? Иди в педучилище, по стопам отца». — «А разве меня примут, есть же закон о нас...» — «Что закон? Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Сходи к директору, тебя возьмут переводом...» Я сходил. Директор сказал: «Возьму только на физкультурное отделение, там нужны парни». Так я стал педагогом.

...В новых районах поселения немцы были сильно ограничены в гражданских правах: поступление в городах на работу, свобода передвижения, участие в общественной жизни. Лишь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1964 года решение от 28 августа 1941 года было признано необоснованным, огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья, в пособничестве немецко-фашистским захватчикам были отменены.

Положение немцев Поволжья и немцев, выселенных из других районов европейской части страны, рассеянных по разным регионам Сибири и Казахстана, стало постепенно улучшаться после XX съезда КПСС. Была отменена обязательная ежемесячная явка в комендатуру, расширена возможность беспрепятственного передвижения, хотя переезд с целью постоянного проживания на территорию бывшей АССР немцев Поволжья, а также на Украину, в Крым, в Ленинград и другие районы и города, где немцы компактно проживали до войны, все еще не разрешался.

В течение 1957—1964 годов введенные с 1941 года ограничения в правах были сняты. В последующие годы советские немцы юридически вновь стали равноправными гражданами СССР...

...Все эти годы немцы не были пассивными созерцателями, они активно, часто с большим риском боролись за свои права... В Москву не раз и не два направлялись инициативные группы немцев из Казахстана, районов Западной Сибири и били челом перед самым высоким начальством — просили восстановить АССР немцев Поволжья. Реакция была различной: не пущать! убирайтесь подобру-поздорову! отвяжитесь, сейчас не до вас; вопрос сложный, требует времени; обещаем подумать; мы вас не разгоняли, не нам вас собирать; организуйте сами так, чтобы в определенном месте было преимущественно немецкое население, тогда мы и провозгласим область или республику. Логика, как говорится, ни в какие ворота...

...Немцы понимают всю сложность решения проблем, проявляют понимание и сдержанность в поступках и суждениях и надеются, что эти проблемы, не решавшиеся должным образом целые десятилетия, будут наконец-то объективно и справедливо решены.

...Мне хотелось бы закончить свое повествование на оптимистической ноте, как в книжках, которые я читал в Золотом. На ноте надежды и веры в добро и справедливость. Но пока еще, увы, не получается. Наверное, преждевременно... Пока не будет восстановлена АССР немцев Поволжья, тень мрачного прошлого не исчезнет...

Судьба разбросала нашу семью. Судьба развеяла наш народ. На пороге исчезновения его родной язык. Уходят в забвение национальные обычаи и традиции. Приходит в упадок национальная культура. Незначительная активность и мизерное влияние немцев на общественную жизнь не соответствуют большому числу людей нашего народа.

Необходимо срочно предпринимать организационные меры. Многое здесь зависит от самих немцев. Прежде всего. Но не во всем. В государстве в любом случае последнюю точку ставит власть. И надобно, чтобы она ее поставила...

(Миллер Е. Ветер в лицо//Волга. 1990. № 7. С. 153—162)

§ 6. Под прицелом репатрианты

С сентября 1941 года по февраль 1944 года агентурной сетью (довольно тогда малочисленной) среди немцев-спецпереселенцев ведали органы госбезопасности и отделы по борьбе с бандитизмом (ОББ) НКВД. В основном они занимались делами о «контрреволюционных проявлениях» и «бандформированиях». В феврале 1944 года спецпереселенцы были переданы на «оперативно-чекистское обслуживание» отделам спецпоселений территориальных структур НКВД-МВД в республиках, краях и областях.

По приказу МВД СССР от 8 марта 1948 года (в связи с проводившимся сталинским режимом «закручивания гаек») «чекистскую работу по выявлению среди спецпоселенцев шпионов, диверсантов, террористов и других враждебных элементов» вновь приняло на себя Министерство госбезопасности.

В то же время спецпоселенцы, находившиеся на стройках и в лагерях МВД, оставались на попечении последнего.

А отделы спецпоселений (ОСПы) территориальных структур этого министерства сохранили за собой агентурную сеть «по борьбе с побегами и побеговыми настроениями». Создавать эту сеть приходилось «с нуля» — ведь практически весь остальной «штат» негласных осведомителей и сотрудников «перешел» к МГБ.

Но еще задолго до этого — в 1946 году, в связи с началом «холодной войны» — перед осведомительной сетью ОСП была поставлена задача с «перспективой выхода на агентуру англо-американского блока».

И под прицелом «органов» оказались в первую очередь репатрианты (причем не только немцы). Выявлялись лица, находившиеся в англо-американской зоне оккупации Германии. Их заново допрашивали, одних (большинство) ставили на учет, других

(меньшинство) — вербовали. В частности, Отделом спецпоселений УМВД по Новосибирской области после войны из 12 000 немцев-репатриантов были допрошены 7818 совершеннолетних, при этом «негласный» аппарат в целом по области увеличился до 43 резидентов, 38 агентов и 580 осведомителей. 1007 из допрошенных взяты на оперативный учет — в качестве «подозреваемых в шпионаже, военных преступлениях и активном пособничестве врагу». Добавим, что уже в 1945 году чекистами из новосибирского отдела спецпоселений «разрабатывались» 725 человек — как «антисоветский элемент».

За 1945—1948 годы (до передачи дел в МГБ) тем же отделом спецпоселений (ОСП) УНКВД-УМВД по Новосибирской области арестованы за «политические преступления» 493 человека. Из этого числа: «агентов немецкой разведки» — 64, «агентов английской разведки» — 11, «агентов американской разведки» — 5, различных «вражеских пособников» и «военных преступников» — 203.

«Дела» эти, как правило, «дутые», сфабрикованные: чекисты таким способом сами обеспечивали себе «фронт работы». Создавались они провокативно — на фоне общего недовольства спецпоселенцев условиями жизни и работы, репрессиями в отношении своего народа. Поэтому, как замечает исследователь Л. Белковец, обвинения были вполне стандартны: «клевета на советскую действительность, контрреволюционная агитация, стремление к свержению Советской власти путем вооруженного восстания...». Характерны и кодовые названия агентурных «разработок» такого типа: «Недовольные», «Клеветники», «Антисоветчики», «Мракобесы», «Изменники», «Стихоплеты»... (16)

В той же Новосибирской области к 1951 году один «негласный сотрудник» осведомительной сети приходился на 15 взрослых немцев-спецпоселенцев. Но режим, основанный на доносительстве, неизбежно и очень быстро разлагался. И в 1952 году Министерство госбезопасности более чем в 2 раза сократило всю агентурную «паутину». Основной опорой «оперативно-профилактической» работы среди спецпоселенцев в местах их содержания стал «гласный аппарат»: «старшие» бараков и «десятидворок», «группы содействия» и т.п.

Но при всех этих бюрократических чекистских рокировках и в течение всего срока существования спецпоселений немцы-репатрианты оставались «в фокусе» проводившихся «органами» агентурно-оперативных «мероприятий». Были, конечно, среди них люди, действительно сотрудничавшие с германскими оккупантами (см.

документы Приложения). Но чаще всего жизнь репатриантов, без вины виноватых, складывалась тяжко — как на Западе, так и на Востоке...

Один из них, Ю.И. Вегерт (уже знакомый нам по предыдущему параграфу), писал в своей автобиографии (1952 год, стиль сохранен):

«...Родился 8 марта 1925 года в селе Геленовка (Хеленовка. — *В.Б.*) Волинского (Володарско-Волынского. — *В.Б.*) района Житомирской области... До колхозов работали хлеборобами. В 1928 году вступили в колхоз, где работали до эвакуации в Германию. В 1933 году я вступил в школу, где окончил 6 классов. Потом работал в колхозе до эвакуации в Германию. До эвакуации в Германию я считался малолетком. Во время пребывания мною в Германии службы никакой не проходил. А также никогда не судился. 10 ноября 1943 года были эвакуированы немцами и 1 февраля 1944 года привезены в Польшу, где проживали 9 месяцев. И работал на польского хозяина на землерабстви. В 1944 года 19 января были эвакуированы из Польши в Германии, где жили до эвакуации в Россию. Работал в Германии у пана. В 1945 года я женился и отошол от своих родителей. И проживал в другом районе, где раньше произошла эвакуация в росию. И до этого времени я не нахожусь из своими родителями. Отец умер. А мать, брат и три сестры находятся в Таджикской ССР. В 1945 году окончания отечественной войны, русскими эвакуировани снова на родину. И привязани в город Слободской, где работали в спиртзаводи. 10 мая 1948 года нас привезли на 4 поселок, где и проживаем до настоящего времени.

Вегерт.

14.04—1952 года».

Как уже отмечалось, в 1948 году произошло резкое ужесточение режима содержания многих спецпоселенцев, в том числе — немцев. Именно в этот период оформляется на них местными комендантами и чекистами значительная часть учетных дел, в приложениях к которым имеются обвинительные заключения и карательные приговоры в отношении немцев-репатриантов, — как тех, кто действительно сотрудничал с оккупационными властями, так и тех, кто не имел к этому никакого отношения.

Атмосфера подневольности, подслушивания, подглядывания и доносительства в спецпоселениях душила, корежила людей. Морально-психологически не сломаться, не согнуться, нравственно выстоять, выжить в этих условиях — было невероятно трудно...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 22

* * *

УТВЕРЖДАЮ
Начальник УМГБ по
Кировской области
полковник
(Кожевников)
«22» июля 1948 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по следственному делу № 48
ПО ОБВИНЕНИЮ:
ЭДЕЛЬ Георгия Вильгельмовича
в преступлении, предусмотренном
ст. 58—3 УК РСФСР

ЭДЕЛЬ привлечен к уголовной ответственности за пособническую деятельность в пользу немцев.

Проведенным по делу расследованием установлено, что в начале Отечественной войны ЭДЕЛЬ был направлен в тыл Советского Союза, но, не желая эвакуироваться в пути следования, в гор. Харькове совершил побег и возвратился обратно к месту своего прежнего жительства в с. Рондевизия (Рундевизи. — *В.Б.*) Дмитриевского (Ичнянского. — *В.Б.*) района, Черниговской области, которое к этому времени было оккупировано немецкими войсками (л.д. 19—29).

Проживая на оккупированной немцами территории, ЭДЕЛЬ в октябре 1941 года добровольно поступил на службу к немцам в полицейский отряд села Рондевизия, где и служил в должности полицейского до мая месяца 1942 года (л.д. 11, 12, 16, 23, 29).

При поступлении в полицейский отряд от немцев получил вознаграждение колхозную постройку на строительство нового дома и лично сам взял для своего хозяйства лошадь у бывшего бригадира колхоза ШИЦ Георгия Генриховича (л.д. 12, 29).

Работая полицейским, ЭДЕЛЬ являлся активным немецким пособником, имел оружие, нес патрульную службу по охране села от проникновения советских партизан, участвовал в арестах партийно-советского актива, изымал имущество и скот у населения, избивал советских граждан (л.д. 12—14, 16, 23—25, 26—28, 30).

В октябре месяце 1941 года вместе с другими полицейскими отряда ЭДЕЛЬ насильно изъял для немецкой армии корову у гражданина села Рондевизия ШИЦ Л.К. При изъятии коровы грозил убийством ШИЦ Л.К., произвел выстрел из винтовки и ударил кулаком в грудь ШИЦ В.И.

Осенью 1941 года участвовал в аресте бывшего председателя колхоза села Рондевизия коммуниста БУХМИЛЛЕР Л.Ф. При аресте БУХМИЛ-

ЛЕР Л.Ф. было взято все его имущество (л.д. 13, 14, 17, 18, 21, 22, 23—25, 26—28, 30).

В августе 1943 года при отступлении немецких войск ЭДЕЛЬ выехал в Польшу, а затем в Германию. В апреле 1945 года освобожден американскими войсками. В мае месяце из американской зоны переехал на жительство в английскую зону Германии, где призывал советских граждан к невозвращению в Советский Союз.

В августе 1945 года ЭДЕЛЬ был передан советским войскам и репатриирован в Советский Союз (л.д. 19, 20, 25, 28).

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ:

ЭДЕЛЬ Георгий Вильгельмович, 1906 г. рожд., уроженец села Рондевизия Дмитриевского района, Черниговской области, из крестьян, немец, гр-н СССР, беспартийный, малограмотный, женат. До ареста работал и проживал в пос. Гниловка Омутнинского района, Кировской области —

В ТОМ, ЧТО:

является немецким пособником — с октября 1941 г. по май 1942 года служил в полицейском отряде в должности полицейского, нес патрульную службу по охране села от проникновения партизан, участвовал в арестах партийно-советского актива, изымал имущество и скот у населения, избивал советских граждан и отправлял их на работы в Германию, — то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 58—3 УК РСФСР.

<...>

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 318)

* * *

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Судебная коллегия по уголовным делам Кировского Областного суда в составе председательствующего члена Облсуда КОПЫСОВА и народных заседателей ЛЯМИНА и ОКИШЕВА, при секретаре Злобиной, с участием прокурора Выдриной и адвоката Криницина.

Рассмотрела в закрытом судебном заседании в городе Кирове 27 июля 1948 года дело по обвинению:

ЭДЕЛЬ Георгия Вильгельмовича 1906 года рождения, происхождения из крестьян села Рондевизия, Дмитриевского района, Черновской (Черниговской. — *В.Б.*) области, по национальности немца, гражданина СССР, беспартийного малограмотного, до ареста проживающего в пос. Гниловка, Омутнинского района Кировской области, арестован 27 мая 1948 года. Обвиняется по ст. 58—3 УК РСФСР.

Проверив материалы предварительного и судебного следствия, судебная коллегия установила: подсудимый ЭДЕЛЬ в период Великой Отечественной войны 1941—45 годов сбежал на оккупированную немецко-фашистскими захватчиками территорию и с октября 1941 года добровольно

поступил на службу к немцам в полицейский отдел села Рондевизия, где находился в качестве полицейского до мая 1942 года, имея на своем вооружении русскую винтовку.

Являясь немецким пособником, ЭДЕЛЬ активно работал в пользу немцев, нес патрульную службу по охране села от проникновения советских партизан, участвовал в арестах партийно-советского актива, изымал имущество и скот у населения, избивал советских граждан.

В октябре 1941 года вместе с другими полицаями изъял насильно корову у гражданки села Рондевизия и сдал эту корову немецким властям, избил гражданку ШИЦ В.И.

В 1943 году в период отступления немецких захватчиков ЭДЕЛЬ ушел сначала в Польшу, а затем в Германию. В 1945 году был репатриирован в Советский Союз и работал на Гниловском руднике Омутнинского района, Кировской области.

ЭДЕЛЬ виновным себя признал. Его преступления подтверждаются показаниями свидетелей: Швай, Шиц Кристиана и Шиц Вильгельмины.

Руководствуясь ст.ст. 319, 320 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Кировского Облсуда

ПРИГОВОРИЛА:

ЭДЕЛЬ Георгия Вильгельмовича признать виновным по ст. 58—3 УК РСФСР, с карательной санкцией ст. 58—2 УК РСФСР, подвергнуть лишению свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях сроком на (10) ДЕСЯТЬ лет, с последующим поражением прав по п. А, Б и В ст. 31 УК РСФСР сроком на (5) ПЯТЬ лет.

<...>

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 318)

Документ 23

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда в составе председательствующего члена суда ШИШЛЯЕВА, народных заседателей Анисимова и Толстикова при секретаре Шевниной с участием прокурора Мараковой и адвоката Панишева,

Рассмотрев в открытом судебном заседании в городе Кирове 15 марта 1948 года дело по обвинению ЩЕТИНА Фердинанда Эдуардовича, 1912 года рождения, уроженца Житомирской области и района, села Покостовка, по национальности немца, беспартийного, гражданина СССР с низшим образованием, рабочего, женатого, в прошлом судимого по ст. 70 УК УССР, до ареста проживал в спецпоселке № 5 Омутнинского района, Кировской области, содержится под стражей с 19/II—1948 года,

В совершении преступлений, предусмотренных ст. 58—3 и 58—10 ч. 1 УК РСФСР.

Выслушав объяснение подсудимого, речи сторон, проверив материалы предварительного и судебного следствия, коллегия

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый ЩЕТИН проживал на временно оккупированной немцами территории Житомирской области, в июле месяце 1941 года добровольно поступил в немецкую полицию и был назначен группенфюрером в село Покостовка, одновременно при этом исполнял и должность заместителя старосты.

Находясь на указанных должностях и имея в своем подчинении 12 вооруженных полицейских, в угоду немецким захватчикам в течение 6 суток в июле месяце 1941 года изымал у населения имущество и передавал его немецким властям.

Осенью 1941 года со своими подчиненными полицейскими с применением угрозы для немецкой армии у жителей села Покостовка изъял свиней и коров, которых также передал в руки немецких оккупационных властей.

В том же 1941 году ЩЕТИН арестовал 10 граждан села, которых под конвоем отправил в жандармерию, а затем в Германию, позднее были арестованы и переданы в руки ГЕСТАПО член ВКП(б) и беженка-еврейка, судьба которых в дальнейшем неизвестна.

Кроме того, занимался антисоветской агитацией среди молодежи села Покостовка, уверяя, что советской власти больше не будет, молодежи нужно поступать на службу в немецкую полицию.

В 1943 году с отступающими частями немецкой армии ЩЕТИН выехал в Германию и только в 1945 году в порядке репатриации возвращен в СССР и водворен на спецпоселок. Будучи на спецпоселении в Омутнинском районе Кировской области в середине мая месяца 1947 года и находясь возле магазина, в присутствии ЕРМОЛАЕВА, МАХМУТОВА и других клеветал на Советскую власть в области продовольствия.

Летом 1947 года на мосту в присутствии АГОУЛИНА восхвалял жизнь в фашистской Германии, при этом клеветнически отзывался о жизни в СССР.

В ноябре 1947 года в присутствии Фладун и Сигель клеветал на избирательную систему в СССР, членов ВКП(б) и депутатов, чем и совершил преступление, предусмотренное ст.ст. 58—3 и 58—10 ч. 1 УК РСФСР.

Руководствуясь ст.ст. 319—320 УПК, Судебная коллегия

ПРИГОВОРИЛА:

ЩЕТИНА Фердинанда Эдуардовича по ст. 58—3 УК с санкцией ст. 58—2 того же кодекса лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет (10 л.) с последующим поражением в правах, предусмотренных п.п. «А» и «Б» ст. 31 УК на 5 лет, без конфискации имущества за неимением такового у осужденного.

Его же по ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР лишить свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет, с последующим поражением в правах, предусмотренных п.п. «в», «б» ст. 31 УК на 5 лет.

В силу ст. 49 УК РСФСР по совокупности совершенных им преступлений меру наказания определить по ст. 58—3 УК десять лет (10) лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах, предусмотренных п.п. «в», «б» ст. 31 УК на 5 лет.

Зачесть до суда предварительное заключение с 19 февраля 1948 года.

Меру пресечения содержания под стражей в тюрьме № 1 гор. Кирова осужденному не изменять.

Приговор суда может быть обжалован в 72 часа в Верховный суд РСФСР с момента вручения копии приговора осужденному.

Председательствующий ШИШЛЯЕВ
Нарзаседатели АНИСИМОВ И ТОЛСТИКОВ

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 317)

Документ 24

СПРАВКА
о наличии основных компрометирующих материалов
на ГЕЙЗЕЛЬ Д.А.

ГЕЙЗЕЛЬ Дмитрий Адольфович, 1903 года рождения, уроженец города Харькова, по национальности немец, гражданин СССР, б/п, в 1927 году окончил железнодорожный техникум, проживает на спецпоселке № 2, Поломского (Белохолуницкого. — *В.Б.*) района, Кировской области, работает слесарем в Поломском ЛПХ.

ПОКАЗАНИЯ АРЕСТОВАННЫХ И СВИДЕТЕЛЕЙ:

ЗИНОВЬЕВА М.Ф.

4/X—48 г.

В период первой оккупации г. Харькова ГЕЙЗЕЛЬ Д.А. проживал по Ярославской, 142, нигде не работал, ремонтировал дома часы и продавал. На двери квартиры ГЕЙЗЕЛЬ была прибита дощечка о том, что в данной квартире проживает немецкая семья, немцы их квартиру посещали, но на квартире у них не жили. Пользовались привилегиями от немцев, получали пайки. Когда немцы заняли город Харьков вторично весной 1943 года, ГЕЙЗЕЛЬ Д.А. купил себе дом и с нашего дома переехал к себе, в скором времени вся семья, т.е. отец, мать и сын, добровольно выехали в Германию.

БАШКОВ А.А.

27/I—51 г.

В разговорах со мной ГЕЙЗЕЛЬ много рассказывал о своем пребывании в Германии, восхвалял жизнь у немцев, что жил он там очень хорошо, лучше, чем в Советском Союзе, что якобы в Германии дали ему дачу.

БАШКОВ А.А.

29/I—51 г.

В беседах ГЕЙЗЕЛЬ не скрывал своего недовольства, что он находился на спецпоселении и не имеет возможности жить там, где ему хочется.

В этом он обвинял Советское правительство и очень плохо отзывался о Советской власти, одновременно восхвалял жизнь в Германии.

Особенно он плохо отзывался о советских военнослужащих. Он рассказывал, что, находясь в Германии, видел, как пришли русские солдаты, которые ломали станки и машины, что русский «Иван» может только ломать, да разрушать.

В беседах с ГЕЙЗЕЛЕМ я обсуждал различные мероприятия, которые проводились партией и Советским правительством. Эти мероприятия истолковывались в антисоветском духе.

РЫБОЛОВЛЕВ К.И.

14/VII—51 г.

По моему мнению, ГЕЙЗЕЛЬ Д.А. личность, настроенная антисоветски. Это я заключаю по его несоветскому отношению к порученной ему работе. Некоторые его поступки по работе граничат с вредительством.

В сентябре 1950 года ГЕЙЗЕЛЬ мною был назначен на установку телефонных столбов в качестве бригадира. Несмотря на то что ГЕЙЗЕЛЬ был проинструктирован, на какую глубину нужно вкапывать столбы, он, по моему мнению, умышленно с целью навредить производству вкопал их на меньшую глубину, вместо 1,5 метра он вкопал их на 56 см, вследствие чего столбы вывалились.

Недовольство ГЕЙЗЕЛЯ существующими в СССР порядками заключается в том, что он считает якобы русские поработили немцев и управляют ими.

9 августа 1951 года ГЕЙЗЕЛЯ я пригласил в контору стройучастка для беседы, почему он не вышел на работу по ремонту автомашин. ГЕЙЗЕЛЬ начал на меня кричать, что Вы русские, а я немец, власть в Ваших руках и Вы можете меня притеснять.

СУВОРОВ Н.Н.

16/VIII—51 г.

ГЕЙЗЕЛЯ я знаю, как личность антисоветски настроенную. На почве своих антисоветских убеждений он занимается вредительством на производстве.

В неоднократных беседах со мною ГЕЙЗЕЛЬ всегда возводит клевету на Советскую действительность, в то же время восхваляет жизнь в капиталистических странах.

Так, в начале марта 1951 года я с ГЕЙЗЕЛЕМ шел с Боровки на спецпоселок № 2. В состоявшейся беседе о снижении цен ГЕЙЗЕЛЬ мне говорил, что цены снижены незначительно и сделано это для того, чтобы замазать глаза народу. Хотя говорят, что цены должны достичь довоенного уровня, но этого никогда не будет. Далее он заявил, что в Америке карточек никогда не было и не будет. Американцы живут в несколько раз лучше русских. Русские кушают то, что в Америке не стали бы есть даже свиньи.

Несколько позднее ГЕЙЗЕЛЬ, вспоминая жизнь в прошлом, мне сказал, что жизнь сейчас в СССР такая, что хуже некуда. Хорошая жизнь была

в зоне англо-американских войск. Американцы — люди хорошие и с русскими их сравнивать нельзя. Русские в первый период после прихода в Германию очень издевались над немецким народом, а поэтому немцы бежали к англо-американцам.

В сентябре 1950 года ГЕЙЗЕЛЬ был назначен бригадиром по установке телефонных столбов. Причем столбы вместо положенных 1,5 м (о чем он хорошо знал) закопал всего на глубину 0,5 метра. Вследствие чего работу предложено было не принимать, и столбы закапывали вновь.

МАЙЕР О.Г.

16/VIII—51 г.

В начале знакомства с ГЕЙЗЕЛЕМ он мне рассказывал, что, проживая в оккупированном немцами г. Харькове, он имел маленькую лавочку, торговал различными товарами, зарабатывал много денег. Выехав в Германию, он как специалист-токарь был направлен в г. Берлин, но работал не по специальности, в какой-то эсэсовской части ремонтировал дома. Имел много денег.

...Я знаю ГЕЙЗЕЛЯ как антисоветски настроенную личность. Часто в беседах со мной он высказывал антисоветские суждения, восхваляя жизнь за границей. Он мне говорил, что за границей жизнь устроена гораздо лучше, чем в СССР. Народ там живет богато и культурно.

В одной из бесед в мае 1951 года в мастерской, где работает ГЕЙЗЕЛЬ по поводу заявления ГРОМЫКО о срыве переговоров Совещания Заместителей Министров Иностранных дел, ГЕЙЗЕЛЬ сказал: «Прессе Советской верить нельзя — она врет».

В марте 1950 года я беседовал с ГЕЙЗЕЛЕМ о статье одного из руководителей партии и правительства по вопросу языкознания. На мое замечание, что этот вопрос является очень сложным и оказывается так хорошо разработан вождем партии, ГЕЙЗЕЛЬ сказал: «Верить тому, что эту статью написал руководитель партии, не нужно. Всех вопросов он не знает, и это не является его творчеством, а делают за него люди.

Советское правительство восхваляет его для того, чтобы обожествить его и тем самым держать народ в повиновении».

БИБЕР Я.Я.

17/VIII—51 г.

В настоящее время ГЕЙЗЕЛЬ ведет себя как личность, настроенная против Советской власти.

В неоднократных беседах со мной он мне говорил, что Советское правительство создало для поселенцев невыносимые условия жизни. Спецпоселенцы материально живут плохо, продуктами снабжаются недостаточно...

<...>

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 671)

* * *

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Областной суд Кировской области в составе председательствующего председателя облсуда Кучеренкова, народных заседателей Поповой и Булдакова, при секретаре Буровой, с участием прокурора Выдриной и адвоката Наумова,

Рассмотрел в закрытом судебном заседании в городе Кирове 31 января 1952 года дело по обвинению ГЕЙЗЕЛЬ Дмитрия Адольфовича 1903 года рождения, уроженца г. Харькова, по происхождению из рабочих, немец, со средним образованием, беспартийного, ранее не судимого, женатого, до ареста работал заведующим ремонтной мастерской Боровского стройучастка, Поломского района, Кировской области, проживал спецпоселок № 2 Поломского района, Кировской области, находится под стражей с 18 сентября 1951 года.

В преступлении, предусмотренном ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР,

УСТАНОВИЛ:

ГЕЙЗЕЛЬ после возвращения по репатриации из американской зоны оккупации Германии в 1945 году, проживая вначале в Слободском районе, а впоследствии в Поломском районе, Кировской области, являясь враждебно настроенным к существующему строю в СССР, на протяжении 1946—1951 годов среди своего окружения систематически проводил антисоветскую в контрреволюционной форме агитацию.

Проживая в г. Слободском, Кировской области, среди своего окружения ГЕЙЗЕЛЬ высказывал антисоветскую клевету на советскую технику, на политику Советского правительства, вместе с этим восхвалял условия жизни, технику в капиталистических странах, эти факты относятся к 1946 году.

ГЕЙЗЕЛЬ, проживая в Поломском районе, Кировской области, на протяжении 1948—1951 годов, так же, как и в городе Слободском, среди своего окружения пытался возводить клевету на советскую действительность, условия жизни в СССР, на советскую печать и внешнюю политику Советского правительства, одновременно с этим восхвалял условия жизни капиталистических государств.

Кроме того, ГЕЙЗЕЛЬ пытался возводить клевету на одного из руководителей Советского правительства.

Виновность ГЕЙЗЕЛЬ на судебном следствии материалами дела, показаниями свидетелей, проходящих по делу, полностью подтвердилась, что сам подсудимый частично не отрицает, заявив на суде, что факты, изложенные ему в обвинении, имели место и у него со свидетелями нормальные взаимоотношения.

Суд действия ГЕЙЗЕЛЬ Д.А. квалифицирует ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР и, руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛ:

ГЕЙЗЕЛЬ Дмитрия Адольфовича на основании ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР подвергнуть мере наказания лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет (10) с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б» и «в» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять (5) лет.

Срок наказания ГЕЙЗЕЛЬ Д.А. исчислять с 18 сентября 1951 года.

Меру пресечения к осужденному ГЕЙЗЕЛЬ Д.А. оставить прежнюю — содержание под стражей.

Приговор может быть обжалован в Верховный суд РСФСР в течение 72 часов с момента вручения копии приговора осужденному.

П.П. ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ КУЧЕРЕНКОВ.
НАРЗАСЕДАТЕЛИ БУЛДАКОВ И ПОПОВА.

(ГА СПИ КО. Ф .2473. Оп. 13. Д. 671).

Документ 25

СЕКРЕТНО
Экз. №___

УТВЕРЖДАЮ
Зам. Генерального Прокурора СССР
Государственный советник юстиции
I класса
Д. САЛИН
«18» декабря 1954 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

19 ноября 1954 г. гор. Москва

Прокурор отдела по спецделам Прокуратуры СССР Сироткин, рассмотрев дело по обвинению ГИЛЬД Н.Х. по ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР,

УСТАНОВИЛ:

По приговору Кировского областного суда от 22 сентября 1952 года — ГИЛЬД Никодим Христианович, 1929 г. рождения, уроженец села Морозово, Больше-Врадиевского (Врадиевского. — *В.Б.*) района, Одесской (Николаевской. — *В.Б.*) области, из крестьян, немец, гражданин СССР, образование 4 класса, до ареста проживал на поселении, работал в совхозе им. Ворошилова, Зуевского района, Кировской области, осужден по ст. 58—10 ч. 1 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ, с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет.

Приговор суда ГИЛЬД не обжаловал.

ГИЛЬД признан виновным в том, что, будучи враждебно настроен к существующему в СССР строю, систематически среди населения проводил антисоветскую агитацию клеветнического характера и высказывал изменнические настроения.

В своей жалобе в Верховный суд СССР ГИЛЬД просит пересмотреть дело и заявляет, что он осужден неправильно по клеветническому заявлению свидетеля Динус.

Дело 5 июля 1954 г. рассмотрено местной комиссией Кировской области, которая признала приговор суда правильным.

Проверкой материалов дела установлено, что на предварительном и судебном следствии ГИЛЬД в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал.

В судебном заседании о себе ГИЛЬД показал:

«В период Отечественной войны я вместе с семьей проживал в Одесской области. В 1944 г., когда немцы стали отступать, семья эвакуировалась в Польшу и в начале 1945 г. уехали в Германию.

В Польше по предложению одного немца я вступил в молодежную фашистскую организацию «Гитлерюгенд». По окончании войны нас направили на спецпоселение в Кировскую область».

По существу предъявленного обвинения ГИЛЬД в суде показал следующее:

«Я признаю себя виновным в том, что у меня иногда были антисоветские высказывания. В марте 1948 г. в очереди у магазина ... я ругал руководителей советской власти за то, что они плохо заботятся о народе и продуктами питания снабжают его мало».

Далее ГИЛЬД показал:

«Осенью 1949 г. на веранде клуба, после просмотра кинокартины я заявил о неправильном отображении в картине действительности, так как немцев в ней изображают мучителями, так как в действительности не немецкие солдаты издевались над русскими, а русские над немцами. Также говорил, что если будет война, то перейду на сторону американцев...»

На вопрос о том, откуда у него появились антисоветские настроения, ГИЛЬД ответил:

«Я таил злобу на советскую власть за то, что в 1948 г. были арестованы некоторые спецпоселенцы».

ГИЛЬД показал далее, что в антисоветском духе он высказывался в ноябре 1951 г. на вечеринке у спецпоселенца Вельд, где заявил о неизбежности войны с Америкой и поражении СССР в этой войне.

Виновность ГИЛЬД в предъявленном ему обвинении подтверждается также показаниями свидетелей Динус, Мессмер, Миллер, Ассель и Растегаева.

Указанные свидетели, кроме тех фактов антисоветских высказываний со стороны ГИЛЬД, которые признал он сам, дополнительно показали, что в 1949 г. в честь Октябрьских праздников в совхозе был организован вечер. На вечер пришел ГИЛЬД со своими друзьями и заявил, что это праздник не немецкий, а советский, и попросил всех с вечера уйти. Выйдя на улицу, ГИЛЬД и его друзья подняли шум, и вечер был сорван.

По этому эпизоду обвинения ГИЛЬД пояснил, что он в этот день был сильно пьян и ничего не помнит.

Принимая во внимание, что материалами дела виновность ГИЛЬД в совершении преступления доказана полностью, мера наказания определена в соответствии с содеянным и с учетом данных о его личности и что доводы, указанные в жалобе, опровергаются материалами дела,

ПОЛАГАЛ БЫ:

протест по делу не приносить, жалобу ГИЛЬД оставить без удовлетворения.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО СПЕЦДЕЛАМ СИРОТКИН

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 949)

* * *

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР
гор. Москва
от заключенного Гильда Никодима Христиановича, 1929 г. рождения, осужденного 22 сентября 1952 г. в гор. Кирове Судебной коллегией Кировского областного суда по ст. 58—10 ч. I УК РСФСР к лишению свободы сроком на 10 лет, содержащегося в ИТЛ «К», — почтовый ящик 231/30 (поселок Нижняя Турунью Койгородского района Коми АССР. — *В.Б.*).
Начало срока — 9 августа 1952 г.

ЖАЛОБА

Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда установила, что я, находясь на спецпоселении в совхозе им. Ворошилова Зуевского района Кировской области, будучи враждебно настроенным к существующему советскому строю, на протяжении последних лет систематически проводил среди населения антисоветскую агитацию пораженческого характера, высказывал изменческие настроения.

Виновность считается доказанной полностью собственным моим признанием, а также показаниями свидетелей, допрошенными в судебном заседании.

Должен сказать, что мое собственное признание — является ложным признанием, а показания ряда свидетелей — неправдоподобными, явно противоречивыми, что побуждает меня обратиться с просьбой о пересмотре моего дела со стадии следствия.

Остановлюсь на материалах обвинения и на доказательствах моей виновности.

1. Указывается, что весной 1948 г. у магазина, среди группы рабочих нашего совхоза, я высказывал антисоветскую клевету, оскорбляя руководителей Советского Правительства. Уличающие меня показания дали спецпоселенцы Динюс Федор и Месмер Эля, указав, что говорил я это, стоя в очереди. Прежде всего, о показании Месмер Эли. Она не могла быть свидетельницей разговоров у магазина по той простой причине, что никогда в очереди у магазина не бывала, ходили обычно ее мать или сестра, что ежедневно видели рабочие совхоза, их соседи. Сама Месмер Эля работа-

ла дояркой, освобождалась от работы не раньше 8 часов утра, а магазин уже к 7 час. утра обычно заканчивал продажу хлеба. Сам я уходил на работу раньше, чем Месмер Эля заканчивала свое дело. Таким образом, часы ее работы лишали возможности встретиться со мною рано утром у магазина, куда она вообще не ходила.

Остается показание Динюса Федора, но оно никем не подтверждено, никто не нашелся сказать, что я, в самом деле, вел у магазина чуждые разговоры.

2. Обвинялся, далее, я в том, что осенью 1949 г., находясь на веранде совхозного клуба, также допускал антисоветские высказывания, клеветал, проявил изменческое настроение, что подтверждается опять-таки показаниями тех же Динюса Федора и Месмер Эли, но их заявления не нашли дополнительного подтверждения, хотя, как говорили указанные свидетели, там было много молодежи. Почему же никто ничего не слыхал?

3. В ноябре 1949 г., в дни Октябрьских торжеств я якобы хотел сорвать вечер, устроенный немецкой молодежью, и говорил, что не нужно отмечать советские праздники. По этому поводу должен сказать следующее:

7 ноября 1949 г. на квартире у Мермель Эли собралась погулять молодежь. Я, уже выпивши, зашел сперва к Растегаеву Алексею, а затем хотел войти в соседнюю квартиру — к Мермель. Она меня не впустила и сказала, что, когда раньше звали — я не пошел, а теперь я — лишний гость. Так я и ушел. Об этом случае даны самые различные показания. Месмер Эля, Динюс Федор, Растегаев Алексей говорили, что я хотел ворваться на праздник, сорвал дверь, бросил камень в окно, разбив посуду на столе, и допускал антисоветские выражения. На очной ставке Растегаев сперва не давал точных показаний, а затем записывались не его слова, а то, что диктовал присутствовавший подполковник, кажется — Мамаев. Свидетель Динюс Ф. на очной ставке также сказал, что он — ничего не знает. Меня на некоторое время вывели, а затем, когда вернули вновь, Динюс Ф. уже «вспомнил», дал уличающее обвинение. Свидетельница Шмидт В., хозяйничавшая на том вечере за столом, говорила, что она ничего худого не видела и не слушала. Свидетельница Шмидт Ида на суде показала, что я, со своими попутчиками, когда нас не пустили на вечер, ушел без возражений и скандала. Тем не менее эти противоречивые, надуманные показания не подверглись дальнейшей проверке, путем опроса других участников вечера, и мне, без оснований, предъявили обвинение.

4. Летом 1950 г. я якобы у клуба совхоза восхвалял условия жизни в фашистской Германии и клеветал на положение трудящихся в СССР — показывал свидетель Динюс Федор. Если это так было, то мои слова должен был слышать не один Динюс, но никаких иных подтверждений нет.

5. Наконец, обвинялся я в том, что в ноябре 1951 г., находясь на квартире поселенки Вальд, я якобы высказывался за войну Америки против Советского Союза и за изменение существующего в СССР строя, — о чем говорила Месмер Эля и Динюс Федор. Но Месмер Эля, находясь на работе, на этом вечере почти не была, она пришла, когда уже все встали из-за стола, не принимала участия в общей беседе, тем не менее говорит, что

была все время на вечере. Но легко установить, что такое показание Месмер Э. не соответствует истине. Есть целый ряд возможностей установить, что показания двоих основных свидетелей — Месмер и Динюса — являются надуманными, противоречащими заявлениям других свидетелей. Я, со своей стороны, нахожу уместным высказывать предположение, что побудило указанных лиц выступать против меня.

С Динюсом Ф. у меня были неприязненные отношения, в ноябре 1951 г. на вечере в квартире Ваальд(?) мы повздорили, с одной стороны, Динюс Ф., а с другой — группа юношей, в том числе и я. Поводом для раздора послужил отказ Динюса сыграть танец на гармонии. Уже тогда Динюс угрожал, что он мне этого не забудет, что слышала и знает вся молодежь.

Назвать нормальными отношения с Меркель я так же не могу. В 1950 г. Габриэль Э. сказала Айсвер Терезе, что они, Меркель и Габриэль Эллен, написали заявление органам власти, ложно оклеветав меня. Впоследствии сама Габриель(?) не отказалась от этого, а Меркель говорила о своей непричастности к заявлению. На этой почве подруги поспорили и рассорились, но они стали известны, как клеветницы. Меркель Э. добилась перевода в другую область, но она, желая скорее избавиться от оклеветанного ею человека, написала еще ряд заявлений, наполнив их выдумками.

Характерно, что по всем пунктам обвинения, относящимся к разной обстановке и разному времени, выступают Динюс и Месмер, но ни по одному вопросу их показания не подтверждены третьими лицами, не подтверждаются людьми, с которыми я постоянно работал, беседовал, встречался. Опросили мою соседку Пешко Ирину, — с нею я давно знаком, — она ничего предосудительного сказать обо мне не могла, к сожалению, не опросили моих товарищей по работе, не взяли обо мне характеристику из совхоза.

Моя же работа в совхозе подчеркивала мое постоянное стремление оказывать наибольшую помощь Советскому государству. Работая на тракторе, я всегда соревновался за высокую выработку, значительно перевыполнял нормы, не имел аварий, работал безотказно в любых условиях. На моем тракторе постоянно был красный флажок — доказательство трудовых успехов. Мое отношение к труду — это моя характеристика, как сознательного, честного труженика.

Наконец, почему я сам дал признание, которое является ложным. На следствии я находился недолго — один месяц, но на допросы вызывали каждую ночь, кроме воскресных и субботних дней. Обессилев без сна, я хотел, чтобы быстрее заканчивалось следствие, сам признал то, чего не было, но по молодости и неопытности не думал, к каким тяжелым последствиям приведет меня ложное признание. Теперь же я прошу установить истину, начав дело с переследствия.

4/IV–1955 год.

К сему Гильд.

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 949)

* * *

СЕКРЕТНО
Экз. №___

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО СПЕЦДЕЛАМ
ПРОКУРАТУРЫ РСФСР
СТАРШЕМУ СОВЕТНИКУ ЮСТИЦИИ
ТОВ. СОЛОНИНУ П.Н.

Ваш № 9/6—5464—55 от 3.VIII—55 г.

При этом возвращаю Вам жалобу заключенного Гильд Никодима Христиановича и копию заключения от 19.XI—54 г., составленного прокурором отдела по спецделам Прокуратуры СССР тов. Сироткиным.

Для сведения сообщаю, что дело по обвинению Гильд на областной комиссии рассмотрено и в пересмотре его отказано.

Имея в виду, что данное дело проверялось Прокуратурой СССР, составлять новое заключение являлось бы нецелесообразным.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 6 листах.

И.О. ЗАМ. ПРОКУРОРА ОБЛАСТИ
ПО СПЕЦДЕЛАМ — ЮРИСТ I КЛАССА КОКОРИН

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 949)

* * *

«22» октября 1956 г.
№ 13/3/20450—54

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРОКУРОРА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТНИКУ ЮСТИЦИИ
ТОВ. СМИРНОВУ А.Н.

Направляю Вам на дополнительную проверку дело по обвинению Гильд Никодима Христиановича, осужденного Кировским областным судом 22 сентября 1952 года по ст. 50—10 ч. 1 УК РСФСР на 10 лет заключения в ИТЛ.

Из материалов дела видно, что следствие было проведено поверхностно, без тщательной проверки свидетельских показаний.

В своих жалобах Гильд указывает, что его показания на предварительном следствии и в суде являются вынужденными, а показания свидетелей — ложными.

Эти его доводы подтверждаются и материалами дела. Гильд был арестован 6 августа 1952 года и в течение одного месяца допрашивался по одним и тем же вопросам 29 раз. Допросы производились в ночное время, а иногда и два раза в сутки, длительность их доходила до 6 1/2 часов, в то время как по объему его показания изложены на 1—1,5 листах.

Впервые Гильд признал себя виновным на очередном седьмом допросе 15 августа 1952 года. Показания его были записаны на одном листе (л.д.

28). Допрос же длился с 22 час 25 мин до 3 час 40 мин 16 августа 1952 года. Метод допросов носил предвзятый характер с требованием следователя признать себя виновным в антисоветской деятельности и оговорить других лиц.

С целью проверки показаний Гильд были допрошены в качестве свидетелей Вальд Ф.А. и Полюдаев Б.В., на которых он ссылался как на лиц, присутствовавших при этих высказываниях.

Однако Вальд и Полюдаев показания Гильд не подтвердили, а их протоколы допросов приобщены к делу после его рассмотрения в суде и не были предметом обозрения со стороны обвиняемого и суда.

В деле имеются показания других свидетелей, которые характеризуют Гильд как добросовестного рабочего-тракториста.

При таком положении признательные показания Гильд доказательством обвинения его служить не могут.

По делу необходимо:

1. Проверить мотивы, изложенные в жалобе Гильд.

2. Допросить свидетелей Диниус Ф.Ф., Месмер Э.М., Растегаева А.Ф., Миллер Ф.И. и Ассель И.Р. по их показаниям на предварительном следствии и суде.

3. С целью проверки показаний этих свидетелей допросить других лиц, а также допросить Вальд Иосифа А. и Бразовского, которые проходят по показаниям Гильд как лица, допускавшие в их окружении антисоветские высказывания.

Если указанные лица были осуждены, то проверить, не проходит ли по их делам Гильд.

По окончании проверки дело с материалами проверки и жалобами возвратите в Прокуратуру СССР.

Исполнение ожидается к 30 ноября 1956 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело № 4741 в 1-м томе и жалобы на 7 листах.

Зам. нач.отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности
Государственный советник юстиции III класса (В.САМСОНОВ)

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 949)

* * *

СЕКРЕТНО
НАЧАЛЬНИКУ УЧЕТНО-АРХИВНОГО ОТДЕЛА УКГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОЛКОВНИКУ ТОВ. ВАНЧИКОВУ Е.В.

Поступившее из Прокуратуры СССР архивно-следственное дело № 4741 по обвинению ГИЛЬД Никодима Христиановича возвращается по миновании надобности для хранения в архиве. Гильд Комиссией Президиума Верховного Совета Союза ССР из лагерей освобожден, как необоснованно осужденный.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Дело в 1-м томе на 257 листах с закл. от 30/VI—54 г. и выпиской из прот. № 6 засед. Кировской облкомиссии от 5/VII—54 года.

СТ. ПОМ. ПРОКУРОРА ОБЛАСТИ
ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ
В ОРГАНАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ЮРИСТ II КЛАССА — И. ФЕОКТИСТОВ

(ГА СПИ КО. Ф. 2473. Оп. 13. Д. 949)

§ 7. Людские судьбы

а) Полковник из дворян.

В лагерях сталинской эпохи встречались люди с удивительными судьбами. Беспощадная социальная буря сводила вместе тех, кто в обыденной жизни, наверное, никогда бы и не ведали друг о друге...

Определенную и заметную часть российских немцев в XVIII—XIX веках составляли дворяне, прежде всего — выходцы из Прибалтики. Они верой и правдой служили России, именами многих из них пестрят современные словари и учебники: поэты А. Дельвиг и В. Кюхельбекер, ученые А. Востоков и В. Струве, мореплаватели И. Крузенштерн и Ф. Врангель, выдающиеся государственные деятели Е. Канкрин и С. Витте... Перечислять можно долго...

Советская власть в 1920—1930-е годы была беспощадна к уцелевшим в СССР остаткам российских немцев-дворян. Шансов выжить они практически не имели. «Органы» в любой момент могли «взять» любого, скрупулезно «исследуя» затем его дореволюционную биографию: раз состоял на военной или статской службе — значит, не мог не иметь отношения к «подавлению беспорядков», к «гонениям против революционеров» и т.д. и т.п. При этом не принимались во внимание ни возраст, ни действительные обстоятельства жизни репрессированного, ни заслуги его перед Отечеством. Клеймо «врага» накладывалось заведомо — прочно и навсегда...

Ярким подтверждением этих слов служит судьба Константина Оттоновича фон дер Гребена (узник Вятлага, архивное личное дело заключенного — № 43049). Он родился в 1866 году в Тифлисе (ныне Тбилиси). Немец. Родной язык для него — русский. Хорошо владел он, что вполне естественно, немецким, а также, как положено

образованному дворянину, французским языками. Обычный жизненный путь офицера из дворян: кадетский корпус, затем — пехотное училище, с 1884-го по 1917-й год служил в российской армии, сражался «за Царя и Отечество» во всех случившихся тогда войнах. Кавалер орденов Св. Анны и Св. Владимира 3-й и 2-й степени. Командир 18-го Кавказского стрелкового полка. В чине полковника вышел в отставку при Временном правительстве — не желая ему служить по «идейным соображениям».

С 1918 года, при советском режиме, род занятий Константина Оттоновича претерпел кардинальные изменения: ученик сапожника, затем официант и наконец (в 1935—1940 годах) — маляр-живописец. Вполне резонно предположить, что «призвание к живописи», проснувшееся в бывшем полковнике на склоне лет, помогло ему не сгинуть от голода в эти трудные годы. Будучи вдовцом (о том, где находятся двое его сыновей, которые в Гражданскую войну сражались на стороне белых, в личном деле К.О. фон дер Гребена не упоминается), он жил перед арестом в Ереване, по адресу: завод «Стройкаучук», 1-й участок, барак 15, комната 14. Вряд ли это было удобным жильем для 74-летнего старика, но других возможностей иметь пристанище, крышу над головой у него, по всей видимости, просто не имелось.

Арестовали К.О. Гребена в 1940 году, уже на излете волны предвоенного террора, но по традиционным тогда «основаниям»: «чуждое социальное происхождение» и «распространение антисоветских анекдотов».

16 ноября 1940 года Верховным судом Армянской ССР обвиняемый Гребен К.О. приговорен к расстрелу. Однако Верховный суд СССР определением судебной коллегии по уголовным делам от 8 февраля 1941 года изменил эту меру наказания и назначил ему 10 лет лишения свободы и 5 лет последующего поражения в правах. Выжить до конца этого срока в тогдашнем лагерном аду было непросто и здоровому, крепкому человеку, а дряхлому старику — просто немыслимо. 18 июля 1941 года заключенный Гребен К.О. доставлен из Еревана в Вятлаг, с обозначением в личном деле категории «трудопригодности» — «легкий физический труд». Продержался он в лагере менее девяти месяцев и умер 10 апреля 1942 года с диагнозом (по акту о смерти) — «паралич сердца вследствие пеллагры и декомпенсированного миокардита».

Голод и холод зимы—весны того года выкосили многие тысячи молодых лагерников, что уж говорить о немощных и престарелых...

Захоронен К.О. фон дер Гребен на кладбище 4-го («больничного») лагпункта («сангородок», ныне поселок Полевой-2 Верхнекамского района Кировской области), в могиле под номером П-26. Следов этой могилы давно не осталось... Таков земной финал горестной судьбы этого человека — российского офицера-интеллигента.

В чем же конкретно обвиняли его следователи НКВД? В постановлении на арест Гребена К.О. зафиксировано: «...Из материалов личного дела усматривается, что Гребен, по имеющимся данным, бывший царский полковник, руководил подавлением забастовок тбилисских рабочих.

...Гребен антисоветски фашистски настроенный элемент, систематически ведет антисоветскую пораженческую агитацию против Советского строя, дискредитируя мероприятия правительства и партии, осторожно исподволь группирует вокруг себя недовольных антисоветски настроенных элементов, делая ставку на интервенцию и восстание внутри страны...»

Бредовость, голословность такого рода обвинений очевидна. А далее следуют стандартные «антишпионские» выпады:

«...Есть основания предполагать, что Гребен ведет шпионаж в пользу Германии, его заявление ряду доверенных лиц, что он работает в пользу Германии и в шпионских целях ведет регистрацию поездов, проходящих Ереван и обратно, — подтверждают эти предположения.

Гребен имеет тесную связь с женой бывшего полковника разоблаченного английского разведчика, репрессированного бывш. ГПУ ЗСФСР — Шелковниковой Людмилой Константиновной, у которой систематически собираются компании из соц. чуждых в прошлом элементов...»

В судебном следствии обвиняемому Гребену инкриминировались и события из прошлого, в частности — времен первой русской революции.

Как отмечается в преамбуле приговора, «...Гребен признан виновным в том, что он, находясь на службе в царской армии в 4-м стр. батальоне и командуя ротой Кавказской стрелковой бригады, в 1900—1905 гг., вместе со своей ротой использовался для подавления рабочих демонстраций и забастовок...». По собственным словам обвиняемого, это предпринималось «...для усмирения беспорядков и охраны порядка».

Из текста судебного приговора следует также, что «...в 1905 году во время проверки вокзала в Тбилиси один рабочий указал ему (Гребену. — *В.Б.*) на тов. Калинина...

Будучи еще подпоручиком, он (Гребен. — *В.Б.*) выезжал в Гори и видел там тов. Сталина, играющего в мяч, и ... запоминая его как Сосо Джугашвили...»

Согласимся, трудно понять, в чем же, собственно, провинился молодой тогда офицер, глядя на столь же молодых в те времена «тов. Калинина и Джугашвили-Сталина»? Впрочем, в советско-сталинские годы уже сама жизнь бывшего царского полковника являлась «криминалом по определению»...

Далее приговор утверждает:

«...Желая скрыть свое контрреволюционное прошлое и дворянское происхождение, Гребен, сейчас же после переворота (в октябре 1917 года. — *В.Б.*), по собственному заявлению, снимает со своей фамилии приставку «фон-дер» и в Батуми поступает на службу к сапожнику в качестве ученика, затем долгие годы работает официантом и на разных мелких службах, переезжая из одного города в другой.

В 1935 году, приехав из Харькова на проживание в гор. Ереван, поступает на работу в СК «СОВПРКИ» в качестве маляра-живописца, находясь на этой работе до своего ареста.

Оставаясь убежденным монархистом и ярым противником Советского строя, Гребен, создав в Ереване круг своих интимных знакомых, при встречах вел с ними контрреволюционные разговоры и рассказывал антисоветские анекдоты.

Так например, рассказывал похабный анекдот о советском гербе (см. дело — вещественное доказательство), слышанный им еще в 1935 году в гор. Харькове, записал собственной рукой, чтобы не забыть содержание.

Рассказывал также анекдот о том, что серп и молот наоборот читается престолом, что по смыслу означает, что кончится престолом; или же другой анекдот, что в Англию на конкурс племенных лошадей Советский Союз послал осла-выдвиженца, вместо лошади.

В своих разговорах высказывал сожаления о царском строе, жалел о потерянных привилегиях, хвалил фашистскую Германию, Гитлера, заявляя, что Германия, покончив с Англией и Францией, нападет на Советский Союз, свергнет советский строй, установит новые порядки, при которых он будет восстановлен в своих правах...»

Оценив все это, включая обычное старческое брюзжание, «по совокупности», судебная коллегия Верховного суда Армянской ССР и назначила Гребену К.О. высшую меру наказания.

Кстати, по тексту приговора можно видеть, что подсудимый вел себя достойно, мужественно и «виновным себя не признал».

Ну а чем же руководствовалась судебная коллегия Верховного суда СССР, снижая Гребену К.О. меру наказания? В определении коллегии по его апелляции, за почти дословным цитированием утверждений первой судебной инстанции о доказанности вины подсудимого в том, что касается его участия в «подавлении рабочих демонстраций и забастовок», в проведении им «антисоветской агитации», следует весьма неожиданный вывод: «...Однако, учитывая то обстоятельство, что активное участие его (Гребена. — *В.Б.*) в подавлении забастовок по существу не установлено, и его преклонный возраст (75 лет), применение к нему расстрела не вызывается необходимостью...» (17).

Таков он — «гуманизм советского правосудия»: скорую расправу — убийство совершенно безвинного престарелого человека — заменили медленным умерщвлением его в лесном лагере — голодом и холодом...

б) Два Миллера.

После войны, когда «органы» интенсивно «пополняли» количественный состав спецпоселений, нередко в эти советские резервации «под общую гребенку» водворялись люди, абсолютно невиновные — даже с точки зрения отнюдь не вегетарианских сталинских законов.

Стопроцентная «советскость», полное непонимание причин репрессий против них, правопослушных граждан своей «социалистической» страны, — характерны для этих растерянных, несчастных людей.

Судьба Вильгельма-Якова Христиановича Миллера, питерского немца, являет нам пример именно из этого ряда. Родился он в 1896 году в Санкт-Петербурге (в 1924—1991 годах — Ленинград). В 1948 году взят «как лицо немецкой национальности» на учет по месту жительства и переселен в Кайский (ныне Верхнекамский) район Кировской области — под надзор спецкомендатуры № 17.

Из анкетных данных В.-Я.Х. Миллера следует, что родной язык для него — русский, что он гражданин СССР, беспартийный, имеет высшее педагогическое образование. В 1919—1921 годах служил в Красной Армии. В плену и за границей не был. Ранее не выселялся. Преподаватель и заведующий кафедрой немецкого языка в Кировском педагогическом институте. Жена — Миллер Евгения Исаковна, по национальности еврейка.

До 1942 года супруги Миллер жили в Ленинграде, затем были эвакуированы. И внимание «органов» к себе В.-Я.Х. Миллер привлек как раз поездкой в родной город. Вот что он сам пишет по этому поводу в заявлении от 13 марта 1947 года, представленном в органы госбезопасности:

«...30 июля 1947 года я приехал в Ленинград в отпуск по 28 августа. Остановился у родственников (у сестры жены). Сдал паспорт для прописки. Меня вызвали в 7-е отделение милиции, а затем направили на площадь Урицкого в паспортный отдел.

12 августа меня уведомили о том, что я обязан в 24 часа покинуть Ленинград. 3 года я служил в Красной Армии. Почти все время на фронте с 1919 по 1921 год. Работал в военно-морском инженерном училище с 1937 года преподавателем немецкого языка по вольному найму, тушил бомбы в блокаду.

14 марта 1942 года вместе с институтом эвакуировался в Пятигорск добровольно.

А в мае 1942 года мне было предложено, как лицу немецкой национальности, покинуть Пятигорск и выехать в Казахскую ССР...»

С июля 1942 года по май 1944 года В.-Я.Х. Миллер был учителем немецкого языка в школе села Боровое Кустанайской области. Получив затем вызов из Кировского пединститута, он обратился в местные органы НКВД за соответствующим документом — пропуском. При оформлении последнего в этих самых «органах» внесли в паспорт гражданина Миллера В.-Я.Х. две пометки: «1. Переселен в Кустанайскую область Казахской ССР; 2. Выезд в гор. Яранск (именно там находился тогда Кировский пединститут. — *В.Б.*) зарегистрирован».

По интеллигентской наивности и юридической неопытности В.-Я.Х. Миллер полагал, что пометки эти — простая формальность, мера предосторожности, не более. И до поры до времени у него не было оснований усомниться в этом предположении: в 1946 году столичным Министерством он был утвержден заведующим институтской кафедрой немецкого языка, и когда в том же году выезжал по служебной командировке в родной Ленинград, его там благополучно и без проблем прописали (на время пребывания, разумеется).

Но вот в следующем году дело приобрело уже совсем иной оборот.

В заключении своего заявления в «органы», после перечисления всех фактов, неопровержимо (с точки зрения автора) доказывающих его безупречную правопослушность и абсолютную граж-

данскую корректность, В.-Я.Х. Миллер просит «...снять с него ограничения по административной высылке и разрешить ему постоянное проживание в Ленинграде».

Однако «органы» имели на сей счет свое «особое» мнение. В заключении, составленном по «делу Миллера В.-Я.Х.» помощником оперуполномоченного 6-го отделения 1-го спецотдела УМВД по Ленинградской области, констатируется: «...Миллер В.Х. удален из Ленинграда в соответствии с решением Военного Совета Ленинградского фронта № 00713 от 9 марта 1942 года по национальным признакам, как немец...» Отсюда вывод: «...Миллеру Вильгельму-Якобу Христиановичу спецпоселение оставить в силе».

И административная машина начала набирать обороты. 24 октября 1947 года заключение ленинградских чекистов, предназначенное «для объявления спецпоселенцу Миллеру В.Х.», поступило в Кировское УМВД. Здесь — для начала — Миллера В.Х. поставили на учет спецпоселения, разрешив ему «проживание в г. Кирове до 1 сентября 1948 года» и обязав проходить ежемесячную регистрацию. Оформлено личное дело спецпоселенца, «отобраны» все необходимые расписки.

А вскоре положение заведующего кафедрой немецкого языка ухудшилось кардинально: в 1949 году его увольняют из пединститута и выселяют из Кирова на север области — в спецпоселок, к черту на кулички. Уволена с работы в вузе и его жена, не являвшаяся, как мы знаем, немкой по национальности.

Однако неугомонный и по праву считающий себя «кристально чистым советским гражданином» В.-Я.Х. Миллер отнюдь не смирился с таким поворотом в своей судьбе. Сначала он обращается в отраслевое министерство, но получает оттуда формальную отписку (да и что могли в данной ситуации ответить, а тем более предпринять московские чиновники на ниве просвещения — под недремлющим «соколиным» взором своих коллег из куда более «серьезного» ведомства?). 20 ноября того же 1949 года В.Х. Миллер направляет еще одно заявление в Москву — теперь уже на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкина:

«...Обращаюсь к Вам по личному вопросу. Весной 1948 года я был взят на учет МВД Кировской области как лицо, относящееся по паспорту к немецкой национальности. В марте 1949 года я был переселен из г. Кирова, где работал в течение ряда лет преподавателем в Кировском государственном педагогическом институте, в пос. Рудничный Кайского района Кировской области...

Считаю нужным добавить, что считал и считаю себя русским, являюсь гражданином СССР и родина моя — Россия. Вопросу о принадлежности к той или иной национальности я не придавал значения, будучи гражданином Великого Советского Союза, где все граждане пользуются одинаковыми правами, независимо от национальности. Немцем я себя никогда не считал и русский язык — мой родной язык. Я родился в Ленинграде и всю свою жизнь до марта 1942 года прожил в Ленинграде. Я окончил советский ВУЗ, воспитан передовой русской литературой и учением Ленина-Сталина. Во время 1-й империалистической войны в 1916—1917 годах я сражался в русской армии против немцев. В период Гражданской войны был в рядах РККА и участвовал в боях против белых, а в Великую Отечественную войну, во время блокады Ленинграда состоял в команде НПВО и получил благодарность в приказе за ликвидацию зажигательных бомб... Ни в плену, ни в оккупации не был.

Родственников за границей не имел и не имею. Причисление меня только по паспорту к лицу немецкой национальности является лишь формальным и не по существу, к тому же Великая Сталинская Конституция гарантирует равные права всем гражданам независимо от национальности. Поэтому мне непонятны мотивы, в силу которых я оказался на положении переселенного лица, и мне кажется, что эта мера по отношению ко мне ошибочна...»

Завершает В.-Я.Х. Миллер это свое обращение на пронзительной просительно-патриотической ноте: «...Я прошу Верховный Совет учесть изложенные обстоятельства и снять с меня спецпоселение и дать мне возможность в дальнейшем применить полученные знания и свой опыт на благо Социалистической Родины...»

Но и такими громкими декларациями не пронять высоких московских сановников, а тем более — «органы». Государственная политика в отношении немцев незыблема как скала, и заявление В.-Я.Х. Миллера аккуратно подшивается в его личное дело — без какого-либо «реагирования по существу».

Такая же судьба постигла и повторное (от 28 мая 1950 года) обращение В.-Я.Х. Миллера к тому же А.Ф. Горкину: заявление «оставлено без удовлетворения».

Правда, в декабре 1949 года ему дозволяют (разрешением областного УМВД) выезд на 6 дней в город Киров — для ухода за женой, сломавшей руку. Но на этом все благодеяния властей и «органов» исчерпываются...

В августе 1950 года, отчаявшись найти помощь у депутата А.Ф. Горкина, В.-Я.Х. Миллер направляет заявление на имя друго-

го союзного депутата — А.Н. Поскребышева, к тому же — члена ЦК ВКП(б) и личного секретаря И.В. Сталина. Заявитель вновь горько сетует на свою судьбу: «...Почему ... я отнесен к категории лиц, которые либо еще до войны или во время войны себя дискредитировали? Мне морально тяжело это переносить как человеку, который честно отдавал все свои силы и знания служению Родине...

Вся моя работа в разных учебных заведениях в течение почти 20 лет была направлена на честное выполнение порученного мне дела — воспитания и обучения советской молодежи в духе идей Ленина и Сталина...»

Но моральные терзания немца-спецпоселенца, пусть и добросовестного работника, для властей интереса не представляют.

Педагог-филолог высшей квалификации продолжает «трудоиспользоваться» в спецпоселке — счетоводом, затем бухгалтером продовольственного снабжения фосфоритных рудников, превозмогает убогие условия быта и тяжкий северный климат. Его регистрационный лист испещрен аккуратными, сделанными в срок отметками. Искренность и честность этого человека не вызывают никаких сомнений, в том числе — у тех, кому поручено надзирать за ним. В секретной характеристике, составленной по месту спецпоселения, отмечается: «...С 1949 года Миллер проживает на спецпоселении в поселке Рудники Кайского района Кировской области. (Работает) бухгалтером продснаба. К работе относится добросовестно, нарушений режима и общественного порядка не имеет, на регистрацию является аккуратно.

Комендант спецкомендатуры Кайского района РО МВД
ст. лейтенант (Подпись)
01.06.1953 г.»

В качестве поощрения поселенцу Миллеру в июне того же 1953 года разрешен выезд в город Киров — для протезирования зубов. Но о воссоединении семьи речи по-прежнему не идет...

...Умер Сталин, в стране повеяло «оттепелью». И в июне 1954 года В.-Я.Х. Миллер направляет очередное заявление в Президиум Верховного Совета СССР:

«...Прошу о помиловании, об отмене высылки, в которой я нахожусь уже 5 лет, и о разрешении мне снова заняться педагогической деятельностью, сняв с меня положение спецпоселенца...»

Вновь в областной центр затребованы личное дело и характеристика «спецпоселенца Миллера».

И 13 августа 1954 года ему объявлено, что «заявление его рассмотрено» и «оснований к освобождению его из спецпоселения не

имеется». Лишь 29 января 1956 года В.-Я.Х. Миллер был наконец-то исключен со спецучета, но при этом он дал расписку в том, что «в соответствии с решением Правительства из спецпоселения освобожден без права проживания в Ленинградской области». Засим личное дело «спецпоселенца Миллера» сдано в архив (18).

...Спустя много лет, в конце 1972 года, находясь уже в родном Ленинграде, Вильгельм-Якоб Христианович Миллер поздравил телеграммой Кировский педагогический институт, который праздновал в те дни свой очередной юбилей. Печальная история изгнания из стен этого института супругов Миллер отошла в прошлое. Люди сумели подняться над горькой памятью о незаслуженных обидах. А вот справедливость государства по отношению к ним, как и ко всем российско-советским немцам, так и не восторжествовала...

* * *

Одновременно с героем предыдущего повествования в Кировской области находился на спецпоселении еще один Вильгельм Миллер. Но судьба его сложилась совсем иначе...

В справке на выселенца Миллера Вильгельма Александровича (спецпоселок Летский рейд Шестаковского (ныне Слободского. — *В.Б.*) района Кировской области) читаем: «...В соответствии с Директивой НКВД СССР от 11 октября 1945 года Миллер В.А. как лицо (или член семьи) немецкой национальности 21 ноября 1945 года из Саратовской области переселен в Шестаковский район Кировской области и на основании Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 года оставлен навечно в местах обязательного поселения выселенцев без права возврата к прежнему месту жительства».

С фотографии, приобщенной к анкете «спецпоселенца Миллера», на нас смотрит молодое задумчивое лицо. Жизнь этого человека оказалась простой и короткой. Но пришлась она на слишком бурное и немилосердно жестокое время...

Родился В.А. Миллер 10 марта 1926 года в селе Гукк Бальцерского кантона АССР немцев Поволжья (ныне село Сплавнуха Красноармейского района Саратовской области). Родной язык — немецкий. Образование — 4 класса, беспартийный. Специальности не имеет. Бывший колхозник. В Красной Армии не служил (не успел по возрасту), в плену не был.

С 1931-го по 1943-й год вместе с семьей (отец, мать и две сестры) жил в селе Каменная Горка Минской области (Белоруссия). Там же находился в период германской оккупации. В 1943 году вывезен в Польшу, а оттуда — в Германию, где до 1945 года работал у

помещика. Возвращен в СССР по репатриации и сразу же взят на учет спецпоселения. Дал все необходимые в таких случаях расписки и обязательства. Трудоиспользование — рабочий сплавной конторы (сплавщик). Война разметала семью, родственники то ли остались в Германии, то ли погибли где-то в военном лихопутье... Во всяком случае, по учету спецпоселения они не значатся, а запросы самого В.А. Миллера о родных и соответствующие проверки «органов» по этому поводу никаких результатов не принесли. В конце 1946 года в спецкомендатуру поступило извещение о том, что «...сведений в 1-м спецотделе МВД СССР и УМВД по Кировской области о месте нахождения его (Миллера В.А. — *В.Б.*) родителей, а также двух сестер не имеется».

В январе 1947 года В.А. Миллер женился на Виктории Шмидт и жил на поселении в семье тестя.

Органы госбезопасности, как водится, не спускают глаз с «репатриированного немца Миллера Вильгельма Александровича», в частности, тщательно проверяют наличие «компрометирующих материалов» на него по прежнему месту жительства в Минской области. На особый запрос кировских чекистов по этому делу их минские коллеги отвечают, что «таковых материалов нет». На повторное обращение из Кирова с просьбой «установить факты предательской и пособнической деятельности Миллера В.А. во время оккупации» Минское УМГБ извещает, что и таких фактов тоже не обнаружено.

В личном деле «спецпоселенца Миллера В.А.» подшиты обычные текущие бумаги — отражение судьбы рядового человека, оказавшегося в далеко не обычных условиях политической ссылки.

Здесь — составленное от руки и подписанное комендантом спецпоселения «разрешение» от 1 сентября 1950 года, коим дозволяется Миллеру В.А. «посетить» районный центр — село Шестаково.

Здесь же — несколько агентурных доносов (о чем говорит, с кем играет по вечерам в карты, как изъясняется в подпитии и т.п.). И хотя в этих доносах не зафиксировано ничего серьезного, опасного для власти, наблюдение продолжается: а вдруг и «всплывет» нечто, пригодное для дальнейшей агентурной разработки или даже — для целого следственного дела?

Впрочем, до поры до времени судьба благоволила к этому молодому немцу, и он, конечно же, не без надежды думал о будущем, ожидая освобождения.

Но тут вмешалась роковая случайность. По весне, 6 апреля, во время ледохода сотрудники лесопункта получили зарплату за пре-

дыдущий месяц. Некоторые их них, в том числе и В.А. Миллер, собрались после этого вечерком у магазина, на берегу реки, где, как водится, и отметили сие событие. В это время с другого берега реки раздались крики с просьбой о переправе. Несмотря на бурный ледоход, Вильгельм и его столь же молодой русский напарник Николай вызвались перевезти через реку двух женщин. Но льдины шли мощным торосом и перевернули лодку. Напарник был помоложе и потрезвее, поэтому сумел выплыть. А вот Вильгельм, очевидно, выпил слишком много, или ему просто не повезло... Нелепая смерть...

Комендант, организуя окрестных жителей на поиски тела утопшего, информирует их, как Вильгельм был одет: черная фуфайка, серый пиджак, резиновые сапоги. В кармане пиджака — примерно 600 рублей: потрачена лишь небольшая часть только что полученного месячного заработка... (19)

Дело В.А. Миллера отправлено в архив. Освобождать его из спецпоселения уже не потребовалось. И лишь спустя десятилетия — в 1996 году, по заявлению дочери из Алтайского края — Вильгельм Андреевич Миллер был признан реабилитированным...

Судьбы двух Миллеров — столь непохожих друг на друга людей — в чем-то роднятся. Они сломаны, скомканы, как изувечены, искривлены, искалечены жизни всех без исключения российских немцев той эпохи.

Лишь спустя почти четверть века — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года — на всю страну было объявлено, что приведенные в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «огульные обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам... в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья... были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина...». Но это случилось уже на последнем дыхании «оттепели» — и за словом так и не воспоследовало дело: немцам не вернули конфискованного у них имущества, не восстановили национальной немецкой автономии, не разрешили возвращения в места жительства до выселения.

Наконец, через три с лишним десятилетия после начала войны появился последний советский государственно-правовой акт в отношении немцев — как всегда, половинчатый. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года были сняты ограничения в выборе места жительства для немцев и членов их семей, для греков, болгар, армян, а также греческих, турецких и

иранских подданных (запрет — в духе «освободительных» указов 1950-х годов — продолжал действовать лишь в отношении крымских татар). Таким образом, немцам официально дозволили вернуться в места, откуда они были выселены треть века назад. Но теперь у них здесь не было ни кола и ни двора... А возврата конфискованного имущества по-прежнему не предполагалось...

ПРИЛОЖЕНИЕ
[ЗАЛОЖНИКИ ДИКТАТУРЫ]

...В чем ... причины безрассудной политики уничтожения ... российских немцев в годы войны — далеко не худшего по качеству «рабочего фонда», занятого на сооружении объектов, крайне необходимых воюющей стране?

И это при том, что у НКВД уже практически иссякли поступления новой принудительной рабсилы, которая могла бы заменить «доведенных до инвалидности» и гибели российских немцев.

Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в критической ситуации на советско-германском фронте. Новое успешное наступление гитлеровских войск в направлении Сталинграда с целью выйти на Волгу и в глубокий тыл Красной Армии ввергло многих, включая и правящие советские круги, в панику и сомнения по поводу благополучного исхода войны. Даже разгром немцев под Сталинградом в феврале 1943 года еще не воспринимался как начало перелома в войне. Поэтому понятно, почему в руководстве НКВД не была принята во внимание справка обеспокоенного отдела ГУЛАГа ... о неудовлетворительном физическом состоянии немецкого «рабочего фонда.

Оно было озабочено не состоянием немецкого «рабочего фонда» — его «естественная убыль», очевидно, соответствовала намеченным темпам, — а тем, как следует поступать с оставшимися немцами в случае гибельного исхода войны. Решение напрашивалось само собой: этот «контингент» ни в коем случае не должен остаться в живых. Разве что в качестве заложников, если сложатся соответствующие обстоятельства.

В этом вопросе у меня наверняка окажется немало оппонентов.

«Какой смысл, — скажут они, — рассуждать о том, что не произошло, хотя и могло случиться?»

Действительно, рассуждения типа «что было бы, если бы...» (кажется, это называется «контристорией») едва ли приемлемы в науке, которая имеет дело со строгим анализом реальных фактов. Иное дело — публицистическое исследование логики и тенденции развития таких фактов и явлений.

Я говорил на этот счет со многими «трудармейцами», и не нашлось ни одного, кто не разделял бы моего мнения об ожидавшей нас участи в случае, если бы... К тому же, рассуждая о вероятности всеобщей трагической

развязки в судьбе «трудармейцев», мы принимаем во внимание не только условия, в которых она могла наступить, но и личностные качества тех деятелей, кто по злой воле истории вершил судьбами сотен тысяч и миллионов людей.

За массовым геноцидом стоял большевистский дух, который в случае военной катастрофы вполне мог воспрянуть и принести в жертву «Родине и народу» еще один-два миллиона надуманных врагов.

Поэтому наибольшими, быть может, ревнителями побед Красной Армии являлись именно мы, немецкие лагерники. Ибо твердо знали: от ее успехов зависело, как стрелка барометра, указывающая на смерть, начнет приближаться к отметке «жизнь».

И речь шла не только о существовании российских немцев как народа, но и физическом бытии каждого соплеменника в отдельности.

Для расправы с нами достаточно было пропускной способности ОПП («оздоровительно-профилактических пунктов»), через которые к тому времени прошла треть нашего «контингента».

И тогда все лагеря для российских немцев стали бы «зонами» не только полного покоя, но и покойников.

Причина? Исторически единый язык с фашистскими оккупантами, а главное — общее, ставшее ругательным, неприличным имя — «немец».

Вот я и спрашиваю: возможно ли что-нибудь более безрассудное и чудовищное, чем ставить своих собственных граждан на одну доску с врагами? И считать их врагами. И поступать с ними, как с врагами. И уничтожать их, как врагов.

Из сказанного следует, что «мобилизация» немецких женщин в «рабочие колонны» была неотъемлемой составной частью сталинского «эксперимента» по ликвидации российских немцев как народа. Эта сверхзадача советских властей зримо ощущается за казенными фразами совершенно секретного Постановления Государственного Комитета Обороны СССР (ГКО) от 7 октября 1942 года «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». Согласно данному акту... подлежали отправке в «рабочие колонны» не только мужчины новых годов рождения, но и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. Исключения составляли лишь беременные и женщины, имевшие детей до 3 лет.

Даже поверхностный анализ этого палаческого Постановления показывает, что оно, вопреки своему наименованию, выходило далеко за рамки решения народно-хозяйственных задач. Такой вывод напрашивается сам собой, если поставить естественные вопросы, навеваемые его содержанием. Во-первых, почему изо всех женщин многонационального государства эта акция коснулась только представительниц немецкой национальности? Во-вторых, столь ли безысходным было экономическое положение СССР, если власти сочли возможным ограничиться «мобилизацией» лишь немецких женщин? Наконец, в-третьих, могли ли эти женщины поддержать на плаву экономику огромной страны, тем более что их было всего несколько сотен тысяч? Тщетно было бы искать разъяснений по этим вопросам в документах того времени.

Не содержал ответов, естественно, и сам текст Постановления ГКО (хотя для «внутреннего пользования» соответствующее обоснование, возможно, разрабатывалось). Напротив, авторы из НКВД (их почерк просматривается совершенно явственно) стремились поглубже запрятать подлинный смысл и предназначение своего творения. В этом смысле данное Постановление весьма напоминает лживый Указ от 28 августа 1941 года и по-своему дополняет его. Но по вопиющей бесчеловечности и поставленным целям оно далеко превосходило все, что было предпринято в отношении российских немцев с начала войны.

В первую очередь это относится к той части Постановления, которая затрагивала святая святых каждого народа — семью и детей.

Ясно, что «мобилизация» обоих родителей могла принести им лишь полное разорение, сиротство, смерть...

...В пункте 3 Постановления говорилось: «Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста(!) передаются(?) на воспитание(!) остальным(?) членам данной семьи. При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизуемых, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам(!) или немецким колхозам(!!!).

Обязать местные Советы депутатов трудящихся принять меры к устройству(!) детей мобилизуемых немцев».

В том, что означала на деле каждая фраза этого людоедского документа... можно убедиться, ознакомившись с воспоминаниями тех, кого он обжег тяжким сиротским детством.

А пока подведем короткий итог. Постановление ГКО от 7 октября 1942 года ... было далеко не рядовым репрессивным актом. Оно свидетельствует о том, что сталинское руководство и его подручные из НКВД-НКГБ вышли на новый «виток» антинемецкого геноцида.

Этот изуверский план, реализация которого была начата Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года и продолжена постановлениями ГКО 1942 года, осуществлялся со ссылкой на чрезвычайное положение страны и всеоправдывающие условия военного времени.

Не будем забывать, что указанное Постановление готовилось и принималось осенью 1942 года, в один из самых напряженных периодов войны. После тяжелейших оборонительных боев части Красной Армии были вынуждены отойти на восток вплоть до самой Волги. Завязалось ожесточенное сражение за Сталинград, от исхода которого зависела судьба Советского государства.

Логично предположить, что в этих чрезвычайных условиях кремлевская верхушка разрабатывала превентивные меры на случай, если развитие событий на театре военных действий будет чревато развалом СССР.

Вполне вероятно, что в число этих мер входила и ставка на сконцентрированных в лагерях российских немцев, которые рассматривались как принудительная дармовая рабсила и одновременно как политические заложники.

Удвоение их за счет «мобилизованных» женщин было важно как в количественном, так и в качественном отношении.

По замыслу советских «стратегов», бедственное положение и массовая гибель немецких мужчин, женщин, детей и стариков должны были оказать психологическое воздействие на противоборствующую сторону (таких же головорезов, как и они сами), побудив ее ослабить натиск на советские войска и пересмотреть конечные цели восточной кампании Гитлера.

В случае полного поражения Красной Армии и разгрома коммунистической империи можно было бы попытаться выторговать собственную жизнь и благополучие, используя в качестве разменной монеты оставшихся в живых немецких заложников...

(ВОЛЬТЕР Герхард (Григорий) Андреевич (05.10.1923 — 19.09.1998) — литератор, педагог, деятель национального движения российских немцев. Зона полного покоя. — Мемориал. 2003. Декабрь. № 27. Т. 1. С. 52—53)

* * *

ПАМЯТИ ТРУДАРМЕЙЦЕВ

Упорно бьет в плотинный темный камень
Залив осенний тяжкою водой...
Стою один.
Со мной сегодня память,
И давний черный год — сорок второй!
Студеною волною в память сердца,
Слезою скорбной льются эти дни...
Тогда здесь умирали трудармейцы,
На безответный падая гранит.
Уральские метели их отпели,
Глаза закрыть родные не пришли.
Отметило начальство спецотдела
Лишь номера на бугорках земли.
Военных лет наследье роковое!
Бесправие на много лет вперед
Познал сполна! — за той виной чужою —
Немецкий, зло наказанный народ.
И лютой стужей — в лес, в каменоломни...
Под окрики, собак рычанье, вой
Бригадно-трудармейские колонны
Здесь шли на труд, как на последний бой.
Терялась вера.
И терялись силы...
Упавшие подняться не могли.
И далеко отцовские могилы —
Поволжская святая горсть земли.
Ах, как горьки твои печали сердца,
Народ, не удостоенный наград!
Их не забыть — погибших трудармейцев —
Немецкого народа страшный вклад.

Где бьет волна в плотинный, темный камень,
Прохожий, не спеша, остановись!
И скромно поклонись здесь вместе с нами
Тем, что погибли, утверждая жизнь.

ЮНГ А.
Богословлаг НКВД СССР
(г. Краснотурьинск, Свердловская область).

(Книга Памяти: 3461 имя трудармейцев немецкой национальности, погибших в Богословлаге в годы Великой Отечественной войны. — М., 2000. С. 102—103).

* * *

Российские немцы в XX веке попали в жернова между двумя диктатурами, сцепившимися в схватке за мировое господство. В этой гигантской битве без вины виноватый полуторамиллионный этнос оказался заложником двух тираний, понес огромный моральный, материальный и культурный ущерб. Неизбывная трагедия целого народа...

Но нельзя при этом упускать из вида, из исторической памяти, что не менее тяжко жилось в те годы русским, украинским и белорусским крестьянам, задавленным нищетой и непосильными налогами, высланным прибалтам, изгнанным из родных мест народам Кавказа и Крыма...

Примеры можно легко и долго множить. Режим сталинской диктатуры использовал собственный народ как рабочий материал на «стройках коммунизма» или как топливо для «индустриализации страны», а в сущности — для реализации далеко идущих глобальных милитаристских планов под лозунгом «мировой революции». И в этом смысле трагедия российских немцев — часть трагедии всей России советско-сталинской эпохи...

Это время в нас ввинчено штопором.

А. Галич

На оседлости коммунизм никак не построится.

А. Платонов

РАЗДЕЛ IV

ПРИБАЛТЫ В ЛАГЕРЯХ И НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ

168 Документ 10 191

У Т В Е Р Ж Д А Ю
ПРОКУРОР ЭСТОНСКОЙ ССР
Государственный советник юстиции
2-го класса
(КЛААС)
"17" июня 1957 года.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

11 июня 1957 года гор.Таллин.

Пом.Прокурора ЭССР - младший советник юстиции АУСТА Х.А. рассмотрев материалы архивно-учетного дела № 1559 на административно-высланную ВОЙТЕС Сальме Карловну и ее заявление об освобождении со спецпоселения,

Н А Ш Е Л :

14 июня 1941 года органами НКГБ ЭССР арестован ВОЙТЕС Хейнрих Августович 1896 года рождения, за то, что он с 1920 по 1924 гг. служил полицейским в городе Нарве, а с 1928 г. по день ареста являлся помощником начальника Центральной тюрьмы в гор.Таллине.

8 августа 1942 г. дело производством прекращено в связи со смертью ВОЙТЕС Х.А.

На основании постановления Оперштаба НКГБ ЭССР от 12 июня 1941 года из Эстонской ССР была выслана на спецпоселение в Кировскую область его семья в составе: жены - ВОЙТЕС Сальмы Карловны, 1907 года рождения и сына - ВОЙТЕС Эрика Хейнриховича, 1929 года рождения.

ВОЙТЕС Сальме возсудила ходатайство перед Прокурором Эстонской ССР об освобождении ее и сына со спецпоселения.

Из материалов архивно-следственного дела видно, что ВОЙТЕС Х.А. с 1920 по 1924 гг. служил полицейским в гор.Нарва, а с 1928 г. по день ареста работал помощником начальника центральной тюрьмы по хозяйственной части в гор.Таллине. Практическая контрреволюционная деятельность ВОЙТЕС Х.А. материалами дела не установлена, также не установлено случаев грубого отношения с его стороны к заключенным, содержащимися в этой тюрьме.

ВОЙТЕС Хейнрих и его жена ВОЙТЕС Сальме по своему социальному происхождению из крестьян-бедняков, никакой собственности не имели. Мать ВОЙТЕС Сальме в настоящее время проживает в ЭССР, в связи с преклонным возрастом - 70 лет, не трудоспособна, и обеспечить себя не в состоянии.

'69

ВОЙТЕС Сальме и ее сын Эрих на спецпоселении находятся длительное время в течение 16 лет.

ВОЙТЕС Эрих занимается общественно-полезным трудом - работает в Кировском автомотоклубе ДОСААФ инструктором - по работе характеризуется положительно. ВОЙТЕС Сальме нигде не работает в связи с болезнью.

Учитывая это считаю, что дальнейшее содержание на спецпоселении указанных лиц является нецелесообразным.

На основании изложенного

П о с т а н о в и л :

Освободить со спецпоселения ВОЙТЕС Сальме Карловну 1907 года рождения, ВОЙТЕС Эрика Хейнриховича 1929 года рождения.

Постановление направить в МВД ЭССР для исполнения.

ПОМ.ПРОКУРОРА ЭССР ПО НАДЗОРУ ЗА
СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНАХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Мл.советник юстиции -

(АУСТА)

17. Заказ № 706.

2

„УТВЕРЖДАЮ"
Член Оперштаба НКГБ ЗССР
9 июня 1941 г.
г. Таллин
[signature]

Постановление

1941 года июня месяца „ " дня, Я
слуш. ВШ НКГБ СССР Шелест Р.К.
(должность оперсотрудника, звание, фамилия и инициалы)
рассмотрев учетное дело № , где
Маркус Херберт Фердинантович
(фамилия, имя и отчество)
арестован по обвинению как быв. начальник пропаганды „кайцелит" в вол. Саус. Принимал акт. участие в деятельности
(сущность обвинения)
к-р орг. „ваше" и „гозамалит". Проводит разную а/с к-р агитацию.

и руководствуясь директивой НКГБ СССР

Полагал-бы:

Семью Маркус Херберт Фердинантовича
(фамилия, имя и отчество)
состоящую из жены Маркус Матхильде-Анетте 1909 г. рож. дочери Маркус Хертти Хербертовна 1939 г. рож., отца Маркус Фердинант-Христьян 1877 г. рож. матери Маркус Аделе-j-Луйсе-Юлие 1882 г. рож. ВЫСЛАТЬ в отдаленную местность.

Подпись оперсотрудника [signature]

„СОГЛАСЕН" Председатель уездной тройки [signature]

§ 1. Три операции разных лет

Советизация присоединенных в 1940 году трех прибалтийских республик мыслилась сталинским руководством по хорошо проверенным прежде методам. Массовые выселения — депортации не только удаляли потенциально оппозиционную новому режиму часть общества, но и заставляли оставшееся население быть более молчаливым и преданным советскому строю если не в мыслях, так хотя бы не на словах. На первых порах этого было достаточно. Новый аппарат власти мог быстро укрепиться, имея за своей спиной войска НКВД.

По постановлению УК ЦКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 года у Литвы, Латвии и Эстонии выселялись в Сибирь, Казахстан и Русский Север антисоветские и социально чуждые элементы, члены контрреволюционных партий, бывшие полицейские, офицеры, фабриканты, помещики ... Таким образом, имелись два главных критерия потенциальной опасности для Советской власти людей, ничем себя перед ней не скомпрометировавших: чуждое буржуазное происхождение и деятельность в государственном и политическом аппарате власти прежней буржуазной республики. По мнению ряда прибалтийских историков, в число депортированных попал, прежде всего, цвет нации: влиятельные политики, деятели культуры, бизнеса.

Считалось, что именно эти люди могут представлять угрозу упрочению Советской власти в Прибалтике. Впрочем, в директиве НКВД, подписанной Л. Берия, конкретизировавшей данную операцию НКВД, территориально регион был охвачен шире, директива называлась «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и

Молдавии». Чистке подлежали все вновь присоединенные в 1939—1940 годах западные территории.

14—16 июня 1941 года — черные дни для населения Латвии, Эстонии и Литвы. Именно в эти три дня НКВД провело свою операцию по аресту, погрузке в эшелоны и отправке из Прибалтики всех арестованных. Операция началась в ночь с 13 на 14 июня. НКВД — НКГБ каждой республики заранее подготовило списки лиц, подлежащих депортации, опираясь на архивы, перешедшие в их полное распоряжение. Прежде всего, в такие списки вошли сотрудники старого государственного аппарата, правоохранительных структур, военизированных организаций и буржуазных политических партий, а также представители крупной буржуазии. Впрочем, по директиве НКВД высылке подлежали также репатрианты из Германии и Польши (предполагалось, что среди них имеются шпионы), уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью и проститутки, зарегистрированные в полиции и занимающиеся прежней деятельностью.

Пуританская коммунистическая мораль требовала аскетизма и борьбы с «разложившейся буржуазной моралью».

Кроме указанных выше лиц высылке подлежали и члены их семей, проживавшие вместе с главными объектами высылки. Но если главы семей (мужчины) арестовывались и отправлялись вначале в пересыльные лагеря, а затем обычные лагеря ГУЛАГа как заключенные, то члены их семей, как правило, сразу следовали к местам спецпоселения.

Из Литвы было выселено 10 187 человек, из Эстонии — 5978 человек, из Латвии — 9546 человек. Всего 25 711 человек (1). Немало людей было вывезено из других западных регионов: из Молдавии — 22 648 человек, Западной Украины — 9595 человек, Западной Белоруссии — 27 887 человек (1).

Трудности, испытанные новыми спецпоселенцами в условиях невероятной по мощи и накалу войны, начавшейся через неделю после депортации, — были колоссальными: тяжкий многодневный путь в эшелонах, ужасный быт в бараках и неприспособленных помещениях (иногда это — старые мастерские, трюмы разбитых судов, землянки ...), тяжелый и непривычный для большинства физический труд в леспромхозах, на стройках, колхозах, промышленных предприятиях. Возможности заработать себе на пропитание были сильно ограничены. УНКВД с мест отмечают в своих сводках 1941 года законопослушность и хорошую управляемость новых спецпоселенцев.

На первых порах им помогали продержаться привезенные с собой вещи и ценности. В нижеприведенных документах о депортации указывается, что имели право с собой взять высылаемые. Впрочем, не во всех случаях это у них получалось.

УКАЗАНИЕ НКВД-НКГБ СССР
от 21 апреля 1941 года.
(Извлечение)

... Высылаемые семьи имеют право взять с собой к месту выселения лично принадлежащие им вещи весом не свыше 100 кг на каждого члена семьи, включая детей.

Бытовые ценности (кольца, серьги, часы, портсигары, браслеты и проч.), а также деньги конфискации не подлежат и могут быть взяты выселяемыми с собой без ограничения количества и суммы.

Остальное имущество выселяемые имеют право реализовать следующим образом:

Выселяемые обязаны назвать доверенное лицо (соседей, знакомых, родственников), которому они могут поручить реализацию оставленного в квартире лично им принадлежащего имущества.

На реализацию имущества и освобождение квартиры доверенному лицу дается срок не свыше 10 дней.

После реализации имущества доверенное лицо является в органы НКВД и сдает при заявлении вырученные деньги для пересылки выселенной семье по месту ее выселения.

Освобожденные от имущества жилые и хозяйственные помещения выселенной семьи опечатываются органами НКВД и передаются местным органам власти ...

Оружие применяется в случае крайней необходимости: при нападении на оперативную группу, оказании вооруженного сопротивления, побегах и прочее ...

(Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 134)

УКАЗАНИЕ НКВД-НКГБ СССР
от 15 июня 1941 года.
(Извлечение)

... Имеются ... сведения о том, что в ряде мест у выселяемых отбираются бытовые ценности (часы, портсигары, кольца и пр.).

Напоминаем, что изъятию подлежат только оружие, валюта, золото и серебро в слитках и контрреволюционная литература ...

Профильтровать весь состав заключенных и в случаях выявления лиц, арестованных неправильно, также поставить перед НКГБ СССР вопрос об их освобождении из заключения и возвращении из высылки их семей ...

(Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 134)

Мы видим, что реально высылка сопровождалась фактической конфискацией имущества. У высланных оставалось лишь то, что они сумели взять с собой. Вскоре немецкие войска оккупировали Прибалтику, и никакой помощи от родных и близких ждать не приходилось.

Если число высланных из Латвии семей составило 5520, то число арестованных мужчин (глав семей), по данным НКВД, было около 6 тысяч человек, причем 1440 человек из этого числа арестованных были после оформления дел в лагерях (в ходе депортации имелись только эшелонные списки) расстреляны.

Планы НКВД серьезно изменила начавшаяся война. Судя по всему, по первоначальным планам следствие и оформление дел на арестованных предполагалось провести в специальных лагерях западных областей России. Во всяком случае, прибывшие в Вятлаг НКВД СССР тремя этапами 2846 арестованных в Латвии лиц (июнь 1941 года) распределялись так: в среду, 9 июля 1941 г. — этап из Юхновского ИТЛ НКВД СССР; в четверг, 10 июля 1941 г. — этап из Рижской тюрьмы; в воскресенье, 13 июля 1941 г. — этап также из Юхновского лагеря.

Юхновский лагерь располагался на базе туберкулезного санатория «Павлищев Бор» в 500 м от деревни Щелканово Юхновского района Смоленской области. Ближайшая железнодорожная станция Бабыкино находилась в 3 км от лагеря.

Судя по всему, он выполнял функции пересыльного лагеря (для интернированных и военнопленных) и был рассчитан на 6000 человек.

Проволочное заграждение, двухъярусные нары, вышки для часовых. Снабжался он отделом снабжения управления НКВД СССР по делам военнопленных. Можно предположить, что его создавали для военнослужащих польской армии. Пригодился он и для прибалтов.

Несколько тысяч человек в составе депортированных из Прибалтики составили евреи. В основном это — так называемый буржуазный элемент и беженцы из Германии и Польши. Основную часть спецпоселенцев из Прибалтики приняли Казахстан, Красноярский и Алтайский края, а также Новосибирская область. В нижеприведенных справках отдела труда и спецпоселений ГУЛАГа НКВД кратко характеризуются размещение и условия жизни и работы переселенцев в годы войны. Справки составлены очень формально. Реальные трудности и просчеты в них не раскрываются и даже не затрагиваются. Сильной стороной этих (как и многих других) документов ГУЛАГа является статистика.

I. Документы о ссыльнопоселенцах из Прибалтики и других западных областей за 1943 год.

СПРАВКА
О ссыльно-поселенцах, расселенных в Красноярском крае

Общая часть

Ссыльно-поселенцы — члены семей репрессированных и нелегалов, выселенных по указанию Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР в мае—июне 1941 г. из республик Прибалтики, Молдавской ССР и Западных областей УССР и БССР в количестве 3377 семей 8169 человек, расселены в 38 районах Красноярского края.

Первоначально они были расселены в 28 районах края, а в связи с переселением летом 1942 г. части контингента на лов рыбы количество районов расселения увеличилось (вместо 28—38 районов).

Этими дополнительными районами расселения являются: Енисейский, Дудинский, Туруханский, Игарский, Хатангский, Кежемский, Богучанский, Ярцевский и Эвенкийский национальный округ.

Все это — Северные и Заполярные районы Красноярского края.

Всего на рыбу переселено 2500 человек ссыльно-поселенцев, из которых 1900 человек трудоспособных.

Весь контингент ссыльно-поселенцев по национальному составу распределяется следующим образом:

латышей	6727 чел.
литовцев	264 —»-
румын	361 —»-
поляков	109 —»-
евреев	522 —»-
русских	112 —»-
белорусов	42 —»-
цыган	22 —»-
армян	1 —»-
немцев	5 —»-
итальянцев	2 —»-

Основные директивы

Основными руководящими директивами по обслуживанию ссыльно-поселенцев являются:

а) план мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР, утвержденный Народным Комиссаром Внутренних Дел Союза ССР 14/VI—1941 г. (см. папку «Директивные материалы по ссыльно-поселенцам, стр. 26);

б) № 1684/б от 29/У—1941 г. Зам. Народного Комиссара НКВД СССР (или № 30/6225/016 от 21/У1—1941 г.), № 30/6224/016 от 21/У1—1941 г.;

в) № 30/6770/016 Зам. Народного Комиссара Внутренних дел от 3/УП—1941 г.

г) приказ Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 002559 от 20/Х1—1941 г.

Вопросы учета

Персональный учет ссыльно-поселенцев по месту их расселения возложен на 1-й Спецотдел и производится в соответствии с инструкцией, объявленной в приказе НКВД СССР № 0143 от 1 июня 1939 г.

Приказом Народного Комиссара № 002559 от 20/Х1—1942 г. на ОТСП возложено проведение переучета ссыльно-поселенцев.

Режим

Паспорта ссыльно-поселенцам не выдаются. Имевшиеся у них на руках паспорта подлежали уничтожению органами НКВД и замене их соответствующими удостоверениями, установленными для этой категории лиц (ссыльных).

Ссыльно-поселенцы обязаны являться на регистрацию в органы НКВД в установленное время.

Самовольный выезд из места поселения рассматривается, как побег из ссылки.

За совершенные преступления ссыльно-поселенцы привлекаются к уголовной ответственности в общем порядке.

Ссыльно-поселенцы имеют право:

а) работать в государственных, кооперативных и других предприятиях и учреждениях, быть членами сельско-хозяйственных, кустарно-промысловых и рыболовецких артелей, с распространением на них общего трудового законодательства.

Органы НКВД оказывают содействие в подыскивании работы тем ссыльно-поселенцам, которые самостоятельно не могут устроиться на работу;

б) вступать в брак как между собой, так и с другими гражданами;

в) получать государственное пособие по инвалидности, по смете НКВД СССР.

Трудовое устройство

С 20 ноября 1942 г. наблюдение за трудовым и хозяйственным устройством ссыльно-поселенцев возложено на ОТСП ГУЛАГа, в соответствии с приказом НКВД СССР № 002559.

Трудовое устройство контингента, по данным УНКВД на 1/ХП—1942 г., представляется в следующем виде: в основном ссыльно-поселен-

цы работают в колхозах, совхозах, предприятиях лесной, рыбной и местной промышленности, в том числе:

— в колхозах и совхозах работает 1400 чел.
— в лесной промышленности —»— 500 —»-
— в рыбной —»— —»— 1800 —»-
— в разных организациях —»— 200 —»-

Не используется на работах из числа трудоспособных 500 чел., главным образом в рыбной промышленности.

Лучше устроены те, кто работает в колхозах; хуже — работающие в предприятиях рыбной промышленности.

По вопросам о неудовлетворительном трудовом и хозяйственном устройстве работающих на рыбе ГУЛАГом был поставлен вопрос перед Наркомрыбпромом. Последний 25/XII—1942 г. дал указание Игарскому рыбтресту устранить недостатки.

Общая оценка отношения ссыльно-поселенцев к работе — в основном удовлетворительная.

Есть элементы, до сих пор саботирующие работу, так как у них еще не исчерпаны источники существования за счет продажи своих вещей. Зарегистрированы случаи спекуляции.

Ст. инспектор ОТСП ГУЛАГ НКВД СССР
(Гринберг)

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 142. Лл. 16—17)

СПРАВКА
О ссыльно-поселенцах, расселенных в Алтайском крае

Прибыло ссыльнопоселенцев из Литовской ССР и Западных областей УССР и БССР в мае—июне 1941 г. 17 446 человек.

Расселены в 46 районах и городах Края, в том числе в городе Барнауле — 4437 чел.
в Троицком районе — 3841 чел.
в Барнаульском районе — 743 чел.
в Каменском — « — — 1016 чел.
в Рубцовском — « — — 695 — « —
в Старо-Бардинском — 994 — « —
в Ойротской авт. обл. — 1423 — « —
и в остальных районах края от 100 до 150 чел. в каждом.

Трудовое использование ссыльно-поселенцев проходит главным образом по линии наиболее трудоемких работ, не требующих квалификации и длительной подготовки: лесоразработки, кирпичные заводы, строительство, зерновые и свекловичные совхозы.

В Троицком районе, например, 3469 чел. работает на лесе и 332 человека в совхозах и промколхозах.

В Каменском районе 340 чел. работает в совхозах;

235 — « — на строительстве элеваторов;

остальные в системе райлесхоза и райпромкомбината.

В Сорокинском районе 418 чел. работает в леспромхозе.

В г. Барнауле работают преимущественно на разных строительных работах в тресте «Сибтекстильстроя».

Производительность труда работающих, вследствие отсутствия навыков работы, низкая.

Хозяйственное устройство, особенно жилищные условия и обеспеченность зимней одеждой, неудовлетворительное.

В связи с переброской значительной части ссыльно-поселенцев летом 1942 г. в Якутскую АССР на работу по лову рыбы, в Алтайском крае осталось всего, по данным УНКВД от 3/X1—1942 г. за № 699, 1394 семьи, 3800 чел. ссыльно-поселенцев, в том числе: трудоспособных 1486 чел.;

инвалидов и стариков 334 чел.;

детей в возрасте до 16 лет 2080 чел.

Расселены они в 33 районах Края.

Работают в лесхозах (986 чел.), в совхозах, МТС и заготзерно (500 чел.).

Трудовым и хозяйственным устройством ссыльно-поселенцев УНКВД до приказа Народного Комиссара Внутренних Дел № 002559 от 20/X1—1942 г. не занималось.

« 5 » января 1943 г. Ст. Инспектор ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР
(Г Р И Н Б Е Р Г)

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 142)

СПРАВКА
О ссыльно-поселенцах, расселенных в Казахской ССР

Прибыло ссыльно-поселенцев, расселенных из Западных областей УССР, БССР, Молдавской ССР и Прибалтики в июне—июле 1941 года, 15 464 чел.

Расселены в областях:

Акмолинская область:

Акмолинский, Шартандинский, Вишневский, Сталинский районы — 1329 чел.

Кзыл-Ординская область:

Терень-Узякский, Аральский, Чийлинский р-ны и в самом городе — 1024 чел.

Южно-Казахстанская область:

Арысский, Шульдерский район — 5026 чел.

Гурьевская область:

Ст. Макатский, Баксайский р-н — 488 чел.

Карагандинская область:

Шетский, Нуринский, Курсальджинский, Осокаровский р-ны — 220 чел.

Актюбинская область:

По данным НКВД Казахской ССР (№ 24684 от 30/IУ—1942 г.), количество ссыльно-поселенцев сократилось за счет:

Освобождения по амнистии польских граждан	219 чел.
Бежавших	12 — « —
Репрессированных (в том числе за побеги)	18 — « —
Умерших	88 — « —
ВСЕГО	337 чел.

Таким образом, осталось 15127 чел. Трудоспособные трудоустроены в сельскохозяйственных артелях и других организациях по месту их вселения. Общая оценка отношения к работе удовлетворительная.

Положенные нормы выработки выполняют.

Заработная плата колеблется от 100 до 350 руб. в месяц.

Незначительная часть ссыльно-поселенцев зарабатывает от 30 до 100 руб. в месяц, вследствие плохого отношения к работе: бывшие торговцы расселенные в совхоз Вишневского р-на, Акмолинской области, бывшие проститутки и т.п.

Ссыльно-поселенцев, работающие в сельхозартелях (Акмолинская область) получают по трудодням, ремесленники работают по своим специальностям в кустарно-промысловых артелях.

Жилищно-бытовые условия созданы в основном удовлетворительно наравне с другими работающими в тех или иных организациях.

В порядке выполнения задания ГУЛАГа НКВД Казахской ССР произведен учет специалистов, среди ссыльно-поселенцев. Результаты учета следующие:

врачей — 3 чел.	бухгалтера — 5 чел.
сред. мед. перс. — 3 — « —	портные — 13 — « —
педагоги — 19 — « —	токари — 1 — « —
агрономы — 1 — « —	сапожники — 1 — « —

Все они за исключением педагогов работают по своим специальностям.

Ст. инспектор ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР

2 февраля 1943 г. (Л А П У К)

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 142. Л. 20)

СПРАВКА
о ссыльно-поселенцах, расселенных в Новосибирской области

Прибыло ссыльно-поселенцев из Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдаванской ССР, Западных областей УССР, БССР в июне—июле месяце 1941 года 19 362 чел. Из них: взрослого населения от 16 лет и старше 12 614 чел., детей до 16 лет 6748 чел., мужчин 3640 чел., женщин 3974 чел.

Расселены в 12 районах Нарымского округа и 2 северных районах области:

1. Александровском — 762 чел.
2. Каргасокском — 1938 — « —
3. Парбигском — 2946 — « —
4. Пудинском — 2129 — « —
5. Чаинском — 1044 — « —
6. Бакчарском — 2160 — « —
7. Парабельском — 2000 — « —
8. Верх-Кайском — 1369 — « —
9. Васюганском — 1508 чел.
10. Молчановском — 660 — « —
11. Колпашевском — 1200 — « —
12. Кривошеинском — 1000 — « —

Северные районы

1. Пихтовский — 600 чел.
2. Шегерский — 1000 — « —

В 1941 году на основании Указа Президиума Верховного Совета об амнистии польских граждан было освобождено 3734 чел. ссыльно-поселенцев. Кроме того, убыло 386 человек «за счет убыли естественного движения» № 180148 от 23/П—1942 г.

Таким образом, осталось 15 242 чел., а именно:

№ п/п	Наименование республик выбытия	Общее количество			В том числе		
		Семей	Человек	Из них старше 16 лет	Мужчин	Женщин	Дети до 16 лет
1	Западная Украина и Белоруссия	602	1689	679	217	462	1010
2	Латвийская ССР	892	2570	1765	335	1421	814
3	Литовская ССР	1452	3502	2185	374	1811	1317
4	Молдавская ССР	1940	5880	3820	1291	2529	2060
5	Эстонская ССР	550	1601	950	262	688	651
	Итого	**5436**	**15242**	**9390**	**2479**	**6911**	**5852**

По социальным признакам ссыльно-поселенцы характеризуются следующим образом: фабрикантов-заводчиков — 834 чел.
помещиков-кулаков — 4152 — « —
духовенства — 84 — « —

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 142. Л. 19)

Спецпоселенцам из Прибалтики 1941 года пришлось жить на поселении в ссылке более 15 лет.

После Великой Отечественной войны наступила краткая пауза в режиме депортаций внутри СССР. Огромные потоки бывших военнопленных и восточных рабочих, возвращаемые в СССР, заняли НКВД примерно на 2 года.

Вместе с тем масштабная партизанская война против Советской власти активно шла все это время на Западной Украине и в Литве. Оттуда и поехали на спецпоселение первые послевоенные потоки. Уже к середине 1947 года с Западной Украины выслано 75 тысяч человек в основном членов семей «оуновцев» (2). Мужчин, воевавших с оружием в руках, — в тюрьмы и лагеря; женщин и детей — в Сибирь.

Второй сталинской операцией НКВД — МВД — МГБ против народов Прибалтики стала операция «Весна», проведенная 22 мая 1948 года в Литве. Еще 21 февраля 1948 г. было принято постановление Верховного Совета СССР по этому поводу. Так что времени тщательно подготовиться к операции у властей было достаточно. По старой чекистской традиции она началась в Вильнюсе и Каунасе ровно в полночь (в уездах в 4 часа утра). Всего было депортировано 49 331 человек при плане 48 тысяч чел. (12 134 семьи). Цель операции по документам МГБ — «изъятие членов семей литовских бандитов и бандпособников из числа литовских кулаков».

Всю операцию планировалось и удалось провести за 1 день. Погрузка в эшелоны проходила в 46 пунктах. По данным МГБ, в числе депортированных: 1442 чел. — члены семей «бандитов и националистов, находившихся на нелегальном положении», 2423 — осужденных, 1234 — членов семей, убитых при вооруженных столкновениях, 6246 членов семей кулаков и пособников бандитов.

Любопытно, что 2388 высланных относились к семьям середняков, а 256 человек были из бедноты. Женщин в числе высланных существенно больше, чем мужчин. Зафиксированы случаи сопротивления, перестрелки и обстрела эшелона. 6 эшелонов прибыли в Красноярский край (7756 человек), а затем расселены на север и в другие регионы. 11 644 человек поселены в Иркутской области. Восточная Сибирь предназначена литовцам вовсе не случайно. Дальше Амурской области на восток удалять их было уже некуда.

Отметим, что и количественно и по уровню своей предварительной подготовки, техническому оснащению, проработанности

всех этапов депортации — эта операция значительно превосходит высылку 1941 года. Сказался наработанный НКВД опыт национальных депортаций в годы войны.

Но своеобразным апогеем репрессивных акций сталинского режима против прибалтов (с целью советизации этих регионов) стала операция «Прибой», проведенная одновременно и внезапно в Литве, Латвии и Эстонии 25 марта 1949 года.

Правительственным сигналом этой акции стало также постановление ЦК ЦКП(б) и Совета Министров СССР. Операцию целиком проводило Министерство госбезопасности (приказ министра от 28 февраля 1949 г.) с помощью собственного управления внутренних войск.

Более 76 тысяч сотрудников МГБ, солдат внутренних войск, местного совпартактива участвовали в этой масштабной карательной акции. 8215 оперработников (чекистов) были, как правило, начальниками небольших оперативных групп (9—10 человек), непосредственно производивших аресты и этапирование намеченных семей на местах. Учитывая, что выслано было 30 630 семей (94 779 чел.), на каждую опергруппу пришлось примерно по 4 семьи.

21 206 чел. — составляли силы внутренних войск МГБ (две дивизии), а остальная масса участников операции (более половины) — это местные силы. 18 387 чел. — бойцы истребительных батальонов трех прибалтийских республик; и 28 404 чел. — совпартактив Эстонии, Латвии и Литвы (3).

Руководил всей операцией начальник Главного управления внутренних войск МГБ СССР генерал-лейтенант П. Бурмак. Подготовка акции шла в режиме строжайшей секретности, который удалось сохранить до самого начала операции. Подготовка на местах объяснялась скорыми «учениями» войск.

Людей на 118 станций, где их ждали 4437 вагонов, доставили в основном на грузовых машинах. Лишь примерно десятая часть депортированных прибыли на станции гужевым транспортом.

25 марта 1949 г. по специальному сигналу было арестовано 92 204 человека. И уже к 18 часам 87 589 чел. были отправлены в 66 эшелонах. Эшелоны следовали в Сибирь. По пути следования их охраняли (в Прибалтике) войска и собственный конвой, находившийся в каждом эшелоне (примерно по 36 человек). До Западной Сибири они доехали примерно за 14 суток.

В конечном счете число депортированных было следующим: Литва — 9518 семей (31917 чел.); Латвия — 13 624 семьи (42 149 чел.); Эстония — 7488 семей (20 713 чел.). Всего: 30 630 семей, или 94 779 чел. (4) Две трети депортированных — женщины и дети.

Акция по выселению из Прибалтики носила чисто политический характер, поэтому большая часть спецпоселенцев отправлены на работу в колхозы (75 790 чел.) и совхозы — 16 005 чел. Государственный экономический интерес в данном случае фактически отсутствовал. Главное для власти было — удалить нежелательные элементы из Прибалтики и запугать население этого региона. Как использовать дальше труд депортированных — об этом серьезно никто не задумывался. Есть Управление спецпоселений — пусть они и занимаются своим контингентом.

На тяжкие условия жизни и быта спецпоселенцев из Прибалтики вынужден был указать даже начальник отдела спецпоселений полковник Шиян: «Спецпоселенцы, переданные для трудоиспользования Игорскому лесокомбинату Красноярского края, расселены в непригодных для жизни помещениях, крыши которых протекают, в окнах не хватает стекол, мебель и постельные принадлежности отсутствуют. Спецпоселенцы спят на полу, подстилая под себя мох и сено. В результате большой скученности, несоблюдения элементарных санитарно-гигиенических правил имели место среди спецпоселенцев вспышки брюшного тифа и дизентерии со смертельными случаями».

Всего же из Прибалтики за 1940—1953 годы было выслано на спецпоселение 203 590 чел., в том числе: из Литвы — 118 599 чел., из Латвии — 52 541 чел., из Эстонии — 32 540 чел. Отметим, что в это число не вошли погибшие в масштабной партизанской войне (десятки тысяч с обеих сторон) и отправленные в тюрьмы и лагеря за борьбу с Советской властью.

Реальную картину депортации 1949 года раскрывают докладные записки министров внутренних дел Латвийской и Эстонской ССР, приводимые в приложении. Картина конкретных событий, происходивших в этот день на местах, порой существенно отмечается от общих отчетов об операции. Существенным представляется вывод документов, что об операции выселения население знало заранее.

Документ 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
генерал-полковнику
товарищу КРУГЛОВУ
гор. МОСКВА

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ПРОВЕДЕННОЙ МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЛАТВИЙСКОЙ ССР РАБОТЕ ПО ПРИКАЗУ МВД СОЮЗА ССР

№ 00225 — 1949 года

По получению Вашего приказа № 00225 нами, вместе с Уполномоченным МВД СССР генерал-майором тов. РАТУШНЫМ, был составлен подробный план вытекающих из приказа организационных и оперативных мероприятий: по обеспечению в период проведения операции надлежащего общественного порядка в городах и сельской местности республики; по прикрытию пунктов погрузки выселенцев и пунктов формирования эшелонов; по установлению контакта с комендатурами погранвойск и проведению совместных мероприятий по закрытию государственной границы; по комплектованию групп сопровождения эшелонов и подбору офицерского состава в качестве начальников пунктов формирования эшелонов и пунктов погрузки выселенцев; по обеспечению эшелонов денежными и другими материальными средствами; по мобилизации автотранспорта для МГБ и непосредственно наших нужд по выброске к эшелонам конвоев и опергрупп, и ряду других вопросов, связанных с операцией.

В соответствии с планом 18 марта с/г было проведено инструктивное совещание с начальниками уездных отделов МВД, а 19 марта — с офицерами, назначенными в качестве начальников пунктов погрузки и формирования эшелонов.

Вся организационная работа была в основном закончена к 20 марта.

С учетом командированных из соседних УМВД офицеров на должности Начальников эшелонов и прибывшего из гор. Москвы медперсонала, из офицерского состава МВД Латвийской ССР в группы сопровождения эшелонов было назначено: начальников эшелонов — 14 чел., заместителей начальников по оперативной и хозяйственной части — 66 чел., врачей — 12 чел. и медсестер — 2 чел., а всего — 94 чел.

Начальниками пунктов формирования эшелонов — 33 чел. и начальниками пунктов погрузки выселенцев — 32 чел. В помощь им для составления сразу же повагонных списков выселенцев было выделено из аппарата МВД ЛССР и УО МВД — 150 работников МВД из числа женщин и технического персонала.

Для прикрытия пунктов погрузки и обеспечения в районе их общественного порядка было выделено 185 человек офицерского и оперативного состава.

Таким образом, на пунктах погрузки и формирования эшелонов в период проведения операции работало всего 494 человека из офицерского и оперативного состава МВД Латвийской ССР.

Выброска на места конвоя и групп сопровождения эшелонов была произведена по железной дороге и автотранспортом из расчета сосредоточения их на местах в ночь с 23 на 24-е марта, за исключением 3 эшелонов, формировавшихся в окрестности г. Риги, куда конвой был выброшен непосредственно перед операцией, вечером 24 марта.

На местах была обеспечена изоляция конвоя, до начала операции, от местного населения.

Вечером 24 марта весь личный состав уездных и городских органов МВД и милиции был переведен на казарменное положение и приступил к проведению мероприятий по разработанным планам.

Согласно Вашим указаниям нами, по просьбе МГБ Латвийской ССР, была им оказана существенная помощь в проведении самой операции по изъятию, для чего было высвобождено и передано в распоряжение МГБ на время операции 1400 человек офицерского, оперативного и рядового состава органов МВД и милиции, в том числе в качестве начальников оперативных групп — 602 чел.

Особенно МГБ нуждалось в помощи по гор. Риге, где не хватало более половины необходимой для операции силы. Нами в гор. Риге, путем мобилизации всего личного состава, было выделено в распоряжение МГБ — 452 офицера и 244 курсанта офицерской школы МВД и школы милиции, а всего — 696 человек. Из них начальниками групп было использовано 287 офицеров. Нашими опергруппами в г. Риге непосредственно было изъято 351 семья, или 58% к общему количеству изъятых в городе.

В уездах из наших работников были использованы как начальники опергрупп — 315 офицеров. Каждый из них в среднем было изъято по 3—4 семьи, а всего 1032 семьи.

Помимо этого, МГБ для использования как вооруженной силы были переданы свыше 400 членов бригад содействия милиции.

Несмотря на то что в некоторых уездах /Краславский, Цесисский и друг./ нашим опергруппам были выделены наиболее отдаленные от мест погрузки и пораженные бандитизмом волости, все задания были выполнены успешно и без всяких происшествий. При этом наши работники не ограничивались фиксированием неправильных в ряде случаев адресов или побегов, подлежащих изъятию, а сразу же принимали активные меры к их розыску.

Так, заместитель начальника Краславского УО МВД ст. лейтенанта т. ПЕТРАНЕЦ, установив, что семья кулака ПЛИНТА накануне скрылась, путем активного розыска нашел 2 членов этой семьи, спрятавшихся в лесу в хорошо замаскированном бункере, а одного чел. — на одном из хуторов в соседней волости, спрятавшимся в порожней бочке.

В гор. Риге благодаря бдительности участвовавшего в операции курсанта Рижской офицерской школы МВД т. РУМПИСА было предотвращено вооруженное сопротивление изымаемого — опергруппе. В момент, когда он выхватил пистолет системы «Парабеллум», тов. РУМПИС решительными действиями его разоружил, не дав возможности применить оружие.

В ряде уездов работниками МВД, выполнявшими задания по обеспечению общественного порядка, в порядке личной инициативы были задержаны на дорогах и в населенных пунктах подозрительные лица, которые при проверке оказались скрывшимися от выселения. Так работниками милиции Цесисского уезда было задержано в дни операции всего 12 скрывшихся семей в количестве 39 человек и 31 одиночка, в Валмиерском уезде — задержаны были 32 семьи, из них одна скрывшаяся из Рижского уезда и 2 одиночки и т.д.

Нам была также оказана МГБ большая помощь в мобилизации для операции автотранспорта.

В гор. Риге через Госавтоинспекцию МВД было мобилизовано 700 автомашин и в 7 уездах — 566 автомашин, а всего 1266.

Мобилизация была проведена под предлогом срочной перевозки правительственных грузов к весенней посевной кампании и была выполнена организованно и в установленные МГБ сроки. Следует отметить, что в ряде уездов, где руководство УО МГБ, по-видимому в целях конспирации, к услугам МВД и Госавтоинспекции не прибегало и мобилизацию проводило непосредственно через советские и партийные органы — планы мобилизации не были выполнены, что отразилось на своевременный вывоз выселенцев.

Ход операции подтвердил имевшиеся у нас данные, что населению о предстоящем выселении было заблаговременно известно. К расконспирированию мероприятий могло привести то, что МГБ своих оперработников и войска МГБ выбросили на места за 7—10 дней до операции, не обеспечив их полную изоляцию от населения.

Выброшенные на места солдаты и сотрудники свободно ходили по населенным пунктам и хуторам, что, безусловно, могло вызвать настороженность и подозрения.

Так в Бауском уезде после прибытия туда опергрупп МГБ усиленно стали передаваться слухи о предстоящем выселении в Сибирь всех б. шуцманов и айзсаргов, а в г. Бауске нашими работниками были изъяты несколько листовок, написанных от руки, следующего содержания: «Смерть большевикам и их пособникам. Бейте русских, чтобы ни один в живых не остался в Бауске. Гуджа (руководитель банд группы) находится в Бауске и будет руководить нападением. Подпись «Бауский комитет».

В Илукстском, Резекненском, Лудзенском и других уездах за несколько дней до операции наблюдалась усиленная закупка частью населения соли, спичек, валенной обуви и разных продуктов. В гор. Лудзе ряд подлежащих выселению встретили опергруппы уже одетыми и уложившимися.

На основании имеющихся у нас отдельных фактов, можно подозревать, что о предстоящей операции население, возможно, предупредили и некоторые сотрудники МГБ. Так: за 2 недели до операции к проживающему в Даугавпилсском уезде в дер. Вайкулены Ликсненской волости кулаку РУБИНУ Донату Ивановичу приезжал из Риги его родственник — сотрудник МГБ Латвийской ССР ст. лейтенант РУБИН. После этого кулак

РУБИН распродал свое имущество и за 10 дней до операции из деревни скрылся.

В этой же волости в дер. Б. Муканы проживал кулак, бывший командир подразделения айзсаргов — МУКАН Людвиг, к которому часто приезжал в гости сотрудник Даугавпилсского ГО МГБ — ГАРКУЛЬ. Перед операцией кулак МУКАН скрылся.

Таких фактов, когда подлежащие выселению еще до операции вывезли или ликвидировали свое имущество, а сами скрылись, — имеется множество во всех уездах республики.

Во многих хозяйствах дома оказались только старики, женщины и дети, а значительная часть трудоспособных мужчин скрылась до операции. Так, в Рижском уезде скрылось свыше 30% подлежащих изъятию трудоспособных мужчин. В Валкском уезде из погруженных в эшелон № 97327 выселенцев мужчины составляют только 26%, а из них 40% в возрасте от 60 до 95 лет. В гор. Лудзе из подлежащих изъятию скрылось 20 семейств и много одиночек молодежи.

Это привело к тому, что операция значительно затянулась. Только 4 эшелона представилось возможным отправить в течение суток после начала операции. Остальные же 28 эшелонов простояли под погрузкой от 2 до 4 суток, поскольку МГБ, недобрав установленный «лимит» по основным спискам, вынуждено было продолжать операцию по резервным спискам и заниматься розыском скрывшихся.

О недостаточной подготовке к операции говорит также ряд фактов наличия в списках «мертвых душ». Так, в Даугавпилсском уезде по Ливанской волости в список был включен как антисоветски настроенный кулак — ВЕЦЕЛЬС Андрей Якубович. При проведении операции выяснилось, что ВЕЦЕЛЬС умер еще в 1928 году.

В гор. Даугавпилс подлежал изъятию как кулак ЛАБУНСКИЙ, еще в 1948 году осужденный к лишению свободы на 2 года.

В гор. Лудзе, Резекне и других городах в ряде случаев по указанным адресам разыскиваемые лица никогда не проживали или же еще несколько лет тому назад выехали в другие уезды и районы В гор. Риге из 406 адресов, данных нашим опергруппам, 25 оказались неправильными и указанные семьи никогда там не проживали.

В списки оказались внесенными также лица, не подлежащие выселению. Так опергруппа, прибывшая в Калупес волости в дом подлежащей выселению гр-ки ИВАНОВОЙ И.П., застала там ее сына, офицера Советской Армии в звании майора. Оказалось, что еще 3 сына гр-ки ИВАНОВОЙ служат в Советской Армии.

В Науенской волости в список был включен участник Отечественной войны, имеющий правительственные награды, — КРУМИНЬ Д.О.

В ряде случаев в списки кулацких семей были включены работающие у них батраки.

Также имелись случаи выселения женщин, имеющих правительственные награды за многодетность, и членов ЛКСМ.

В ряде случаев наши начальники погрузочных пунктов через комендантов МГБ по погрузке и Секретарей УКОМов партии проверяли полу-

чаемые ими заявления о неправильном выселении и добились освобождения лиц, ошибочно взятых. Однако в большинстве случае комендантуры МГБ подходили к таким заявлениям формально и отклоняли их без проверки, проявляя в основном лишь интерес к выполнению «лимита».

Недоразумения и трения с работниками МГБ на погрузочных пунктах вызывали также неряшливо составленные посемейные списки выселенцев с неразборчивыми фамилиями, без указания возрастов, места жительства и т.д. и т.п., по которым естественно приемка не могла быть проведена, на что, однако, настаивали представители МГБ.

Не всегда выселенцы имели возможность собрать и взять с собой разрешенный им багаж, т.к. МГБ было установлено на сборы время один час, которое на местах самовольно сокращалось до 45 мин, а некоторыми опергруппами даже до 15 минут. Поэтому в ряде случаев начальники эшелонов и погрузочных пунктов были вынуждены отказаться от приема людей, вывезенных без достаточной одежды, постельных принадлежностей и продуктов, и требовать доставки разрешенного багажа. Однако не всегда удавалось этого добиться, ввиду формального отношения со стороны работников МГБ.

В ряде уездов недоразумения между руководством УО МВД и МГБ, отражавшиеся на слаженном ходе операции, были вызваны тем, что органы МГБ, проводя подготовку к операции, конспирировали свои мероприятия от руководства УО МВД, вплоть до своих расчетов на личный состав наших органов. Это привело к тому, что в момент начала операции они потребовали предоставления в их распоряжение почти всего личного состава МВД, не считаясь с планами УО МВД по обеспечению общественного порядка и работы пунктов погрузки, прибегая в отдельных случаях к воздействию и давлению на начальников УО МВД через УКОМы партии (Вентспилский, Гулбенский и другие уезды).

В Илукстском уезде, УО МГБ, без ведома начальника УО МВД включил в операцию единственную автомашину УО МВД, причем вызов машины был сделан не через начальника, а непосредственно через шофера.

В ряде уездов, несмотря на имевшуюся договоренность, что уч. уполномоченные милиции в волостях к операции не будут привлекаться, т.к. на них возложено обеспечение общественного порядка, все же они были работниками МГБ самовольно использованы на конвоирование выселенцев. Это привело к тому, что ряд волостей в дни операции были оставлены совершенно без наших работников.

Чрезвычайно затрудняло работу начальников УО МВД и получение ими своевременной информации о положении в уезде и на пунктах погрузки то, что на время операции по распоряжению зам. Министра Госбезопасности СССР генерал-лейтенанта тов. ОГОЛЬЦОВА, в уездах все телефоны МВД были отключены и начальники УО МВД были ограничены в телефонных переговорах.

По этой же причине мы не в состоянии были получать своевременную информацию о работе погрузочных пунктов и своевременно реагировать на ненормальности в их работе.

В этом вопросе самовольство органов МГБ в некоторых уездах принимало искаженные формы. Так в Огрском уезде все телефоны УО МВД были совершенно отключены в течение 2 суток, даже для переговоров с УО МГБ и УКОМом. В Даугавпилсском уезде были выключены телефоны начальников городской и уездной милиции, начальника тюрьмы и гарнизона войск МВД по охране шоссейного моста через реку Даугаву. В Айзпутском и в других уездах начальникам УО МВД разговоры внутри уезда разрешались, но переговоры с Министерством в течение двух суток не разрешались.

В связи с выселением, среди населения стали распространяться разные провокационные, антисоветские слухи. Так, в Резекненском уезде ходят слухи, что это только начало, т.к. из Латвии должны якобы вывезти 70% латышей, а вместо них в Латвию переселят население из других республик.

Повсеместно выселение, ссылаясь на примеры выселения в 1941 году, увязывают с якобы предстоящей в ближайшем будущем войной.

В городах распространяются также слухи, что в основном выселяют стариков и старух и безработных.

В Даугавпилсском уезде в ряде волостей в следующие после операции дни, сразу же началась массовая подача заявлений о вступлении в колхозы.

В Вилянском уезде отмечен ряд положительных реагирований колхозников на выселение кулаков со стороны колхозников, высказывавшихся, что «теперь воздух будет чище и не будет подрываться организация колхозов». Одновременно они высказывали удивление, что не всех кулаков забирают. Такие факты высказывания со стороны населения, что забирают не всех кулаков и явных врагов, имеются еще в ряде других уездов.

Весь личный состав органов МВД в период проведения операции и всех, связанных с ней мероприятий проявил высокую дисциплинированность, исполнительность и деловую инициативу и не допустил ни одного случая нарушений дисциплины, социалистической законности или аморальных проявлений. Исключение составляет начальник эшелона № 97324 — капитан ВЛАДИМИРОВ, командированный к нам из УМВД Брянской области (зам. Начальников ХОЗО), который во время формирования эшелона 27 марта напился пьяным до такой степени, что не мог производить прием выселенцев и был начальником пункта погрузки от работы отстранен. Ввиду отсутствия связи об этом нам стало известно только после отправки эшелона.

Нашими работниками на погрузочных пунктах был получен ряд заявлений выселенцев на незаконные действия и случаи мародерства со стороны отдельных работников и солдат МГБ, проводивших изъятие выселенцев. Так:

В Талсинском уезде на станции СТЕНДЕ от выселенки поступило заявление, что у нее из машины украден мешок с продуктами.

Такие сигналы имеются также по Огрскому уезду. По линии ОБХСС УМ приняты меры к пресечению расхищения.

За весь период операции отмечены были только два случая бандпроявлений:

27 марта с/г в Цесисском уезде на хуторе «КАМПЕС» Лаункалнас волости неизвестными бандитами был ранен активист ГРУНДУЛИС Игнат, и 25 марта с/г на хут. Бибики Скултес волости, Рижского уезда вышедшие из леса 4 вооруженных бандита пытались напасть на комиссию, производившую опись имущества вывезенной семьи нелегала. После оказания комсоргом волости сопротивления, бандиты скрылись. Есть подозрение, что среди них был сам скрывающийся хозяин хутора.

25 марта на ст. СТЕНДЕ Талского уезда нашими работниками был задержан и передан МГБ неизвестный гражданин, пытавшийся фотографировать подъехавшие к погрузочному пункту автомашины с выселенцами.

Других происшествий, связанных с операцией по выселению, за весь период не отмечено.

Составы под эшелоны на все пункты погрузки были поданы своевременно, оборудованные и в хорошем состоянии, за исключением 5 эшелонов (№ 97332, 97334, 97342, 97348 и 97351), в которых совершенно не оказалось положенных на каждый вагон ведер. Первый эшелон № 97329 с выселенцами из гор. Риги был отправлен 25 марта в 15 ча. 47 мин, последний — № 97340 из г. Елгаве — 28 марта в 23 час 06 мин, а дополнительный — 33 эшелон (№ 97383) из г. Резекне 30 марта в 10 час 08 минут.

Всего вывезено в 33 эшелонах 13 624 семьи, в количестве 41 862 человек, в том числе 11 529 мужчин, 19 414 женщин и 10 919 детей. Следует оговорить, что эти данные не абсолютно точные, т.к. в ряде случаев после составления повагонных списков, перед самой отправкой эшелонов, работниками МГБ производилось снятие ошибочно изъятых, а также погрузка вновь привезенных и эти изменения не всегда удалось исправить в повагонных списках.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
генерал-майор
апреля 1949 г. (ЭГЛИТ)
№ 1/138сс
г. Рига

(ГАРФ. Ф. 9479 Оп. 1. Д. 475. Лл. 144—154)

Документ 3

МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Генерал-полковнику
Тов. К Р У Г Л О В У.
гор. Москва

Доношу, что в порядке выполнения приказа МВД СССР № 00225 от 12 марта 1949 года по обеспечению операции о высылке — из Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов — Министерством Внутренних Дел ЭССР проделана следующая работа:

За период с 13 по 20 марта 1949 года в гор. Таллин прибывали команды конвойных войск МВД СССР в количестве 400 офицеров и солдат,

10 начальников эшелонов из УМВД Ленинграда и из Москвы 47 человек мед. персонала, которые были соответственно приняты и скрытно размещены.

Исходя из установок приказа № 00225 и телеграфных указаний Вашего заместителя Генерал-полковника тов. СЕРОВА за № 1606 от 16 марта 1949 года, был составлен конкретный план мероприятий Министерства по обеспечению общественного порядка в республике на период операции, по формированию и отправлению эшелонов и по оказанию практической помощи органам МГБ ЭССР в процессе операции.

В уезды Эстонской ССР были направлены 11 руководящих работников центрального аппарата МВД ЭССР для руководства и оказания практической помощи начальникам периферийных органов МВД на период операции и подготовки к ней.

Перед командирами 392-го Конвойного полка, 51-го полка жел.-дор. войск СССР и начальниками 11, 99 и 106-го погранотрядов были поставлены задачи по усилению охраны своих объектов и государственной границы.

Для осуществления оперативного руководства и направления работы периферийных органов МВД ЭССР, начальников погрузочных пунктов и эшелонов, а также для координации работы и осуществления тесной связи с оперативными штабами МГБ ЭССР, — при МВД ЭССР был создан штаб руководства в составе меня, Вашего представителя — генерал-майора тов. РОГАТИНА, командира 48-й дивизии конвойных войск генерал-майора тов. КЕМЕРОВА, моих заместителей — подполковника тов. СМИРНОВА и подполковника тов. САНЧУК, начальника моб. отдела Министерства подполковника тов. АВИК, ст. пом. начальника отдела ОК УКВ МВД СССР подполковника тов. МАТВИЕВСКОГО, начальника связи 48-й дивизии подполковника тов. КАДУКОВА и зам. начальника отдела Спецперевозок МВД Юго-Западного округа майора тов. РЕШЕТОВА.

Оперативный план МГБ Союза ССР предусматривал создание в Эстонии 16 погрузочных пунктов по линии Эстонских жел. дор. широкой колеи формирования 19 эшелонов. В связи с этим из прибывшего состава и выделенных людей от МВД ЭССР и 392-го Конвойного полка к 21 марта 1949 года были сформированы команды 19 эшелонов в составе — 76 офицеров, 456 солдат конвойных войск и 57 человек мед. персонала, всего 589 человек. Было выделено из аппарата МВД ЭССР 19 начальников пунктов погрузки (по количеству эшелонов) и от Конвойного полка 19 офицеров, по одному на каждый погрузочный пункт.

По согласованию с руководством операцией при МГБ сформированные команды эшелонов и начальники погрузочных пунктов, за период с 22 по 24 марта на автотранспорте МВД ЭССР в количестве 40 единиц, под покровом ночи были выброшены из гор. Таллин на скрытные исходные пункты при уездных отделах и межволостных отделениях МВД, откуда по сигналу должны были выехать в пункты назначения. Отдельные выброс-

ки команд производились на расстоянии свыше 300 км (гг. Выру, Валга и др.). Команды прибывали на места скрытно и в установленные сроки.

Начальники эшелонов, их заместители и начальники погрузочных пунктов в гор. Таллин были обстоятельно проинструктированы мною, Вашим представителем генерал-майором тов. РОГАТИНЫМ, и командиром 48-й дивизии генерал-майором тов. КЕМЕРОВЫМ, были снабжены присланными из МВД СССР инструкциями, деньгами в сумме 2 818 000 рублей, необходимыми формами документации, ящиками и печатями для хранения денег и документов, фонарями и проч. Имуществом.

В ночь на 25 марта 1949 года с 12.00 до 5.00 часов на станции погрузки были поданы составы эшелонов (см. приложение № 1), которые своевременно принимались от представителей ТО МГБ нашими начальниками эшелонов.

17 марта 1949 года Министерство Гос. безопасности ЭС официально обратилось к нам с просьбой выделить для участия в предстоящей операции 1275 человек оперативного, сержантского и рядового состава МВД и милиции. Руководствуясь Вашим телеграфным распоряжением за № 90 от 16 марта 1949 года, из состава М и милиции в распоряжение МГБ ЭССР были выделены следующие силы:

	Опер. состава	Вооруженные силы (офицеров, серж. и рядового состава)	В С Е Г О
Центральный аппарат МВД и милиции	273	174	447
Таллинская офицерская школа МВД	79	124	203
Периферийные уездные (город) отделы МВД и милиции	285	340	625
Итого	**637**	**638**	**1275**

Выделенный состав своевременно и полностью был собран, вооружен положенным оружием и передан на сборные пункты опер. групп МГБ вечером 24 марта 1949 года, в точно установленные для этого сроки.

Учитывая возможно дополнительные запросы оперсекторов МГБ на людей и необходимость обеспечения общественного порядка в республике на период операции, нами, в центре и на местах, к вечеру 24 марта были созданы резервные группы офицерского и сержантского состава МВД и милиции. Практика показала правильность этого решения, ибо от органов МГБ последовали дополнительные просьбы помочь им людьми, и мы были в состоянии немедленно оказывать эту помощь, количественно 150—200 человек.

Операция по выселению кулаков, бандитов, националистов и их семей была начата оперсекторами МГБ на периферии с 6 часов утра, а в гор. Таллин с 4 часов утра 25 марта 1949 года. При этом значительная часть операции по изъятию выселенцев ложилась на плечи оперативного состава МВД и милиции.

Опергруппы МГБ-МВД в составе 1—2 оперработников, 2—3 бойцов охраны и 2 партийно-советских активистов, на мобилизованном местном автотранспорте и на машинах войсковых частей Советской Армии выезжали с 2—3 и более адресами семей.

Оперативный состав и охрана доставляли выселенцев с багажом на пункты погрузки, где сдавали их комендантам погрузки от МГБ. Партийно-советские активисты оставались в квартирах, домах и хуторах выселенцев для описи и сдачи местными органами власти оставшегося имущества выселенцев.

Выселенцы из глубинных пунктов Эстонии вывозились оперсекторами МГБ (с участием наших сил) на пароходах из уездов Сааремаа и Хийумаа и поездами узкоколейной жел. дороги из уезда Пярнумаа к установленным для них погрузочным пунктам, где сдавались начальникам эшелонов МВД.

По плану МГБ ЭССР ориентировочно подлежало выселение 7540 семей, с общим количеством 22 328 чел. По предварительным данным, на территории Эстонии было изъято 7488 семей выселенцев, в количестве 20 535 чел., в том числе: мужчин — 4579, или 22,3% к общему количеству, женщин — 9890 чел., или 48,2%, и детей — 6066 чел., или 29,5%.

Поступление контингента выселенцев на пункты погрузки, кроме гор. Таллин, в первое время происходило медленно и операция по их изъятию, намеченная провести в течение 25 марта, затянулась до поздней ночи с 23 на 29 марта. Отдельные машины с выселенцами прибывали на погрузочные пункты уже после ухода эшелонов и их приходилось направлять в другие пункты, где еще находились эшелоны.

Имели место случаи отказа в приеме выселенцев в эшелоны из-за неправильного и небрежного составления посемейных карточек, ошибочно привезенных и не подлежащих к выселению, по причине тяжелой болезни, беременности на последнем месяце и т.д. Во многих случаях, по требованию начальников эшелонов и пунктов погрузки от МВД, посемейные карточки уточнялись и пересоставлялись в комендатурах МГБ, отдельные семьи возвращались на местожительство. С эшелона № 97306 уже в пути было снято 4 человека, ошибочно изъятые МГБ и не подлежащие выселению.

Начальниками эшелонов и представителями МВД на местах, в контакте с представителями МГБ принимались все меры к лучшей организации приема выселенцев и охраны эшелонов, поддержания общественного порядка и безопасности в районах пунктов погрузки.

В результате этих мер погрузка и отправка эшелонов протекали нормально и без серьезных происшествий.

Погрузочные площадки по возможности выбирались удобные для поточного движения и подъезда автомашин к вагонам и в отдаленности от

вокзалов и стоянок проходящих пассажирских поездов. Организовалось ночное освещение погрузочных площадок, а в частности, на станции Хаапсалу, где погасло электроосвещение, свет на площадку был дан прожекторами, вызванными из местной авиачасти по договоренности с командованием последней.

Погрузка выселенцев на ст. ст. Палдиски и Кейла протекала в наиболее трудных условиях. В Палдиски выселенцы прибывали на двух пароходах из Сааремаского и Хийумаского уездов в количестве 1278 чел. / (398 семей) с вещами, которые нужно было перегружать с пароходов на пирс и дальше в эшелон. По техническим причинам приходилось разрывать эшелон на части и по 2—3 вагона подавать к пирсу под погрузку.

Погрузка на станции Кейла происходила вблизи вокзала, куда с поездами стали прибывать родственники и знакомые выселенцев, что привело к большому скоплению людей вблизи эшелона и к усложнению его охраны.

Путем выброски группы конвойников 392-го полка охрана погрузочного пункта Кейла была усилена. Однако 27 марта, в день наибольшего скопления людей на станции, из эшелона совершили побег два выселенца. Последние воспользовались моментом, когда внимание конвоя было отвлечено удалением от эшелона прибывающих посторонних лиц. Один из бежавших был тут же задержан и водворен обратно в эшелон. Другой скрылся, ведется розыск.

По причине затяжки операции и продолжительной стоянки эшелонов, на отдельные станции погрузки в массовом порядке прибывали родственники и знакомые выселенцев, прибывали люди с вещевыми и продуктовыми передачами. Последние открытых эксцессов не проявляли и принимаемыми мерами своевременно удалялись из этих пунктов.

Принимались меры к снабжению водой, местами вода подвозилась в цистернах пожарных команд МВД. В отдельных пунктах погрузки через местные торгующие организации была организована продажа выселенцам печеного хлеба и продуктов питания.

Ввиду продолжительной стоянки эшелонов, запас топлива в них был израсходован. По договоренности с местными органами власти этот запас был восполнен с избытком и отдельные эшелоны убывали, имея на 10—12 куб. мет. дров, по 3—4 тонны угля и сланца.

Прибывший из Москвы мед. персонал эшелонов был обеспечен медикаментами в малом количестве и, по заявлению врачей, отдельные нужные в дороге медикаменты отсутствовали вовсе. Местами этот пробел был восполнен за счет приобретения медикаментов в местных аптеках, врачами эшелонов было предложено приобретать необходимое в пути при содействии местных органов МВД и МГБ.

Отправление эшелонов началось во второй половине дня 26 марта 1949 года, последний эшелон убыл в 21 час 10 мин 29 марта. При этом первые эшелоны убывали со значительной недогрузкой выселенцев и меньшим количеством вагонов, против намеченного по плану.

Последние эшелоны за № 97307, 97310 и 97318 фактически ушли сборными, собирая в пунктах погрузки дополнительно загруженные МГБ переселенцами вагоны. Так, например, эшелон № 97318, который по схеме имел 32 вагона в двух пунктах погрузки (ст. Выру и Пука), фактически ушел в составе 64 вагона, собранные на пунктах погрузки Тарту, Вериора, Валга и др.

Отправка эшелонов производилась по указаниям оперативного руководства МГБ, задержки в их отправке по причинам, зависящим от МВД, не было. Все эшелоны проследовали за пределы Эстонии без происшествий (об отправлении эшелонов см. приложение № 2).

За период операции с 25 по 29 марта 1949 года существенных нарушений общественного порядка и уголовных проявлений по республике отмечено не было. За 26—27 марта зафиксировано 2 случая поджога хуторов выселенных кулаков и попытка в Валгамаском уезде поджечь постройки одного из колхозов. За тот же период по гор. Таллин зарегистрированы 2 случая вскрытия опечатанных квартир выселенцев и хищения описанного имущества. По всем случаям меры приняты по линии МГБ.

27 марта 1949 года в 3 час 20 мин в районе ст. Пюсси потерпел аварию пассажирский поезд № 36, следовавший из гор. Таллин в гор. Ленинград. Сошли с рельс багажный и два пассажирских вагона, жертв нет. Авария произошла в результате снятия болтов и накладок у трех звеньев рельс.

Принятыми мерами, с участием сил 51-го полка жел. дор. войск МВД, по следу, в 14 км от дороги, в лесу задержаны 4 человека, заподозренные в диверсии. Следствие ведет ТО МГБ.

25 марта в районе ж.-д. ст. Кадрино и ст. Лепассаро Эст. дорог дважды были обстреляны неизвестными лицами дозоры 51-го полка, следовавшие вдоль полотна. Потерь нет.

Охрана государственной границы на участках 11, 99 и 106-го погранотрядов осуществлялась усиленно, данных о нарушении границы или попыток к этому не поступало. Объекты охраны 392-го конвойного полка и 51-го жел. дор. полка охранялись бдительно и усиленными нарядами.

Особенно нужно отметить службу нарядов 51-го ж.-д. полка, которые охрану пути несли бдительно, своевременно выявляли и устраняли дефекты полотна, подбирали и сдавали в органы МВД-МГБ 94 письма, выброшенные выселенцами из проходящих эшелонов.

В письмах писалось о происходящем выселении в Сибирь, приветы родственникам и знакомым, суждения о недостаточности воды и света, о прощании с родиной и различные антисоветские высказывания.

В процессе проведения операции по выселению, погрузке и отправке эшелонов от руководства МГБ претензий к МВД ЭССР не поступало. Наоборот, по отзывам начальников оперативных секторов МГБ, личный состав МВД ЭССР оказал им значительную помощь и проявлял себя выдержанно и дисциплинированно. В отдельных случаях эти отзывы давались в письменной форме, один из которых прилагаю (см. приложение № 3).

Положительные отзывы о личном составе МВД ЭССР также дают руководящие республиканские советско-партийные работники, которые

побывали в местах проведения операции и в пунктах погрузки эшелонов. Однако отдельные сотрудники МВД и милиции допускали нарушения чекистско-войсковой дисциплины. Ведется расследование для наказания их в дисциплинарном порядке.

В процессе разработки и осуществления мероприятий по выполнению приказа № 00225, Вашего телеграфного распоряжения за № 90 и телеграфного распоряжения вашего заместителя — генерал-полковника тов. СЕРОВА за № 1606, ряд офицеров и сотрудников МВД ЭССР, а также войсковых частей МВД СССР проявили себя особо — отлично в быстром, оперативном и правильном решении поставленных перед ними оперативно-боевых задач. Список этих лиц при этом прилагаю, ходатайствую и прошу отметить их Вашим приказом.

Большую помощь в работе Министерства оказал Ваш представитель генерал-майор тов. РОГАТИН.

После окончания операции. Среди части населения Эстонии некоторое время распространялись провокационные слухи о том, что высылка еще не закончена и что выселению подлежат все эстонцы, высказывались сожаления и жалость по адресу выселенцев и различные антисоветские измышления.

Однако основная масса населения Эстонии, главным образом бедняцко-середняцкая его часть, и советский актив приветствовали совершенное выселению, выступали на собраниях с речами, призывали к дальнейшему развороту колхозного строительства в Эстонской деревне, что еще остаются антисоветски настроенные люди и т.д.

В результате, по данным ЦК КП/б/Э на 10 апреля с.г., около половины всех крестьянских хозяйств Эстонии уже вошли в колхозы, и каждый день создается множество новых колхозов.

На 20 марта с.г. (до начала операции) было объединено 11 402 бедняцко-середняцких хозяйства в 641 колхозе, что составляло 17% к общему числу всех крестьянских хозяйств в Эстонии. На 10 апреля с.г. уже объединено 55 424 хозяйства в 2079 колхозах, или 43% всех хозяйств. Кроме того, на 10 апреля имеется не разобранных еще заявлений от 14 669 хозяйств.

С выселением кулаков, бандитов, националистов и их семей из Эстонии, перед органами МВД Эстонской ССР сейчас возникают следующие задачи, на решение которых мною будет нацелен аппарат Министерства, а именно:

1. Отдельным кулакам, националистам и членам их семей удалось уклониться от выселения. Мною ставится вопрос о получении на них списков из МГБ Эстонской ССР для участия в их розыске и задержании, для их учета при усилении паспортного режима.

Также возбуждается вопрос о получении дополнительных указаний центра о порядке их высылки из Эстонии при задержании.

2. Организации охраны хуторов, оставленного инвентаря и прочего имущества выселенцев в связи с тем, что в период операции уже имели место случаи поджога хозяйственных построек выселенцев и уничтожения их имущества враждебными элементами. Еще имеются сигналы к этому.

3. Усиление контроля и наблюдения органов ОБХСС за ходом реализации оставленного имущества выселенцев, для своевременного предупреждения и пресечения возможных разбазаривании и хищений. Отдельные факты таких явлений уже имеют место.

4. Выявления среди выселенцев близких и дальних родственных связей отдельных сотрудников МВД и милиции, на предмет решения вопроса о дальнейшей службе этих лиц в наших органах.

5. Усиления политико-воспитательной работы среди личного состава МВД, особенно милиции, в связи с производственным выселением кулаков, бандитов, националистов и возможным проникновением в его среду различных провокационных слухов.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЭСТОНСКОЙ ССР
Генерал-майор
(РЕЗЕВ)

18 апреля 1949 года
№ 1/00443
гор. Таллин.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 475. Лл. 170—178)

§2. Латыши в Вятлаге

Еще до войны под пресс «большого террора» 1936—1938 гг. попали многие небольшие этнические группы населения СССР. Особенно подозрительны были люди, имевшие родственников за границей. В 1926 году в СССР насчитывалось 151 тыс. латышей, а по переписи 1939 года лишь 128 тыс. человек латышей.

До 1937 года в СССР действовали более 150 латышских школ, Центральный латышский клуб и государственный латышский театр в Москве, Дом просвещения в Ленинграде, издавались несколько латышских газет и журналов, работало издательство.

После начала массовых «ежовских» репрессий все эти культурные учреждения были закрыты (5).

Такая же участь постигла и национально-культурные структуры десятков других народов СССР. На смену практическому интернационализму в культуре и образовании приходила политика русификации и обеднения всех (в том числе и русской) культур.

В нижеприведенной таблице мы видим национальный состав заключительных лагерей и колоний ГУЛАГа 1942—1947 гг. Разгрузка ГУЛАГа, проведенная в годы войны, отчетливо заметна по этой таблице.

Документ 4

Национальный состав лагерных заключенных ГУЛАГа в 1942—1947 гг. (6) (по состоянию на 1 января каждого года)

Национальность	1942	1943	1944	1945	1946	1947
Русские	833814	600146	403851	441723	303132	412569
Украинцы	180148	114467	73.32	85584	107550	180294

Продолжение таблицы

Национальность	1942	1943	1944	1945	1946	1947
Белорусы	45320	25461	15264	15479	24249	32242
Грузины	11171	6960	5517	5446	4544	4609
Армяне	10307	9300	6835	6903	5477	5728
Азербайджанцы	8170	4584	2924	4338	3163	1495
Казахи	19703	14888	11453	12321	7822	8155
Туркмены	8548	6078	3113	2681	2007	2397
Узбеки	26978	20129	8380	8426	5570	4777
Таджики	4896	3841	2194	1872	1355	1460
Киргизы	3537	2706	1437	1142	1034	894
Татары	29116	17915	11933	14568	9049	11045
Башкиры	4669	2414	1406	1579	905	1093
Евреи	23164	20230	15317	14433	10839	9530
Немцы	19258	18486	19773	22478	1815	18738
Поляки	14982	11339	8765	8306	13356	16137
Финны, карелы	3547	2781	2220	1929	1758	2245
Латыши	7204	5008	3856	3444	12302	11266
Литовцы	3074	3125	2048	1805	11361	15328
Эстонцы	6581	456	2933	2880	9017	10241
Румыны	150	1040	857	815	840	978
Иранцы	1825	1176	772	678	501	558
Афганцы	256	170	89	65	59	48
Монголы	64	37	22	49	20	49
Китайцы	5182	3848	2792	2879	2614	1888
Японцы	133	119	116	23	578	660
Корейцы	2403	2806	1257	1397	909	959
Греки	2610	1859	1344	1882	1240	1247
Турки	488	297	226	281	264	186
Прочие	136898	79208	53068	50599	41247	29725
Итого	**1415596**	**983974**	**663594**	**715505**	**600897**	**786442**

Примечания:

— На 1 января 1946 года отсутствовали сведения о национальном составе 145 974 лагерных заключенных ГУЛАГа.

— На 1 января 19947 года отсутствовали сведения и национальном составе 22 398 лагерных заключенных.

Отметим, что вспышка сталинского террора конца 1940-х годов (когда сажали «повторников») еще впереди. Впереди и увеличение числа заключенных более чем в три раза.

Но и на вышеприведенной таблице отчетливо видно, что русские всегда составляли более половины лагнаселения СССР. На втором месте всегда находились украинцы, на третьем — белорусы.

Четвертое место после своей депортации принадлежит немцам. Поляки и татары также выделяются своей численностью. У последних это связано прежде всего с большой долей в населении страны. Но объединенная группа латышей, эстонцев и литовцев (увеличившая свою численность в ГУЛАГе 1946 года сразу в несколько раз) легко вытесняет белорусов с третьего места в общем лагнаселении страны.

Отметим, что число заключенных из депортированных народов резко возрастает после депортации (даже если депортируют не весь народ, а какую-то его часть).

На следующей таблице мы видим лагнаселение СССР периода максимального расцвета ГУЛАГа.

Документ 5

Национальный состав лагерных заключенных ГУЛАГа (7)
(по состоянию на 1 января 1951 года)

Национальность	Всего	В том числе	
		в лагерях	в колониях
Русские	1405511	805995	599516
Украинцы	506221	362643	143578
Белорусы	96471	63863	32608
Азербайджанцы	23704	6703	17001
Грузины	23583	6968	16615
Армяне	26764	12029	14735
Казахи	25906	1254	13352
Туркмены	5343	2257	3086
Узбеки	30029	14137	15892
Таджики	5726	2884	2842
Киргизы	6424	3628	2796
Финны, карелы	4294	2369	1925
Молдаване	22725	16008	6717
Литовцы	43016	35773	7243
Латыши	28520	21689	6831
Эстонцы	24618	18185	6433
Татары	56928	28532	28396
Башкиры	7847	3619	4228
Удмурты	5455	2993	2472
Евреи	25425	14374	11051
Немцы	32269	21096	11173
Поляки	23527	19184	4343
Румыны	1639	1318	321

Продолжение таблицы

Национальность	Всего	В том числе	
		в лагерях	в колониях
Иранцы	606	262	344
Афганцы	131	100	31
Монголы	83	70	13
Китайцы	2039	1781	258
Японцы	1102	852	250
Корейцы	2512	1692	820
Греки	2326	1.58	768
Турки	362	300	62
Другие	87030	48351	38679
из них:			
Коренные национальности СССР	78832	41688	37144
Некоренные национальности СССР	8198	6663	1535
Итого	**2528146**	**1533767**	**994379**

Численность объединенной группы прибалтов (литовцев значительно больше) вновь сопоставима с численностью белорусов и легко выходит на третье место в составе лагнаселения.

Упрощенный механизм судопроизводства при депортациях отрабатывался еще в 1941 году. Опытный лагерник Лев Разгон сам повидал многое и писал о прибалтах в лагерях так: «Они (прибалты. — *Б.В.*) стали советскими, и на них распространялись все действующие и уже хорошо отработанные приемы ликвидации как класса».

По спешно приготовленным спискам в одни сутки, а то и в одну ночь, забирали и грузили в машины буржуазию, чиновников из правительственного аппарата, наиболее видных деятелей партий, известных журналистов и адвокатов.

Всех — вместе с семьями.

Конечно, попадали в эти списки и мелкие торговцы, и дантисты, и даже курьеры какого-нибудь карликового министерства.

В конце концов, активно участвовавшие в составлении списков местные доброхоты тоже были людьми со всеми человеческими слабостями, и они не могли устоять от соблазна редкой возможности свести счеты с тем, с кем счеты так хотелось свести...

И вот людей, имеющих право взять с собой только то, что можно было физически унести, грузили в машины или вагоны и отправляли на распределительный пункт.

Там мужчин отделяли от большинства женщин, детей и стариков.

Эти угонялись в ссылку: в Сибирь, Казахстан и другие обширные регионы, которыми Бог нашу страну не оделил.

А мужчины шли в лагерь.

Постановления «тройки» с такими же литерами, как и у нас (СОЭ, КРА, КРД, ПШ и пр.), и сроками в пять, восемь или десять лет вписывались в формуляр там же, на распредпункте. А если эта адская канцелярия не успевала, то приходили следом в лагерь.

Иногда, по ошибке, постановления засылались не туда, а то и вовсе пропадали, что не мешало, однако, «чужим» пребывать в лагере.

Ибо резонно говорили старые и опытные лагерники: был бы человек, а бумага всегда найдется» (8).

Вятлаг принял более двух тысяч латышей. Они считались подследственными. Но реально их положение ничем не отличалось от осужденных заключенных, отбывавших свой срок. Выжить им было гораздо труднее еще и потому, что они не имели опыта советской жизни с ее приниженностью, полушепотом, туфтой и халтурой, громкими рапортами и тихими недоделками. Они не умели лукавить, что было гибельно. Многочисленные стукачи легко подводили людей под новый срок. Число осведомителей в ГУЛАГе 1940-х годов стремительно росло.

Если в 1940 году на каждую тысячу заключенных в СССР приходилось 10 «стукачей», то в 1947 году уже 80. В июле 1947 года агентурно-осведомительная сеть ГУЛАГа насчитывала 133 992 заключенных. Из них: 9958 резидентов, 3904 агента, 64 905 осведомителей и 60 225 — «противопобеговая сеть».

Отбывавший свой срок в Вятлаге военных лет интересный русский мыслитель Дмитрий Панин писал в своих воспоминаниях «Лубянка-Экибастуз» о латышах в лагере: «В лагере было много латышей. С нашим этапом прибыли еще новые, главным образом высокопоставленные. Это был цвет латышской нации — как по положению и образованию, так и по знанию своей жизни. Основная масса была завезена в лагерь без тюрьмы и следствия, поэтому им удалось захватить полные чемоданы одежды, сала, папирос...

Первое время нарядчики их не трогали, так как им было чем откупиться. За лагерным обедом они пока еще не ходили и проводили время, куря длинные папиросы и беседуя друг с другом.

Когда сало кончилось, нарядчики, косясь на их чемоданы, стали вызывать на работу. Тогда в ход были пущены костюмы, пальто, шубы невиданной заграничной выделки и качества. Часть имущества пошла нарядчикам для откупа от работ, а большая — на покупку жира и хлеба.

Но вот чемоданы опустели, табак выкурен, запасы давно съедены. Нарядчики, уже без улыбок, зашли в барак, поигрывая «дрыном», и объявили на работу. Бедные, не имевшие понятия о голоде, латыши узнали впервые в жизни, что такое норма выработки, пайка, баланда, а вскоре познакомились и со штрафным котлом, ударами палкой, — когда не было сил выйти на развод, а нарядчик считал симулянтом.

Немалое число латышей попало в лагерные тюрьмы. Дело в том, что они привыкли к европейскому обмену мнений, и стукачи, завербованные из их же среды, сажали наиболее говорливых и откровенных, часто самых лучших, тех, кто выражал резче и безбоязненнее возмущение и гнев.

А из изолятора в первый год войны была одна дорога: ногами вперед. Дизентерия, цинга, пеллагра косили несчастных не менее тщательно, чем на лагпункте.

Зэка Маслов, выдержавший там полгода в начале сорок второго, рассказывал, что блатари, которых время от времени бросали в изолятор за их разбой на лагпункте, мучаясь от голода, иногда ночью душили на нижних нарах какого-нибудь обессиленного латыша только для того, чтобы, приподняв его и придав ему сидячее положение, получить за него крохотную пайку. Порой для этой цели труп держали на нарах два-три дня, так как разложение, протекающее у истощенных замедленно, допускало такое хранение. Когда же больше терпеть было нельзя, они кричали надзирателю: «Эй, начальник, убирай падаль!» (9)

Конфискация имущества латышей в лагере осуществлялась и лагерным начальством — планово и централизованно. Это, конечно, был узаконенный грабеж. И в ноябре 1941 года председатель областного суда по Кировской области, которому и подчинялась постоянная выездная сессия облсуда, рассматривавшая на месте в Вятлаге сотни дел латышей и особенно свирепствовавшая осенью

1941 года, обратился к первому секретарю обкома ВКП(б) Кировской области В. Лукьянову с докладной. В ней он поднял вопрос о ценностях латышей и эстонцев, привезенных ими в лагерь и там уже изъятых. Вот текст этого документа.

Документ 6

«Совершенно секретно
секретарю областного комитета ВКП(б)
тов. Лукьянову
Копия: председателю исполкома облсовета
Депутатов трудящихся
тов. Иволгину
От председателя Облсуда
По Кировской области

Докладная

При выезде для рассмотрения уголовных дел о государственных преступлениях в Вятлаг НКВД СССР мною установлено следующее:

В связи с фашистско-германским нападением на СССР органами НКВД Латвийской ССР были изъяты несколько тысяч человек контрреволюционных буржуазно-фашистских элементов, которые в порядке эвакуации прибыли в Вятлаг НКВД СССР Кировской области.

При эвакуации все они в значительной части захватили с собой довольно ценное имущество и ценности в виде золотых и серебряных изделий, облигаций и деньги.

На всех на них следствие на месте не было закончено, которое и заканчивается Оперативно-чекистской группой во главе с т. Веверсом в Вятлаге НКВД.

По окончании следствия дела передаются в постоянную выездную сессию Облсуда при Вятлаге, которой и рассматриваются.

При рассмотрении дел на них мы столкнулись с такими фактами, что при вынесении приговора ценности и имущество их конфискуются, но какое имущество и ценности, опись в деле отсутствует, так как по прибытию их в Вятлаг все имущество и ценности у них были изъяты совершенно правильно без персональной описи у кого что изъято и в целом обезличены.

Все это имущество сдано в склады.

Ценности, облигации и деньги на сумму около 2 миллионов рублей в Вятлаге НКВД.

На основании изложенного прошу Вас вынести решение о изъятии как неликвидного, то есть обезличенного:

а) всех ценностей, облигаций и денег на сумму около 2 миллионов в доход государства, с перечислением в отд. Госбанка Кировской области.

б) отобрать все теплые вещи из имущества, находившегося в складах, и передать в фонд обороны;

в) остальное имущество по оценке передать в торгующую сеть Кировской области, а вырученные средства зачислить в доход государства.

Проведением этих мероприятий будет избегнута порча ценных вещей и имущества, хранящихся в не совсем исправных складах, и предотвратим возможные злоупотребления со стороны отдельных лиц, соприкасающихся с этим имуществом, так как уже имеют место случаи привлечения администрацией Вятлага НКВД к уголовной ответственности лиц, занимающихся хищением этого имущества.

Председатель Облсуда Кировской области
ФИЛИН» (10)

Стоит отметить, что 2 млн. рублей даже по тому времени — это огромные деньги. Остаток расчетного счета всего лагерного комплекса Вятлага насчитывал в первом (мирном) полугодии 1941 г. чуть больше 2 млн. рублей.

Этим вопросом живо заинтересовались в Москве. И из центра (Управление лагерей лесной промышленности НКВД) в Киров полетело такое письмо:

«Сов. секретно
26 декабря 1941 г. г. Киров
председателю исполнительного комитета
Кировского Областного Совета
Депутатов трудящихся
тов. Иволгину

Во исполнение Вашего предложения по докладной записке председателя Облсуда тов. Филина, настоящим сообщаю:

1. Для производства ревизии по операциям приема и хранения ценностей и бытовых вещей латвийских граждан мною был командирован в Вятский исправительно-трудовой лагерь ревизор УЛЛП т. Ворона.

2. Ревизия эта в настоящее время закончена, причем, по сообщению ревизора, Вятлагом все изъятые у латвийских граждан ценности — вещи приняты в кассу Управления лагеря и в особые кладовые по описям и с выдачей поименных квитанций владельцам; все ценности взяты бухгалтерией лагеря на учет.

Часть ценностей и вещей была самими владельцами скрыта от обыска и изъятия, чем была создана возможность для присвоения и покупки за бесценок отдельными сотрудниками лагеря этих вещей.

Оперативно-чекистским отделом лагеря были приняты меры к выявлению отдельных случаев присвоения ценностей сотрудниками и к розыску скрытых от изъятия вещей, в результате чего часть преступников уже осуждена и часть находится под следствием.

3. Вятлагом в н/время производится подготовка и оформление сдачи отобранных ценностей и вещей в доход государства.

п.п. Начальник Управления
лагерей лесной промышленности
НКВД СССР
старший майор госбезопасности — (Тимофеев)» (11)

Скупка за бесценок изделий из драгметаллов, личного имущества у латышей приобрела осенью 1941 года в Вятлаге большие масштабы. Кое-кто из обративших на себя внимание начальства вольнонаемных работников (либо неумеренная жадность, либо не поделились) даже при этом пострадал. В приказе по управлению Вятского ИТЛ от 24 октября 1941 года мы читаем:

«Вольнонаемный состав лагеря провел огромную работу по оформлению прибывших к нам в лагерь прибалтийских этапов. Однако отдельные работники, допущенные к оформлению этих этапов, занялись мародерством и присваивали себе изымаемые у заключенных и запрещенные к хранению в зоне предметы.

Так, например, произведенным обыском у ст. бухгалтера ООС Рытько Эдмунда Антоновича были обнаружены следующие вещи заключенных:

1. часы золотые ..... 1 шт.
2. машинок для правки бритв ..... 2 шт.
3. авторучек. ..... 6 шт.
4. бритв безопасных ..... 2 шт.
5. карт игральных ..... 8 колод
6. портфель кожаный ..... 1 шт.
7. зонтик ..... 1 шт.
8. туфель дамских. ..... 2 пары
9. и др. предметы

ПРИКАЗЫВАЮ:

За присвоение вещей заключенных ст. бухгалтера ООС Рытько З.А. из Вятлага НКВД немедленно уволить.

Опер. Чекистскому Отделу срочно произвести расследование и привлечь Рытько к уголовной ответственности.

Начальник управления Вятлага НКВД
лейтенант госуд. безопасности (Левинсон)» (12)

ПРИМЕЧАНИЕ:

Рытько Эдмунд Антонович —

Родился 02.10.1894 г. в г. Варшаве, поляк, беспартийный, образование высшее, по специальности — бухгалтер, женат вторым браком, проживал в соцгородке Вятлага (ст. Лесная).

В 1921—1931 гг. служил на оперативно-хозяйственных должностях в органах ОГПУ на железнодорожном транспорте (г. Екатеринослав).

В 1931—1932 гг. — старший бухгалтер ЦСО «Динамо» (г. Москва).

В марте 1933 г. осужден Коллегией ОГПУ по Закону от 07.08.1932 г., приговорен к 5 годам лишения свободы, отбывал наказание в Сиблаге и Дмитлаге НКВД СССР, освобожден досрочно в мае 1936 г.

В Вятлаге — с декабря 1940 г., принят по вольному найму на должность главного бухгалтера отдела общего снабжения Управления лагерем с окладом 800 рублей в месяц.

Арестован 04.11.1941 г. за то, что, «пользуясь своим служебным положением и принимая участие в работе по приемке вещей у з/к латышского этапа, присвоил ряд ценных вещей...».

07.01.1942 г. приговорен судебной коллегией Кировского областного суда по статье 109 (злоупотребление служебным положением) УК РСФСР 1926 г. к 3 годам лишения свободы.)

По данным исследователя В.И. Веремьева, в Вятлаг в 1941 году доставлено (тремя этапами) 2826 интернированных жителей Латвии. В основном это латыши, 100 человек из них — женщины.

Здесь их ожидали тяжелые работы, голод и смерть. Все они считались подследственными и жили в лагере в ожидании приговора. Очень многие не дождались и умерли в статусе подследственных. Значительная часть личных дел заполнялась на основе устного опроса интернированных. Многие из них по-русски говорили плохо или вообще не говорили. Так что путаницы было немало. Вместе с прибывшими подневольное поселение Вятлага, состоявшего из 12 лагпунктов, растянутых по линии своей собственной железной дороги на 45 км, составляло к 22 июля 1941 г. 19 650 человек.

В основном латыши были размещены на 7-м (бывшем «специальном») лагпункте, расположенном у линии железной дороги (бывший поселок Ягодный — сейчас разрушен и ликвидирован) — в 6 км севернее центрального поселка Вятлага — Лесной.

Всем прибывшим в лагерь латышам инкриминировалась следователями одна и та же печально знаменитая 58-я статья. Так что все они были в чистом виде политзаключенными.

Из общего числа интернированных жителей Латвии в Вятлаге:

— 113 человек (из них одна женщина) в октябре — ноябре 1941 г. были приговорены постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда при Вятлаге («спецлагсуд») к «высшей мере наказания» (расстрелу) и отправлены 10 ноября 1941 г. в тюрьму № 1 г. Кирова «для приведения приговора в исполнение»;

— более 1600 человек умерли в 1941—1943 гг. до вынесения судебных приговоров;

— около 600 человек, приговоренных в 1941—1943 гг. (в основном во внесудебном порядке — Особым Совещанием при НКВД СССР) к различным срокам лишения свободы, умерли в лагере до освобождения;

— остальные (около 800 чел.) были либо освобождены «по истечении срока наказания», либо отправлены за пределы Вятлага: в другие лагеря, в ссылку, на фронт, «комиссованы и актированы» по состоянию здоровья. То есть из числа этих 800 человек значительная часть тоже погибла, но просто не проходит по лукавой лагерной статистике. Ведь начальство Вятлага было заинтересовано, чтобы плановые цифры смертности заключенных, спускаемые сверху, в их лагере не превышались. С этой-то целью доходяг — заключенных, которых через несколько дней ждала неминуемая смерть, формально освобождали. И они умирали в лагере свободными людьми, часто не зная об этом.

Таким образом, нам точно известно (по личным делам) о смерти в Вятлаге более 2300 человек из попавших в лагерь в июле 1941 года 24 846 жителей Латвии. Это — более 80%. Но в реальности — смертность латышей была, конечно, более 90%. То есть почти никому из прибывших — выжить не удалось.

Небольшое число латышей погибло в Вятлаге также до войны и после нее. Всего же в Вятлаге умерло и захоронено 2425 латышей. На нижеприведенной таблице мы видим места захоронений.

Документ 7

Сведения о местах и численности захоронений жителей Латвии и этнических латышей, репрессированных по политическим мотивам и содержавшихся в Вятском ИТЛ НКВД СССР (13)
(1938—1956 годы, по данным, установленным на 05.04.2001 г.)

Местоположение захоронений	Число погребенных
1-й лагпункт (поселок Рудничный)	73
2-й лагпункт (поселок Сорда)	62
3-й лагпункт (станция Малый Созим)	436
4-й лагпункт (поселок Полевой-2, «сангородок»)	191
5-й лагпункт (станция Лесная)	52
6-й лагпункт (поселок Брусничный)	33
7-й лагпункт (поселок Ягодный)	942
8-й лагпункт (поселок Заречный)	19
9-й лагпункт (станция Мурис)	117
10-й лагпункт (станция Фосфоритная)	36
11-й лагпункт (станция Верхнекамская)	415
12-й лагпункт (станция Има)	26
13-й лагпункт (станция Раздельная)	5
15-й лагпункт (станция Има)	2
16-й лагпункт (станция Има, Гидаевская ветка)	4
17-й лагпункт (станция Има)	1
30-й лагпункт (поселок Нижняя Турунья)	3
Сельхозлагпункт № 1 (поселок Полевой-1)	3
Сельхозлагпункт № 3 (станция Кама)	1
Сельхозлагпункт «Зуевка» (село Мухино)	4
Всего	**2425**

Уже после голодной зимы 1941/1942 г. часть оставшихся пока в живых латышей начальство Вятлага перебросило на вновь организованный 7-й лагпункт, ставший с марта 1942 г. оздоровительно-профилактическим. Из 1160 мужчин заключенных и 167 женщин заключенных, вывезенных туда по приказу № 104 по Управлению Вятлага 1050 мужчин и 56 женщин были «следственными латышами». Здесь, в большинстве своем, они и погибли. Ведь голодная зима 1942/1943 г. выкосила лагнаселение более чем на одну треть.

Если в 1938 г. в Вятлаге умерло 5 латышей, в 1939 году — 45 латышей, в 1940 году — 4 латыша, то в 1941 году — 407 латышей, причем в октябре — 105, ноябре — 94 чел., декабре — 117 чел. В 1942 году в Вятлаге погибло 1279 латышей; в январе — 165 чел.; в

феврале — 120 чел.; в марте — 157 чел.; апреле — 233 чел.; мае — 199 чел; июне и июле соответственно 131 и 124 чел. Далее смертность значительно уменьшится.

Суровая зима, голод, непосильный труд — и в результате: авитаминоз, дистрофия, пеллагра, дизентерия и туберкулез.

Важной причиной смерти основной части латышей, попавших в лагерь, стал психологический шок. Абсолютно законопослушные и уважаемые граждане своей страны внезапно приказом сверху назначены политическими преступниками, с которыми соответственно и обходятся. Внутренне не сломаться в такой ситуации было очень сложно.

В 1943 году число умерших жителей Латвии — 563 чел., в 1944 году — 60 чел., в 1945 году — 11 чел. В последующие годы — еще меньше. Таким образом, значительная часть трех «латышских» этапов июля 1941 г. погибла в 1941—1943 годах. Наиболее гибельными для них месяцами года стали октябрь — декабрь в 1941 году, январь — июль в 1942 году и март — июнь в 1943 году. Ослабленные тяжкой зимой, люди умирали весной. Обратимся к реальным судьбам латышей, погибших в лагере в те страшные годы.

* * *

ПОРТРЕТЫ В ПРОФИЛЬ

Вторая половина 1941 года — это время резкого усиления всех форм судебного и внесудебного террора: число расстрелов по приговорам и без всяких приговоров (с санкции высшего руководства страны) возросло в несколько раз, Особое Совещание при НКВД неустанно штамповало списки новых осужденных по сильно упрощенной схеме (ни адвоката, ни присутствия обвиняемого не требовалось — осуждали списками), областные суды, боясь обвинений в преступной мягкотелости и утрате революционной бдительности, приговаривали к ВМН за всякие пустяки, за которые в 1940 году и 5 лет порой не давали.

Из западных, оккупированных немцами районов вывозили заключенных, как осужденных — так и подследственных. Так что работы всем работникам судебной сферы сильно прибавилось.

В докладе Кировского областного суда о работе с государственными преступлениями за второе полугодие 1941 года особо отмечено, что «вся работа по делам этой категории была перестроена в соответствии с указаниями НКЮ СССР и Наркомюста

Республики на военный год». А посему для рассмотрения этих дел были выделены «наиболее сильные работники. Если за первое полугодие 1941 г. в Кировский обл. суд поступило 89 дел о государственных преступлениях, то во второе полугодие 1941 г. (в месте с делами Вятлага НКВД) поступило 1736 дел, или в 18 раз больше. Понятно, что основная часть этого прироста дела подследственных Вятлага.

Рост такого рода дел (как объясняется в самом докладе) произошел за счет эвакуированных из тюрем фашистских элементов, членов полиции, охранки и министров буржуазных правительств Эстонской и Латвийской ССР» (14).

В постоянную сессию облсуда при Вятлаге поступило в это время 993 дела. Для сравнения — из всей Кировской области поступило в облсуд лишь 734 уголовных дела. Из общего числа 1736 дел рассмотрено в судебных заседаниях было 661 дело, по которым проходило 716 человек. Все они проходили по 58 -й статье.

К высшей мере наказания приговаривали даже по статье 58 п. 10 — «пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...», по коей в мирное время полагалось не ниже шести месяцев.

Впрочем, до войны и после нее чаще всего по этой статье давали 5 лет. Но в связи с военной обстановкой статья 58 п. 10 переквалифицировалась на расстрельную 58 п.2.

105 человек из 298 осужденных по статье 58 п. 10 расстреляны, 103 человека получили 10 лет лишения свободы, 74 человека от 5 до 9 лет лишения свободы, и лишь 15 человек получили 5 лет лишения свободы, а 1 человек — 4 года. Свирепость по отношению к «болтунам», любителям шутки и анекдота чрезвычайная. Из 163 человек, осужденных по статье 58 п. 13, расстрел получили 114 человек. В основном это как раз прибалты. Их судили за деятельность на различных постах при прежних правительствах Латвии и Эстонии. Это, по меньшей мере, алогично и незаконно. Указанная статья сформулирована так: «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств...». Очень широко применялась по отношению к прибалтам и статья 58 п. 4.

Всего же из 716 человек, проходивших по 58-й статье в Кировском областном суде за второе полугодие 1941 года, — расстрел получили 346 человек (чуть более 48%). 113 расстрелянных в ноябре

1941 года Латышей входят как раз в это число. 10 ноября 1941 г. они были этапированы из Вятлага (север Кировской области) в тюрьму № 1 города Кирова (областного центра), где вскоре (часть людей погибла 15 ноября) приговор и был приведен в исполнение. Бессмысленная жестокость!

Таким образом, областные суда страны в это время фактически могли приговорить к расстрелу за любой пустяк (неосторожное слово, чуждое происхождение, анекдот или критическое высказывание в отношении вождей или властей в связи с провалами на всех фронтах).

Закручивание гаек в судебной машине сталинского режима, и до войны не страдавшей либерализмом и мягкотелостью, — несомненно. Террор по отношению к любой даже тени оппозиционности, критике, инородному элементу...

Прибалтам не повезло. Инородным элементом в машине сталинской диктатуры к началу войны оказались именно они. Таким образом, вне зависимости от исхода дела, реальной степени вины с точки зрения сталинского законодательства — все они, попавшие в лагеря, были обречены. Это была уже не акция устрашения, но акция уничтожения. И ГУЛАГ с такой задачей легко справился.

Рассмотрим же судьбы реальных латышей той эпохи, так сказать, в профиль. Ведь у голодных и истощенных до предела людей другой ракурс просто невозможен. Да и не так много свидетельств осталось о людях, стертых лагерной системой в порошок.

Улманисы и Голдманисы

Погибшие в Вятлаге (умершие и расстрелянные) прибалты стараниями советских спецслужб словно канули в Лету. Сведения о них не давались даже родственникам. Где они, что с ними? Живы или умерли? На эти вопросы органы начали отвечать родственникам только в разгар оттепели. И то не во всех случаях.

Карлис Улманис (1877—1942 гг.) до 1940 года был президентом Латвии. Отношение официальных советских властей и печати было к нему крайне враждебным. Его ставили на одну доску чуть ли не с Гитлером, что, безусловно, абсолютно неверно. После присоединения Латвии к СССР в 1940 году был интернирован. Погиб в ГУЛАГе (Красноводск, Туркмения).

Учитывая традиционное сталинское распространение вины на всех родственников, следовало ожидать репрессий и в отношении членов семьи и близких этого последнего латышского президента.

Гунтис Улманис (родился в 1939 году), президент Латвии в 1993—1999 гг., является внучатым племянником Карлиса Улманиса. О судьбе своего отца, погибшего в Вятлаге, он узнал только в 1980-е годы. В книге своих мемуаров «Путь президента» он так рассказывает о встрече в Комитете гос. безопасности Латвийской ССР. «Я хотел ясности еще в одном вопросе, который всю жизнь мучил меня: Что стало с моим отцом? Ехансон (заместитель председателя КГБ. — *В.Б.*) не отказал в отчете: Эдуард Улманис умер в 1942 году — в возрасте тридцати лет — в Вятлаге, недалеко от Кирова. Без комментариев» (15).

Арестовали, судя по всему, всех родственников опального президента.

Более подробные сведения об отце и деде (по материнской линии) Г. Улманис получил только в разгар перестройки в СССР — в конце 1980-х годов: «В конце восьмидесятых годов в газете «Atmoda» я прочел воспоминания одного из репрессированных (г-на Калниньша. — *В.Б.*) о Вятлаге. Он перечислил и оставшиеся в памяти фамилии заключенных ....

В этом списке мы обнаружили не только Эдуарда Улманиса, но и Карлиса Голдманиса — отца моей матери...

Мой отец был доставлен в лагерь уже в 1940 году, а дедушка — спустя неполный год: там оба они в 1942 году с разницей в несколько месяцев и умерли голодной смертью при полном истощении сил — условия в лагере были нечеловеческими. Господин Калниньш припомнил, что мой отец по вечерам имел обыкновение сидеть на нарах и рассказывать о своем сыне с надеждой, что хотя бы сын выживет в это страшное время и от него — моего отца — хоть что-то останется в этом мире.

Так и получилось — моя мама и бабушка спят вечным сном рядом на Яундубултском кладбище, а отец и дедушка — на далеком севере России, в вятской земле...» (16).

Вз архиве Вятлага сохранились две учетные карточки — на Эдуарда Улманиса и Карла Голдманиса. Личные дела отсутствуют — скорее всего, они были уничтожены в 1960—1970-е годы в связи с истечением срока хранения. Документальные данные крайне скудны.

На типовой карточке Эдуарда Улманиса отмечено, что он родился в 1912 году в Митавском уезде бывшей Латвии. По социальному происхождению — из крестьян-кулаков. По национальности — латыш. Образование — незаконченное высшее. Беспартий-

ный. Местожительство — г. Рига, ул. Агос-Кална, дом 25. По специальности он записан как экономист, шофер, тракторист. Вятлагу же тогда требовались лишь лесорубы. Карточка заполнена 26 июля 1941 г.

Э. Улманис был арестован сразу после присоединения Латвии. Это видно по данным на оборотной стороне карточки. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 18 июня 1941 года по статье 58 п. 13 на срок 10 лет лишения свободы и на 5 лет после этого поражение в гражданских правах. Начало срока — 24 июня 1940 года; конец срока — 24 июня 1950 года. Начало срока исчислялось с даты ареста. В Вятлаг Э. Улманис прибыл из Бутырской тюрьмы г. Москвы. В основном, он находился на 12-м лагпункте (август 1941 — январь 1942 г.), 6-м лагпункте (сентябрь 1942 — февраль 1943 г.). Данных о его смерти в учетной карточке нет. В графе: «убыл» записано — освобожден 8 февраля 1943 года.

Истощенных до предела заключенных, которые неизбежно должны были умереть через несколько дней, лагерное начальство в ту пору актировало, то есть освобождало по результатам медицинского освидетельствования как инвалидов, негодных к какому либо труду, и безнадежно больных. Они умирали тут же в лагере. Но не портили лагерной статистики своей смертностью. Ведь превышение плана по смертности могло дорого обойтись начальству Вятлага.

Можно предположить, что Эдуард Улманис принадлежал к числу заключенных как раз такого рода и завершил свой скорбный путь в болотистой вятлаговской земле в феврале 1943 года.

На учетной карточке Карла Индриковича Голдманиса мы читаем следующее: Родился в 1883 году в Рененской волости Латвии. Названия большинства латышских названий в лагерных записях сильно искажены. Ведь лагерные учетчики не знали латышского языка, а многие латыши совсем не знали русского языка или знали его плохо.

Социальное происхождение — из крестьян кулаков. Национальность — латыш. Образование — низшее. Местожительство — Падуская волость Гольфлейского уезда. Профессия — земледелец. Специальность — без специальности (лагерной. — *В.Б.*). Карточка заполнена 18 июля 1941 года.

Прибыл в Вятлаг с Юхновским этапом 9 июля 1941 года. Умер 1 мая 1942 года. Суда он не дождался и умер подсудимым. Других документальных свидетельств о судьбах Э. Улманиса и К. Голдманиса, отца и деда бывшего президента Латвии, в архиве Вятлага

отыскать не удалось. Скорее всего, их просто нет. Массовые уничтожения архивных материалов, происходившие многократно за советскую эпоху, лишили нас множества страшных и подробных свидетельств о сталинском времени.

Министр Волонтс

Министры прежних правительств Балтии автоматически считались врагами Советской власти, даже если обвинение не могло абсолютно ни к чему прицепиться в их биографии. Пример такого рода — дело министра народного благополучия Латвии в 1938—1940 гг. Яниса Волонтса. Вот данные его личного дела в Вятлаге: Он родился 8 апреля 1882 года в Прейльской волости Двинского уезда. Из крестьян-батраков, латыш, владеет русским языком. Паспорт выдан Двинской префектурой Латвии 22 августа 1927 года.

Состоял в политических партиях: Крестьянская (1922—1928 гг.), Латгальские демократы (1928—1932 гг.), Латгальская прогрессивная крестьянская партия (1932—1934 гг.).

Образование — 8 классов и высшие коммерческие курсы. Основная специальность — канцелярист, коммунальный работник. Надо полагать, Янис Антонович стал очень хорошим канцеляристом, пройдя школу в качестве делопроизводителя и управляющего делами Мальцевских заводов в 1900—1918 гг. (СПб.) — громадного промышленного комплекса России.

В 1918—1920 гг. он работал в Московском отделении Мальцевских заводов, а в 1922—1922 гг. — в правлении Мальцевского округа Брянской губернии (г. Дятьково).

В списке 1918 г. о Волонтсе сказано так: «Абсолютно незаменим в настоящее время по своим специальностям и знаниям, приобретенным специальной подготовкой и долголетним опытом». Эмигрировал в Латвию в августе 1922 г. Там управленец такого масштаба стал просто незаменим.

В 1922—1938 гг. он городской голова города Двинска (Даугавпилса), а затем в течение двух лет министр правительства Улманиса.

За границей был: Литва (1932 г.), Германия (1936 г.), Эстония (1937 г.). Судя по всему, это служебные командировки. В Риге жил на улице Альберта 9, 12, кв. 14. Вдовец, имеет троих детей: сына и две дочери.

Приметы: рост — выше среднего, телосложение правильное, цвет волос — седой, глаза — серые, нос — прямой, особых примет не имеется.

Арестован 14 июня 1941 года органами НКГБ по месту жительства (постановление на арест от 10 июня 1941 г.).

Постановлением Особого совещания при НКВД от 28 ноября 1942 года «за принадлежность к контрреволюционной партии» осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Ознакомлен с постановлением 9 февраля 1943 года.

Похоже, что даже с точки зрения советских законов судить Волонтса было абсолютно не за что. Следователем несколько месяцев пришлось высасывать обвинение из пальца: «Являлся одним из лидеров реакционно-церковной «Крестьянской партии», был городским головой г. Двинска, после смерти министра Рубилича введен в состав фашистского правительства Ульманиса от крестьянской католической партии, где занимал пост министра народного благополучия до 17 июня 1940 г.».

В Вятлаг Волонтс попал с первым Юхновским этапом 9 июля 1941 г. Здесь находился в основном на 7-м лагпункте. С 15 апреля 1942 г. находился несколько месяцев в тюрьме № 1 г. Кирова (где расстреливали приговоренных к смерти латышей), затем возвращен на 1-й лагпункт Вятлага. По результатам медицинского освидетельствования 18 февраля 1943 г. (вскоре после тюрьмы) признан инвалидом 2-й группы: старческая дряхлость, резкое истощение. Актирован. Умер в лазарете 8-го лагпункта от пеллагры и прогрессирующего туберкулеза. По данным акта он смерти о умер 12 марта 1943 г., по данным картотеки — 16 марта 1943 г. Несколько дней его паек еще получали на лагпункте. Погребен 14 марта 1943 г. на кладбище 8-го лагпункта (у пос. Заречный Верхнекамского района) в деревянном гробу. Номер могилы не обозначен. В акте погребения его расписались фельдшер, стрелок и рабочий-землекоп.

Наличие оставшегося имущества не зафиксировано. Судя по всему, его просто нет.

Сын, Александр Волонтс, 1912 г. рождения, в июне 1941 г. проживал в Риге. Обе дочери, Аделя — 1914 г. рождения и Маргарита 1920 г. рождения, до 14 июня 1941 г. проживали в г. Рига и выселены как «социально чуждый элемент». Они выселены на спецпоселение. Аделя Авотиньш (урожденная Волонтс) еще в 1953 году находилась на поселении в пос. Славгородка Томской области.

При обыске 30 апреля 1942 г. в тюрьме УНГБ г. Кирова при Янисе Антоновиче Волонтсе обнаружено: денег — 19 руб. 50 коп., чемоданов — две штуки, костюм серого цвета поношенный, ботин-

ки хромовые, бумажник хромовый, помочи для брюк. Все остальное взятое с собой имущество Волонтс уже сменял на хлеб. Дочь его Ада, находившаяся в Сибири, сделала после войны несколько запросов в справочное бюро ГУЛАГа, пытаясь хоть что-то узнать о судьбе отца. В заявлении от 16 марта 1947 года она писала: «Обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне о месте нахождения моего отца Волонт Ивана Антоновича. Очень прошу сообщить мне, жив он или нет, и если нету его в живых, то, пожалуйста, вышлите мне на это справку и дайте знать мне год и день его смерти <...>

Мой отец и никто другой из нашей семьи не имел никаких имуществ и капиталов.

1941 года 14 июня моего отца и меня с сестрой сослали в Советский Союз. Причины нашей высылки из Советской Латвии — я не знаю.

В гор. Кирове моего отца от нас отлучили, и с тех пор я не имею о нет никаких известий. Я писала много куда и просила мне дать ответ, по к сожалению я его не получила. Теперь обращаюсь к Вам с большой просьбой не отказать мне и дать мне знать о своем отце».

И на это письмо Ада Авотиньш ответа не получила. В такого рода случаях органы тогда (по инструкции) отделывались справками, что такой-то осужден на 10 лет без права переписки.

Лишь в эпоху оттепели положение изменилось. В запросе от 30 апреля 1953 года дочь писала: «До гор. Кирова мы ехали вместе, но 22 июня 1941 г. его в гор. Киров взяли. 1943 году я имела известие, что он из Кировского лагеря был переведен в Кировскую тюрьму, после чего никаких известий не имею. Очень Вас прошу дать мне кое какие известия о его судьбе». Сколько же боли и горечи пришлось испытать этой женщине в неведении о судьбе отца?

27 августа 1955 г. ей наконец была выслана (в Сибирь) краткая сухая справка: «Сообщаю, что Волонт Янис Антонович 1882 года рождения умер 16 марта 1943 года. За получением свидетельства о смерти Вам следует обратиться в ЗАГС горотдела милиции г. Риги ЛССР» (17).

Ответ дан по справочной картотеке Вятлага. Между тем по достоверному «акту о смерти» личного дела он умер 12 марта 1943 года. Такого рода искажения в официальных справках были повсеместны в ГУЛАГе.

И все же судьба честного человека и добросовестного министра народного благополучия осталась в нашей памяти.

Министр Вейдниек

В Вятлаг попал и министр внутренних дел последнего латвийского правительства Корнелий Давидович Вейдниек. Он родился 30 марта 1899 г. на хуторе Думпури Ронтульской волости Венденского уезда в Лифляндии. Первоначальная фамилия Вейтманис — Вейдеманис изменена на фамилию Вейдниек 1 февраля 1940 г. постановлением МВД Латвии.

По происхождению — из крестьян. Латыш. Владел также: русским и немецким языками. Член партии «Крестьянский Союз», лютеранин. По образованию — юрист, а также владел специальностями счетовода и бухгалтера. В 1916—1918 гг. работал в таможне в Москве. В 1918—1920 гг. — земледелец, в 1920—1924 гг. лейтенант латвийской армии, а затем полицейский.

Вся карьера его протекала в системе министерства внутренних дел. В 1924—1939 гг. сотрудник, а затем директор тюремного департамента министерства юстиции Латвии (с января 1939 г. по июль 1940 г. министр внутренних дел Латвии. Это — пик его служебной карьеры, резко оборвавшейся со вступлением советских войск в Латвию).

С 4 декабря 1940 г. по 26 июня 1941 г. он студент двухгодичных курсов иностранных языков (немецкое отделение) при Кировском пединституте (г. Киров) со стипендией 130 руб. в месяц. Женат с 1934 г., сведений о детях нет.

Судя по всему, Вейдниек успешно скрылся на какое-то время от органов НКВД, то есть не стал дожидаться собственного ареста в Риге, а сам переехал с женой на русский Север в г. Киров (Вятку). Тем не менее 26 июня 1941 г. он был арестован и 28 августа 1941 г. приговорен судебной коллегией Кировского обл. суда по статье 58 п. 13 к высшей мере наказания (расстрелу) с конфискацией имущества.

По просьбе о помиловании Президиум Верховного Совета СССР постановлением от 26 ноября 1941 г. переквалифицировал меру наказания на 10 лет лагерей.

В составе обвинения Корнилию Вейдниеку инкриминировалось:

«После демобилизации в 1922 году из армии поступает в местную полицию в качестве писаря, а потом переводится старшим полицейским, где и служит до 1924 года.

В том же 1924 г. переходит в тюремное ведомство министерства юстиции, где занимает руководящую роль и назначается директо-

ром тюремного департамента названного министерства, работая в этой должности до 1938 года.

В январе 1939 г. как активный сторонник буржуазного строя и за преданность к президенту последний назначает его министром внутренних дел и на этом посту состоял до июля 1940 года, т.е. восстановления Советской власти в Латвии.

Будучи министром внутренних дел ... через директора департамента политической полиции Фридрихсона усилил борьбу с нарастающим революционным движением.

По прямому указанию Вейдниека политическая полиция в апреле месяце 1940 г. разгромила ряд революционных коммунистических организаций в гор. гор. Режице и Двинске, арестовала весь состав центр. комитета Коммунистической партии Латвии в гор. Риге — до 65 чел. коммунистов, уничтожила три типографии и взяв ряд пишущих машинок ...

Кроме этого по директиве Вейдниек полицией 17 июня 1940 г. при вступлении Советских войск в г. Ригу была расстреляна и разогнана демонстрация солидарности Советскому Союзу, в результате чего несколько рабочих было ранено, из коих двое смертельно, впоследствии и умерли.

При передаче дел новому руководству министерства внутренних дел демократического правительства, Вейдниек дал указание директору департамента полиции Фридрихсону об уничтожении списков ценной агентуры и всех агентурных разработок, что последним и было сделано.

Все эти факты подсудимый Вейдниек подтвердил на суде, за исключением факта, что в расстреле и избиении демонстрации солидарности с Советским Союзом трудящихся гор. Риги 17 июня 1940 года он не виновен, а в том якобы виноват префект города и полиция...» (18).

29 декабря 1941 г. Корнелий Давидович был отправлен для отбывания срока в Вятлаг на 7-й лагпункт. С 1 января 1942 г. он находился на лечении в лазарете 1-й подкомандировки 7-го лагпункта, где 9 января 1942 года и умер. Лагерь и тюрьма полностью лишила его всех жизненных сил. Он был погребен на кладбище 7-го лагпункта (пос. Ягодный) в деревянном гробу и нательном белье. По картотеке лагеря, как обычно, дана более поздняя дата его смерти — 12 января 1942 года, которая и была зафиксирована в ответах на запросы родственников в 1947 и 1948 годах.

Жена его, Аустра — Эрнестина Карловна (урожденная Берзинь) в декабре 1941 г. также содержалась в тюрьме города Кирова.

В заявлении от 17 октября 1940 года о поступлении в Кировский пединститут Корнелий Вейдниек с некоторым черным юмором писал о себе: «В начале 1918 г. я вернулся на родину и стал заниматься земледелием. Впоследствии я поступил на юридический факультет Рижского университета, по окончании которого я приобрел звание кандидата юридических наук.

Несколько лет потом я работал юристом в разных учреждениях.

После установления в Латвии советской власти, многим юристам пришлось искать другого занятия.

Что касается меня, то я переехал на постоянное местожительство в гор. Киров, чтобы здесь подготовиться к другой профессии».

При обыске в его квартире нашли довольно значительную сумму советских денег (8725 руб.), благодаря которым он мог спокойно учиться в институте.

При личном обыске Вейдниека 26 июня 1941 г. в тюрьме МГБ — УНКВД Кировской области (г. Киров) у него обнаружены лишь 5 копеек денег, серебряный портсигар и карманные часы.

После его смерти 10 января актом сотрудников лагеря зафиксирован остаток его личных вещей: пальто зимнее черное с котиковым воротником, пиджак и брюки с жилетом, рубашка и сапоги кожаные. Все это сдано для хранения на вещкаптерку лагпункта. Вот только востребовать эти вещи хозяин не сможет никогда.

Священник Кангарс

И все же основную часть интернированных в июне 1941 года составили вовсе не министры, а простые граждане, попавшие в списки на депортацию по доносу, из-за чуждого происхождения, членства в какой-либо политической организации буржуазной Латвии.

Очень много было айзсаргов-членов полувоенной проправительственной организации. По решению МВД Латвии с 1921 г. эта организация была добровольной, куда принимались «государственно мыслящие люди». Она выполняла функции политической опоры режима власти, резерва армии. В 1930-е годы стала играть серьезную роль в военно-спортивной подготовке молодежи и воспитании ее в духе национальной идеологии (немало культурных мероприятий).

По числу уездов Латвии было сформировано 19 полков, в которые входили к 1939 г. 32 тыс. чел. Помимо этого имелись женские и молодежные структуры айзсаргов.

Списки членов организации сохранились и при подготовке депортации 1941 г. были использованы советскими спецслужбами.

Такого типа организации имелись в Литве и Эстонии. За принадлежность к айзсаргам прежде всего и был арестован священник Янис Кангарс.

Он родился 15 марта 1907 года в усадьбе Тири Валмиерского уезда Латвии. Латыш. Из малоземельных крестьян. Член организации айзсаргов с 1933 года.

Образование высшее — теологический факультет. По специальности — учитель. По роду занятий — священнослужитель (1930—1941 гг.) в Кулдигском уезде Латвии. Владел латинским и греческим языками. До ареста жил в усадьбе Майори. Арестован 14 июня 1941 г. Приговорен 28 ноября 1942 г. Особым Совещанием при НКВД «За участие в контрреволюционной организации» к 10 годам лагерей. Ознакомлен с приговором 22 января 1943 года.

В составе обвинительного заключения лишь данные доносов и общие голословные обвинения:

«... в ульмановское время был священником Лутриню волости и 14-го Кулдигского полка айзсаргов, имел звание подполковника.

Всех, посещающих церковь, воспитывал в фашистском, ульманском духе. Теперь враждебно настроен против советского строя. Проводит антисоветскую агитацию среди рабочих и трудового крестьянства»;

«Лутринский священник, КАНГАРС Янис, высказывался:

«Коммунизм у нас, в Латвии, должен исчезнуть в самом скором времени.

В Советской России коммунизм держится только по той причине, что русские некультурные и ничего хорошего не видели. Латыши же, при первом удобном случае, сбросят ненавистное иго коммунизма.

В латышах бродит ненависть против советской власти, они восстанут, чтобы ее свергнуть.

Немцы будут нашими союзниками, и с их помощью мы прогоним русских из Латвии...» (постановление на арест от 11.06.1941 г.);

«... Кангарс с 1931 года по 1941 год являлся служителем культа. В богослужениях использовал религиозные предрассудки народа и прививал своим прихожанам ненависть к революционному движению, восхвалял существующий буржуазно-фашистский строй в Латвии.

С 1933 года по день ликвидации, то есть до июня 1940 года, являлся участником военно-фашистской организации айзсаргов, был полковым священником айзсаргов и принимал участие в проводимых организацией айзсаргов мероприятиях.

За активную деятельность в организации айзсаргов награжден айзсаргским орденом «Нопелну крустс» («Крест за заслуги»)» (19).

Характерно, что даже в обвинительном заключении зафиксировано: «Вещественных доказательств по делу нет». Препятствием к тяжкому приговору, фактически обрекавшему человека на смерть, это, впрочем, тогда не являлось.

Он прибыл в Вятлаг 9 июля 1941 г. и содержался в основном на 7-м лагпункте. С 22 июня 1943 г. он был на 11-м лагпункте («инвалидная» подкомандировка 1-го отдельного лагпункта).

По результатам медицинского освидетельствования уже вскоре был признан инвалидом I группы (полиавитаминоз, миокардит, общая слабость, отеки, понос, атрофия мышц и так далее).

В июле 1943 г. центральной комиссией Вятлага признан инвалидом, страдающим неизлечимым в условиях заключения недугом (пеллагра) с представлением материалов в суд дел рассмотрения вопроса об освобождении и направлении к родственникам. Лагерный суд ходатайство отклонил, так как 58-ю статью таким образом почти не освобождали. Мотивировка: «активный член корреспондент партии-организации айзсаргов».

Умер в лазарете 11-го лагпункта от « пеллагрозной диареи при явлениях резкого истощения и возрастающей сердечной слабости». 6 сентября 1943 года (по акту о смерти). По данным картотеки 13 сентября 1943 г.

Погребен 11 сентября 1943 г. в четвертом часу утра на кладбище бывшего 11-го лагпункта в могиле № 83. Жена его в 1947 г. работала главным художником в театре Заполярья — г. Игарка Красноярского края, куда попала явно не по доброй воле, а как высланная.

Профессор Албатс

Немало было в числе интернированных и представителей столичной интеллигенции. Херманис Петрович Албатс родился в 1879 году в усадьбе Яунзем Вельской волости Цесисского уезда. Родом из крестьян-батраков. Это человек, который пробил себе дорогу в жизни сам. Беспартийный. Образование — высшее юридическое. В 1920—1923 гг. работал товарищем министра иностранных дел Латвии. Так именовалась тогда должность первого заместителя. В

1923—1933 гг. — генеральный секретарь МИД Латвии, а затем до августа 1940 г. профессор юридического факультета Латвийского государственного университета.

С августа 1940 г. до ареста давал домашние уроки русского языка на дому. Владел также немецким и французским языками.

По данным лагерного личного дела, внешне профессор Албатс выглядел так: рост средний (165—170 см), фигура средняя, телосложение нормальное, шея короткая, волосы русые с проседью, глаза голубые, нос большой, губы тонкие...

Особая примета профессора — лысина. Арестован он был 14 июня 1941 г., можно полагать, под горячую руку по старым спискам сотрудников МИДа Латвии.

28 октября 1941 г. также без долгих разбирательств и под одну гребенку (был бы человек в лагере, а дело найдется) сессией облсуда при Вятлаге приговорен по статье 58 п. 13 к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах с конфискацией имущества.

Такой формальности, как ознакомление с приговором, с ним даже не провели. Лагерная «законность» на такие мелочи внимания не обращала.

В чем же его обвиняли? В том, что, получив с 1923 года «титул полномочного министра, с этого времени принимал участие во многих международных конференциях, в том числе ... и заключения договоров с различными странами». Впрочем, в этом криминала нет. Поэтому дальше мудрецы НКВД домыслили следующее: «Занимая ответственные должности в министерстве иностранных дел Латвии... содействовал укреплению фашистского строя в Латвии, что подтверждается материалами дела, чего обвиняемый сам не отрицает...»

В постановлении же на арест прямо сказано о причине его ареста: «Враждебно настроен к Советской власти». Судя по всему, имелись какие-то доносы.

В Вятлаге профессор содержался на 7, 5 и 1-м лагпунктах. В силу преклонного возраста шансов выжить в лагере страшной голодной зимой 1942 года у него фактически не было. В сентябре 1942 г. он признан инвалидом II группы (порок сердца, слабое зрение на правый глаз). Умер в лазарете 4-й подкомандировки 1-го лагпункта от миокардита, артериосклероза и авитаминозного поноса при резком истощении. Фактически от голода.

По акту о смерти — 9 февраля 1942 года, по данным картотеки 13 февраля 1942 года. Похоронен на кладбище 1-го лагпункта (у пос. Рудничный).

Имущества после его гибели не осталось. Жена (Берта Яновна (Елизавета Васильевна) была выслана вместе с ним, в апреле 1957 года уже находилась в Риге. По ее запросу были высланы данные о смерти ее мужа (несколько неточные, как обычно). Трое сыновей профессора проживали в Латвии (20).

Фактически, профессора Албатса судить даже по законам того времени было не за что. Но осенью 1941 года советская юстиция никого оправдать не могла в принципе. Осудить же могла любого.

Музыкант Аболиньш

В июне 1941 года были люди, попавшие под арест и высланные просто ошибочно. Но из лагеря обратной дороги назад не было. Именно так случилось с Янисом Якобовичем Аболиньшем. Он родился в 1904 г. в волости Каугуру Вырусского уезда Эстонии в семье столяра.

Окончил среднюю школу г. Валка, 2 курса медицинского факультета и Рижскую консерваторию. Работал музыкантом, учителем пения, инспектором управления по делам искусств Латвийской ССР. Проживал в Риге.

Внешность: рост высокий — 184 см, волосы русые, глаза голубые, нос прямой. Арестован он был уже после операции НКВД — 19 июня 1941 г. как «бывший активный член военно-фашистской организации айзсаргов, командир взвода, бывший корпорант, враждебно настроен к Советской власти, систематически ведет антисоветскую агитацию и пропаганду...». Все это — голословные обвинения.

В лапы НКВД Янис Аболиньш легко мог и не попасть. В его лагерном деле хранится его удивительное заявление:

Гулаг НКВД СССР
Яниса Яковлевича
Аболыньш, — Лагер Кировской области

Заявление

Вернувшись со служебной командировки в свою квартиру в г. Рига, Гертрудинская ул., 69/71, кв. 36, узнал, что моя жена Иозефина (Жозефина) Аболыньш, род. 1905 г., задержана с.г. 14 июня и отправлена с эшелоном с г. 15 июня со ст. Торнякалнс, г. Рига. Я заявился в милицию и НКВД, где меня задержали с.г. 19 июня и отправили в лагерь Кировской области, Кайский район. Теперь я не знаю, где находится моя жена, не-

смотря на то, что мне в Риге в НКВД обещали, что на месте поселения я буду жить вместе с женою.

Посему прошу мне сообщить, где находится моя жена, а также сообщить ей о моем местонахождении и, кроме того, прошу назначить мне вместе с женою совместное местожительство.

11.VII.1941 г. Я. Аболыньш

Лагерными работниками оно никуда отправлено не было и оставлено без последствий. Ни одного доказательного документа, удостоверяющего факты «антисоветской деятельности» Аболыньша, в деле нет. Его взяли по спискам айзсаргов. Дальнейшая его судьба трагична. 10 июля 1941 г. он доставлен в Вятлаг из Рижской тюрьмы и отправлен на 7-й лагпункт, где в основном и содержался.

16 декабря 1941 г. признан инвалидом 1 группы (эпилепсия). Использовался на легких работах. Умер 3 мая 1942 года от туберкулеза легких в лазарете 7-го лагпункта. Погребен в тот же день на кладбище 7-го лагпункта «в белье 3-й группы — в рубахе и кальсонах». Имущества после него не осталось.

Жена Жозефина Карловна отправлена 14 июня 1941 г. на поселение. Мать, брат и две сестры проживали в Латвии. Детей не было.

Судьба простого человека в этой гигантской лагерной мясорубке никого не интересовала. Для латышей Вятлаг стал лагерем уничтожения.

§ 3. Тернистый путь Артура Страдиньша

Ай, Латвия!
Где твои сыновья?
Из песни латышских стрелков (1916 год)

Одним из многих тысяч заключенных Вятлага в 1941 году стал обыкновенный латыш — Артур Страдиньш. По программе советизации Латвии, которую выполняло сталинское руководство СССР, он мешал строить новую коммунистическую жизнь и был депортирован в июне 1941 года как член организации айзсаргов.

В картотеке Вятлага мы читаем о нем следующие строки. Год рождения — 1907 (точнее: 15 ноября. — *В.Б.*). Место рождения — Саукенская волость Екабпилского уезда, Латвия. Латыш. Из крестьян. Подданный СССР. Образование среднее. Член организации айзсаргов. Основная специальность — бухгалтер. Специальные указания — бывший офицер. До ареста проживал по месту рождения.

Приговорен 16.12.1942 года Особым Совещанием при НКВД СССР «за участие в контрреволюционной организации» к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с даты ареста — 14 июня 1941 года.

Горькая дата народов Прибалтики — начало его собственного тернистого пути. В определенной мере, трагедия и страдания Артура Страдиньша — это трагедия всей Латвии.

Далее в его учетной карточке мы читаем: Доставлен в Вятский ИТЛ из Юхновского ИТЛ 13 июля 1941 года. Отправлен на 7-й лагпункт, далее на 11-й... Дольше всех содержался на 4-м лагпункте (1943—1950 гг). Убыл из Вятлага 25 января 1950 года в Песчаный ИТЛ МВД (станция Караганда-Угольная) по наряду ГУЛАГа от 19 декабря 1949 года.

Артуру Страдиньшу повезло. Его дело рассмотрели лишь в самом конце 1942 года, когда волна тотальных расстрелов прошла и Особое Совещание при НКВД начало беречь рабочую силу, определяя срок заключения по большинству такого рода дел в 10 лет. Бюрократические задержки помогли ему выжить.

Между тем лагерные следователи по старинке дали Страдиньшу высшую меру наказания — расстрел. В его следственном деле, начатом 14 июня 1941 года и законченном 19 октября 1941 года, мы читаем в постановлении на арест начальника Екабпилсского УО НКГБ, что «Страдиньш Артур с 1933 года активный айзсарг, сержант, ротный командир, с 1933 года являлся секретарем партии «Крестьянский союз».

Свидетель Р. показал, что Страдиньш резко настроен и против Советской власти и неоднократно на собраниях и праздниках айзсаргов выступал с речами, заверяя, что латыши должны объединить свои силы и обратить внимание на то, что рядом живет такой сосед, как СССР. Эта страна существовать не будет, она внутри уничтожается, можно ожидать ее конец».

В анкете следователь отметил в графе «социальное происхождение — из кулаков». Это ухудшало положение Страдиньша. В дело вложена анкета айзсарга, заполненная Артуром в 1931 году. Такого рода анкеты, попавшие в 1941 году в руки НКГБ, и послужили основой для списков арестованных и высылаемых из Латвии 14 июня 1941 г. граждан.

При допросе 15 сентября 1941 года следователь особо отметил, что бухгалтер Страдиньш имел 18 га земли, 3 коровы и 1 лошадь в своем хозяйстве.

В графе состав семьи указано: женат, жена — Мирдза, домохозяйка, детей нет, выслана из Латвийской ССР. В словесном портрете Артура мы читаем: рост высокий (более 171 см), волосы светло-русые, глаза — зеленоватые, лицо овальное, рот малый, губы тонкие. С фотографии на анкете айзсаргов на нас смотрит симпатичный молодой человек с правильными чертами лица.

При допросе Артур ответил на вопрос следователя: «Обвиняемый Страдиньш, расскажите следствию о вашем социальном прошлом?»

«Родился я в семье кулака. Отец имел 48 га земли. В 1929 году окончил Екабпилсскую коммерческую школу. В 1930 году был призван на военную службу. Окончил инструкторскую роту и был назначен на курсы младших лейтенантов, которые и окончил. В

1935 году отец меня отделил от своего хозяйства и дал мне в наследство 18 га земли, которую обрабатывал до основания Советской власти в Латвии...

После основания Советской власти мое хозяйство было национализировано под кинопрокатный пункт». Сам же он работал бухгалтером в сельскохозяйственной школе.

В партии «Крестьянский союз» деятельность Артура, по его словам, заключалась в том, что он руководил оркестром, посещал собрания, платил членские взносы. После ликвидации партии весь оркестр вместе со Страдиньшем перешел в распоряжение организации айзсаргов. Будучи ротным командиром в батальоне айзсаргов, Страдиньш участие в арестах и обысках коммунистов не принимал.

Из мелочей, несущественностей следователь все-таки сплел обвинительное заключение. По его словам, «Страдиньш Артур Янович достаточно изобличен в том... что принимал активное участие... в борьбе с революционным движением».

В конце своего заключения от 14 февраля 1942 г. следователь писал: «Настоящее дало направить на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР. Просить применить к обв. Страдиньш Артуру Яновичу высшую меру наказания — расстрел. Имущество конфисковать».

На заключении шитого белыми нитками следствия прокурор Кировской области поставил визу: «Дело вынести на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР. Меру наказания полагал бы определить 10 лет ИТЛ».

В деле имеется выписка Особого Совещания от 16 декабря 1942 года, в которой Страдиньша Артура Яновича постановили «За участие в контрреволюционной организации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 14 июня 1941 года».

Сколько просил прокурор — столько Особое Совещание и дало. Поскольку там осуждали целыми списками, то разбираться никто ни в чем не стал. Даже статья, по которой он сидел, есть только в карточке — 58-11. В выписке Особого Совещания ее нет.

Артур отсидел в лагерях 10 лет и, в отличие от большинства своих земляков, выжил. Ему необыкновенно повезло. 5 марта 1951 года он был освобожден и в соответствии с печально известным Указом Президиума Верховного Совета направлен в ссылку на поселение в Красноярский край. 28 мая 1956 года по приказу МВД

от 19 марта 1956 года он был освобожден из спецпоселения, как многие тысячи других бывших политзаключенных.

Но дорога домой ему была перекрыта. Поселок Плахино Абанского района Красноярского края на долгие годы стал его домом. 17 августа 1963 года он пишет заявление Председателю Президиума Верховного Совета СССР с просьбой пересмотреть «мое дело о неправильной судимости — постановлением Особого Совещания НКВД СССР». «Я получил ответ, — пишет он, — от прокуратуры Латвийской ССР, 26.01.62 г., где указывают, что дело в порядке надзора проверено и оснований к опротестованию не подлежит. С этим ответом я не согласен ...

После отбытия 10 лет неправильного наказания ...

Прошу Вас еще раз потребовать материалы моего следственного дела и опротестовать неправильное постановление Особого Совещания НКВД СССР и с этим снять с меня незаслуженное клеймо преступника».

В 1964 году Страдиньш наконец-то был реабилитирован — постановление Особого Совещания было отменено.

По какой-то случайности его жену Мирдзу не успели в июне 1941 года отправить в ссылку. Кстати, поженились они с Артуром лишь в 1940 году, незадолго до своих великих бедствий. Отобранный в 1940 году дом ее удалось после войны переписать на себя. В 1953 году Мирдза приехала к Артуру в его спецпоселение — в ссылку. Она сумела оформить перед отъездом аренду дома в совхозе. После 1956 года они приезжали иногда в отпуск в Латвию. В Сибири родились и умерли двое их детей.

Окончательно Артур Страдиньш вместе с женой вернулся в родной дом из Сибири лишь после выхода на пенсию в 1968 году. 27 лет он был в изгнании.

Соседи и знакомые отмечают, что супруги были очень добрыми и человечными людьми, несмотря на все перенесенные страдания. Они нисколько не ожесточились. Завели пасеку, посадили розы. Весь двор Артура Страдиньша утопал в цветах. Имелась в хозяйстве и корова. И медом и молоком они делились с соседями и знакомыми. Мирдза была замечательная рукодельница.

Крестьянская жизнь, внутреннее и душевное равновесие — способствовали долгой жизни этих многострадавших людей. Артур Страдиньш умер 10 января 1986 года, а Мирдза Страдиньня пережила на 9 лет.

Трудная судьба простого латыша в страшном XX веке стала потрясающим документом эпохи благодаря одному обстоятельству. Артур Страдиньш вел дневник. Он вел его и в 1930-е годы, и, находясь в нечеловечески тяжелых условиях лагеря, он продолжал свои записи.

Сегодня эти записи — один из самых ярких документов в истории репрессий прошлого столетия. Дневник обладает колоссальной силой достоверности. Документов такого рода в России практически не сохранилось. Очень мало их и во всем мире. Не случайно такой известностью пользуется в Западной Европе дневник Анны Франк.

В жестоких условиях ГУЛАГа, где невозможно было сохранить свои личные вещи (постоянные обыски), а заключенным запрещалось что-либо писать, — ведение дневника явление уникальное.

Удивительно и то, что Страдиньшу удалось сохранить этот дневник, который он вел в 1941—1944 годах в Вятлаге, и привезти его на родину в Латвию. По дневнику видно, что, находясь на грани жизни и смерти, погибая от дистрофии, Артур выжил благодаря своей светлой вере в Бога. Его дневник — потрясающий по силе исторический и человеческий документ эпохи. 27 месяцев заключения нашли свое отражение на его страницах.

Осенью 1999 года пришло мне письмо из Латвии с просьбой разрешить копирование моей книги «Вятлаг» для «сибирских детей» — латышей, высланных вместе с родителями в июне 1941 года или в 1949 году на спецпоселение в Сибирь. Автор письма, Бенилда Эзериня, чей отец погиб в Вятлаге, сама хлебнула горя, находясь в ссылке. Она не утратила веры в людей и энергии добрых дел.

В одном из писем она сообщила мне об этом дневнике, находившемся у наследников Страдиньша. Я порекомендовал ей издать дневник, представляющий огромную научную ценность.

Думаю, что, кроме Бенилды Эзериня, никому в Латвии не удалось бы издать дневник. Она писала, звонила, беседовала и пробила все мыслимые и немыслимые препоны. В 2001 году дневник полностью с включением и материалов довоенных лет вышел на латышском языке (языке оригинала) в Резекне — центре латгальской культуры.

По моей просьбе Бенилда Эзерия перевела «Лагерный дневник» Артура Страдиньша с латышского языка на русский. Этот огромный и сложный труд, вероятно, не лишен некоторых недочетов,

связанных с географическими названиями, именами и фамилиями лиц, упоминающихся в тексте. Мы надеемся на помощь наших читателей в доработке издания. И все же! Проникнитесь духом той страшной эпохи и духом величия простого человека, победившего ее. Тайком на нарах, почти без сил, Артур Страдиньш писал короткими предложениями о том, что видел и слышал. Он сохранил в себе несокрушимую веру в Бога и душу латышского народа. Его внутренний мир не знал границ, обозначенных колючей проволокой Вятлага.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 8

Из «Лагерного дневника» Артура Страдиньша (отрывок)

Глава I. 1941 год

13 ИЮНЯ (1941 года) ВЕЧЕР. Летний вечер. Я в Плаканциемском лесничестве у своего тестя Павара*. По радио передают опровержение ТАСС: в английских газетах появились сведения, что Германия концентрирует крупные военные силы у границы с Россией. ТАСС это опровергает, что это выдумки и ложь, так как у России с Германией хорошие отношения. Передают еще, что по договору Россия отправила Финляндии два эшелона с зерном.

14 ИЮНЯ УТРО. Пасмурно, туман. Из Плаканциемского лесничества еду на станцию Баложи и дальше в Ригу. С женой Мирдзой договорились, что в 11 часов утра встретимся около университетских «больших львов», она приезжает в Ригу из Кандавы**. В назначенном месте и встречаемся.

В Риге странное настроение. По улицам города разъезжают одна за другой «Черные Берты». Мирдза зашла к знакомой, у которой оставила свои вещи перед поездкой в Кандаву. Знакомая рассказала, что ночью и даже сейчас происходят аресты. Очень много людей везут в тюрьму или куда-нибудь еще. Ее сестру с мужем тоже арестовали (муж сестры бывший комендант города Лиепаи Регате), она плачет без перерыва. Расстроился. Зашел в Министерство сельского хозяйства. Там уладил свои вопросы, потом в погребочке-столовой министерства вместе с Мирдзой пообедали и пошли на вокзал. На вокзале встретили начальника мазпулков*** Андерсона с матерью, он поздоровался и сказал, что надо спешно уезжать. Мы

---

* Тесть работал лесником в Плаканциеме.

** Кандава – это в Курзене Западной Латвии.

*** Мазпулки – детская организация, в которой дети обучались сельскохозяйственному труду. Теперь эту организацию восстановили.

с Мирдзой купили билет до Крустпилса, чтобы потом дальше ехать автобусом до сельскохозяйственной школы в Биржи, где я работал.

Меня послали на курсы бухгалтеров, организованные министерством сельского хозяйства в Булдурской садоводческой школе*, и целый месяц я не был в Биржах. Хотя меня там очень ждут и мне нужно туда ехать.

В поезде встречаю секретаря Илукстенской средней школы Дардзана. Он взволнован, по всей Латвии большие аресты. Я делаю вид, что ничего не знаю и спокоен, хотя на самом деле мне жаль Мирдзу. Я осознаю, что ее ожидают тяжелые дни.

Проезжая мимо станции Шкиротава**, видим эшелон с заключенными. Красные товарные вагоны переоборудованы для перевозки арестованных. Окна забиты и загорожены колючей проволокой. Страшное зрелище. Ничего не говорю и стараюсь не показывать Мирдзе. Спокойно едем до Крустпилса.

Подъезжая к Крустпилсу, где ответвление на Елгаву, снова вижу эшелон с заключенными. Я решил, что в Биржи в школу не поеду, сойду с автобуса раньше и спрячусь в лесу. Сели с Мирдзой в автобус. Проезжая через Екабпилс, вижу грузовые машины с заключенными. Впечатление ужасное. Единственное желание на Екабпилской автобусной станции — поскорее отсюда уехать. Автобус тронулся. Кажется, все обойдется. Но вдруг на большой скорости автобус обгоняет легковая машина и в ней сидит Ошкалнс — помощник председателя Екабпилского отдела коммунистической партии. Он машет рукой шоферу автобуса, чтобы остановился. Я смотрю на Мирдзу и знаю, что теперь нам предстоит расстаться, меня ищут. Пытаюсь успокоить, чтоб не волновалась и не горевала от предстоящей разлуки.

Ошкалнс велел закрыть автобус и начал проверять документы. Проверку производил с задней двери, а я сидел впереди у выхода. Проверив всех пассажиров, подошел ко мне. Тут глаза его загорелись. Он узнал меня. Попросил выйти из автобуса и сообщил мне, что на основании распоряжения совета комиссаров я арестован и должен ехать с ними для проведения допроса. Я попрощался с Мирдзой и сказал: «Не горюй, все будет хорошо». Меня посадили в легковую машину и привезли в Екабпилскую милицию на улице Дамбья (бывшее уездное управление). С Ошкалном были два милиционера: один латыш, другой еврей. Где-то их видел, но фамилий не знаю.

В здание милиции меня ввели в 17 часов 45 минут. Там отняли все документы, часы и ножичек. У одного милиционера все лицо в шрамах, видно сразу, что был хороший драчун в прошлом. Он с издевкой скрежеща зубами сказал: «Э, командир роты!» Меня заводят в арестантскую, где очень грязно. Лязгнули ключи, дверь заперта. Первый раз в своей жизни

---

* Эта школа и сейчас существует. Школа высоких стандартов, занимающаяся селекцией плодовых деревьев.

** Это крупная товарная станция в пределах города Риги, предназначенная для формирования товарных составов.

попадаю в место, где держат преступников, а меня арестовали за то, что я был благонадежный гражданин своей независимой страны, который любит свою Родину, народ и вождя.

Думаю о Мирдзе, она ведь не знает, куда меня увезли, сообщить ей об этом я не могу. Слышны разговоры и грубые окрики милиционеров — это ведут других заключенных. В соседней камере кто-то есть. В деревянной стене вижу небольшую дырку, это хорошо, можно разговаривать. И тут же меня кто-то спрашивает: «Кто вы?» Я спрашиваю, в свою очередь: «А кто вы?» Он — Шульц из волости. Работал на Крустпилском аэродроме бригадиром трактористов. Под арестом уже третий день. С собой нет денег, есть не дают уже третий день, что будет дальше, не знает. Из одежды одна рубашка и накрыться нечем. Я сообщил ему свою фамилию и то, что про дальнейшую судьбу тоже ничего не знаю.

В 0 часов 15 минут снова лязгнули ключи. Открылась тяжелая дверь. Милиционер заводит меня в дежурную комнату, отдает все документы, часы и ножичек. Все, что отняли, все отдали. После этого меня выводят на улицу. Рядом с милиционерами прошел один в гражданском с бумажным рулончиком в руке. Подводит меня к легковой машине и велит садиться. И сам садится рядом со мной. Машина едет в темноте. Видно, как проезжает по мосту через Даугаву*.

Везут мимо сахарного завода в лесок. Странное впечатление. Темно. Немного моросит. Машина останавливается у молодых елочек. Из елочек выходит группа вооруженных солдат. Всех строят в шеренгу, приказывают зарядить ружья. Мой сопровождающий велит идти впереди всех к елочкам, по тропинке вниз. Оказывается, эта тропка ведет к эшелону, который стоит у Крустпилс. Я его видел, проезжая днем. Вооруженные солдаты были охрана, а я сначала подумал иначе. Когда меня подвели к вагону, один солдат схватил и затолкнул меня в вагон. Затем передал проводнику и бумажный рулончик, в котором оказалось дело о моем обвинении. У солдат принял меня офицер НКВД и спросил у милиционеров, кто меня знает. Милиционеров было несколько, но все ответили, что меня не узнают. Хотя среди них был один, который знал меня, это был Клевинский из Саукской волости, но офицеру НКВД он ничего не сказал. Раньше он жил в Лоне и работал на лесозаготовке.

Меня сдают другому охраннику и переводят в другой вагон. Открывают дверь и заталкивают. Полная темнота. Один голос зовет: «Кто вы такой?» Я узнаю голос из темноты, это Стрелниекс из Селпилс. В вагоне людей немного. Ползу в темноте до ближайшего спящего. Он говорит, чтобы я лег рядом, рядом теплее спать будет. Так я и сделал. Оказалось, можно хорошо заснуть. Стрелниекс говорит мне, что в милиции радовались, поймали, мол, одного командира роты айзсаргов, Страдиньша. Мол, хотел на автобусе убежать, но не удалось. Через недолгое время дверь снова

* Его везли из Екабпилса в Крустпилс, это два города на разных берегах Даугавы. Теперь это один город, Екабпилс. Крустпилс — волость и железнодорожная станция остались.

открывается и в вагон заталкивают мужчину. Он взволнован, что это за люди здесь и что от него хотят. Оказывается, это Бомбаров Александр младший из Екабпилса. Он на станции Силини пилил лесоматериал, там его и взяли. В эшелон посадили и жену с дочкой. Что от него хотят, ведь он рабочий. Наверное, это недоразумение. Уставший за день, я успокаиваюсь и засыпаю. Просыпаюсь на рассвете. Холодно.

ВОСКРЕСЕНЬЕ УТРО 15 ИЮНЯ. Все, кто находятся в вагоне, знакомятся. Самый близкий знакомый мне Эрнест Стрелниекс, который ночью окликнул меня. Он всегда готов помочь. В вагоне еще Крустпилские железнодорожники — Силиньш и Лацис.

К полудню эшелон заводят на станцию Крустпилс. Здесь вновь вагоны пополняются людьми. Слышны крики, стоны и плач. Охранники НКВД прогоняют людей от вагонов. Посчастливилось уговорить одного охранника, чтобы он принес нам поесть и попить. Дали ему денег. Он принес батон, шпроты и лимонад. Мы поели. В 18 часов поезд начал двигаться до Даугавпилса. На станциях долго не задерживался. В Даугавпилсе стояли долго, состав пополнялся. К составу прицепляли новые вагоны и садили в них людей. На станции слышны стоны и жалобы оставшихся, грубые окрики охранников их прерывают. Поезд начинает двигаться, и стоны затихают. Когда проезжали Лудзу, еврей Рейсен в щелку окна увидел свой дом, схватился за голову и начал плакать: «Ой-ой-ой, вот мой дом!» *

ПОНЕДЕЛЬНИК, 16 ИЮНЯ. Солнечный день. В 10 часов 45 минут пересекли границу Латвия—Россия. Через 21 год я снова на этой земле страданий человеческих. Мы не знаем, куда нас везет поезд. Проезжаем Витебск, Смоленск. Дома старые, церкви разрушены, или остались лишь развалины, и в них обитают галки. Раньше, 21 год назад, города выглядели лучше. Вокзальные здания не отремонтированы. Впечатление удручающее.

ВТОРНИК, 17 ИЮНЯ. Утром в 12 часов днем приезжаем на станцию Бабынино. Нас высаживают в 10 часов вечера. Всех способных двигаться строят в колонну и под охраной угоняют от станции. Вещи остаются в вагонах, их обещают привезти. Нас ведут в Юхновский лагерь, идти примерно 40 километров. Нас много. Я встречаю много знакомых. Из моей родной Саукской волости — Брунер, Канепайс, Янис и Яунземе Рита**.

Из волости Биржи — нотариус Эдвард Грин, с которым мы стали лучшими друзьями, в лагере делили каждый кусочек, вместе переживали трудности и голод. Милый друг, навечно останется он в моей памяти (Эдвард Грин умер в Вятлаге). Встречаю еще по дороге Булана, Добулана, Казака,

---

* В воспоминаниях детства много говорится о бродячих евреях-торговцах, которые ходили по домам. В «Латвийское время» (с 1918 по 1940 г.) так уже не ходили. Они устроили небольшие лавки в поселках.

** Яунземе Рита была заведующей молокоприемным пунктом. Была арестована на работе. Ее часто вспоминает в дневнике автор. Уже после 1943 года Рита в Вятлаге умерла.

Калииньш Паула и свояка Павара с Янисом. Едем по земле России. Деревни представляют собой печальное зрелище. Полуразрушенные церкви стоят как привидения. Видно, что в них держат солому. Охрана состоит из солдат НКВД. Партию собак ведут на поводках. Ночью выпускают ракеты. Чтоб не устать, запеваем песни. Первую песню затягивают женщины: «Вей, ветерок». В нашей колонне женщин совсем немного, почти все мужчины. В местных деревнях не видно мужчин, видим только женщин и стариков. Все сильные мужчины забраны.

18 ИЮНЯ, СРЕДА. Солнечный, теплый денек. В 10 часов 50 минут вошли в Юхновский лагерь (за ночь и утро прошли 40 км). Устали. Дубланс из Биржи так устал, что у ворот лагеря упал. Охранник стал кричать и прикладом винтовки бить старика. Тот кое-как встал, мы взяли его под руки и, медленно двигаясь, ввели в лагерь за колючую проволоку. Лагерь устроен в бывшем поместье. Красивое место на берегу реки. До нас здесь были поляки. Их привезли, когда Польша сдалась Германии и России.

В газетах писали, что Советская Россия в той части Польши, которую заняла, дала свободу полякам — освободила от власти польских помещиков. В Юхновском лагере на стенах видел надписи на польском, немецком и русском языках о том, как в Советской России мучают людей. А у нас вновь обыск и снова отбирают ценные вещи. После этого распределяют по баракам.

19 ИЮНЯ, ЧЕТВЕРГ. Я встретил Стрелникса. Поговорили о судьбе, которая постигла латышский народ. Я состриг волосы, чтобы, валяясь на нарах, не думать о прическе. Нас распределили по 100 человек и расселили по баракам. В моей сотне, старший — бывший голова Екабпилса, ветврач Эрмансон. В лагере отделения разгорожены колючей проволокой. Женщины отдельно. Мы подходим к перегородке и разговариваем. Там из моей родной Саукской волости — заведующая молокоприемным пунктом в Лоне Яунземе Рита.

Видел жену министра госпожу Берзиню, Беньяминю*, родственницу сенатора Скудры Будревскую (сенатор Скудра — родом из Саукской области). Женщины занимают лишь один барак, их мало**.

Одно отделение с офицерами активной службы, арестованными вместе с нами, отгорожено. Есть офицеры из Латвии и Эстонии ***. Их охраняют очень строго.

---

* Вдова магната прессы Антона Беньяминя. Она умерла в Усольлаге, почти сразу.

** В разных источниках разные сведения. В Усольлаг 1500—2000 человек, в Вятлаг — 3200—3600 человек (точно неизвестно). Про мужчин точно не знаю, но из Латвии в Юхновском лагере их было 5500 — 6000 человек. Офицеров отправляли в Норильск (500—600 человек) и в Усольлаг.

*** В Вятлаге были офицеры, которых арестовывали дома, а не на «учениях». С офицерами Латвии было так, что в 1940 году по приказу «нового правительства» они стали офицерами Красной Армии формально. Их арестовали 14 июня 1941 года на ложных «учениях». Всех, кто сопротивлялся, расстреливали на месте.

<...>28 ИЮНЯ, СУББОТА. Из лагеря уводят офицеров. Видно, и мы здесь не останемся долго, нас пошлют глубже в Россию. Люди возмущены и опечалены. Старик Пурвиныш из окрестностей Крустпилса ножом вспарывает живот. Хочет умереть, но рана не смертельна. Рану зашивают. Он остается жив, но говорит, что еще один переезд он не выдержит и поэтому решил покончить с собой.

Еще один неизвестный мне человек стал биться головой о каменную стену и лезть к вышке, чтобы его там застрелили. <...>

6 ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 часа утра. Нас привезли в Москву. Дали несколько буханок хлеба на вагон и воды. Тепло. В ночь с воскресенья на понедельник была слышна тревога, показались немецкие самолеты.

Выезжаем из Москвы. Куда — не знаем. Не хватает воздуха. Окна и двери закрыты. Единственная дырка для воздуха — «туалет». Некоторые подходят к этой дырке и тянут воздух. Мы стали ножичками делать в стене маленькие дырочки, чтобы можно было приложиться ртом и подышать. В обморок от нехватки воздуха упали двое — Компанис и Васк из Слате. Тогда берем простыни и машем ими, чтобы получилось движение воздуха. Стало легче.

Для еды дали маленькую рыбку, под названием хамса. Наелись, хочется пить. Охранники воды не дают. В случае остановки поезда охранники приносят на вагон ведро воды, но это как капля на горячей плите. Мучение большое, но пока все выдерживают. Есть не хочется. Ночью становится чуть прохладнее, и я засыпаю. Крепок здоровьем Екабпилский промышленник Мержинскис. Он раздевается, как на пляже, и шутит, что жизнь как на взморье, только вместо солнышка — НКВДшная жара.

Вообще-то говоря, эта поездка ужасная. Мы мучаемся, как рыбы подо льдом зимой. И в такую жару не дают воды попить. Тогда мы в ведра стали бросать деньги, чтобы принесли нам воды, — на такую просьбу охранники отозвались. Всю дорогу кормили хлебом и хамсой. Сколько — не знаем. Охранники откроют дверь, бросят рыбки и несколько буханок хлеба. Есть не хотелось. У некоторых было еще с собой сало, масло, сыр. У кого не было, с теми делились этой едой.

9 ИЮЛЯ, СРЕДА. Переехали Волгу у Горького (раньше Нижний Новгород). Узнали, что едем в Вятку, которая теперь называется Киров. Куда дальше пойдет наш путь, неизвестно.

10 ИЮЛЯ, ЧЕТВЕРГ. Поезд остановился в 10 км от Кирова.

11 ИЮЛЯ, ПЯТНИЦА. На одной станции послушали радио, что продвижение немецких войск остановлено.

12 ИЮЛЯ, СУББОТА. Поезд медленно едет на север по лесистой местности. В вагоне появились комары. Стало прохладнее. Мы все обессилели. Всю дорогу никто почти ничего не ест.

13 ИЮЛЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ. В 18 часов 45 минут эшелон остановился в седьмом лагерном пункте Вятлага. От Кирова 500 км. Нас высаживают. Неделя поездки нас измучила, все бледные, измученные. Марк Гайлитис, выходя из вагона, сломал ногу. Заболел запором министр Булумберг.

Его никак не лечат. Поместили в стационар, и он там умер. Первый латыш умирает в этой лесной местности.

Запуская в лагерь, всех обыскивают. Отбирают ценные вещи, ножи и бумагу. С пальцев снимают обручальные кольца. Все же сумел спрятать свое обручальное кольцо и Мирдзины наручные часики. Ножичек я отдал Казаку (командиру батальона екабпилского полка айзсаргов). Он его прячет в голенище сапога и проносит в лагерь. Держимся вместе с нотариусом соседней (Биржинской волости) Грином.

После недельной поездки смогли наконец-то справить естественную нужду. В поезде это было затруднительно. Нас разместили в бараке. Устали страшно, а спать невозможно из-за огромного количества клопов. На улице кусают комары. Поэтому нам не пришлось поспать, всю ночь ходили. На работу пока не гонят. Еда совсем скудная, но пока держится в костях старая сила, можем еще все это вынести. <...>

3—4 АВГУСТА. Заготовка дров у озера. Небольшое озерцо, вокруг лес. В 1939 году в Вятлаге был большой лесной пожар, седьмой лагпункт сгорел весь. Некоторые заключенные спаслись в озере. Тогда, говорят, сгорело много людей. У дороги, что ведет от лагпункта к озеру, находится кладбище. Виден столбик, где мы похоронили первого умершего с нашего этапа — министра Булумберга.

8 АВГУСТА. Нас везут поездом на центральный пятый лагпункт (Комендантский), где мы корчуем пни.

9 АВГУСТА, СУББОТА. День адских мук. Из болота вытаскиваем бревна. Часть бревен там же складываем в штабеля. Этой работой заняты несколько бригад. Вся работа в воде. Кто-то запланировал запрудить низинку, чтобы потом заготовленные бревна можно было сплавлять по воде. Но деревья не поплыли в нужном направлении, они пропитались водой и начали тонуть. Нас, заключенных, заставляют вытаскивать эти бревна из воды. Выполнить норму не смогли. Заработали первый котел — на день 400 грамм хлеба, на завтрак 500 грамм супа и вода, вечером снова 500 грамм супа и еще 200 грамм жидкой каши.

Если бы удалось заработать второй котел, то было бы хлеба 600 грамм в день, тот же суп, что на первом котле, и дополнительно на завтрак 200 грамм каши, а в обед маленькая булочка 100 грамм и 200 грамм каши вечером.

Третий котел был такой: хлеба на день 900 грамм; суп на завтрак лучше и его 700 грамм, каша 200 грамм; в обед маленькая булочка 100 грамм; на ужин суп 700 грамм, каша 300 грамм и еще пирожок (с картошкой или рыбой) и еще кусочек рыбы 50 грамм. Третий котел — достаточное питание, но заработать его нет сил. Люди ослабевают.

10 АВГУСТА, ВОСКРЕСЕНЬЕ. Обыск. У меня отбирают Мирдзину расческу с серебряным покрытием.

11 и 12 АВГУСТА. Работаем на болоте, вытаскиваем из воды бревна. Погода прохладная и работать целый день в холодной воде голыми невыносимо. Одеваемся после работы, когда идем в барак. Во время работы стараемся, чтобы все тело находилось в воде, тогда не так холодно. Осо-

бенно стынет все тело, когда подует ветер. Многим пришлось работать в холодной воде по две недели. На общих работах работал с нами и врач Шнейдерс*, по специальности ему пока работу не дают. Дуцманис, бывший посол Латвии в Париже, говорит о Священном писании и велит отметить 12 августа. Этот день особо отмечаем. <...>

15 АВГУСТА. Обыск. Только после этого нас запускают в барак. Этот лагерь находится в низком, сыром месте. Здесь люди начинали невольно болеть. Главное заболевание — понос (авитаминозный понос). Люди ослабели, выполняя норму третьего котла, которую выполнить невозможно, и эта норма остается лишь на бумаге. В этом лагере к заготовке дров в лесу добавили земляные работы на строительстве новой железной дороги. Работа тяжелая, а нормы невыполнимы. Приходится жить первым котлом, что составляет 400 грамм хлебушка в день. Хлебушек — единственная еда для поддержания сил. В некоторые дни получали второй и третий котлы, но нормы тогда были выполнены лишь «на бумаге», на самом деле установленную норму мы не могли выполнить. Десятником у нас латыш — инженер Годзенс, прораб—русский, доброжелательный к нам человек. <...>

31 АВГУСТА, ВОСКРЕСЕНЬЕ. Часто людей отправляют этапом в девятый лагпункт. Среди них: министр Бирзниекс, Элсиньш, Колманис.

Начинаются допросы и введение наших дел в процесс осуждения. Прошли слухи, что осужденных, которых послали в другой лагпункт, готовят к освобождению. Организовали небольшую бригаду по ремонту железной дороги. Бригадиром — лесник Дрейблатс. Этот человек успевал правильно составить отчет о работе, и бригада получала второй и третий котел. Пришла осень, а питание ухудшается с каждым днем.

Кормят жидкой, мучной кашицей. Но голодному человеку и эта кашица кажется вкусной. Грин шутит, что, когда вернется на родину, заставит жену варить такую кашу. Я подумал, сейчас, пока мы голодны, она нам вкусна, а в добрые времена и собака такую кашу не стала бы есть, эту ржаную болтанку в воде, чуть подогретую. <...>

7 СЕНТЯБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ. Машинист Круспилской железной дороги Лацис дает мне зеркальце и за небольшую цену подает теплое одеяло. У нас с Грином одеяла не было, но теперь на ночь кутаемся в теплое ватное одеяло и нам по ночам тепло.

Лацис вспоминает предсказания Финкса. 7 сентября — это предсказанное число, но ничего не улучшается, только хуже становится и наступают холода. Грин экспедитору продает золотые часы за три буханки хлеба, один килограмм свиного сала и одну бутылку пива**. «...»

25 СЕНТЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ. Меня вызывают на допрос. Допрашивает Ильин, он из Латгалии. Со мной обходится хорошо. Говорит по-русски, но большей частью по-латышски. Ильин указал мне фамилии тех, кто писал на меня жалобы. Это было: две жалобы от Александра Рыбака. Одна про

---

* Шнайдере записывал фамилии умерших, списки вынес из лагеря, и в 1989 году эти списки опубликовал его сын.

** Автор пишет дневник в основном по воскресеньям.

то, что я состоял в партии «крестьянский союз» и был секретарем правления. Вторая, что я, как командир роты айзсаргов, участвовал в вечере памяти Калпака. На вечере выступил с речью против Советской власти, говорил, что вместе с англичанами и немцами надо растоптать Россию. Все, что Рыбак написал — полнейшая ложь. Сам следователь Ильин согласился с моим пояснением и написал в обвинительном заключении все в мою пользу. Были еще две жалобы от Фимеля, который в Яундзерве работал подручным кузнеца. И одна жалоба от Упелниека из Лоне. Будто я на похоронах хозяина усадьбы Балцера сказал, что Советская власть здесь, в Латвии, долго не продержится, и опять у власти будут айзсарги. И это снова была ложь, так как я с Упелниеком вообще ни в какие разговоры на похоронах не вступал. Я знал, что он за человек...

Глава II. 1942 год

7 ЯНВАРЯ, СРЕДА. Я начинаю работать на общих работах, меня назначают бригадиром. Людей в бригаде мало, я сам работаю, как все. Эта должность мне не нравится, хочу отказаться, но десятник уговорил остаться, скоро будет больше народу, выпишут из стационара. Лагерное начальство меня ругает за то, что бригада не выполняет норму. Я оправдываюсь, что люди истощены и не могут сделать больше. Грозятся засадить меня в изолятор (карцер). Бригада работает на заготовке дров. Каждый день число людей в бригаде уменьшается из-за истощения, их кладут в стационар. Когда кололи дрова, обнаружили в трухлявых чурках червей. Мы их всех съели. Этих червей (личинок) меня научил есть Грунде Екабс из Балдоне. Он наскреб их лопатой и дал мне попробовать. Оказалось вкусно. За день мы набрали много личинок и вечером в костре их зажарили. <...>

19 МАРТА, ЧЕТВЕРГ. Заболел поносом, при истощении организма это противная болезнь. Авитоминозный понос — не хватает витаминов. Люди от этой болезни здесь мрут. Врач Чаманис пришел ко мне в барак и спрашивает, что со мной. Внимательный врач, спаситель многих заключенных. Можно сказать, что другого такого хорошего и внимательного врача в Вятлаге нет, рядом с ним можно еще поставить фельдшера Лалиньша.

20 МАРТА, ПЯТНИЦА. Освобождение от работ. Мне выдали 500 грамм сахарного песку, как заработавшему третий котел. За 150 грамм купил теплую рубашку. Многие начинают получать письма от своих жен, высланных в Сибирь. Один еврей своей жене написал: «Ты обо мне не беспокойся и не думай, что я пропаду, я пропасть никак не могу. Меня охраняют и два раза в день пересчитывают. Видишь, в каком я надежном месте».

20—21 МАРТА. Выхожу опять на работу. Бригады на биржу выходят без охраны. Есть оцепление, но охрана с собаками заключенных только проверяют. Бригады ведет на работу бригадир, по наряду. Так работаем до 4 часов. Нашу работу принимает десятник, русский заключенный. Если ему дать закурить, он работу принимает хорошо, и люди в бригаде получают

больше хлебушка. Для угощения десятника я всегда держу папиросы.

23 МАРТА. Чудесное утро. По пути на работу я заболел. В левом боку появилась сильная боль. От этого упал на дорогу и лежал на снегу около часа, потом потихоньку дошел до рабочего места. Десятник обо мне сообщил начальнику лагпункта, и меня с охранником отправили в амбулаторию. Температура 37,5. Врач Чаманис освободил меня на два дня. Боль прошла. Сегодня день ангела у Мирдзы. Молю Бога за нее.

25 МАЯ. Троица. С утра велят идти выносить трупы. Большая смертность. Каждый день умирает не меньше чем 10 человек. Возчик трупов латыш. Нерабочую слабосилку на эту работу отправляли несколько дней подряд, пока не назначили других для этой работы. Врачи начали возражать, что больные люди не в состоянии носить трупы, для этой работы нужна специальная одежда. После этого назначили специальную бригаду.

27 МАЯ, СРЕДА. «Слабосилку» перевели в другой барак. Чище. Нет клопов. Теперь по ночам спокойно засыпаем. Я сплю рядом с Швиркстом Андреем. Делаем «скабпутру»* и едим ее дополнительно к пайке. Достали в бане деревянное ведро; кипятили воду, наливали в ведро, добавляли мучной болтушки, которую нам давали. Третьим компаньоном в изготовлении «скобпутры» стал Павулиньш из Екабпилса. Так мы все трое вместе и держались. <...>

14 ИЮНЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ. Прошел год, как расстался со свободой и Мирдзой. Где ты, дорогой друг жизни? Суждено ли мне пройти через эту долину смерти или навеки остаться в лесах Вятлага? В лагере выходной день, но всех способных передвигаться отправляют в лес за дощечками для бочек. При лагпункте есть цех «ширпотреба» — столярная мастерская и бочарня. Руководит этим цехом Аплоциньш из Лиепаи.

15 ИЮНЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК. Скорбный день. В 2 часа после обеда умер мой свояк Янис Паварс. С утра зашел к нему, а он засунул голову под одеяло и говорит, что ему холодно, хотя в помещении было очень тепло. Погода стояла теплая, и светило солнце. Было видно, что ангел смерти стоит уже около него. Ему делают укол камфоры, но это продлевает жизнь лишь на несколько минут. Я пощупал ноги, они уже мертвые и совсем холодные. Вот так медленно угас Янис Паварс — крестьянин хозяйства Стрелниеки Мазсалвенской волости. В этот день умирает хороший мой знакомый католический священник из Илукстe Язеп Пудан**.

16 ИЮНЯ. Банный день. Умер Рошанс из Сунакстe.

17 ИЮНЯ. Свояка Яниса Паварса везут в 7-й лагпункт, где похоронят в общей могиле. Сделали секцию. Оказалось, что его сердце заизвесткovалось из-за того, что раньше он чрезмерно употреблял алкоголь и ткани

---

* Скабпутра — это такая латышская еда: варят перловый суп, замешивают, дают закиснуть. Они «скабпутру» делали из мучной болтушки.

** Его племянник Янис Аглониетис (сын сестры Язепа Пуданса) написал в католическом календаре статью о нем. Поскольку он не был осужден, в деле было лишь обвинительное заключение. В том заключении затребована смертная казнь.

были повреждены. Кишки от авитаминозного поноса были в одних дырках. Так мой свояк остался здесь, навсегда. Никто не подойдет к его могиле, если только ели шумом своих веток расскажут тем, кто придет сюда, о том ужасе, который им пришлось увидеть. Кладбище вблизи вырубки, среди пней. Ямы для трупов копает целая бригада, так как смертность так велика, что иначе не справиться. Наполняют трупами вырытую яму, а сверху заравнивают землей. Вначале устанавливали дощечки с надписями захороненных, а позже и этого делать не стали.

§ 4. Эстонцы в спецпоселениях

Реальных повседневных трудностей жизни спецпоселенцев было немало. Случались и настоящие трагедии, связанные с разлучением семей, гибелью в непривычных условиях без работы и хлеба взрослых и детей. Ведомства, надзиравшие за спецпоселенцами (НКВД — МВД — МГБ), как правило, отказывались удовлетворить жалобы и заявления поселенцев. В конце 1940-х годов пресс спецслужб усилился. Возвращали в ссылку тех счастливцев, кому удалось вырваться домой сразу после войны, когда ситуация была более либеральная.

Тяготы повседневной жизни реальных семей эстонцев-ссыльных отразились в их личных делах. Обратимся к ним.

Дело семьи Аллик

В посемейном списке, начинающем личное дело семьи Аллик, значатся: Аллик Приду Андрусович, 1896 года рождения; Аллик Акелина Михайловна, 1902 года рождения, и Аллик Калью Придович, 1929 года рождения.

В «Постановлении, утвержденном членом оперштаба НКГБ ЭССР 7 июня 1941 г. в Таллине, говорится, что оперуполномоченный уездного отдела НКГБ рассмотрел учетное дело Аллик Приду Андрусовича, 1896 года рождения, который «арестован по обвинению как бывший полицейский — констэбель уезда Сааремаа и, руководствуясь директивой НКГБ СССР от июня 1941 г., полагал бы: семью Аллик П.А., состоящую из жены и сына, выслать в отдаленную местность».

Постановление подписал старший оперуполномоченный уездного отдела НКГБ Сааремаа. Ниже стоит виза «Согласен» председателя уездной тройки — начальника УО НКГБ.

Такого рода постановления были на всех высланных в июне 1941 г. из Прибалтики.

В анкете сына, высланного вместе с матерью, заполненной в 1951 году, мы читаем: родился в 1929 году, родной язык — эстонский, образование — 7 классов эстонской школы, 2 года музыкального училища. Профессия — слесарь, шофер, моторист. Холост. С 1949 по 1951 год служил в Советской Армии в Таллине.

Это достаточно странно, так как ссыльных в армию не брали. Все разъясняется далее по ходу дела. В 1941 г. он вместе с матерью был выслан в Слободской район Кировской области. Но в 1946 году уехал назад в Эстонию. В 1951 году был вновь возвращен в ссылку из Эстонии. С него взята подписка об уголовной ответственности за побег.

В анкете его матери читаем: Беспартийная. Эстонка. Образование низшее. Род занятий — иждивенка. Не судилась.

Далее в деле подшита справка отделения милиции поселка Каринторф, где Аллик Калью Придович работал с 1943 г. по 24 июля 1946 г. и уволен в связи с выездом на родину. В послевоенной социальной каше массовых перемещений людей в СССР его, вероятно, сочли беженцем.

Но машина МГБ, просеяв людское сито, нашла его в 1951 г. И 15 января 1951 г. из Министерства госбезопасности Эстонской ССР начальнику отдела спецпоселений УМГБ по Кировской области пришло секретное письмо: «При сем направляю материалы на задержанного нами и этапированного в Просницкий район Кировской области спецпоселенца Аллик Калью Придовича 1929 года рождения.»

Далее приложена выписка из приказа по волынской части: «Исключить из списков и со всех видов довольствия рядового... и полагать убывшим в МГБ ЭССР».

Итак, молодого парня, проходившего срочную службу, арестовывают за то, что он был сыном своего отца, кстати, не сделавшего ровно ничего предосудительного или опасного для Советской власти.

В материалах допроса К.П. Аллик мы читаем:

«Вопрос: Вы были зарегистрированы в Кировской области как спецпоселенец, ходили на регистрацию в комендатуру и давали подписку о невыезде?

Ответ: Я не знаю был ли я зарегистрирован в Кировской области как спецпоселенец, на регистрацию не ходил и подписки о невыезде также не давал. Мать моя Аллик А.М. ходила на регистрацию в комендатуру, но как часто она ходила, я того не знаю.

Вопрос: Расскажите, в каком году и на основании каких документов вы вернулись из Кировской области в ЭССР?

Ответ: В июле месяца 1946 г. я подал заявление на имя начальника строительства «Торфстроя» с просьбой уволить меня с работы и разрешить выехать на учебу в Эстонию. Мне было дано разрешение... кроме того я имел трудовую книжку, где указано, что я уволен со строительства. В октябре месяце 1946 года из Кировской области вернулась моя мать Аллик Акелина Михайловна. Я не знаю, где сейчас моя мать, так как проживает она на нелегальном положении. В 1949 г. в августе месяце мать приходила ко мне в гости и сказала, что собирается выходить замуж, а за кого, не сказала».

Несчастные люди, которых травят как волков. Итак, бывшего солдата вернули в ссылку, этапировав из тюрьмы в Таллине в тюрьму г. Кирова. В постановлении на его арест сказано: «... из пределов Эстонской ССР выслан как социально опасный элемент (это в 12 лет! — *В.Б.*)...» Аллик не получил лагерный срок только потому, что «совершил побег, будучи несовершеннолетним».

Но молодость жизнелюбива. Молодой эстонец не унывает. Уже 9 февраля 1951 года он пишет заявление в органы: «Прошу Вашего разрешения мне поступить в музыкальную школу г. Киров. Я, служив в Армии, одновременно учился в Таллинской музыкальной школе по специальности руководитель хора и оркестра, которую не успел закончить».

В ответ от начальника отдела спецпоселений УМГБ по Кировской области в Даровское РО МГБ приходит отказ: «Просьба объявить ссыльному Аллик К.П., что его заявление о выезде на постоянное местожительство в г. Киров Управлением МГБ рассмотрено и в просьбе отказано». Между тем мать его, вернувшаяся вместе с ним на родину, объявлена во Всесоюзный розыск в 1949 году. В ссылке Калью работает электриком в лесозаготовительной конторе. В 1954 году (через три года) он пишет новое заявление в спецкомендатуру: «Прошу Вашего ходатайства разрешить мне временный выезд в Эстонскую ССР в город Кингисепп к тете Халлик Лайза Андрусовне. Выезд мне необходим для того, чтобы там в гор. Кингисепп... есть знакомая девушка ... на которой думаю жениться».

Ему вновь отказано. Подули более теплые ветра перемен, и молодой эстонец в 1955 году пишет заявление об освобождении из ссылки. Ему вновь отказано, так же как и его матери, ходатайствовавшей о его освобождении из Эстонии.

В мае 1955 года ему отказано в отпуске и выезде в Эстонию для встречи с матерью, «так как неотложной необходимости в этом нет». Впрочем, на повторную просьбу в сентябре пришло все-таки разрешение. И в ноябре 1955 года он побывал на родине.

Освободили Аллика К.П., как и всех прибалтов, лишь в 1957 году. В «заключении от 6 июня 1957 года по его делу, санкционированному прокурором Эстонской ССР и зам. Министра внутренних дел Эстонской ССР, сказано: «В июне 1941 года органами НКГБ ЭССР был арестован бывший констебль полиции Аллик Приду Андрусович, 1896 года рождения. 28 февраля 1942 г. осужден Особым Совещанием при НКВД СССР к ВМН. Приговор приведен в исполнение 13 апреля 1942 г. 23 мая 1957 года Верховный Суд Эстонской ССР пересмотрел дело по обвинению Аллик П.А. и своим определением постановления Особого Совещания ... отменил, так как материалами дела установлено, что Аллик никакой контрреволюционной деятельностью не занимался».

На основании постановления НКГБ от 7 июня 1941 г. из Эстонской ССР выслана семья Аллик П.А. в составе: (мама, сын, теща). Из материалов дела видно, что Аллик Акелина в 1946 г. с места поселения совершила побег, за что была осуждена 7 января 1954 г. ... на 1 год и 6 месяцев. Постановлением Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 3 июля 1954 г. помилована и после освобождения из мест заключения осталась проживать в Рапласком районе ЭССР.

Ее сын Аллик К.П. этапом возвращен к месту поселения в Кировскую область, где проживает в настоящее время.

Полагал бы:

«Снять с учета спецпоселения Аллик Акелину Михайловну, 1902 года рождения, и ее сына Аллик Калью Придовича, 1929 г. рождения, с полной реабилитацией. 25 июня 1957 года Аллику К.П. выдана справка, что он с учета спецпоселения снят с полной реабилитацией» (21).

Власти исчерпали свои милости, и в дальнейшем прошедшей ссылку, тюрьму и лагерь матери, а также сыну, отбывшему 12 лет ссылки из своих 28 лет, придется рассчитывать только на себя. Расстрелянный глава семьи, умершая бабушка, трудная память о прошлом.

Дороги семьи Маркус

14 июня 1941 г. эстонец Маркус Херберт Фердинандович, 1907 года рождения, был арестован «как бывший начальник пропаганды «Кайцелит» в волости Сауэ. Принимал активное участие в деятельности контрреволюционных организаций «Важ» и «Изамалит» Проводит разную антисоветскую контрреволюционную агитацию». Все эти общие слова, абсолютно ничего не значившие бы на весах демократического правосудия, записаны в постановлении от 9 июня 1941 г. на высылку семьи, этого человека. Так жестко сказано: «Семью Маркус Х.Ф., состоящую из жены — Маркус Матильде-Анетте 1909 г. рождения, дочери — Маркус Керсти Хербартовны 1939 года рождения, отца — Маркус Фердинант-Кристьян 1877 года рождения, матери — Маркус Аделе-Луис-Юлия 1882 года рождения выслать в отдаленную местность». Ошибок в написании имен и фамилий прибалтов в делах НКВД — НГБ всегда много.

Далее в деле подшита типовая доверенность. «Доверяю оставленное мною имущество реализовать в 10-дневный срок моему родственнику (зачеркнуто) или соседу (подчеркнуто) Лестма Юлиус по существующим в городе ценам. Вырученные от продажи имущества деньги переслать по адресу, указанному органами НКВД».

Ни денег, ни имущества, ни самого главу семьи — родственники и домочадцы больше не увидели. Через неделю началась война. И проданное за бесценок имущество, наживавшееся десятилетиями, кануло в Лету.

В перечне имущества: дом с тремя сараями, две лошади, 4 коровы, по две овечки и свиньи, радиоприемник, швейная машина, 4 деревянные кровати, 350 кг ржи и 300 кг муки.

Всего этого вкупе с землей было достаточно для спокойной и счастливой жизни 6 человек на хуторе Пеарне волости Сауэ. Все это пошло прахом.

Семья была выслана в полном составе (кроме арестованного главы семьи) в ссылку в Кировскую область. 2 июля 1945 г. мать из ссылки пишет запрос о судьбе своего сына:

«Начальнику Восток Ураллага НК ВД

14 июня 1941 г. в Эстонской ССР вол. Соуе арестовали моего сына Херберт Фердинандович, рождения 17.10.1907 г., и увезли в СССР. 1942 г. находился он в Севураллаг в Свердловской области. Не имею я о нем никаких известий. Убедительно прошу Вас сообщить мне, находится ли в доверенном Вам лагере мой сын. Или известно ли Вам его местонахождение.

Ему же прошу передать, что его дочь, жена, отец, брат и я — мать живы и здоровы, и живем в Кировской области в пос. Белая Халуница, ул. Энгельса, 12».

Заметно, что заявление написано не ею самой (плохо знавшей русский язык и имевшей низшее образование), а кем-то из русских соседей.

Это письмо пересылается в МВД и МГБ Эстонской ССР. И в ответе по секретной переписке (образец советского лицемерия и фальши) читаем: «Начальнику Белохолуницкого РО НКВД.

Просим объявить устно гражданке Маргус Аделе Карловне, что ее сын Маргус Херберт Фердинандович 4.03.1942 г. осужден без права переписки на 10 лет ИТЛ и находится в особорежимных лагерях».

В совершенно секретном письме на Кировское УНКВД есть добавление:

«Для Вас лично сообщаем, что Маргус осужден Особым Совещанием при НКВД СССР к ВМН».

Такая конспирация — сообщать о расстрелянных как об осужденных без права переписки — практиковалась в НКВД по приказу НКВД СССР № 00515 — 1939 года до самого разгара хрущевской оттепели. Но родственники часто догадывались, что произошло на самом деле . От невыносимой жизни в ссылке люди решались на побег.

15 ноября 1946 года в Эстонию из спецотдела УМВД Кировской области уходит запрос: «Нарушив подписку в октябре месяце 1946 года, из Белохолуницкого района Кировской области сбежали ссыльно-поселенцы: Маргус Матильда Иохановна, 1909 года рождения, уроженка села Валингу, Маргус Аделе Карловна, 1882 года рождения, уроженка волости Триеги и Маргус Фердинанд Карлович, 1877 года рождения (...) Выселенные по постановлению оперштаба НКГБ ЭССР от 9.06.41 года как родственники Маргус (Маркус) Харберта Фердинандовича... Просим срочно принять меры к установлению последних на Вашей территории и результат розыска сообщите нам».

Из Эстонии приходит ответ, что все трое ими установлены, так как вернулись в родные места.

После этого в Эстонию уходит постановление об аресте троих беглецов: «Привлечь к уголовной ответственности за побег с места ссылки, оформить на них следственные дела по месту задержания и направить их на рассмотрении Особого Совещания при МВД ССР».

Арестовывали и этапировали бежавших порознь и в разное время. В ответе МГБ Эстонской ССР от 15 апреля 1949 г. сказано:

«Маргус Фердинанд Карлович, 1877 года рождения, нами установлен проживающим в волости Сайэ, хутор Пярни. Однако задержать его оперработник не смог, так как Маргус Ф.К. болен (сумасшедший)».

Ведется длительная переписка, в ходе которой в г. Киров высылается акт судебно-медицинского обследования. Это необходимо для официального прекращения розыска.

11 апреля 1949 года в г. Киров сообщают, что задержали Маргус Матильду, 1909 года рождения, и привлекают её за побег к уголовной ответственности. Особым Совещанием она осуждена 28 апреля 1950 года к 3 годам ИТЛ «с последующим возвращением к месту обязательного поселения».

В июле 1951 года Матильда Маркус после многих своих мытарств и злоключений уже находится вновь в ссылке в селе Даровском Кировской области. Там ее и находит ответ органов на ее новый запрос о судьбе мужа: «умер 22 января 1942 года в тюрьме УНКВД Ленинградской области». Верить справкам органов той эпохи не приходится.

Между тем старики в ссылке находились в отчаянном положении. Работать они уже не могли, а жить им было не на что.

В ответ на заявление Аделе Маркус о денежном пособии ей пришел такой ответ:

«Просим объявить спецпоселенке Маркус Аделе Карловне, что зачислить ее на получение денежного пособия из средств УМВД не можем ввиду отсутствия таковых.

Предложите Маргус поехать на жительство в Осиновский дом инвалидов Белохолуницкого района, где она материально будет полностью обеспечена. При получении согласия возьмите от нее заявление, к нему приложите справку районной больницы об отсутствии у Маргус инфекционных заболеваний и туберкулеза легких. Заявление и справку вышлите в отдел «П» УМВД для получения путевки в облсобесе».

Деваться бедной женщине некуда, и она собрала все необходимые бумаги. В медсправке сказано: Маргус А.К., 72 лет, страдает гипертонической болезнью. По состоянию здоровья и возрасту является нетрудоспособной».

В 1951 году спецслужбы добрались и до брата расстрелянного главы семьи — Вернера Фердинандовича, работавшего к 1951 году зам. начальника станции Кохтла в Эстонии. «В постановлении оперштаба о высылке он не значится, однако в посемейный список выселенных он был включен», так как, будучи холостым, проживал

на хуторе с родными. Вернер Маркус пережил много мрачных часов, думая о пытавшихся отправить его в ссылку спецслужбах.

В 1941—1943 годах он проживал вместе с сосланными родственниками в Белой Холунице, но подписку с него не брали, и отмечаться ежемесячно он не ходил. Ему повезло, что было в те годы в той системе довольно редко. 21 апреля 1953 года из отдела «П» МВД СССР пришло такое решение: «В связи с тем, что Маркус-Маргус В.Ф. на спецпоселение не выселялся и на учете не состоял, оснований к направлению его на спецпоселение не имеется».

Между тем Матильда Маркус в 1951 году пытается воссоединиться со своей матерью, высланной в 1949 году в Новосибирскую область. В заключении о соединении семей от 20 ноября 1951 г. сказано:

«г. Новосибирск

Я, ст. оперуполномоченный 4-го отделения 9-го отдела УМГБ по Новосибирской области... рассмотрев материалы на Маргус М-А.Ю. О переводе ее в Новосибирскую область, —

нашел:

Маргус Матильда-Анетта Иохановна, 1909 года рождения, уроженка Эстонской ССР, эстонка, находится на спецпоселении в Даровском районе Кировской области, где живет одна.

Ее мать, Ломан Хендриэтта Томасовна, 1880 года рождения, уроженка Эстонской ССР, по национальности эстонка, в 1949 году выселена из ЭССР в Маслянинский район Новосибирской области, где проживает до настоящего времени.

Ломан Х.Т. ввиду преклонного возраста и состояния здоровья работать не может, средств к существованию не имеет и нуждается в помощи дочери.

В связи с этим Маргус Матильда-Анетта Иохановна и ее мать Ломан Х.Т. возбудили ходатайство о их соединении на территории Новосибирской области.

За время нахождения на спецпоселении Маргус Матильда-Анетта Иохановна установленного режима не нарушала. Компрометирующих материалов на нее не имеется.

На основании вышеизложенного, руководствуясь указанием МГБ СССР за № 423 от 22.12.1950 г., полагал бы:

Согласиться с заключением УМГБ Кировской области о переводе Маргус Матильды-Анетты Иохановны в Новосибирскую область к матери.

Материалы по соединению направить в 9-е Управление МГБ СССР на окончательное решение...»

Сама же Матильда Маргус в это время живет в ссылке в поселке Бечева Даровского района. Работает домработницей, проживает одна. Дочь ее Маркус Керсти и отец мужа в это время находятся в Эстонии. Сама она за побег 28 апреля 1950 г. Особым Совещанием при МВД осуждена на 3 года ИТЛ, но 23 ноября 1950 года из ИТЛ освобождена на основании Указа ПВС от 26 августа 1950 года и направлена к прежнему месту поселения.

Матильда Маркус прошла аресты, этапирование, бегство, тюрьму и лагерь, разлуку с дочерью. Жизнь ее легкой не назовешь. В автобиографии 1951 года она писала про это так: «В 1941 году выслали меня в Кировскую область в Белохолуницкий район. В 1941—1944 годы работала я на лесозаводе. Работала я на частных работах в волости Таеверс.

В 1946 году поехала я в Эстонскую ССР. В 1947 году до 1948 года работала я в г. Таллине артели «Агу» в качестве рабочего. С 1949—1950 года работала я на подсобных работах в волости Таеверс. Оттуда меня арестовали в тюрьму г. Вильянди, где пребывала 5 месяцев. Потом сидела в лагере Харку 6 месяцев. В 26 августе 1950 года (амнистировали меня) выпущена по указу 22 ноября 1950 года. Настоящее время проживаю в Кировской области Даровском районе, дер. Ренжята.

5.1.51 г.»

Мать ее в Новосибирской области живет на иждивении снохи, имеющей двух малолетних детей».

Материальное положение семьи совершенно бедственное. Колхоз за работу почти ничего не платит.

Матильда Маркус решила ехать к матери, чтобы помочь ей выжить. 11 января 1952 года бюрократы в аппарате спецпоселений согласовали все вопросы по ней и ее матери и Матильду Маркус «разрешено направить за ее счет под конвоем в распоряжение 9-го отдела УМГБ Новосибирской области для соединения с матерью...».

В её спецкомендатуру пришло указание: «При наличии у Маркус денежных средств на приобретение билета для проезда в пассажирском поезде и на другие расходы, направьте последнюю под конвоем в г. Киров к 13 февраля 1952 года для дальнейшего этапирования в Новосибирскую область».

Расходы по перемещению ссыльных возлагаются на самих ссыльных. Советское государство экономно, хотя человеколюбивым его назвать нельзя.

Между тем хлопоты по переезду (оформление разрешения, поиски денег на билет) — полностью подорвали здоровье Матильды

Маркус. С ноября 1951 года она лежит в местной больнице, и перспектив на улучшение состояния здоровья нет, а потому направить ее на соединение с матерью спецкомендатура не в состоянии».

Далее к делу приложена медицинская справка и документ о смерти Матильды Маркус.

6 февраля 1952 года комиссия во главе с комендантом спецкомендатуры составила акт об имуществе ссыльнопоселенки Маркус, оставшемся после ее смерти. Наличных денег — 48 рублей, два поношенных пальто и кофта, немного одежды, крупы манной в мешочке желтом 0,4 кг, крупы ячневой в желтом мешке — 0,2 кг.

Все вещи просят выслать посылкой опекуну дочери — Томсон Эве Августовне в Эстонию.

В личном деле на Матильду Маркус подшито и пронумеровано 43 листа. Цена этим листам — разрушенная человеческая жизнь.

* * *

Между тем ее свекровь, Аделе Маркус, отказалась в феврале 1952 года от Дома инвалидов и в заявлении написала: «В настоящее время я существую на средства, полученные мной от моей дочери, проживающей в Эстонской ССР. На основании этого государственного пособия не прошу и от предложения переселиться в дом инвалидов отказываюсь».

Она состоит под гласным надзором и обязана один раз в месяц являться на регистрацию в Даровское РО МГБ. Она твердо борется с системой за свою жизнь. В феврале 1952 года она просит выслать ей 270 рублей, оставшихся на ее личном счету в лагере (г. Валга, 5-й ОЛП). И она их получила. Когда в декабре 1952 года ей вновь отказано в освобождении, она просит назначить ей денежное пособие. Ей вновь отказывают и вновь предлагают Дом инвалидов.

Освобождена Аделе Карловна была лишь 22 октября 1954 года, поскольку она «нетрудоспособна, родственников по месту поселения не имеет, материально не обеспечена, а в ЭССР проживает ее дочь Келемент Дагмар Фердинандовна, жена погибшего в боях за освобождение острова Сааремаа 5 октября 1944 г. мл. лейтенанта Келемент Августа Августовича, которая поддерживает ее материально». И дочь и сын согласны взять престарелую мать к себе на обеспечение.

Освобождение к ней пришло после ее очередного ходатайства в Президиум Верховного Совета СССР. С учета спецпоселения она снята (22).

Между тем муж ее умер ещё в 1950 году. Невероятные испытания выпали на долю тысяч обычных семей в ту страшную эпоху.

Жена полицейского

Бюрократия в системе НКВД МВД МГБ 1940-х — начала 1950-х годов была явлением невероятным по своей непробиваемости, запутанности и противоречию здравому смыслу. Античеловеческая направленность в целом этой системы создавала ситуации, не снившиеся Оруэллу в его самых смелых антикоммунистических фантазиях.

Подтверждением этому служит дело эстонки Ванды Войтк. Она родилась в 1918 году в Петрограде и закончила Таллинский пединститут. Учитель иностранных языков. «Не имею близких родственников нессыльных», — горестно писала она в одной своей анкете. 14 июня 1941 года она выселена из Эстонии и уже 23 июня прибыла в Кировскую область. В 1941—1943 годы она была на спецпоселении в Синегорье (север Вятского края), в 1943—1946 годы проживала в ссылке в областном центре — г. Кирова.

Муж ее, Войтк Альфред Августович, 1908 года рождения, был до 1940 года помощником комиссара полиции г. Курессааре. В июне 1941 г. он, по сведениям НКВД, скрылся и арестован не был. Жена его попала в ссылку одна.

В 1946 году, пользуясь относительной послевоенной неразберихой, она уехала назад в Эстонию — к мужу. В 1948 году, в эпоху тотального сыска и посадки повторников, её объявили во всесоюзный розыск, нашли и вернули назад в ссылку в пос. Порошино Кировской области. К этому времени у нее уже родились две дочери, 1947 и 1949 годов рождения. По специальности учителя работу ссыльным, как правило, не давали, и она трудится рабочей артели «Снайпер».

Выписка из протокола № 6 Особого Совещания при МВД СССР от 24 марта 1950 года гласит: «Войтк Ванде Эриховне за побег с места обязательного поселения зачесть в наказание срок предварительного заключения с водворением к месту обязательного поселения».

В Эстонии она работала завучем неполной средней школы. К моменту вторичной высылки одной ее дочке 2 года 9 месяцев, а второй — 2 месяца. В дело аккуратно подшита справка, что по состоянию здоровья ее и ребенка в суд она следовать не может. Но в деле Ванды Войтк не все так просто. Муж, из-за которого она

формально и была сослана, геройски сражался в войну в Красной Армии и после войны свободно живет в Эстонии.

В отчаянном заявлении на имя члена Президиума Верховного Совета СССР Г.М. Маленкова, используя все советские штампы, молодая эстонка пытается обратиться к здравому смыслу властей. Она пишет: «1941 года меня как жену полицейского сотрудника выслали в Кировскую область Нагорский район. А мой муж остался судебным исполнителем в Вяндре, откуда его в начале войны в Советскую Армию мобилизовали. После оформления эстонского народного корпуса он был в рядах командира батареи. В 1943 году вернули мне в Кирове паспорт и все гражданские права как жене советского офицера и в 1946 году разрешили мне ехать в Эстонию к демобилизованному мужу инвалиду III группы. В Эстонии я работала директором неполной средней школы с 1946 года по 1949 год, когда меня арестовали с 9 дневным ребенком и обвиненным в самовольном уходе с места ссылки. 11 месяцев ждала я с грудным ребенком ответа от Московской Особой Комиссии; и ответ был — вернуть. 2-годового ребенку оставила я у чужих людей, а маленькую взяла с собою. Сейчас живу в селе, где работы нет. С большим трудом поступила работать в деттубсанаторий, но меня как выселенку после двухмесячной болезни моего ребенку уволили.

Я Вас не прошу отпускать меня на родину в Эстонию, а прошу Вас разрешить работать здесь по специальности. Мой муж свою вину окупил на фронте, дайте и его жене возможность начинать новый жизнь...». (орфография сохранена).

По итогам спецпроверки выяснилось, что все это верно. Муж, советский офицер, имеет боевые награды, а жена всю войну была на его иждивении. Но МГБ Эстонской ССР на все ее просьбы об освобождении отвечало твердым отказом.

Мало того, в августе 1954 года отдел «П» УВД Кировской области возбудил вопрос о возвращении к месту ссылки Альфреда Войтка, ее мужа, который «в момент выселения от высылки уклонился».

В ответ на этот запрос спецотдел МВД Эстонской ЭССР ответил коллегам, что «в МВД Эстонской ССР материалов о выселении семьи Войтк в 1941 году не имеется».

Ванда Войтк неоднократно пишет просьбы об освобождении. Ей отказывают. И наконец 19 ноября 1954 года пришло предписание — «по указанию 4-го спецотдела МВД СССР ... от 10 ноября 1954 года спецпоселенку Войтк Ванду Эриховну, 1918 года рождения, от дальнейшего содержания на спецпоселении освободите и выдайте

справку об освобождении ... для получения паспорта на общих основаниях». А 5 марта 1956 года ее личное дело сдано в архив.

Без работы, без денег, средств к существованию и связей в местном обществе, с плохим знанием русского языка, под гнетом чекистов — ссыльные эстонцы сильно бедствовали в разоренной и нищей Кировской области как в военные, так и послевоенные годы.

В памяти каждого из них, прошедшего эту школу унижений, бесправия и нищеты, осталась глубокая рана. О ссылке вспоминать никто не любит ...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 9

«Утверждаю»
Начальник Управления МГБ
по Кировской области
Полковник:
(Сысоев)
5 апреля 1951 г.

«Согласен»
Прокурор Кировской области
Государственный Советник
Юстиции III класса:
(Арбузов)
6 апреля 1951 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1951 года, апреля 2 дня, город Киров.

Ст. оперуполномоченный 9 отдела УМГБ по Кировской области, ст. лейтенант СТАРИКОВ, рассмотрев имеющиеся в УМГБ материалы на:

КУРВИТС Петра Яновича, 1891 года рождения,
уроженца Пярнуского уезда, Эстонской ССР,
беспартийного, эстонца, гражданина СССР,

УСТАНОВИЛ:

КУРВИТС Петр Янович 14 июня 1941 года был арестован органами НКГБ Эстонской ССР, как бывший министр Финансов Эстонского буржуазного правительства, ранее служил при военном министре и главнокомандующем Эстонской «Освободительной армией» в чине штабс-капитана, был награжден крестом «Освободительная война» I разряд 3-й степени.

4 декабря 1943 года, КУРВИТС, Особым Совещанием НКВД СССР, как социально-опасный элемент был осужден к 5 годам лишения свободы, меру наказания отбывал в Востураллаге НКВД.

9 мая 1944 года. КУРВИТС П.Я. по болезни с применением директивы НКВД, НКЮ и Генерального прокурора Союза ССР № 467/18—77/117сс досрочно из заключения освобожден и в настоящее время проживает в городе Халтурине, Кировской области, работает в качестве преподавателя в Халтуринском сельскохозяйственном техникуме, на учете, как ссыльный не состоит.

Семья КУРВИТС Петра Яновича, в составе:

Жены — КУРВИТС Сельмы Тынисовны, 1904 года рождения;

Дочери — КУРВИТС Эно-Анны Петровны, 1927 года рождения, и
Сестры — КУРВИТС Анны Яновны, 1898 года рождения, —

по постановлению Оперштаба НКГБ Эстонской ССР от 10 июня 1941 года, в связи с арестом главы семьи — КУРВИТС П.Я., были выселены из пределов Эстонской ССР в Кировскую область и взяты на учет 1-м Спецотделом УНКВД Кировской области, как ссыльные.

КУРВИТС Сельма Тынисовна, проживая на поселении в Кировской области, 12 октября 1950 году умерла.

КУРВИТС Эно-Анна Петровна и КУРВИТС Анна Яновна в настоящее время проживают — первая в Халтуринском, вторая — в Лебяжском районе и состоят на учете в 9-м отделе УМГБ по Кировской области, по категории ссыльных.

Принимая во внимание, что члены семьи КУРВИТС Петра Яновича — дочь Энно-Анна Петровна и сестра Анна Яновна состоят на учете ссыльных в 9-м отделе МГБ Кировской области и в их ходатайстве об освобождении из ссылки постановлениями МГБ Эстонской ССР от 27 декабря 1946 года и 5 мая 1948 года отказано, а сам глава семьи — КУРВИТС П.Я., из-за которого члены семьи находятся в ссылке, вернувшись из заключения, проживает свободно, на учете как ссыльный не состоит, а поэтому, руководствуясь указанием отдела по спецделам Прокуратуры Союза ССР № 18/1193/78—26с от 20 февраля 1951 года,

ПОЛАГАЛ бы:

Настоящее заключение вместе с материалами на КУРВИТС Петра Яновича направить на Особое Совещание при МТБ СССР для вынесения решения о выселении КУРВИТС Петра Яновича к семье в Кировскую область.

СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 9 ОТДЕЛА УМГБ
по Кировской области ст. лейтенант: (СТАРИКОВ)

«СОГЛАСЕН»
И.О. НАЧАЛЬНИКА 9 отдела УМГБ
по Кировской области Подполковник: (ШАНИН)

Документ 10

УТВЕРЖДАЮ
Прокурор Эстонской ССР
Государственный советник юстиции
2-го класса
(К. ПААС)
17 июня 1957 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

11 июня 1957 года гор. Таллин.

Пом. Прокурора ЭССР — младший советник юстиции АУСТА Х.А., рассмотрев материалы архивно-учетного дела № 1559 на административ-

но-высланную ВОЙТЕС Салъме Карловну и ее заявление об освобождении со спецпоселения,

НАШЕЛ:

14 июня 1941 года органами НКГБ ЭССР арестован ВОЙТЕС Хейнрих Августович, 1896 года рождения, за то, что он с 1920 по 1924 г. служил полицейским в городе Нарве, а с 1928 г. по день ареста являлся помощником начальника Центральной тюрьмы в гор. Таллине.

8 августа 1942 г. дело производством прекращено в связи со смертью ВОЙТЕС Х.А.

На основании постановления Оперштаба НКГБ ЭССР от 12 июня 1941 года из Эстонской ССР была выслана на спецпоселение в Кировскую область его семья в составе: жены — ВОЙТЕС Сальмы Карловны, 1907 года рождения, и сына — ВОЙТЕС Эрика Хейнриховича, 1929 года рождения,

ВОЙТЕС Сальме возбудила ходатайство перед Прокурором Эстонской ССР об освобождении ее и сына со спецпоселения.

Из материалов архивно-следственного дела видно, что ВОЙТЕС Х.А. с 1920 по 1924 г. служил полицейским в гор. Нарва, а с 1928 г. по день ареста работал помощником начальника центральной тюрьмы по хозяйственной части в гор. Таллине. Практическая контрреволюционная деятельность ВОЙТЕС Х.А. материалами дела не установлена, также не установлено случаев грубого отношения с его стороны к заключенным, содержащимся в этой тюрьме.

ВОЙТЕС Хйнрих и его жена ВОЙТЕС Сальме по своему социальному происхождению из крестьян-бедняков, никакой собственности не имели. Мать ВОЙТЕС Сальме в настоящее время проживает в ЭССР, в связи с преклонным возрастом — 70 лет не трудоспособна и обеспечить себя не в состоянии.

ВОЙТЕС Сальме и ее сын Эрих на спецпоселении находятся длительное время в течение 16 лет.

ВОЙТЕС Эрих занимается общественно-полезным трудом — работает в Кировском автомотоклубе ДОСААФ инструктором — по работе характеризуется положительно. ВОЙТЕС Сальме нигде не работает в связи с болезнью.

Учитывая это, считаю, что дальнейшее содержание на спецпоселении указанных лиц является нецелесообразным.

На основании изложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Освободить со спецпоселения ВОЙТЕС Салъме Карловну, 1907 года рождения, ВОЙТЕС Эрика Хейнриховича, 1929 года рождения.

Постановление направить в МВД ЭССР для исполнения.

ПОМ. ПРОКУРОРА ЭССР ПО НАДЗОРУ ЗА
СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНХ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Мл. советник юстиции —(АУСТА)

§ 5. Синегорские организованные сааремцы

20 февраля 1943 года в северном таежном поселке Кировской области — Синегорье органами НКВД была арестована группа молодых ссыльных эстонцев. Все они жили и работали в Синегорском леспромхозе и были интернированы одновременно — 14 июня 1941 года.

В постановлении на арест лидера этой группы — Нау Калева Густавовича, 1921 года рождения, уроженца острова Сааремаа, Эстонца, со средним образованием, беспартийного, холостого, сына бывшего полицейского и активного участника организации «Кайселисет», репрессированного органами НК ВД в 1941 году, сказано так: «Нау, будучи враждебно настроен к Советской власти, в начале 1942 года в с. Синегорье организовал среди адм. высланных эстонцев антисоветскую националистическую группу под названием «Синегорские организованные сааремцы» и возглавляет ее контрреволюционную работу. Группа имеет кустарную печать, изображающую герб «Викингов» с тремя буквами «С.О.С.». При группе создано бюро корреспонденции, в котором активное участие принимает Нау. Он ведет переписку активистского содержания с одним из руководителей антисоветской шпионской организации Андерсоном Лембитом и другими высланными эстонцами.

В октябре 1942 года Нау отправил Андерсону условный код для переписки по вопросам, связанным с военной информацией на случай ухода его — Нау в армию.

Антисоветская шпионская организация среди эстонцев ставит своей задачей образование буржуазной Эстонии под протекторатом Германии» (24).

Это, конечно, раздувание из лягушки слона. Игру в землячество молодых эстонцев решили, как в 1930-е годы, представить опасной шпионской организацией. Характерно шутливое название их кружка — «Синегорские организованные Сааремцы» (СОС — спасите наши души — сигнал бедствия). При обыске в присутствии начальника районного НКВД капитана госбезопасности Михачева и понятых (комната № 5 общежития) были изъяты: удостоверение вместо паспорта, свидетельство об окончании средней школы, церковные песни, «Капитал» Маркса на эстонском языке, 6 книг и фотокарточка, переписка (48 писем на эстонском языке) и бинокль театральный.

С фотографий в фас и профиль на нас доверчиво смотрит молодой наивный юноша. Кружок, который был им создан, являлся чистейшей воды землячеством с характерной любовью к национальной символике и атрибутике, родной культуре и языку.

На первом из многочисленных допросов, проходивших обычно с 11 вечера до 3 часов ночи, Калев Нау показал, что в июне 1941 года «как сын полицейского констебля... был административно выслан из Эстонии и прибыл в Кировскую область вместе с матерью и сестрой». Отец его был арестован и отправлен в лагерь.

Круг его общения в пос. Синегорье — эстонская сосланная молодежь (22 человека). Тяжкий труд в лесу не обеспечивал людей хлебом. 1941—1942 годы — время постоянного и непрерывного голода среди высланных. Его семнадцатилетний друг, Кадарик Ильмар, получил после ареста такую справку в леспромхозе: «Выдана настоящая Синегорским лесопунктом административно высланному эстонцу Кадарик Ильмару в том, что он действительно за период второго полугодия с 1.07. по 31.12. 1942 г. фактически отработал на работах в лесу и других 129 ч/дней, заработал 325 руб. 27 коп. и за январь — февраль 1943 г. фактически отработал 46 ч/дней и заработал 100 руб. 53 коп.

Дневные нормы выработки систематически не выполнялись, на работу выходили только для отметки и получения права на снабжение хлебом и питания в столовой. Что и удостоверяется.

Выдано на предмет предъявления в органы НКВД» (25).

Директор лесопункта выдает НКВД такую справку, какую от него и ждут. Нормы выработки на лесоповале для голодных истощенных людей были чрезмерно велики. Ничтожный заработок не позволял что-либо купить. Эстонцы, действительно, жили хлебным

пайком и только ради него ходили на работу. Но паек невелик. На продовольствие постепенно обменивалось все привезенное с собой имущество.

Старшее поколение высланных пытались как-то приспособиться к тяжким условиям ссылки — заводили огороды, что-то мастерили в свободное время на продажу. Молодежь искренне и страстно в своем круге выражала свое недовольство условиями жизни и работы, откровенно тосковала по родине.

«Ссыльные эстонцы, как и я, пораженчески настроены к Советскому государству, — чистосердечно говорил Нау на допросе, — все желают свержения существующего советского строя и восстановления буржуазной Эстонии». Работая вместе, а также живя со многими в одном бараке, Нау за лето 1941 г. сдружился с группой молодежи в 8—10 человек. Они вели часто разговоры о положении на фронтах, конце войны. Все они с нетерпением ожидали поражения Советского Союза, надеясь в этом случае на скорое возвращение домой. Сильные надежды они питали в отношении Англии и США, которые должны, по их мнению, помочь восстановлению независимости Эстонии. К Гитлеру симпатий было немного.

Первое собрание своего кружка Нау провел 24 февраля 1942 года — в день годовщины создания независимой Эстонии. Он говорил о сплочении сил ссыльных, чтобы улучшить условия жизни и работы; организации национальных вечеров (песни, танцы), а также молитв по выходным дням.

НКВД арестовало в Синегорье 6 человек активистов молодежной эстонской организации: К. Нау, Кадарика Ильмара, Антса Тамлехта, Арсения Сарлайд, Азера Тальвика и Максима Кокка. Первых трех обвиняли по политическим статьям 58-1а, 58-10 ч.2, 58-11; последних трех по статьям 58-10 ч.2 и 58-11.

Следствие и ожидание приговора затянулось почти на год. В определенном смысле им повезло. В 1941—1942 годах их просто могли расстрелять. В 1944 году приговоры стали несколько мягче. Калев Нау получил от Особого Совещания при НКВД от 19 января 1944 г. 10 лет лагерей, Кадарик Ильмар и Тамлехт Антс (1923 года рождения) по 8 лет лагерей, А. Сарлайд (1917 года рождения), М. Кокк и А. Тальвик по 5 лет лагерей.

Что же они сделали? Собирали изредка собрания, где говорили о своей жизни; готовили танцевальные вечера и пели эстонские

песни, хранили эстонский флаг ... Все было совершенно безобидно. Также они писали письма другим эстонцам и вели дневники.

Сведения из этих документов, сохранившихся в деле, для нас сегодня бесценны. Они дают нам представление о жизни и быте этих людей, их круге мыслей и шире — о жизни в глухом углу России — на европейском Севере в самые тяжкие военные годы.

Обратимся к такого рода документам и почувствуем тяжкое дыхание той эпохи.

1. Из дневника Калева Нау (перевод с эстонского)

«17 июня 1941 года. Переехали границу, это оживило весь наш эшелон. Начались толки — какой стала Россия за 22 года. Среди нас были люди, которые уехали отсюда в годы революции. Какой выглядит эта расхваленная механизированная страна социализма? Как выглядят дома? Как выглядят сами эти новые люди?

18 июня. Наша поездка продолжается дальше. Потом нам стало уже известно, что мы будем рабами Сибири» <...>

1941 год — июль — август.

Песня о Родине

Широко и велико болото, где я работаю
Пни здесь единственное богатство
Свободны только вода и комары,
Так что пухнет кожа человека .
Утром как встаю с твердых досок,
Принимаю воду и кусочек хлеба,
И если к вечеру я проголодался,
Хлеб и вода ждут меня опять.
Днями пни корчуешь широкие, большие,
Ходишь по болотам, по канавам
Иногда только сны я вижу
О далекой чистой Родине.

Песня на мотив «Почтальон»

Много времени прошло уже с тех пор,
Как еще не было русских в нашей стране,
Везде была тогда свинина,
Каждый знал о сладких кушаньях.
Но под небом закружилась стая самолетов,
Это прибыли советские соколы,
И в кармане у них бутылка водки,
Без чего они жить не могут.

Раздел под названием «Испорченное лето»

15 сентября. При тусклом свете читал письмо от Роос. В комнате царила мертвая тишина. На целый вечер хватило рассуждений по поводу этого письма.

2 декабря. Сегодня все эстонцы решили не выходить на работу — объявили забастовку. Нашлись и такие, которые вышли.

13 декабря. К рассвету, примерно полдевятого вышли на работу. Весь день проходит в обсуждении политических вопросов и событий на фронте.

1942 год

18 апреля 1942 года. Раннее весеннее утро — начало нашей работы в лесу. Обещают и сегодня кусок хлеба. За хлебом-то все, а на работе — единицы дураков, в число которых и я отношусь... Целыми днями ломим работу, чтобы «честными мужиками» принять 500 грамм хлеб.

19 апреля. День мой проходит в среде нашей организации, где меня просили писать сообщенья нашим землякам о нашей рабской жизни здесь в лесу, о наших нуждах, голоде, внушить им веру, смелость, терпенье ... Сегодня послали 13 писем.

20 апреля. Сегодня опять одна жертва голода Саласта Айно — последовал за Аво Пресс, который умер вчера. Жертвы голода ... Вот так страна рабочего класса! Вот эти хваленые условия жизни трудящихся!

22 апреля. Сегодня интересный эпизод. Наш злой мастер привел милиционера, чтобы выгнать на работу нас — эстонцев. Стали учить нас социалистической трудовой дисциплине.

26 апреля. Гонят на работу. Не пойду. Занимаюсь подготовкой к празднованию 1 Мая.

1 Мая. В международный праздник всех стран приходится идти на работу. Военное время... Социалистическое государство бьется в своих предсмертных судорогах — готово ухватиться за соломинку, чтобы спастись. Сегодня вышло 160 высланных, чтобы тоже бороться рядом с Красной Армией за большое сталинское дело».

Отрывки из дневников других арестованных эстонцев

1 июля 1942 года. Вот и сенокос. Нас опять окружают 60-е годы XIX века. Нас гоняют как собак. Белые рабы. С утра до ночи — отдыху почти не дают.

2 июля. 8 часов. Белые рабы как стая белых гусей лениво тянутся на сенокос.

8 июля. Сегодня объявили забастовку. Пока не дадут крупы — на работу не пойдем. На фронте слышно — хорошо. Что-то скоро решится. Назревает — кипит... Близок ли конец?

8 августа. Сегодня наблюдал за кухней. Почему кто-то ест и кашу и овощи, а кто-то только траву? Разве это зависит от работы? Конечно — Нет!»

К следственному делу НКВД приложена выборка антисоветских стихов и писем эстонцев, членов организации. Стоит отметить, что другие — лояльные к Советской власти эпизоды из дневников и писем просто не принимались во внимание следователями и на русский язык не переводились.

Стихи на антисоветские темы

Была победа за коммунистами,
Эстонский народ сопротивлялся как стальная броня.
Но все-таки двери тюрем закрылись,
Эстонский народ в железо заковали...
Много дней прошло без дома
У нас в лесах и бездонных дорогах.
Весенний ветерок утешение неси и надежду.
В наших сердцах тлеет искра —
Не потушит ее ветер и дождь, —
Что зацветет еще раз Эстонское государство
И запоют снова эстонские уста.

Переписка с эстонцами, сосланными в другие районы Кировской области и соседние регионы страны, стала ниточкой жизни для эстонской молодежи. В письмах обсуждались надежды на возвращение, ход войны. Но эти письма и стали в основном причиной ареста шестерых эстонцев в Синегорье. Судя по всему, еще ранее был арестован главный адресат писем Калева Нау и его духовный наставник — Андерсон Лембит. Началась проверка всех его контактов.

Из писем Нау Калева — Андерсону Лембиту

1. 30.09.1942.

«Лето 1942 года — время, которое никто из нас не намеревался быть здесь в России. Но вышло не так. Пришлось разочароваться. Иванов день прошел в Синегорье спокойно, так как к тому времени нас разослали в разные места — кто в лес, кто в поле. Тяжелая работы с плохим питанием на все лето. <...> Птицы приготовляются к перелету на юг. Но крылья подрезаны, нога скована. Северные орлы скованы. Из северных орлов хотят сделать красных попугаев. «...»

Правы пессимисты. Они могут спокойно собирать огурцы, картофель, тыкву, собирать — и жить лучше, чем оптимисты.

Приходит осень. Погода становится дождливой, и на душе вместе с серыми днями становится тяжелее. <...> Еще раз лучшие пожелания, стойкость и силу для более легкого перенесения наших страданий».

2. 8.10.1942 г.

«Привет, здоровья и силы для борьбы с бедствием в России. Стойкость и силу воли для тяжелых испытаний. С большим нетерпением ждал от вас письмо. Ожидая политические новости, чтобы прибавить их к своим сведениям, — чтобы узнать — стоит ли писать заверения относительно второй сибирской зимы или нет.

Письмо не пришло и не могло прийти в такую сибирскую глушь — как в колхоз «Пятилетка», где я сейчас работаю.

В «Пятилетку» — 17 км западнее Синегорья не заходит ни почта, ни газеты, ни одна новость. <...> Я полагаю, что придется провести вторую зиму в ближней Сибири. Вторая зима будет много тяжелее и хуже предыдущей, так как приближаются к концу 100 кг багажа, которые можно было взять с собой. <...>

«Белые рабы» в лесах, колхозах и предприятиях ближней Сибири ждут возвращения домой. Возвращения в старую свободную Марьямаа у побережья Балтийского моря.

Война — главная причина всей этой запутанной, тяжелой и полной бедствий жизни — продолжается ...

Освобождения от «зимы в Сибири» можно будет ждать, по моему мнению, только когда произойдут следующие события:

1) Большой успех войны на Северном фронте, в связи с чем мы останемся в тылу (на стороне противника) — окончание войны миром. Внутренний переворот (революция) ...

14 месяцев войны даже не смогли покорить город у залива, борющийся с голодом. Кажется, что о нашем спасении в тылу не может быть и речи. Кроме того, при опасении такой возможности — нас могут отправить к горам.

2) В полное окончание войны мне также не верится, несмотря на то, что сдаются города. Несмотря на то, что сдался или сдается в ближайшем будущем пятый город на Волге, что пропадет нефть... даже эти потери не имеют такого влияния, чтобы настал мир: прошли бы дипломатические переговоры, которые помогли бы нашим величайшим ожиданиям, помогли бы вернуться домой. Мир между двумя государствами, с резко отличающимися друг от друга мировоззрениями кажется невозможным, так как не исполнились еще пожелания Ади (Гитлера. — *В.Б.*) очистить Европу от коммунизма. Но исполнение этого желания при указанном успехе войны не так скоро настанет.

3) Революция. На это тоже нельзя надеяться, потому что в теле пока нет еще никакого толчка. Нет жизнеспособной массы — нет соответствующего тыла. Также и слухи об уступках: земля после победы — народу; прибавляют покоя дальнейшему существованию коммунизма и колхозного гнета. <...> все мои три возможности для быстрейшего возвращения — ни

к чему не привели. Ни одна не дала что-либо для надежды на наше скорейшее возвращение домой... Мы должны быть на всякий случай готовыми провести и вторую зиму в ближней Сибири».

Калев Нау пытается анализировать ситуацию в 1942 году гораздо более трезво и реалистично, чем в 1941 г. Растет его понимание сложности великих потрясений, происходящих в мире.

Из писем других арестованных эстонцев

1. (1941 год) «Путь продолжался мимо Вологды, Кирова, Молотова, Свердловска. Это было то единственное время, где кислый русский хлеб выбрасывался в окно. Но не думаю, что он там и остался. Нет! Как его там подбирали? Это нас даже смущало ...»

2. «Народ говорит, что бомбили Слободской и Киров — город совсем затемнен. Улицы все заполнены военными, которые просят хлеб у населения. Мы теперь совсем голодаем, потому что очереди большие. Русские никогда не стоят, а эстонцы стоят в очереди и остаются без хлеба...»

3. 1942 год (весна). Из писем Антса Тамлехта.

1) «Мы послали в Нагорский район начальнику НКВД заявление. В нем описали свои условия жизни в бараке в одной куче, о плохом питании. Прошло несколько дней, и сам начальник НКВД приехал: положение исправилось, нас перевели обратно на старое место работы в лесу, где горячее питание.

Принялись за увеличение жилплощади в бараке. 6 семей (15 человек) отослали на Белую речку на курорт — там с питанием очень плохо, процент смертности большой, особенно среди детей и стариков. Но теперь не так плохо, потому что дороги хорошие и можно завозить продукты из деревни, но как растает ... там необязательный выход на работу. Все получают по 400 грамм хлеба, а дети 300 грамм и суп дают на детей (чистая вода)...

Я уже третий месяц получаю по 400 грамм хлеба и хожу на работу, а то и этого не дадут. Просил добавочное, но и слушать не хотят. Только давай норму — будут давать больше хлеба. А как ты дашь норму, когда снег полтора метра глубины.

В прошлый понедельник (30 марта) ходили в деревню за 28 км за продуктами. Проходили три дня — получили за костюм — 20 кг муки и за три шелковых платья — один пуд муки. За маленькие вещи — картошки. Все очень дорого: мука — 1000 рублей пуд, картофель — 120 рублей пуд, молоко — 7 рублей литр, масло — 250—300 рублей килограмм, мясо — 100 рублей, ну а наши вещи в прежней цене. <...> Подали ли вы все заявления начальнику свердловских лагерей о возможности вступить в переписку с родителем? Вот адрес...

Пришел с работы сразу поспешил в магазин получить свой паек; но продавец не поверил, что я работал, и не дал. Тут пошли хождения по конторам — но никого не застал».

«На мой вопрос — не помогают ли союзники, ответил комендант, что они все время помогают. А если бы они не помогали — нас бы давно разгромили...»

«Слышно, что освободили всех инвалидов второй группы, но куда эти освобожденные делись, что с ними стало — этого не знает никто».

«Говорят, Америка требует, чтобы прибалтийские страны считались самостоятельными. Поляки уже свободные, скоро уезжают отсюда — очень веселые, довольные. Они 19 месяцев терпели, теперь освобождаются и едут на юг, чтобы сформировать свою армию. Ничего, и нам солнце засветит на нашей родине».

4. Из записной книжки Антса Тамлехта.

«Все новости с фронта мы получаем только от посторонних лиц. <...> Немецкие войска, хоть и не быстро, но решительно идут вперед. Радостной вестью является то, что на Дальний Восток отправляют войска. Там само собой созревает уже яблоко. <...>

Немцы хитрые, они воюют уже без мужчин. Война моторов. На самом деле туго стало с народом у русских. В нашем районе взяли 15—20 летних девушек и сразу послали на фронт... Что это — равноправие? Этот вопрос ставился веками и первыми разрешила Советская Россия. Но почему здесь теперь бегают маленькие дети одни и с малых лет должны зарабатывать кусок, терпеть нужду, нищету?

5. Из писем Кадарика Ильмара.

31.03.1942.

«Мобилизуют последних — как наш продавец, зав. столовой, пекарь — болваны, вот и фронтовики. Регулярная советская армия — только на бумаге; она уничтожена. Дорогой братец, сам подумай — разве легион болванов может победить мотомеханизированные части немцев? <...> Везде голод дает себе знать, даже на фронте. Организуется советско-эстонская дивизия из мобилизованных из Эстонии. Когда нечего будет больше делать — пошлют тогда их на фронт. Давно не получал я письма от двоюродного брата из Чебаркуля. Неужели их куда-нибудь буксировали? От ребят с Каринстроя ничего не имею. «...» Я тоже послал заказное письмо в НКВД — начальнику лагеря. Хотя бы узнать, где отец. После смерти матери я совсем один. Все продаю, что только можно. Сестра Айна в селе — 40—50 км в сторону. <...> Хочу обратно на родину и буду».

«Ролонд пишет, что в Эстонии не будет Гитлер или какой-то другой тиран, а будет своя эстонская власть. <...> Но надеюсь, что войну закончит третье государство, наверняка из союзников. <...> Хлеба получаем 600—800 граммов и два раза суп. С назначением новой зав. столовой и суп лучше. Она из Литвы, по национальности еврейка, раньше работник аптеки — вот тебе и точность».

«16 мая 1942 г.

Начальники говорят, что скоро конец войны — или победа, или просто мир. Ведь ясно, что скоро конец, какой бы он ни был.

Есть новость — сын г-жи Вяли написал матери письмо (она уже умерла), где написано, что второй эшелон из Сааремаа с женщинами остался там в Эстонии. Не успели вывезти...

Посылаю тебе сочинение Калева «Марсельезу», что мы пели на празднике в Юрьев день.

Если будет опять свободна
Моя маленькая Эстония,
Тогда мы отомстим всем тем,
Кто угнетает наш народ.
Ведь лучших сыновей народа
В Сибирь отправили они.
Остались дома и усадьбы
И слезы родных, которые не забывают их...

Вместе с тем друзья, родственники арестованных, мобилизованные в Советскую Армию, добросовестно и честно служили там. С ними также велась переписка. Процесс формирования взглядов эстонской молодежи в годы войны был в стадии развития. Многие установки у них сильно менялись. Они отчетливо видели нищету и разорение русской деревни, тяжкую жизнь местного населения. В мире оказались не только два цвета — черный и белый, а гораздо больше. Вернулись ли из лагерей осужденные эстонцы? Сказать сложно. Шансов на это у них было немного.

Заключить рассказ о синегорских организованных сааремцах хочется живыми объявлениями их собраний:

«Внимание! Объявление.

Стук в сердце...

Синегорская молодежь и старики!

Принимайте участие в изготовлении «папки воспоминаний» с национально-культурной ценностью — пишите все различные замечания, воспоминания, мнения о местной жизни, работе, природе и другое».

* * *

Внимание!

В субботу 28 февраля 1943 г. созывается общее собрание синегорских эстонцев. Повестка дня: 1) открытие 2) празднование 4-й годовщины буржуазной Эстонии. 3) Художественная часть.

Начало 21.00» (26)

Тяга к национальным объединениям— клубам, кружкам, встречам земляков — в среде прибалтов была неискоренима. В зависи-

мости от политической конъюнктуры органы МГБ использовали доносы о такого рода встречах, где естественно обсуждалась жизнь в стране и собственное положение высланных; как материал для возбуждения дел по 58-й статье. Таким образом они доказывали собственному начальству свою бдительность и работоспособность. Люди же, покидая спецпоселение, отправлялись в лагеря.

Документ 11

УТВЕРЖДАЮ
Начальник УМГБ по Кир. области
Полковник (Кожевников)
3 апреля 1948 г.

АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ
и.о. прокурора Кировской области
гос. советник юстиции III класса
(Арезов) «3» апреля 1948 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(на арест)
1948 года, апреля 3 дня, гор. Киров.

Начальник 1-го отделения 2-го отдела УМГБ по Кировской области — Старший Лейтенант ЖЕНИХОВ, рассмотрев поступившие в УМГБ Кировской области материалы о преступной деятельности:

ЛИНДЕ Армильды Югановны (Марии Ивановны), 1909 года рождения, урож. г. Нарва, Эстонской ССР, эстонки, б/п, гр-ки СССР, не судимой, в 1941 году выслана в административном порядке из ЭССР в Кировскую область,как жена бывшего работника политической полиции Эстонии, арестованного органами МГБ, со средним образованием,проживает в дер. Жарены, Слободского района, Кировской области, не работает, —

НАШЕЛ:

ЛИНДЕ, будучи враждебно настроенной по отношению к Советской власти, систематически занимается проведением среди населения антисоветской агитации.

Находясь в ссылке в Слободском районе, Кировской области, ЛИНДЕ установила тесную связь с ЛАУРИЦ Орм Карловичем, КАЗЕМЕТС Бруно Густавовичем, БРУСС Сальмой Германовной и др. враждебно настроенными к Советской власти проживающими там ссыльными эстонцами и совместно с ними, у себя на квартире, проводила антисоветские сборища.

На этих сборищах ЛИНДЕ принимала активное участие в проводившейся там антисоветской агитации, направленной на разжигание среди ссыльных эстонцев ненависти к Советской власти и коммунистической партии, возводила клевету по адресу руководителей ВКП(б) и Советского

правительства, неоднократно высказывала недовольство победой Советского Союза в войне с Германией, предсказывала неизбежность новой войны Советского Союза с Англией и Америкой и победы последних, призывала присутствовавших эстонцев к борьбе за отделение Эстонии от СССР, восхваляла при этом буржуазный строй Эстонии.

Наряду с этим ЛИНДЕ совместно с КАЗЕМЕТС и ЛАУРИЦ высказывала изменнические настроения и намерения к побегу с места ссылки.

Антисоветская деятельность ЛИНДЕ подтверждается показаниями КАЗЕМЕТС Б.Г., ЛАУРИЦ О.К. и другими материалами. —

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 146 и 158 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

ЛИНДЕ Армильду Югановну (Марию Ивановну), проживающую в дер. Жарены, Слободского района, Кировской области, подвергнуть АРЕСТУ и ОБЫСКУ. —

Начальник 1-го отделения 2-го отдела УМГБ
Старший лейтенант (ЖЕНИХОВ)

СОГЛАСЕН: Начальник 2-го отдела УМГБ по К/О
Подполковник (ГАВРИК)

(ГАКО. Ф. 2943. Оп 13. Д. 248. Л. 12—13)

Документ 12

УТВЕРЖДАЮ
Начальник УМГБ Кировской области
Подполковник (КОЖЕВНИКОВ)
3 ИЮЛЯ 1948 ГОДА

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 32
по обвинению:
1. КАЗЕМЕТС Бруно Густавовича,
2. БРУУС Сельмы Германовны,
3. ЯКОБСОН Койдулы Арминовны
по ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР;
4. ЛАУРИЦ Орм Карловича,
5. ЛИНДЕ Армильды Югановны
по ст. ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Обвиняемые по настоящему делу КАЗЕМЕТС, БРУУС, ЯКОБСОН, ЛАУРИЦ, ЛИНДЕ находятся в ссылке в Кировской области, объединились в группу, сообща проводили антисоветскую националистическую деятельность.

Проведенным по делу следствием УСТАНОВЛЕНО:

КАЗЕМЕТС еще в период войны, будучи связан с антисоветской националистической группой ссыльных эстонцев, действовавшей в Молотовском районе Кировской области, среди ссыльных восхвалял фашистскую немецкую армию, распространял антисоветские пораженческие настроения. Убеждал ссыльных, что победа немцев принесет Эстонии национальную независимость, и вместе с этим высказывал клевету на руководителей ВКП (б) и Советского правительства.

(л.д. 14об-15, 16об-17, 25—26, 29).

БРУСС, проживая в ссылке во время войны в Слободском районе, также проводила антисоветскую пораженческую агитацию. Внушала ссыльным, что они всемерно должны защищать и поддерживать политику гитлеровской Германии, которая возродит старую буржуазную Эстонию.

(л.д. 71, 167об-168).

ЯКОБСОН еще в 1941—1945 годах в ссылке в Оричевском, а затем в Слободском районах Кировской области, хранила и распространяла антисоветские песни, содержащие гнусную клевету и вымысел на советский народ, армию, технику.

(л.д. 95, 97, 99—101).

Особенно свою преступную деятельность КАЗЕМЕТС, БРУУС, ЯКОБСОН, ЛАЙРИЦ, ЛИНДЕ активизировали в последние годы, когда стали находиться вместе в Слободском районе. Все они на почве общности антисоветских, националистических взглядов установили между собою связь в 1946 году, объединились и совместно проводили антисоветскую деятельность.

Участники указанной группы проводили активную антисоветскую деятельность в направлении:

1. поддержания среди ссыльных эстонцев националистической буржуазной идеологии;

2. пропагандирования настроений за восстановление буржуазного строя в Эстонии и отторжение ее о помощью Америки от Советского Союза;

3. сохранения своих кадров, способных к проведению враждебной антисоветской деятельности;

4. совершения некоторыми участниками группы нелегального побега в Швецию.

В осуществление этих целей обвиняемые по настоящему делу участники группы проводили антисоветские сборища.

(л.д. 16—22, 25—27, 49, 60—69, 121—124, 125—126, 146—151).

На вечерах, устраиваемых под видом национальных эстонских праздников в своих квартирах, и среди ссыльных проводили антисоветскую националистическую агитацию, направленную на разжигание ненависти к Советской власти, возводили гнусную клевету на советский строй...

(ГАКО. Ф. 2643. Оп. 13. Д. 248. Л. 34—35)

* * *

Трагедия каждого репрессированного народа индивидуальна. Немало в судьбах этих народов и общих черт, ведь гигантская машина сталинского террора была сознательно обесчеловечена. И отдельные люди (лагерная пыль), и целые народы, и существенные части отдельных этносов в воспаленном мозгу архитекторов «нового мира» были лишь мелкими элементами гигантского сооружения под названием «социализм». Колесики и винтики...

В коммунизме — самой великой утопии XX века — человек предельно обезличивался и расчеловечивался, лишался внутреннего самоценного содержания. Кубики для новой великой пирамиды должны быть максимально ровно обтесаны, чтобы спаялись в единое целое без цемента и извести.

И обтесывали, не щадя живота своего.

Гибель гуманизма XVIII—XIX веков сила не только в лагерях, спецпоселениях, полях гигантских боев, где гибли миллионы, — она шла в умах и душах населения России и других стран мира в XX веке.

Уникальный опыт расчеловечивания больших компактных групп населения в Советском Союзе, Германии, других странах — ярко показал: тоталитарной власти по силам уничтожения в зародыше любой оппозиции и критичности в обществе. К счастью для нас, это нельзя сделать навсегда. Через какое время — (два-три «непоротых поколения») выжженная земля покрывается снова зеленой травой свободы человеческого духа.

И все же изучение: трагедии народов Советского Союза не с внешней, а с внутренней стороны духовной жизни этих этносов дело на сегодня насущно необходимое.

В масштабе этой книги даже кратко сказать о судьбе каждого репрессированного народа или значительной социальной группы невозможно.

Обратимся к жанру мозаики — затронем кратко какие-то стороны судеб разных народов. Мы увидим здесь и общие закономерности, и отличительные особенности.

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?»

А. Ахматова

РАЗДЕЛ V

НАРОДЫ В ИЗГНАНИИ

VII

7.

Главное Управление Контрразведки „СМЕРШ"

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1945 года 773 СП 213 СД лагерь

1. Фамилия Алиев имя Бахир отчество Надеждин

2. Год и место рождения 1921 г. с. Келовер Ярдинского р-на АВ ССР

3. Национальность Азербайджанец 4. Партийность Бесп. Вскоп.

партстаж ..., № партбилета ..., когда и кем выдан партбилет и т. д.

находится в части

5. Профессия и специальность Учитель

6. Последнее местожительство, работы и занимаемая должность до призыва в Армию

[illegible]

7. Состав семьи Нет

[illegible]

8. Образование (общее, специальное) Среднее

9. Социальное происхождение из крестьян Середняков

[illegible]

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

[illegible]

11. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что)

Нет

12. Служил ли в белых и других н-р армиях (когда и в качестве кого)

Нет

13. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при Советской власти

Нет

14. Когда и каким военным комиссариатом призван в армию 1942 г.

15. Последняя должность и звание в Красной Армии (полное наименование войсковой части)

[illegible]

16. Находился ли в окружении или [illegible] (если в окружении, то название местности и в какой период) [illegible]

17. В каких лагерях военнопленных содержался, сколько времени [illegible]

Вернуть

НКВД СССР

ОТДЕЛ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

19 Января 1945 г.

№ 52/442

РАЗОСЛАТЬ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Товарищу ЧЕРНЫШОВУ В.В.

УНКВД по Свердловской области арестованы спецпереселенцы крымские армяне: ОВАГИМЬЯН К.О., ОВСЕПЬЯН П.Х., БАКАЛЬЯН А.Л. и ОВАГИМЬЯН О.Б. активные участники контрреволюционной дашнакской группы, действовавшей в дер.Айкашен, Ларендорфского района, Крымской АССР, входившей в состав существовавшей в Крыму к-р националистической, дашнакской организации, созданной руководителями закордонных дашнакских центров - ТОРЛОКЬЯНОМ Мисаком, АРУТЮНЯНОМ и генералом ДРО.

В задачу этой к-р организации входило:

1. Оказание активной помощи немецким оккупантам в их борьбе против Советской власти и Красной Армии;

2. Организация дашнакских групп и отрядов из старых дашнакских кадров, осевших в Крыму, из лиц враждебно настроенных к Советской власти, а также за счет вербовки советских военнопленных, для непосредственного участия в военных действиях, совместно с немецкими войсками, против Красной Армии.

3. Отторжение от СССР Советской Армении.

Большинство участников к-р организации, будучи немецкими старостами, полицейскими и агентами Гестапо принимали непосредственное участие в избиениях и истреблении советских граждан. По их доносам Гестапо расстреляло большое количество коммунистов и советских активистов. Много советских граждан при помощи дашнаков были немцами насильственно угнаны на работы в Германию, заключены в концлагеря, где впоследствии были замучены.

Участники к-р дашнакской организации систематически проводили антисоветскую пропаганду, восхваляли фашистскую Германию.

В 1942 году для проведения шпионско-диверсионной работы в тылу Красной Армии, в районе Сочи, Сухуми и Батуми на самолета были заброшены с парашютиста - активных дашнака /фамилии их не установлены/.

На допросах обвиняемые дополнительно назвали 15 человек, как активных участников к-р националистической дашнакской организации, местонахождение которых устанавливается.

Копия

Совершенно секретно

194

64

31 июля 1946 года
№ 3460/к.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу БЕРИЯ Л.П.
Товарищу ЖДАНОВУ А.А.

В Красноярском и Алтайском краях, Новосибирской, Тюменской, Омской и Томской областях расселено 28.612 семей или 79.487 человек калмыков, в том числе 743 члена и кандидата ВКП(б) и 777 членов ВЛКСМ.

Основная масса калмыцкого населения хозяйственно устроена, работает в соответствии со своей квалификацией и живет в условиях, примерно, одинаковых с местным населением. Имевшая место в начале расселения высокая смертность среди калмыков в настоящее время значительно сократилась и почти приблизилась к проценту смертности среди местного населения. Однако, среди калмыков еще распространен туберкулез.

Рождаемость среди калмыков находится на низком уровне. Так, в Новосибирской области, где расселено 17.135 чел. калмыков, в первом полугодии 1946 года родилось 75 человек или втрое меньше, чем умерло, в то время как среди местного населения рождаемость почти втрое превышает смертность.

Среди калмыков имеется тенденция к прочному хозяйственному устройству на местах поселения. Из 10.490 семей калмыков, расселенных в сельской местности, 10.460 семей вступили в члены существующих там сельскохозяйственных артелей.

23.360 калмыцких семей имеют скот. 16.000 калмыков

МГБ СССР

СОВ. СЕКРЕТНО

ОТДЕЛ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ..ВЧ" СВЯЗИ

г. МОСКВА

ПЕР 25/4-50+

ТЕЛЕГРАММА

ИЗ КИЕВА НР 4672 153 МОСКВА №3

ПРИНЯТА Дата 25 3 час. мин. Помещ 21

СССР ТОВ. ФЕОКТИСТОВУ=

..ВО ОТПРАВКИ ОСОБОРЕЖИМНИКОВ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УССР 1.182 СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ-ОУНОВЦЕВ,, НА ВСТРЕЧУ ПОСТУПИЛИ ЗАПИСКИ ИЗ РЕШЕНИЙ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ МГБ СССР, ПРОШУ ДАТЬ РАСПОРЯЖЕНИЕ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ НА 3-4 МАЯ С.Г. ЭШЕЛОНА 3 ОБОТАВЕ ВАГОНОВ, С ПОДАЧЕЙ ПО ВЕТКАМ НА СТАНЦИИ СТ КОЛОМЫЯ НА 5 МАЯ ДЛЯ ПОГРУЗКИ 300 ЧЕЛОВЕК-14 ВАГОНОВ, СТ. РОЖНЯТОВ- НА 5 МАЯ ДЛЯ ПОГРУЗКИ 292 ЧЕЛОВЕК -13 ВАГОНОВ, С ПОДАЧЕЙ НА ВЕТКУ ДОК-9 СТ. БОРИСЛАВ- НА 5 МАЯ ДЛЯ ПОГРУЗКИ 285 ЧЕЛОВЕК -13 ВАГОНОВ СТ. КОВЕЛЬ - НА 6 МАЯ ДЛЯ ПОГРУЗКИ 210 ЧЕЛОВЕК -11 ВАГОНОВ ИЗ НИХ: ПОД КОНТИНГЕНТ-9, САНИЗОЛЯТОР И ВАГОН ДЛЯ КОНВОЯ. СТ. КЛЕВАНЬ-НА 6 МАЯ ДЛЯ ПОГРУЗКИ 70 ЧЕЛОВЕК-4 ВАГОНА. СТ. ЛЬВОВ- НА 6 МАЯ ДЛЯ ПОГРУЗКИ 25 ЧЕЛОВЕК -5 ВАГОНОВ ИЗ НИХ: 1 ВАГОН ПОД КОНТИНГЕНТ И 4 ВАГОНА- МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА КОНВОЯ. ПУНКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭШЕЛОНА СТ. ЗДОЛБУНОВО, КОВЕЛЬСКОЙ Ж.Д.

НР 8/1364 БУЛЫГА=

Справка

для дела - Верхандзрлаго

Ул. Читинской обл. 1222ч

снята с эшелона 153а 27/IV 50

Составляется в 4-х экз.
1-2 экз.-во 2-й Отд. Вятлага,
3-й экз.-2-й части лагпункта
4-й экз.-Само Вятлага

Акт о смерти

Мы нижеподписавшиеся Начальник лагпункта Вахрамеев

Начальник 2-й части Мазеин Начальник лазарета з/к Зайцев Врач лазарета з/к Алеин

Дежурная сестра з/к Гардт составили настоящий акт в том что „9" числа декабря м-ца 1945 г. в лагере ОЛП 4 Вятлага умер з/к Петрович Ярослава Иванова рождения 1923 осужден 12/IX 1945 г. кем Штрибунал з/НКВД статья „58-1а" срок „10" лет

Начало срока „5/VIII" 1945 г. конец срока „5/VIII 55 г.

Акт погребения

Мы нижеподписавшиеся представитель КБЧ з/к Боев фельдшер з/к Абрамов стрелок рабочие з/к Вареница з/к Вахила

составили настоящий акт в том, что сего 11 декабря 1946 г. в на кладбище УСЛП № могилы 4 был предан земле труп з/к. Петрович Ярослава Ивановича 1923 г. рожд. лет осужденного Штрибунал з/НКВД 12/IX-45 кем, когда, статья и срок по ст. 58-1а на 10 лет умершего на производстве ~~в больнице~~ л. п. № , в каком гробу, одежде и проч. (без) в гробу в белье

194 6 года декабря 11 дня.

Подпись: Представитель КБЧ з/к Фельдшер з/к Рабочие

406—10.000

§ 1. Война и особенности спецпереселений

Интернирование целых народов в годы войны существенно подняло статус отдела спецпоселений. Он был выведен из ГУЛАГа и стал самостоятельным (то есть равным ГУЛАГу) в структуре НКВД с 17 марта 1944 г. На него, как и прежде, возлагались три главных задачи:

1. Прием, расселение и учет спецпереселенцев.

2. Трудовое и хозяйственное устройство спецпереселенцев в местах их расселения.

3. Оперативно-чекистская работа среди спецпереселенцев и надзор на ними.

По отчету отдела спецпоселений от 5 сентября 1944 г. за время войны выселены целиком следующие народы: немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары — общим числом 1 514 тыс. чел. К 1 октября 1945 г. на спецпоселениях в СССР состоит 2 230 500 чел.

В 1944—1945 годах спецпереселенцы расселены в 6 союзных, 8 автономных республиках и 27 областях СССР. Больше всего их к 1946 году в Казахстане (более трети общего числа по стране), Узбекистане (более 81 тыс. чел.), Красноярском крае (более 125 тыс. чел.), Киргизии (более 112 тыс. чел.), Кемеровской обл. (более 97 тыс. чел.), Томской обл. (более 92 тыс. чел.), Свердловской обл. (более 89 тыс. чел.), Алтайском крае (более 85 тыс. чел.), Молотовской обл. (более 84 тыс. чел.). Таковы данные на 1 января 1946 года (1). Казахстан, Западная Сибирь и Урал — главные регионы приема депортированных.

На 1 октября 1945 года чуть меньше половины спецпереселенцев трудоустроены 1 015 800 чел. из 2 230 500 чел. Это связано с тем, что в ссылку в годы войны пошли значительные массы стариков,

женщин, детей. Мужское трудоспособное население находится отдельно от семей.

Немногим более половины трудоспособных работают в сельском хозяйстве (594 500 чел.). Несколько менее половины трудоспособных заняты в промышленности (421 300 чел.). Вспомним, что с Северного Кавказа, Крыма, Калмыкии депортировались в основном аграрные народы.

В трудовой армии работает к 1 октября 1945 г. 113 900 немцев (мужчин и женщин). Сколько их погибло за войну, сказать сложно, но потери были очень велики. Из числа спецпоселенцев — бывших кулаков в трудовой армии также работает 31 600 чел. Мобилизованных мужчин призывного возрастов. А кроме того, 60 700 бывших кулаков было мобилизовано в Красную Армию.

Более или менее устроены в бытовом отношении из всех спецпоселенцев только самые старые — бывшие кулаки.

Из 235 778 семей спецпереселенцев с Северного Кавказа, Крыма, Грузии, Калмыкии хоть как-то обеспечены жильем (83 062 семьи). Но из этого количества построено новых домов лишь для 18 340 семей. Еще 51 093 семьям переданы дома в Собственность из числа пустующих. Вряд ли они удобны, прочны и теплы. А основная масса — 113 629 семей живут в домах предприятий и учреждений по месту работы (в основном это бараки).

А 52 716 семей поселены в домах местного населения в порядке уплотнения, что вызывает массу проблем и неудобств для всех.

Единственное, что давали спецпереселенцам в достаточном количестве и на всех, — это земельные участки и огороды. Чтобы не умереть с голода в годы войны, они пытались выращивать там зерно и овощи. 1945 год был годом урожайным.

Вырванным из привычной жизненной и климатической, языковой среды спецпереселенцам с огромным трудом удавалось хоть как-то приспособиться к новым условиям и не умереть с голода.

К счастью, отношение местного населения к ним (в том числе и хозяев домов, где они жили на подселении) было, по воспоминаниям бывших поселенцев, в основном вполне доброжелательным.

По отчету отдела спецпоселений (а цифры там несколько лукавы) в порядке возмещения за сданные на родине скот, зерно, имущество на новом месте 153 909 семей (две трети семей) получили 89 378 телок, 265 290 овец и коз.

Сдавали корову, а получали в лучшем случае телку. Сдавали верблюда, а получали (и то не всегда) — козу.

Брошенные без имущества в разгар разорительной войне в среду бедного населения, спецпереселенцы, чтобы не умереть, должны были получить хоть какую-то одежду, обувь, продовольствие. Безвозвратные денежные пособия в 1944—1945 годах в сумме 15 389 тыс. руб. отпущены им через НКВД в счет стоимости принятых от них на родине пасек, садов и скота.

Экономическая разорительность спецпереселения для самих депортированных народов несомненна, но спецпереселение — это и гигантские прямые и косвенные убытки и колоссальные экономические потери для страны в будущем. Земли и сады приходили в запустение. Виноградари не умели сеять рожь, а скотоводы рубить лес.

В порядке возмещения за сданное на старом месте зерно переселенным народам в 1944—1945 годах бесплатно было выдано 23 674 тонны зерна, 17 029 тонн муки, 5901 тонна крупы и 5017 тонн картофеля. Это — мизерные цифры для нескольких сот тысяч людей. Их хватало лишь на ничтожный паек (нередко 200 г хлеба в сутки).

За наличный расчет спецпереселенцам было продано 8765 тонн муки, 2631 тонна крупы и 1200 тонн зерна. Все имевшиеся у выселенных небольшие сбережения были таким образом изъяты.

Около 3 тысяч беспризорных детей в числе переселенцев отправлены в детдомы. Это — небольшое количество при таких массовых потоках. Можно предположить, что близкие и дальние родственники, как правило, брали себе в семьи осиротевших детей. Переселялись, как правило, селами и аулами. Лишь 467 бездомных стариков и инвалидов отправлены в инвалидные дома и к свободным родственникам.

При переселении многие семьи разрывались. За 1944—1945 годы на учете в ОСП состояло 31 209 разрозненных семей. По отчету НКВД большинству из них (27 810 семей) удалось воссоединиться.

До 1944 года, по мнению руководства НКВД, «поселковые и районные спецкомендатуры НКВД приобретением квалифицированной агентуры и разработкой контрреволюционного элемента не занимались, а выполняли в основном функции административного надзора за спецпереселенцами» (2). Оперативная работа тогда велась в основном вновь созданными органами НКГБ.

Осведомительная сеть, по данным самокритичных отчетов, была слабо квалифицированной и использовалась «главным образом по предупреждению побегов спецпереселенцев с мест их поселения».

Целиком вся оперативная работа перешла в ведение отделов спецпоселений с августа 1944 года (по директиве НКВД-НКГБ от 2 августа 1944 г.). Началось быстрое повсеместное насаждение агентуры органов. И на 1 октября 1945 г. в ней насчитывалось осведомителей 43 280 чел., агентов 2345 чел., резидентов — 819 чел.

Насаждаемая спецкомендатурами планово закрывающая все пункты расселения спецпоселенцев сеть осведомителей, в значительной своей части, оставалась формальной структурой, реально не работавшей среди компактно проживающих устойчивых национальных сообществ: калмыков, татар, чеченцев...

В агентурную разработку за 1944—1945 гг. было взято 25 738 чел. За последний военный год (сентябрь 1944 — 1 октября 1945 г.) было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 13 061 спецпоселенец; за побеги — 3394 чел. (больше всех бежало чеченцев и ингушей); за антисоветскую агитацию — 1575 чел., за измену и предательство — 818 чел.; за бандитизм — 566 чел. и так далее.

Противопобеговая работа является в это время важнейшей в деятельности спецкомендатур. Из числа бежавших в 1943—1945 гг. 12 865 чел. задержано 8250 чел. Лиц, склонных к побегу, активно выявляют осведомители. Комендантами созданы группы содействия из местного населения общим числом в 18 тыс. чел. С целью поддержания порядка в местах расселения спецпереселенцев среди них введена круговая порука путем организации десятидворок.

В сущности, многие карательные акции сталинского руководства де-факто ввели режим круговой поруки для небольших по численности народов СССР, а также для всех семей страны. Ведь быть членом семьи репрессированного означало социальный крах для жены, детей, а также карьерный крах для многих родственников второго круга. Возвращение в уголовно-процессуальном кодексе страны социализма к обычаям и традициям родоплеменной кровной мести во многом инициировалось лично И.В. Сталиным, чей кавказский менталитет активно формировал репрессивную систему СССР.

Л.П. Берия тщательно заботился о том, чтобы участвовавшие в операциях выселения войска НКВД (прежде всего руководство), получали боевые награды. Так, 2 декабря 1944 г. он написал такое представление И.В. Сталину по завершении акции выселения месхетинских турок:

«Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И.В.

В связи с успешным выполнением операции по выселению из пограничных районов Грузинской ССР в районы Узбекской, Казахской и Киргизской ССР 91 095 человек турок, курдов и хемшилов НКВД СССР просит наградить орденами и медалями Союза ССР наиболее отличившихся при проведении операции работников НКВД-НКГБ и военнослужащих войск НКВД.

Представляю при этом проект Указа Президиума Верховного Совета СССР. Прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия».

Уже 3 декабря 1944 г. М.И. Калинин подписал указ «О награждении работников НКВД и НКГБ». Награды посылались дождем. Только орден Отечественной войны I степени получило 25 руководящих работников органов: Кобулов, Рапава, Добрынин, Мильштейн, Г.А. Петров, Пияшев ...

Награждение сотен участников операции выселения боевыми орденами и медалями стало традиционным и практиковалось даже в послевоенные годы.

Расселение этносов велось довольно компактно. Чеченцы и ингуши практически все вывезены в Казахстан (более 380 тыс. чел.) и Киргизию (более 83 тыс. чел.); карачаевцы только в Казахстан (более 41 тыс. чел.) и Киргизию (более 22 тыс. чел.); балкарцы — также в Казахстан (более 19 тыс. чел.) и Киргизию (более 16 тыс. чел.); крымские татары и другие народы Крыма в основном в Узбекистан (147 170 чел. из 216 943 чел.) и значительно меньше на Урал (Свердловская и Молотовская области — соответственно более 14 и более 20 тысяч чел.), а также другие области Поволжья; калмыки почти целиком попали в Западную Сибирь (Красноярский и Алтайский край, а также Новосибирская, Тюменская и Омская области).

В промышленности работников разместили на своих предприятиях. Наркомуголь (104 954 рабочих),

Наркомнефть (30 520 работающих),

Наркомцветмет (41 478 работников), а также в меньшей мере Наркомчермет, Наркомстрой, Наркомбумпром и ряд других организаций (данные на 1 октября 1944 г.). Естественно, что общее число спецпереселенцев попавших в систему этих наркоматов, было значительно выше, так как включало в себя и неработавших женщин, стариков, детей.

В документах Приложения описываются трудности жизни спецпоселенцев в годы войны: голод, холод, болезни. Стоит отметить, что практичный подход к спецпоселенцам со стороны отдела спецпоселений как полезной рабочей силе требовал иногда от них, хотя бы на бумаге, проявлять заботу об увеличении мизерного хлебного пайка, одежды и жилья для людей.

Особенность военных лет еще и в том, что вражеских пленников, диверсантов и немецких пособников искали среди спецпереселенцев с помощью сети осведомителей тщательно и повсеместно. Вероятно, были среди арестованных и реально виновные лица. Но чаще всего людей хватали за болтовню, враждебные к Советской власти слова, сплетни, слухи и фантазии. Любопытен документ ОСП НКВД от 29 мая 1945 г. об аресте немецких агентов из среды чеченского населения, связанных с немецкими парашютистами 1942 г. Аресты произвело в 1945 г. НКВД Казахстана. Очень сложно сейчас, не имея следственных дел, говорить о вине или невиновности конкретных людей. Одно можно сказать абсолютно твердо — народы виновными быть не могут.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1

«Совершенно секретно
НКВД СССР
9 мая 1945 г.
№ 52/3607
Разослать:
Товарищу ЧЕРНЫШОВУ В.В.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

В результате активизации розыска немецких парашютистов, заброшенных немцами в 1942 году на территорию быв. ЧИАССР, НКВД Казахской ССР арестовано 5 человек парашютистов и 7 человек их пособников.

Следствием установлено, что в период приближения немецких войск к территории быв. ЧИАССР немецкой разведкой в тыл Красной Армии из Крыма было заброшено с разведывательно-диверсионными целями 4 группы немецких парашютистов, во главе с агентом немецкой разведки полковником ГУБЕ Осман.

При поддержке наиболее реакционно настроенных чеченцев и ингушей участники группы ГУБЕ Осман создали из числа местного населения несколько бандповстанческих отрядов, которые активно действовали в борьбе против частей Красной Армии и партизанских отрядов.

Кроме того группа ГУБЕ Осман на территории быв. ЧИАССР создала большую сеть немецкой агентуры, через которую подготавливала население на вооруженное восстание против советской власти.

Следствие по делу и розыск остальных парашютистов продолжается.

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ НКВД СССР
Полковник Государственной Безопасности

(МАЛЬЦЕВ)»

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1 Д. 157. Л. 185)

Документ 2

Секретно.
Зам. народного комиссара внутренних дел СССР
Комиссару Государственной Безопасности 2-го ранга
Товарищу ЧЕРНЫШОВУ В.В.

Личной проверкой материально-бытового положения спецпереселенцев с Северного Кавказа, используемых на лесозаготовках в Буйском и Галичском леспромхозах Наркомлеспрома СССР в Костомской области, мной установлено:

На Романцевском лесоучастке Буйского леспромхоза и Костромском лесоучастке Галичского Леспромхоза используются на работах по выработке леса 1183 человека спецпереселенцев — чеченцев, ингушей и карачаевцев. Значительное большинство из них демобилизованные из рядов Красной Армии (955 человек).

Вследствие недостатка жилых помещений спецпереселенцы размещены в бараках на 2 и 3 ярусных нарах. На Костомском лесоучастке в бараке, рассчитанном на 150—200 человек, размещено 380. Из-за скученности в бараках грязь и антисанитария, жилые помещения сплошь заражены клопами.

Постельных принадлежностей (матрацев, подушек, одеял) спецпереселенцы не имеют, вследствии чего большинство из них вынуждены спать на голых нарах. Отсутствие одеял приводит к тому, что спецпереселенцы используют для этой цели свою верхнюю одежду, что приводит к антисанитарии и способствует вшивости.

Несмотря на наступившие похолодания, спецпереселенцы не имеют теплой одежды и обуви, а также не обеспечены нательным бельем. Демобилизованные из армии спецконтингенты к месту работ прибыли в летнем армейском обмундировании. Работая в лесу без спецодежды, свою одежду и обувь износили. На некоторых стахановцах одежда настолько истлела, что не поддается никакому ремонту.

Питание спецпереселенцев организовано совершенно неудовлетворительно. Спецпереселенцы должны были довольствоваться по нормам кадровых рабочих, однако с момента расселения эти нормы не выдерживались, занижались, пища была не питательной. Для характеристики до-

статочно сказать, что в июле месяце с.г. был период, когда кормили исключительно похлебкой из крапивы с небольшой примесью овсяной муки. Стоимость такой похлебки составляет 6 копеек.

Только за первую половину сентября месяца на Романцевском лесоучастке работающим спецпереселенцам недодано против нормы 674 кгр. мяса, 160 кгр. крупы и 6 кгр. жиров.

На Костомском лесоучастке зарплата спецпереселенцам не выплачивается с июня месяца, за исключением выдачи небольшой суммы авансом.

На Романцевском лесоучастке спецпереселенцы питание получают только два раза в сутки в 6 часов утра и в 6 часов вечера и фактически работают без обеда, чай в рационе совершенно отсутствует, столовой посуды нет и спецпереселенцы получают пищу в свои армейские котелки и в банки из-под консервов.

Из Романцевского лесоучастка, вследствие неудовлетворительных материально-бытовых условий и плохого питания, июле, августе и сентябре бежало 90 человек спецпереселенцев, которые в большинстве устроились на работы в ближайших колхозах и совхозах. В данное время 62 человека возвращены обратно на лесоучасток, розыск остальных продолжается.

Спецпереселенцы, чтобы улучшить свое питание, вынуждены воровать у местного населения скот, птицу и овощи.

Считая такое положение нетерпимым, полагал бы всех спецпереселенцев, размещенных в Буйском и Галичском леспромхозах, с работы снять и направить их к семьям в Казахскую и Киргизскую ССР.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ НКВД СССР
Полковник Государственной Безопасности (МАЛЬЦЕВ)
13 октября 1944 года.

Документ 3

Заместителю председателя Совета Народных
Комиссаров Союза ССР
Товарищу Молотову В.И.
Секретарю ЦК ВКП(б)
Товарищу Маленкову Г.М.

По вопросу оказания продовольственной помощи спецпереселенцам с Северного Кавказа и Грузинской ССР.

Размещение и хозяйственное устройство спецпереселенцев, прибывших в марте и апреле м-цах 1944 г. с Северного Кавказа, .в соответствии с постановлением ГОКО от 13 июля 1943 г. закончилось в первой половине июня месяца 1944 г., т.е. после проведения весенне-полевых работ, вследствие чего для значительной их части, но только исключалась возможность использования земли, которую им могли выделить колхозы под огороды, но работоспособные члены семейств не имели возможности заработать достаточное количество трудодней и обеспечить себя продуктами питания до урожая 1945 года.

Многие спецпереселенцы, несмотря на принимаемые нами меры, не участвовали в колхозном производстве и поэтому, даже в колхозах, имеющих высокий урожай, не заработали хлеба и других продуктов.

По указанным причинам, единственным источником обеспечения спецпереселенцев хлебом за минувший период был выделенный Союзным Правительством, в порядке обменных операций, фонд муки, крупы и продзерна в количестве 17 688 тонн, полностью уже израсходованный в период апрель — август месяцы 1944 г., причем средняя норма потребления на одного человека в месяц составила 4,7 кгр., т.е. примерно на уровне нормы снабжения хлебом иждивенцев.

Для индивидуальных посевов спецпереселенцев Правительство Союза отпустило 900 тонн семенной ссуды, из которой по указанным выше причинам было использовано только 437 тонн.

Между тем отсутствие возможностей дальнейшей продовольственной поддержки спецпереселенцев, особенно многодетных и семей, не имеющих трудоспособных членов, значительно ухудшило их положение.

Совнарком и ЦК КП(б)К располагают данными о плохом продовольственном положении свыше 130 тысяч спецпереселенцев, физическом их истощении, развивающейся дистрофии и наличии среди этой части спецпереселенцев инфекционных заболеваний.

Кроме спецпереселенцев с Северного Кавказа, согласно постановлению ГОКО от 31 июля 1944 года № 6279 сс, в Казахстан прибыло в конце истекшего года 28 669 спецпереселенцев из Грузинской ССР.

Положение этих спецпереселенцев также крайне тяжелое, так как большинство прибывших не привезли с собой хлеба, взрослые, и особенно дети, почти не имеют верхней одежды и обуви.

Постановление СНК СССР от 9. XII. 1944 г. № 1452—491 с. о выделении для нуждающихся спецпереселенцев с Северного Кавказа фонда муки в размере 2430 тонн и крупы 607,5 тонны и 15 тонн муки, выделенной в декабре м-це 44-го года для спецпереселенцев из Грузии, не разрешает задачи питания остронуждающихся семей спецпереселенцев.

При распределении выделенных фондов продпомощи остронуждающимся спецпереселенцам с Северного Кавказа на одного человека пришлось только 100 грамм муки и 25 грамм крупы в день, что при отсутствии у них каких-либо дополнительных продуктов питания явно недостаточно для существования и поддержания истощенных людей.

Еще хуже обстоит дело с продовольствием у спецпереселенцев из Грузии. Выделенный фонд в размере 15 тонн муки при распределении даже среди 50% от прибывшего контингента (а по имеющимся в нашем распоряжении данным, остро нуждается в продпомощи свыше 75 % всех спецпереселенцев из Грузии), дал возможность выдать на одного человека в среднем только по одному килограмму муки в месяц.

Учитывая изложенное, Совнарком и ЦК КП(б) Казахстана просят Вас:

1. в порядке оказания остронуждающимся спецпереселенцам продовольственной помощи выделить дополнительно на период январь —июнь месяца 1945 г.

а) спецпереселенцам с Северного Кавказа — муки 2274 тонны и крупы 803 тонны, что вместе с выделенными по постановлению СНК Союза ССР от 9 декабря 1944 года №1652—491 с мукой и крупой составит 6 кгр крупы в месяц на одного человека;

б) спецпереселенцам из Грузинской ССР на тот же период и из того же расчета, при условии оказания продпомощи 75 % от общего количества прибывших, муки 775 тонн и крупы 235 тонн, а всего муки 3049 тонн и крупы 1038 тонн.

2. Для обеспечения индивидуальных посевов спецпереселенцев семенами в 1945 году выделить 600 тонн возвратной семенной ссуды, из расчета 5,5 кгр. на одну семью.

3. Ввиду неполучения урожая в 1944 году списать со спецпереселенцев задолженность по семссуде в количестве 437 тонн.

Председатель Совнаркома Казахской ССР Н. Ундасынов	Секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н. Скворцов

Документ 4

Секретно

Совет Народных Комиссаров Союза ССР
товарищу МОЛОТОВУ В.М.

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1705 от 24 декабря 1944 года, в районы Вахшской долины Таджикской ССР имеют быть переселенными в текущем году 5000 хозяйств спецпереселенцев.

Более 1200 хозяйств уже прибыли в республику и расселились по колхозам.

Всех прибывающих спецпереселенцев расселяет в хлопковые колхозы Вахшской долины, которые имеют незначительные посевы зерновых культур, урожай которых едва покрывает потребность колхозов для расчетов с государством по обязательным поставкам и засыпки семенных, страховых фондов, а для распределения хлеба по трудодням остается в таком незначительном количестве, что вместе с получаемым хлебом в порядке отоваривания хлопка едва хватает лишь для обеспечения колхозников их прожиточного минимума.

То небольшое количество хлеба, которое было получено от урожая прошлого года, и оставшееся к распределению уже выдано и прожито колхозниками, получаемый же авансом хлеб под отоваривание хлопчатника по мере его поступления также распределяется на практически выработанные трудодни колхозниками.

Прибывшие в республику спецпереселенцы в конце посевной хотя и получили приусадебные участки, но не успели еще их освоить, вместе с тем они еще не успели выработать достаточного количества трудодней для

того, чтобы получить хлеб в количестве, обеспечивающем хотя бы минимальную потребность.

Та небольшая часть спецпереселенцев, которая успела посеять на приусадебных участках, сможет пользоваться своей продукцией только после съема урожая в сентябре — октябре месяце.

Таким образом, у прибывших переселенцев основным источником питания является мука, выдаваемая согласно установленной норме по 100 граммов в день на человека.

Те партии спецпереселенцев, которые прибудут в республику в ближайшее время, окажутся в еще более тяжелом положении, так как у них будет еще меньше выработанных трудодней.

Необходимо отметить, что, по отзывам руководителей районов и колхозов, подавляющее большинство спецпереселенцев работает в колхозах пока не плохо и выполняет установленные нормы выработки.

Однако то положение, которое создалось с обеспечением хлеба спецпереселенцев, может привести, да и начинает приводить к снижению производительности труда, так как отпускаемые им по установленной норме 100 граммов муки совершенно недостаточны для того, чтобы держать их в рабочем состоянии.

Колхозы же смогут выдавать некоторую часть хлеба им на выработанные трудодни из нового урожая только лишь после выполнения государственных обязательств, засыпки семстрахфондов, что будет не ранее сентября месяца.

Мы полагаем, что следовало бы увеличить спецпереселенцам норму снабжения хлебом до 200 граммов муки в день, и это позволит нам использовать их на сельскохозяйственных работах более производительно, так как на том голодном пайке, на котором они сейчас существуют, требования от них высокой производительной работы не будут иметь успеха вследствие их истощения.

Докладывая Вам о вышеизложенном, просим Вашего разрешения об увеличении нормы выдачи муки спецпереселенцам до 200 граммов в день на человека, со сроком выдачи до 1 сентября 1945 года. Также разрешить выдачу спецпереселенцам долгосрочной ссуды на ремонт и постройку жилфонда и обзаведение продуктивным скотом в личное пользование в размере хотя бы 500 рублей на одно хозяйство.

Председатель Совета Народных
Комиссаров Таджикской ССР КУРБАНОВ

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп 1. Д. 153. Л. 102—103)

§ 2. Поляки

При чистке приграничных территорий в 1936 году с Украины выселялись поляки как «политически неблагонадежный элемент». По постановлению СНК СССР № 776 — 120сс от 21 апреля 1936 г. они высылались в Казахстан и по распоряжению ГУЛАГа от 30 октября 1940 г. в своих правах приравнены к спецпоселенцам бывшим кулакам.

Таким образом, выселение шло чисто по национальному признаку. Не те — кто надо, живут не там — где надо. В связи с долговременно враждебными отношениями с Польшей руководство СССР нанесло по ней превентивный удар, интернируя собственных граждан.

На 1 октября 1947 года в Казахстане состояло на учете спецпоселения 41 772 поляка, интернированных в 1936 году, в основном в Кокчетавской (более 29 тыс. чел.) и Акмолинской (более 7700 чел.) областях (3).

По приказу МВД СССР от 7 октября 1947 г. бывшие кулаки, расселенные в Казахстане, снимались с учета спецпоселения. Вместе с ними освободили и поляков, шедших с бывшими кулаками по одной категории учета.

В 1948 году пошла волна повторников. Заскрипели закручиваемые гайки сталинского режима. И в сентябре 1948 года освобожденные уже поляки (и их дети до 16 лет) были вновь взяты на учет спецпоселения. Правда, за год свободы примерно 20% поляков Казахстана уехали к местам прежнего жительства.

Характерно уже само название документа, по которому их вновь лишали свободы. Телеграфное распоряжение министра внутренних дел С.Н. Круглова от 29 сентября 1948 г. № 406 «О взятии на учет поляков, высланных в 1936 году из Украинской и Белорусской

ССР, как неправильно освобожденных по приказу МВД № 001044 от 7 октября 1947 года».

Освобождать неправильно посаженных власти не собирались, а вот искать неправильно освобожденных ...

Иррациональность действий репрессивного аппарата той эпохи несомненна. То, что сегодня было белым, завтра становилось черным. Любой приказ надлежало слепо, не раздумывая, выполнять. Но опытные зубры системы пытались обезопасить себя, требуя на любое разрешение сверху дополнительные разъяснения вышестоящих органов.

Любая самостоятельность и инициатива в системе НКВД — МВД — МГБ давно была искоренена.

Вновь поляков записали в новые книги учета, глав семей затребовали на ежемесячную регистрацию, от каждого взрослого отобрали расписку об уголовной ответственности за побег. Для борьбы с побегами назначены старшие десятидворок.

Можно представить себе состояние людей, после 11 лет спецпоселения освобожденных, а через год вновь превращенных в людей второго сорта.

Сами ссыльные поляки считали, что причина лишения их свободы кроется в подготовке к новой войне.

Настроение поляков Казахстана хорошо передают такие высказывания, зафиксированные осведомителями в 1948 году:

9 октября с/г на полевом стане колхоза им. Тельмана Ново-Черкасского района Акмолинской области, в группе поляков — МАМЧУРА Карл говорил:

«Поляков берут на учет спецпоселения не случайно. Причиной этому послужило то, что Польша рассорилась с Советским Союзом и в сентябре 1948 года, в одну ночь, выгнала из Польши все Советские войска. После этого Советское правительство издало закон о взятии поляков на учет спецпоселения. Однако это является временным явлением. Во Франции сейчас происходит международное совещание, на котором Америка, Англия и Франция договорились между собой заключить союз с Польшей и пойти войной на Советский Союз. Эта война будет не длительна, так как будут применены атомные бомбы. Советскому Союзу и его законам будет конец. Когда будет война, мы, поляки, не будем бездействовать, будем бороться за восстановление своей нации».

10 октября с/г поляк ШИДЛОВСКИЙ, проживающий в колхозе «Красная Поляна», Кокчетавской области, заявил:

«Не знаю, что только правительство делает. Собрались бы все поляки — фронтовики, сняли бы с себя награды и бросили их. Пусть что хотят, то и делают со мной, но я никаких подписок об ограничении давать не буду».

12 октября с/г между колхозниками колхоза имени Фрунзе поляками Журавским Марьяном, ЯБЛОНСКИМ Болеславом, ЖЕЛЕСКО Францем и ВЕИНСКЕВИЧ Иваном проходил разговор по вопросу взятия на учет поляков. В процессе беседы ЖУРАВСКИЙ сказал:

«Отъездились поляки на Украину, снова их всех взяли на учет, пропали все заслуги, сравняли нас с немцами и ингушами».

7 октября с/г.немка РУДЕЦКАЯ Ольга, проживающая в селе Горьком, Кокчетавской области, источнику заявила:

«Правительство накладывает ограничения на поляков, потому что Америка уже предложила другим капиталистическим государствам выступить вместе с ней войной против СССР, и обязались помогать этим государствам вооружением и продовольствием.

Эта война должна скоро возникнуть еще и потому, что Советское правительство не хочет восстановить Германию, как она была раньше.

Америка предложила Советскому правительству возвратить в Германию военнопленных немцев, а СССР этого сделать не может, ибо этих немцев замучали и их нет в живых».

16 октября с/г немец БЕЙМ Фридрих в разговоре с поляком ШТРУШЕЛЬ Эфрон высказался:

«Поляки еще раньше немцев считались неблагонадежными людьми. Пока отношения СССР с Польшей были хорошие, с поляков сняли спецпоселения, а сейчас, видимо, отношения испортились, поэтому поляков обратно взяли на учет. Я знал об этом, что так случится. Для нас немцев лучше — больше будет друзей».

17 октября с/г поляк КАЛИНОВСКИЙ Бернард, проживающий, в колхозе «Рассвет» Алма-Атинской области, источнику заявил:

«Положение очень плохое, нас поляков снова взяли на спец. учет, надо было бы нам уехать отсюда на родину, тогда бы нас никто не взял на учет, более того нас строго предупредили о том, что если из нас поляков кто-нибудь нарушит режим спецпоселения, то мы будем подвергаться судебной ответственности. Придется умирать в Казахстане»(4).

Вторая — наиболее многочисленная и хорошо известная волна ссыльных поляков — это польские «осадники и лесники» из запад-

ных областей Украины и Белоруссии, присоединенных после гибели Польши в 1939 году.

Осадники (колонисты), лесники (сотрудники корпуса лесной стражи) и польские военнопленные расселялись в Архангельской (40 тыс. чел.), Иркутской (11 тыс. чел.), Свердловской (13 600 чел.), Молотовской (9142 чел.), Вологодской (16 тыс. чел.), Алтайском крае (6 тыс. чел.) и других традиционных для спецпереселенцев областях Русского Севера, Урала и Сибири.

К январю 1941 года в 20 областях и краях страны находилось 137 351 чел. спецпереселенцев этого польского потока. Более 70 тысяч беженцев-поляков на учет спецпоселения не ставились, но условия их жизни были также очень тяжелыми.

Высылаемые осадники имели право на перевозку имущества (до 100 кг на члена семьи). Такой вес стал нормой и в последующих депортациях. В январской 1940 года инструкции НКВД начальникам эшелонов, вывозивших осадников, детализированы все мелочи надзора за поляками (смотри Приложение).

В реальности все было не так чисто и красиво. В докладной зам. наркома внутренних дел Чернышову «О приеме и размещении спецпереселенцев-осадников» от начальника Тайшетского лагеря НКВД комбрига Вершинина (22 марта 1940 года) мы видим тяготы сверхдальнего пути интернированных поляков.

Для осадников в лагере переоборудованы бараки в 4-м лагпункте под отдельные кабины. То есть фактически они оказались на положении заключенных.

Первый эшелон осадников прибыл в лагерь 1 марта 1940 г. и привез 294 семьи (1561 чел.). Второй эшелон прибыл 2 марта — 186 семей (908 чел.). Третий эшелон прибыл 3 марта — 328 семей (1520 чел). Четвертый эшелон прибыл 5 марта — 338 семей (1832 чел.). Итого по спискам начальников эшелонов и приемным актам прибыло 1146 семей (5821 чел.) вместо намеченных ранее 1000 семей и 5000 человек.

Перевыполнение плана для НКВД тогда — дело обычное. Комбриг Вершинин особо отмечает «антисанитарное состояние спецпереселенцев, создавшееся в пути: грязь, копоть, вшивость на 100% и резко меняющаяся температура в вагонах создавали угрозу вспышки эпидемии» (5).

Часть детей больна корью и скарлатиной. Всего же прибыло в Тайшетский лагерь — 2631 чел. детей до 16 лет, 1488 мужчин и 1702 женщины. То есть почти половина ссыльных поляков — дети.

Пересыльные лагеря, куда приходили эшелоны поляков, нередко представали перед ними как ад кромешный. Вот строки из докладной не склонного к лирике начальника Унжлага о положении 1779 поляков, находившихся в его лагере: «Размещены все скученно. Вагонная система бараков, грязь, мало дневного света, изобилие клопов, завшивленность — антисанитарное состояние бараков не гарантирует возникновения эпидемии. Трудоиспользование не организовано. Нетрудоспособная категория живет на авансы, что ставит в затруднительное финансовое положение Унжлаг. Личные дела на прибывших в большинстве своем не оформлены. В некоторых районах Виленской области дела безответственно оформлял финуполномоченный Исаев...»

Уже 27 марта 1940 года отдел труд спецпоселений ГУЛАГа НКВД рапортует своему куратору Чернышову: «Местам даны указания о максимальном трудовом использовании спецпереселенцев-осадников на основных и подсобных работах, об организации специальных производств ... для вовлечения в работу ограниченно-трудоспособных...»

В значительной мере, все это имитация выполнения плановых заданий. По мнению начальства, к 1941 году «освоение адмвысланных» проведено плохо. Число запретов быстро растет. В апреле 1940 года Конрадов (начальник ОТСП) дает указание на места о запрете выезда на учебу в вузы и техникумы спецпереселенцам-осадникам (6).

Прибывших из переселенных пунктов к месту спецпоселения поляков сразу отправляли на работы. Они не знали ни своих прав, ни реальных ограничений в правах. Во втором квартале 1940 года 84% трудоспособных «осадников» работали на назначенных им начальством производствах (Наркомлес, Цолес, НКПС, Наркомцветмет и т.д.).

Но, по мнению НКВД, наркоматы «к освоению прибывших не подготовились. До сих пор направление на работу носит случайный характер». Очень высок травматизм из-за неразъяснения новым работникам элементарных правил техники безопасности.

Новых работников постоянно перебрасывают с одного места работы на другое. Заработки их ничтожны. Живут они первое время продажей личного имущества.

В тресте Майканзолото (Казахстан) землекопы за 26 рабочих дней заработали от 17 до 19 рублей. В Тотемском леспромхозе

спецпереселенцам не выдали расчетных книжек, и они не знают ни своей выработки, ни причитающейся зарплаты.

Постоянны жалобы на нехватку инструмента и спецодежды. В Тарском леспромхозе Омской области люди работали на разгрузке леса босиком.

Жилищные условия «осадников» ужасны. Фактически на одного человека приходится не более 1—2 м жилья. Семьям отдельные комнаты и изолированные места в бараках не предоставлены. Грязь, антисанитария в общих бараках повсеместны.

При этом НКВД особо отмечает: «Ссылки руководителей предприятий на отсутствие средств на эти цели (жилья для спецпоселения. — *В.Б.*) при тщательной проверке оказываются несостоятельны, так как средства на эти цели отпущены».

Недостаток хлеба, крупы, овощей приводил нередко к массовым отказам от работы в 1940 году. Органы НКВД, выступая в роли опекунов спецпереселенцев, клеймят «бездумное отношение руководителей предприятий к их насущным бытовым нуждам». По мнению руководства многих организаций, «спецпереселенцы — это такие люди, о которых беспокоиться нечего». Подтекст понятен. Помогать врагам народа не следует.

В поселке Малая Дубровка Кировской области поляки-спецпереселенцы в 1940—1941 годах работали рабочими леспромхоза. Положение здесь характерно для всех областей русского Севера и Сибири.

Нормы не выполнялись, так как переселенцы в целом малопригодны для тяжелых физических работ (очень много женщин, детей, стариков). Из 300 поляков в этом поселке — 105 детей. Взрослых мужчин лишь 46 чел., причем 14 — дряхлые старики и инвалиды.

В лесу работают 32 мужчины и 41 женщина — больше трудоспособных нет. На работах используют также 14 подростков от 14 до 16 лет. Заработная плата спецпереселенцев — «осадников и лесников» ни в коей мере не обеспечивает их нормальное существование. За ноябрь 1940 г. средний заработок на одного работающего в лесу составил 88 руб. в месяц. Таким образом, доход — 22 рубля в месяц (с учетом иждивенцев) не давал возможности регулярно покупать даже хлеб и соль.

Многодетные семьи в еще худшем положении. Семья Михаила Кучинского состояла из 7 человек, а его заработок в ноябре — 74 рубля.

Причины постоянного невыполнения норм и плохих заработков крылись не в поляках, а в безобразной организации труда (нехватка инструмента (лучковых пил), технической учебы), предоставлении полякам наиболее невыгодных для работы лесных массивов в отличие от своих работников. Работа шла анархично — «самотеком». Никто им не показывал, как и что следует делать. Между тем поляки никакого опыта такого рода работ ранее не имели.

Бюллетени по болезни спецпереселенцам в Дубровке не выдавались и не оплачивались. Жилищные условия — сложные. Спецпоселок «Дубровка» был построен в 1930 г. для бывших кулаков. Последние 5 лет в бараках никто не жил, и они развалились. Печи сломаны, рамы выбиты, жилой площади не хватает. 14 семей даже размещены на квартирах у местного населения. В бараках было грязно, нет сушилок. При осмотре детей 6 декабря 1940 г. 13 чел. больны оспой и чесоткой, а двое — брюшным тифом.

В комнатах поляков нет даже столов, умывальников, кухонной посуды; а деньги, выделенные на эти цели леспромхозу, израсходованы на спецодежду.

Нет медпункта и клуба. Школа непригодна для обучения детей. Занятия проводят в пальто и рукавицах, так как у печей отсутствуют задвижки и мало дров. В одной школьной комнате учатся четыре группы в две смены. На 4 учащихся приходится по одному учебнику.

Учитель Рыкова не имеет ни знаний, ни опыта, ни желания работать в школе (закончила 7 классов).

Детского сада нет, есть детплощадка, где нет ни коек, ни игрушек — один сломанный патефон без пластинок. Питание организовано очень плохо, на 24 детей иногда покупают 0,5 литра молока на весь день. Ясель нет. Спецпереселенке Глинской, учителю польской гимназии, в школе преподавать запрещено.

Случались и курьезы. В поселок в декабре 1940 года приехал начальник спецотдела облоно Коршунов. Спецпереселенцы ринулись к нему с вопросом — когда их освободят. Не зная, что ответить, Коршунов объявил — освободят всех скоро (7).

Нередко мастера и начальство леспромхозов вели себя с поляками грубо и по-хамски: набрасывались с бранью, назначали на худшие работы.

Начало Великой Отечественной войны изменило положение поляков к лучшему. После заключения советско-польского соглашения из «политически неблагонадежных» ссыльных они стали

союзниками в войне. Но реальная ситуация менялась медленно и долгое время была неопределенной.

В нижеприведенном документе говорится о существенных различиях в отношении к войне поляков и этнических украинцев, находившихся на спецпоселении.

Документ 5

Спецсообщение «О настроениях бывших польских осадников».

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР —
Комиссару государственной безопасности
3-го РАНГА —
тов. МЕРКУЛОВУ
гор. МОСКВА

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

О настроениях спецпереселенцев —
быв. польских лесников и осадников,
в связи с заключением Советско-
Польского соглашения. —

В связи с заключением соглашения между Советским правительством и правительством Польши от 30 июля 1941 года, в спецпоселке «КАМЕНКА», Подосиновского района, Кировской области, где проживают 457 человек бывших польских лесников и осадников, состоялось собрание спецпереселенцев, на котором присутствовало около 250 человек.

После того как комендантом спецпоселка было зачитано опубликованное в печати Советско-Польское соглашение, все присутствовавшие встали, сняв головные уборы, кругом раздавались возгласы «Ура Сталину!», «Да здравствует Сталин!»

Присутствовавшие запели Интернационал, затем спецпереселенцы-поляки исполнили польскую национальную песню в честь Сикорского. — (Текст песни прилагается).

Выступавшие спецпереселенцы-поляки говорили о неизбежном поражении Гитлера и восстановлении «великой буржуазной Польши».

Все поляки как один, в том числе и женщины, высказали желание идти на фронт, в польскую армию для борьбы против немецкого фашизма, за восстановление Польши. Так, например, спецпереселенец поляк СТАЖИК заявил:

... «Поляки не против Советского Союза, мы все на поселке согласны воевать против Гитлера, за Польшу»...

В противоположность полякам, спецпереселенцы-украинцы явно враждебно относятся к Советско-Польскому соглашению, высказывая надежду о «самостоятельной Украине», которую им даст «только»Гитлер.

Украинцы стараются посеять среди поляков неверие в это соглашение, распуская различные провокационные слухи. Так, например:

Спецпереселенка-украинка КУШНИР Собина, будучи в квартире поляка ПАКИС, заявила:

... «Напрасно вы, поляки, торжествуете этому соглашению. Где-же вам большевики отдадут Польшу»...

Спецпереселенец-украинец МОЛЯРНИК в кругу поляков, собравшихся после собрания, говорил:

... «Соглашение — это вздор! Германия уже заняла Москву, Ленинград. Скоро будет здесь...и только Гитлер освободит нас от проклятых большевиков»...

После этого собрания, между спецпереселенцами — поляками и украинцами заметно обострилась национальная вражда, и характерно, что во время исполнения поляками национальной песни, спецпереселенцы-украинцы, демонстративно сели на скамейки, надев головные уборы, — этим самым продемонстрировав свою ненависть к полякам и польскому правительству. Особенно резко эта вражда между поляками и украинцами чувствуется в последние дни и выражается в том, что поляки совершенно не разговаривают и категорически отказываются приветствовать при встречах с украинцами, а украинцы не разговаривают с поляками. Кроме того украинцы не стали посещать вечера, устраиваемые в поселковом клубе.

ПРИЛОЖЕНИЕ: текст песни.

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КАПИТАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
(ЕГОШИН)

Текст песни, исполненной спецпереселенцами-поляками на собрании 3 августа 1941 года:

Еще Польша не пропала,
Пока мы живем,
Что наше чужая сила взяла,
Шпагой отберем.

Припев:
Марш, марш, СИКОРСКИЙ
С земли английской до Польши
За твоим приказом
Соединяемся с народом.

Пройдем Вислу, пройдем Варту,
Будем поляками.
Дал нам пример Бонопарте,
Как побеждать умеем.

Припев:
Марш, марш, СИКОРСКИЙ
С земли английской до Польши

За твоим приказом
Соединяемся с народом.

(Архив УФСБ по Кировской области, фонд польских осадников)

Патриотический подъем поляков в условиях спецпоселения быстро погас. Но по Указу ПВС СССР от 17 августа 1941 г. польские граждане освобождались не только из спецпоселений, но также из тюрем и лагерей.

Мужчины — главы семей в основном были призваны в польскую армию. На местах — в тех же поселках и леспромхозах остались без средств существования женщины, дети и старики.

Очень четко эту сложную политическую игру Советского правительства с поляками мы видим в докладной С.Н. Круглова — наркому внутренних дел Л.П. Берия. Поводом для докладной, судя по всему, послужило письмо польской коммунистки — писательницы Ванды Василевской на имя Сталина.

Ввиду большой ценности этого документа приводим его целиком.

Документ 6

Докладная С.Н. Круглова Л.П. Берия от 22 октября 1943 года.

Сов. секретно.

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР —
Генеральному Комиссару государственной безопасности
товарищу БЕРИЯ Л.П.

По письму тов. Ванды Василевской, ходатайствующей о переселении в Чкаловскую область и Башкирскую АССР 9000 ч. польских граждан, высланных в 1940 году в Коми АССР из Западных областей УССР и БССР, — докладываю:

В 1940 году НКВД СССР, на основании постановлений СНК СССР 2001 — 558 сс от 5 декабря 1939 года и № 2122—617сс от 29 декабря 1939 года, было проведено выселение из западных областей УССР и БССР осадников, лесников и беженцев, изъявивших желание выехать в Германию, но не принятых германским правительством.

Всего было переселено 53 897 семей — 210 277 человек, в том числе в Коми АССР — 5291 семья — 19 501 человек.

Расселение их было произведено по спецпоселкам НКВД в основном в Северных районах областей Советского Союза.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 августа 1941 года об амнистии польских граждан, СНК СССР и ЦК

ВКП(б) было принято постановление об освобождении и НКВД СССР в 1941 году освобождены из тюрем, из исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, из спецпоселков и с мест ссылки и высылки осужденных и находящихся под следствием польских граждан с правом свободного проживания их на территории СССР, за исключением пунктов, перечисленных в ст.ст.38 и 39 положения о паспортах (приказ НКВД СССР № 0407 от 18/IX—1940 г.).

Всем освобожденным было предложено оформить свое гражданство. Лицам, получившим отказ польского посольства в регистрации, было предоставлено право получить паспорта, как для лиц без гражданства или советский паспорт.

На основании меморандума НКГБ и НКВД СССР № 159 от 9 июня 1943 года, лицам, имеющим право на получение польских национальных паспортов, в соответствии с приказом НКВД СССР № 00265 от 9/II—1943 г. и № 00653 от 3/ IV—1943 года, оформление польского гражданства приостановлено. Предложено им получить вид на жительство, как для лиц без гражданства.

Учитывая, что в основном все главы семей призваны в польскую армию и в местах расселения остались женщины, дети и нетрудоспособные, плохо трудоустроены, полагал бы возможным просьбу тов. Ванды ВАСИЛЕВСКОЙ удовлетворить и разрешить переселение 9000 человек бывших польских граждан из Коми АССР в Чкаловскую область и Башкирскую АССР.

В целях недопущения в местах погрузки большого скопления людей, переселение провести группами в течение трех месяцев.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Комиссар государственной безопасности 2-го ранга —
(КРУГЛОВ) 22 октября 1943 г.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 80—81)

Таким образом, в ходе войны происходили повторные переселения части польских спецпереселенцев с русского Севера и Сибири в более южные, а затем и более западные регионы, на Украину.

Переселение поляков проводилось НКВД в 1944 году по постановлению СНК СССР № 854 — 224с от 11 июня 1944 «О частичном переселении поляков». Курировали эту акцию Берия и Косыгин. Всего было переселено 28 363 чел. (в основном из Казахстана, Урала и Сибири).

Судьба призванных в польскую армию мужчин была также очень непростой. По данным Н.Ф. Бугая, в 1951 году в Иркутскую область из Западной Украины и Западной Белоруссии были депортированы 45 156 чел., в основном андерсовцы (они так и именова-

лись в учетных местах МВД-МГБ). Это — служащие польской армии, сформированной генералом В. Андерсом в СССР 1941—1942 гг. и переброшенной польским эмигрантским правительством на Ближний Восток (8).

Многие особенности и нюансы правительственной политики Советского Союза по отношению к полякам — гражданам СССР, полякам — гражданам Польши, менявшейся кардинально в ту эпоху, еще скрыты в секретных документах архивов.

* * *

Обратимся к личным делам польских осадников. Как правило, они невелики по объему, ведь срок нахождения поляков на спецпоселении был сравнительно краток.

Рассмотрим личное дело Альда Генриха Ивановича, 1888 года рождения, поляка, переселенного вместе с семьей из села Подгорка Калужского уезда Станиславской области в спецпоселок № 4 Подосиновского района Кировской области как польского осадника. Вместе с ним переселены жена, двое сыновей и его незамужняя сестра — все, кто жили в данном хозяйстве.

Обычная биография простого человека. Служил в австрийской армии в 1909—1911 годах, работал слесарем на заводе Калуги, занимался сельским хозяйством. При обыске не найдено ничего противозаконного. Поселился в селе Подгорка в 1925 году. Имеет справное хозяйство: дом под железной крышей, сарай, корову, 3 морга земли, 1 морг сада, 4 морга леса.

Мелкий сельский собственник. По словам свидетеля: «Альда Генрих Иванович имеет 8 моргов земли. Землю купил у помещика Суботы на льготных условиях». Анкета личного дела оформлена 31 декабря 1939 года незадолго перед высылкой.

Более никаких бумаг в деле нет. Кто выслал и за что — неясно. На обложке дела Карандашом крупно написано «осадник».

28 августа 1941 года Г.И. Альда вручено типовое (типографское) удостоверение об амнистии для него и членов его семьи. В удостоверении УНКВД по Кировской области сказано: «Предъявитель сего Альда Генрих Иванович, уроженец города Делятин Станиславской области, 1888 года рождения, на основании Указа Президиума Верховного Совета амнистирован как польский гражданин и имеет право свободного проживания на территории СССР, за исключением пограничных полос, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и вто-

рой категории». Это — самые легкие ограничения в проживании для освободившихся спецпереселенцев или заключенных. Далее сказано: «Гражданин Альда Генрих Иванович направляется к избранному им месту жительства пос. Каменка Подосиновского района Кировской области. Удостоверение действительно на 3 месяца и подлежит обмену на паспорт». Подписал удостоверение на всех членов семьи Альда зам. начальника УНКВД Кировской области (9). Судя по всему, Г.И. Альда решил на какое-то время остаться вблизи своего спецпоселка.

В числе польских осадников-спецпереселенцев было немало украинцев, также получивших льготные кредиты на покупку земли в 1920-е годы польского правительства и входивших в «Союз осадников» (колонистов) восточных земель Польши.

Именно таким был спецпоселенец-осадник Билас Михаил Васильевич, 1906 года рождения, украинец, принявший польское подданство. Из села Перевозец Станиславской области он отправлен в спецпоселок «Новый быт» Лальского района, Кировской области. В польской армии, разведке или полиции он вообще не служил. При обыске ничего предосудительного не обнаружено.

Поселился на новом месте он в 1937 году и имел к моменту высылки 10 моргов земли, 2 лошади, 1 корову, 2 телки и крестьянский дом из двух комнат, но одна комната недостроена.

Депортирован он вместе с женой — Михайлиной Казимировной, сыном (1935 года рождения, умер в высылке в 1940 г.), дочерью Анной 1931 года рождения. В 1940 году у него родился на севере еще один сын Мирослав.

По данным осведомителей и свидетелей-доносчиков, Михаил Билас был членом польской партии «Сторонитство людове». В этой же партии состоял его отец. Во время существования Польши он якобы высказывал среди населения угрозы по отношению к украинцам, говоря, что «вам здесь места нет, а вам место за Карпатами или в Советской Украине». Полонофил. Повидал свет. С 1928 по 1930 год жил в Аргентине, работал продавцом у купца. Землю купил у государства на льготных условиях. Пользовался правом получения кредита из госбанка на расширение своего хозяйства. Был организатором молодежной военизированной организации в своем селе. По разрешению полиции имел револьвер. По словам секретаря местной партячейки, «принял польскую нацию в начале 1939 года».

Заполнил анкету сержант госбезопасности. Основанием для репрессии явилось то, что М.В. Билас «по архиву Станиславского воеводства числится в списках осадников».

Анкета заполнена еще 30 декабря 1939 года. Подготовка к депортации велась несколько месяцев. 29 апреля 1940 года Билас с семьей прибыл в свой спецпоселок «Новый быт». Сын его родился в дороге — 2 апреля 1940 года, под стук вагонных колес.

На всех членов семьи есть справки, что «на основании директивы НКВД СССР № 3643/б от 19 сентября 1939 года» они 10 февраля 1940 года высланы за пределы Станиславской области.

Старший сын Биласа умер на спецпоселении 1 июля 1940 года (5 лет от роду).

Далее в деле подшиты удостоверения НКВД об амнистировании всех Биласов «как польских граждан». После амнистии Билас избрал на жительство тот же Лальский район Кировской области. Родина его была уже занята фашистами.

На обороте своего удостоверения М. Билас расписался сам, а на обороте удостоверения жены вследствие ее неграмотности вновь поставил свою подпись.

Дело закрыто и впоследствии сдано в архив (10). Но трудная военная жизнь заброшенных на восток и север поляков только начиналась.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 7

«УТВЕРЖДАЮ» Сов. секретно
ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
КОМДИВ (ЧЕРНЫШЕВ)
« » января 1940 г.

ИНСТРУКЦИЯ
НАЧАЛЬНИКАМ ЭШЕЛОНОВ ПО СОПРОВОЖДЕНИЮ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ОСАДНИКОВ

1. Для сопровождения эшелонов спецпереселенцев к месту следования на каждый эшелон выделяются распоряжением ГУКВ НКВД, НКВД УССР и НКВД БССР:

а) Начальник эшелона (из командиров конвойных войск НКВД);

б) Зам. нач. эшелона — 2 (из оперативного состава);

в) Врач — 1; медфельдшер — 1; медсестер — 2 (выделяется НКЗ УССР и БССР).

г) Конвой в составе 22 человек (из состава конвойных войск).

2. Отправка осадников к месту поселения производится эшелонами в составе 55 вагонов, оборудованных по-зимнему для людских перевозок (в том числе один классный вагон для охраны и медперсонала, один оборудованный санизолятор и один вагон-ларек).

В каждый вагон помещается 25 человек взрослых и детей с их имуществом.

Для громоздких вещей на каждый эшелон выделяется по 4 товарных вагона.

3. Спецпереселенцам-осадникам разрешается брать с собой следующее имущество и мелкий хозяйственный инвентарь: 1) одежда, 2) белье, 3) обувь, 4) постельные принадлежности, 5) посуда столовая (ложки, ножи, вилки), чайная и кухонная, ведра, 6) продовольствие, — из расчета месячного запаса на семью, 7) мелкий хозяйственный и бытовой инструмент (топор, пила, лопата, мотыга, коса, грабли, вилы, молоток, клещи, зубило и т.п.), 8) деньги (сумма не ограничивается) и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигар и т.п.), 9) сундук или ящик для упаковки вещей.

Общий вес указанных вещей не должен превышать 500 кгр. на семью.

ПРИМЕЧАНИЕ: Громоздкие вещи, в том числе хозяйственный инвентарь, перевозятся в специально выделенных вагонах.

4. Начальник эшелона принимает спецпереселенцев без личного обыска и досмотра вещей по именному списку и личные документы на них по описи от местных органов НКВД, размещает спецпереселенцев по вагонам семьями.

После приема спецпереселенцев в эшелон, начальник эшелона полностью отвечает за состояние эшелона, перегрузку его с узкой колеи на широкую и доставку всех принятых к месту назначения.

5. Начальник эшелона предупреждает переселенцев о том, что при попытке к побегу охраной эшелона будет применено оружие.

6. Начальник эшелона организует связь караульного помещения в паровозом, для чего на последний выставляется пост.

В середине и в хвосте эшелона на тормозных площадках выставляются часовые с обязанностью не допустить побега переселенцев, применяя оружие после предупредительного выстрела вверх.

Начальник эшелона, приняв сигнальный выстрел, останавливает поезд и по выяснении обстоятельств происшествия организует преследование бежавшего, используя свободных от наряда бойцов.

7. Против женщин и детей оружие применять воспрещается.

8. В случаях тяжелых заболеваний спецпереселенцев в пути — начальник эшелона передает больных через местные органы УНКВД на излечение в ближайшие пункты органов здравоохранения, о чем составляет соответствующий акт и сообщает в Главное Транспортное Управление НКВД СССР.

При обнаружении случаев эпидемических заболеваний — начальник эшелона отцепляет соответствующий вагон и оставляет для карантина под наблюдением местного органа НКВД, о чем доносит в Главное Транспортное Управление НКВД СССР.

9. На оплату расходов, связанных с сопровождением спецпереселенцев (питание, телеграфные и др. расходы), НКВД УССР и НКВД БССР выделяют начальнику эшелона под отчет денежный аванс, в том числе на питание спецпереселенцев 2 р.50 к. на человека в сутки.

10. В пути следования по железной дороге спецпереселенцы получают бесплатно один раз в сутки горячую пищу и 800 грамм хлеба на человека.

Горячая пища и хлеб выдается в железнодорожных буфетах треста ресторанов и буфетов НКТорга СССР.

Для получения питания начальник эшелона за 24 часа до прибытия на станцию телеграфно сообщает директорам буфетов станции и соответствующим ДТО НКВД по форме: «Приготовьте эшелону переселенцев НКВД: «Литер» № число часам обедов кгр хлеба начальник эшелона подпись».

Обеды выдаются на вынос в собственной посуде спецпереселенцев. Для получения обеда и кипятка, начальник эшелона выделяет необходимое количество людей из спецпереселенцев с каждого вагона под наблюдением сопровождающих из состава конвоя.

После выдачи обедов, начальник эшелона производит расчеты за отпущенное питание спецпереселенцам по счетам ресторана или буфета.

11. В пути следования эшелона вагоны с переселенцами запираются. Во время стоянок на малолюдных станциях начальник эшелона организовывает выпуск переселенцев на прогулку повагонно под наблюдением часовых.

Проверка наличия переселенцев по вагонам производится не реже одного раза в сутки.

12. О движении и местонахождении эшелона и его состоянии — начальник эшелона ежедневно доносит по телеграфу в Главное Транспортное Управление НКВД СССР по форме: «Москва, Главное Транспортное Управление НКВД СССР, эшелон №..... проследовал станцию ....., тогда-то ..... Подпись». О всех важных происшествиях, имевших место в пути следования (побеги, заболевания, перебои с питанием и т.д.), начальник эшелона немедленно доносит в Главное Транспортное Управление НКВД СССР ближайший ДТО НКВД.

13. Начальники эшелонов в пути следования за содействием обращаются в Транспортные органы НКВД и железнодорожную милицию.

14. По прибытии эшелона на станцию назначения — начальник эшелона сдает людей в вагонах представителю местного отделения управления НКВД по акту, с приложением именного списка и личных дел спецпереселенцев по описи. Акт составляется в 3 экземплярах за подписями: принимающего, сдающего и сопровождающего эшелон врача.

(ГАРФ. ф. 9479. Оп. 1. Д.56 Лл. 8—11)

Документ 8

Справка о настроениях спецпереселенцев
по данным докладов ОТСП УНКВД за II квартал 1941 г.

В первые дни войны после вероломного нападения фашистской Германии на СССР спецпереселенцы были растеряны. Они насторожились и первые несколько дней не высказывали своего отношения к войне.

Война застала спецпереселенцев в период начавшегося перелома в деле их освоения. Как правило, почти во всех областях и краях среди спецпереселенцев появились признаки оседания как осадников, так и беженцев: все они стали лучше работать, в массе своей освоили производственные и технические нормы, стали возделывать приусадебные огороды, обзаводиться продуктивным скотом, подали заявления на получение кредитов для индивидуального строительства жилищ.

Часть спецпереселенцев, настроенных антифашистски, высказывают уверенность в победе СССР над Гитлером. Имеется ряд выступлений спецпереселенцев на собраниях и митингах о том, что они готовы пойти в ряды РККА, чтобы бороться с оружием в руках против фашизма.

Спецпереселенец беженец Гелиндер Генрих Лейбович (Черемошкинская райкомендатура, Новосибирской обл.) после коллективной чистки статьи т. Ярославского «Великая Отечественная война советского народа» заявил:

«Я готов сейчас идти против Гитлера, он забрал и растерзал у меня двух сыновей и сноху, а также все мое имущество».

Это выступление было встречено присутствовавшими на читке спецпереселенцами одобрительно.

Более определенными стали высказывания после заключения советско-польского соглашения.

«Я очень доволен тем, что Советское правительство заключило соглашение с правительством Польши о военных действиях против фашистской Германии. Я хоть сейчас согласен, чтобы меня взяли в армию, и я буду беспощадно бить германский фашизм».

(с/п. Басак Антон, 1903 г. рожд. Верхне-Тавдинский р-н Свердловской обл.).

«Я имею возраст 45 лет. Охотно пойду воевать против Германии. Польский и советский народы должны победить фашизм».

(с/п. Тартун из В. Тавдинского р-на, спецпоселок «Еловка»).

«10 августа приедет в поселок комиссия и будет набирать в армию. Мы, как поляки, пойдем охотно воевать против Гитлера».

(с/п. Козак, там же).

Ряд ОТСП мест расселения сообщает о том, что в комендатуры поступают заявления спецпереселенцев с просьбой направить их в Красную Армию для совместной с ней борьбы против фашизма. По Свердловской обл. поступило 200 заявлений от спецпереселенцев с просьбой направить их в ряды РККА.

Имеется ряд агентурных данных о том, что наиболее непримиримо антисоветски настроенная часть спецпереселенцев, преимущественно б. Осадники, в связи с войной стали откровенно высказывать свои профашистские взгляды. Так бывший священник Герасимович из спецпоселка «Сосновка» Асиновского района, Новосибирской области, в кругу своих друзей заявил:

«Лучше будет, когда победит Гитлер. Мы уедем обратно в самостоятельную Украину и будем опять служить церкви».

Аналогичные разговоры при этом уснащаются еще и проявлениями антисемитизма:

«На Украину, которую скоро освободит от Советов Германия, поедут только украинцы, и с собой на Украину мы ни одного еврея не возьмем, их Гитлер здесь в Сибири перережет».

Иногда этот антисемитизм носит более завуалированный характер. Спецпереселенец Матусевич (б. осадник) из спецпоселка «Дегтярка» Свердловской области говорил:

«Вот заключен договор между Советским Союзом и Польшей о совместной войне против Гитлера, но в армию будут брать только белорусов и поляков, а евреев в армию не возьмут потому, что в соглашении о евреях не указано».

Говоря о факте заключения Советско-Польского соглашения, часть спецпереселенцев возлагает надежды на использование этого договора в интересах фашизма и для расправы с коммунистами.

«Если призовут, я буду воевать за Гитлера, а коммунистической Польши не хочу, ибо коммунизм для нас смерть, фашизм — царство» (С/п. Непля Станислав Иванович, Свердловская обл. В. Тавдинский р-н).

Спецпереселенец Мецкенюк (Красноярский край) высказался за то, чтобы пойти в армию, но не для совместной борьбы против фашизма, а для того, чтобы получить оружие в целях «уничтожения самих же коммунистов».

«Дело их, может, скоро нас заберут в армию. За что мы воевать-то будем, за 800 грамм хлеба? Нет, я им воевать не буду» (Сабура Стах Иосифович, б. осадник, чл. организации «людовцев» В. Тавдинский район, Свердловской обл.).

Весьма распространены в спецпоселках настроения пойти в Польскую армию ради завоевания Польского государства, но многие при этом высказывают свои стремления воевать только за «независимую Польшу».

«Знал бы хорошо, что Польша будет старая, то в армию пошел бы, но если же она будет советская, то на кой чорт нам, полякам, воевать» (с/п. Стельман Андрей Казимирович, 1910 г. рожд., б. осадник, В. Тавдинского района, Свердловской области, с/пос. «Еловка»).

Аналогичные высказывания спецпереселенцев имели место в спецпоселке «Ракитянка» Чкаловской области и других краев и областей.

Наряду с этим установлено стремление некоторой части спецпереселенцев организовать саботаж на производстве, сдерживать стремление работать лучше ...

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 74. Л. 29—31)

§ 3. Крымские татары

Крымская акция НКВД — это плод, который вызревал в недрах репрессивной машины долгое время.

В Крыму — в приход немецкой оккупации (октябрь 1941 г. — апрель—май 1944 года) были очень активны и партизанские движения и коллаборационисты. Крымские татары участвовали и в этих движениях и воевали по обе стороны баррикад. Естественно, что это ни в коей мере не могло служить поводом к осуждению целого народа и лишения его родины.

Уже 10 мая 1944 года Л.П. Берия обратился к Сталину с предложением о депортации только что освобожденных крымских татар. План операции разрабатывали его замы — Б. Кобулов и И. Серов. По данным исследователя П. Поляна, постановления ГКО о выселении крымских татар приняты 2 апреля, 11 мая (о переселении в Узбекистан), 21 мая 1944 года (11). В этой операции НКВД участвовало 23 тыс. бойцов и офицеров войск НКВД и около 9 тыс. чел. оперативного состава НКВД-НКГБ.

Крымская операция проводилась 18—20 мая 1944 года. Уже к вечеру 20 мая выселили 180 014 человек, причем 173 287 человек находились в эшелонах, направляющихся к местам спецпоселения.

Всего из Крыма вывезли 191 014 крымских татар (более 47 тыс. семей), а также несколько тысяч крымских болгар, греков и армян. Основная масса крымчаков отправлена в Узбекистан (151 083 крымских татарина). Это — Ташкентская, Самаркандская, Андижанская и Ферганская области. По плану там следовало расселить 70 тыс. человек. Расселили в два с лишним раза больше.

По итогам Крымской операции, где НКВД играло мускулами, воюя с собственным безоружным народом, Л.П. Берия 5 июля 1944 года в докладной Сталину сообщил:

«Во исполнение Вашего указания, НКВД-НКГБ СССР в период с апреля по июль месяц с.г. была проведена очистка территории Крыма от антисоветских, шпионских элементов, а также выселены в восточные районы Советского Союза крымские татары, болгары, греки, армяне и лица иностранного подданства.

В результате этих мероприятий:

а) изъято антисоветского элемента — 7833 чел.
в том числе шпионов — 998 чел.
б) выселено спецконтингента — 225 009 чел.
в) изъято нелегально хранящегося
у населения оружия — 15 990 ед.
в том числе пулеметов — 5 млн. шт.» (12)

Уже 7 июля 1944 г. М.И. Калинин в соответствии с этой докладной подписал указ о награждении орденами и медалями работников НКВД и НКГБ. Ордена Красного Знамени получили зам. наркома гос. безопасности Б.З. Кобулов, зам. наркома внутренних дел И.А. Серов, а также наркомы ГБ и ВД Крымской АССР.

Ордена Отечественной войны I степени получили генерал-майор В.М. Бочков, комиссар г. б. Добрынин Г.П., генерал-майор Пияшев И.И. и другие ответработники спецслужб. Всего орденом Красного Знамени было награждено 9 человек, орденом Отечественной войны I степени — 30 чел., орденом Отечественной войны II степени — 57, орденом Красной Звезды — 76, медалью «За отвагу» — 93, медалью «За боевые заслуги» — 106. Всего же был награжден 371 чел. Никакого реального сопротивления в крымской акции оказано не было.

Проект Указа ПВС о награждении Берия представил Сталину в качестве приложения к своей докладной. Он был незамедлительно подписан Калининым (5 июля докладная ушла Сталину, а 7 июля Калинин подписал указ).

В Крыму началось систематическое искоренение памяти о крымско-татарской части прошлого Крыма. 20 октября 1944 года вышло постановление Крымского обкома ВКП(б) о переименовании населенных пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения. 14 декабря сего года указом Президиума ПВС РСФСР переименованы 11 районов и райцентров в Крыму.

30 июня 1945 года Указом ПВС СССР Крымская АССР преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. Топонимика Крыма и на сегодня в существенной своей части осталась «репрессив-

ной». Безликие советизированные идеологические названия сменили древние имена. Только Указом ПВС РСФСР 18 мая 1948 года переименовано 1062 крымско-татарских села. Даже Ялта на краткое время стала Красноармейском.

Путь крымских татар на спецпоселение и адаптация на новом месте были очень тяжелыми для всего народа без исключения. Хотя, естественно, партийно-советской номенклатуре делали определенные уступки и давали существенные льготы.

Бывший председатель Совнаркома Крымской АССР в 1942—1944 годах Исмаил Сейфуллаев так вспоминает о том времени: «В 5 часов вечера 17 мая 1944 года меня ... пригласили в кабинет первого секретаря Крымского обкома партии В.С. Булатова... В кабинете у секретаря обкома сидели представители МГБ СССР Кобулов и Абакумов, а также нарком Госбезопасности Крыма Фокин.

Слово было представлено Кобулову. Он в своем кратком выступлении сообщил, что есть Постановление Государственного Комитета обороны СССР, подписанное Сталиным, от 11 мая 1944 года о выселении крымских татар из Крыма, и зачитал Постановление ГКО. При этом в грубой форме подчеркнул, что выселению подлежат все без исключения лица крымско-татарской национальности, включая руководство республики. Он потребовал, чтобы руководители республики, актив вели себя достойно и показали пример организованности и дисциплины. На этом краткое заседание закончилось.

После этого я приехал на квартиру, где охрана уже знала о выселении татар. На следующий день рано утром за мной заехал управляющий делами Совнаркома В.Г. Булаев. Я положил в сумку несколько личных вещей, и на машине мы выехали на железнодорожный вокзал — товарную станцию. Здесь шла погрузка людей, прибывших ночью, в товарные вагоны. Стояли стон, крики, плач. Грузовики с людьми продолжали подъезжать к погрузплощадке. Их сопровождали солдаты и офицеры войск НКВД и других воинских частей. Людей быстро выгружали и тут же уезжали обратно. Основная масса людей была без одеял, теплой одежды. Их заставили быстро, за 10—15 минут, собраться и выйти на погрузплощадки. Очень многие выехали в чем их застали. Дети плакали, просили пить, кушать. Но на это никто не обращал внимания. Главная задача состояла в том, чтобы никто не убежал, чтобы быстрее погрузить людей в теплушки. Случалось, что члены одной семьи попадали в разные

машины, а следовательно, погружались в разные вагоны. Умоляющие просьбы родителей погрузить детей с ними в один вагон офицерами во внимание не принимались. Вечером эшелоны начали один за другим отходить со станции Симферополь на север. Никаких эксцессов, никакого сопротивления со стороны крымских татар. Как выяснилось потом, не было фактов отказа, сопротивления и в местах погрузки — в городах и селах...

Начался тяжелый, трагический путь. Многие, особенно пожилые, больные, дети не выдерживали мучений и страданий, перенесенных в долгой дороге. Умирали от болезней и голода. В пути приходилось наспех хоронить умерших. Люди голодали, мучились от жажды. В нашем эшелоне умирали не только от голода, но и от желудочно-кишечных заболеваний, т.к. по дороге пили сырую воду из любых источников. Медицинской помощи не было.

Как уже было отмечено, отдельные семьи были разделены, некоторые члены семьи попадали в Удмуртскую или Марийскую республики, другие — в Среднюю Азию и Казахстан. Это серьезно осложняло жизнь переселенцев в дальнейшем.

Люди ежедневно видели смерть, вынуждены были привыкать к безысходности. Месячный путь из Крыма в Узбекистан был усеян трупами детей и стариков. Из Крыма было выселено не менее 192 тыс. человек. Сколько погибло в дороге, сколько прибыло на места поселений, я не знаю. По-моему, точного учета умерших, похороненных в пути следования, никто не вел. Сопровождающие нас охранники бдительно несли службу, следили за тем, чтобы никто не убежал. Они нас предупредили: «За побег — выстрел без предупреждения».

Наш эшелон прибыл в Узбекистан г. Бекабад. Стояла непривычная жара. Многие не в состоянии были самостоятельно выйти из вагонов. Нас разместили в пустующих земляных бараках.

Прибывшие в Бекабад спецпереселенцы были определены на работу на строительство Фархадской ГЭС. Все здоровые, трудоспособные мужчины и женщины руководством строительства были закреплены за строительными объектами. Работающие получали еду, членам семьи выдавался по карточке хлеб. Люди жили в земляных бараках, спали на земляном полу. Непривыкшие к жарким климатическим условиям, измученные в пути следования, многие люди не выдерживали. Особенно много стариков, больных, детей умирало в землянках. В один из дней июля 1944 года я зашел в зем-

лянку на правом берегу в районе котлована ГЭС и увидел 7 трупов, укрытых рогожей. Оказал необходимую помощь в организации похорон.

Справедливости ради надо сказать, что руководство строительством (начальник А.А. Саркисов) делало все возможное для облегчения жизни переселенцев. По главную роль играли комендатуры НКВД, судьбы людей решали они. Были установлены строжайшие правила надзора за переселенцами. Участь спецпереселенцев была хуже, чем заключенного в тюрьме. Работники комендатуры издевались над людьми, как хотели. Надо было регулярно ходить в комендатуру отмечаться: выезжать за пределы местожительства категорически запрещалось. За нарушение грозила смерть. Спецпереселенцы не имели права выезжать из Бекабада в Фергану или Андижан, чтобы разыскать своих родных и близких. Только в сентябре 1944 года я разыскал свою мать в одной из больниц Андижанской области. Она была при смерти. 14-летний племянник обессилел так, что на ногах не мог стоять. Мать и племянника я забрал и привез в Бекабад, а двух сестер так и не нашел, они умерли в первые же месяцы прибытия, где похоронены — мне и их детям так и не удалось установить. В Узбекистане умерли и похоронены в разных местах 14 моих родственников. Таких, как я, — тысячи. Смерть косила спецпоселенцев повсюду, особенно в первый год поселения. По отдельным источникам, за это время от голода, жары, непосильного труда и различных болезней погибло в Средней Азии до 46 процентов спецпереселенцев — крымских татар. В момент депортации на фронтах Второй мировой войны против фашизма сражались около 60 тыс. крымских татар» (13).

По официальным сводкам НКВД, в 1944—1945 гг. погибло 20% переселенцев из Крыма — 44 887 тыс. чел. Эти цифры, конечно, занижены. Несмотря на гласные и негласные запреты на предоставление квалифицированной работы спецпоселенцам, местные власти в Узбекистане в условиях кадрового голода стали принимать в районные организации инженеров, бухгалтеров, врачей...

Сын поэта Эшрефа Шемьи-Заде вспоминал о жизни в Андижанской области: «Грамотные люди везде нужны. Через год почти во всех районных учреждениях бухгалтерами были крымские татары. Наши инженеры заправляли всей районной «индустрией» и строительством. Хорошо помню молодого парня, который фактически выполнял работу главного бухгалтера района, хотя числился на какой-то малозначительной должности» (14).

Пережив страшный голод 1944 года и зиму 1945 года, крымские татары начали возрождаться. Напомню, что в отдельных местностях хлебный паек составлял 100 граммов в сутки. Они научились у узбеков строить дома из высушенных на солнце сырцовых кирпичей, обзавелись огородами. Адаптация...

Но тоска по родине никогда не покидала их.

В условиях режима спецпоселения политика государства фактически была направлена на русификацию в области образования, культуры и ассимиляцию с местным населением. Но этносы, где основная часть населения была занята в сельском хозяйстве, оказались очень устойчивы к размыванию. Они сохранили значительную часть своих традиционных ценностей. А вот культуре и образованию этносов был нанесен огромный и невосстановимый урон.

По распоряжению СНК СССР № 13287 от 20 июня 1944 года обучение детей спецпереселенцев «проводится на русском языке в действующих начальных школах по месту вселения. Обучение детей указанных спецпереселенцев в средних и высших учебных заведениях... проводится... без права выезда за пределы республики как во время обучения, так и после окончания учебных заведений».

Отметим вновь, что коменданты спецкомендатур могли выдать разрешение на выезд из спецпоселения, а могли и не выдать. И никому не обязаны были отчитываться в мотивах своих действий в этом вопросе.

Большинство крымских детей в Узбекистане в конце войны и первые годы после школы не посещали вообще. Так в Ташкентской области из 9120 детей обучались лишь 2519.

Главная причина этого — бедность и нищета спецпереселенцев. У них не было одежды и обуви. Голод, физическое истощение, смерть и отсутствие глав семей, поденная работа детей на подсобных работах — все это не способствовало образованию спецпереселенческой молодежи. Даже в 1952 году в СССР 91 943 детей спецпоселенцев (примерно 20%) общего числа детей школьного возраста не были охвачены обязательным обучением. Канули в Лету национальные школы 1930-х годов, где большая часть детей крымских татар учились на родном языке. Перекрытие доступа к науке, интеллектуальное оскудение...

Многие этнические особенности разных групп крымско-татарского населения были утрачены полностью. Перед большинством высланных семей стояла одна задача — выжить. И материальная и

духовная культура этноса понесла огромный, невосполнимый ущерб. В сущности, каждая личность в этом этносе стремительно и разносторонне духовно обеднела в изгнании. Многие люди это осознавали, многие — нет.

Сохранение и возрождение национальной культуры в условиях режима спецпоселения (тяжкое социальное и правовое положение людей), полного обнищания основной массы — невозможно. И опыт крымских татар, турок-месхетинцев, российских немцев, других репрессированных этнических групп — наглядное тому доказательство.

* * *

Большие испытания коснулись крымских греков, болгар, а также армян — в основном беженцев из Турции. Во время немецкой оккупации в Крыму активно работал Армянский национальный комитет, пытавшийся вовлечь местных армян в добровольческий легион и разведшколу.

Разведцентром «Дромедар» из эмигрантов-дашнаков руководил генерал Дро-Кононян. Интеллигентами, входившими в этот центр, пропагандировались идеи «великой независимой Армении». Реально германское командование создавало и поддерживало такого рода национальные организации в интересах собственной разведки и контрпартизанской деятельности.

2 июня 1944 года вышло постановление ГКО № 5984 сс о выселении из Крыма болгар, греков, армян. Первоначально планировалось выселение из Крыма также 6500 караимов. В марте — апреле 1944 года НКВД Крымской АССР предложило: «Тех караимов, которые переселены, не возвращать в Крым, оставив их на жительство в местах поселений. Караимам, не подвергшимся переселению, а их немного, разрешить проживать в Крыму».

Языком, обычаями и традициями караимы мало чем отличались от крымских татар. Но их религией в древности стал иудаизм. Это было кардинальное отличие. 2 апреля 1944 г. зам. наркома В. Чернышов утвердил предложения Крымского НКВД.

Демобилизованные из армии, беженцы, репатрианты — на основании особых указаний руководства НКВД в связи со своей национальной принадлежностью к той или иной репрессированной народности из проверочно-фильтрационных пунктов и лагерей в 1945—1946 годах отправлялись на спецпоселение к своим семьям

или в местах основного проживания крымских татар, калмыков, месхов и т.д.

Нередкими были случаи, когда целые села и аулы на новых местах селились компактно. Так, село Старый Кишлав Старо-Крымского района Крымской области, населенное крымскими болгарами, в полном составе было в 1944 году переселено в пос. Мурыгино Кировской области (более 300 чел.). Основная масса трудоспособных спецпереселенцев стала работать на местной бумажной фабрике и в леспромхозе.

Георгий Федорович Бахчеванов, 1935 года рождения, переселенный вместе с родителями на север, в 1945 году пошел в первый класс Мурыгинской средней школы. А в 1952 году, после окончания 7 классов школы, поступил на работу в монтажную бригаду бумажной фабрики. В 1954 году его семью перевели в Дубровский леспромхоз, и они переехали в пос. Дубровка. В январе 1955 г. ему выдано удостоверение взамен паспорта, 14 апреля 1956 года в дело вклеена стандартная расписка об его освобождении — сняли с учета спецпоселения.

Но возвращение в Крым ему, как и всем выселенным Крымским народам, было запрещено на долгие десятилетия. Государство лишило их до 1990-х годов родной земли и воздуха родной культуры.

§ 4. Власовцы

Национальные формирования, комитеты, организации активно насаждались германским командованием во всех оккупированных областях, формировались и на территории собственно «рейха» в период Второй мировой войны. Это — стратегия высшего руководства Германии. Ставка на национальный раскол, распад СССР как многонационального государства — «колосса на глиняных ногах», который после мощного удара развалится на составные части, — в целом полностью провалилась.

И тем не менее национальная политика фашистской Германии в отношении русских, украинцев, белорусов, народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии... — на сегодня изучена явно недостаточно. Играют свою роль морально-этические, государственные и прочие ограничения. Вряд ли глубокое изучение такого рода темы способствует сплочению народов России. Недобросовестными исследователями и политиканами возможно спекулятивное использование какой-то части фактов и материалов с целью получения сиюминутных политических выгод.

Освещение такого рода «закрытых» тем, безусловно, необходимо, чтобы исключить прежнюю недостоверную «мифологическую» осведомленность нашего общества, идущего со времен, когда любые разговоры на эти темы жестко пресекались, все архивы были закрыты, а общественное мнение питалось слухами, домыслами и полуправдами.

Власовцами в России называли членов антисоветских военных формирований «Русской освободительной армии» (РОА), во главе которой стоял генерал А.А. Власов. Русские, украинцы, представители других национальностей СССР, гонимые голодом, страхом смерти, боязнью повторения сталинских репрессий 1930-х годов, —

в сравнительно небольших количествах вербовались в РОА в фашистских лагерях для военнопленных. Кто-то был обманут фашистской пропагандой, кто-то был недоволен коллективизацией.

Но в целом — проект «РОА» провалился. Лишь очень незначительная часть военнопленных согласилась служить фашистской Германии. В 1946—1947 годах на спецпоселение поступило 148 079 власовцев, отправленных туда из проверочно-фильтрационных лагерей. Значительная масса власовцев после фильтрации отправлялась в лагеря (часть власовцев осталась на Западе). Таким образом данные о власовцах-спецпоселенцах дают лишь частичную информацию о составе РОА.

Реально в графу «власовцы» отделом спецпоселений МВД включались советские граждане, служившие в немецкой армии, специальных немецких формированиях, РОА, полицейских частях.

В соответствии с постановлением ГКО № 9871 с от 18 августа 1945 г. фильтрационные комиссии в составе представителей НКВД, НКГБ и контрразведки «СМЕРШ» до 1 февраля 1947 г. проводили отбор и направление на спецпоселение сроком на 6 лет всех указанных выше советских граждан, в отношении которых не было оснований и «достаточных материалов об их антисоветской и пособнической деятельности для ареста и предания суду».

Вначале в 1945—1946 годах это постановление ГКО касалось только людей, находившихся в рабочих батальонах и проверочно-фильтрационных лагерях. Затем МВД СССР своей директивой № 97 от 20 апреля 1946 г. распространило действие этого постановления на другие категории «немецких пособников» по всей стране. Выявлять и арестовывать их обязаны были теперь также городские и районные отделы внутренних дел, а выносить постановления о направлении на спецпоселение Главное управление по борьбе с бандитизмом (впоследствии Главное управление оперативного розыска) МВД СССР и его местный аппарат (отделы областных УВД). В 1950 году все Управление оперативного розыска перешло в состав МГБ вместе со своими подопечными. Работа закипела. Отслеживали, проверяли, отправляли.

На 1 февраля 1951 года на оперативном учете МГБ в разработке находилось 101 614 чел., которых можно было отправлять по директиве 97 МВД на спецпоселение. К 1 июля 1951 года на учете спецпоселения состояло 138 460 «власовцев» (15).

Основная масса их расселена в Магадане, Таджикской ССР, в Башкирской, Бурят-Монгольской, Якутской и Коми АССР, а так-

же краях и областях Сибири, Урала. В небольших количествах власовцы были во многих регионах страны. Угольная, золотодобывающая, слюдяная, лесная промышленность, стройки МВД — вот главные работодатели и пользователи власовцев. Проверка и перепроверка этих людей на спецпоселении шла постоянно.

К 1951 году за активную пособническую работу в пользу немцев органами МГБ было арестовано 16 053 власовцев. Оперативная разработка в это время велась в отношении 9346 спецпоселенцев, этой категории учета. Причем в это число входили 469 бывших офицеров и 4840 чел., занимавшихся «карательной и предательской деятельностью».

У большей части власовцев шестилетний срок спецпоселения истекал в 1951—1952 годах. Из их числа выделяли тех, на кого было достаточно компромата, и ускоренно осуждали. Отдельно выделяли спецпоселенцев, принадлежавших к репрессированным народам, и оставляли их на спецпоселении уже «навечно». Помимо прочего, «в целях обеспечения сохранения государственной тайны» отсрочили освобождение спецпоселенцев, работавших на секретном комбинате № 6 Второго главного управления при Совете Министров СССР (сверхсекретные проекты страны).

Предполагалось людей формально освобождать — с учета спецпоселения снимать, но передавать в постоянные кадры предприятий, где они работали. За самовольный уход с этих предприятий их приказывалось привлекать к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Освобождение руководители МВД начала 1950-х годов понимали очень своеобразно. Масса ограничений в правах и лишение права передвижения по стране. Предполагалось закреплять эти ценные рабочие кадры на прежних местах выдачей ссуд на постройку домов, приобретение скота, инвентаря.

Идеология подневольной колонизации Севера оставалась в основе государственной политики страны. Но ее полное банкротство было уже не за горами. Переход к экономическим методам стимулирования добровольных переселенцев (вольный найм промпереселения, оргнаборы) частично идет уже во второй половине 1950-х годов.

* * *

В нижеприведенной справке ОСП МВД СССР приводятся данные на 1 октября 1949 года состава «власовцев»:

Документ 9

Совершенно секретно
СПРАВКА — по «власовцам»

Состоит на учете на 1/X — 1949 года— 132718 чел.
Из них: в местах лишения свободы ..... 14379 чел.
В бегах ..... 1287 чел.
В инвалидных домах ..... 145 чел.
В наличии ..... 116907 чел.
По национальностям (по данным переучета):
Русских ..... 54256 чел., или 48,0 %
Украинцев. ..... 20899 чел., или 18,5 %
Белорусов ..... 5432 чел., или 4,8 %
Грузин. ..... 3705 чел., или 3,3 %
Армян. ..... 3678 чел., или 3,2 %
Узбеков ..... 3457 чел., или 3,1 %
Казахов ..... 2930 чел., или 2,6 %.
Азербайджанцев ..... 2932 чел.
Немцев ..... 2836 чел.
Татар. ..... 2470 чел.
Чувашей ..... 807 чел.
Молдаван ..... 637 чел.
Кабардинцев ..... 640 чел.
Мордвинов ..... 635 чел.
Осетин ..... 595 чел.
Таджиков ..... 545 чел.
Киргизов ..... 666 чел.
Башкир ..... 449 чел.
Туркменов ..... 389 чел.
Поляков ..... 381 чел.
Калмыков ..... 335 чел. «...»

ПОБЕГИ: в бегах на 1/1 — 1949 года было ... 2493 чел.
Выявлено бежавших до 1949 года ..... 686 чел.
ИТОГО: ..... 3179 чел.
Из них задержано в 1949 году ..... 1962 чел.
Осталось в бегах на 1.XI — 49 ..... 1217 чел.
Бежало в 1949 году на 1.XI — 49 ..... 86 чел.
Задержано на 1.XI — 49 ..... 70 чел.
В бегах на 1.XI — 49 ..... 16 чел.
Всего в бегах на 1.XI — 1949 ..... 1233 чел.

1. Дальстрой 26000
2. Кемеровск. об. 18500
3. Коми АССР 17000
4. Молотовск. об. 15500

5. Иркутская об. 7700
6. Красноярск. кр. 7500
7. Якутская АССР 5000
8. Таджикск. ССР 570
9. Приморск. кр. 3600
10. Амурская об. 3500
11. Хабаровск. кр. 3000
12. Тульская об. 2000
13. Читинская об. 2600
Угольная промышленность: 34500
Лесная промышленность: 14000
МВД СССР: 55000

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 146)

Число бежавших в 1949 году сильно снизилось. Русские и украинцы составляют более двух третей от числа всех спецпоселенцев-власовцев.

Данные о размещении их по областям показывают заметно выросшую после войны роль Восточной Сибири как места массовой ссылки.

Под рубрикой «МВД СССР» значатся занятые на секретных объектах страны, которых освобождать никто не будет спешить.

Подготовившись к снятию с учета спецпоселения власовцев, МГБ в нижеприведенной справке особо выделяло неосвобождаемых поселенцев.

Документ 10

Сов. секретно

СПРАВКА

О количестве и местах расселения спецпоселенцев-«власовцев», принадлежащих к национальностям, выселенным по решению Правительства (по данным пересчета в 1949 г.)

№ пп	Наименование республик, краев и областей	Немцы	Татары	Калмыки	Греки	Болгары	Всего
1	Казахская ССР	1	2	—	2	—	5
2	Киргизская ССР	398	77	11	2	2	490
3	Узбекская ССР	2	39	—	—	4	45
4	Карело-Финская ССР	202	154	5	—	3	364
5	Таджикская ССР	—	112	3	2	12	129

Продолжение таблицы

№ пп	Наименование республик, краев и областей	Немцы	Татары	Калмыки	Греки	Болгары	Всего
6	Туркменская ССР	61	22	—	1	—	84
7	Башкирская АССР	99	93	—	—	2	194
8	Бурят-Монгольская АССР	9	90	8	—	—	107
9	Коми АССР	654	268	7	5	1	935
10	Татарская АССР	51	22	—	—	—	73
11	Якутская АССР	219	56	1	6	—	282
12	Красноярский край	203	188	4	5	—	400
13	Приморский край	21	132	1	3	—	157
14	Хабаровский край	103	80	1	—	—	184
15	Амурская область	48	79	6	1	—	134
16	Архангельская обл.	—	—	—	—	1	1
17	Горьковская область	16	—	—	—	1	17
18	Иркутская область	4	222	—	1	—	227
19	Кемеровская область	284	87	132	27	39	569
20	Молотовская область	341	138	142	16	20	658
21	Мурманская область	28	36	2	—	—	66
22	Новосибирская обл.	12	2	—	—	—	14
23	Свердловская область	34	29	—	5	1	69
24	Томская область	—	16	—	—	—	16
25	Тульская область	12	32	—	6	—	50
26	Челябинская область	3	21	7	—	—	31
27	Читинская область	30	46	—	—	1	77
28	Чкаловская область	—	—	—	—	1	1
29	Дальстрой	—	427	5	20	11	463
	Итого	**2836**	**2470**	**335**	**102**	**99**	**5842**

Начальник 4 отделения 3 отдела 9 управления
МГБ СССР Майор (Курочкин)
20 октября 1951 г.

(ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 99)

24 октября 1951 года МГБ СССР издало приказ № 00776 об освобождении от спецпоселения спецпоселенцев-«власовцев». На учете в Кировской области их состояло 49 чел. 24 — русских, 14 — украинцев, остальных — единицы. Лиц немецкой, чеченской, калмыцкой и прочих репрессированных национальностей не было. Подлежали освобождению 48 человек. Один человек арестован в апреле 1952 года и привлечен к уголовной ответственности за контрреволюционную деятельность.

Во втором квартале 1952 года освобождено 11 человек. В третьем квартале этого же года подлежало освобождению 11 человек, в 4 квартале — 10 человек. В 1953 г. истекал шестилетний срок у 9 власовцев, в 1954 году — у 4 человек, в 1955 году — у 2 человек, и в 1956 году должен был быть освобожден последний «власовец» Кировской области. Срок исчислялся им с момента прибытия и постановки на учет спецпоселения. Время пребывания в фильтрационных лагерях, рабочих колоннах и т.п. — в зачет не шло. Обратимся же к судьбам конкретных людей. На фактах их жизни лучше видны реалии той тяжелой эпохи.

Ездовой немецкой армии

В личном деле «власовца» Ал-ова Ивана Игнатовича указано, что его «в соответствии с Постановлением ГОКО от 18 августа 1945 г. и СНК СССР от 29 марта 1946 г. как служившего в строевых формированиях немецкой армии Постановлением УМВД Московской области от 7 сентября 1946 г.» приказано переселить на спецпоселение сроком на 6 лет в Кандалакшский район Мурманской области «без права выезда к прежнему месту жительства» (16).

Далее в анкете указано, что Иван Игнатович родился в 1906 году в деревне Куйбышевской области, русский, беспартийный, образование низшее (3 класса), плотник. На спецпоселении — чернорабочий совхоза «Нива ГЭСстроя». На спецпоселении проживает один. Жена живет с детьми в Татарии.

Его путь в годы войны тоже очень несложен. С 14 августа 1941 года по 5 октября 1941 года рядовой солдат, сапер. Затем плен, немецкий лагерь и служба в разных немецких частях. Не судим.

На немецкой службе, по его словам, был ездовым при госпитале. Материалы первого допроса в органах «СМЕРША» в деле имеются. На вопрос: «Как попал в плен?» — Иван Игнатович ответил так:

«3 октября 1941 года наша часть прибыла в г. Карачев и пошли в лес по направлению к г. Брянску, пробыв в лесу до 5 октября 1941 года, был дан приказ выйти на оборону г. Карачев и занять оборону, что нами и было сделано. Немецкие войска пошли в наступление, пустили танки с пехотой и ехали мотоциклисты, стреляя из пулеметов, — нельзя было подняться, и мы без сопротивления в количестве 500 человек сдались в плен».

Данные каждого допроса — это в значительной мере творчество следователя. Но простота и безыскусность ответов Ал-во убеждают нас, что он, скорее всего, говорит правду.

Дальнейший его путь очерчен на допросе так:

«Я содержался в Карачевских лагерях военнопленных до января 1942 года, после чего был зачислен добровольцем в саперный батальон 156-й немецкой дивизии. Прослужив в указанной части до мая 1943 года, был направлен в 6-ю рабочую колонну на лесоразработки, где пробыл до апреля 1944 года и был направлен в 14-ю немецкую дивизию для постройки окопов, блиндажей и исправления шоссейных дорог и находился в этой дивизии до ноября 1944 г. Затем меня поставили ездовым в немецкий обоз, в котором я прослужил до марта 1945 г. и был освобожден частями Красной Армии и с марта 1945 года по настоящее время находился на спецпоселении».

На вопрос о довольствии в немецкой армии он ответил:

«Питание мы получали с немецкой кухни, обмундирование я получал, но уже поношенное, и ежемесячно платили по 32 с половиной немецких марки».

Из документов он имел добровольческую книжку, выданную немецким командованием, где было указано, что «я служу в должности ездового при воинской немецкой части. Книжку эту я утерял в момент освобождения Красной Армии».

Присягу в немецкой армии, по его словам, не принимал. На вопрос, какую работу выполнял он на немецкой службе, Ал-ов ответил так: «Работу я выполнял разную: копал окопы, строил блиндажи, возил на лошадях воду на кухню и в баню, возил лес для постройки мостов и другие различные работы».

Вопрос: «Кого вы знаете из русских граждан, добровольно служивших в немецкой армии?»

Ответ: «Добровольцев я никого не знаю.»

Таковы материалы первого допроса нашего героя, проведенного 18 мая 1945 года (допрос начат в 12.15 — закончен в 13 часов) опе-

руполномоченным ОКР «Смерш» 48-й армии. Пленных, судя по всему, очень много. Время тратится на каждого очень ограниченное. Решение следователя: «Полагал бы: оставить СНН для разработки».

Уже в лагере (№ 0324 НКВД СССР) следователи получили возможность вести длительные допросы, с пристрастием вникая в мелочи и нестыковки фактов.

19 октября 1945 года Ивану Ал-ову был задан такой вопрос: «Что вас заставило добровольно идти в немецкий саперный батальон?»

Ответ: «Добровольцем я не вступал, меня как плотника взяли в часть, где я и работал плотником. Одновременно колол и пилил дрова, носил воду на кухню».

Вопрос: «Кто может подтвердить ваши показания?»

Ответ: «Здесь есть С-ов Николай, который был вместе со мной в 14 немецкой дивизии».

Вопрос: «Охарактеризуйте М-ова».

Ответ: «С М-вым я познакомился в 1944 году в июне месяце в рабочей колонне 14-й немецкой дивизии. М-ов работал простым рабочим: на дорогах, копал бункера, пилил лес. Состоял он в обозе. 13 ноября 1944 года его перевели неизвестно куда. В мае месяце 1945 года я его встретил вторично на пересылочном пункте. Более ничего вспомнить не могу».

Затребовали компромат на Ал-ова с его довоенного места жительства через НКГБ. Там ничего нет. После этого родилось «Постановление (по материалам фильтрации)» старшего оперуполно-моченного оперотдела проверочно-фильтрационного лагеря № 0324.

14 ноября 1945 года, рассмотрев материалы фильтрации в отношении И.И. Ал-ова, бывшего в Германии,

Нашел:

что Ал-ов, служа в РККА, сдался в плен 5.10.1941 г., после чего добровольно пошел служить в немецкий саперный батальон. Пользовался всеми правами военнослужащих немецкой армии. На основании вышеизложенного и руководствуясь приказом НКВД СССР №.....

постановил:

Ал-ова отправить в отдельный лагерь НКВД, где продолжать разработку агентурно.»

В соответствии с 97-й директивой НКВД попал на спецпоселение.

Негласный надзор за ним и другими власовцами очень плотный. Осведомители тщательно обследовали прошлое этих людей, пытаясь найти укрытые от следователя детали. Нередко они просто провоцировали других на антисоветские высказывания. Очень курьезно сегодня смотрится такая вклеенная в дело Ивана Ал-ова и каждого из его собеседников справка:

«Сов. секретно. Справка. 24 июня 1950 года в общежитии в пос. Нива-2 по Второй улице, дом № 10, комната № 2, находились спецпоселенцы-«власовцы»: Ин-ев Борис, Х-ин Сергей, Ал-ов Иван (подчеркнуто), М-ов Дмитрий. Между присутствующими происходил разговор в отношении ответа т. Сталина группе товарищей по вопросу марксизма в языкознании. Но в связи с тем, что никто из указанных спецпоселенцев не мог хорошо разобраться по существу вопроса в силу своей малограмотности, дальнейший разговор ответа т. Сталина прекратился и высказываний со стороны спецпоселенцев никаких не было.» Справка подписана комендантом спецкомендатуры 6 июля 1950 г.

По ходу дела проверены и данные о месте рождения Ал-ова. По запросу органов из сельсовета пришла такая справочка:

«Дана Кутузовскому РО МВД в том, что гражданин Ал-ов Иван Игнатьевич, 1906 года рождения, несудимый, но родители его были раскулачены в 1929 году и подвергались репрессиям. Что и заверяется.

Председатель сельсовета
Печать, подпись
14 мая 1949 года».

Элемент личной обиды на Советскую власть в деле присутствует. В новом агентурном донесении на Ал-ова И.И. от 30 марта 1951 года указан источник информации (кличка осведомителя) и кто принял донесение.

«26 или 27 марта сего года спецпоселенец-«власовец» Ин-ев Борис Викторович в 2 часа дня на скотном дворе в совхозе рассказывал источнику: «Ну, сегодня Ал-ов совсем мне надоел. Не знаю, что с ним случилось. Он все просил меня, чтобы я его прикончил, и, кроме того, сказал, что если бы у него был пистолет, то он бы застрелился».

Справка: Ал-ов И.И. с февраля 1951 г. находится на больничном листе.

Задание: Источник проинструктирован на немедленное сообщение в спецкомендатуру в случае попытки Ал-ова к самоубийству.
Комендант с/комендатуры № 5
Мл. лейтенант, подпись. 2 апреля 1951 г.»

Второй агент дал также «Агентурное донесение»:
«Источник хорошо знает спецпоселенца Ал-ова Ивана Игнатьевича, который уже в течение трех месяцев находится на больничном листе. Ал-ов зарабатывает около 300—400 рублей в месяц. Материально Ал-ов живет плохо, так как много денег отсылает домой, а себе отказывает в нормальном питании.
Подпись — агентурная кличка
Принял комендант с/к № 5».

В характеристике Ал-ова И.И., рабочего подсобного хозяйства «Нива ГЭСстроя», сказано: «Ал-ов И.И. работает в подсобном хозяйстве в качестве рабочего на общих работах с 20.12.1946 г. ... За период работы ... показал себя неплохим работником. За 11 месяцев работы в текущем году его дневная норма выработки составляет 125%.
31.XII 1949 г. Директор подсобного хоз-ва

Справка дана в с/комендатуру».

Одинокие мужчины-«власовцы» очень ценились руководителями предприятий. Они, как правило, хорошие работники. А недавняя война выбила столько мужчин страны, что работать часто некому.

Но Ал-ов сильно заболел и в 1951 году врачебной комиссией признан инвалидом 2-й группы. Диагноз — болезнь Паркинсона. Это неизлечимо. Никакую, даже самую легкую работу, по мнению врачей, он выполнять не может.

Деньги по больничному листу (после 8 месяцев болезни) ему не выплачивают. Живет он один. Характеризуется всеми органами надзора и совхоза положительно. Иван Ал-ов написал заявление на выезд к семье (май 1951 года). Возражений у 9-го отдела УМГБ Кировской области против этого нет. Но есть возражения у 9-го отдела УМГБ Татарской АССР:

«Переезд «власовцу» Ал-ову Ивану Игнатьевичу из Вашей области в п. Нурлат Татарской АССР на соединение с семьей разре-

шить не можем: во-первых, Октябрьский район ТАССР не является местом спецпоселения; во-вторых, контингент «власовцы» со своими семьями могут быть соединены только по месту поселения, а не месту жительства до выселения».

Людей для «зубров» из органов — нет.

Так в апреле 1952 года рухнули надежды Ал-ова на свободу, хотя сын его прислал официальное согласие с просьбой отправить отца к нему.

После всех необходимых бюрократических процедур в недрах МГБ-МВД, в 1952 году Ал-ов И.И. «передан» в Осиновский Дом инвалидов системы спецпоселений.

Между тем заканчивается его 6-летний срок (с октября 1946 года). МГБ обследует наличие компромата на родственников Ал-ова. Таковой в небольших количествах (как у большинства граждан СССР тогда), естественно, обнаруживается. Отец, брат, сестра и жена его в 1931 году лишались избирательных прав и выселялись из Куйбышевской области. Брат разрабатывался как репатриант, но дело было прекращено. Таким образом, ничего не нашлось. Но все эти процедуры были внезапно прерваны спецсообщением начальника Белохолуницкого РО МГБ от 10 июня 1952 года:

«В Осиновском доме инвалидов Белохолуницкого района 8 июня 1952 года в 15 часов покончил жизнь самоубийством спецпоселенец-власовец Ал-ов Иван Игнатьевич, 1906 года рождения...

Труп был обнаружен в лесу в 300 метрах от Осиновского дома инвалидов». Три месяца не дожил Иван Игнатьевич до освобождения. Акт о происшествии и свидетельство о смерти венчают большую и кропотливую работу органов по стиранию человека в пыль.

В 1990 году постановление УМВД г. Москвы и Московской области от 31 октября 1946 г. о направлении Ал-ова И.И. на спецпоселение было отменено... А родственникам выдана справка о реабилитации. И все же он служил в немецкой армии.

Учитель Ал-ев

Непрост был путь на спецпоселение советских репатриантов. Среди них были люди многих национальностей страны. Спецпоселенец-власовец Багир Ал-ев 16 августа 1946 года был переселен в спецпоселение сроком на 6 лет как лицо, «служившее в немецких формированиях». Основание — Постановления ГКО от 18.08.1945 г. и СНК СССР от 21. 12.1945 г. и Совета Министров

СССР от 29 марта 1946 г. Азербайджанец, родился в 1921 г. в Азербайджане. Беспартийный, холост, образование 10 классов, из крестьян-середняков. Таковы скупые строки анкеты.

В Красной Армии служил с января 1941 г. по июль 1942 г. в 12-й армии. Командир взвода, младший лейтенант. В плену с 1942 по 1944 год в Германии, в 1945 году в Италии. Находился в лагерях для военнопленных. В его личном деле, как и в делах его товарищей по несчастью, полно противоречий и нестыковок.

Иногда — это просто небрежность и халатность разных следователей, иногда — сознательное исправление биографии самим будущим спецпоселенцом. Так что материалы одной анкеты и одного допроса нередко противоречат другим, более поздним документам. Прибыл по репатриации из Италии в 1945 году. В опросном листе Смерша указано — «служил в немецкой армии с 1944 по апрель 1945 года».

На допросе в июне 1945 года Багир отвечал так:

Вопрос: Как вы попали в плен?

Ответ: 15 июля 1942 года на Харьковском направлении около реки Сев. Донец мой взвод 2-го батальона 306-го стрелкового полка держал оборону... При наступлении противника наше подразделение было окружено. Я во время выхода из окружения был легко ранен в грудь осколком, одновременно был оглушен и находился некоторое время в бессознательном состоянии. Когда я пришел в себя, то над траншеей, где я лежал, стояли уже 2 немецких солдата, которые меня пленили, раненого, без сопротивления. Личное оружие револьвер системы «наган» я до пленения спрятал в землю в окопе... В плен сдался одиночкой и без боя.

Вопрос: Чем занимались на оккупированной советской территории? Когда и где?

Ответ: с 15 июля 1942 г. по октябрь месяц 1942 г. находился в лагере военнопленных под конвоем — город Харьков. Там я работал на станции по разгрузке угля. С октября 1942 г. по декабрь 1942 г. находился в лагере военнопленных город Хорол Полтавской обл. Работал под конвоем на разработке леса и на дорогах.

Вопрос: Чем вы занимались за границей в Германии и Италии? Когда и где!

Ответ: С декабря 1942 г. по январь 1944 г. я находился в Германии город Пойтен в лагере военнопленных под охраной, а также в городах Швотус и Вилла. Работал под конвоем на строительстве дорог, на лесоразработках и в шахте. За работу я от немцев ника-

ких расчетов не получал, питался из лагеря военнопленных и жил в лагере.

В апреле 1944 г. я из города Вилла (Германия) бежал из лагеря военнопленных с группой 8 человек в Италию и там скрывался в лесу около городов Удина и Триест. Присоединившись к группе партизан-итальянцев, я действовал во второй бригаде партизан по уничтожению немецких армий. С апреля 1944 года и по апрель 1945 г. В апреле месяце 1945 г. по приходу англо-американских войск в Италию наша группа партизан, скрывавшихся в лесу, вышла и присоединилась к англо-американскому командованию.

В городе Бари я свое оружие — автомат (итальянский) сдал русскому командованию Красной Армии. Из города Бари я был с группой пароходом вывезен на границу СССР.

На новом допросе в 1946 г. Багир отвечал так.

Вопрос: Будучи допрошенным в 73-м стрелковом полку в городе Коростене, вы показали, что служили в немецкой армии с 1944 года по апрель 1945 г. Дайте правдивые показания.

Ответ: Данные мною показания все правдивы. Я никогда не служил в немецкой армии, а также не служил в других немецких формированиях».

Фамилия Багира Ал-ева одна из самых распространенных в Азербайджане. Можно предположить, что его спутали с каким-то однофамильцем, реально служившим в немецкой армии. Во всяком случае, никто разбираться с репатриантом из Италии не стал.

Из солнечной Италии Ал-ев попал в морозную Воркуту, где работал отбойщиком на шахте и заработал болезнь легких. В 1948 году он пишет письмо-жалобу в Президиум Верховного Совета СССР — Швернику, где горячо доказывает свою невинность. Его русский язык на севере стал, видимо, лучше, но все еще не идеален.

«В Италии находился в партизанском отряде, воевал с немцами. Я считаю, что нахожусь под ведомством коменданта. Я хочу быть свободным гражданином. Я хочу знать к какой группе я отношусь — репотриянт или спецпереселенец — мне до настоящего время непонятно...

Прошу Президиум верховного Совета тов. Швернику удовлетворить мое просьбу и разрешить мне ездит на родину.

3.9.1948 г. Ал-ев»

В своей автобиографии Багир, работавший до военной службы учителем на своей родине, вспоминает 1945 год и последующие горестные события:

«В 1945 году из Москвы приехала военная комиссия генерал-майора Голиков, начальник репатриантов, который забрал у нас все оружие. Из Италии приехали в Одессу. Из Одессы отправили в Житомирскую область в город Коростень в запасной полк, где и находился до 1946 года в контрразведке, где и сдал все партизанские документы, которые были отправлены в Москву. Никаких допросов не было, отправили меня в город Воркута....

Из Коми АССР самовольно вышел. Недалеко от Кирова поймали и отправили в Ожмегово. И в настоящее время работаю в Ожмегово в сельхозартели». Со спецпоселения в Коми осенью 1947 года бежало 17 власовцев. Все они были задержаны в Кировской области и здесь же оставлены на спецпоселение. До указа 1948 года уголовных дел на них за побег не заводили.

Работая в леспромхозе, Ал-ев сломал ногу. Аттестации его комендантом на новом месте безотрадны: «Норм не выполняет, высказывает недовольство жизнью в СССР (есть с чем сравнить. — *В.Б.*), восхваляет жизнь в Германии. Его товарищи: Гурджиев и Абасов склонны к побегу с наступлением лета».

Сам Багир вспоминал на допросе свою жизнь в Германии без энтузиазма: «Находился в лагере для военнопленных в городе Швайзе. Кормили исключительно плохо. Людей умирало по тысяче человек в день. Я себя также чувствовал плохо и еле-еле ходил. <...> в Городе Вилла в лагере было много итальянцев. Охраны в указанном лагере было очень много и вся из немцев. В один день из нашей бригады, которая состояла из 100 человек — нас охраняли два конвоира сзади и два спереди, — всего четыре человека и две собаки. Несмотря на это мы, 18 человек — 17 итальянцев и я один из Советского Союза совершили побег на итальянскую территорию. <...> Итальянцы, с которыми мы бежали, хорошо знали местность. <...> В партизанском отряде было много русских и украинцев. Я с ними в партизанском отряде имени «Тито» находился в течение двух лет. Бросал гранаты в немецкие автомашины, взорвал мост».

Годы на спецпоселении тянулись медленно. На жалобы ответа не было. Но срок все же истекал. И 22 декабря 1952 года старший оперуполномоченный 9-го отдела УМГБ Кировской области капитан госбезопасности, рассмотрев материалы личного дела № 21 на спецпоселенца-«власовца» Ал-ева Багира нашел: «Шестилетний урок фактического пребывания Ал-ева Б.Н. на спецпоселении ис-

текает 15 января 1953 г. Близкие родственники его проживают в селе Теловар... и выселению не подвергались.

На основании вышеизложенного и руководствуясь приказом МГБ СССР № 00776 — 1951 года —

Постановил:

Ал-ева Багира ... от спецпоселения освободить с 15 января 1953 года по отбытии срока; с учета спецпоселенцев-«власовцев» снять и выдать ему паспорт с внесением ограничений, предусмотренных ст. 39. «Положения о паспортах» и Постановлением Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г.» (17).

Таким образом, годы работы в Воркуте в зачет почему-то не вошли. Судя по всему, Ал-ев работал там в лагере. При освобождении Ал-ев подписал расписку, что ему запрещено проживать в столицах, приграничных и режимных зонах, Прибалтике, западных областях Украины и Белоруссии (наиболее охраняемые, а также самые беспокойные регионы СССР). И 20 марта 1953 года комендант спецкомендатуры № 7 (пос. Ожмегово) постановил: поскольку Ал-ев Б.Н. освобожден — личное дело сдать в архив. Уходила в прошлое сталинская эпоха. Но смерть вождя означала лишь начало ее ухода. Все последующие десятилетия XX века посеянные «Отцом всех народов» зубы дракона наливались в земле соками ярости и ненависти, чтобы щедро взойти в эпоху распада СССР и новой Кавказской войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 11

Прокурорам Союзных и Автономных Республик,
Краев, областей, городов и районов, Военным
Прокурорам, Транспортным прокурорам

Президиум Верховного Совета СССР 20 сентября 1956 года принял Постановление следующего содержания:

«В связи с поступившими запросами о применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии Советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 г.г.» к бывшим военнослужащим Советской армии и Флота, сдавшимся в плен врагу в период Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР разъясняет, что Указ от 17 сентября 1955 года распространяется и на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен врагу по статьям 193—22 и 58—1-б Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям уголовных

кодексов других союзных республик. В соответствии с этим указанные лица подлежат освобождению от дальнейшего отбытия наказания со снятием судимости и поражения в правах. Снимается также судимость и поражение в правах с лиц, осужденных за эти преступления, отбывших наказание или освобожденных досрочно.

Все следственные дела, а также не рассмотренные судами дела на лиц, привлеченных к ответственности за сдачу в плен врагу в период Отечественной войны, подлежат прекращению».

Сообщаю для руководства и исполнения.

п.п. И.О. Генерального прокурора СССР

Государств. Советник Юстиции I кл. (П. Баранов)

22 сентября 1956 года

№ 17/123».

(ГАКО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 914. Л. 28)

§5. Калмыки

В депортациях военных лет отчетливо просматривается личностное отношение И.В. Сталина и Л.П. Берия к тем или иным народам Кавказа и Поволжья. Элемент субъективности здесь был очень велик. Именно национальные акции военных лет ознаменовали собой полный переход Сталина и в теории и на практике от идей и пропаганды интернационализма к идеям и практике великодержавного национализма — жестко имперской политике. И мы должны представлять, что Сталин пошел на такой кардинальный поворот курса вполне осознанно и выстраивал новую стратегию совершенно определенно в течение всех послевоенных лет. Теория сталинизма послевоенной эпохи — это разрыв с правоверным марксизмом и ленинизмом. Это — отказ в реальности от многих идей и положений, выдвинутых Сталиным не только в дореволюционные, но и в 1920-е годы.

В 1923 году в работе над материалами 12 съезда РКП(б) Сталин писал: «Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связанны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины» (18). Восточные народы, органически связанные с Индией и Китаем, считал Сталин в 1923 году, важны для дела Революции прежде всего. Поэтому «удельный вес этих маленьких народностей» был тогда для него гораздо выше, чем «удельный вес», например, Украины.

«Ежели мы на Украине совершим маленькую ошибку, это не будет так чувствительно для Востока, — говорил он на том же 12 съезде партии. — А стоит одну маленькую ошибку совершить в маленькой стране, в Аджаристане (120 тысяч населения), как это

отзовется на Турции и отзовется на всем Востоке, ибо Турция теснейшим образом связана с Востоком» (19).

Интересно, помнил ли он эти свои слова, подписывая приказы о выселении турок-месхетинцев ...

Скорее всего, помнил, ибо Сталин никогда ничего не забывал. Но курс на мировую революцию 1920-х годов и реалии эпохи 1940-х годов — эпохи великого катаклизма были слишком разными. А превращение СССР после войны в мощную Советскую империю-сверхдержаву позволяло не просто игнорировать мнение Востока и Запада о своих действиях, но агрессивно навязывать всему миру свои идеи, установки и представления о том, что является черным и что является белым. Наступила эпоха сталинской вседозволенности во внутренней и внешней политике.

Вернемся к реалиям военных лет. Значительная часть Калмыкии в августе 1942 г. — январе 1943 г. была оккупирована и 25% калмыков вместе со скотом ушли за Волгу в не занятые фашистами улусы (20). Поводом для операции против калмыков стали обвинения сдачи в плен 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии. По традиционным клише, примененным вскоре еще много раз, власть заявила, что калмыки «изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан... а после изгнания Красной Армией оккупантов организовали банды и активно противодействуют органам Советской власти, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население...».

Все это — огульные обвинения, подписанные властью задним числом, чтобы оправдать депортацию целого народа. Бандитизм в тылу и прифронтовых областях военных лет был явлением повсеместным. Участвовали в ней лица разных народов. Громадные масштабы дезертирства наглядно свидетельствуют об этом.

В целом по Советскому Союзу во второй половине 1941 года насчитывалось 710 755 дезертиров и уклонявшихся от службы в армии 71 541 чел. За три года войны соответственно: 1 210 224 чел. и 45 667 чел. (21). Все эти люди должны были чем-то питаться, добывая себе пищу часто грабежом и разбоем. По данным отделов борьбы с бандитизмом НКВД СССР, за 3 первых года войны в стране было ликвидировано 7163 повстанческие группировки, насчитывавшие 54 130 чел.

Членов этих группировок и дезертиров в соответствии с постановлением ГКО от 11 октября 1942 г. решено было заочно преда-

вать суду военных трибуналов как изменников Родине (по статье 58—1 «б»). Несовершеннолетних членов семей дезертиров требовалось ссылать «в отдаленные местности СССР сроком на 5 лет». То есть на последних распространили действие постановления ГКО № 1926-сс от 24 июня 1942 года «О членах семей изменников Родине».

Таким образом, высказанные обвинения против калмыков можно было применять против любого народа, оказавшегося в прифронтовой полосе или оккупации.

27 и 28 декабря 1943 г. вышли Указ ПВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и постановление СНК СССР № 1432-425 за подписью В. Молотова о депортации калмыков в Алтайский край (25 тыс. чел.), Красноярский край (25 тыс. чел.), в Омскую область (25 тыс. чел.), Новосибирскую область (20 тыс. чел.). Город Элиста был переименован в Степной, калмыцкие названия повсеместно заменялись русскими.

Сама операция НКВД «Улусы» шла 28 и 29 декабря 1943 года. В это время было выселено 91 919 человек. Уже 2 января 1944 года Берия докладывал Сталину об успешно проведенной депортации калмыков. Арестовано как «бандопособников и активных пособников немецким оккупантам» было лишь 750 человек. Возможно, не все из них были реально повинны в инкриминированных преступлениях.

К началу февраля 1944 года калмыки были расселены так: в Новосибирской области (16 436 человек), в Томской области (1848 человек), в Красноярском крае (24 998 человек), в Алтайском крае (22 212 человек), в Казахстане — 2268 человек. Всего 92 983 человека.

Областям такое число переселенцев, голодных, раздетых и больных, было, как правило, не нужно. Ведь спецпереселенцев надлежало обустраивать, кормить и «хозяйственно осваивать».

Выселение в разгар лютой зимы сопровождалось значительной смертностью. Произошла вспышка сыпного тифа. В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округе степняков предполагалось занять рыболовством.

По явно заниженным данным НКВД, во время переселения (в 7 эшелонах) умерли 1640 человек (642 ребенка и 736 стариков) и по пути следования было госпитализировано 1010 человек.

В 1944 году депортировали калмыков из других областей страны, прежде всего из Ростовской и Сталинградской, а также демобилизованных красноармейцев.

Местные комиссии приняли 120 600 голов скота (коров, овец, волов, лошадей). В Калмыкии при выселении было конфисковано значительно больше. Сотни верблюдов явно пошли под нож.

Совхозы, леспромхозы и промышленные предприятия на новых местах еще обеспечивали переселенцам какой-то мизерный паек, но колхозы, не имея запаса продуктов, заставляли переселенцев просто голодать и нищенствовать. Смертность от голода, а также употребления в пищу павших животных, различных суррогатов — была очень значительна. Так только в четырех районах Алтайского края с 11 января по 1 февраля 1944 года от истощения умерло 114 человек.

Русские крестьяне, в дома которых подселили калмыков, чаще всего жалели их, делились последним куском хлеба. Но итоги депортации были плачевны. Более трети калмыков погибло в годы войны. Невосполнимы утраты в духовной и материальной культуре этноса. Именно у калмыков (в изгнании) произошла максимальная среди репрессированных народов демографическая катастрофа. С начала депортации до 1 августа 1948 года их погибло 44 125 человек.

* * *

Любое личное дело спецпоселенца — это история человеческой трагедии, затянувшейся часто на долгие годы.

Сангадж Алятаев родился в 1928 году в селе Нанту Уланхольского района Астраханской области. Беспартийный, одинокий, образование 6 классов и школа ФЗО. Спецпоселенец спецкомендатуры № 11 Шестаковского района Кировской области. На спецпоселение сюда прибыл 25 апреля 1953 года по амнистии из Вятлага.

Срок получил за побег из спецпоселения. Выписка из протокола Особого Совещания при МВД от 16 апреля 1952 года гласит: «За побег с места спецпоселения заключить в лагерь сроком на 20 лет каторжных работ, но, учитывая обстоятельства побега, снизить ему меру наказания до 5 лет исправительно-трудовых лагерей, считая срок с 29 ноября 1951 г. с последующим водворением на спецпоселение» (22).

В стандартном письме-сопроводиловке отдела «П» УВД по Кировской области просят «взять его на учет спецпоселения как калмыка, выселенного при ликвидации Калмыцкой АССР согласс-

но Указу Президиума Верховного Совета СССР № 115 /144 от 27 декабря 1943 года».

Характер у нового спецпоселенца энергичный и явно не сломленный тюрьмой, лагерем и спецкомендатурой. Он засыпал письмами арестовывавшие его инстанции, требуя возврата личных документов. Из УВД Краснодарского края в октябре 1953 года в спецкомендатуру приходит ответ, что С. Алвтаев «обратился в Сочинский отдел УМВД ... с просьбой выслать ему отобранные при его аресте в 1951 году почетную грамоту, выданную Сочинским ГК КПСС и ГИК в 1948 году, и похвальную грамоту, выданную Министерством трудовых резервов в гор. Симферополе в 1948 году». Они просят довести до спецпоселенца, что эти грамоты у них не хранятся, а отправлены с его личным делом в МВД.

Судя по всему, наш герой побеждал в каких-то соревнованиях системы ФЗО. В 1954 году ему удалось все же получить свидетельство о рождении и аттестат об окончании школы ФЗО. А 14 мая 1956 года он освобожден на общих основаниях «как калмык». С 15 лет он был лишен свободы вместе со своим народом. 12 долгих лет калмыки были лишены родины. Даже осуждение расстрельными списками 1930-х годов было более милосердным, чем осуждение целых народов в 1940-е годы. Масштабность и гигантизм — неотъемлемые черты сталинской репрессивной политики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 12

СПРАВКА

К проекту постановления СНК СССР о выделении продовольствия для особо нуждающихся спецпереселенцев-калмыков, из числа расселенных в колхозах.

1. По состоянию на 1 января 1945 г. спецпереселенцев-калмыков расселено в колхозах:

в Алтайском крае	— 12000 чел.
в Красноярском крае	— 3000 чел.
в Новосибирской обл.	— 10625 чел.
в Омской области	— 6625 чел.
в Тюменской области	— 2750 чел.
ИТОГО:	— 35000 чел.

2. Из общего числа расселенных в колхозах количество особо нуждающихся составляет около 80% или:

по Алтайскому краю	— 9600 чел.
по Красноярскому краю	— 2400 чел.
по Новосибирской обл.	— 8500 чел.
по Омской области	— 5300 чел.
по Тюменской области	— 2200 чел.
ИТОГО:	— 28000 чел.

3. Потребность сахара исчислена, только для детей. Численность детей взята ориентировочно 60% от общего количества нуждающихся спецперселенцев, что составляет:

по Алтайскому краю	— 5800 чел.
по Красноярскому краю	— 1500 чел.
по Новосибирской обл.	— 5200 чел.
по Омской области	— 3200 чел.
по Тюменской области	— 1300 чел.
ИТОГО:	— 17000 чел.

Начальник отдела спецпоселений НКВД СССР
Полковник Государственной Безопасности (М. КУЗНЕЦОВ)

Документ 13

Из письма министра внутренних дел СССР С. Круглова от 17 марта 1950 года заместителю председателя Совета Министров СССР товарищу Берия Л.П.

После освобождения территории Украинской ССР от немецких захватчиков по решениям Правительства СССР с 1944 года органами МВД и МГБ проводится выселение из западных областей Украины в отдаленные районы страны членов семей «оуновцев» — украинских националистов, бандитов, а также бандпособников.

Направление на спецпоселение «оуновцев» производилось в 1944—1946 годах по решениям Особого Совещания при НКВД СССР сроком на 5 лет, а в 1947—1949 годах — по решениям Особого Совещания при МГБ СССР сроком на 8—10 лет и на бессрочное поселение.

По состоянию на 1 января 1950 года на спецпоселении находится 11 2633 человек, а членов семей активных «оуновцев», «из них выселенных в 1944—1946 годах сроком на 5 лет — 24 730 человек, выселенных в 1947—1949 годах сроком на 8—10 лет и на бессрочное поселение — 87 903 человека.

Некоторым срок поселения заканчивается в 1950 году, некоторым уже в 1949 году истек. МВД СССР, исходя из нецелесообразности возвращения их к прежнему месту жительства и в целях укрепления режима в местах поселения членов семей «оуновцев», считает необходимым:

— отменить сроки выселения членов семей украинских националистов... установить, что они переселены в отдаленные районы СССР навечно и возвращению в места прежнего жительства не подлежат;

— распространить на них действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения — виновных привлекать к уголовной ответственности и определить меру наказания за это преступление 20 лет каторжных работ.

Проект постановления Совета Министров СССР прилагаю.

Министр внутренних дел СССР С. Круглов.

(ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д. 525. Л. 5)

Я поднял стакан за лесную дорогу,
За падающих в пути,
За тех, кто брести по дороге не могут,
Но их заставляют брести.

За их синеватые жесткие губы,
За одинаковость лиц,
За рваные, инеем крытые шубы,
За руки без рукавиц.

В. Шаламов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В масштабах этой книги нет возможности даже кратко сказать о национальной трагедии карачаевского и чеченского, ингушского и балкарского народов. Не менее тяжела судьба российских греков и турок-месхетинцев, курдов, финнов, корейцев и ряда других обособленных национальных групп. Основные элементы механизма депортации целого народа или компактной группы населения, определенной социальной категории жителей страны традиционны для бериевского ведомства 1930 — 1940-х годов. В войне с собственным народом НКВД накопило богатый опыт расчеловечивания.

Масштабная социальная инженерия эпохи Сталинского социализма, его гигантские эксперименты над подневольным человеком как обезличенной массой, нуждающейся в перековке, переплавке и постоянном перемешивании всех слоев общества внутри кипящего социального котла, — все это нуждается в анализе и осмыслении современными историками. Уникальность этого опыта и этих экспериментов не вызывает сомнений, так же как их безнравственность, аморальность и экономическая провальность. XX век отчетливо доказал, что любые формы внеэкономического принуждения в массовом производстве современной эпохи катастрофично убыточны. И убытки эти не прекращаются с завершением эксперимента.

Раскрестьянивание России и современная кома сельского хозяйства страны — прямые последствия коллективизации. Кавказская война нашего времени, в значительной мере, следствие депортации чеченцев и ингушей. Исход из России более чем одного миллиона российских немцев, а также более одного миллиона нем-

цев из СНГ 1990-х годов в Германию, где судьба их достаточно плачевна, — прямое последствие ликвидации немецкой автономии в СССР и интернирования целого народа.

Российские немцы и крымские татары не вернули своей автономии. Острота крымско-татарской проблемы в современном Крыму — следствие депортации крымских татар 1944 года.

Все советские годы после смерти Сталина высшее руководство СССР не желало решать проблемы репрессированных народов, замалчивая эту тему. Амнистированные, а не реабилитированные люди, их права, семьи были сильно ущемлены. Миллионы неполноправных граждан СССР не смогли раскрыться и самореализоваться в советской системе гласных и негласных запретов и ограничений. И все это — убытки России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Введение

Из общероссийской литературы по этой теме можно назвать лишь книгу Н.Ф. Бугая «Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию...» (М., 1995), посвященную собственно механизму депортации отдельных народов, достаточно противоречивую (в духе XX съезда КПСС по своей концепции и отрывочности), и цикл замечательных по анализу и своим общим статистическим данным — статей В.Н. Земскова 1990-х годов. Все они будут названы ниже. Также значительный интерес для исследователей представляет книга Павла Поляна «Не по своей воле» (М.: ОГИ, 2001), в центре которой историко-географический аспект спецпереселений. Наибольший объем документального материала по теме опубликован в 4 томном издании «Спецпереселенцы в Западной Сибири» (сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др.). Новосибирск, 1992—1996.

Раздел I

1. Морозов Н.А. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 1998. Т. 1. С. 15.

2. Там же. С. 16.

3. См.: Игнатова Н.М. Государственная политика спецпереселения: общие направления и Коми региональные особенности // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001.

4. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социс, 1990. № 11. С. 3.

5. См.: Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 155.

6. Там же. С. 162—163.

7. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос М., 1950. С. 139.

8. Там же. С. 48

9. Земсков В.Н. Заключенные.. С. 154.

10. Земсков В.Н. Спецпоселенцы... С. 9.
11. Там же. С. 10—12.
12. Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вышеуказанному...». М., 1995. С. 251.
13. Земсков В.Н. Спецпоселенцы... С. 10—12.
14. Морозов Н.А. Указ. соч. С. 18—19.
15. Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935—1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 98.
16. Там же. С. 101.
17. Земсков В.Н. Репатриация Советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956) // Социс. 1995. № 5. С. 4, 5.
18. Там же. С. 11.
19. Там же. № 6. С. 11.
20. Бруль В. Указ. соч. С. 111.
21. Земсков В.Н. Спецпоселенцы... С. 12.
22. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 2943. Оп. 13. Д. 731. Л. 23.
23. Там же. Д. 659. Л. 132.
24. Бруль В. Указ. соч. С. 115.
25. Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. Часть 2. М., 1991. С. 389.
26. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. —Д. 98. Лл. 1, 2.
27. Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954—1960) // Социс, 1991. № 1. С. 10.

Раздел 2

1. См.: Зеленин И.Е. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса (осень 1930 — 1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 31—49.
2. Цит. по: Угрюмова Б.А. Спецпереселенцы в Ленинском районе в начале 30-х годов // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001. С. 99.
3. Там же. С. 100
4. См.: Неизвестная Россия. XX век. Т. 1. С. 251—257.
5. Покаяние. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Часть 1. С. 181—182.
6. Там же. С. 677—680.
7. Покаяние. Т. 4. Часть 1. С. 713—714.
8. Там же. С. 733—734.
9. См: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социс, 1991. № 10. С. 18.
10. Архив УВД по Кировской области. Личное дело М.А. Акимова.
11. См: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс, 1992. № 2. С. 3—25.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 74. Л. 77.

Раздел 3

1. См.: Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 46.
2. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 489.
3. Там же. Д. 112. Л. 1.
4. Там же. Л. 2.
5. См.: Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942—1948 гг. // Наказанный народ. М., 1999. С. 128—145.
6. Архив Учреждения К-231 (пос. Лесной Кировской области). Личное дело № М-6509 Б.Я. Гельбера.
7. Архив УФСБ по Кировской области.
8. Архив Учреждения К-231 (пос. Лесной Кировской области). Фонд личных дел мобилизованных немцев и общая картотека. Первичный материал обработан В.И. Веремьевым.
9. Там же. Личное дело мобилизованного А.К. Шефера.
10. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГА СПИ КО). Фонд политотдела Вятлага НКВД (МВД) СССР. Ф. 5991.
11. Белковец Л. Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941—1955) // Наказанный народ. С. 158—160.
12. Там же. С. 162.
13. ГА СПИ КО. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 517. Лл. 20—22.
14. Архив УВД по Кировской области. Личное дело И.А. Вотчала.
15. Архив УВД по Кировской области. Личное дело Ю.И. Вегерта.
16. См.: Белковец Л. Указ. соч. С. 168—171.
17. Архив Учреждения К-231. Личное дело К.О. Гребена.
18. Архив УВД по Кировской области. Личное дело В.-Я.Х. Миллера.
19. Там же. Личное дело В.А. Миллера.

Раздел 4

1. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 187.
2. Полян П.М. Указ. соч. С. 139.
3. Подробнее см.: Стродс Х. П. Депортация населения Прибалтийских стран в 1949 году // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 130—135.
4. Там же. С. 133.
5. Смирин Г. Основные факты истории Латвии. — Рига, 1993. С. 122—123.
6. Земсков В. ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6—7. С. 70.
7. Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социс, 1991. № 7. С. 8.
8. Разгон Л. Чужие // Детектив и политика. 1990. № 6. С. 334—335.
9. Панин Д.М. Лубянка — Экибастуз. М., 1990.
10. Юристы военного времени (документы и материалы). Киров, 2000. С. 110—111.

11. Там же. С. 112.

12. Архив Учреждения К-231 (Вятского ИТЛ НКВД — МВД СССР). Фонд отдела кадров. Д. 2854.

13. Составлено В.И. Веремьевым по архивной картотеке специального учета Учреждения К-231 ГУИН Минюста России (бывшего Вятлага НКВД СССР). Пос. Лесной Кировской области.

14. Юристы военного времени. С. 130—134.

15. Улманис Г. Путь президента. Рига, 1996. С. 143.

16. Там же. С. 24—29.

17. Архив Учреждения К-231 (пос. Лесной Верхнекамского района Кировской области). Личное дело Я.А. Волонта.

18. Там же. Личное дело К.Д. Вейднека.

19. Там же. Личное дело. Я.П. Кангарса.

20. Там же. Личное дело Х.П. Албатса.

21. Архив УВД по Кировской области. Личное дело Аллик К.П.

22. Там же. Личное дело Маркус М.-А.И.

23. Там же. Личное дело Войтк В.Э.

24. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 6799. Оп. 7. Д. СУ—9013. Т. 1. Лл.1—2.

25. Там же. Л. 98.

26. Там же. Т. 1.

Раздел 5

1. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 106—107.

2. Там же. Л. 111.

3. Там же. Д. 372. Л. 36.

4. Там же. Л. 59—61.

5. Там же. Д. 57. Л. 6.

6. Там же. Л. 27.

7. Архив Управления ФСБ по Кировской области. Фонд польских осадников.

8. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 13.

9. Архив УВД по Кировской области. Личное дело Г.И. Альда.

10. Там же. Личное дело М.В. Билас.

11. Полян П.М. Указ. соч. С. 125—126.

12. Кокурин А.И. Спецпереселенцы в СССР в 1944 году // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 101.

13. Сейфуллаев И. Выселение крымско-татарского народа на основе огульных обвинений // Репрессированное поколение крымско-татарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Симферополь, 2001. С. 237—239.

14. Шемьи-Заде А. Заметки о жизни поэта в условиях спецпоселения // Там же. С. 258.

15. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 115.

16. Архив УВД по Кировской области. Личное дело Ал-ова И.И.
17. Там же. Личное дело Ал-ова Б.Н.
18. Сталин И.В. Сочинения. T.S.M. М., 1947.
19. Там же.
20. Полян П.М. Указ. соч. С. 119—120.
21. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 28—35.
22. Архив УВД по Кировской области. Личное дело С. Алвтаева.

СПИСОК ДОКУМЕНТОВ, ПРИВЕДЕННЫХ В КНИГЕ

Раздел I

1. Контингенты спецпоселенцев на 1 января 1953 года. С. 21.

2. Расселение спецпоселенцев на территории СССР по данным на 1 января 1949 г. С. 34.

3. Докладная записка из МВД СССР А.Н. Косыгину от 25.04.1946 г. С. 37.

4. Докладная записка из отдела спецпоселений МВД Л.П. Берия от 20.06.1946 г. С. 38.

5. Докладная записка С. Круглова И.В. Сталину от 25.12.1946 г. С. 39.

6. Докладная записка в МГБ СССР С.Д. Игнатьеву от 19.09.1951 г. С. 43.

7. Справка полковника В. Шияна от 27.09.1951 г. С. 44.

8. Справка о детях спецпоселенцев, ссыльных и высланных от 15.03.1952 г. С. 45.

9. Справка 9-го Управления МГБ СССР о спецпоселенцах, ссыльных и высланных от 05.07.1952 г. С. 47

10. Сельскохозяйственное производство в СССР (1928—1932 гг.). С. 51.

11. География расселения польских «осадников» и беженцев на 01.04.1941 г. С. 55.

12. Эвакуация германским командованием советских немцев в 1942—1944 гг. С. 67.

13. Спецсообщение в ОСП НКВД СССР от 17.07.1945 г. С. 68.

14. Акт проверки прокуратурой Кировской области спецпоселений Мухинского района от 8.12.1951 г.

15. Численность и состав спецпоселенцев (по состоянию на 15 июля 1949 г.) С. 78.

16. Доклад о работе УМГБ по Кировской области по спецпоселенцам, ссыльным и высланным за январь—февраль 1951 г. С. 80.

17. Список спецпоселков Кировской области на 9.11.1951 г. С. 89.

18. Акт прокурорского надзора за спецпоселениями Кировской области от 31 марта 1952 г. (в изложении). С. 102.

19. Ссыльные Кировской области. Разбивка по окраскам учета и составу преступления. С. 107.

20. Категории ссыльных и высланных на 1 января 1952 г. (по статистической таблице отчетов МГБ СССР). С. 108.

21. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. С. 111.

22. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 г. С. 111.

23. Постановление № 35 СНК СССР от 8 января 1945 года «О правовом положении спецпереселенцев». С. 117.

24. Перечень некоторых директивных документов, принятых органами государственной власти в СССР в связи с депортациями населения и массовыми репрессиями по национальному признаку. С. 120.

25. Хронология развития репрессивных органов СССР. С. 150.

26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. С. 160.

27. Численность и состав спецпоселенцев на 1 января 1953 г. С. 162.

28. Процесс освобождения из спецпоселения и ссылки (1 июля 1954 г. — 1 июля 1957г.). С. 164.

29. Численность и состав спецпоселенцев в 1958—1959 годах. С. 170.

30. Из «Обзора о недостатках в расследовании дел о контрреволюционных преступлениях (28.11.1955 г.)». С. 171.

Раздел 2

1. Письмо наркома внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачева о положении спецпереселенцев на пересыльных пунктах Северного края от 16.04.1930 г. С. 183.

2. Протокол заседания комиссии А. Андреева от 05.05.1931 г. С. 186.

3. Спецпереселенцы СССР в 1932—1933 гг. С. 188.

4. Временное положение ОГПУ о правах и обязанностях спецпереселенцев от 25 октября 1931 г. С. 203.

5. Письмо спецпереселенца М.И. Калинину. С. 213.

6. Письмо из Вологды М.И. Калинину. С. 215.

7. Из воспоминаний Грязновой (Казьминой) Е.А. С. 216.

8. География расселения трудпоселенцев на 1 июля 1938 г. С. 229.

9. Трудовое использование трудпоселенцев по наркоматам. С. 230.

10. Письмо Д.Д. Акимовой М.И. Калинину от 27.1.1941 г. С. 236.

11. Докладная записка ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР «О состоянии трудссылки по данным за 2 и 3 кварталы 1941 г». С. 255.

12. Из спецсообщения УНКВД Омской области от 22 декабря 1942 г. «О настроениях трудпоселенцев». С. 258.

13. Справка УКНВД Архангельской области от 30 марта 1944 г. «О мобилизации трудпоселенцев в августе 1943 г.». С. 259.

14. Бывшие кулаки в Вятлаге. С. 262

Раздел 3

1. Директивные документы о депортации российских немцев в августе—сентябре 1941 г. С. 299.

2. Справка ОТСП НКВД СССР о немцах-спецпереселенцах Красноярского края на 1.4.1943 г. С. 314.

3. Письмо секретаря Кировского обкома ВКП(б) В. Лукьянова от 26.12.1941 г. С. 317.

4. Докладная записка Л.П. Берия о российских немцах министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова от 12 декабря 1948 г. С. 318.

5. Справка ОСП МВД СССР о регионах выселения российских немцев от 8 января 1949 г. С. 322.

6. Перечень постановлений и распоряжений правительства о переселении немцев-спецпоселенцев от 24.03.1948 г. С. 323.

7. Справка о местных немцах, состоявших на учете спецпоселения от 10 октября 1949 г. С. 326.

8. Докладная записка в Политбюро ЦК ВКП(б) (ноябрь 1951 г.). С. 327.

9. Справка о немцах спецпоселенцах 9 управления МГБ СССР от 29 ноября 1951 г. С. 329.

10. Справка УМГБ по Саратовской области от 23.01.1952 г. С. 332.

11. Документы о создании трудовой армии (рабочих колонн). С. 338.

12. Из Мартиролога «Немцы в Вятлаге» (А.В. Безель, А.И. Шнейдер). С. 348.

13. Документы о трудовой армии. С. 363.

14. Приложение к акту о передаче лагеря (Вятского ИТЛ) по санитарному отделу (январь 1944 года). С. 380.

15. Заявление А.К. Шефера Прокурору СССР. С. 387.

16. Документы о трудармейцах в Вятлаге. С. 389.

17. Из Мартиролога «Немцы в Вятлаге». С. 400.

18. Отрывок из повести Е. Гинзбург «Крутой маршрут». С. 408.

19. Документы партийных и комсомольских собраний немцев-трудармейцев Вятлага. С. 419.

20. Из Мартиролога «Немцы в Вятлаге». С. 427.

21. Заключение о взятии на учет спецпоселения Фольмер Е.А. от 5 июля 1951 г. С. 448.

22. Обвинительное заключение по делу Эделя Э.В. С. 466.

23. Судебный приговор Щетину Ф.Э. С. 468.

24. Справка о наличии компрометирующих материалов на Гейзель Д.А. С. 470.

25. Материалы судебного дела Гильда Н.Х. С. 474.

Раздел 4

1. Документы о сыльнопоселенцах из Прибалтики и других западных областей за 1943 год. С. 505.

2. Докладная записка министра внутренних дел Латвийской ССР о работе по операции «Прибой» от 7 апреля 1949 г. С. 514.

3. Докладная записка министра внутренних дел Эстонской ССР о работе по операции «Прибой» от 18 апреля 1949 г.

4. Национальный состав заключенных ГУЛАГа в 1942—1947 годах. С. 528.

5. Национальный состав заключенных ГУЛАГа на 1 января 1951 г. С. 430.

6. Докладная председателя Кировского областного суда об изъятии ценностей у латышей в Вятлаге. С. 534.

7. Сведения о местах захоронений латышей, содержавшихся в Вятском ИТЛ НКВД СССР в 1938—1956 годах. С. 539.

8. Из «Лагерного дневника» Артура Страдиньша. С. 561.

9. Заключение УМГБ по Кировской области от 5.04.1951 г. о выселении на спецпоселение Курвитса П.Я. С. 584.

10. Постановление прокурора Эстонской ССР от 17.06.1957 г. Об освобождении от спецпоселения Войтес С.К. и Войтес Э.Х. С. 585.

11. Постановление УМГБ по Кировской области на арест эстонки Линде А.Ю. от 3.04.1948 г.

12. Обвинительное заключение УМГБ по Кировской области по делу группы ссыльных эстонцев от 3.07.1948 г. С. 597.

Раздел 5

1. Спецсообщение ОСП НКВД СССР от 9 мая 1945 г. С. 608.

2. Докладная ОСП НКВД В.В. Чернышову о положении чеченцев, ингушей и карачаевцев в леспромхозах Костромской области от 13 октября 1944 г. С. 609.

3. Докладная ЦК КП(б) и Совнаркома Казахстана об оказании помощи спецпереселенцам с Северного Кавказа и Грузии (январь 1945 г.). С. 610.

4. Докладная СНК Таджикской ССР от 28 июня 1945 г. о необходимости увеличения нормы питания спецпереселенцев до 200 гр. в день. С. 612.

5. Спецсообщение УНКВД по Кировской области «О настроениях бывших польских осадников в связи с заключением советско-польского соглашения». С. 621.

6. Докладная зам. наркома внутренних дел С.Н. Круглова Л.П. Берия по письму Ванды Василевской от 22 октября 1943 г. С. 623.

7. Инструкция НКВД начальникам эшелонов по сопровождению спецпереселенцев-осадников (январь 1940 г.). С. 627.

8. Справка ОТСП НКВД СССР о настроениях спецпереселенцев-поляков (за второй квартал 1941 г.). С. 630.

9. Справка ОСП МВД СССР о власовцах на 1.10.1949 г. С. 643.

10. Справка 9 Управления МГБ СССР о местах расселения власовцев, неосвобождаемых по истечении 6-летнего срока (от 20.10.1951 г.). С. 644.

11. Из Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1956 года. С.655.

12. Справка отдела спецпоселений НКВД СССР об особо нуждающихся в продовольствии калмыках (на 1 января 1945 г.). С. 661.

13. Из письма министра внутренних дел СССР С. Круглова Л.П. Берия от 17.03.1950 г. С. 662.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ СССР и ОТВЕТСТВЕННЫЕ РАБОТНИКИ ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ СССР,

ИНИЦИИРОВАВШИЕ МАССОВЫЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ ДЕПОРТАЦИИ И РУКОВОДИВШИЕ СИСТЕМОЙ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ (1930—1960-Е ГОДЫ)

Краткие биографические справки

АБАКУМОВ Виктор Семенович (1908, Москва — 19.12.1951, Ленинград).

Из семьи рабочего фармацевтической фабрики (позже отец работал в больнице — уборщиком и истопником). Мать — прачка. Русский. Член Компартии с 1930 г., в ВЛКСМ — с 1927 г. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва.

Образование:

городское училище в Москве (до 1921 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне органов ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ:

ноябрь 1921 г. — декабрь 1923 г. — рядовой 2-й Московской особой бригады ЧОН;

1924 г. — рабочий на временных работах (Москва);

1925—1926 гг. — упаковщик Московского пром. союза;

август 1927 г. — апрель 1928 г. — стрелок военно-промышленной охраны ВСНХ;

июль 1928 г. — январь 1930 г. — заместитель заведующего АО торгово-посылочной конторы Наркомата внутренней торговли РСФСР;

январь—сентябрь 1930 г. — секретарь организации ВЛКСМ торгово-посылочной конторы Наркомата внутренней торговли РСФСР;

октябрь 1930 г. — 1931 г. — секретарь комитета ВЛКСМ завода «Прогресс» (Москва);

1931—1932 гг. — член бюро, заведующий военным отделом Замоскворецкого райкома МГК ВЛКСМ.

В органах ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ:

1932—1933 гг. — уполномоченный ЭКО постоянного представительства ОГПУ по Московской области;

1933 г. — 10.07.1934 г. — уполномоченный ЭКУ ОГПУ СССР;

10.07.1934 г. — 01.08.1934 г. — уполномоченный 1-го отделения ЭКО ГУГБ НКВД СССР;

01.08.1934 г. — 16.08.1935 г. — уполномоченный 3-го отделения ГУЛАГа НКВД СССР;

16.08.1935 г. — 15.04.1937 г. — оперативный уполномоченный 3-го отделения охраны ГУЛАГа НКВД СССР;

15.04.1937 г. — март 1938 г. — оперативный уполномоченный отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

март 1938 г. — 29.09.1938 г. — помощник начальника отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР;

29.09.1938 г. — 01.11.1938 г. — помощник начальника отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

01.11.1938 г. — 05.12.1938 г. — начальник 2-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

05.12.1938 г. — 27.04.1939 г. — временно исполняющий должность начальника УНКВД Ростовской области;

27.04.1939 г. — 25.02.1941 г. — начальник УНКВД Ростовской области;

25.02.1941 г. — 19.04.1943 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР, одновременно (с 19.07.1941 г.) — начальник Управления особых отделов НКВД СССР;

19.04.1943 г. — 04.05.1946 г. — начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» («Смерть шпионам») НКО-МВС СССР, одновременно: заместитель наркома обороны СССР (19.04.1943 г. — 20.05.1943 г.), уполномоченный НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту (11.01.1945 г. — 04.07.1945 г.), член Комиссии по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале по делу главных германских военных преступников (с 06.09.1945 г.);

04.05.1946 г. — 04.07.1951 г. — министр Государственной безопасности СССР, одновременно: член Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам (18.05.1946 г. — 04.07.1951 г.), председатель коллегии МГБ СССР (31.12.1950 г. — 04.07.1951 г.).

ЗВАНИЯ:

— младший лейтенант госбезопасности — 20.12.1936 г.;

— лейтенант госбезопасности — 05.11.1937 г.;

— капитан госбезопасности (произведен из лейтенанта ГБ) — 28.12.1938 г.;

— старший майор госбезопасности (произведен из капитана ГБ) — 14.03.1940 г.;

— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 09.07.1941 г.;

— комиссар госбезопасности 2-го ранга — 04.02.1943 г.;

— генерал-полковник — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:
— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» — 09.05.1938 г.;
— орден Красного Знамени № 4697 — 26.04.1940 г.;
— орден Суворова 2-й степени № 540 — 08.03.1944 г.;
— орден Суворова 1-й степени № 216 — 31.07.1944 г.;
— орден Кутузова 1-й степени № 385 — 21.04.1945 г.;
— орден Красной Звезды № 847892;
— орден Красного Знамени;
— 6 медалей.

Арестован 12.07.1951 г. Приговорен 19.12.1951 г. Военной коллегией Верховного суда СССР в Ленинграде (Санкт-Петербург) к высшей мере наказания. Расстрелян 19.12.1951 г. в Ленинграде (Санкт-Петербург). Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

БЕРИЯ Лаврентий Павлович (17.03.1899 г., село Мерхеули, Абхазия-Грузия — 23.12.1953 г., Москва).

Из семьи крестьянина-бедняка. Грузин. В Компартии — с марта 1917 г. Член ЦК ВКП(б)-КПСС (XVII, XVIII и XIX съезды). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) — 22.03.1939 г. — 18.03.1946 г. Член Политбюро ЦК ВКП(б) — 18.03.1946 г. — 16.10.1952 г. Член Президиума ЦК КПСС — 16.10.1952 г. — 26.06.1953 г. Член Бюро Президиума ЦК КПСС — 16.10.1952 г. — 05.03.1953 г. Депутат Верховного Совета СССР 1—3-го созывов. Член Президиума Верховного Совета СССР — 17.01.1938 г. — 31.05.1939 г. Герой Социалистического Труда — 1943 г. Лауреат Сталинской премии I степени — 29.10.1949 г.

ОБРАЗОВАНИЕ:
— Сухумское высшее начальное училище (1908—1915 гг., окончил с отличием);
— среднее механико-строительное техническое училище (Баку, 1919 г.);
— Бакинский политехнический институт (1920—1922 гг.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне органов ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ:

1915—1917 гг. — казначей нелегального марксистского кружка механико-строительного училища (город Баку), в марте 1917 г. организовал ячейку РСДРП(б);

1916 г. — практикант Главной конторы Нобеля в Балахнах (город Баку);

октябрь 1918 г. — январь 1919 г. — конторщик на заводе «Каспийское товарищество Белый Город» (Баку, период турецкой оккупации);

февраль 1919 г. — апрель 1920 г. — председатель подпольной ячейки РКП(б) техников (город Баку);

осень 1919 г. — март 1920 г. — сотрудник мусаватистской контрразведки (поступил на службу по поручению партии «Гуммет»);

март—апрель 1920 г. — сотрудник Бакинской таможни;

апрель 1920 г. — уполномоченный Кавказского крайкома РКП(б) и регистрационного отдела 11-й армии в Грузии;

апрель—май 1920 г. — арест грузинскими меньшевиками в Тифлисе (Тбилиси), освобождение с предписанием в 3-дневный срок покинуть Грузию, работник полпредства РСФСР в Грузии;

май-август 1920 г. — арест грузинскими меньшевиками, заключение в кутаисской тюрьме, высылка в советский Азербайджан;

август-октябрь 1920 г. — управляющий делами ЦК КП(б) Азербайджана;

октябрь 1920 г. — февраль 1921 г. — ответственный секретарь Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих (город Баку);

31.10.1931 г. — 17.10.1932 г. — второй секретарь Закавказского крайкома ВКП(б);

14.11.1931 г. — 31.08.1938 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, одновременно: первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) — 17.10.1932 г. — 05.12.1936 г., первый секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии — май 1937 г. — 31.08.1938 г.;

03.02.1941 г. — 15.03.1946 г. — заместитель председателя СНК СССР, одновременно: член ГКО СССР — 30.06.1941 г. — 04.09.1945 г., заместитель председателя ГКО СССР — 16.05.1944 г. — 04.09.1945 г.;

20.08.1945 г. — 26.06.1953 г. — председатель Государственного комитета № 1 при СНК — Совете Министров СССР, одновременно: заместитель председателя Совета Министров СССР — 19.03.1946 г. — 15.03.1953 г., первый заместитель председателя Совета Министров СССР — 05.03.1953 г. — 26.06.1953 г.

В органах ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ:

апрель—май 1921 г. — заместитель начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК;

май 1921 г. — ноябрь 1922 г. — заместитель председателя Азербайджанской ЧК, начальник секретно-оперативной части;

ноябрь 1922 г. — март 1926 г. — заместитель председателя Грузинской ЧК, начальник секретно-оперативной части;

март 1926 г. — 02.12.1926 г. — заместитель председателя ГПУ Грузинской ССР, начальник секретно-оперативной части;

02.12.1926 г. — 17.04.1931 г. — заместитель полномочного представителя ОГПУ в ЗСФСР, заместитель председателя Закавказского ГПУ, начальник секретно-оперативного управления постоянного представительства ОГПУ в ЗСФСР и Закавказского ГПУ, одновременно: председатель ГПУ Грузинской ССР (до 03.12.1931 г.), нарком внутренних дел Грузинской ССР (04.04.1927 г. — декабрь 1930 г.);

17.04.1931 г. — 03.12.1931 г. — начальник особого отдела Кавказской краснознаменной армии и полномочный представитель ОГПУ СССР в ЗСФСР, председатель Закавказского ГПУ, одновременно (с 18.08.1931 г.) — член коллегии ОГПУ СССР;

22.08.1938 г. — 25.11.1938 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР, одновременно: начальник 1-го управления НКВД СССР (до 29.09.1938 г.), начальник ГУГБ НКВД СССР (до 17.12.1938 г.);

25.11.1938 г. — 29.12.1945 г. — нарком внутренних дел СССР;

05.03.1953 г. — 26.06.1953 г. — министр внутренних дел СССР.

Звания:

— комиссар государственной безопасности 1-го ранга — 11.09.1939 г.;

— генеральный комиссар государственной безопасности — 30.01.1941 г.;

— Маршал Советского Союза — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— орден Боевого Красного Знамени Грузинской ССР — 03.07.1923 г.;

— орден Красного Знамени № 7034 — 03.04.1924 г.;

— орден Трудового Красного Знамени Грузинской ССР — 10.04.1931 г.;

— орден Трудового Красного Знамени Азербайджанской ССР — 14.03.1932 г.;

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 100 — 20.12.1932 г.;

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» № 205 — 20.12.1932 г.;

— орден Ленина № 1236 — 17.03.1935 г.;

— орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики № 441 — 15.07.1942 г.;

— орден Республики Тува — 18.08.1943 г.;

— медаль «Серп и Молот» № 80 — 30.09.1943 г.;

— орден Ленина № 14839 — 30.09.1943 г.;

— орден Красного Знамени № 11517 — 03.11.1944 г.;

— орден Ленина № 27006 — 21.02.1945 г.;

— медаль «XXV лет МНР» № 3125 — 19.09.1946 г.;

— орден Ленина № 94311 — 29.03.1949 г.;

— орден «Сухбаатар» (МНР) № 31 — 29.03.1949 г.;

— орден Ленина № 118679 — 29.10.1949 г.;

— орден Трудового Красного Знамени Армянской ССР;

— 7 медалей.

СОЧИНЕНИЯ:

— Берия Л. П. Под великим знаменем Ленина-Сталина: Статьи и речи. — Тбилиси, 1939.

— Берия Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 8-е изд. — М., 1949.

Арестован 26.06.1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. На Пленуме ЦК КПСС 02.07.—07.07.1953 г. выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии как «враг Коммунистической партии и советского народа». Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 г. к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941.: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

БЕРМАН Матвей Давыдович (1898 — 07.03.1939).

Родился в селе Андриановка Читинского уезда Забайкальской области, в семье владельца кирпичного завода (в 1913 г. отец разорился, стал служащим). Еврей. В Компартии — с июня 1917 г. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

ОБРАЗОВАНИЕ:

коммерческое училище (Чита, 1916 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне органов ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ:

февраль—октябрь 1917 г. — рядовой 15-го полка (город Красноярск), курсант Иркутского военного училища, прапорщик, член полкового комитета 25-го запасного полка (город Томск);

октябрь 1917 г. — май 1918 г. — товарищ председателя военного отдела Томского губисполкома;

июнь—август 1918 г. — заведующий агитационно-вербовочным отделом Глазовского уездного военкомата (Вятская губерния);

02.10.1936 г. — 16.08.1937 г. — заместитель наркома связи СССР;

16.08.1937 г. — 24.12.1938 г. — нарком связи СССР.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД:

август—октябрь 1918 г. — председатель Глазовской уездной ЧК (Вятская губерния);

октябрь 1918 г. — октябрь 1919 г. — инспектор Управления особых формирований (Пермь, Вятка, Екатеринбург);

октябрь—ноябрь 1919 г. — помощник начальника СОЧ (секретно-оперативной части) Екатеринбургской губернской ЧК;

ноябрь 1919 г. — январь 1920 г. — начальник оперативного отдела Сибирской ЧК (город Омск);

10.01.1920 г. — май 1920 г. — председатель Томской уездной ЧК;

май—август 1920 г. — председатель Томской губернской ЧК;

август—октябрь 1920 г. — председатель Верхнеудинской губернской ЧК;

октябрь—декабрь 1920 г. — заместитель председателя Енисейской губернской ЧК;

декабрь 1920 г. — март 1921 г. — председатель Семипалатинской губернской ЧК;

март 1921 г. — февраль 1922 г. — председатель Иркутской губернской ЧК, одновременно (до августа 1923 г.) — начальник Особого отдела 5-й Отдельной армии;

февраль 1922 г. — август 1923 г. — начальник Иркутского губернского отдела ГПУ;

сентябрь 1923 г. — август 1924 г. — начальник Бурят-Монгольского областного отдела ГПУ, одновременно — нарком внутренних дел Бурят-Монгольской АССР;

17.08.1924 г. — 15.02.1927 г. — начальник секретно-оперативного управления полномочного представительства ОГПУ по Средней Азии, одновременно: заместитель полномочного представителя ОГПУ в Туркестане, по Средней Азии (до 01.02.1928 г.), начальник особого отдела

13-го стрелкового корпуса (15.02.1927 г. — 13.09.1927 г.), председатель ГПУ Узбекской ССР (15.02.1927 г. — 01.02.1928 г.), начальник особого отдела 2-й стрелковой дивизии (01.10.1927 г. — 01.02.1928 г.);

20.02.1928 г. — 11.11.1929 г. — начальник Владивостокского окружного отдела ГПУ;

11.11.1929 г. — 15.07.1930 г. — заместитель полномочного представителя ОГПУ по Ивановской промышленной области, начальник секретно-оперативного управления, начальник Ивановского окружного отдела ГПУ(?);

15.07.1930 г. — 01.10.1930 г. — заместитель начальника Управления лагерей (УЛАГа) ОГПУ СССР;

01.10.1930 г. — 09.06.1932 г. — заместитель начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ СССР;

09.06.1932 г. — 10.07.1934 г. — начальник Главного управления лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ СССР;

10.07.1934 г. — 16.08.1937 г. — начальник Главного управления лагерей (ГУЛАГа) НКВД СССР; одновременно: начальник переселенческого отдела НКВД СССР (22.07.1936 г. — 26.10.1936 г.); начальник Управления Строительства канала Москва—Волга НКВД СССР (09.08.1936 г. — 01.09.1937 г.); заместитель наркома внутренних дел СССР (29.09.1936 г. — 16.08.1937 г.).

ЗВАНИЕ:

— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 29.11.1935 г.

НАГРАДЫ:

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 170 — 1924 г.;

— орден Красного Знамени № 412 — 16.12.1927 г.;

— орден Трудового Красного Знамени Узбекской ССР № 49 — 27.12.1927 г.;

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» — 20.12.1932 г.;

— орден Ленина — 04.08.1933 г.;

— орден Красной Звезды — 14.07.1937 г.

Арестован 24.12.1938 г. Приговорен 07.03.1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Расстрелян. Определением Верховного суда СССР от 17.10.1957 г. приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

БОЧКОВ Виктор Михайлович (1900—08.1981, Москва).

Родился в деревне Казимирова Слобода Мстиславского уезда Могилевской губернии (Белоруссия) в семье крестьянина. Русский. В Компартии — с марта 1919 г.

ОБРАЗОВАНИЕ:

— 43-и Полоцкие командные курсы РККА (декабрь 1921 г. — сентябрь 1922 г.);

— Военная академия РККА имени М.В. Фрунзе (май 1935 г. — ноябрь 1938 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

Вне РККА-ОГПУ-НКВД-МВД:

декабрь 1917 г. — август 1919 г. — коммунар Пустынской коммуны (село Пустынка Мстиславского уезда Могилевской губернии);

май 1959 г. — октябрь 1961 г. — пенсионер (Москва);

ноябрь 1961 г. — сентябрь 1963 г. — начальник сектора Всесоюзного проектно-технологического института «Стройдормаш» Московского совнархоза;

сентябрь 1963 г. — август 1968 г. — заместитель начальника отдела Проектно-конструкторского технологического института машиностроения Московского совнархоза;

август 1968 г. — август 1981 г. — пенсионер (Москва).

В РККА:

август 1919 г. — май 1920 г. — рядовой конного запаса (Западный фронт);

май 1920 г. — октябрь 1921 г. — рядовой эскадрона конной разведки Особой кавалерийской бригады 15-й армии;

октябрь—декабрь 1921 г. — рядовой отдельного кавалерийского эскадрона 6-й стрелковой дивизии 15-й армии.

В органах ОГПУ-НКВД-МВД:

октябрь 1922 г. — январь 1923 г. — командир отделения 3-го кавалерийского дивизиона ОГПУ (Гомель);

февраль—март 1923 г. — командир взвода 9-го пограничного батальона Белорусской ССР;

май 1923 г. — февраль 1924 г. — инструктор кавалерийского дела 88-го Севастопольского дивизиона ОГПУ;

февраль—октябрь 1924 г. — начальник заставы 25-го пограничного отряда ОГПУ;

октябрь 1924 г. — сентябрь 1925 г. — курсант Высшей пограничной школы ОГПУ;

октябрь 1925 г. — март 1930 г. — начальник заставы 23-го пограничного отряда ОГПУ Украинской ССР;

март 1930 г. — май 1932 г. — начальник кавалерийской маневренной группы 24-го пограничного отряда ОГПУ;

июнь 1932 г. — январь 1933 г. — начальник Киевской зенитно-пулеметной школы ОГПУ;

январь 1933 г. — май 1935 г. — командир зенитно-пулеметного дивизиона, помощник начальника штаба, командир дивизиона ОГПУ (город Новый Петергоф); начальник пехотного отделения 1-й пограничной школы имени Ворошилова;

23.11.1938 г. — 28.12.1938 г. — начальник Главного тюремного управления НКВД СССР;

28.12.1938 г. — 23.08.1940 г. — начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

07.08.1940 г. — 13.11.1943 г. — Прокурор СССР; одновременно (19.07.1941 г. — 20.12.1941 г.) — начальник Особого отдела НКВД по Северо-Западному фронту;

03.01.1944 г. — 08.06.1951 г. — начальник Управления конвойных войск НКВД-МВД СССР;

08.06.1951 г. — 03.05.1955 г. — начальник управления охраны ГУЛАГа МВД СССР;

03.05.1955 г. — 1957 г. — заместитель начальника ГУЛАГа МВД СССР, начальник отдела конвойной охраны;

1957 г. — май 1959 г. — заместитель начальника ГУИТК МВД СССР, начальник отдела охраны.

ЗВАНИЯ:

— полковник;
— старший майор госбезопасности — 28.01.1939 г.;
— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 14.03.1940 г.;
— генерал-майор — 1940 г.;
— генерал-лейтенант — 17.11.1944 г.

НАГРАДЫ:

— орден Красного Знамени — 29.08.1939 г.;
— знак «Заслуженный работник НКВД» — 02.02.1942 г.;
— орден Красной Звезды — 08.03.1944 г.;
— орден Отечественной войны 1-й степени — 07.07.1944 г.;
— орден Красного Знамени — 03.11.1944 г.;
— орден Ленина — 21.02.1945 г.;
— орден Суворова 2-й степени — 21.09.1945 г.;
— орден Отечественной войны 1-й степени — 29.10.1948 г.;
— орден Отечественной войны 1-й степени — 24.08.1949 г.;
— орден Кутузова 1-й степени № 385 — 21.04.1945 г.;
— орден Трудового Красного Знамени — 19.09.1952 г.;
— орден Красного Знамени;
— 13 медалей.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

ГОГЛИДЗЕ Сергей Арсеньевич (Арсентьевич) (1901 — 23.12.1953).

Родился в селе Корта Кутаисской губернии (Грузия) в семье крестьянина. Грузин. В Компартии — с ноября 1919 г. Кандидат в члены ЦК ВКП(б)-КПСС — XVIII и XIX съезды. Депутат Верховного Совета СССР 1—3-го созывов.

ОБРАЗОВАНИЕ:

— коммерческое училище (город Коканд, Узбекистан, 1911—1915 гг.);
— 6 классов коммерческого училища (город Ташкент, Узбекистан, 1915—1917 гг.);
— вечерняя средняя школа (город Ташкент, Узбекистан, 1920 г.);
— курсы усовершенствования высшего комсостава при Военной академии имени М.В. Фрунзе — октябрь 1928 г. — 1929 г.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне РККА-ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД:

1917 г. — служба в 1-м Сибирском полку.

В РККА:

январь 1918 г. — май 1919 г. — рядовой красногвардейского отряда имени Колузаева (Ашхабадский и Оренбургский фронты);

май—октябрь 1919 г. — рядовой Коммунистического полка (Ташкент);

октябрь 1919 г. — 1920 г. — делопроизводитель, помощник коменданта, инспектор реврибунала Туркестанского фронта;

1920 г. — июнь 1921 г. — сотрудник политического управления Туркестанского фронта.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД:

июнь—октябрь 1921 г. — начальник политического секретариата войск ВЧК Туркестана;

ноябрь 1921 г. — июнь 1922 г. — военный комиссар 37-й бригады ВЧК (Киргизский край);

июнь 1922 г. — военный комиссар войск ВЧК по охране китайской границы;

июнь 1922 г. — март 1923 г. — инструктор-организатор штаба войск ГПУ (Москва); одновременно — уполномоченный ГПУ по укреплению охраны западной границы;

март 1923 г. — 1926 г. — инспектор по организационной работе политической инспекции частей пограничной охраны Закавказской ЧК-ГПУ;

1926 г. — 01.12.1927 г. — инспектор политической части управления пограничной охраны и войск ГПУ полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР;

01.12.1927 г. — 01.06.1930 г. — начальник организационного отделения политического отдела Управления пограничной охраны и войск ГПУ полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР;

01.06.1930 г. — 01.06.1933 г. — начальник политического отдела Управления пограничной охраны и войск ГПУ полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР; одновременно — помощник и заместитель начальника Управления пограничной охраны и войск ГПУ полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР по политической части;

01.06.1933 г. — 10.07.1934 г. — начальник Управления пограничной охраны и войск ГПУ полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР, Закавказской ГПУ;

13.07.1934 г. — 11.11.1934 г. — начальник Управления пограничной охраны и войск НКВД Закавказской СФСР и УНКВД по Грузинской ССР;

11.11.1934 г. — 01.01.1937 г. — нарком внутренних дел Закавказской СФСР, начальник УНКВД по Грузинской ССР;

01.01.1937 г. — 14.11.1938 г. — нарком внутренних дел Грузинской ССР;

14.11.1938 г. — 26.02.1941 г. — начальник УНКВД по Ленинградской области;

апрель 1941 г. — 31.07.1941 г. — уполномоченный Совета Народных Комиссаров СССР в Молдавской ССР;

31.07.1941 г. — 07.05.1943 г. — начальник УНКВД по Хабаровскому краю; одновременно (с августа 1941 г.) — уполномоченный НКВД СССР по Дальнему Востоку;

07.05.1943 г. — 03.01.1951 г. — начальник УНКГБ-УМГБ по Хабаровскому краю; одновременно — уполномоченный НКГБ-МГБ СССР по Дальнему Востоку;

31.12.1950 г. — 10.11.1951 г. — член коллегии МГБ СССР; одновременно: начальник Главного управления охраны МГБ СССР железнодорожного и водного транспорта (03.01.1951 г. — 13.11.1951 г.), первый заместитель министра государственной безопасности СССР (с 26.08.1951 г.);

13.11.1951 г. — 15.02.1952 г. — министр государственной безопасности Узбекской ССР;

13.02.1952 г. — 20.11.1952 г. — заместитель министра государственной безопасности СССР; одновременно: член коллегии Министерства государственной безопасности СССР (до 05.03.1953 г.), начальник 3-го Главного управления Министерства государственной безопасности СССР (19.02.1952 г. — 05.03.1953 г.);

20.11.1952 г. — 05.03.1953 г. — первый заместитель министра государственной безопасности СССР;

11.03.1953 г. — 29.06.1953 г. — член коллегии МВД СССР, начальник 3-го управления МВД (с 12.03.1953 г.).

ЗВАНИЯ:

— комиссар государственной безопасности 2-го ранга — 26.11.1935 г.;
— генерал-полковник — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 674 — 1932 г.;
— орден Трудового Красного Знамени ЗСФСР № 58 — 07.03.1932 г.;
— орден Красного Знамени № 392 — 14.02.1936 г.;
— орден Ленина № 3574 — 22.07.1937 г.;
— медаль «XX лет РККА» — 02.1938 г.;
— орден Красного Знамени № 226 — 26.04.1940 г.;
— орден Трудового Красного Знамени № 11677 — 30.10.1942 г.;
— орден Красной Звезды № 363236 — 20.09.1943 г.;
— орден Кутузова 2-й степени № 647 — 08.03.1944 г.;
— орден Красного Знамени № 4115 — 03.11.1944 г.;
— орден Ленина № 38567 — 21.02.1945 г.;
— орден Красного Знамени № 323697 не ранее 1950 г.;
— 3 медали.

Арестован 03.07.1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 г. к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич (06.1898 — 23.12.1953).

Родился в городе Баку, в семье контролера Нефтяного управления. Грузин. В Компартии — с мая 1920 г. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) — XVIII съезд. Член ЦК ВКП(б) — XVIII партконференция. Депутат Верховного Совета СССР 1—2-го созывов.

ОБРАЗОВАНИЕ:

— 5 классов гимназии (Баку, 1914 г.);

— 1-я Тифлисская гимназия (1916 г.);

— медицинский факультет Саратовского — Бакинского университетов (1917—1919 гг.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне РККА-ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД:

1918 г.(?) — член марксистского кружка, работа в подполье (Баку/?/);

сентябрь 1918 г. — май 1919 г. — контролер 5-го участка Бакинского акцизного нефтяного управления;

июнь—октябрь 1919 г. — начальник медицинского отряда мусаватистского Министерства здравоохранения (Баку);

октябрь—декабрь 1919 г. — младший контролер 2-го участка Бакинского нефтяного акцизного управления;

январь—апрель 1920 г. — практикант экспедиционного отряда Министерства здравоохранения по оказанию помощи в Гяндже (Азербайджан);

июль—октябрь 1927 г. — ответственный инструктор ЦК КП(б) Грузии;

26.12.1931 г. — 06.05.1932 г. — секретарь ЦК КП(б) Грузии по транспорту;

08.01.1932 г. — февраль 1934 г. — секретарь ЦК КП(б) Грузии по снабжению; одновременно (февраль 1933 г. — 06.05.1932 г.) — секретарь ЦК КП(б) Грузии по транспорту;

27.02.1934 г. — октябрь 1936 г. — заведующий отделом советской торговли ЦК КП(б) Грузии;

август 1936 г. — 16.11.1938 г. — нарком пищевой промышленности Грузинской ССР; одновременно (с 21.03.1937 г.) — заместитель председателя Совнаркома, председатель Госплана Грузинской ССР;

04.05.1939 г. — 19.03.1947 г. — заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР; одновременно (ноябрь 1940 г. — июль 1941 г.) — посол СССР в Германии;

29.09.1947 г. — 29.09.1949 г. — заместитель начальника Главного управления советским имуществом за границей при Совете Министров СССР;

24.06.1952 г. — апрель 1953 г. — член Комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР.

В РККА:

март—сентябрь 1918 г. — рядовой при орудии 6-й легкой горной батареи Кавказской Красной Армии;

июнь 1920 г. — июнь 1921 г. — начальник специального отряда 20-й дивизии 11-й армии (Баку).

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД:

июнь 1921 г. — 1921 г. — уполномоченный Отдела по борьбе с бандитизмом Азербайджанской ЧК;

1921 г. — уполномоченный Экономического отдела Азербайджанской ЧК;

1921 г. — 1922 г. — заместитель начальника Экономического отдела Азербайджанской ЧК;

1922 г. — ноябрь 1922 г. — секретарь секретно-оперативной части Азербайджанской ЧК;

ноябрь 1922 г. — декабрь 1926 г. — секретарь секретно-оперативной части Грузинской и Закавказской ЧК;

20.12.1926 г. — 17.04.1927 г. — начальник Общеадминистративной части полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Грузинской ССР;

16.05.1927 г. — июль 1927 г. — начальник 2-го отделения секретного отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Грузинской ССР;

октябрь 1927 г. — 28.01.1928 г. — сотрудник ГПУ Грузинской ССР;

28.01.1928 г. — 21.02.1929 г. — начальник 2-го отделения секретного отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Грузинской ССР;

21.02.1929 г. — 1931 г. — начальник Экономического отдела ГПУ Грузинской ССР;

1931 г. — 29.01.1932 г. (ноябрь 1931 г./?/) — начальник Экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Грузинской ССР;

ноябрь 1938 г. (02.12.1938 г./?/) — 13.05.1939 г. — начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР; одновременно (с 17.12.1938 г.) — заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР, начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

10.04.1953 г. — 30.06.1953 г. — министр внутренних дел Грузинской ССР.

ЗВАНИЯ:

— комиссар государственной безопасности 3-го ранга — 26.12.1938 г.;

— Чрезвычайный и полномочный посол — 14.06.1943 г.

НАГРАДЫ:

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 650 — 1929 г.;

— орден Трудового Красного Знамени Грузинской ССР № 21 — 10.04.1931 г.;

— орден Красного Знамени № 4112 — 26.04.1940 г.;

— орден Ленина № 20790 — 03.11.1944 г.;

— орден Отечественной войны 1-й степени № 277522 — 05.11.1945 г.;

— 3 медали.

Арестован 30.06.1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 г. к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941.: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

ДОЛГИХ Иван Ильич (1904/?/—?)

Из крестьян-бедняков (сын сапожника).

ОБРАЗОВАНИЕ:

низшее(?).

Без специальности.

В Компартии — с 1931 г., в ВЛКСМ — с 1925 г.(?)

36 лет — на советской, профсоюзной и административной работе, из них 28 лет — в органах внутренних дел.

Основные ступени служебной карьеры: секретарь сельсовета — младший агент ГПУ — министр внутренних дел Казахской ССР.

С осени 1931 года по осень 1932 года руководил физическим истреблением — путем жесточайшей эксплуатации — 1.500 спецпереселенцев, заставив их реализовывать свой кабинетно-карьеристский план «преобразования Нарымского края».

В 1937—1938 годах возглавлял следственное отделение дорожно-транспортного отдела НКВД по Южной железной дороге в городе Харькове (Украина).

Только с августа по ноябрь 1937 года руководители отдела арестовали 1.800 человек.

Железнодорожные кадры истреблялись с таким размахом, что это вызвало негативную реакцию со стороны руководства НКВД СССР.

В ходе пересмотра ряда сфальсифицированных дел выяснились многочисленные факты «грубейших нарушений социалистической законности»: необоснованных арестов, жесточайших избиений подследственных, всевозможных издевательств и провокаций.

С 1947 г.(?) по февраль 1954 г. — начальник Главного управления лагерей (ГУЛАГа) и члена коллегии МВД и Министерства юстиции СССР.

Последнее специальное звание — генерал-лейтенант.

В феврале 1954 года в числе прочих высокопоставленных работников репрессивной системы освобожден от должности начальника ГУЛАГа.

После годичной проверки, проведенной Главной военной прокуратурой СССР, лишен генеральского звания и уволен «по фактам, дискредитирующим высокое звание начсостава органов МВД», с назначением пониженной пенсии в размере 840 рублей в месяц.

По изданию: Иванова Г.М. и др. «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои». (Под ред. И.В. Добровольского). Франкфурт/М.; Москва, МОПЧ, 1999. С. 102—104.

ЕЖОВ Николай Иванович (1895, Санкт-Петербург — 06.02.1940).

Родился в семье рабочего (машиниста-литейщика). Русский (мать — литовка). Родной язык русский, владел литовским и польским языками (мог объясняться). В Компартии — с марта 1937 г. Кандидат в члены ЦК ВКП(Б) — XVI съезд; член ЦК ВКП(б) — XVII съезд; член Оргбюро ЦК ВКП(б) — 10.02.1934 г. — 21.03.1939 г.; заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) — 11.02.1934 г. — 28.02.1935 г.; председатель Комиссии ЦК ВКП(б) по загранкомандировкам (с 25.12.1935 г.); член Бюро ЦК ВКП(б) по делам РСФСР (с 19.07.1936 г.); член Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам — 23.01.1937 г. — 19.01.1939 г.; член Президиума Исполкома Коминтерна — август 1938 г. — март 1939 г.; кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) — 12.10.1937 г. — 21.03.1939 г.; председатель Комиссии партийного контро-

ля при ЦК ВКП(б) — 28.05.1935 г. — 21.03.1939 г.; секретарь ЦК ВКП(б) — 01.02.1935 г. — 21.03.1939 г. Депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 1-го созыва.

ОБРАЗОВАНИЕ:

— 1 класс начального училища (Санкт-Петербург);

— курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) — январь 1926 г. — июль 1927 г. (Москва).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

До ноября 1917 г.:

до 1906 г. — ученик в слесарно-механической мастерской (Санкт-Петербург);

1906—1909 гг. — ученик у портного (Санкт-Петербург);

1909—1914 гг. — безработный, рабочий завода Тильманса (город Ковно/Каунас, Польша/Литва);

1914—1915 гг. — рабочий на кроватной фабрике, на Путиловском заводе (Санкт-Петербург/Петроград, участвовал в забастовках и демонстрациях, имел среди рабочих подпольную кличку «Колька-книжник», подвергался аресту, высылался из Петрограда за забастовку);

1915 г. — рядовой 76-го запасного полка, 172-го Лидского полка (был ранен, получил 6-месячный отпуск);

конец 1915 г. — 1916 г. — мастер, старший мастер артиллерийской мастерской 5-го Северного фронта;

1916 г. — рабочий на Путиловском заводе (Петроград);

1916 г. — рядовой 3-го пехотного полка (Ново-Петергоф);

1917 г. — апрель 1917 г. — рабочий-солдат команды нестроевых Двинского военного округа; рабочий артиллерийской мастерской № 5 Северного фронта (город Витебск);

июль 1917 г. — октябрь 1917 г. — председатель и секретарь ячейки РСДРП(б) артиллерийской мастерской № 5 (город Витебск); принимал участие в организации Витебского комитета РСДРП(б), создавал партийные ячейки в Витебске.

После октября 1917 г.

Вне РККА-ВЧК-ОГПУ-НКВД:

октябрь 1917 г. — январь 1918 г. — помощник комиссара, комиссар железнодорожной станции Витебск, участвовал в разоружении Хоперской казачьей дивизии и польских легионеров;

январь—май 1918 г. — на партийной работе в Петрограде(?);

май 1918 г. — апрель 1919 г. — рабочий, член завкома на стекольном заводе Болотина, член правления общегородского профсоюза, заведующий клубом коммунистов (город Вышний Волочек);

1921—1922 гг. — член Президиума ЦИК Татарской АССР (город Казань);

апрель—июль 1921 г. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом Кремлевского райкома РКП(б) (город Казань);

июль 1921 г. — 1921 г. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом Татарского обкома РКП(б) (город Казань);

1921 г. — январь 1922 г. — заместитель ответственного секретаря Татарского обкома РКП(б);

январь 1922 г. — 13.02.1922 г. — лечился в Кремлевской больнице (Москва);

февраль 1922 г. — апрель 1923 г. — ответственный секретарь Марийского обкома РКП(б);

апрель 1923 г. — май 1924 г. — ответственный секретарь Семипалатинского губкома РКП(б);

май 1924 г. — октябрь 1925 г. — заведующий организационным отделом Киргизского обкома ВКП(б);

12.10.1925 г. — 07.01.1926 г. — заместитель ответственного секретаря, заведующий организационным отделом Казахстанского крайкома ВКП(б);

16.07.1927 г. — 11.11.1927 г. — помощник заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б);

11.11.1927 г. — 28.12.1929 г. — заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б);

16.12.1929 г. — 16.11.1930 г. — заместитель наркома земледелия СССР;

14.11.1930 г. — 10.03.1934 г. — заведующий распределительным отделом ЦК ВКП(б); одновременно (с 28.04.1933 г.) — член Центральной комиссии ВКП(б) по чистке партии;

11.02.1934 г. — 28.02.1935 г. — заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б); одновременно: заведующий промышленным отделом ЦК ВКП(б) — 10.03.1934 г. — 10.03.1935 г.; исполняющий обязанности заведующего отделом планово-торгово-финансовых органов ЦК ВКП(б) и заведующего политико-административным отделом ЦК ВКП(б);

10.03.1935 г. — 04.02.1936 г. — заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б); одновременно: ответственный редактор журнала «Партийное строительство» (11.10.1935 г. — 1936 г.);

08.04.1938 г. — 09.04.1939 г. — нарком водного транспорта СССР; одновременно — член Военного совета при Наркомате обороны СССР.

В РККА:

апрель—май 1919 г. — специалист-рабочий батальона особого назначения (город Зубцов Тверской губернии);

май—август 1919 г. — секретарь ячейки РКП(б) военного подрайона/городка (Саратов);

август 1919 г. — 1920 г. — секретарь партколлектива 2-й базы радиотелеграфных формирований (Казань);

1920 г. — январь 1921 г. — военком радиотелеграфной школы РККА (Казань);

январь—апрель 1921 г. — военком радиобазы (Казань).

В органах НКВД:

26.09.1936 г. — 25.11.1938 г. — нарком внутренних дел СССР; одновременно: заместитель председателя Комитета резервов при Совете Труда и Обороны СССР (22.11.1936 г. — 28.04.1937 г.); кандидат в члены Комите-

та обороны при Совете Народных Комиссаров СССР (27.04.1937 г. — 21.03.1939 г.).

ЗВАНИЯ:

— генеральный комиссар государственной безопасности.

НАГРАДЫ:

— орден Ленина — 17.07.1937 г.;

— орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики — 25.10.1937 г.

Арестован 10.04.1939 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 04.02.1940 г. к высшей мере наказания. Расстрелян (родственникам было объявлено, что умер от кровоизлияния в мозг в местах лишения свободы 14.09.1942 г.; по одной из неподтвержденных версий — умер в психиатрической лечебнице в Казани). Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941.: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

КОБУЛОВ Амаяк Захарович (Захарьевич) (1906, Тифлис — 26.02.1955).

Родился в семье портного. Армянин. В ВКП(Б)-КПСС — с марта 1930 г. по сентябрь 1954 г.

ОБРАЗОВАНИЕ:

5 классов торговой школы (Тифлис, 1913—1916 гг.);

кооперативные курсы при Цекавшири/Центросоюзе (Тифлис, февраль—июнь 1925 г.);

кооперативные курсы при Закавказском комвузе (декабрь 1925 г. — июнь 1926 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне РККА-ОГПУ-НКВД-МВД:

май 1922 г. — август 1923 г. — безработный (Тифлис);

август 1923 г. — январь 1924 г. — секретарь народного суда Ахалцихского района;

январь 1924 г. — февраль 1925 г. — кассир-счетовод Боржомского райисполкома;

июнь—декабрь 1925 г. — бухгалтер-инструктор Рабочего кооператива (Боржом);

июнь 1926 г. — июль 1927 г. — счетовод-статистик на стеклозаводе (Боржом);

июль—сентябрь 1927 г. — бухгалтер на заводе имени 26 бакинских комиссаров (Тифлис).

В РККА:

25.04.1921 г. — 25.10.1921 г. — рядовой 237-го этапного участка (станция Акстафа).

В органах ОГПУ-НКВД-МВД:

сентябрь 1927 г. — 1928 г. — счетовод финансового отдела ГПУ Грузинской ССР;

1928—1929 гг. — помощник бухгалтера, бухгалтер финансового отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Грузинской ССР;

1929 г. — 12.04.1930 г. — уполномоченный экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР;

12.04.1930 г. — 1931 г. — старший уполномоченный 1-го отделения экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР;

1931 г. — 10.07.1934 г. — оперативный уполномоченный 1-го отделения экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР;

10.07.1934 г. — декабрь 1934 г. — оперативный уполномоченный экономического отдела Управления государственной безопасности НКВД Закавказской СФСР;

декабрь 1934 г. — 20.12.1935 г. — начальник 1-го отделения экономического отдела Управления государственной безопасности УНКВД Грузинской ССР;

20.12.1935 г. — 17.01.1937 г. — начальник 4-го отделения экономического отдела Управления государственной безопасности УНКВД Грузинской ССР;

17.01.1937 г. — 07.03.1937 г. — начальник 3-го отделения 4-го отдела Управления государственной безопасности НКВД Грузинской ССР;

07.03.1937 г. — 15.08.1937 г. — начальник 2-го отделения 1-го отдела Управления государственной безопасности НКВД Грузинской ССР;

15.08.1937 г. — 28.05.1938 г. — начальник Ахалцихского районного отдела НКВД Грузинской ССР;

28.05.1938 г. (февраль 1938 г.?) — 07.12.1938 г. — начальник Гагринского районного отдела НКВД Грузинской ССР; одновременно (с октября 1938 г.) — исполняющий обязанности наркома внутренних дел Абхазской АССР(?);

07.12.1938 г. — 02.09.1939 г. — первый заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР;

октябрь 1939 г. — июнь 1941 г. — советник полномочного представительства СССР в Германии; одновременно — резидент иностранного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД в Германии;

20.07.1941 г. — 31.07.1941 г. — нарком государственной безопасности Узбекской ССР;

31.07.1941 г. — 18.01.1945 г. — нарком внутренних дел Узбекской ССР;

18.01.1945 г. — 08.06.1951 г. — начальник оперативного отдела (управления), первый заместитель начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР;

08.06.1951 г. — 05.03.1953 г. — первый заместитель начальника ГУЛАГа — начальник Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) МВД СССР;

09.05.1953 г. — 27.06.1953 г. — заместитель начальника Контрольной инспекции при МВД СССР.

ЗВАНИЯ:

— лейтенант госбезопасности — 13.01.1936 г.;

— старший лейтенант госбезопасности — 23.08.1938 г.;

— майор госбезопасности (произведен из ст. лейтенанта ГБ) — 28.12.1938 г.;

— старший майор госбезопасности — 06.09.1941 г.;

— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 14.02.1943 г.;

— генерал-лейтенант — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» — 23.08.1937 г.;

— орден Красного Знамени — 31.07.1944 г.;

— орден Красного Знамени — 20.09.1944 г.;

— орден Красной Звезды — 03.11.1944 г.;

— орден Кутузова 2-й степени — 21.06.1945 г.;

— знак «Заслуженный работник МВД» — 02.11.1948 г.;

— орден Красного Знамени;

— орден Красного Знамени;

— орден Трудового Красного Знамени;

— 1 медаль.

Арестован 27.06.1953 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 01.10.1954 г. по статье 58 пункт 1-б УК РСФСР (измена Родине военнослужащим) к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

КОБУЛОВ Богдан Захарович (Захарьевич) (01.03.1904, Тифлис — 23.12.1953).

Родился в семье портного (старший брат А.З. Кобулова). Армянин. В ВКП(Б)-КПСС — с января 1925 г., член ВЛКСМ в 1921—1927 гг. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) — XVIII—XIX съезды. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва.

ОБРАЗОВАНИЕ:

гимназия (Тифлис, 1911—1922 гг.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

В РККА:

1921—1922 гг. — рядовой учебно-кадрового полка; политработник 66-й кавалерийской бригады; участвовал в создании отряда имени 26 бакинских комиссаров Тифлисского горкома КП(б) Грузии, один из руководителей этого отряда.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД:

май 1922 г. — май 1923 г. — сотрудник Грузинской ЧК;

май 1923 г. — январь 1924 г. — сотрудник политбюро ЧК Ахалцихского уезда (Грузия);

январь 1924 г. — май 1925 г. — сотрудник информационного пункта Грузинской ЧК (город Боржом);

май—июль 1925 г. — сотрудник информационного пункта Грузинской ЧК (город Ахалкалаки);

июль 1925 г. — февраль 1926 г. — сотрудник информационного пункта Грузинской ЧК (урочище Манглис);

февраль 1926 г. — март 1931 г. — сотрудник Закавказского ГПУ и ГПУ Грузинской ССР; старший уполномоченный секретного отдела Закавказского ГПУ;

март 1931 г. — 1935 г. — начальник 1-го отделения секретно-политического отдела ГПУ Грузинской ССР; помощник начальника секретно-политического отдела ГПУ Грузинской ССР; сотрудник УГБ НКВД Закавказской СФСР и УНКВД Грузинской ССР;

1935 г. — в командировке в Персии (Иране);

1935 г. — 17.02.1936 г. — заместитель начальника секретно-политического отдела УГБ НКВД Закавказской СФСР;

17.02.1936 г. — ноябрь 1936 г. — начальник экономического отдела УГБ НКВД Закавказской СФСР и УНКВД Грузинской ССР;

19.03.1937 г. — 03.04.1937 г. — заместитель начальника 4-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР;

03.04.1937 г. — 16.02.1938 г. — начальник 4-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР; одновременно (с декабря 1937 г.) — исполняющий обязанности наркома внутренних дел Грузинской ССР;

16.02.1938 г. — 15.09.1938 г. — заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР;

15.09.1938 г. — 29.09.1938 г. — начальника 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР;

29.09.1938 г. — 20.07.1939 г. — начальника 2-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР; одновременно — заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР (17.12.1938 г. — 04.09.1939 г.); начальник следственной части НКВД СССР (22.12.1938 г. — 04.09.1939 г.);;

04.09.1939 г. — 25.02.1941 г. — начальник Главного экономического управления НКВД СССР;

25.02.1941 г. — 30.07.1941 г. — заместитель наркома государственной безопасности СССР;

30.07.1941 г. — 14.04.1943 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР;

14.04.1943 г. — 04.12.1945 г. — первый заместитель наркома государственной безопасности СССР;

1946 г. — апрель 1947 г. — заместитель начальника Главного управления советского имущества за границей (ГУСИМЗ) по Германии при Министерстве внешней торговли СССР; одновременно (26.05.1947 г. — 05.11.1949 г.) — заместитель Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по вопросам деятельности советских акционерных предприятий в Германии;

апрель 1947 г. — октябрь 1951 г. — заместитель начальника ГУСИМЗ при Совете Министров СССР; одновременно (с 1949 г.) — заместитель

председателя Советской контрольной комиссии в Германии по делам акционерных обществ;

октябрь 1951 г. — март 1953 г. — первый заместитель начальника ГУСИМЗ при Совете Министров СССР;

11.03.1953 г. — 29.06.1953 г. — первый заместитель министра внутренних дел СССР.

ЗВАНИЯ:

— капитан госбезопасности — 13.01.1936 г.;
— майор госбезопасности — 20.12.1936 г.;
— старший майор госбезопасности — 11.09.1938 г.;
— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 28.12.1938 г.;
— комиссар госбезопасности 2-го ранга — 04.02.1943 г.;
— генерал-полковник — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— орден Трудового Красного Знамени Грузинской ССР № 280 — 10.04.1931 г.;
— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» № 202 — 20.12.1932 г.;
— орден Ленина № 3587 — 22.07.1937 г.;
— орден Красного Знамени № 4448 — 26.04.1940 г.;
— орден Красного Знамени № 4215 — 20.09.1943 г.;
— орден Суворова 1-й степени № 128 — 08.03.1944 г.;
— орден Красного Знамени № 771 — 07.07.1944 г.;
— орден Красного Знамени № 427 — 03.11.1944 г.;
— орден Отечественной войны 1-й степени № 106423 — 03.12.1944 г.;
— орден Кутузова 1-й степени № 370 — 24.02.1945 г.;
— орден Ленина № 59220 — 30.04.1946 г.;
— орден Трудового Красного Знамени № 25560 — 24.06.1948 г.;
— орден Ленина № 111969 — 29.10.1949 г.;
— орден Красного Знамени № 293 — 01.06.1951 г.;
— 6 медалей.

Арестован 27.06.1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 г. к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

КРУГЛОВ Сергей Никифорович (02.10.1907 — 06.07.1977).

Родился в деревне Устье Зубцовского уезда Тверской губернии в семье рабочего-молотобойца. Русский. В Компартии — с декабря 1928 г., член ВЛКСМ — в 1925—1932 гг. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) — XVIII съезд. Член ЦК КПСС (XIX съезд). Исключен из КПСС в 1960 г. Депутат Верховного Совета СССР 2-го и 4-го созывов.

ОБРАЗОВАНИЕ:

— начальная школа 2-й ступени (г. Зубцов, декабрь 1922 г. — май 1924 г.);

— Индустриальный педагогический институт имени Карла Либкнехта (ноябрь 1931 г. — март 1934 г.);

— особый японский сектор Московского института востоковедения (март 1934 г. — сентябрь 1935 г.);

— исторический факультет Института Красной профессуры (сентябрь 1935 г. — март 1937 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне РККА-НКВД-МВД:

апрель—ноябрь 1921 г. — пастух в сельском обществе (д. Устье);

ноябрь 1921 г. — апрель 1922 г. — на иждивении родителей (д. Устье);

апрель—ноябрь 1922 г. — пастух в сельском обществе (с. Прокошево);

апрель—ноябрь 1923 г. — пастух в сельском обществе (с. Вороново);

июнь—ноябрь 1924 г. — секретарь Никифоровского сельсовета;

декабрь 1924 г. — октябрь 1925 г. — председатель Никифоровского сельсовета, избач;

октябрь 1925 г. — ноябрь 1928 г. — ремонтный рабочий совхоза «Вихново» Ржевского уезда Тверской губернии;

декабрь 1928 г. — ноябрь 1929 г. — член правления потребительского общества «Созвездие»;

декабрь 1930 г. — ноябрь 1931 г. — старший инструктор-механик учебно-опытного зерносовхоза (станция Тогузак, кустанайский округ, Казахстан);

ноябрь 1931 г. — март 1934 г. — секретарь партячейки факультета, секретарь парткома Индустриального педагогического института имени Карла Либкнехта;

декабрь 1937 г. — ноябрь 1938 г. — ответственный организатор отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б);

13.02.1956 г. — 1957 г. — заместитель министра строительства электростанций СССР;

август 1957 г. — июль 1958 г. — заместитель председателя Кировского совнархоза;

с июля 1958 г. — на пенсии.

В РККА:

ноябрь 1929 г. — ноябрь 1930 г. — рядовой, командир отделения, младший автомеханик батальона 3-го танкового полка.

В органах НКВД-МВД:

ноябрь 1938 г. — 28.02.1939 г. — особоуполномоченный НКВД СССР (с 20.12.1938 г.);

28.02.1939 г. — 25.02.1941 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник отдела кадров НКВД СССР;

25.02.1941 г. — 30.07.1941 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР; одновременно — член Военного совета Фронта резервных армий (05.07.1941 г. — 10.10.1941 г.);

30.07.1941 г. — 26.04.1943 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР; одновременно (с октября 1941 г. по 1942 г.) — член Военного совета Западного фронта; начальник 4-го управления Главного управления оборонительных работ (ГУОБР) НКВД СССР; командующий 4-й саперной армией;

26.04.1943 г. — 29.12.1945 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР;

29.12.1945 г. — 05.03.1953 г. — нарком — министр внутренних дел СССР;

11.03.1953 г. — 26.06.1953 г. — первый заместитель министра внутренних дел СССР;

26.06.1953 г. — 31.01.1956 г. — министр внутренних дел СССР.

ЗВАНИЯ:

— старший майор госбезопасности — 28.12.1938 г.;
— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 04.09.1939 г.;
— комиссар госбезопасности 2-го ранга — 04.02.1943 г.;
— генерал-полковник — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— орден Красного Знамени — 26.04.1940 г.;
— знак «Заслуженный работник НКВД» — 04.02.1942 г.;
— орден Красной Звезды — 21.02.1942 г.;
— орден Ленина — 20.09.1943 г.;
— орден Суворова 1-й степени — 08.03.1944 г.;
— орден Кутузова 2-й степени — 20.10.1944 г.;
— орден Кутузова 1-й степени — 24.02.1945 г.;
— орден Ленина — 16.09.1945 г.;
— орден Ленина — 19.09.1952 г.;
— орден Ленина;
— орден Красной Звезды;
— 6 медалей.

Погиб в результате несчастного случая (попал под поезд). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941.: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

МЕРКУЛОВ Всеволод Николаевич (1895 — 23.12.1953).

Родился в городе Закаталы Закатальского округа Кавказского наместничества, в семье капитана царской армии. Русский. В Компартии — с сентября 1925 г. Член ЦК ВКП(б) — XVIII съезд. С августа 1938 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). Кандидат в члены ЦК ВКП(б)-КПСС (23.08.1946 г. — 18.11.1953 г.). Депутат Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов.

ОБРАЗОВАНИЕ:

3-я мужская гимназия (Тифлис, 1913 г.);

физико-математический факультет Петроградского университета (сентябрь 1913 г. — октябрь 1916 г.);

Оренбургская школа прапорщиков (ноябрь 1916 г. — март 1917 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ:

сентябрь 1913 г. — октябрь 1916 г. — давал частные уроки;

октябрь 1916 г. — январь 1918 г. — на военной службе: рядовой студенческого батальона (Петроград, октябрь—ноябрь 1916 г.); прапорщик запасного пехотного полка (Новочеркасск, апрель—август 1917 г.); прапорщик маршевой роты (Ровно, сентябрь—октябрь 1917 г.); прапорщик 331-го Орского полка (октябрь 1917 г. — январь 1918 г.); по болезни эвакуировался в Тифлис (январь 1918 г.);

март—август 1918 г. — безработный (Тифлис);

сентябрь 1918 г. — сентябрь 1921 г. — делопроизводитель, учитель в школе для слепых (Тифлис);

12.11.1931 г. — февраль 1934 г. — помощник секретаря Закавказского крайкома и первого секретаря ЦК КП(б) Грузии;

март 1934 г. — ноябрь 1936 г. — заведующий отделом советской торговли Закавказского крайкома ВКП(б); одновременно — заведующий особым сектором Закавказского крайкома ВКП(б);

11.11.1936 г. — 09.09.1937 г. — заведующий особым сектором ЦК КП(б) Грузии; одновременно (22.07.1937 г. — октябрь 1938 г.) — заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК КП(б) Грузии;

февраль 1947 г. — 25.04.1947 г. — заместитель начальника Главного управления советского имущества за границей (ГУСИМЗ) при Министерстве внешней торговли СССР;

25.04.1947 г. — 27.10.1950 г. — начальник Главного управления советского имущества за границей (ГУСИМЗ) при Совете Министров СССР;

27.10.1950 г. — 17.09.1953 г. — министр госконтроля СССР.

В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ:

сентябрь 1921 г. — май 1923 г. — помощник уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный экономического отдела Грузинской ЧК;

май 1923 г.(?) — 23.01.1925 г. — начальник 1-го отделения экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР-Закавказской ЧК;

1925 г. — начальник информационно-агентурного отдела (ИНФАГО) полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР-Закавказской ЧК;

1925 г. — 20.07.1926 г. — начальник экономического отдела Грузинской ЧК;

20.07.1926 г. — 1927 г. — начальник экономического отдела ГПУ Грузинской ССР;

1927 г. — февраль 1929 г. — начальник информационно-агентурного отдела (ИНФАГО) политического контроля (ПК) ГПУ Грузинской ССР;

февраль 1929 г. — май 1931 г. — заместитель председателя, начальник секретно-оперативной части ГПУ Аджарской АССР; одновременно (04.05.1930 г. — июль 1930 г.) — временно исполняющий должность председателя ГПУ Аджарской АССР;

май 1931 г. — 29.01.1932 г. — начальник секретно-политического отдела (СПО) полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Закавказской СФСР;

29.09.1938 г. — 17.12.1938 г. — заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР; одновременно (с 26.10.1938 г.) — начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР;

17.12.1938 г. — 03.02.1941 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР; одновременно — начальник ГУГБ НКВД СССР;

03.02.1941 г. — 20.07.1941 г. — нарком государственной безопасности СССР;

31.07.1941 г. — 14.04.1943 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР; одновременно (с 17.11.1942 г.) — начальник 1-го отдела НКВД СССР;

14.03.1943 г. — 04.05.1946 г. — нарком-министр государственной безопасности СССР.

ЗВАНИЯ:

— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 11.09.1938 г.;

— комиссар госбезопасности 1-го ранга — 04.02.1943 г.;

— генерал армии — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 649 — 1931 г.;

— орден Ленина № 5837 — 26.04.1940 г.;

— орден Республики Тува № 134 — 18.08.1943 г.;

— орден Кутузова 1-й степени № 160 — 08.03.1944 г.;

— орден Красного Знамени № 142627 — 03.11.1944 г.;

— 9 медалей.

Арестован 18.09.1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 23.12.1953 г. к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941.: Справочник. — М.: Звенья, 1999.

МИЛЬШТЕЙН Соломон Рафаилович (1899 — 14.01.1955).

Родился в городе Вильно (Вильнюс) в семье кровельщика. Еврей. В Компартии — с мая 1929 г.

ОБРАЗОВАНИЕ:

— 5 классов начального училища при Еврейском учительском институте (Вильно, 1908—1915 гг.);

— 5 классов реального училища (Псков, 1918 г.);

— гимназия (Вильно, 1920 г.).

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК.

Вне ОГПУ-НКВД-МВД:

ноябрь 1931 г. — 20.02.1932 г. — помощник ответственного секретаря ЦК КП(б) Грузии (Л.П. Берии);

20.02.1932 г. — февраль 1934 г. — заведующий секретным отделом ЦК КП(б) Грузии;

27.02.1934 г. — 11.11.1936 г. — заведующий особым сектором ЦК КП(б) Грузии; одновременно — председатель Совета физкультуры и спорта Тифлисского горисполкома (март 1934 г. — 1936 г.), председатель

Совета физкультуры и спорта Грузинской ССР (март 1934 г. — июль 1936 г.), председатель Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК Грузинской ССР (июль 1936 г. — ноябрь 1937 г.);

ноябрь 1937 г. — сентябрь 1938 г. — первый секретарь райкома имени 26 бакинских комиссаров Тбилисского горкома КП(б) Грузии;

сентябрь—декабрь 1938 г. — третий секретарь Тбилисского горкома КП(б) Грузии;

11.03.1941 г. — 10.08.1941 г. — первый заместитель наркома лесной промышленности СССР;

январь 1948 г. — октябрь 1950 г. — начальник Казанской железной дороги;

октябрь 1950 г. — январь 1951 г. — в распоряжении Министерства путей сообщения СССР;

январь 1951 г. — 20.03.1951 г. — начальник треста по переработке и мобилизации внутренних ресурсов Министерства путей сообщения СССР.

В РККА:

август—октябрь 1920 г. — делопроизводитель-статистик Особой продкомиссии 4-й армии;

октябрь 1920 г. — май 1921 г. — делопроизводитель-статистик отдела продовольственного снабжения 18-й стрелковой дивизии;

май 1921 г. — май 1922 г. — делопроизводитель-статистик отдела продовольственного снабжения 20-й стрелковой дивизии.

В органах ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД-МГБ:

май 1922 г. — 1923 г.(?) — старший делопроизводитель особого отдела Закавказской ЧК;

1923 г. — делопроизводитель особого отдела 11-й армии;

1923 г. — 1924 г. — уполномоченный особого отдела Закавказской ЧК и Кавказской Краснознаменной армии;

1925 г. — 20.12.1926 г. — начальник 2-го отделения особого отдела Кавказской Краснознаменной армии;

январь 1927 г. — апрель 1931 г. — секретарь коллегии ГПУ Грузинской ССР;

апрель—ноябрь 1931 г. — секретарь секретно-оперативного Управления полномочного представительства ОГПУ по Закавказской СФСР;

29.12.1938 г. — 31.03.1939 г. — заместитель начальника следственной части НКВД СССР;

31.03.1939 г. — 26.02.1941 г. — начальник Главного транспортного управления (ГТУ) НКВД СССР;

26.02.1941 г. — 11.03.1941 г. — начальник 3-го управления НКГБ СССР;

19.07.1941 г. — 24.09.1942 г. — первый заместитель начальника Управления ОО НКВД СССР;

24.09.1942 г. — 12.05.1943 г. — начальник Транспортного управления НКВД СССР;

12.05.1943 г. — май 1946 г. — начальник 3-го (Транспортного) управления НКГБ-МГБ СССР; одновременно (с 26.02.1944 г. и в течение

1944 г.) — уполномоченный НКВД СССР (обеспечивал транспортные перевозки балкарцев, выселенных из Кабардино-Балкарии);

май 1946 г. — июнь 1947 г. — начальник Транспортного управления МГБ СССР;

июнь 1947 г. — 27.11.1947 г. — исполняющий обязанности начальника Главного управления охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте;

30.03.1951 г. — 21.02.1952 г. — первый заместитель начальника по лагерю Управления исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) строительства железных рудников МВД СССР;

21.02.1952 г. — 19.03.1953 г. — первый заместитель начальника по общим вопросам Управления исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) строительства железных рудников МВД СССР;

19.03.1953 г. — 30.06.1953 г. — заместитель министра внутренних дел Украинской ССР.

ЗВАНИЯ:

— старший майор госбезопасности — 29.12.1938 г.;
— комиссар госбезопасности 3-го ранга — 14.03.1940 г.;
— генерал-лейтенант — 09.07.1945 г.

НАГРАДЫ:

— орден «Знак Почета» № 7197 — 22.07.1937 г.;
— знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» — 30.04.1939 г.;
— орден Красного Знамени № 4449 — 26.04.1940 г.;
— орден Ленина № 12087 — 24.11.1942 г.;
— орден Кутузова 2-й степени № 583 — 08.03.1944 г.;
— орден Отечественной войны 1-й степени № 60367 — 05.07.1944 г.;
— орден Красного Знамени № 11154 — 03.11.1944 г.;
— орден Отечественной войны 1-й степени № 126286 — 02.12.1944 г.;
— орден Кутузова 1-й степени № 373 — 23.02.1945 г.;
— орден Суворова 2-й степени № 2398 — 29.07.1945 г.;
— орден Ленина № 51025 — 04.12.1945 г.;
— орден Трудового Красного Знамени № 128165;
— 5 медалей.

Арестован 30.06.1953 г. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 30.10.1954 г. по статье 58 пункт 1-б УК РСФСР (измена Родине военнослужащим) к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941.: Справочник. — М.: Звенья. 1999.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕКОТОРЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ АКТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ СССР И НАСЛЕДУЮЩИХ ЕМУ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСАМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ (ПОСЕЛЕНИЙ, СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНИЙ, ССЫЛКИ, ВЫСЫЛКИ) ИЛИ ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ (1919—1996-е годы).

1919 год

— Директива ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года (О расказачивании. — *В.Б.*).

1920 год

— Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 года (О выселении кулаков-казаков из Семиречья. — *В.Б.*).

— Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 5 декабря 1920 года (О выселении кулаков-казаков из Семиречья. — *В.Б.*).

1922 год

— Приказ ЦИК Горской Республики от 24 апреля 1922 года (О переименовании станиц в Чеченском округе. — *В.Б.*).

— Декрет ВЦИК РСФСР от 10 августа 1922 года «Об административной высылке».

— Декрет ВЦИК РСФСР от 16 октября 1922 года «О дополнении к Постановлениям «О Государственном Политическом Управлении» и «Об административной высылке».

1923 год

— Постановление НКВД РСФСР от 3 января 1923 года «Инструкция по применению Постановления ВЦИК РСФСР «Об административной высылке».

1928 год

— Постановление НКВД РСФСР от 15 февраля 1928 года (О ликвидации Всероссийского союза цыган. — *В.Б.*).

— Постановление Президиума ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 20 февраля 1928 года «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни».

1929 год

— Постановление Совнаркома Украинской ССР от 13 ноября 1929 года № 20369 «О переселении социально-опасного элемента из пограничных округов Украинской ССР».

РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 42—43.

— Постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 года «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в СССР».

Собрание Законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1931. № 76. Ст. 732.

1930 год

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

— Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 10 января 1930 года «Об административной высылке».

— Директива ОГПУ при Совнаркоме СССР от 18 января 1930 года № 775 (О предстоящем массовом выселении кулацких семей. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 13.

— Директива ОГПУ при Совнаркоме СССР от 18 января 1930 года № 776 (О предстоящем массовом выселении кулацких семей. — *В.Б.*).

— Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 60.

— Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

Собрание Законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1930. № 9. Ст. 105.

— Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 года «О воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества».

— Приказ ОГПУ при Совнаркоме СССР от 2 февраля 1930 года № 44/21 (Об организованной ликвидации кулачества — о массовом выселении кулаков из районов сплошной коллективизации и погранполосы в отдаленные районы Севера с конфискацией имущества. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17—25.

— Инструкция ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 4 февраля 1930 года (О мероприятиях по проведению раскулачивания. — *В.Б.*).

— Постановление бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1930 года (О выселении местного населения из пограничной полосы Ленинградской области. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 1 апреля 1930 года (О создании специальной комиссии В.В. Шмидта. — *В.Б.*).

— Резолюция Северного крайкома ВКП(Б) от 1 апреля 1930 года «О размещении и устройстве кулаков-выселенцев в Северном крае».

— Постановление Наркомата земледелия СССР от 1 апреля 1930 года «О местах поселения кулацких хозяйств, выселенных из районов сплошной коллективизации».

ГАРФ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

— Постановление Совнаркома РСФСР от 10 апреля 1930 года «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулаков и их семей».

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1796. Л. 230.

— Постановление Совнаркома РСФСР от 11 июля 1930 года «О выполнении директив Правительства по использованию для школ и дошкольных учреждений конфискованных у кулачества домов».

— Постановление Совнаркома РСФСР от 18 августа 1930 года «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области».

— Постановление Совнаркома РСФСР от 3 октября 1930 года (Об утверждении положения о спецпоселках и спецпереселенцах. — *В.Б.*).

— Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 13 ноября 1930 года «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию».

1931 год

— Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 1 февраля 1931 года «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам союзных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1931 года (О выселении 200—300 тысяч семей кулаков. — *В.Б.*).

— Постановление коллегии Наркомата юстиции РСФСР от 15 марта 1931 года «О работе Прокуратуры по проведению ликвидации кулачества как класса».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1931 года «О кулаках».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 174.

— Постановление Совнаркома СССР от 20 марта 1931 года «О переселении кулацких хозяйств».

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 14. Л. 148.

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 года (О переселении кулацких семей из Ленинградской области и Татарии. — *В.Б.*).

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 66, 74.

— Постановление Совнаркома СССР от 1 июля 1931 года (Об устройстве спецпереселенцев. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 15. Л. 81—83.

— Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 года «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков».

Собрание Законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1931. № 44. Ст. 288.

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1931 года «О кулаках».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 123,126.

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 года «О спецпереселенцах».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 141.

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа 1931 года «О спецпереселенцах».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 151, 154—159.

— Постановление Совнаркома СССР от 16 августа 1931 года № 174с (О спецпереселенцах. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р—5446. Оп. 57. Д. 15. Л. 165—174.

— Циркулярное письмо ОГПУ при Совнаркоме СССР от 17 августа 1931 года (О предотвращении побегов из спецпоселений. — *В.Б.*).

— Инструкция Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 августа 1931 года «О порядке дальнейшего выселения кулацких семей».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 августа 1931 года «По спецпереселенцам».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 176,180—181.

— Приказ ОГПУ при Совнаркоме СССР от 25 октября 1931 года «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1931 года «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 102—106.

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1931 года (О трудоиспользовании спецпоселенцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1931 года «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае».

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 16. Л. 193—199.

1932 год

— Постановление Совета Труда и Обороны СССР от 23 января 1932 года «О семенах для спецпереселенцев Западной Сибири».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 января 1932 года «О спецпереселенцах».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 162, 167—169.

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1932 года «По спецпереселенцам».

ГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 174, 176—177.

— Постановление Совнаркома СССР от 21 февраля 1932 года (О санитарном состоянии и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 18. Л. 77—79.

— Постановление Совнаркома СССР от 4 апреля 1932 года «О спецпереселенцах».

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 57. Д. 19. Л. 7—9.

— Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Собрание Законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1932. № 62. Ст. 360.

— Постановление ЦИК и Совнаркома Таджикской ССР от 16 ноября 1932 года «О переселении на Вахш».

— Циркулярное письмо Верховного суда РСФСР от 26 декабря 1932 года «Об усилении работы по охране колхозов и колхозников от кулацких угроз и насилий».

— Постановление Совнаркома СССР от 27 декабря 1932 года «О введении паспортной системы».

1933 год

— Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1933 года «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1933 года «Об организации трудовых поселений ОГПУ».

— Постановление Совнаркома СССР от 20 апреля 1933 года № 775/146с (О спецпоселениях. — *В.Б.*).

— Инструкция ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР(?) от 8 мая 1933 года № П-6028 (О прекращении массовых выселений и иных форм репрессий в деревне. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 21 августа 1933 года № 1796/393с (О спецпоселениях. — *В.Б.*).

1934 год

— Постановление ЦИК СССР от 24 мая 1934 года(?) «О восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах».

— Постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 года «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков».

1935 год

— Постановление ЦИК СССР от 24 января 1935 года (О восстановлении в избирательных правах бывших кулаков).

— Циркуляр УНКВД по Ленинградской области от 27 февраля 1935 года «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов».

— Постановление бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 3 марта 1935 года (О выселении финского населения из приграничной полосы. — *В.Б.*).

— Распоряжение НКВД СССР от 25 марта 1935 года «Об очистке пограничной зоны Ленинградской области и Карелии от кулаков и антисоветских элементов в порядке репрессии».

— Приказ НКВД СССР от 25 мая 1935 года № 00192 (Об организации «троек» при территориальных органах НКВД. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 года «О школах в трудпоселках».

1936 год

— Постановление Совнаркома СССР от 23 января 1936 года № 111—21сс «О переселении из Украинской ССР в Казахскую АССР».

— Решение Совнаркома Казахской АССР и ЦК КП(б) Казахстана(?) от 16 февраля 1936 года «О переселенцах с Украины».

— Постановление Совнаркома СССР от 24 апреля 1936 года № 776—120сс «О выселении из Украинской ССР и хозяйственном устройстве в Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств».

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 641. Л. 363.

— Постановление Совнаркома СССР от 21 мая 1936 года № 911—150сс (О переселении 500 кулацких хозяйств из Дагестанской АССР и 500 кулацких хозяйств из Чечено-Ингушской автономной области Северо-Кавказского края. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 36. Л. 33.

1937 год

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 июля 1937 года «Об антисоветских элементах».

— Постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 17 июля 1937 года № 103/1127—267сс (Об организации специальных запретных полос на южных границах СССР. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 292.

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1937 года (Об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 27 июля 1937 года № 00439 (Об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 года № 00447 (Об антисоветских элементах. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР № 00485—1937 года (Об аресте контрреволюционных национальных польских контингентов. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР № 00593—1937 года (Об аресте контрреволюционных национальных харбинских контингентов. — *В.Б.*).

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 августа 1937 года (О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 года № 1428—326сс «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 52. Л. 29.

— Постановление Совнаркома СССР от 5 сентября 1937 года № 1527—349сс «О порядке расчетов с переселяемыми в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 52. Л. 30.

— Постановление Совнаркома СССР от 8 сентября 1937 года № 1539—354сс «О переселении корейцев».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 52. Л. 31.

— Постановление Совнаркома СССР от 11 сентября 1937 года № 1571—356сс «О смете расходов по переселению корейцев из Дальневосточного края».

— Постановление Совнаркома СССР от 25 сентября 1937 года № 1672—371сс «О сдаче и возвращении зерна у переселяемых корейцев».

— Постановление Совнаркома СССР от 28 сентября 1937 года № 1697—377сс «О выселении корейцев с территории Дальневосточного края».

— Постановление Совнаркома СССР от 1 октября 1937 года № 1698—378сс «О позаимствовании из мобзапаса воинских кухонь и печей для формирования корейских эшелонов».

— Постановление Совнаркома СССР от 7 октября 1937 года № 1722—388сс «О смете расходов по переселению второй очереди корейцев из Дальневосточного края».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 52. Л. 40.

— Указание НКВД СССР от 30 ноября 1937 года № 49990 (Об аресте всех латышей, подозреваемых в контрреволюционной деятельности. — *В.Б.*).

1938 год

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 января 1938 года (О переселении иранцев из Азербайджана. — *В.Б.*).

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года (Об антисоветских элементах. — *В.Б.*).

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года (О продолжении операции по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из граждан инонациональностей (поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, болгар, македонцев). — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 9 сентября 1938 года № 986—236сс «О переводе неуставных артелей трудпоселенцев на устав артелей».

— Указание НКВД СССР от 29 сентября 1938 года № 1818 (Об усилении режима в трудпоселках. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 8 октября 1938 года № 1084—269сс «О переселении иранцев из приграничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 30. Д. 29. Л. 27—28.

— Постановление Совнаркома СССР от 22 октября 1938 года № 1143—280с «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» (О разрешении на выезд из трудпоселения детям, достигшим 16-летнего возраста. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана от 6 ноября 1938 года «О приеме и расселении 2000 хозяйств переселенцев-иранцев».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 30. Д. 29. Л. 6—10.

— Приказ НКВД СССР № 302—1938 года (Об аресте контрреволюционных национальных контингентов. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР № 326—1938 года (Об аресте контрреволюционных национальных контингентов. — *В.Б.*).

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года (О ликвидации «троек» при территориальных органах НКВД. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия (упразднение «троек» при территориальных органах НКВД. — *В.Б.*)».

— Приказ НКВД СССР от 26 ноября 1938 года № 00762 (О ликвидации «троек» при территориальных органах НКВД. — *В.Б.*).

1939 год

— Распоряжение НКВД СССР от 3 июля 1939 года «Об освобождении трудпоселенцев-инвалидов».

— Приказ НКВД СССР от 11 октября 1939 года № 001223 (Инструкция о порядке проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии. — *В.Б.*).

— Письмо НКВД СССР от 2 декабря 1939 года № 5332 (О выселении до 15 января 1940 года из Западной Украины и Белоруссии всех семей «осадников». — *В.Б.*).

— АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 3—5.

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 декабря 1939 года № П9/158 (О выселении «осадников» и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР. — *В.Б.*).

— АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 1—2.

— Постановление Совнаркома СССР от 5 декабря 1939 года № 2010—558сс (О выселении «осадников» и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР. — *В.Б.*).

АПРФ. Ф. 93. Коллекция ПСНК.

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1939 года № П11/68 (О спецпереселенцах-«осадниках». — *В.Б.*).

АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 30—38.

— Постановление Совнаркома СССР от 29 декабря 1939 года № 2122—617сс, утвердившее:

— «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселенных из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР»;

— «Инструкцию о порядке переселения осадников из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР»;

— «Штаты районной и поселковой комендатуры НКВД спецпоселков».

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 52. Л. 8—10.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4475. Л. 13.

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 163—165.

1940 год

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 января 1940 года № П11/175 (О дополнительном расселении спецпереселенцев-«осадников» и использовании их на горных и лесозаготовительных работах Наркомцветмета СССР. — *В.Б.*).

АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 47.

— Решение Политбюро ЦК КП(б) Украины от 19 января 1940 года «Вопросы, связанные с выселением осадников».

— Указание Главного Управления РККА от 27 февраля 1940 года № 22/181387 «О порядке приписки к призывным участкам трудпоселенческой молодежи».

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 20.

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1940 года № П13/114 (О выселении из западных районов Украинской ССР и Белорусской ССР членов семей польских военнопленных и содержавшихся в тюрьмах. — *В.Б.*).

АПРФ. Ф. 93. Коллекция ПСНК.

— Постановление Совнаркома СССР от 2 марта 1940 года № 289/127сс (О выселении из западных районов Украинской ССР и Белорусской ССР членов семей польских военнопленных и содержавшихся в тюрьмах (фактически было распространено на все западные области СССР, в том числе и на Молдавскую ССР). — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 52. Л. 12—13.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 861. Л. 93—94.

— Постановление Совнаркома СССР от 10 апреля 1940 года № 497/177сс (Об утверждении инструкции о выселении лиц, подпадающих под постановление Совнаркома СССР от 2 марта 1940 года. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 52. Л. 13.

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 68. Л. 123—124.

— Приказ НКВД СССР от 24 апреля 1940 года «О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов и лиц, находящихся на нелегальном положении».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 284—288.

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1940 года (О польских беженцах. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 года «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих на машинно-тракторных станциях».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах СССР».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 года «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие».

1941 год

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 года № 1229/526сс «Об аресте и направлении в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР сроком на 20 лет членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций (с поручением обсудить вопрос о проведении подобной операции в Западной Белоруссии. — *В.Б.*)».

ГАРФ. Ф. 9749. Оп. 1. Д. 57. Л. 40—41.

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 14 (16?) мая 1941 года (О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 14 июня 1941 года (Об утверждении плана мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, выселяемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении».

— Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

— Приказ НКВД СССР от 23 июня 1941 года № 00761 «О переселении из города Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей».

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 207—210.

Neues Leben. 28.08.1991.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

— Постановление ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 года «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

Известия ЦК КПСС. 1990. № 6.

— Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года «Все для фронта, все для победы».

— Директива НКВД СССР и НКГБ СССР от 4 июля 1941 года № 238—131 «О мероприятиях по выселению социально опасных лиц из районов, объявленных на военном положении».

— Директива НКВД СССР от 17 июля 1941 года (О разрешении польским беженцам проживания на территории СССР. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года № 19—160 «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 128.

— Приказ Военного совета Северо-Западного фронта от 12 августа 1941 года № 017 (О полосе боевых действий. — *В.Б.*).

— Постановление Совета по эвакуации от 15 августа 1941 года № СЭ-75сс (О выселении немцев из Крыма. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 августа 1941 года (Об освобождении поляков от статуса спецпереселенцев. — *В.Б.*).

— Директива НКВД СССР от 19 августа 1941 года (О разрешении освобожденным от спецпоселения полякам проживать на территории СССР. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года № 2056—933сс «О переселении всех немцев Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области».

— Постановление Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 года № 196сс (Об эвакуации финского населения. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 119.

— Приказ Военного Совета Южного фронта от 26 августа 1941 года (О выселении немецких жителей из Крыма и Днепропетровской области. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 27 августа 1941 года № 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей (с объявлением инструкции. — *В.Б.*)».

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 415—425.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года № 21—160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 151—154.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 82. Д. 146. Л. 184, 185.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 38.

Большевик. 30.08.1941.

Nachrichten. 30.08.1941.

— Постановление Совнаркома СССР от 30 августа 1941 года № 2016—915 «Об утверждении инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников».

— Приказ НКВД СССР от 30 августа 1941 года «О создании Отдела спецпереселений НКВД СССР».

— Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 года «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР».

— Приказ НКВД СССР от 30 августа 1941 года № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из Ленинградской области в Казахскую ССР».

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 426—427.

— Приказ Военного Совета Юго-Западного фронта от (?) августа 1941 года (О выселении немцев из Харьковской области. — В.В.).

— Приказ Военного Совета Ленинградского фронта от (?) августа 1941 года (О выселении немцев из города Ленинграда и Ленинградской области. — В.В.).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 6 сентября 1941 года № 636сс «О переселении немцев из города Москвы и Московской области и Ростовской области».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 171—172.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 163.

— Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 40.

— Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 8 сентября 1941 года № 35105 (Об изъятии из РККА военнослужащих немецкой национальности. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 8 сентября 1941 года № 001237 «О проведении операции по переселению немцев из Москвы, Московской области и Ростовской области» (с объявлением инструкции. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 430—437.

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 года № 2060—935сс «О расселении немцев Поволжья в Казахстане».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 21 сентября 1941 года № 698сс «О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 42—43.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 22 сентября 1941 года № 702сс «О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 62—63.

— Приказ НКВД СССР от 22 сентября 1941 года № 001347 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Красно-

дарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР».

— Приказ НКВД СССР от 23 сентября 1941 года № 001354 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей Украинской ССР».

ГАРФ. Ф. Р—9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 461—464.

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 63.

— Приказ НКВД СССР от 26 сентября 1941 года № 001398 (О реорганизации стройбатальонов НКВД в «рабочие колонны». — *В.Б.*).

— Приказ Военного совета Западного фронта от (?) сентября 1941 года (О выселении немцев из Калининской области. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 7 октября 1941 года № 2130—972сс «О выделении рабочих колонн из военнообязанных».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 8 октября 1941 года № 743сс «О переселении немцев из Воронежской области».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 195.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 8 октября 1941 года № 744сс «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 195.

— Приказ НКВД СССР от 11 октября 1941 года № 001487 (О переселении немцев из Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 11 октября 1941 года № 001488 (О переселении немцев из Воронежской области. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 15 октября 1941 года № 001507 (О переселении немцев из Горьковской области. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 22 октября 1941 года № 827сс «О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 176.

— Приказ НКВД СССР от 24 октября 1941 года № 001529 (О переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 25 октября 1941 года «Об образовании Комитета по эвакуации».

Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С.219.

— Распоряжение Совнаркома СССР от 30 октября 1941 года № 57-к «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные».

— Распоряжение Совнаркома СССР от 2 ноября 1941 года № 84-кс «О переселении немцев из Калмыцкой АССР».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 56с. Д. 42. Л. 59—60.

— Приказ НКВД СССР от 3 ноября 1941 года № 001543 (О переселении немцев из Калмыцкой АССР. — *В.Б.*).

— Распоряжение Наркомата заготовок СССР от 11 ноября 1941 года (О приеме и возврате зерна немцам Поволжья. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 11 ноября 1941 года (О переселении немцев из приграничных районов Дальнего Востока. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 14(21?) ноября 1941 года № 180кс «О переселении лиц немецкой национальности из пограничных районов в тыловые в пределах Читинской области».

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 56с. Д. 43. Л. 45.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 17 ноября 1941 года № 903сс (О нарушителях порядка управления СССР. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 21 ноября 1941 года № 280кс (О переселении немцев из Куйбышевской области. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 24 ноября 1941 года № 001790 (О переселении немцев из Куйбышевской области. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 ноября 1941 года (О переселении польских граждан из северных областей СССР в Казахскую ССР. — *В.Б.*).

1942 год

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке».

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях».

— Распоряжение Совнаркома СССР от 6 января 1942 года № 197-с (О переселении немцев из других районов страны. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 10 января 1942 года № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения на работы на производстве и в строительстве».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 8.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 14 февраля 1942 года № 1281сс «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.

— Приказ НКВД СССР от 9 марта 1942 года № 00713 (Об эвакуации немцев из Ленинграда и его окрестностей. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 20 марта 1942 года № 00714 (Об эвакуации финского населения из Ленинграда и его окрестностей. — *В.Б.*).

— Письмо НКВД СССР от 2 апреля 1942 года (Согласие заместителя наркома Чернышева не выселять из Крыма караимов. — *В.Б.*).

— Постановление Военного совета Ленинградского фронта от 3 апреля 1942 года «Об изъятии из действующей армии военнослужащих финской национальности и переводе их в рабочие батальоны и колонны НКВД».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 11 апреля 1942 года № 1575сс (О разрешении призывать бывших кулаков на военную службу. — *В.Б.*).

— Директива НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 29 апреля 1942 года № 185 (Об оставлении до особого распоряжения для работы по вольному найму в исправительно-трудовых лагерях лиц, освобожденных из-под стражи по отбытии срока уголовного наказания. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 29 мая 1942 года № 1828сс (О дополнительном выселении из Красноярского края и Ростовской области социально-опасных лиц, немцев, румын, крымских татар и иностранноподданных (греки). — *В.Б.*).

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 36. Л. 170.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 30 мая 1942 года № 1828сс(?) (О выселении немецкого населения из различных районов страны. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 20 июня 1942 года (О переселении немцев из некоторых районов страны. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 июня 1942 года № 1926сс «О членах семей изменников Родины».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 9 июля 1942 года «О высылке из Ленинграда и пригородных районов социально опасных элементов».

— Распоряжение Совнаркома СССР от 20 июля 1942 года № 13227(?) (О переселении немцев из центральных районов Новосибирской области в Нарымский округ. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 20 августа 1942 года «О порядке сопровождения эшелонов спецпереселенцев частями конвойных войск НКВД СССР (с объявлением инструкции. — *В.Б.*)».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 118. Л. 145—149.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 26 августа 1942 года «Об обязательной эвакуации немецкого населения из пограничных районов Ленинграда».

— Распоряжение Совнаркома СССР от 21 сентября 1942 года № 2472/с(?) (О переселении немцев на север Омской области. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 7 октября 1942 года № 2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства».

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 61. Л. 138—140.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 14 октября 1942 года № 2409сс «О распространении постановлений Госу-

дарственного Комитета Обороны СССР № 1123 и № 1281 на граждан других национальностей воюющих с СССР стран».

— Директива НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР от 23 октября 1942 года № 467/18—77/117сс (Об освобождении из-под стражи в исправительно-трудовых лагерях некоторых категорий заключенных. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 года № 1702 (О мобилизации выселенного немецкого населения в «трудовую армию». — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 года № 1732 (О переселении лиц из числа трудящихся и спецпереселенцев для работы на Севере. — *В.Б.*).

1943 год

— Постановление Совнаркома СССР от 15 января 1943 года (О паспортизации лиц, ранее состоявших в польском гражданстве. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 марта 1943 года № 3857 (О мобилизации выселенного немецкого населения в «трудовую армию». — *В.Б.*).

— Директива НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 15 апреля 1943 года № 52—6927 (О принудительном выселении за пределы Карачаево-Черкесской автономной области семей бандглаварей и активных бандитов (выселены 9 августа 1943 года 110 семей — 472 человека). — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 26 апреля 1943 года (О мобилизации немцев в «трудовую армию». — *В.Б.*).

— Директива Наркомата заготовок СССР от 18 мая 1943 года (О признании утратившим силу распоряжения Наркомата заготовок СССР от 11 ноября 1941 года.— *В.Б.*).

— Соглашение с польским правительством в изгнании от 30 июля 1943 года (О создании на территории СССР польской армии, а также об амнистии всех польских граждан. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 августа 1943 года (О мобилизации немцев в «трудовую армию». — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 19 августа 1943 года № 3960сс (О мобилизации выселенного немецкого населения в «трудовую армию». — *В.Б.*).

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 146. Л. 108—109.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года № 115/136 «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 198. Л. 79—80.

— Постановление Совнаркома СССР от 14 октября 1943 года № 1118—342сс «Вопросы НКВД СССР (о выселении лиц карачаевской национальности из Карачаевской автономной области. — *В.Б.*)».

— Постановление Совнаркома СССР от 15(?) октября 1943 года № 1118—346сс (О подготовке к приему спецпоселенцев-калмыков в

Алтайском и Красноярском краях, Омской и Новосибирской областях. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 6 ноября 1943 года № 1221—368сс «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года № 115/144 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР и об административном устройстве ее территории».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 200. Л. 151—152.

— Постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 года № 1432—425 (525сс?) (О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. — *В.Б.*).

1944 год

— Приказ НКВД СССР от 7 января 1944 года № 0013 «Об организации специального Черногорского лагеря в Красноярском крае (для «фольксдойче». — *В.Б.*)».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 157. Л. 7—8.

— Инструкция НКВД СССР от 29 января 1944 года «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 31 января 1944 года № 5073сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 163.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 31 января 1944 года № 5074сс «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов».

— Приказ НКВД СССР от 21 февраля 1944 года (О выселении чеченцев и ингушей. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 26 февраля 1944 года № 00186сс «О мероприятиях по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 3. Л. 315—319.

— Приказ НКВД СССР от 28 февраля 1944 года № 00193 «О мероприятиях в связи с окончанием операции по выселению чеченцев и ингушей».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 3. Л. 315—319.

— Распоряжение Государственного Комитета Обороны СССР от 3 марта 1944 года № 0741 (О направлении на спецпоселение военнослужащих-карачаевцев. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 5 марта 1944 года № 5309сс «Вопросы НКВД СССР (о выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР. — *В.Б.*)».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года № 116/102 «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 208. Л. 51—54.

— Постановление Совнаркома СССР от 9 марта 1944 года № 255—74сс «О заселении и освоении бывшей Чечено-Ингушской АССР».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1944 года (О ликвидации Калмыцкого района Ростовской области. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 11 марта 1944 года № 5473сс(?) (О переселении из горных районов Дагестана на земли Ауховского района Дагестанской АССР. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 11 марта 1944 года № 5475рс (О выселении калмыков из Ростовской области в Омскую область. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 31 марта 1944 года (О ссылке членов семей «оуновцев» в Красноярский край, Омскую, Новосибирскую и Иркутскую области. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 апреля 1944 года № 5943сс (О выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР в Узбекскую ССР. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 года № 359—105сс (О переселении поляков, проживавших в северных и восточных районах, в районы с «более подходящим климатом». — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года № 117/6 «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 220. Л. 62—65.

— Совместное постановление НКВД и НКГБ СССР от 13 апреля 1944 года № 00419/00137 «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов».

— Приказ НКВД СССР от 15 апреля 1944 года (О розыске и отправке на спецпоселение калмыков, проживавших вне бывшей Калмыцкой АССР. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 25 апреля 1944 года № 5729с (О направлении 1000 семей спецпоселенцев-калмыков на слюдяные рудники в Иркутскую область и Якутскую АССР. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 апреля 1944 года (О переименовании районов, отошедших от Чечено-Ингушетии к Северной Осетии. — *В.Б.*).

Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1944. № 27 (287).

— Директива Ставки Верховного Главнокомандования от 4 мая 1944 года (О переселении жителей из 23-километровой прифронтовой полосы. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 11 мая 1944 года № 5859сс «О крымских татарах».

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 мая 1944 года (О ликвидации Приютнинского района Ставропольского края, отошедшего к нему при ликвидации Калмыцкой АССР. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 18 мая 1944 года № 546 (О переселении в Чечено-Ингушскую АССР 700 хозяйств аварцев из Грузинской ССР. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 21 мая 1944 года № 5937сс (О дополнительном выселении крымско-татарского населения с территории Крымской АССР в Марийскую АССР, Горьковскую, Ивановскую, Костромскую, Молотовскую и Свердловскую области. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 мая 1944 года (О ликвидации в Астраханской области и включении в состав других 4-х районов, ранее входивших в Калмыцкую АССР. — *В.Б.*).

Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1944. № 33 (293).

— Приказ НКВД СССР от 25 мая 1944 года № 00620/001 «О выселении из Кабардинской АССР членов семей немецких ставленников, предателей и изменников Родине, добровольно ушедших с немцами».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 3. Л. 627—629.

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 мая 1944 года (О переименованиях в бывших балкарских районах. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 29 мая 1944 года № 627—176сс «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпоселенцам-карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам, калмыкам в обмен на принятые от них скот и зерно в местах выселения».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 29 мая 1944 года № 1828сс(?) (О выселении крымских татар и греков из Краснодарского края и Ростовской области. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 июня 1944 года № 5984сс (О выселении из Крыма греков, армян и болгар. — *В.Б.*).

ГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 64—68.

— Приказ НКВД СССР от 22 июня 1944 года № 0078/42 (О выселении украинцев из Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и Донецкой областей Украинской ССР. — *В.Б.*).

ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 70. Спр.997. Арк.91.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 24 июня 1944 года № 6100сс «О выселении из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные паспорта».

— Постановление Совнаркома СССР от 11 июля 1944 года № 854—224сс «О частичном переселении бывших польских граждан (из восточных районов СССР. — *В.Б.*)».

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 178. Л. 287.

— Приказ НКВД СССР от 14 июля 1944 года № 2863—1/12933 (О переселении «истинно православных христиан». — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 25 июля 1944 года № 15238рс (О направлении 1000 семей спецпоселенцев-калмыков на слюдяные рудники в Иркутскую область и Якутскую АССР. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 26 июля 1944 года № 15372 (О переселении 213 чехов из Джамбулской области в Украинскую ССР. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 31 июля 1944 года № 6279сс «О переселении из пограничной полосы Грузинской ССР, Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов турок, курдов и хемшилов».

— Совместное постановление Совнаркома Грузинской ССР и ЦК КП(б) Грузии от 9 августа 1944 года (О выселении из пограничных районов Аджарской АССР 113 хозяйств. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 24 августа 1944 года № 001036 «О выселении из городов Кавминводгруппы курортов семей активных немецких пособников, предателей и изменников Родины, добровольно ушедших с немцами».

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 августа 1944 года (О переименовании районов в бывшей Чечено-Ингушской АССР. — *В.Б.*). Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1944. № 53 (313).

— Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 4 сентября 1944 года (О переименовании карачаевских населенных пунктов. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 20 сентября 1944 года «О переселении из пограничных районов Грузинской ССР турок, курдов и хемшилов».

— Постановление Крымского обкома ВКП(б) от 20 октября 1944 года (О переименовании населенных пунктов, гор и рек татарского, греческого и немецкого происхождения. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 6 ноября 1944 года (О заселении бывшей Карачаевской автономной области. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 ноября 1944 года № 621/8 (О переименовании 11 районов и 11 райцентров Крымской области. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от (?) ноября(?) 1944 года (О переименовании 5 населенных пунктов в Земо-Сванетском районе, образованном на землях, переданных из Кабардино-Балкарской АССР. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1944 года (О переименовании районов в Крымской области. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 16 декабря 1944 года № 7161сс (О мобилизации и интернировании с направлением для работы в СССР всех трудоспособных немцев, находящихся на освобожденных Красной Армией территориях, подданных Германии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии и Чехословакии. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 29 декабря 1944 года № 274 (О взятии на учет как спецпереселенцев граждан финской национальности. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от (?) декабря(?) 1944 года (О переименовании балкарских названий. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 29 декабря 1944 года № 7252сс (Положение о приеме, размещении и тру-

доиспользовании немцев, мобилизованных в странах Восточной Европы. — *В.Б.*).

1945 год

— Приказ НКВД СССР от 6 января 1945 года № 008 «О выселении из города Ставрополя, Черкесской автономной области, районов Ставропольского края семей коллаборационистов и добровольно ушедших с немцами».

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 5. Л. 51—91.

— Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 года № 34—14с «О спецкомендатурах НКВД».

— Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 года № 35 «О правовом положении спецпереселенцев».

— Приказ НКВД СССР от 10 января 1945 года (Временное положение о рабочем батальоне по обслуживанию интернированных немцев. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 11 января 1945 года № 0016 «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 3 февраля 1945 года № 7467сс (О мобилизации немцев в странах Восточной Европы. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 6 февраля 1945 года № 0061 (О мобилизации немцев в странах Восточной Европы. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 21 февраля 1945 года № 7565сс «О распределении мобилизуемых на территории действующих фронтов немцев на работы в промышленности».

— Приказ НКВД СССР от 22 февраля 1945 года № 00101 (О фильтрации репатриируемых из стран Восточной Европы. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 25 февраля 1945 года № 7590сс (О создании Особого комитета при ГКО для демонтажа, вывоза и сопровождения промышленного оборудования из Германии. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 27 февраля 1945 года (Положение о приеме, содержании и трудоиспользовании мобилизованных и интернированных в странах Восточной Европы немцев. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 28 февраля 1945 года (Инструкция по организации и ведению учета интернированных и мобилизованных немцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 5 марта 1945 года № 399—110сс «О порядке расчета с переселенцами из Грузии за принятое от них имущество».

— Приказ НКВД СССР от 5 марта 1945 года (Временная инструкция об охране и режиме содержания интернированных и мобилизованных немцев в «рабочих батальонах». — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 4 апреля 1945 года (Инструкция о порядке конвоирования военнопленных и интернированных частями конвойных войск. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 17 апреля 1945 года № 8148сс (О прекращении мобилизации немцев из стран Восточной Европы. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 18 апреля 1945 года № 00315 «О частичном изменении приказа НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года».

— Распоряжение Государственного Комитета Обороны СССР от 22 апреля 1945 года № 6255сс (О немцах, мобилизованных в странах Восточной Европы. — *В.Б.*).

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 2 мая 1945 года № 8377сс (О немцах, мобилизованных в странах Восточной Европы. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 года «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 349. Л. 206.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 18 июля 1945 года № 9526сс(?) «О выселении из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные паспорта».

— Постановление Совнаркома СССР от 28 июля 1945 года № 1927 «О льготах спецпереселенцам».

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 179. Л. 17.

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 18 августа 1945 года № 9871сс «О направлении на работу в промышленности военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста (о выселении «власовцев». — *В.Б.*)».

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 года № 619/3 (О переименовании 327 татарских селений в Крыму. — *В.Б.*).

— Директива НКВД СССР от 22 августа 1945 года № 140 «О направлении прибывших с фронта представителей переселенных народов на места проживания основной группы».

— Постановление Государственного Комитета Обороны СССР от 30 августа 1945 года № 9959сс «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев, занятых на работах в промышленности».

— Приказ НКВД, НКГБ и Наркомата обороны СССР от 8 сентября 1945 года (Об организации проверки репатриируемых, бывших военнослужащих Красной Армии и лиц призывных возрастов, передаваемых для работы в промышленность. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР от 29 октября 1945 года № 001301 (Об освобождении интернированных поляков — польских граждан. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совнаркома СССР от 28 ноября 1945 года № 17074рс (О направлении «власовцев» в Свердловскую область. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1945 года (О переименовании населенных пунктов в Крымской области. — *В.Б.*).

— Постановление Совнаркома СССР от 22 декабря 1945 года № 3141—950сс (О направлении «власовцев» в Кемеровскую область. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД СССР № 00315—1945 года (О фильтрации репатриируемых из стран Восточной Европы. — *В.Б.*).

1946 год

— Приказ НКВД СССР от 5 января 1946 года № 3/0—39 (О ликвидации зон проживания мобилизованных для работы в нефтяной промышленности. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 148. Л. 162.

— Распоряжение Совнаркома СССР от 7 января 1946 года (О направлении «власовцев» в Кемеровскую область. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 29 марта 1946 года № 691—271сс «О закреплении за предприятиями Министерства черной металлургии спецконтингентов, подлежащих переселению в северные районы СССР».

— Распоряжение Совета Министров СССР от 16 апреля 1946 года (О направлении «власовцев» в Карело-Финскую ССР. — *В.Б.*).

— Директива НКВД-МВД СССР от 20 апреля 1946 года № 97 (О направлении легионеров, «власовцев» и полицейских на спецпоселение сроком на 6 лет. — *В.Б.*).

— Директива НКВД-МВД СССР от 30 апреля 1946 года № 110 (О выявлении и депортировании евреев зарубежного подданства. — *В.Б.*).

— Приказ НКВД-МВД СССР от 4 мая 1946 года № 00385 (О вывозе из лагерей МВД СССР в Корею японских военнопленных. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 18 июня 1946 года № 1263—519сс «Об отправке на родину больных нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей».

— Приказ НКВД-МВД СССР от 21 июня 1946 года (О разрешении переписки для военнопленных и интернированных. — *В.Б.*).

— Закон РСФСР от 25 июня 1946 года (Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область. — *В.Б.*).

— Директива НКВД-МВД СССР от 26 июня 1946 года № 1925 (О вывозе поляков. — *В.Б.*).

— Распоряжение Совета Министров СССР от 29 июня 1946 года (О направлении «власовцев» в Казахскую и Туркменскую ССР, в Башкирскую АССР, в Молотовскую, Кировскую и Сахалинскую области. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 27 июля 1946 года № 1653—726сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев».

— Приказ МВД СССР от 27 июля 1946 года № 00601 (Об отправке в Германию нетрудоспособных интернированных немцев. — *В.Б.*).

— Приказ МВД СССР от 31 июля 1946 года № 00731 «Об отправке в Германию нетрудоспособных немцев, содержащихся в рабочих батальонах».

— Распоряжение Совета Министров СССР от 5 августа 1946 года № 10297сс (О направлении «власовцев» в Горьковскую область. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1946 года № 1767—796сс «Об отмене особого режима в спецпоселках Ставропольского края».

— Распоряжение Совета Министров СССР от 28 августа 1946 года № 10382сс (О направлении «власовцев» в Таджикскую ССР. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 17.

— Приказ Прокуратуры СССР и МВД СССР от 26 сентября 1946 года «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев — бывших кулаков».

— Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 года № 2728—1124сс «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях».

— Приказ МВД СССР от 26 декабря 1946 года № 001196 (О вывозе из Германии немцев. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 16. Д. 148. Л. 311—316.

1947 год

— Постановление Совета Министров СССР от 4 марта 1947 года № 413—137сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных немцев, работающих на предприятиях черной металлургии».

— Постановление Совета Министров СССР от 14 марта 1947 года № 1022—305сс «Об отправке на родину нетрудоспособных военнопленных и интернированных, работающих на предприятиях угольной промышленности западных регионов».

— Распоряжение Совета Министров СССР от 7 мая 1947 года «О запрете поселяться финнам в местах прежнего проживания в Ленинграде и области».

— Постановление Совета Министров СССР от 13 мая 1947 года № 1521—402сс «Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев».

— Постановление Совета Министров СССР от 16 мая 1947 года № 1571—414сс (Об отправке в Германию нетрудоспособных военнопленных бывшей германской армии и интернированных немцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 26 мая 1947 года № 1731—462сс (О репатриации военнопленных немцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1947 года (О выселении семей осужденных, убитых, находящихся на нелегальном положении активных националистов и бандитов с территории западных областей Украины. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 года (О выселении за пределы Литовской ССР семей бандитов и бандпособников. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 10 октября 1947 года № 3545—1167сс (О репатриации 100.000 военнопленных немцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 6 ноября 1947 года (О вывозе из Германии немецких военно-технических специалистов. — *В.Б.*).

— Директива Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) МВД СССР от 8 декабря 1947 года (О репатриации интернированных немцев. — *В.Б.*).

РГВА/ГУПВИ. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 3. Л. 178—185.

— Распоряжение Совета Министров СССР от 27 декабря 1947 года № 19064сс (О репатриации больных и малоработоспособных интернированных немцев. — *В.Б.*).

— АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 503. Л. 79.

1948 год

— Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 417—160сс (О выселении с территории Литовской ССР на спецпоселение семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, а также пособников бандитов, кулаков и их семей. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 418—161сс «О ссылке, высылке и спецпоселениях».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

— Приказ МВД СССР от 21 февраля 1948 года № 00544 «О мероприятиях по удалению из города Ленинграда и Ленинградской области лиц финской национальности и ингерманландцев, репатриированных из Финляндии».

— Постановление Совета Министров СССР от 22 февраля 1948 года № 413—162сс (О переселении депортированных из Европейской части в Сибирь и Казахстан. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 371. Л. 4.

— Постановление Совета Министров СССР от 8 марта 1948 года № 702—223сс «О пересмотре дел немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 502. Л. 71—72.

— Приказ МГБ СССР от 16 марта 1948 года (Инструкция к постановлению Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 417—160сс. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 7351. Л. 56—64.

— Постановление Совета Министров СССР от 7 мая 1948 года № 1492—572сс «Об улучшении условий содержания и трудового использования интернированных немцев».

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 75. Д. 22. Л. 1, 2.

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 мая 1948 года (О переименовании 1062 татарских селений в Крыму. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой повинности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни».

— Постановление Совета Министров СССР от 2 июня 1948 года № 1841—730сс «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни».

ЦАОДМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 116. Л. 10.

— Постановление Совета Министров СССР от 30 июня 1948 года № 2386—991сс «Об освобождении немецких граждан, содержащихся под стражей в советской зоне оккупации Германии».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 4.

— Постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1948 года № 2943—2102сс (О переселении депортированных из Азербайджана в Узбекскую ССР курдов из отряда М. Барзани. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 4 октября 1948 года № 3728—1524сс (О разрешении МГБ СССР выселять на спецпоселение по решению Особого совещания при МГБ СССР членов семей бандитов, погромщиков, проживающих на территории западных областей Украинской ССР. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 6 октября 1948 года № 3785—1538сс (О выселении кулаков из Измаильской области Украинской ССР. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 года № 4367—1726сс «О выселенцах».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 36. Д. 450. Л. 87.

Neues Leben. 14.08.1991.

— Постановление Совета Министров СССР от 12 декабря 1948 года № 4722сс (О выселении кулаков и обвиняемых в бандитизме с семьями с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области. — *В.Б.*).

1949 год

— Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 года № 390—138сс (О выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов. — *В.Б.*).

— Приказ МГБ СССР от 28 февраля 1949 года № 0068 (Об операции «Прибой» на территории Прибалтики. — *В.Б.*).

РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 408.

— Постановление Совета Министров Латвийской ССР от 17 марта 1949 года № 282сс «О выселении из пределов Латвийской ССР кулацких семей».

— Постановление Совета Министров СССР от 6 апреля 1949 года № 1290—467сс (О выселении с территории Молдавской ССР кулаков, пособников белогвардейцев, участников нелегальных организаций, а также их семей. — *В.Б.*).

— Решение ЦК ВКП(б) от 17 мая 1949 года «О выселении греческих подданных, бывших греческих подданных, не имеющих в настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство».

— Постановление Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214—856сс «Об обеспечении перевозок, расселения и трудового устройства выселенцев с территории Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также с побережья Черного моря».

— Приказ МВД СССР от 11 июня 1949 года (О порядке приема, перевозки, расселения и трудоустройства лиц, выселенных из Молдавии. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 6 августа 1949 года «О репатриации в 1949 году интернированных немцев и лиц других национальностей».

— Приказ МВД СССР от 13 августа 1949 года № 00770 (О репатриации интернированных немцев и лиц других национальностей. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т.17. Л. 178—181.

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 октября 1949 года (О создании комиссии по пересмотру дел интернированных в Германии немцев. — *В.Б.*).

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 10—14.

— Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1949 года № 5881—2201сс (О выселении с территории Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области семей кулаков, бандитов и осужденных за антисоветскую деятельность. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 368об; Д. 607. Л. 201.

— Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1949 года № П/72/100 (О ликвидации спецлагерей МВД СССР в Германии. — *В.Б.*).

АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805. Л. 20—23.

1950 год

— Постановление Совета Министров СССР от 11 января 1950 года № 135—26сс (О выселении бывших участников басмаческих банд и членов их семей, проживающих на территории Таджикской ССР. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 382.

— Постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1950 года № 727—269сс (О выселении иранцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 14 июля 1950 года № 3077—1286сс (О передаче отдела спецпоселений МВД СССР в МГБ СССР. — *В.Б.*).

1951 год

— Постановление Совета Министров СССР от 23 января 1951 года № 189—88сс (О выселении с территории западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР семей кулаков. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 13 февраля 1951 года № 377—190сс (О переселении бывших военнослужащих армии Андерса. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1951 года № 667—339сс (О выселении активных участников антисоветской секты «иеговистов» с семьями из Украинской, Белорусской, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров Молдавской ССР от 24 марта 1951 года «О конфискации и реализации имущества выселяемых с территории Молдавской ССР».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 года (О выселении за «бродяжничество и попрошайничество». — *В.Б.*).

— Распоряжение Совета Министров СССР от 10 августа 1951 года № 14133.

— Постановление Совета Министров СССР от 5 сентября 1951 года № 3309—1568сс (О выселении из Прибалтики кулаков и членов их семей, враждебно настроенных против колхозов. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 103.

— Решение ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 18 сентября 1951 года (О выселении с территории западных областей Белорусской ССР кулаков с семьями. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 7 октября 1951 года № 3857—1703 (Об освобождении от спецпоселения «власовцев», отбывших 6-летний срок. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года (Об оставлении на спецпоселении навечно 7 «наказанных» народов, а также греков. — *В.Б.*).

— Приказ МГБ СССР от 24 октября 1951 года № 00776 (Об объявлении под расписку Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года и об отмене директивы МВД СССР от 20 апреля 1946 года № 97. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 29 ноября 1951 года № 4893—2113сс (О выселении с территории Грузинской ССР антисоветских элементов. — *В.Б.*).

— Решение ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 12 декабря 1951 года (О выселении из пределов Литовской ССР кулаков и членов их семей, уклонившихся от выселения в октябре 1951 года. — *В.Б.*).

1952 год

— Постановление Совета Министров СССР от 1952 года «Об оставлении на спецпоселении лиц, выселенных в период Отечественной войны».

ГАРФ. Ф. 9479 (9179?). Оп. 2. Д. 611. Л. 287—288.

— Указ Президиума Верховного Совета РСФСР(?) от 14 января 1952 года (О переименовании железнодорожных станций на территории Крымской области. — *В.Б.*).

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 года «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на поселении».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 56. Д. 588. Л. 1.

Neues Leben. 14.08.1991.

— Распоряжение Совета Министров СССР от 25 марта 1952 года № 6435рс (О выселении кулаков с семьями из Белорусской ССР навечно. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 2 апреля 1952 года № 1616—576сс «О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии».

— Постановление Совета Министров Белорусской ССР от 7 апреля 1952 года № 436 (О выселении кулаков и членов их семей из Гродненской, Молодечненской, Брестской, Пинской и Полоцкой областей. — *В.Б.*).

— Приказ МВД СССР от 7 апреля 1952 года № 00337 (О репатриации из СССР бывших военнопленных и интернированных граждан Германии. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1с. Д. 205. Т.17. Л. 51—55.

— Распоряжение Совета Министров СССР от 3 декабря 1952 года № 31514сс (О порядке освобождения от спецпоселения «власовцев», отбывших 6-летний срок. — *В.Б.*).

1953 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 4.

— Решение Президиума ЦК КПСС от 30 ноября 1953 года № П43/66 (О досрочном освобождении осужденных советскими судами немецких военнопленных, интернированных и гражданских лиц. — *В.Б.*).

ГАРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 805.

1954 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года (О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. — *В.Б.*).

— Приказ МВД СССР и Генерального прокурора СССР от 24 апреля 1954 года (Об освобождении из ссылки на поселение лиц, ранее осужденных за контрреволюционные преступления на срок до 5 лет включительно. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года № 1439—649сс «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев».

— Приказ Генерального прокурора СССР, МВД и КГБ СССР от 16 июля 1954 года № 127с/0391/078 (Об освобождении из ссылки на поселение. — *В.Б.*).

— Указание Генерального прокурора СССР от 20 июля 1954 года № 127/132с (В связи с постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 13 августа 1954 года № 1738—789сс «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков, с немцев, взятых на учет по месту жительства, и с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались».

1955 год

— Постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1955 года «О выдаче спецпоселенцам паспортов».

— Постановление Совета Министров СССР от 25 апреля 1955 года № 858—517с «О репатриации из Советского Союза в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, ГДР, Корею, Китай находящихся на территории СССР граждан этих стран».

— Постановление Президиума ЦК КПСС от 9 мая 1955 года «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов КПСС и членов их семей».

— Распоряжение Совета Министров СССР от 23 августа 1955 года № 2708рс «О призыве некоторых категорий спецпоселенцев на военную службу».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст. 345.

— Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года № 1963—1052сс «О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 576. Л. 79.

1956 год

— Постановление Совета Министров СССР от 17 января 1956 года № 62—41сс «О снятии ограничений по спецпоселению с лиц польской национальности, выселенных в 1936 году из пограничных с Польшей районов Украинской ССР».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 года «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР».

— Постановление Совета Министров СССР от 12 марта 1956 года «О дополнительном снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года № 134/33 «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 606. Л. 66.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1956 года № 139/47 «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

— Постановление Совета Министров СССР от 19 апреля 1956 года № 2284рс «О репатриации из СССР германских граждан».

РГВА/ГУПВИ. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 4. Л. 16.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года № 0—134 «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР (турок-месхетинцев. — *В.Б.*), курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

— Указание МВД СССР от 29 апреля 1956 года (О запрещении применения ареста в качестве административного наказания к спецпоселенцам. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 15 мая 1956 года (О снятии с учета спецпоселения членов семей украинских и белорусских националистов, освобожденных из ссылки на поселение. — *В.Б.*).

— Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 июня 1956 года «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года № 139/19/20 «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 629. Л. 201.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1956 года № 144/29 «О снятии с учета спецпоселения некоторых категорий иноподданных, лиц, не имеющих гражданства, и бывших иноподданных, принятых в советское гражданство».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 года «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 21. Ст. 450.

— Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 9 ноября 1956 года «О запрещении бывшим руководителям и активным участникам украинского националистического подполья, которые были осуждены и отбыли наказание, возвращаться в западные области Украинской ССР» (В 1957 году аналогичные указы приняты: в Литве — 21 января, в Белоруссии — 22 февраля, в Латвии — 5 октября, в Эстонии — 12 октября. — *В.Б.*).

— Постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, балкарского, чеченского и ингушского народов».

— Постановление ЦК КПСС от 25 декабря 1956 года «О территории Чечено-Ингушской АССР».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103—104.

1957 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/11 «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 701. Л. 64—67.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/12 «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 701. Л. 68—69.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/13 «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 701. Л. 70.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года № 149/14 «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 701. Л. 72—73.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1957 года № 149/22 «О передаче части территории Душетского и Казбегского районов из Грузинской ССР в состав РСФСР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 701. Л. 119.

— Приказ МВД СССР от 25 января 1957 года № 055 «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны, в местах, откуда они были высланы».

— Закон СССР от 11 февраля 1957 года «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 72. Д. 154. Л. 27.

— Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 22 февраля 1957 года «О запрещении бывшим руководителям и активным участникам белорусских националистических подпольных групп, осужденным и отбывшим наказание, возвращаться в Брестскую, Гродненскую и Молодечненскую области».

— Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 5 октября 1957 года «О запрещении бывшим руководителям буржуазных правительств Латвии, руководителям буржуазных политических партий и антисоветских организаций, активным участникам латышского националис-

тического подполья, осужденным и отбывшим наказание, возвращаться в Латвийскую ССР».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года № 161/29 «О снятии ограничений с граждан СССР азербайджанской национальности, переселенных в 1944 году из Грузинской ССР».

1958 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1958 года № 108/1 «О преобразовании Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 77. Д. 20. Л. 8.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

1959 год

— Приказ МВД СССР от 27 марта 1959 года № 097 (О ликвидации отдела спецпоселений. — *В.Б.*).

1960 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1960 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

1961 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

1963 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1963 года «О снятии ограничений со спецпоселенцев, находившихся ранее в националистическом подполье, бывших торговцев, помещиков, фабрикантов, высланных из Западной Украины, Молдавской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР».

1964 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 82. Д. 146. Л. 184—185.

— Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 52. Ст. 592.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 декабря 1964 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев».

1967 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года № 1361 «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 92. Д. 134. Л. 65—66.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 36. Ст. 493.

— Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 36. Ст. 494.

1968 год

— Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года «О порядке применения в отношении граждан СССР — турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года и статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 года».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 23. Ст. 188.

1972 год

— Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года № 3521-VIII «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан (немцы, греки, болгары, армяне, бывшие иноподданные греки, турки и иранцы. — *В.Б.*)».

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1972 года «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан».

1974 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1974 года «О признании утратившими силу законодательных актов СССР в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан».

— Постановление Бюро ЦК Компартии Казахстана от 16 апреля 1974 года «Об усилении идейно-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности».

1977 год

— Постановление Бюро ЦК Компартии Казахстана от 28 июня 1977 года № Б32-2 «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности».

1978 год

— Указание МВД Узбекской ССР от 25 апреля 1978 года (О запрете органам милиции Узбекской ССР выписывать крымских татар, не имеющих справки с будущего места жительства о наличии работы и жилья. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 15 октября 1978 года № 700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области».

1979 год

— Постановление Политбюро ЦК КПСС от 31 мая 1979 года № 153/XI «Об образовании Немецкой автономной области».

1986 год

— Постановление Бюро ЦК Компартии Казахстана от 18 марта 1986 года «О дальнейшем усилении политико-воспитательной работы среди граждан немецкой национальности, проживающих в Казахстане».

1987 год

— Постановление Совета Министров Грузинской ССР от 8 декабря 1987 года № 600 (По проблемам турок-месхетинцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров СССР от 24 декабря 1987 года (Об ограничении прописки граждан в некоторых населенных пунктах Крымской области и Краснодарского края. — *В.Б.*).

1988 год

— Постановление Совета Министров Грузинской ССР от 24 июня 1988 года (По проблемам турок-месхетинцев. — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров Латвийской ССР от 5 декабря 1988 года (Положение «О порядке возврата имущества или возмещения его стоимости гражданам, выселение которых в административном порядке за пределы Латвийской ССР признано необоснованным». — *В.Б.*).

— Закон Эстонской ССР от 7 декабря 1988 года (О несудебных массовых репрессиях в Советской Эстонии в 1940—1950-е годы. — *В.Б.*).

1989 год

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 1930—1940-х и начала 1950-х годов».

Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 19.

— Постановление Совета Министров Эстонской ССР от 20 февраля 1989 года «О порядке возвращения имущества и возмещения ущерба лицам, пострадавшим в ходе массовых репрессий».

— Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 28 июля 1989 года «О реабилитации лиц, осужденных за политические преступления».

— Постановление Совета Министров Литовской ССР от (?) июля 1989 года «Об имущественных и личных неимущественных правах лиц, выселение которых признано незаконным и необоснованным и которые признаны реабилитированными».

— Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года № 772-I «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.

— Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 года «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа».

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 25. Ст. 495.

— Постановление Совета Министров СССР от 21 декабря 1989 года № 1117 «Об образовании Комиссии по организации выполнения постановления Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа».

1990 год

— Закон Латвийской Республики (1990 год) «О реабилитации незаконно репрессированных лиц».

— Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 8 января 1990 года «О внесении изменений и дополнений в Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 28 июля 1989 года «О реабилитации лиц, осужденных за политические преступления».

— Постановление Совета Министров СССР от 29 января 1990 года № 90 «Об образовании комиссии по проблемам советских немцев».

— Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 19 февраля 1990 года «О реабилитации лиц, репрессированных во внесудебном порядке и безосновательно осужденных».

— Решение Исполнительного Комитета Ульяновского областного Совета народных депутатов от 6 апреля 1990 года № 135 «Об организации работы по расселению в Ульяновской области советских немцев».

— Закон Литовской Республики от (?) мая 1990 года «О восстановлении прав лиц, репрессированных за сопротивление оккупационным режимам».

— Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920—1950-х годов».

— Указ Президента Казахской ССР от 18 сентября 1990 года «О мерах по оказанию помощи реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий в период 1930—1940-х и начала 1950-х годов».

— Постановление Совета Министров Армянской ССР от 25 сентября 1990 года № 428 «О распространении действия постановления Совета Министров Армянской ССР от 20 декабря 1989 года № 640 «Постанов-

ление Совета Министров СССР от 6 октября 1989 года № 825 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей» на всех бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания во время Второй мировой войны».

— Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1990 года № 1735-I «Об образовании Комиссии по проблемам советских греков».

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 925.

— Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1990 года № 1738-I «Об образовании Комиссии по проблемам курдского народа».

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 926.

— Постановление Совета Министров Казахской ССР от 16 ноября 1990 года № 448 «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий граждан, необоснованно привлекавшихся к уголовной ответственности и подвергшихся другим судебным и внесудебным репрессиям по социально-политическим мотивам, имевшим место в период 1930—1940-х — начала 1950-х годов».

— Постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1990 года № 1184 «О подготовке и проведении съезда советских немцев».

— Постановление Верховного Совета Белорусской ССР от 21 декабря 1990 года № 479-XII «Об утверждении Положения о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий в 1920—1950-х годах».

— Постановление Совета Министров Белорусской ССР от 29 декабря 1990 года № 349 «О предоставлении льгот лицам, необоснованно привлеченным к уголовной ответственности в период репрессий 1920—1950-х годов и впоследствии реабилитированным».

1991 год

— Постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года № 2013-I «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 11. Ст. 302.

— Постановление Верховного Совета Украинской ССР от 11 марта 1991 года (О преобразовании Крымской области в Крымскую АССР. — *В.Б.*).

— Распоряжение Кабинета Министров СССР от 26 марта 1991 года № 225р (Об исполнении постановления Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года № 2013-I «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О призна-

нии незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

— Закон Украинской ССР от 17 апреля 1991 года № 962-XII «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

— Постановление Верховного Совета Украинской ССР от 17 апреля 1991 года № 963-XII «О порядке введения в действие Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

— Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 апреля 1991 года «О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР».

— Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов».

— Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 6 июня 1991 года № 847-XII «О порядке реабилитации жертв политических репрессий 1920–1980-х годов в Республике Беларусь».

— Постановление Кабинета Министров СССР от 6 июня 1991 года № 336 «Об отмене постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению».

Собрание постановлений Правительства СССР. 1991. № 16—17. Ст. 69.

— Решение Исполкома Алтайского краевого Совета народных депутатов от 18 июня 1991 года № 258 «О восстановлении на территории Алтайского края Немецкого национального района».

— Указ Президента СССР от 21 июня 1991 года № УП-2119 «О награждении медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны».

— Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 27. Ст. 788.

— Постановление Кабинета Министров Украинской ССР от 24 июня 1991 года № 48 «О мерах по реализации Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

— Постановление Кабинета Министров Азербайджанской ССР от 12 июля 1991 года № 214 «Об отмене постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся насильственному переселению».

— Постановление Кабинета Министров СССР от 2 августа 1991 года № 565 «О комитете по проблемам советских немцев».

— Постановление Правительства Литовской Республики от 12 августа 1991 года «О возмещении материального ущерба лицам, отправленным в годы Второй мировой войны на принудительные работы, незаконно выселенным в 1951—1952 годах из одних местностей Литвы в другие».

— Постановление Президиума Верховного Совета Литовской Республики от 25 сентября 1991 года «О возвращении политзаключенных, ссыльных, а также членов их семей и обеспечении их квартирами и работой».

— Постановление Кабинета Министров РСФСР от 15 октября 1991 года № 546 «Об образовании в составе Государственного комитета РСФСР по делам национальностей Управления по делам народов, не имеющих национально-государственных образований».

— Закон РСФСР от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий».

Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

— Постановление Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1429.

— Постановление Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР от 1 ноября 1991 года (О провозглашении суверенной Чеченской Республики. — *В.Б.*).

— Постановление Президиума Верховного Совета Грузинской ССР № 321 от 6 декабря 1991 года (Об образовании Комиссии по взаимодействию с Советом общества спасения грузин (месхов). — *В.Б.*).

1992 год

— Указ Президента Украины от 23 января 1992 года № 51 «О создании Украинско-немецкого фонда».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 24 января 1992 года № 40 «О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской АССР».

— Указ Президента Республики Кыргызстан от 29 января 1992 года «Об образовании в Республике Кыргызстан немецких национальных культурных округов и национальных производственно-коммерческих структур».

Газета немцев Кыргызстана. 1992. № 1—2.

— Постановление Кабинета Министров Республики Кыргызстан от 11 февраля 1992 года «О создании в городе Бишкеке Кыргызско-немецкого торгового дома».

Газета немцев Кыргызстана. 1992. № 1—2.

— Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 1992 года № 160 «О порядке выплаты денежной компенсации и предоставления льгот лицам, реабилитированным в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

— Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев».

Российская газета. 05.03.1992.

— Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 апреля 1992 года № 681 (О создании комиссии по проблемам российских немцев. — *В.Б.*)».

— Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1992 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

— Решение сессии Большого Совета Энгельсского района Саратовской области от 18 мая 1992 года (Об отказе в согласии на создание немецкого национального образования. — *В.Б.*).

— Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 1992 года № 514 «О создании в Поволжском регионе поселений российских немцев на базе агрокомплексов и гарантиях их социально-экономического развития».

— Декрет Государственного Совета Республики Грузия от 25 мая 1992 года «О восстановлении справедливости в отношении лиц, подвергшихся репрессиям в 1921—1924 годах за участие в национально-освободительной борьбе Грузии».

— Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 июня 1992 года «О реабилитации казачества».

— Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 года № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества».

— Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

— Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3131-1 «О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, проживающим на территории Российской Федерации». Российская газета. 04.07.1992.

— Закон Российской Федерации от 4 июля 1992 года «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июля 1992 года № 475 «О подписании протокола о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии с целью поэтапного восстановления государственности советских немцев».

— Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 года № 3321 «О реабилитации казачества».

— Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 1992 года № 800 «О неотложных мерах по государственной поддержке социально-экономического развития Республики Калмыкия — Хальмг Тангч».

— Постановление Кабинета Министров Украины от 5 октября 1992 года № 564 «О внесении изменений и дополнений в постановление Кабинета Министров Украинской ССР от 24 июня 1991 года № 48 «О мерах по реализации Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

— Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 1992 года (О введении чрезвычайного положения в зоне осетино-ингушского конфликта. — *В.Б.*).

— Закон Украины от 9 ноября 1992 года № 2803-XII «О внесении изменений и дополнений в Закон Украины «О реабилитации жертв политических репрессий в Украине».

— Постановление Верховного Совета Украины от 19 ноября 1992 года № 2805-XII «О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, которые были репрессированы за пределами республики и проживают на территории Украины».

— Закон Республики Молдова от 8 декабря 1992 года № 1225-XII «О реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 года — 23 июня 1990 года)».

— Постановление Парламента Республики Молдова от 8 декабря 1992 года № 1226-XII «О введении в действие Закона о реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 года — 23 июня 1990 года)».

— Указ Президента Российской Федерации от 15 декабря 1992 года № 1562 «О создании фонда «Российские немцы».

— Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 декабря 1992 года № 759 «Об утверждении Положения о порядке выплаты денежной компенсации жертвам политических репрессий 1920—1980-х годов, реабилитированным в соответствии с решениями Верховного Совета Республики Беларусь».

— Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4185-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1993. № 1. Ст. 21.

— Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 декабря 1992 года № 775 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Белорусской ССР от 29 декабря 1990 года № 349».

— Постановление Президиума Республики Туркменистан от 30 декабря 1992 года № 1088 «О льготах гражданам, пострадавшим от репрессий в 1920—1950-х годах».

1993 год

— Постановление Правительства Российской Федерации от 3 января 1993 года № 1 «О неотложных мерах по государственной поддержке социально-экономического развития Республики Калмыкия — Хальмг Тангч».

— Постановление Кабинета Министров Украины от 18 февраля 1993 года № 112 «О внесении изменений и дополнений в Положение о порядке выплаты компенсаций, возврата имущества или возмещения его стоимости реабилитированным гражданам и в Положение о комиссиях Советов народных депутатов по вопросам восстановления прав реабилитированных».

— Закон Республики Молдова от 13 марта 1993 года № 1358-XII «О реабилитации и уравнении в правах граждан Республики Молдова, участвовавших во Второй мировой войне».

— Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4721 «О реабилитации российских корейцев».

— Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий».

— Распоряжение Главы Грузинской Республики от 18 мая 1993 года № 106 «Об урегулировании некоторых социальных проблем депортированных месхов».

— Постановление Совета Министров-Правительства Российской Федерации от 10 июня 1993 года № 546 «О социально-экономической поддержке балкарского народа».

— Постановление Правительства Республики Молдова от 23 июня 1993 года № 388 «О мерах по реализации Закона Республики Молдова «О реабилитации и уравнении в правах граждан Республики Молдова, участвовавших во Второй мировой войне».

— Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 29 июня 1993 года № 5291 «О реабилитации российских финнов».

— Закон Российской Федерации от 3 сентября 1993 года (О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». — *В.Б.*).

— Постановление Совета Министров-Правительства Российской Федерации от 30 октября 1993 года № 1100 «О мерах по реабилитации карачаевского народа и социально-экономической поддержке Карачаево-Черкесской Республики».

— Директива Генерального штаба Вооруженных Сил России от 16 декабря 1993 года № 315/1/00350 (Об ограничениях при приеме на военную службу запасников из числа восстановленных в правах граждан. — *В.Б.*).

— Постановление Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года № 3812-XII «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

— Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 1993 года № 2290 «О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения и развития».

1994 год

— Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 1994 года № 448 «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития».

— Указ Президента Украины от 14 апреля 1994 года «О мероприятиях по ознаменованию памяти жертв депортации из Крыма».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1994 года № 355 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 3 мая 1994 года № 419 «Об утверждении Положения о порядке предоставления

льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий».

— Постановление Верховного Совета Республики Армения от 25 мая 1994 года «О принятии законопроекта «О репрессированных лицах».

— Закон Кыргызской Республики от 27 мая 1994 года «О правах и гарантиях реабилитированных граждан, пострадавших в результате репрессий за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам».

— Указ Президента Российской Федерации от 30 мая 1994 года № 1107 «О мерах по реабилитации карачаевского народа и государственной поддержке его возрождения и развития».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 1994 года № 616 «О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства».

— Закон Республики Армения от 14 июня 1994 года «О репрессированных лицах».

— Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 1994 года № 487 «О порядке определения стоимости строений и сооружений, изъятых у граждан в ходе репрессий 1920—1980-х годов».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 года № 926 «Об утверждении Положения о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации».

— Постановление Кабинета Министров Республики Грузия от 23 августа 1994 года № 589 «О репатриации лиц, депортированных в 1944 году из Самцхве-Джавахетии».

— Закон Республики Молдова от 23 ноября 1994 года № 296-XIII «О толковании отдельных положений Закона о реабилитации жертв политических репрессий».

— Закон Республики Молдова от 23 ноября 1994 года «О внесении изменений и дополнений в Закон о реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 года — 23 июня 1990 года)».

— Постановление Правительства Республики Армения от 29 ноября 1994 года № 551 (О порядке выдачи свидетельства лицам, имеющим статус репрессированных, или их первоочередным наследникам. — *В.Б.*).

1995 год

— Указ Президента Российской Федерации от 24 января 1995 года № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период».

— Постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 7 августа 1995 года № 423 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 1994 года № 487».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 9 октября 1995 года № 988 (О дополнениях к утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 года № 926 Положению о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации. — *В.Б.*).

— Федеральный Закон Российской Федерации от 4 ноября 1995 года № 166-ФЗ (О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». — *В.Б.*).

1996 год

— Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 года № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий».

— Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 1996 года № 374 «О федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие и национально-культурное возрождение балкарского народа в 1996—2000 годах».

— Указ Президента Российской Федерации от 23 апреля 1996 года № 602 «О дополнительных мерах по реабилитации жертв политических репрессий».

— Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 1996 года № 811 «О дополнительных мерах по обеспечению реабилитации российских немцев».

Источники

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 11. Ст. 302.

Собрание постановлений Правительства СССР. 1991. № 16—17. Ст. 69.

Немцы России: Энциклопедия. М.: 1999. Т. 1. С. 697—702.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1933 гг. М., 1989.

Льготы и компенсации для жертв политических репрессий: Документы. Комментарии. Разъяснения// Б-ка «Российской газеты». 1997. № 4.

Полян П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Государство и право. 1992. № 6. С. 17—18.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 133, 139.

«Молодая гвардия». 1993. № 4. С. 214.

«Социологические исследования». 1991. № 1. С. 5—26.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Раздел I. Спецпоселения и спецпоселенцы

§ 1. Сталинская «школа интернационализма» (идеология и статистика) 15
§ 2. Основные этапы в истории спецпоселений 55
§ 3. Инфраструктура спецпоселения 78
§ 4. Спецпоселенцы в Кировской области: размещение, трудоустройство, настроения 94
§ 5. Ссыльные в Кировской области 110
§ 6. Особенности правовых документов о спецпереселениях и положении спецпоселенцев 119
§ 7. Освобождение спецпоселенцев 158

Раздел II. Кулацкая ссылка

§ 1. «Великий перелом»: люди и этапы 187
§ 2. Царь-голод 219
§ 3. Жизнь в спецпоселке 231
§ 4. Дело беглого кулака 242
§ 5. Размывание «кулацкой ссылки» 259

Раздел III. Российские немцы в лагерях и на спецпоселении

§ 1. Горькая судьба российских немцев 307
§ 2. Трудовая армия 347
§ 3. «Трудармейцы» в Вятлаге 389
§ 4. Коммунисты и комсомольцы в лагере 426
§ 5. На учете спецпоселения 445
§ 6. Под прицелом репатрианты 475
§ 7. Людские судьбы 494

Раздел IV. Прибалты в лагерях и на спецпоселении

§ 1. Три операции разных лет ... 515
§ 2. Латыши в Вятлаге ... 542
§ 3. Тернистый путь Артура Страдиньша ... 570
§ 4. Эстонцы в спецпоселениях ... 586
§ 5. Синегорские организованные сааремцы ... 601

Раздел V. Народы в изгнании

§ 1. Война и особенности спецпереселений ... 621
§ 2. Поляки ... 632
§ 3. Крымские татары ... 650
§ 4. «Власовцы» ... 658
§ 5. Калмыки ... 675

Заключение ... 682

Источники и литература ... 684
Список документов, приведенных в книге ... 689

Приложение

Государственные деятели СССР и ответственные работники ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ СССР, инициировавшие массовые принудительные депортации и руководившие системой спецпоселений (1930—1960-е годы) ... 693
Перечень некоторых официальных актов государственных и партийных органов СССР и наследующих ему государств по вопросам принудительных миграций (поселений, спецпереселений, ссылки, высылки) или их последствий (1919—1990-е годы) ... 720

Victor Berdinskikh
«The Deported (The political exile of Russian Ethnic Minorities)»

Fourteen peoples of Soviet Russia were entirety deprived of their rights and sent to Siberia, Kazakhstan and the Far North. This was political exile. Nearly two million Russian Germans were deprived of their freedom and deported. Kalmyks, Crimean Tatars and several of the peoples of the Caucasus also were removed from their Motherland.

Moreover part of the population of the western regions of the Soviet Union — Latvians, Estonians, Poles, Ukrainians — was also sent to Siberia and Kazakhstan. The book describes in details the system of the terror and the life of people in the conditions of Twentieth-century slavery.

Виктор Аркадьевич Бердинских

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ

Политическая ссылка народов Советской России

Редактор *С. Иванов*
Дизайнер обложки *П. Конколович*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http://www.nlo.magazine.ru

ISBN 5-86793-357-1

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 48. Тираж 1500 экз. Заказ № 706.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

HISTORIA ROSSICA

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА НАРОДОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Книга известного российского историка, доктора исторических наук В.А. Бердинских посвящена закрытой доселе странице российской истории XX века – депортации (массовой высылке) целых народов в 1930-е – 1940-е годы и системе спецпоселений. Если о миллионах заключенных сталинских лагерей писали достаточно много, то о "ссыльных народах" – российских немцах, калмыках, крымских татарах, раскулаченных русских крестьянах – исторической литературы практически нет. В книге на основе архивных данных, других уникальных материалов исследуется как механизм депортации, так и сама система спецпоселений. Русский Север, Казахстан и Сибирь – места размещения выселенных народов. Последствия сталинских акций раскрестьянивания и национального унижения миллионов людей остро ощущаются и в современной жизни России.

ISBN 5-86793-357-1